

66.1(2)

Д 691

ека журнала

альтернативы

...21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 **33** 34 35 ...

Дорога к свободе

**Критический марксизм
о теории и практике
социального
освобождения**

**Размышляя
о марксизме**

Книга посвящена актуальной и малоисследованной проблеме обществоведения: взаимосвязи социализма и свободы. Ее авторы, стоящие, как правило, на позициях критического марксизма, стремятся показать и доказать, что социализм и свобода — во многом тождественные понятия. Одновременно они обосновывают противоположность идей «социализма» и «тоталитаризма». Читатель найдет в книге много интересных и дискуссионных вопросов, связанных с осмыслением истории советского социализма, с его «опережающей» время культурой и творчеством масс. В книге объясняются причины падения советской модели социализма и предлагается обоснование современной теории социализма как результата становления постиндустриальной эпохи.

Привлекут читателя и вопросы развития современного капитализма, а также материалы, посвященные анализу стратегии и тактики левого движения в России, реакции политической власти, праворадикальных и неонацистских групп на кризисные явления в российском обществе. Особого внимания заслуживают суждения авторов книги, посвященные современным проблемам «новой» и «электронной» демократии, повышению роли Интернета и социальных сетей в совершенствовании демократических институтов, развитию прав и свобод граждан.

Книга во многом носит проблемный и дискуссионный характер, но именно эта особенность придает ей новизну и оригинальность.

Размышляя о марксизме

Библиотека журнала «Альтернативы»

ФОНД «АЛЬТЕРНАТИВЫ»

ДОРОГА К СВОБОДЕ

*Критический марксизм
о теории и практике
социального освобождения*

Под общей редакцией Б. Ф. Славина

URSS

МОСКВА

Редакционная коллегия:

д. э. н. А. В. Бузгалин; д. ф. н. Л. А. Булавка; д. э. н. М. И. Воейков;
д. э. н. А. И. Колганов; к. ф. н. Г. Ш. Аитова (уч. секретарь);
д. ф. н. Б. Ф. Славин (редактор); к. э. н. А. А. Сорокин.

Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. Б. Ф. Славина. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — 688 с. (Размышляя о марксизме; Библиотека журнала «Альтернативы».)

Книга посвящена актуальной и малоисследованной проблеме обществоведения: взаимосвязи социализма и свободы. Ее авторы, стоящие, как правило, на позициях критического марксизма, стремятся показать и доказать, что социализм и свобода — во многом тождественные понятия. Одновременно они обосновывают противоположность идей «социализма» и «тоталитаризма». Читатель найдет в книге много интересных и дискуссионных вопросов, связанных с осмыслением истории советского социализма, с его «опережающей» время культурой и творчеством масс. В книге объясняются причины падения советской модели социализма и предлагается обоснование современной теории социализма как результата становления постиндустриальной эпохи.

Привлекут читателя и вопросы развития современного капитализма, а также материалы, посвященные анализу стратегии и тактики левого движения в России, реакции политической власти, праворадикальных и неонацистских групп на кризисные явления в российском обществе. Особого внимания заслуживают суждения авторов книги, посвященные современным проблемам «новой» и «электронной» демократии, повышению роли Интернета и социальных сетей в совершенствовании демократических институтов, развитию прав и свобод граждан.

Книга во многом носит проблемный и дискуссионный характер, но именно эта особенность придает ей новизну и оригинальность.

Книга рассчитана на тех, кто интересуется философскими и социально-политическими вопросами, теорией и историей социализма и свободы.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Формат 60×90/16. Печ. л. 43. Зак. № ВС-59.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-0570-4

© Коллектив авторов, 2013

13558 ID 170520

9 785971 005704

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

Авторы	5
Предисловие (Б.Ф. Славин)	6
9	Раздел 1. Социально–философское измерение свободы
<i>В.М. Межуев.</i> Свобода в социально-исторической перспективе	10
<i>Л.К. Науменко.</i> Детерминизм и свобода: материализм экономический и материализм гуманистический	38
<i>А.В. Бузгалин.</i> По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода	80
169	Раздел 2. Метаморфозы реального социализма и вызовы свободы
<i>Б.Ф. Славин.</i> Реальный социализм: рождение свободы и преодоление тоталитаризма	170
<i>Л.А. Булавка.</i> Массы и свобода: творчество vs бунт	229
<i>М.И. Воейков.</i> Советская история: пределы свободы выбора	271
<i>А.И. Колганов.</i> Уроки прошлого и теория современного социализма	311
337	Раздел 3. Современный капитализм: борьба за свободу и демократию
<i>Р.С. Дзарасов.</i> Капитализм против демократии	338

А.А. Галкин. Фашизм как болезнь общества: тени прошлого и современность	384
Ю.А. Красин. Демократия в эпоху «большого переформатирования»	408
Б.Б. Славин. Электронная демократия и человек	424
А.В. Бузгалин. От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям	435
С.С. Дзарасов. Единство левых сил – путь к свободе и демократии в России	492

529   Раздел 4. Размышляя над книгами

Г.Г. Водолазов. Социализм 21: новое прочтение	530
Б.Ф. Славин. «Либеральный социализм» Карло Россели и марксизм	605
А.В. Бузгалин. Коммунизм как практический вызов: к критике Славоя Жижека	635
Библиография	675

Авторы

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор МГУ, главный редактор журнала «Альтернативы».

Булавка Людмила Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Российского института культурологии.

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН.

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор МГЛУ.

Галкин Александр Абрамович – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Института социологии РАН.

Дзарасов Руслан Салтанович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН.

Дзарасов Салтан Сафарбиевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Колганов Андрей Иванович – доктор экономических наук, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ.

Красин Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом НИИ социологии РАН.

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Науменко Лев Константинович – доктор философских наук, профессор, автор журнала «Альтернативы».

Славин Борис Борисович – кандидат физико-математических наук, член правления Союза АйТи директоров России.

Славин Борис Федорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, помощник президента Горбачев-фонда.

Предисловие

Данная книга посвящена актуальной и малоисследованной проблеме – взаимосвязи социализма и свободы. В свое время ее затрагивали либералы, но обходили марксисты. В настоящей книге, написанной с позиций критического марксизма, этот недостаток во многом восполняется.

Крушение реального социализма в СССР и странах Восточной Европы заставило авторов книги еще и еще раз осмыслить причины этого явления. Они считают, что сегодня необходимо прояснение и уточнение самого понятия «социализм», которое во многом было извращено представителями сталинской школы фальсификации марксизма и советской истории. Именно эта школа доказывала, что тоталитарный режим Сталина и его идеология есть якобы «высшее достижение марксистской мысли», «творческое развитие теории и практики социализма», «реализация идей свободы и гуманизма». И все это говорилось, несмотря на незаконные массовые репрессии данного режима, сделавшего все от него зависящее, чтобы свести личность человека к простой исполнительской функции безликой государственной машины. Ясно, что при таком режиме не социализм был для человека, а человек для якобы социализма. В итоге была дискредитирована гуманистическая суть социалистического идеала как последовательного освобождения человека от наемного рабства и вытекающего из него социального, политического и нравственного унижения миллионов людей. Думаю, правы те, кто считает, что тоталитарный режим Сталина фактически воспроизвел на практике знаменитую легенду Достоевского о Великом инквизиторе, утверждавшего, что народ не нуждается в свободе: ему нужны для счастья лишь сытость и слепая вера в авторитет.

Сегодня такая уродливая и реакционная форма социализма постоянно используется противниками марксизма для дискредитации всего социалистического учения. Неслучайно, известный западный

либерал–консерватор Фридрих Хайек назвал свою сугубо антисоциалистическую книгу «Дорогой к рабству». Однако эта, во многом классово ангажированная книга ничего общего с подлинно научным пониманием социализма не имеет. В действительности для Маркса, Энгельса, Ленина и их идейных последователей социализм всегда был «Дорогой к свободе». Только находясь на такой дороге, человек и его свободное всестороннее развитие становятся целью истории.

По сути дела, именно эта аутентичная марксистская идея определила название и основное содержание рассматриваемой книги, в которой ее авторы с различных позиций стремятся показать и доказать, что социализм и свобода во многом тождественные понятия. Одновременно они подчеркивают полную противоположность идей «социализма» и «тоталитаризма», отождествление которых является типичной чертой современного неолиберального сознания.

Не ограничиваясь методологическим и теоретическим аспектом исследования проблем социализма и свободы, которыми во многом пронизан первый и частично второй разделы книги, авторы останавливают свое внимание на анализе актуальных проблем «реального социализма» и «реального капитализма». Читатель здесь найдет много интересных и дискуссионных идей, связанных с осмыслением истории советской модели социализма с её социальным творчеством масс и «опережающей» культурой, с трактовкой постсоветского социализма как результата становления постиндустриальной эпохи и многих других малоисследованных проблем марксистской общественной мысли.

Привлекут читателя и вопросы развития современного капитализма, включая статьи, посвященные, в частности, первому глобальному финансово–экономическому кризису и таким его социально–политическим последствиям, как недавние революции в Арабском мире, незатихающие протесты трудящихся в Европе, новое массовое движение «Оккупируй Уолл–стрит» и т.д. Не менее интересны материалы книги, посвященные анализу стратегии и тактики левого движения в России, реакции политической власти, праворадикальных и неофашистских групп на продолжающиеся кризисные явления в обществе.

Особенно заслуживают внимания суждения авторов книги, посвященные современным проблемам «новой» и «электронной» демократии, повышению роли СМИ, Интернета и социальных сетей в совершенствовании институтов современной демократии. В этой связи

для отечественного и зарубежного читателя будет интересно узнать, как оценивается марксистской наукой быстрое становление и развитие за последние годы гражданского общества в России, проявляющееся в массовых протестах российских граждан против фальсификации парламентских и региональных выборов, непрекращающейся коррупции во властных структурах и незаконных преследованиях ряда активных представителей политической оппозиции. Исследование этих и других схожих проблем особенно актуально в свете наметившегося «левого поворота» в общественных отношениях, связанного с очевидным банкротством неолиберальных реформ в России и мире, экономическими успехами КНР и приходом к власти социалистически ориентированных правительств в Латинской Америке.

Для тех, кто проявляет интерес к социалистической литературе и новым публикациям в этой области, будет интересен четвертый раздел данной книги, где представлены аналитические и критические размышления и рецензии авторов книги по поводу «Либерального социализма» Карло Россели, взглядов известного левого теоретика Славоя Жижека, посвященных коммунистической идее. В книге также подробно анализируется коллективный труд представителей постсоветской школы критического марксизма под названием «Социализм 21». Следует заметить, что многие из авторов этого труда являются участниками и настоящей книги.

Несмотря на определенное идейное единство взглядов авторов, она во многом носит проблемный и дискуссионный характер, но именно эта особенность придает ей новизну и оригинальность.

Книга рассчитана на тех, кто интересуется философскими, социальными и политическими вопросами, связанными с теорией и историей свободы и социализма, актуальными проблемами развития современной капиталистической системы и быстро растущего массового протестного движения в России и мире.

Б. Ф. Славин

Раздел 1

Социально–философское измерение свободы

«Общественная собственность делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, богатство которого заключено в его собственном индивидуальном развитии. Но тогда она – не экономическая, а культурная категория. Переход к ней знаменует переход не к свободной экономике (рыночной или какой–то другой), а к свободе от экономики, освобождение человека от навязанных ему экономикой функций и ролей».

Вадим Межуев

«Решение загадки истории» – это возникновение нового типа деятельности, такой, когда само общественное бытие людей оказывается предметом их деятельности, а сами они общественными деятелями. А это возможно только тогда, когда они сообща владеют научными знаниями, знаниями законов общественного бытия, и эти знания предшествуют их общественной деятельности. Поэтому и социализм возможен только как «общество знаний».

Лев Науменко

«В условиях социальных революций историческое время несется необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) широких масс, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории прямо и непосредственно (вне барьеров отчуждения)».

Александр Бузгалин

В.М. Межуев

Свобода в социально-исторической перспективе

1. Свобода как общественная ценность

О свободе написаны горы книг, в которых она рассматривается с разных позиций и сторон — философской, религиозной, научной, правовой, моральной и пр. Уже одно это свидетельствует о том, что свобода относится к числу *фундаментальных ценностей* человеческого существования. Человек, осознавший ценность свободы, испытывает при ее отсутствии чувство дискомфорта, собственной неполноценности, невосполнимой утраты. С какого же момента свобода становится для него такой ценностью? Мнение о том, что она была для него ценностью во все времена, не кажется мне слишком убедительным.

Большую часть истории люди даже не подозревали о существовании свободы или не придавали ей существенного значения. Для многих и сегодня она либо мало что значит, либо является тяжелым бременем, от которого лучше всего избавиться (феномен, описанный Э. Фроммом в его знаменитой книге «Бегство от свободы»). А разве в России свобода для всех стала наиболее ценным благом? Судя по социологическим опросам, семья, материальный достаток, карьера, судьба близких людей для большей части населения более важны, чем личная свобода. И как часто можно услышать, что не свобода, а что-то совсем другое является ценностью для русского человека.

Считается, что человек от природы наделен свободой, является свободным по факту своего рождения. «Человек рождается свободным, а умирает в оковах» — начинает свой знаменитый трактат Ж.-Ж. Руссо. Возможно и так, но что заставляет его дорожить своей свободой? Ведь, будучи от природы разумным существом, он далеко не всегда ценил свой разум выше того, что, например, открывалось ему в мифе или опыте религиозного откровения. До признания ценности собственного разума еще надо дорасти. Сходным образом обстоит дело и со свободой. Человек, возможно, свободен от рождения, но при отсутствии у него ценности свободы почему-то легко смиряется с ее ограничением и даже подчинением чужой воле.

В статье «Рождение свободы» русский историк и философ Г.П. Федотов усмотрел прямую связь между свободой и определенным типом культуры. Свою статью он начинает с уже цитированных слов Руссо, но полагает, что Руссо ошибался, считая свободу природным даром. В природе нет никакой свободы. Человек создан для свободы – это верно, но отнюдь не рождается свободным. Вопреки мнению Руссо, свобода – плод не природы, а культуры, причем не любой, а ее наивысшего типа. «Свобода есть поздний и тонкий цветок культуры»¹, что не умаляет ее первостепенной ценности («драгоценности», по выражению Федотова) для человека. Мы, считает Федотов, обнаруживаем свободу только в «нашей цивилизации» и в «нашем времени», хотя вопрос о том, что считать «нашим», требует, конечно, пояснения. Во всяком случае, свободу как «основу общественной жизни» нельзя обнаружить даже в Древней Греции. Греки, по словам Федотова, понимали под свободой независимость своего города-государства и его демократическое самоуправление, но не свободу отдельной личности от государства. «Это была свобода для государства, на которую не могли притязать ни личность, ни меньшинственная группа»². В России же, писал Федотов, «нет мучительнее вопроса, чем вопрос о свободе», учитывая, что «прошлое России как будто не дает оснований для оптимизма»³. Но у кого тогда впервые рождается осознание ценности своей личной свободы?

«Свобода каждого как условие свободы всех» грекам, конечно, неведома, что, однако, не отрицает ее признание ими в качестве условия существования особой группы людей. «Свободнорожденными» они считали только эллинов, т.е. самих себя, и то лишь тех, кто посвятил себя занятиям философией, политикой или искусством. Примером жизни свободного человека служил им в первую очередь философ (так думал Платон), погруженный в мир чистой мысли и вечных истин. Однако свобода философа ограничена лишь царством мысли, не распространяется на практические дела и поступки. Тех, кто способен не только мыслить, но и действовать в свободе, побуждаемый заботой не о своей личной пользе, а об общем благе, греки называли политиками, относя к ним всех граждан полиса, принимающих законы и решения по общему согласию. К философу и поли-

¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. ПБ. 1992. С. 253.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 276.

тику Аристотель добавит художника, способного бескорыстно наслаждаться чувственной, телесной красотой. Все три являют собой образ жизни свободного человека, не зависящего от жизненной нужды и ею созданных обстоятельств. Им противостоят те, кто занят полезным трудом – либо по собственной воле (земледельцы и ремесленники), либо по принуждению (рабы и домашние слуги), кто, иными словами, действует в силу необходимости своего физического выживания и воспроизводства или является послушным исполнителем чужой воли. Свобода здесь – привилегия немногих, обеспечиваемая несвободой большей части человечества, занятой производительным трудом. И таковой она остается вплоть до нашего времени¹.

Но чем является свобода в своем собственном качестве, что отличает ее как от природной необходимости, так и от божественного предопределения? В разные времена философы по-разному отвечали на этот вопрос, но с философского понимания свободы и следует, видимо, начинать разговор на данную тему.

Уже греки называли свободой все то, что существует (действует, движется) в силу внутренней причины (в отличие от того, что является следствием внешней причины), т.е. обладает свойством самодетерминации, причины самой себя («*causa sui*»), называемой иначе субстанцией (первопричиной). Так, Аристотель отличал финальную, или целевую, причину («*causa finalis*») от действующей причины. Создавая, например, какое-то произведение, мы являемся его действующей (внешней) причиной, но если оно создается нами с какой-то целью, то мы оказываемся его целевой (внутренней) причиной. Действие согласно цели и было осознано впоследствии как свободное действие. С возникновением естествознания Нового времени, исключившего из природы какие-либо цели, действия по цели станут относить не к природе, а к культуре, а культура в противоположность природе – этого «царства необходимости» – будет осознана как «царство свободы». Согласно знаменитому определению культуры, данному Кантом, «приобретение разумным существом возможности

---

¹ «Свобода, – по словам З. Баумана, – родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свобода делит и разделяет. Она отделяет лучших от остальных. Свою привлекательность она черпает из различия: ее наличие или отсутствие отражает, отмечает и обосновывает контраст между высоким и низким, хорошим и плохим, желанным и отталкивающим» (Зигмунт Бауман. Свобода. М. 2006. С.22).

ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) – это *культура*»¹. Начиная с Канта, свобода станет рассматриваться в прямой связи с культурой (как прежде всего культурная ценность), в силу чего Канта по праву считают первым философом культуры.

Если свобода, согласно Канту, состоит в способности человека ставить любые цели, то, спрашивается, откуда у него берутся эти цели? Они могут, конечно, задаваться ему его чувственной, телесной природой, его желаниями и потребностями. В этом случае мы имеем дело с *интересами*, которые у разных людей разные. И преследуя свой интерес, индивид действует свободно, но в этом случае его свобода приходит в столкновение со свободой других. В мире интересов свобода одного реализуется за счет подавления свободы других. Чтобы такая свобода не вела к состоянию конфронтации и вражды, человек, как считал Кант, должен руководствоваться целью, которая укоренена в его не чувственной, а сверхчувственной (трансцендентальной) природе, лежащей за пределами любого чувственного опыта. Такая цель диктуется человеку самим разумом, является разумной целью, свободной от всякой чувственной заинтересованности. Сам Кант, как известно, считал такой целью исполнение человеком своего нравственного долга, как он предстает в форме категорического императива. В любом случае человек обретает свободу, делая целью самого себя, т.е. в качестве разумного существа, пусть до определенного времени и подчиняющего свой разум интересам собственного физического выживания и воспроизводства. Если животное побуждается к действию внешними причинами, заложенными в его организме самой природой, то человек – целями, которые могут и не совпадать с его органическими потребностями. Но как объяснить саму способность человека действовать разумно, т.е. в свободе? Подобное объяснение следует искать, видимо, не в природе, а в обществе, точнее, в общественной природе человека и важно понять, в чем именно состоит эта природа.

Только в качестве общественного существа человек испытывает потребность в свободе, из чего никак не следует, что любое общество делает его свободным. Наоборот, во всех до сих пор существовавших обществах человек никогда не был до конца свободным, полностью или частично зависел от других. И можно ли, живя в обществе, быть свободным от общества? Очевидный отрицательный ответ на этот

¹ Кант И. Сочинения в 6-и т. М. 1966. Т.5. С. 464.

вопрос ставит, казалось бы, под сомнение любую попытку усматривать в обществе источник свободы. Общество, скорее – враг свободы, заставляя каждого считаться с другими, умирять свои желания и порывы, быть таким, как все. Оно либо ограничивает свободу, либо делает ее привилегией для немногих. Для многих современных философов именно общество – наиболее враждебная свободе сила. По словам Сартра, «ад – это другие». Свобода – первое, чем жертвует человек ради жизни в обществе. Потому и обретается она посредством ухода человека из общества в некое «пограничное состояние» между жизнью и смертью, над которым уже никто не властен. Как же в таком случае согласовать тезис об общественном происхождении свободы с очевидным фактом ее отсутствия или ограничения во всех известных нам обществах?

Заметим, что речь идет в данном случае об обществах, как они до сих пор реально представляли в истории. Все они, конечно, отличаются друг от друга по степени предоставляемой человеку свободы, но ни одно не стало эталоном подлинно свободного общества: каждое по-своему ограничивает свободу. Но отсюда следует иной вывод, чем тот, согласно которому общество и свобода – взаимоисключающие понятия. Любое ограничение свободы говорит лишь о том, что человек не является еще полноценным общественным существом, не живет подлинно общественной жизнью, находится в процессе ее становления, в чем, собственно, и состоит его история. О том, чем является свобода по своей сути, нельзя, следовательно, судить на основании любого общества, в котором живет человек. Наличие множества таких обществ указывает лишь на то, что ни одно из них, ни даже все они вместе не стали пока адекватным воплощением человеческой свободы, и, следовательно, не могут считаться обществом в подлинном смысле этого слова. Процесс создания такого общества далеко не завершен, в ином случае история, действительно, закончилась бы.

Но как, живя в обществе, можно все-таки обрести свободу? Отвечая на этот вопрос, греки и открыли пространство политики, или «полиса», которую они отличали от хозяйственной и домашней жизни, названной ими «ойкосом». Только в качестве «политического животного», т.е. существа, живущего в полисе, индивид обретает свободу. За пределами полиса люди вынуждены подчиняться довлеющей над всем живым естественной необходимости физического выживания и биологического воспроизводства. Время «полиса» тем и отличается от времени «ойкоса», что позволяет человеку заполнить его

делами и поступками, способными обессмертить его имя, прославить в веках, сохранить в памяти потомков. Это время не физически конечной, а вечной жизни, пусть только духовно вечной, но могущей продолжиться в новых поколениях. Оно позволяет человеку жить если не вечно, то в вечности, причем не только на том, но и на этом свете.

Такую жизнь греки и называли *свободой*, понимая под ней не вообще свободу человека от времени, дарующую ему физическое бессмертие, а его свободу от повседневных трудов и забот ради физического выживания и продолжения рода. Свобода есть удел тех, кто ради истины и красоты способен «пренебречь земною пользой». Она дарована не любому из смертных, а только избранным – тем, кто способен жить (мыслить и действовать) в царстве логоса.

Правда, уже христианство распространит свободу, понятую как свобода воли, на всех людей. Однако в христианском вероучении свобода дарована человеку Богом с единственной целью – чтобы тот добровольно и без всякого принуждения исполнял Его волю. Любое своеволие – источник греха, путь к Сатане, как о том свидетельствует вся история человеческого грехопадения. Позитивный, творчески созидательный смысл человеческой свободы будет осознан лишь гуманистами эпохи Возрождения. Но и здесь свобода остается привилегией особой группы лиц, занятой преимущественно в сфере мысли, политики и искусства.

Пришедшая вслед за Возрождением Реформация (особенно в своей кальвинистской ветви) поставит производительный труд в центр человеческой жизни, увидит в нем единственный путь к его духовному спасению, религиозно освятит его. Труд для протестантов, по словам Макса Вебера, является «абсолютной самоцелью, «призванием»¹. «Такое отношение к труду, – подчеркивает он, – не является, однако, свойством человеческой природы», а есть результат «длительного процесса воспитания»². Религиозная ценность труда совпадает в глазах протестанта с его экономической эффективностью, со способностью приносить прибыль, измеряемую в денежных единицах. Время, в течение которого делаются деньги, становится главным временем человеческой жизни. «Помни, что время – деньги», цитирует Вебер слова Бенджамина Франклина, поясняя при этом: «Приоб-

---

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С. 82.

² Там же.

ретение денег – при условии, что оно достигается законным путем – является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деловитости человека, следующего своему *призванию*, а эта *деловитость*, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина¹. Это и есть «дух капитализма». Его истоком служит этика протестантизма, превратившая «делового человека» (человека, делающего деньги) в существо, наиболее угодное Богу, в носителя христианской нравственности и морали. Уже раннее христианство возложило на человека личную ответственность за время, дарованное ему Богом. Протестантская этика усмотрит эту ответственность не в исполнении церковных обрядов, а в служении своему делу, приносящему вполне осязаемый доход.

Соответственно деятельность людей свободных профессий, ранее пользовавшаяся особым почетом и уважением, теперь предельно обесценивается, объявляется пустой тратой времени. Труд, не приносящий доход, экономически непроизводителен, а кто занимаются таким трудом, если не вовсе бездельники, которых желательно сократить до минимума, то в лучшем случае слуги (подобно официантам и лакеям) тех, кто способен содержать их за собственный счет. В период зарождения буржуазного общества подобное отношение к свободным профессиям открыто демонстрируется не только самими предпринимателями, но и экономистами, выражающими их интересы в теоретической форме. В своих экономических рукописях Маркс цитирует слова А. Смита, относящиеся к представителям этих профессий: «Они – *слуги общества* и содержатся на часть годового продукта *труда других людей*... К этому же классу должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т.д.»². Маркс комментирует эти слова следующим образом: «Это – язык еще революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство и т.д. Все эти трансцендентные профессии, искони пользовавшиеся почетом, – государь, судьи, офицеры, попы и т.д., – вся совокупность порожденных ими старых идеологических сословий, все принадлежащие к этим сословиям ученые, магистры и попы... экономически приравниваются к толпе собственных лакеев и шутов буржуазии, которые содержатся ею и представителями праздного

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С. 76.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 296.

богатства – земельными собственниками и праздными капиталистами. Они просто слуги общества, подобно тому как другие – их слуги. Они живут на продукт *труда других людей*. Поэтому их число должно быть сокращено до неизбежного минимума»¹. Впоследствии, когда капитализм встанет на ноги, отношение к духовному труду, конечно, изменится и буржуазия попытается по-своему оправдать его право на существование. Но и в этом случае он будет пониматься как просто услуга, оплачиваемая из доходов от капитала, т.е. как экономически непроизводительный вид деятельности.

2. Свобода в либеральной и социалистической перспективе

Новое время коренным образом изменит отношение к частной – трудовой, семейной, предпринимательской – сфере жизни, до того выносимой за пределы свободы. Если греки понимали под свободой свободу от домашнего труда и хозяйства, позволяющую заниматься политикой, философией и искусством, а под несвободой – власть главы семейства над домохозяцами, слугами и рабами, то теперь свобода стала отождествляться с частной жизнью и частной собственностью, а несвобода – с государством, власть которого надо по возможности ограничить. Частное, ставшее общественным, возвестило о возникновении общества в современном смысле этого слова. Этому соответствовала и качественная трансформация общественного сознания: на смену политической науке древних пришла политическая экономия (древним и в голову не приходило отождествлять экономику с политикой), делающая своим предметом «народное хозяйство» – новый тип социальной общности людей².

Но что в таком обществе следует считать свободой? Именно в этом пункте завязывается главный спор Нового времени – спор между либерализмом и социализмом. Оба они разделяют установку на свободу как высшую человеческую ценность, хотя по-разному пони-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 296–297.

² «...С возникновением общества в Новое время, т.е. с выходом «домохозяйства» и «экономических» видов деятельности в пространство общественного, само ведение хозяйства и все занятия, прежде принадлежавшие частной сфере семьи, теперь касаются всех, т.е. стали «коллективными» заботами» (Ханна Арендт. *Идеи, акция, власть*. М.: Центральный дом культуры молодежи. С. 45).

мают и трактуют ее. Для либерализма ценность свободы исчерпывается свободой *частного лица*, для социализма (и коммунизма) она тождественна *индивидуальной* свободе, что далеко не одно и то же.

Чтобы разобраться в этом споре, следует в первую очередь отличать частное от индивидуального. Частник – частичный рабочий или частный собственник – это человек, равный части, продукт общественного разделения труда и собственности. Как индивидуальность человек равен не части, а целому, как оно представлено во всем богатстве человеческой культуры. Творцов культуры – мыслителей, художников, поэтов, людей науки и искусства – никак не назовешь частниками. В своем творчестве они предстают не как частные лица, а как личности со своим неповторимым авторским лицом. Только потому они способны создавать произведения, которые при всей своей уникальности обретают всеобщее значение. Если цивилизация с ее разделением труда приравнивает человека к части, то культура сохраняет его во всем своеобразии и целостности его духовного облика. Вот почему цивилизация и культура двигались до сих пор как бы по разным орбитам, не стыковались друг с другом.

Для либерализма цивилизация, родившаяся в Европе и обеспечившая победу частника во всех сферах жизни, стала высшим достижением и заключительным этапом человеческой истории; для социализма она – только ступень на этом пути, причем далеко не последняя. Либерализм возник как оправдание и обоснование этой цивилизации, социализм – как ее критика, переходящая порой в утопию. Последним словом либерализма стало пророчество о «конце истории», для социализма история, если понимать под ней историю человека, еще только начинается.

Из всех свобод либерализм особо ценит свободу частного предпринимательства. Его идеал – общество равных прав и возможностей, где каждый, если он достаточно трудолюбив и удачлив, может добиться жизненного успеха и общественного признания. Подобную свободу и обеспечивает защищаемое либерализмом право каждого на частную собственность. По этой логике, свободен лишь тот, кто владеет этой собственностью. В формулировке одного из творцов современного неолиберализма Милтона Фридмана данный тезис звучит следующим образом: «Сущность капитализма – частная собственность, и она является источником человеческой свободы»¹. Без

---

¹ Фридман Милтон. Капитализм и свобода. М. 2006. С. 12.

экономической свободы невозможна и свобода политическая. «С одной стороны, экономическая свобода сама по себе есть часть свободы в широком смысле. Поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода – это необходимое средство к достижению свободы политической»¹. Получается, что источник несвободы заключен в государстве, тогда как рынок, на котором создается и приобретается частная собственность, и есть «царство свободы».

Уже во времена Маркса подобное отождествление свободы с частной собственностью вызывало сомнение и резкое несогласие. Даже если частная собственность и делает человека существом, свободным от государства, насколько она освобождает его от тех, кто находится с ним в острой конкурентной борьбе за ту же собственность? Может ли экономическая конкуренция, означающая, по существу, экономическую войну, быть состоянием свободы? Тогда и просто войну следует считать свободой. Кто в ней победил, тот и свободен. Такая свобода мало чем отличается от «войны всех против всех», которую философы называли «естественным состоянием», предшествующим цивилизации, или просто варварством.

Есть и более серьезное возражение. Существование частных собственников, экономически свободных от государства, предполагает наличие людей – и таких большинство – свободных от всякой собственности, кроме своей рабочей силы, и потому вынужденных работать на тех, кто этой собственностью обладает. Как быть с ними? Считать их тоже свободными? Свобода торговать своей рабочей силой – тоже, конечно, свобода, но не от тех, кто ее покупает. Работа по найму есть все, что угодно, но не экономическая свобода. Экономическая свобода частного собственника влечет за собой экономическую несвободу значительно большей части населения. Они, конечно, уже не рабы, на труде которых греки основывали свою свободу, но и не полностью свободные люди. Идущее от греков деление людей на свободных и несвободных сохраняется здесь в полной мере.

Отождествление свободы с частной собственностью оказывается тем самым в противоречии с принципом фактического равенства людей: ведь далеко не каждый владеет этой собственностью в одинаковой мере. Либеральное требование равенства людей в их праве на собственность оборачивается в рыночной системе их фактическим

---

¹ Фридман Милтон. Капитализм и свобода. М. 2006. С. 12.

неравенством в тех же отношениях собственности. Подобное неравенство как бы закодировано в самом рыночном механизме реализации равного права. Все имеют право на собственность, но не все реально владеют ею, не говоря уже о том, что собственность конкретных лиц сильно разнится друг от друга. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. Даже если предположить, что в конкурентной борьбе на рынке побеждают наиболее достойные (что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда налицо нарушение принципа социального равенства.

Отсюда первоначально и родилась социалистическая оппозиция либерализму. Первые и еще незрелые концепции социализма, ставя задачу достижения фактического равенства, искали путь к нему в передаче собственности из частных рук в общее владение, которое и выдавалось за общественную собственность. Равенство, достигаемое посредством коллективного обобществления, и есть утопия уравнительного социализма. Такой социализм, по выражению Хайека, есть «путь к рабству». В нем все решается мнением большинства или акциями централизованного и бюрократического государства. Здесь вроде бы все равны, но никто не свободен. «То, что принадлежит всем, – справедливо полагает Фридман, – не принадлежит никому»¹. И сегодня многие связывают с социализмом именно эти совершенно еще примитивные представления о равенстве.

Принято считать, что либерализм защищает свободу в противовес равенству, социализм – равенство, часто за счет свободы. В результате оба создают ложную видимость возможности существования свободы без равенства (либеральная утопия свободы) и равенства без свободы (социалистическая утопия равенства). Эта видимость и сейчас владеет умами многих либералов и социалистов, сталкивая их в непримиримой борьбе.

Основополагающим для социализма, действительно, является принцип *общественной собственности*. Можно наделять социализм разными свойствами – гуманизмом, социальной справедливостью, равенством, свободой и пр., но это только слова, пока не выяснено главное – что такое общественная собственность. Широко распространенное в обыденном и даже теоретическом сознании отождествление общественной собственности с общей, или коллективной, как раз и перекрывает путь к пониманию свободы социализмом. Ведь

---

¹ Фридман Милтон. Капитализм и свобода. М. 2006. С. 31.

общей может быть и частная собственность (например, кооперативная, акционерная и пр.) и чем тогда общественная собственность отличается от частной? С уяснения данного различия и следует начинать разговор о свободе в ее социалистическом понимании.

Приходится удивляться, когда слышишь, что общественная собственность – это когда все общее, принадлежит всем. Достаточно объединить любые средства производства в руках многих, чтобы считать такую собственность общественной. Но что мешало тогда установить такую собственность на любом этапе истории? Почему теория запрещала обобществлять все подряд – соху, мотыгу, орудия ремесла, средства индивидуального и просто разделенного труда, хотя это и делали, не считаясь ни с какой теорией?

В советское время господствовало мнение, что общественная собственность при социализме существует в двух основных формах – государственной (она же – общенародная) и колхозно-кооперативной. Первая – более зрелая форма общественной собственности по сравнению со второй. Сегодня некоторые экономисты советской выучки, продолжая отстаивать идею общественной собственности, поменяли местами лишь знаки своего предпочтения: теперь они отдают преимущество «собственности трудовых коллективов», или кооперативной собственности, называя ее непосредственно общественной, тогда как собственность государства оценивается ими как опосредованная общественная собственность. Однако ни то, ни другое, по нашему мнению, не имеет отношения к общественной собственности.

Нельзя, во-первых, отождествлять общественную собственность с государственной. Любая ссылка на Маркса здесь не проходит. Подобное отождествление – чисто российское изобретение. Концентрацию собственности в руках государства Марк еще в «Философско-экономических рукописях» называл «грубым коммунизмом» – доведением до логического конца принципа частной собственности, превращающим все работающее население страны в наемных рабочих на службе у государства. Чуть позже Энгельс отождествил государство в качестве собственника общественного богатства с ассоциированным, или абстрактным, капиталистом. Это и произошло при Сталине. Созданный им государственно-монополистический социализм не надо путать с государственным капитализмом, возможность которого допускалась Лениным при переходе к социализму. Но Ленин, как и Маркс, никогда не отождествлял социализм с государственной

собственностью (хотя бы по причине разделяемого им вместе с Марксом убеждения в отмирании государства при социализме).

Так называемая политическая экономия социализма строилась во многом на сталинских догмах. Именно она возвела в ранг научного постулата сталинский миф о государственной собственности как синониме социализма. Большевики вообще предпочитали больше говорить о власти, чем о собственности, рассуждая по схеме – кто властвует, тот и распоряжается всем богатством. Никто в то время всерьез не задумывался о природе общественной собственности и всего, что с ней связано.

В равной мере не является общественной и собственность трудовых коллективов. Обобществление собственности в рамках отдельного предприятия юридически, конечно, вполне возможно, но это еще не общественная собственность. Подобное обобществление возможно и при капитализме в форме, например, производственных и сбытовых кооперативов, акционерных обществ и пр. Ленинский план построения «кооперативного социализма» не был реализован на практике и, как представляется, плохо согласуется с представлением Маркса об общественной собственности. Хотя Маркс и писал об «обществе ассоциированных производителей», берущих под свой контроль управление предприятиями, под общественной собственностью он понимал все же собственность, находящуюся не в распоряжении трудовых коллективов, а общества в целом. Управление вообще нельзя смешивать с собственностью. Дирижер управляет оркестром, но не владеет им. Отношения собственности не совпадают прямо с тем, что сегодня принято называть менеджментом – организацией, планированием и управлением производством.

Но если общественная собственность не является ни государственной, ни групповой, чем она является на самом деле? Простая передача собственности из частных в общие руки в лучшем случае носит характер формального, но не реального обобществления.

Частная собственность характеризуется не числом субъектов (если один, то частник, а если много, то уже не частник), а частично находящегося в их распоряжении богатства, наличием границы между своим и чужим – что принадлежит одному или нескольким лицам, не принадлежит другим лицам. Принципом частной собственности является *дележ* собственности на части, причем пропорция, в которой она делится, постоянно колеблется в зависимости от рыночной конъюнктуры. Царство дележа есть подлинное царство част-

ной собственности. Оно и породило мечту о равном дележе в ранних социалистических утопиях. Когда все станет общим, каждый сможет рассчитывать на равную со всеми долю общественного пирога. Принцип дележа сохраняется и здесь, но трактуется как уравнительный, распространяясь прежде всего на сферу распределения материальных благ. Равенство в достатке – самая возвышенная греза такого социализма. Его можно назвать также равенством в сытости, мечтать о котором вполне естественно в странах с хронической нищетой большинства населения.

Стоит ли специально говорить об иллюзорности этой мечты. Все мыслимые формы дележа не приведут к равенству, хотя бы потому, что люди разные, а значит, обладают разными потребностями и запросами. Даже распределение «по труду», в котором многие видят высшую форму социальной справедливости, есть остаток, «пережиток» защищаемого либерализмом неравного (буржуазного) права, позволяющего каждому иметь в своем распоряжении только ту часть общественного богатства, которую он заработал своим трудом. Опять же часть, но не все богатство. Дележ и тут остается основным принципом распределения.

Но может мечта о равенстве – химера, пустой звук, несбыточное и ложное ожидание? Думать так проще всего, но за этим потянется ряд следствий, главное из которых – отказ от свободы, ибо свободы (не как привилегии, а как достояния каждого) без равенства не бывает. Решением вопроса является, видимо, не отказ от равенства, а иное его понимание, которое исключало бы любой дележ. Его следует искать в праве человека не просто что-то *иметь* (пусть и «по труду»), но и *быть* тем, кем его сделала его природа, Бог или он сам себя, т.е. в праве жить «по способностям». Конечно, если не полное изобилие, то определенный достаток нужен любому человеку, но сам по себе он не гарантирует ему ни свободы, ни равенства. В погоне за материальным благополучием люди часто жертвуют тем и другим. Равными они становятся тогда, когда владеют не частью богатства, а всем богатством, т.е. используют его «по потребности». Когда каждому принадлежит не часть, а все богатство, все равны между собой. Важно лишь, чтобы эти потребности соответствовали желанию индивида не просто что-то иметь в собственном пользовании, но и быть человеком в полном смысле этого слова.

Путь к такому равенству, действительно, лежит через собственность, понимаемую, однако, не как *общая собственность всех на*

что-то – на какую-то часть общественного богатства, но как *собственность каждого на все общественное богатство*. Если как частное лицо индивид владеет частью богатства (или вообще ничем), то как индивидуальность, личность он нуждается во всем богатстве. Это и есть формула общественной собственности: она предполагает не дележ богатства, а его присвоение каждым целиком и без остатка. Как свобода каждого есть условие свободы всех, так собственность каждого на все богатство есть условие общественной собственности, собственности всех. Последняя – не та обезличенная собственность, которая принадлежит всем и потому никому в отдельности, а та, которая принадлежит каждому и только потому всем. Собственность, исключая дележ, и делает людей равными друг другу. В отличие от провозглашенного либерализмом равенства людей в их праве на собственность (и потому разделившего их по степени реального владения этой собственностью), социализм ставит своей целью равенство людей в самом обладании собственностью, т.е. превращение каждого в собственника всего общественного богатства. Иными словами, он ставит вопрос не о формально-правовом, а о фактическом, или реальном, равенстве людей.

Такую общественную собственность Маркс в «Капитале» называл *индивидуальной собственностью*. Ее нельзя мыслить по принципу абстрактного отрицания частной собственности. Если капиталистическая частная собственность, используя труд наемных рабочих, отрицает индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, то общественная собственность, отрицая капиталистическую, восстанавливает индивидуальную собственность «на основе достижений капиталистической эры», т.е. является не просто отрицанием капиталистической частной собственности, а ее «отрицанием отрицания». Она отрицает ее по объекту (объектом общественной собственности становится не часть, а все общественное богатство) и восстанавливает по субъекту (каждый индивид оказывается собственником этого богатства). В таком понимании общественная собственность сохраняет и воспроизводит ту позитивную сторону частной собственности (при отрицании ее негативной – неравноправной – стороны), которая составляет «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника»¹.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 771.

Но какая собственность может принадлежать каждому без ущерба для других, следовательно, не нуждается ни в каком дележе? Тут мы подходим к главному. Общественная собственность – категория не экономическая, а совершенно иного уровня: она служит условием существования человека не как агента материального производства, а как возвышающегося над ним общественного субъекта. Переход к общественной собственности равносителен переходу человека в «царство свободы», которое, по словам Маркса, находится «по ту сторону материального производства». Все знают эти слова, но кто придавал им у нас серьезное значение?

Объектом реального обобществления не могут быть средства разделенного труда, хотя юридически (формально) их, конечно, можно обобществить в ущерб делу. Но кому из нормальных людей нужна собственность на орудия и средства чужого труда? Горожанину не обязательно быть собственником орудий сельского труда, равно как и наоборот. И не в этом состоит общественная собственность. Она есть собственность на то, без чего невозможен труд каждого. Таким «всеобщим условием труда» в современном производстве является, как известно, наука. Ее, действительно, нельзя приватизировать, поделить на части, принадлежащие разным лицам. Можно приватизировать, например, электростанцию, но нельзя приватизировать теорию электричества. Наука по природе своей принадлежит каждому, есть всеобщее достояние, что и делает ее главным объектом реального обобществления.

Само по себе существование науки, разумеется, еще недостаточно для перехода к общественной собственности. Оно становится возможным в условиях, когда наука обретает значение основной производительной силы, а соединение человека с наукой – главного фактора процесса производства. Производство, в котором наука играет решающую роль, Маркс называл «научным производством», отличая его от фабрично-заводского, или промышленного производства. По мере того как наука (по его терминологии, «всеобщий труд»), внедряясь в производственный процесс, сводит непосредственный труд рабочих «к минимуму», превращает во «второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду», возникают реальные условия для перехода к общественной собственности. Выявленная Марксом тенденция превращения производства в «научное производство» содержит в себе, следовательно, иную версию перехода к общественной собственности, чем та, которую обычно излагается в

качестве марксистской – через революцию, диктатуру пролетариата и насильственную экспроприацию. В отличие от первой вторая – политическая – версия представляется ныне архаической и безнадежно устаревшей, хотя сам Маркс и пытался как-то сочетать их.

В более широком смысле под общественной собственностью следует понимать *собственность на культуру в целом*. Наряду с наукой, она включает в себя все то, что служит средством производства самого человека как «основного капитала» – искусство, образование, различные виды интеллектуальной и творческой деятельности, информационные системы, формы общения. Если объектом частного присвоения является капитал в его вещественном или денежном выражении, то объектом общественной собственности является культура, по своей природе не подлежащая дележу, принадлежащая каждому и потому всем. Общественная собственность делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, богатство которого заключено в его собственном индивидуальном развитии. Но тогда она – не экономическая, а *культурная категория*. Переход к ней знаменует переход не к свободной экономике (рыночной или какой-то другой), а к *свободе от экономики*, освобождение человека от навязанных ему экономикой функций и ролей.

Стремление Маркса вывести «царство свободы» за пределы «материального производства» вызвало в адрес его теории немало злобных шуток и нареканий, особенно со стороны либералов, для которых свобода неотделима от частной собственности. Причем мало кто захотел разобраться в том, как он мыслил такой переход. Ведь речь шла у него не об отрицании экономики, что было бы, конечно, утопией и весьма вредной, а об ином источнике экономического развития, чем непосредственный и разделенный труд рабочих, т.е. об экономике, освобождающей человека от функции рабочей силы. Капитализм знает этот источник и широко пользуется им. «Поэтому тенденция капитала, – писал Маркс, – заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»¹. Внедряясь в производство, наука меняет характер собственности на средства труда, поскольку ее нельзя присвоить частным образом. В истоке общественной собственности лежит, следовательно, не насильственная экс-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 206.

проприация частной собственности, а развитие материального производства до уровня научного.

Те из социалистов, кто трактует общественную собственность по аналогии с частной, т.е. как чисто экономическую категорию, воспроизводят в действительности ее понимание не Марксом, а Ф. Лассалем, которого Маркс раскритиковал в «Критике Готской программы». Согласно Лассалю, общественная собственность устанавливается рабочими с целью более справедливого распределения трудового дохода. Задачей социал-демократии, по его мнению, является борьба за так называемый «неурезанный трудовой доход», в силу которого рабочие должны получать за свой труд сполна, без всяких вычетов и удержаний. Формула «каждому по труду», по мнению Лассалья, и выражает конечную цель освободительного рабочего движения. Против такого понимания смысла и цели классовой борьбы пролетариата (а заодно и устанавливаемой им общественной собственности) Маркс выдвинул два возражения. Во-первых, в любом обществе люди будут вынуждены отчислять часть своих личных доходов в пользу общественных нужд и потребностей. Поэтому идея «неурезанного трудового дохода» – чистая утопия. Но главное даже не в этом. Общественная собственность нужна рабочим вовсе не для того, чтобы получать больше и жить лучше, но прежде всего для того, чтобы вообще перестать быть рабочими, стать совершенно новыми людьми, способными включиться в общественное производство на совершенно ином уровне. Необходимость перехода к общественной собственности диктуется, следовательно, не заинтересованностью рабочих в более справедливой оплате их труда, а характером научного, или всеобщего, труда, приходящего на смену труду абстрактному. Такой труд может функционировать в производстве лишь при условии непосредственного соединения человека со знанием, социальной формой чего и является общественная собственность.

Для тех, кто считает общественную собственность экономической категорией, она соединима с любым трудом, будь то труд крестьянина или рабочего. Ее можно ввести на любом предприятии, в любой отрасли производства. Но тогда непонятно, почему общественная собственность не появилась на свет раньше своей теоретической версии. Почему и сегодня переход к ней – только тенденция, пробивающая себе дорогу в наиболее развитых странах? Что мешает ей стать реальностью при любых обстоятельствах? Большевики так и поняли проблему: достаточно взять власть в свои руки, чтобы, опи-

раясь на нее, ввести декретом общественную собственность. Земля крестьянам, фабрики рабочим, власть Советам – ни один из этих лозунгов не был реализован на практике. И причина тому – ложное отождествление общественной собственности с государственной или какой-то еще. Последняя, конечно, способна покончить с рыночной экономикой, но ценой искоренения даже того минимума свободы, которая нужна для нее. Именно эта версия социализма стала удобной мишенью для нападок на нее со стороны разного рода анти-социалистических партий и сил.

Любая собственность, как известно, создается человеческим трудом, но не всякий труд достоин того, чтобы считать его человеческим. Вопрос об общественной собственности прямо упирается в характер создающего ее труда, который только и может служить синонимом индивидуальной свободы человека. В «Критике Готской программы» Маркс сразу же ополчился против первого параграфа этой программы, согласно которому «труд есть источник всякого богатства и культуры». Не всякий труд, а только общественный, настаивает Маркс, создает богатство и культуру. ««Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что тоже, «в обществе и при посредстве общества»»¹. Следовательно, не всякий труд является общественным. Им не является, например, труд наемных рабочих, «не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы»². Приписывание любому труду «сверхъестественной творческой силы» скрывает тот факт, что в определенных обстоятельствах труд делает человека «рабом других людей, завладевших материальными условиями труда»³. Труд, отделенный от собственности на средства производства, может создавать стоимость, но «ни богатства, ни культуры он создать не может»⁴. В отличие от наемного труда, осуществляемого под давлением внешней необходимости и носящего потому вынужденный, принудительный характер, общественный труд, базирующийся на единстве труда и собственности, является свободным, поскольку диктуется целями самого трудящегося человека.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 15.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

3. Время труда и время свободы

Здесь мы подходим к тому, что Маркс считал своим главным открытием. Люди изменяются по мере того, как изменяются их отношения друг с другом, т.е. прежде всего как общественные существа. Животные по истечении многих лет остаются теми, кем были в начале (в худшем случае они вымирают), человек же, сохраняя свой физический и психический облик в более или менее неизменном виде, изменяет форму своего общественного бытия, тип общества, в котором живет. В процессе труда он создает не просто полезные для себя вещи – продукты питания, одежду, жилище, орудия труда и пр. (об этом знали задолго до Маркса, и здесь не было никакого открытия), но свои отношения друг с другом, следовательно, самого себя как общественное существо. В письме к Анненкову от 1846 г., содержащем критику Прудона, Маркс писал: «Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, при которых они производят сукно и холст»¹. К этому Маркс добавляет: «Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие свои общественные отношения, соответственно своему материальному производству, создают также *идеи и категории*, то есть отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений»².

Маркс открыл тем самым общественную природу труда, или общественный труд, способный создавать отношения между людьми. Ошибочно считать общественным любой труд, создающий полезные вещи, потребительные стоимости. Такой труд Маркс называл «вечной естественной необходимостью» человеческой жизни, которая сама по себе не выводит индивида за пределы его чисто природного (животного) существования. Ведь и животные в каком-то смысле трудятся – создают запасы пищи, охотятся, роют норы, выют гнезда. Подобная органическая деятельность никак не может служить аналогом общественной деятельности. В отличие от животных человек создает не только то, в чем нуждается сам или его прямое потомство, но в чем нуждаются другие, с кем он прямо не связан узами кровного родства или территориальной близости. Иными словами, он спосо-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф.. Собр. соч. Т. 27. С. 410.

² Там же.

бен трудиться по мерке любого вида, т.е. универсально. Производя для других, он производит одновременно свои отношения с другими, хотя данное обстоятельство до определенного времени скрыто от его сознания. Общественный труд, согласно Марксу, тем и отличается от любого другого, что способен производить не просто полезные для человека вещи, но в форме вещей отношения между людьми, а, значит, самих людей в качестве общественных существ.

В отличие от труда «как вечной естественной необходимости» общественный труд существует во времени, которое следует отличать от времени биологической жизни человека, измеряемого датой его рождения и смерти. Время общественного труда можно назвать *общественным временем*. В системе общественных отношений, базирующейся на труде, создающем товары, т.е. меновые стоимости, общественное время предстает в форме прежде всего *рабочего времени*. Общество, в котором рабочее время является для большинства людей основным временем их жизни, нельзя считать полностью свободным. Отсюда резко критическое отношение Маркса к рабочему времени. Критерием общественного прогресса служит для него не увеличение, а, наоборот, сокращение рабочего времени до минимума, что влечет за собой расширение границ *свободного времени*. Именно в свободном времени Маркс, вслед за греками и гуманистами Возрождения, будет искать решение проблемы свободы. Но только в отличие от них свобода для Маркса означает свободу не вообще от труда, а лишь от труда в рабочее время. Чем же является труд за пределами рабочего времени, как он вообще возможен? Очевидно, он также является производством человеком своих общественных сил и отношений, но уже в форме не вещей (товаров) или идей, а самих людей, т.е. в непосредственно общественной форме.

Тенденция к расширению границ свободного времени дает о себе знать уже на этапе капитализма. Происходящее на этом этапе внедрение науки (всеобщего труда) в процесс производства приводит, во-первых, к упрощению непосредственного труда в рабочее время, во-вторых, к его замене умственным трудом, в-третьих, к сокращению рабочего времени, следствием чего как раз и является рост свободного времени. Согласно Марксу, «капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условия для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым – для высвобождения

времени всех членов общества для их собственного развития»¹. В подтверждение сказанного нет необходимости ссылаться на статистические данные, на обширную социологическую литературу, посвященную бюджету времени: со времен Маркса прогресс в этой области очевиден. В наиболее развитых странах свободное время давно уже является общедоступным благом. Но может ли оно стать основным временем человеческой жизни, базисом общества, заменив в этой функции рабочее время? Это и есть основной вопрос социальной теории Маркса. В нашей литературе никто им всерьез не занимался, а он важен в плане понимания не только текстов Маркса, которыми сегодня мало кто интересуется, но и современного общественного развития, в котором свободное время, действительно, играет все большую роль.

Хотя уже капитализм способствует росту свободного времени, оно значимо для него лишь как время прибавочного труда. Никакого иного смысла он в нем не видит. Поэтому *«постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны – в превращении этого свободного времени в прибавочный труд»*², т.е. опять же в расширении границ рабочего времени. И так будет до тех пор, пока рабочее время остается главной мерой общественного богатства³. Человек интересен капиталу исключительно в качестве лишь рабочего, а его время – как только рабочее время. Все, что сверх того, выносится им за скобки.

Заметим, что и существовавший в СССР «социализм» также превозносил человека в качестве прежде всего рабочего, считал его труд «делом славы, доблести и героизма», прославлял в искусстве и пропаганде. Для Марковского же коммунизма с его поиском «царства свободы» труд в рабочее время и есть главное проклятие человека, а наиболее важным является как раз труд в свободное время.

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 217.

² Там же.

³ «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности, или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда» (там же).

Пока рабочее время сохраняет значение основной меры общественного богатства свободное время остается временем не общественной (публичной), а приватной жизни человека, его сугубо частным делом. Только в нем он чувствует себя относительно свободным. Это и понятно. В рабочее (или служебное) время люди не выбирают начальников и сослуживцев, подчиняются правилам и инструкциям, которые предписаны им характером труда, организацией производства. Все их действия здесь жестко регламентированы и расписаны по функциям и ролям. Труд в рабочее время носит необходимый, вынужденный, но никак не свободный характер.

Для большинства людей рабочее время и сегодня – основное время их общественной жизни. Но могут ли они распоряжаться этим временем по собственному усмотрению? Разве за его пределами – в сфере семейной или личной жизни – они не чувствуют себя более свободными, чем на работе? Для многих и сейчас время, проведенное в семейном кругу, среди родных и близких, заполненное домашними делами и заботами, намного предпочтительнее времени трудовой деятельности на производстве или на службе. В первом времени мы живем, во втором – только зарабатываем на жизнь. Получается, что общественная жизнь – только средство для частной жизни, что свободными мы чувствуем себя не в обществе, а за его пределами. И не так уж неправ был Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком при исполнении своих животных функций – в еде, питье, процессе размножения и пр., тогда как в обществе он чувствует себя животным.

Сам по себе рост свободного времени еще ничего не меняет в плане расширения границ человеческой свободы. В лучшем случае он способствует росту потребительской активности, усиливает страсть к приобретательству, дает простор настроениям гедонизма и консюмеризма. Не только Маркс, но и многие после него осознавали пустоту, бесцельность и бесплодность свободного времени, заполненного исключительно приобретением материальных благ и услуг. Такое время подобно дурной бесконечности, ничего не меняющей в человеческом существовании. Оно не столь уж и свободно от рыночной экономики, навязывающей с помощью рекламы нужные и не нужные для человека потребительские товары.

Для капиталистов свободное время, помимо источника прибавочного труда, служит еще и средством воспроизводства рабочей силы. Оно позволяет работнику отдохнуть после работы, набраться но-

вых сил, чтобы затем с новой энергией включиться в работу, за которую ему платят деньги. Но подлинно свободным время становится лишь тогда, когда принадлежит человеку в качестве времени не только его потребления, но и его труда. В терминах Маркса это означает присвоение прибавочного труда самими рабочими. Такое присвоение равносильно превращению свободного времени в главное время труда, в основную меру общественного богатства. По словам Маркса, «рабочие массы должны сами присвоить себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать – и когда тем самым свободное время перестанет существовать в антагонистической форме (т.е. в форме прибавочного труда – В.М.), – тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного человека, а с другой стороны, развитие общественно-производительной силы пойдет столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, свободное время всех возрастет»¹. Свободное время как «мера богатства» (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче) означает, что таким богатством является сам человек. «Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»². Именно в свободное время человек делает целью своей деятельности самого себя, что равносильно, как уже говорилось раньше, его личной свободе.

Но что служит гарантией именно такого использования им своего свободного времени? Здесь в полемику с Марксом вступает Ханна Арендт. Через все этапы творчества Маркса, утверждает она, проходит мысль о необходимости освобождения человека от труда. Хотя для Маркса труд есть «вечная природная необходимость», «независимое ни от каких социальных форм условие существования», революция для него, тем не менее, «имеет задачу не эмансипации рабочего класса, а освобождения человечества от труда»³. От любого труда, делает вывод Арендт. В доказательство она ссылается на знаменитое высказывание Маркса, согласно которому «царство свободы начинается по сути дела впервые там, где прекращается труд, обусловленный нуждой и внешней целесообразностью», т.е. «по ту сторону

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 221.

² Там же.

³ Ханна Арендт. *Vita activa, или о деятельной жизни*. С. 134.

материального производства». Хотя Маркс, по ее словам, в своем понимании труда «добрался до глубинного слоя, которого никогда не достигал ни один из его предшественников, кому по отдельности он обязан всеми своими взглядами, и ни один из его противников» его теория содержит в себе «вопиющее противоречие», «состоящее в том, что Маркс на всех стадиях своей мысли исходит из определения человека как *animal laborans*, чтобы затем ввести это работающее живое существо в идеальный общественный порядок, где как раз его величайшая и человечнейшая способность окажется ни к чему. При всем своем размахе Марксово творчество завершается в конце концов невыносимой альтернативой между производительным рабством и непроизводительной свободой»¹.

Понимает ли Маркс, спрашивает она, что отказ от труда равносильно отказу от жизни, ибо человеческая жизнь, согласно самому же Марксу, и есть производство человеком своей жизни, причем в двояком смысле этого слова – посредством труда и посредством полового размножения? Труд – не проклятие, а радость жизни: вознаграждением за него является не богатство и даже не собственность, а сама жизнь. В этом мире человек есть, прежде всего, рабочая сила, главное достоинство которой состоит в ее плодovitости. То, что Маркс понял это, говорит об его величайшей прозорливости, но что, несмотря на это, он хочет принести труд в жертву якобы свободе, свидетельствует о «двусмысленности» и «фундаментальном противоречии» его теории.

Если труд на себя, с ее точки зрения, будучи сферой человеческой приватности и даже интимности (подобно всем другим функциям его тела), является необходимым условием человеческого существования, то труд на других, действительно, свидетельствует о несвободе человека, является принудительным трудом, примером чему служит рабский и даже наемный труд. Заставить человека работать на других можно только посредством насилия (свобода греков и была куплена ценой такого насилия). Но освобождение труда от гнета и эксплуатации не следует отождествлять с отменой необходимости для человека работать на себя. Любая эмансипация труда, как показывает история, лишь увеличивает власть этой необходимости. «Уже Маркс осознал, что эмансипация труда в модерне вовсе не обязательно завершится эпохой всеобщей свободы, и что с точно таким

---

¹ Ханна Арендт. *Vita activa*, или о деятельной жизни. С. 134–135.

же успехом она может иметь противоположное последствие, впервые загнав теперь всех людей под ярмо необходимости»¹. Разве современное общество не является «поголовно работающим обществом»? Но отсюда Маркс, как считает Арендт, сделал неверный вывод о том, что задачей грядущей революции является не эмансипация рабочих, которая уже состоялась, а их полное освобождение от труда.

Свобода от любого труда, утверждает Арендт, даст простор лишь прихотям и порокам, превратит все человеческие занятия в пустое времяпровождение типа хобби. Она позволит каждому, цитирует Арендт Маркса, «сегодня делать это, завтра то, с утра охотиться, после обеда критиковать, к чему у меня душа лежит; но не становясь (профессионально) охотником, рыбаком, пастухом или критиком». Общество, свободное от труда, превратится и уже превращается на наших глазах в «общество потребителей». Единственной целью жизни людей в таком обществе станет удовлетворение ими своих постоянно растущих потребностей. Маркс был прав в своем предположении, что развитие производства, особенно в результате автоматизации, приведет к увеличению свободного времени, но ошибался, считая, что оно будет иметь своим следствием свободное общество. Вся история после Маркса указывает на прямо обратное, ибо «animal laborans» никогда не тратит свое избыточное время ни на что кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит. Конечно, виды похоти изощряются, так что потребление уже не ограничивается необходимым, захватывая наоборот излишнее; но это не меняет характер нового общества, а хуже того, таит в себе ту тяжкую угрозу, что в итоге все предметы мира, так называемые предметы культуры наравне с объектами потребления, падут жертвами пожирания и потребления»². Возникновение массовой культуры, создаваемой ради развлечения масс, которым надо заполнить избыточное время, указывает именно на такой ход событий.

В итоге общество оказывается перед дилеммой: с одной стороны, эмансипация труда, повышая его производительность, освобождает людей от чрезмерного давления необходимости, с другой – не делает их жизнь более свободной (хотя и делает ее более зажиточной). Подлинная свобода доступна не animal laborans, работающим

¹ Ханна Арендт. Vita activa, или о деятельной жизни. С. 167.

² Там же. С. 171.

ради потребления, но homo faber, создающим материальную и духовную культуру, т.е. предметы, способные сохраняться в длительной исторической перспективе, а также тем, кто обращен к другим своими действиями, словами или поступками. Короче, свобода – привилегия лишь тех, кто обращен к вечности, служит ей. В вопросе о свободе правы все же древние греки, а не современные социалистические теоретики с их идеей освобождения человечества от любого труда.

В такой постановке вопроса я, признаться, не вижу серьезного возражения Марксу. Под освобождением человека от труда он понимал свободу человека не от любого труда, а только от труда в рабочее время, что сразу же меняет характер трудовой деятельности. Не отрицая, что труд на себя свободен от насилия и принуждения, он утверждал, что в свободное время труд на себя без всякого насилия над собой совместим с трудом на других. Можно ли, например, в труде ученого или художника провести границу между тем, что они делают для себя и что делают для других? Любой творческий труд, выражая потребность индивида в самореализации, способен воплощаться в результате, имеющем всеобщее значение. В отличие, однако, от Ханны Арендт Маркс полагал, что такой труд доступен не только избранным – политикам, ученым и художникам – но и остальным людям. Что это означает на практике?

Свободное время, согласно Марксу, и есть время *производства человеком самого себя как «основного капитала»*, которое может осуществляться в самых разных формах и направлениях – от образования и самообразования до многообразных проявлений гражданской активности и общения со своими современниками, предками и потомками. Главным результатом свободного времени, взятого в функции не просто потребления, но и труда, является сам человек, но в качестве уже не рабочей силы, а общественно развитой индивидуальности, обладающей «более богатыми свойствами и связями». Важно лишь, чтобы в свободное время люди могли свободно распоряжаться всем богатством культуры, что, собственно, и гарантируется общественной собственностью. Общественная собственность и есть собственность каждого на все, что служит средством производства человека как основного капитала. В этом смысле «сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда. С

точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек¹.

В свободное время, хочет сказать Маркс, люди производят не вещи и даже не идеи, а *самих себя* во всей разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. Даже если индивид ничем особенным не одарен от природы, свободное время позволяет ему разнообразить свой досуг, расширить кругозор, приобщиться к тому, что создано до него, существует в культуре, следовательно, в чем-то измениться, стать другим по сравнению с тем, каким он был прежде. Время по-настоящему свободно тогда, когда предоставляет индивиду свободный выбор форм общения и видов деятельности, позволяет ему жить в меру собственной индивидуальности, а не внешней необходимости. Оно позволяет человеку быть самим собой, т.е. тем, кем он является по своей природе, наделившей его определенными способностями и дарованиями, равно как и по своей культуре, усвоенной им в процессе своего воспитания и образования.

Разумеется, не все свободное время, доступное сегодня человеку, подпадает под это определение. Это говорит о том, что современное общество, даже в наиболее развитых странах, во многом еще находится в плену рабочего времени, т.е. развивается под властью экономической необходимости. В функции основного капитала выступает пока не сам человек, а овеществленная стоимость в ее денежном исчислении. И в этом случае человек, конечно, меняется под воздействием научных и технологических перемен, совершенствует свои знания и умения, но лишь в той мере, в какой это выгодно прежде всего работодателям, продиктовано интересами капитала. Соответственно время труда не стало пока для большинства людей временем их свободы. Но именно этим определяется главный вектор их дальнейшего общественного развития, которое обретает смысл лишь в направлении движения от рабочего времени к свободному (в указанном выше смысле), превращения последнего в основу, базис их общественной жизни.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 2. С. 221.

Л.К. Науменко

**Детерминизм и свобода: материализм
экономический и материализм
гуманистический**

1. О чем поведал развал СССР?

Развал СССР заново поставил марксистскую мысль лицом к лицу с фундаментальной проблемой соотношения объективной исторической необходимости с «субъективным фактором» – с сознанием и волей участников исторического процесса, с проблемой необходимости и свободы. На этой почве столкнулись лоб в лоб две «парадигмы»: объективистская, фаталистическая и субъективистская, «волютаристская». Горькая ирония истории состоит в том, что идея неодолимости прогресса, объективной закономерности и необратимости исторического процесса, «стрелы времени», указывающей направление на коммунизм, сработала против самой коммунистической доктрины. Рухнула догма о полной и окончательной победе социализма в нашей стране. Реставрация капитализма и реверсивное движение общества в целом – и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, и в культуре, и в идеологии – стало уже невозможно трактовать как некий обусловленный привходящими обстоятельствами «зигзаг» истории. Коммунистическое будущее человечества стало рассматриваться не только заинтересованными силами, но и всей массой населения как утопия. Мифологизация объективной, от воли и сознания людей не зависящей объективной закономерности обернулась новым мифом о конце истории, достигшей идеала в глобальном рынке и потребительском обществе.

И неолибералы, и апологеты исторического реверса, возврата к давно изжившим себя социокультурным и идеологическим формам сошлись на том, что крах «реального социализма» и гибель СССР есть результат естественнoисторического процесса. Говорят о развале Союза так, словно это было что-то подобное «глобальному потеплению», ветровой эрозии, распаду изотопа урана или разложению трупа. – Естественнoисторический процесс? Упование на сверхчеловеческую, действующую независимо от деятельности людей, от их отношения к своему общественному бытию, от их целей и мотивов *метафизическую* силу истории и легло в фундамент идеологии дог-

матического марксизма, что сблизило его с религиозно-мистическим отношением к жизни, превратив идею естественноисторического процесса в очередную гипостазированную абстракцию. Эта абстракция, устраняющая субъекта из истории, превращающая его исключительно в объект безличных, анонимных, натуроподобных сил, и стала доминирующей идеей того, что именовалось «историческим материализмом», «истматом».

«Истмат» разорвал органическую связь материализма с гуманизмом, что отобразилось и в междисциплинарных взаимоотношениях «диамата» и «истмата». Первый стал ориентироваться преимущественно на естествознание, шаг за шагом превращаясь в то, что некогда именовалось «философией природы». Второй – на обществознание, сближаясь до неразличимости с «философией истории». Что же касается гуманизма, то он выролдился в моралистическую доктрину, утратившую связь и с природой и с историей. Главной категорией гуманизма оказалась не объективная закономерность, а *ценность*. Нам представляется, что исторической задачей творческого, самокритичного марксизма стала задача возрождения и систематической разработки концепции *гуманистического материализма*, утратившего в силу ряда конкретно-исторических обстоятельств свою доминирующую роль.

Марксизм родился именно как *философия реального гуманизма*. Но во второй половине XIX в. на первый план выдвинулась идея от воли и сознания людей не зависящей объективной исторической закономерности, что было обусловлено и первостепенной потребностью научного анализа механизмов утверждения капиталистического способа производства и его революционного превращения в коммунистический, и необходимостью борьбы с многочисленными разновидностями враждебного науке идеалистического и субъективистского понимания истории. Можно даже сказать, что в этот период Маркс «кокетничал» с дарвинистскими категориями, сближая понимание естественноисторических и общественно-исторических закономерностей. Это сближение, опять-таки исторически, было необходимо и сегодня вполне понятно. Наука есть лишь там, где «правит бал» объективная необходимость. Авторитет марксистской теории во второй половине XIX и в начале XX-го вв. был обусловлен убедительной победой *научного* подхода к истории, материалистического ее понимания. Но в среде теоретиков-обществоведов, сочувствовавших марксизму, но не разделявших его коммунистическую ориентацию,

утвердилось толкование материалистического понимания истории в духе «экономического материализма» и «экономического детерминизма». В России это школа «легального марксизма». Методологически существо переосмысления материализма Маркса состояло в том, что его идея естественноисторического процесса была распространена на понимание *всей* истории, тогда как у самого Маркса она была отнесена к *особенному* этапу истории, к *экономической* общественной формации, прежде всего к капитализму, где господствуют анонимные, неподконтрольные субъектам стихийные силы, подобные силам природы. Для Маркса эта идея служила теоретическим выражением «специфической логики специфического предмета», «предъистории», а не универсальной закономерности истории как таковой. Фундаментальное качественное изменение, резюмирующее переход от одной эпохи к другой, мыслилось Марксом как «скачек из царства необходимости в царство свободы». Это и превращало философскую проблему необходимости и свободы в *главную* проблему материалистического понимания истории, *всей истории*.

Несовместимость идеи необходимости с идеей свободы – главное, что определяло теоретические коллизии философской и общественно-исторической мысли на протяжении веков, начиная уже с Сократа (достаточно вспомнить «два плавания» Сократа, о которых поведал Платон в «Федоне».¹ Противоречие необходимости и свободы, представленное И. Кантом как «антиномия», было осмыслено Марксом как конкретно-историческое противоречие и разрешалось в направлении синтеза этих противоположностей, будучи нацеленным на обнаружение объективной необходимости свободы. Свобода была понята как историческая тенденция, как «загадка истории», как противоречивая «тайна» общественного бытия, как проблема, имеющая не умоустранимо, а конкретно-историческое, не исключительно теоретическое, но прежде всего практическое решение в обществе реального гуманизма.

Вернемся теперь к вопросу о распаде Союза. Был ли «реальный социализм» обществом «реального гуманизма»? – Вопрос праздный: конечно же не был. Оставляя в стороне моральную сторону дела, яв-

---

¹ Подробнее об этом см.: Науменко Л.К., Мони́зм как принцип диалектической логики, Алма-Ата, «Наука», 1968, с. 82–85; Науменко Л.К., «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., URSS, 2012, с. 452–455.

ляющуюся не причиной, а следствием глубинных социальных процессов, скажем о том состоянии советского общества, которое непосредственно предшествовало распаду Союза – о «застое».

Вялое, лишенное какой-либо исторической конкретности словечко «застой» оказалось метафорой, неожиданно метко передающей образ и самоощущение эпохи «развитого социализма». Не кризис, не паралич, не предынфарктное или предынсультное состояние, а именно застой, замедление циркуляции крови и лимфы, увядание, усыхание, истощение жизненных сил, старческое одряхление. Без каких-либо явных внешних и внутренних причин жизнеспособное по всем формальным «показателям» общество и государство впало в прострацию, в старческий маразм всего лишь на седьмом десятке лет от рождения. Не было ни природных катастроф, ни эпидемий, ни нашествия, ни бунтов и мятежей – ничего, на что можно было бы указать как на причину истощения внутренней энергии. Социальный организм дряхлел с той же естественностью и неотвратимостью, в те же сроки и в том же темпе, в каком дряхлеет и организм индивидуальный.

Подстать «застою» и бестолковое словечко «перестройка». «Перестройка» – это не расчистка завалов, не ремонт обветшавших или неумело возведенных конструкций, не улучшение проекта, а просто инъекция возбуждающего препарата, вызывающего некое шевеление, конвульсивное дрыганье и дерганье отдельных членов и органов, имитация активности, в чем и видели свидетельство того, что «процесс пошел». Куда пошел? Что необходимо переделывать, в каком порядке и в каком направлении, что следует ожидать в результате? (Верно было сказано в самом начале этого дерганья: «Взлететь-то взлетели, но где сядете?»). Такие вопросы «архитекторы перестройки» не задавали. А получив уже в наши дни ответ, все потеряли интерес и к самим вопросам: «снявши голову, по волосам не плачут». Результатом могло явиться только обрушение всего сооружения в целом. Причем обрушился не только «социализм» и не только советское государство. Разрушенными оказались все социальные системы и органы жизнеобеспечения, фундаментальные общественные структуры, лежавшие ниже собственно специфически «социалистической» организации и обеспечивавшие элементарный общественный порядок. Раскошегарив рожденную «перестройкой» центробежную энергию распада, молекулярный хаос, безумие «прихватизации» эпохи рыночных «реформ» поставили на грань вымирания абсолютное

большинство населения огромной страны. Не только не появилось обещанное благополучие – исчезла элементарная безопасность, рискованной стала сама жизнь, физическое существование, проблематичным простое выживание. Миллионы людей оказались заложниками безудержного хищничества, шкурничества и бесстыдного паразитического «процветания» кучки мультимиллионеров, попросту говоря, – «кидал». И конца этому беспределу и по сей день не увидеть на горизонте даже в самые сильные бинокли. Есть ли необходимая, закономерная связь застойного «порядка» и нынешнего хаоса?

В начале «перестройки» многие авторы причину кризиса «реального социализма» видели в господстве «административно-командной системы» управления, намереваясь подобрать объяснение исторической драмы как-нибудь попроще.

Термин «административно-командная система», примененный к советскому обществу в целом, неудачен и не передает специфики явления. А между тем именно в этом явлении видели определяющую черту того, что именовали «деформациями социализма». И администрирование и командование неустранимо там, где мы имеем дело с организацией и регулированием совместного труда или вообще деятельности массы людей, занятых общим делом, там, где это администрирование и командование связано с существом этого дела. Это совершенно очевидно, когда речь идет о военном деле, об армии или об оркестре и дирижере. Администрирование и командование порочно там, где оно не руководствуется содержанием работы, где господствует формализм. Тогда мы имеем дело с бюрократией. Понятно, что никакой связи с сущностью социализма это понятие не имеет.

Порочность административно-командной системы видели в применении армейских методов к обществу в целом. (Можно их понимать и как *стиль* управления). Именно так трактовалась и известная формулировка Маркса о «казарменном коммунизме». Получалось так, что коммунизм становится казарменным вследствие *применения методов, не адекватных объекту управления*. Это не просто упрощенное понимание. Это понимание глубоко неверное, уничтожающее тот смысл, который вкладывал в это выражение Маркс.

Суть дела состоит, *напротив*, в том, что административно-командная система именно *адекватна* объекту управления и соответствует характеру разделения деятельности и способу осуществле-

ния социальных взаимосвязей. Эта сторона дела имеет решающее значение для понимания сущности и генезиса застоя.

Это – механическая система, одна часть которой только *управляет*, а другая только *исполняет*. К концу 20-х годов страна стояла перед развилкой двух путей: один – социалистический, другой – бюрократический. Идти по первому и сложнее и длительнее. Второй сулил быструю отдачу, но и тупик в конце – «застой». Пошли по второму. Сотворяли именно механизм, «аппарат», и в этой «кнопочной системе» уверенно чувствовали себя «аппаратчики». По мере роста сложности управляемой подсистемы ее устройство и работа становились все менее понятными управляющей подсистеме. Уровень организации управляемой подсистемы многократно превзошел уровень организации управляющей подсистемы, вследствие чего управляющий субъект стал просто глупее объекта управления. Этот субъект начал бояться его и стал руководствоваться одним правилом: не трогать ничего, не вмешиваться в тонкую механику. Интуиция подсказывала: что-нибудь изменишь – все полетит кувырком. Деятели «застоя», крепкие задним умом, это хорошо усвоили и неукоснительно следовали правилу: лучше ничего не менять. Субъект управления поэтому превратился в простого *нажимателя кнопок*: «срабатывает пока – и ладно. На наш век хватит». Понимания, имеющегося у каждого электрика, того, что если он будет без конца давить на одну и ту же кнопку, то она западет и откажет – этого понимания у «политического руководства» не было и оно продолжало давить, рассылая во все концы свои сверхтемпературные команды. Но вера в механизм была велика. У «архитекторов перестройки» даже и этого святого трепета перед механизмом не было, вследствие чего и наломали дров. Ситуацию очень точно передает один из первых «перестроечных» анекдотов: советский народ по самые губы сидит в озере дерьма, а по берегу бегает человек и кричит, подпрыгивая и размахивая руками: «Перестройка! Перестройка!» А народ, вытягивая губы, чтобы не хлебнуть из озера, мычит: «Не ко-лы-хай!»

Первые полтора десятилетия после Октября были отмечены невиданным взлетом энергии советского народа. Источник этой энергии – превращение многомиллионной массы людей и каждого человека из *объекта управления в его субъекта*, вследствие чего доминирующим оказывалось *самоуправление* народа. Это и было социалистической тенденцией. В этом состоит и идея Советов и, шире, то,

что именовалось «социалистической демократией». «Строительство социализма» по самой идее своей есть строительство, выращивание новой системы общественных отношений, отношений сотрудничества. При этом индивиды создают как вещные условия своего существования, так и ансамбль общественных отношений, т.е. самих себя. Человек при этом оказывается не средством строительства социализма, а его целью. Но партия, «ум, честь и совесть эпохи», очень скоро стала понимать под строительством социализма исключительно возведение плотин, сооружение заводов и фабрик, электростанций, шахт, самолетов и т.п. Все это механические системы. Таковым же по принципу своей организации стал и «социализм». Дадим ему еще одно название – «механический социализм».

Забавно, что по сути дела с тем же самым явлением мы имеем дело и сегодня, при совершенно иных социально-экономических предпосылках: инновации, ориентированная на постиндустриальное общество модернизация осуществляется на том же самом экономическом и социальном фундаменте, на который опиралось и индустриальное общество – на капитале. Переход к постиндустриализму понимается как исключительно *технологическая* проблема. Социально-экономические отношения и сам человек, формирующий и формируемый этими отношениями, остается при этом в стороне, хотя в общественном сознании того же самого буржуазного общества пусть непоследовательно и робко, но пробивается мысль о «человеческом факторе», «человеческом капитале», о необходимости «инвестиций в человека». Это марксистская идея, обойти которую стороной уже невозможно. В *технократическом обществе*, которое неизбежно оказывается и *обществом потребления*, человек сам уподобляется вещи, становится придатком технической индустрии потребления. Технический потенциал, т.е. *вещная составляющая* человеческого бытия доминирует. Мотивация поведения человека, формируемая рекламной индустрией, выражается в *рефлекторную детерминацию*, превращающую человека в потребляющий автомат. Имеет смысл подытожить сказанное в формуле: *современная техника плюс вчерашние общественные отношения – равно современное варварство*. Это дает основание характеризовать современный капитализм как «рефлекторный капитализм». (На одном телеканале, показывающем «смешное», за кадром раздается коллективный смех: смеется сам «телеящик», зритель – вслед за ним).

Технический прогресс, совмещенный с социально-экономическим, политическим и культурным регрессом становится мощнейшим фактором всесторонней деградации человека.

Однако вернемся к родимому «застою».

Управляющим кнопкам соответствуют управляемые винтики. Система и стремилась превратить человека в винтик. Утвердилось убеждение, что чем проще, примитивнее, однозначнее «винтики», тем устойчивее система. *Принципом* стало: *максимизация функций целого путем минимизации функций элемента*. Поэтому ни о каком «всестороннем развитии человека» и мысли у «руководства» не было. Напротив, чем проще и одностороннее – тем надежнее. Талант, инициативность, образованность, ум и даже просто неординарность смотрелись подозрительно. Серость и покладистая «простота» всячески поощрялись. Чего стоит одна известная поговорка: «Инициатива наказуема!» «Простой советский человек», без которого «и солнце б не вставало», был не реальностью, а бюрократическим мифом. Это и есть «совок», примитив. А «застой» как раз и показал, что человек не хочет и не может быть «винтиком». Застой со стороны «низов» и есть хорошо известная на Западе «забастовка по правилам», но в масштабе всей страны. Это когда все инструкции и команды выполняются, а дело стоит на месте. Всеобщая *симуляция деятельности* – атрибут застоя. Вот почему мы говорим об адекватности административно-командного метода управления объекту управления: механический объект, механическое и управление.

Понятно, что это лишь одна тенденция эволюции советской цивилизации. Другая – социальное творчество и социальная инициатива, нашедшая другие каналы и щели – техника, наука, искусство – рассматривалась управляющей бюрократией как нечто неуправляемое, а потому и враждебное. А в этих щелях все еще сохранялся подлинно социалистический потенциал, пережиток социалистического начала. На нем все и держалось.

Даже простая кооперация труда рождает новую производительную силу, причем даже в тех случаях, где она организуется и регулируется командными методами, где труд остается подневольным и где трудящиеся никак не причастны к власти. Что же говорить об обществе, где прямое инициативное участие ассоциированных производителей в осуществлении *общего дела* приходит на смену принудительному кооперированию? Именно такая организация деятельности и определяет *сущность* социализма как «социального творчества

масс». Материальное производство и производство «самой формы общения», т.е. построение новой системы общественных отношений, ассоциирование – две стороны одного и того же, совершенно неотделимые друг от друга. В том случае, когда речь идет об объединении усилий миллионов в масштабе всей страны, государство (пока оно есть) и административные методы оказываются всего лишь инструментами этого общего дела, обусловленными и оправданными его содержанием. В тех же случаях, когда *общее дело становится особой заботой особой группы людей*, когда происходит *раздвоение единого*, когда социалистическое самоуправление народа расщепляется на господствующее «управление» и остаточное «самоуправление», происходит расслоение общества на управляющих и управляемых. На одном полюсе общества формируется субъект управления, а на другом – объект, и все радикально меняется. В этом случае даже административно-командное управление вырождается в управление *бюрократическое*. «Общее дело» исчезает, испаряется, причем и на одном полюсе, и на другом. Последнее *особенно важно*.

Формализм съедает содержание этого «общего дела» и «наверху» и «внизу». Бюрократ ничем не управляет, а управляемый работает машинально. «Они делают вид, что платят, а мы, что работаем». Вот тогда и говорят: «в стране нет хозяина», имея в виду, что это «общее дело» никому не интересно. Государственное управление, поглощающее и удушающее самоуправление трудящихся, оказывается *формальным* управлением, формализмом управления. Если в руках такого государства находятся *все основные социальные функции*, т.е. и экономика, и социальная сфера, и культура, то важнейшая предпосылка застоя налицо. У такого государства все валится из рук. Вот тут и выходит, что «хотели как лучше» (если действительно хотели), «а получилось как всегда».

Для такого вывода вовсе не нужно погружаться в классические марксистские трактаты. Это не трудно увидеть и не прибегая к свету социалистической идеи.

Мы приведем в доказательство несколько выдержек из ранней, еще «не марксистской», т.е. не коммунистической работы Маркса, датированной летом 1843 года¹. Это гениальная работа, в которую никогда не заглядывали «коммунистические» лидеры эпохи застоя (впрочем, они отродясь не заглядывали и в другие тексты «основопо-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.1, с. 219–429.

ложников») и очень редко заглядывали ученые теоретики от марксизма, – эта работа содержит в своих демократических посылках зачаток коммунистических идей. Наглядно видно, как коммунизм вырастает из демократизма. Мы намеренно не обращаемся к другим, «зрелым» работам Маркса для того, чтобы показать, что в явлении, которое рассматривает Маркс и которое имеет неоспоримое сходство с механизмом «застоя», ничего специфически социалистического, коммунистического нет. Этот «застой» можно было бы предсказать, имея в руках только одну эту работу Маркса.

«В современных государствах...осознанная, истинная действительность всеобщего дела является только формальной, или, только формальное является действительным всеобщим делом». «Отдельная функция вместо того, чтобы являться функцией общества, из отдельной функции превращается в самостоятельное общество».

Это самостоятельное, особое общество и есть бюрократия, составляющая клан. Политическое государство, где обитает бюрократия, совсем не то же самое, что «совокупное целое существования народа».

В бюрократической системе всеобщее отделяется от особенного и единичного, индивидуального и приобретает вид сферы, в которой господствуют «высшие», «государственные» интересы. А интересы членов «гражданского общества», частные, личные интересы граждан оказываются недостойными не только заботы, но и просто внимания. Поэтому «государственный» человек, чинуша, перетасовывая и переадресуя бумажки, отбивается от посетителей, как от назойливых мух, мешающих делать ему его особо важное, «государственное» дело. Вследствие этого «государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, а канцелярские задачи – в государственные».

Управление есть функция, полагаемая жизнью целого, общества, общественная функция. Но, будучи отделенной от самого общества как ансамбля индивидов, она обретает самостоятельное существование и мистический вид. «...Государственный строй развился до степени особой действительности наряду с действительной народной жизнью», «всеобщий разум как нечто потустороннее» по отношению к ней. «Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством, она есть спиритуализм государства». «...Политическая жизнь есть воздушная жизнь, эфирная область гражданского общества». «...Подобно тому как христиане равны на небе и не равны на земле, так и отдельные члены народа равны в небесах их политиче-

ского мира и не равны в земном существовании, в их социальной жизни». «Бюрократия имеет в своем обладании государство, спиритуалистическую сущность общества: это есть ее *частная собственность*». «Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, в *погоню за чинами, в делание карьеры*». «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить...Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение».

Все это нам очень хорошо знакомо как по прошлому, псевдосоциалистическому опыту, так и по современному, рыночному. Совершенно очевидно, что во всем этом нет «ни грана» социализма. Пере рождение общего, государственного дела и интереса в бюрократическое дело и интерес, для которого существует только карьера и нажива (коррупция), а в обществе, т.е. в «земном», а не «политическом государстве» – «хоть трава не расти», есть *общая закономерность современного государства*.

«Для бюрократа мир есть просто объект его деятельности», просто материал, либо податливый, мягкий, либо неподатливый, жесткий. В первом случае бюрократ действует пряником, во втором – кнутом, прямым насилием, террором. В обоих случаях исключено, чтобы объект управления, т.е. все члены общества за оградой особой сферы политики, чувствовали себя и действовали как субъекты.

Для бюрократии общество есть всего лишь механизм, в котором люди лишь «винтики». Убедиться в этом не трудно. Теоретическая трудность заключается в том, чтобы понять, что не бюрократия создает механическую систему, объект управления, общество, а сама эта система создает в бюрократии свой собственный орган. Поэтому общество частных лиц, «гражданское общество» с необходимостью полагает бюрократию как свою собственную противоположность. Частичный человек дополняет себя до целого именно посредством «неба политики». А «человек – это мир человека, государство, общество». Общее в той же мере обособляется от частного, в какой частное активно обособляется от общего. Поэтому те теоретики «деформаций социализма», которые сваливают всю вину на бюрократию, на «извращения», упускают из вида главное: как и почему управляемые превращаются в покорное стадо овец, которых козел ведет на бойню. Отношения симметричны. Бюрократ говорит гражданам: «Негде

жить и не на что жить? – Это ваши проблемы». А гражданин рассуждает: «Моя хата с краю. Общие дела – это ваши проблемы». «Его существование в качестве гражданина государства является существованием, лежащим вне всякой общности, которой он реально принадлежит, следовательно, чисто индивидуальным существованием». Будучи таковым, он способен только терпеть и ныть. «Подобно тому как не религия создает человека, а человек создает религию, – подобно этому не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй».

И последняя выдержка из всего этого текста, намечающая переход к совсем иной постановке вопроса: «В демократии (подлинной, оставшейся для молодого Маркса лишь воображаемой – Л.Н.) государственный строй, закон, само государство, поскольку оно представляет собой определенный политический строй, есть только самоопределение народа и определенное его содержание»¹. Такими и были Советы на первом этапе существования советского государства. «Перестройка» 30-х годов уничтожила советскую власть, заменив ее партийно-государственной бюрократией. Советы призваны были камуфлировать перерождение природы государства. С этого момента и начался «застой», т.е. погашение самостоятельной социальной активности народа, которая и явилась источником исторического прорыва. Одно из первых проявлений «застоя» – события сорок первого года. Люди отчасти уже разучились и думать самостоятельно и действовать ответственно. «Сталин думает о нас, Сталин думает за нас». Отсюда хаос первых месяцев сорок первого. Война, возродившая эту активность, но уже не на социалистической, а на патриотической основе, отсрочила «застой» на некоторое время, как бы парадоксально ни показалось это.

В связи с этим следует сказать об известном тезисе Ленина о кухарке, управляющей государством. Сколько пошлостей и слабоумных острот было сказано и говорится по сей день: «Кухарка и...управление государством? Ха-ха!» А ведь ничего смешного тут нет. Кухарка лучше партийно-правительственного мандарина знает действительные проблемы свои и всех кухарок страны. Это – во-первых. Во-вторых, кухарка не стала бы спасать страну, объявив борьбу с пьянством и вырубая виноградники, не стала бы растить

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.1, с. 291, 313, 309, 271, 254, 272, 310, 271–272, 273, 414, 252, 253.

кукурузу за Полярным кругом и обгонять Америку по производству молока и мяса за два года! А без этого демократия – звук пустой. И, в-третьих, имелось в виду *обучить* кухарку управлять государством. Когда «кухаркины дети» превратились в бюрократов, они потеряли и здравый смысл и всякое чувство меры. «Осел останется ослом, хотя ты осыпь его звездами. Где должно действовать умом, он только хлопает ушами», т.е. языком. В сезон «звездных дождей» мы наглядно убедились в этом.

Обратимся теперь к проблеме «харизматической личности», т.е. к проблеме культа личности. Здесь тоже авгиевы конюшни предрассудков.

Пресловутая «харизма» особой личности – это социальное качество личности, присвоившей в свою исключительную собственность общую, государственную управленческую функцию. Когда все общие и не только высшие функции передаются все выше и выше, то они сходятся в одной *точке*. Эта точка и становится *идолом*. Одновременно с этой узурпацией произошло и отчуждение этой функции от граждан, от общества. Чем больше в собственности «харизматической личности» оказывалось общественных функций, прежде всего функций управления, тем меньше их оставалось на стороне общества и человека. «Простой», т.е. довольный своим образом, положением и существованием, покладистый и ни на что не претендующий человек и поклоняется «особой личности», как поклоняется пеньку первобытный фетишист. И поклоняется он не «особой личности», а своим собственным деятельным функциям и качествам, только отобранным у него и воплощенным, представленным во плоти и крови этой «особой личности». Отсюда и мистицизм, т.е. приписывание единичной личности как таковой волшебных свойств многочлена. Абсолютно то же самое и товарный фетишизм. Сила «харизматической личности» – это коллективная, общественная сила, отчужденная от человека и противопоставленная ему. Верующий в «харизму» этой силе и поклоняется. Поэтому абсолютно справедливо утверждение: «нет божества без убожества». Потому-то и получалось всегда одно и то же: «разоблачили» один культ, появился тут же другой – «дорогой Никита Сергеевич», «дорогой Леонид Ильич». Личности менялись и *мельчали*, а культ оставался, ибо культ – это культ не личности, а функции, места, «кресла».

Всего только год спустя после написания цитировавшейся выше работы, Маркс сказал: «...Лишь тогда, когда человек познает и орга-

низует свои «собственные силы» как общественные силы и потому больше не станет отделять от себя общественную силу в виде политической силы, – лишь тогда свершится человеческая эмансипация»¹. А это уже первый тезис теории, понимающей коммунизм как «реальный гуманизм».

Особую роль в становлении реального гуманизма играет знание. Социализм и следует понимать как «общество знаний». Попробуем соотнести этот тезис с «застоем».

Сопоставим два высказывания. Одно – первого коммуниста, другое – последнего коммуниста, находившегося у руля на излете «застоя». Первое принадлежит К. Марксу, второе – Ю.В. Андропову.

«Коммунизм есть решение загадки истории и он знает, что он есть это решение» – К.Маркс. «Мы плохо знаем общество, в котором живем» – Ю.В. Андропов. Признание ошеломляющее. Что же строили-то? Получается совсем как в известной современной сказке про Федота-стрельца: «Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что». Надо ли удивляться застою общества, в котором академики говорят то же самое, что и чиновники, только после них. Административно-командная система такого рода предполагает *принципиальное невежество* руководства.

Везде, на всех этапах и во всех сферах насаждали один принцип: неуч учит ученого, малограмотный инструктор отдела культуры – великого писателя, двоечник – учителя. Медленно, но упорно Митрофанушка продвигался «наверх», во власть. Зачем ему знать географию, если есть ямщики. Но и ямщики тоже переродились. Им география тоже ник чему. Батрацкое дело много ума не требует: «Куда прикажут, туда и повезу». Дело конечно вовсе не в митрофанушках. Дело в том, что Система не любила, боялась и выдавливала, вытравляла, а то и просто уничтожала «умников». И в годы застоя, и по сей день говорили и говорят об «избыточности образования».

Разве не дурацкое это дело, когда руководящая центральная «Инстанция» предписывает, когда пахать, что, где, когда и как сеять и убирать. И это крестьянина-то! Вот и растили кукурузу за Полярным кругом, внедряли «квадратно-гнездовой» метод посадки, собирались повернуть сибирские реки на юг, развели в Приднепровье комариное царство, а в Белоруссии осушили болота, гарантировав истощение рек...Прав был Бернард Шоу: «Кто умеет – делает, кто не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.1, с. 406.

умеет – учит». Руководящие старцы в теоретические «святцы» никогда и не заглядывали. Научные знания им тоже были не нужны, достаточно было знания «аппаратных» законов подковерной борьбы за власть. Здесь они были настоящие мастера, а в деле управления обществом – только нажимателями кнопок. Здесь их знания недалеко ушли от взглядов чеховской девицы, полагавшей, что творог добывают из вареников. Неправда, что этих знаний вообще не было. Они были (пусть неполные), кое в чем и устаревшие, но не были востребованы. Не востребованы они и по сей день.

«Небо» политики и идеологии оказалось отчужденным от земли, т.е. от реальной жизни реальных людей. Человек стремился ускользнуть и так-таки ускользнул из механической системы, где ему была предназначена роль «винтика». «Всеобщее», «всенародное» было ему и недоступно и не интересно в силу своей отвлеченности. Механический мир ровным счетом ничего не давал ни уму, ни сердцу и очень немного желудку. Потому-то никто и не пожалел, никто не вышел на улицы с протестом, когда стало валиться сооружение «как бы социализма». Но, выпав из системы, он снова стал «маленьким человеком», хата которого с краю. И в разгар «перестройки» один известный журналист с вызовом и убежденностью сказал: Да, я обыватель. Я хочу быть обывателем, дайте мне возможность быть обывателем. Бесплотные «высокие» абстракции мне осточертели!

Был в этом резон! Устали от пустословия, от шараханий, от безволия, от бездарности, от трусости, от идиотских инициатив, от «нового мышления», от бесконечных призывов: «Больше социализма!», «Больше демократии!» – от *пустозвонства*, которое есть «кимвал бряцающий», звук «пустого, падающего в порожнее». Своими глазами я видел на многотысячной февральской демонстрации, когда «перестройка» уже агонизировала, плакат на двух палочках: «КПСС, мы устали от тебя!» Когда всеобщее никак не связано с индивидуальным, когда «общее дело» не является одновременно «личным, эгоистическим делом», как писал Ленин, когда это всеобщее оказывается пустышкой, фикцией, «как бы» делом, ожидать возрождения глупо. Вот и наступил «застой», а затем и рухнула вся механическая система.

Коммунизм есть решение загадки истории. Так в чем состоит «загадка» и в чем «решение»?

Загадка в том, что общественное бытие людей никогда не было предметом их сознания и деятельности. Общественные взаимосвязи, взаимосвязи целого складывались стихийно, у них за спиной. Каж-

дый в своем индивидуальном труде, в своей частной деятельности, работая на своей грядке, действовал разумно и целесообразно, преследуя свои частные цели и наперед зная, что он должен в результате получить и как этот результат получить. Здесь *результат* в образе цели всегда *предшествует* процессу. Напомню слова Маркса об архитекторе и пчеле. «Архитекторы перестройки» ничего в своей голове не строили. Стало быть, без знаний разумная деятельность невозможна. Но вот совокупные общественные результаты индивидуальных разобщенных действий редко когда совпадали с целями. В результате выходило как раз наоборот – хотели одно, а получали противоположное. Отсюда и вечная неудовлетворенность сущим, и мечты о «царствии Божьем», и утопии. Здесь концы сходились с концами.

Добавим, что в своем индивидуальном труде нормальный человек никогда не действует *«от достигнутого»*. Знание *предшествует* труду. В этом назидательный смысл старой притчи о кузнеце-неумехе. А вот в период «застоя» и «перестройки» политическое руководство действовало без знаний, без плана, именно «от достигнутого», как этот кузнец-неумеха. Вышел «пшик».

Расхождение цели и общественного результата и есть «загадка истории». Было непонятно, почему же всегда так получается, что разумное действие рождает абсурд? А потому, что сознательным было лишь *частное* действие, общее регулировалось стихийно.

«Решение загадки истории» – это возникновение нового типа деятельности, такой, когда само общественное бытие людей оказывается *предметом* их деятельности, а сами они *общественными деятелями*. А это возможно только тогда, когда они сообща владеют научными знаниями, знаниями законов общественного бытия, и эти знания *предшествуют* их общественной деятельности. Поэтому и социализм возможен только как «общество знаний».

Предметом такой деятельности должны стать все разнообразие и вся совокупность общественных отношений. В процессе же *инволюции* социализма все разнообразие общественных отношений было сведено к одному отношению – к *отношению управленческому*, к отношению руководителя и исполнителя, проще говоря, – начальника и подчиненного. В самом крохотном городишке на центральной площади непременно возводилось некое сооружение, взобравшись на которое «руководящие работники», начальники принимали парад подчиненных. Акция, когда-то имевшая разумный социальный и

политический смысл, выродилась в чудовищную по своему смыслу процедуру изъявления взаимной любви чиновника и горожан, демонстрирующих свою покорность и преданность начальству. Такое не могло присниться даже Гоголю. – Апофеоз бюрократического вырождения. Как же не быть тут застою?

И несколько слов об идеях и идеологии. Тот псевдосоциализм, который рухнул под занавес застоя и перестройки, оказался фикцией. Так может быть и социалистическая идея, которой приносили в жертву и свои и чужие жизни, это тоже фикция, полезная и мобилизующая в начале пути и бесполезная и пустая в его конце. Может быть и застой это исчерпание мобилизационного потенциала идей?

Здесь тоже требуется серьезный разговор. Идеи сами по себе не способны быть идолами и требовать жертв. Жертвы требует *идеология*, превращающая идеи в некие самостоятельные существа, господствующие над людьми, то лучезарные, то кроважанные. Напомним, что сама коммунистическая идея родилась в ходе критики идеологии как таковой, «немецкой идеологии», чему её молодые творцы посвятили один из своих первых совместных трудов. В результате этой критики был добыт один *чрезвычайной важности теоретический результат*. Существо его, коротко говоря, состоит в следующем.

Во-первых, всякая идеология есть *ложное сознание*, перевернутое вверх ногами, как в камере-обсуре, отображение действительности. Во *всякой* идеологии мир оказывается поставленным на голову. Официальная советская идеология – не исключение.

Во-вторых, всякая идеология – это не просто «превратное мирозерцание превратного мира». Она непременно предполагает элемент *насилия* над мыслями, чувствами, поступками людей, доминирование абстракций над ними, подчинение конкретной реальной жизни отвлеченному и бесплотному миру идей, то есть *господство* идей.

В-третьих, – *главное*: господство идей над людьми – это «превращенная», т.е. искаженная форма господства над людьми продуктов их собственной деятельности, созданных ими самими общественных отношений. Их рабами и становятся люди, причем как на экономическом и политическом «верху», так и «внизу».

Отсюда следует, что жертв требуют не идеи, а люди, господствующие в системе общественных отношений и сама эта система, обосновывающая и оправдывающая себя посредством идей, т.е. неких якобы универсальных, всеобщих истин, являющихся в действи-

тельности истинами особенными, частными, классовыми, корпоративными, лишь облакаемыми в форму «общечеловеческих ценностей». Подлинно разумные, гуманистические идеи не нуждаются в господстве, принуждении, вдалбливании в головы людей, ибо они – мысли и чувства самих людей, субъектов, неотделимые от них самих. Вот почему такие идеи – это узы, освободиться от которых нельзя, не разорвав своего сердца. Такого рода идеи – выражение живой потребности человека в другом человеке не как средстве, а как цели и отношения к самому себе как представителю рода человек.

В идеологиях же куются искусственные, внешние, механические «узы», или, как нынче говорят – «скрепы», извне налагаемые на человека, взнуздывающие его мысли и чувства, прокладывающие для них колею. Такие идеи ровным счетом ничего не дают ни уму, ни сердцу. И освободиться от них легче легкого. Потому-то мы не знаем ни одного из бывших марксистов и «как бы» коммунистов, которые, освобождаясь от коммунистических идей, разорвали бы свое сердце. Одну узду они с легкостью поменяли на другую.

Подлинный коллективизм нуждается не в узде, а во взаимной потребности «молекул» друг в друге. Это – *солидарность*. Когда внешние скрепы лопнули, «молекулы» разбежались. Поэтому «молекулярный хаос» ждал своего часа уже внутри «застоя». Если в «рыночной» системе вытравлено «наше», то в механической – «мое».

Так был ли Союз мертвецом? Ответить на этот вопрос проще простого: сравните то, что было, с тем, что стало. Сегодня смрад разложения дует из всех щелей на постсоветском пространстве. Союз не распался, его умертвили. Разрезали по живому, насильственно разорвав живую ткань экономических, социальных, культурных, семейных, родственных связей народов вопреки их воле, вопреки референдуму. И эта «акция» стала впечатляющим «достижением» либеральной «демократии».

Так что же получили? – Получили не просто межнациональные и межконфессиональные конфликты, не просто ползучую гражданскую войну. – Получили «войну всех против всех».

Нас много лет пугали призраком гражданской войны. Многолетний опыт реставрации капитализма в России дает право сказать: «Сегодня, господа хорошие, *это ваши проблемы!* Вы сами положили начало тем цепочкам событий, которые сплелись в плотную, все покрывающую паутину воровства, бандитизма, коррупции, социального хищничества, паразитизма, нравственных уродств, духовно-

культурного вырождения, экологических преступлений. Истина, добро и красота стали жертвой вакханалии разложения. Расстрел из танковых пушек собственного парламента, «лихие девяностые», перманентный война государства с гражданским обществом, власти с подданными, милиции–полиции с населением, суда с обывателем, капитала с трудом, системы образования – с учителем, учителя – с учениками и родителями, фармакологии – с медициной, врача – с больными, «гаишника» с водителями, водителя «Бентли» с водителем жигуленка... И это естественный, нормальный процесс?

Res publica – «общее дело», «дело народа» стало делом кучки творцов криминальной революции, развязавших вакханалию хищничества. Так что же это было? – Преступный распил власти в целях распила государственной собственности. Вот и весь «исторический секрет»: нам – «приватизация» (комбинаты, заводы, недра, рынок, дворцы, яхты, футболисты и «звезды»), а вам «ваучеры» – кушайте на здоровье! Разве не так?

То, о чем бредил Гитлер, рисуя в мечтах своих образ «колосса на глиняных ногах», стало явью. Умерщвление Союза состоялось. И о том, что это было именно насильственное, противоестественное расчленение живого организма свидетельствуют фантомные боли, подобные тем, что мучают безногих и безруких ветеранов – боли в несуществующих частях все еще живого тела. О том же свидетельствует и ностальгия – фантомные боли искалеченной народной души и многонациональной культуры. «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы – гордость моя!» (Джамбул Джабаев). Фильмы, песни, легенды, предания... Все это не «идеология». Это просто факт. Если угодно – «медицинский факт». Вырежьте все это из живого организма многонационального народного духа – что останется? – Секс, бабки, мордобой, паразитизм, а на другом полюсе – нищенство и новое «гастарбайтерское» рабство.

Так что же это было? – Продукт исторической необходимости или злой, преступной воли? И какую роль в истории играет необходимость и какую сознание и воля?

Союз, как и «реальный социализм» в целом, был, конечно болезненным, уродливым организмом. Это очевидно. Но что сказать о хирурге, который «вылечил» больного тем, что оборвал ниточку его жизни.

А так ли уж ново это «новое»?

24 мая 1917 года известный экономист, один из редакторов «Новой жизни» Владимир Александрович Базаров (Руднев) писал в

своей газете: «Можно ли удивляться, что так называемое народное хозяйство превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?» Эти слова тогда же процитировал В.И. Ленин.¹ Глядя глазами Базарова и Ленина в день позавчерашний, мы узнаем в нем день вчерашний, все еще продолжающийся в дне сегодняшнем, хотя сознание порочности «начала» уже налицо и «вверху» и «внизу».

А что сумело противостоять «вакханалии мародерства» в те годы? Вот еще одно свидетельство современника, которого никак нельзя заподозрить в сочувствии большевикам. Те, кто видел Октябрьскую революцию, судили ее не так, как судят некоторые нынешние «историки». Это свидетельство автора, не только видевшего революцию, но и отверженного ею – свидетельство Н.А. Бердяева: «Отвержение всякого смысла революции неизбежно должно повести за собой и отвержение истории. Но революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребенка, уродливы и насильственны муки рождающей матери, уродлив и подвержен насилию рождающийся ребенок...И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой лежит отсвет Апокалипсиса. Смешны и жалки суждения о ней, с точки зрения нормативной религии и морали, нормативного понимания права и хозяйства. Озлобленность деятелей революции не может не отталкивать, но судить о ней нельзя исключительно с точки зрения индивидуальной морали». И далее – главное: «В русской революции, как впрочем и во всякой революции, произошло расковывание и сковывание хаотических сил. Народная толпа, поднятая революцией, сначала сбрасывает с себя все оковы и приход к господству народных масс грозит хаотическим распадом. Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться».² Переворот 1990-х вызвал хаос и по сей день еще не в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., «Наука», 1990. С. 108–109.

состоянии родить порядок. Какие лозунги и символы способны составить фундамент нового исторического оптимизма? И уместен ли вообще сегодня оптимизм? В годы «застоя» говорили так: «Пессимист – это хорошо информированный оптимист». Сегодня следует говорить иначе: «Оптимист – это хорошо информированный пессимист». Оптимист хорошо информирован не о будущем, а о настоящем. А этой информации сегодня в избытке. Коммунистический идеал подпитывается прежде всего не своим позитивным содержанием, а негативным потенциалом реальности, рефлексом которой он является и в которой он неодолимо возрождается из пепла. В противном случае он ничем не отличался бы от мечты о «царстве божием на земле». Иными словами, он порождается не соблазнительными картинами прекрасного будущего, а отвратительными картинами безобразного настоящего. Он – образ не избытка, а недостатка, порождается не «наличием присутствия» (скажем, веры), а наличием *отсутствия*. Вот почему этот идеал *неустребим*. Он поэтому не образ того, чего нет, а диалектически-негативный образ *того, что есть*. Поэтому он не утопия, а «действительное движение» (Маркс) реальности, опровергающее нынешнее состояние. Он – рефлекс не грядущего рая, а нынешнего ада. Этот идеал ровно в той же мере не является утопией, в какой существующее здесь и теперь не является идеалом. Борьба капитала с ним – это борьба с собственной тенью.

Всякое реверсивное движение сулит нам не эволюцию, а инволюцию, т.е. упрощение и деградацию социальной организации, а с нею и человека. Реверс отбрасывает в сторону все наработанное новейшей историей содержание, высушивая и обедняя ее. Будущее может сложиться только на современном противоречивом фундаменте, включая и рынок и постиндустриальные феномены и технологии. Ни одна из существующих сегодня партий не способна предъявить сколько-нибудь радикальной и реалистической экономической, социальной и политической программы обновления. Это очевидный признак того, что обновление действительно должно быть радикальным качественным скачком, переворотом в самих основах общественного бытия. Отдельные обнадеживающие «проходы» теоретический мысли есть. И все они указывают одно направление – гуманистический поворот. До детальных теоретических разработок, а тем более программ еще далеко. А это означает только одно: фундамент научного разума сегодня может быть пока еще не экономическая, не политическая, не историческая, социологическая или куль-

турологическая мысль. «Фактуру» и материал этой мысли составляет содержание ближайшего прошлого и настоящего, его проблемы и детали. Таким фундаментом может быть только мысль философская, имеющая за плечами многовековую историю осмысливания лучшими умами человечества проблемы бытия вообще, общественного бытия – в особенности. Никакой иной масштаб мышления, поуже и помельче, не соответствует масштабу проблемы. А «ядро» этой проблемы составляет противоречие необходимости и свободы.

Абстрактность такой постановки не может не вызывать разочарования и даже более того – раздражения. Голодного и больного не может утешить ученый трактат по физиологии. Но ясно и другое: все известные на сегодняшний день попытки оздоровления общественного бытия приводили к одному и тому же: хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Симптоматическое лечение и паллиативные средства тоже необходимы. Но корни проблемы лежат глубже. Люди не марионетки. То, что с нами происходит – продукт нашей собственной деятельности, следовательно, и нашего сознания и нашей воли. Вопрос в том, разумно ли это сознание и разумна ли воля. Давно известно, что «сон разума рождает чудовищ». И если уж начинать терапию, то лечить следует разум. А иного пути, чем классическая философия, сконцентрировавшая «и опыт, сын ошибок трудных», и культуру самого разума, склонного к парадоксам. О парадоксах или антиномиях материалистического понимания природы и истории и пойдет речь.

Но и с философией дело не просто. Поскольку речь заходит о ней, то здесь мы сталкиваемся раньше всего не с общей линией развития ее, а с отдельными «инновациями», распуханиями, раздуваниями – с флюсами. Одни из них имеют тысячелетнюю историю, другие моложе, есть и совсем свежие, постмодернизм, например. В марксизме тоже их не мало, но главными оказываются два: «диамат» и «истмат». Это болячки благоприобретенные уже советской официальной философией. О них тоже придется сказать.

2. Бытие и творчество

История, и не только российская, неопровержимо свидетельствует: свобода рождает несравненно больше проблем и трагедий, чем решает. Свобода, противостоящая объективной исторической необходимости, есть *произвол*. Двадцатое столетие и наступившее двадцать первое все разнообразит и углубляет вакханалию произвола.

Разумно ли утверждать, что произвол – капризное и порочное дитя случайности, младенческой неспособности устоять перед искушением свободой? – Нет, конечно. Произвол, как и свобода, есть так же особенное выражение исторической необходимости. Его причины заключены не в природе человека, а в ансамбле тех общественных отношений, которые эту природу формируют и модифицируют.

Значит ли это, что все в истории релятивно, что нет в ней главной, «красной линии», «Логоса», «мейнстрима», что разум человека не в силах постичь главенствующую аксиому бытия? Думается, что не значит. Об этой аксиоме и необходимо сказать несколько слов.

«Бога нет! – Медицинский факт!» – кричит Остап Бендер в расчете спасти душу нежного Козлевича, а вместе с ним и «Антилопу» от охмуряющих его ксендзов. «Как же вы говорите, что Бога нет, когда все существующее создано им!» Алоиз Морошек не так прост, как кажется читателям. Мы смеемся над тавтологией ксендза. Но ведь он не сказал: «Как же вы говорите, что бога нет, когда он есть!» Вот это и было бы тавтологией. Но он сказал другое. А именно: существующее–то есть. А если оно есть, то не значит ли это, что оно возникло? Возникновение–то вы не будете отрицать! Прогресс. И Дарвин, и Маркс за это. А что такое возникновение как не сотворение, творение? Хитрый ксендз в сущности готов пожертвовать *местоимением* («создано им»), чтобы уберечь *творение*, т.е. процесс. Он может спросить Остапа: «Творение это или не творение?» Если «да», то покажите мне творческий фактор. А уж как вы назовете его – это мелочи. А если не творение, то чем бытие отличается от небытия? Вчера–то не было этого бытия, а сегодня оно есть, завтра не будет.

С другой стороны. Есть–то оно есть. Но, как сказал поэт, каждый миг уносит «частицу бытия». Почему? Ну–ка предоставьте бытие самому себе, оставьте его «бесхозным». Что произойдет? – Состарится, разрушится, станет прахом. Опять фактор, прямо противоположный, отрицающий, разрушительный. *Фактор смерти*. Как его зовут? Мы, мог бы сказать ксендз, назвали его Сатаной, это – антибог, Антитворец. А вы? – А вы назвали его «вторым законом термодинамики». Ну что, опять дело в местоимениях?

В Библии сказано: и сотворил Господь и небо, и землю, и тварей земных, и человека. Посмотрел Господь и сказал: «Это хорошо!» Однако, подумав, вынужден был бы добавить: «Хорошо–то хорошо, да ничего хорошего». Почему? А потому, что все сотворенное имеет неодолимую тенденцию к разрушению. Сотворил–то он материальное,

телесное, вещественное. А в мире мертвых вещей царствует не творчество, а разрушение второй закон термодинамики. Мертвые они потому, что не сами себя сотворили.

Вы выстроили стену. Вы точно знаете, что рано или поздно она начнет валиться. Как Пизанская башня. Почему? – Да потому, что под тяжестью оседает грунт, потому что солнце, воздух и вода разрушают кирпич. Что вы станете делать? – Возводить контрфорсы. Т.е. то, что функционально и структурно противостоит падению. В живой природе – то же самое: пищеварительная трубка, функциональность которой моментальна, которая по совместительству и желудок, и легкие, и сердце порождает рядом с собой настоящее сердце, настоящие легкие и т.д. Отращиваем рога, зубы, когти, становимся теплокровными и т.п. Если вернуться к стене, то надо признать, что если бы стена была идеальна, то строителю можно было бы успокоиться и уйти на пенсию. Но она материальна. Значит – «покоя нет, покой нам только снится!» – Латай, ремонтируй, обновляй. Будь вечным ремонтным рабочим. Иначе получишь небытие.

Так что же такое творческий фактор?

Ответ на этот вопрос дан уже давно. Это диалектика, понятая как теория развития и одновременно как теория познания и логика, диалектическая логика. Она и содержит решение проблемы.

В чем состоит *проблема бытия*?

Если взять за исходное наше собственное бытие, то очевидно, что оно есть проблема. Просто быть нельзя. Быть – значит бороться хотя бы за существование, быть – значит найти *способ выживания, способ бытия*.

Бытию противостоит *небытие*, угрожающая, смертельная перспектива. Воистину: «бытие есть», но и небытие тоже есть!

Бытие человека поэтому есть решение альтернативы: быть или не быть? Вопросы не симметричные. Если «не быть», то проблемы тут нет. Небытие всего сущего не стоит ни заботы, ни труда. О небытии всего сущего уже позаботился второй закон термодинамики, а о нас самих либо тот же закон, либо Господь, с самого рождения ожидающий нас на свой суд. А вот «быть» – это проблема. Нелегко, особенно сейчас, и просто выжить. А выжить и остаться человеком – еще труднее.

Человек есть воплощенная утопия. Если категорическое условие существования животного составляет то, что есть, то категорическое условие существования человека – «наличие отсутствия». Он исходит

не из того, что есть, а из того, чего нет, из факта «наличия отсутствия», хотя бы пищи и крова над головой.

Способ существования животного *адаптивный*. Способ существования человека – *креативный*. Значит бытие человека есть непрерывное, не прекращающееся творчество, созидание. В исходном пункте – материальное производство, производство и воспроизводство своего бытия. *Бытие нам не даровано. Бытие отвоено у небытия. Бытие нами завоевано.*

Но ведь то же самое и природное бытие. Это непрерывное, не останавливающееся ни на минуту *противостояние небытию*, падению в прах, в тлен, в хаос. За счет чего сущее противостоит небытию? – За счет непрерывного бессознательного творчества, за счет функционального и структурного *усложнения*, за счет прогресса, за счет создания *органов* противостояния распаду, за счет расширения базы «самостоянья» и природы, и человека. Проблема бытия, «выживания» и решается за счет развития, путем развития, методом, способом развития.

Развитие и есть непрерывное усложнение, создание структурных органов противостояния исчезновению. Развитие и есть непрерывное самосозидание, противостоящее саморазрушению. В живой природе бытие, т.е. выживание вида, обеспечивается за счет обзаведения специальными органами и средствами выживания. Поэтому вопрос «быть или не быть» – не вопрос выбора. Быть – значит развиваться, значит бороться за существование. А в человеческом бытии – значит действовать, создавать, строить. Бытие, существование так же невозможно без развития, как невозможен вечный двигатель и простое воспроизводство: «расходы» всегда выше «доходов» идет ли речь об энергии или о накоплении труда.

Творчество не обязательно сознательно. Механизмы бессознательного творчества уже исследованы в биологии. Это изменчивость, мутации и естественный отбор. В политической экономии, в «Капитале» Маркса блистательно разрешена загадка денег: товарный мир выталкивает из своей среды «всеобщий эквивалент», превращая эквивалентную форму стоимости, остающуюся в простой форме стоимости исчезающим, мимолетным моментом, в устойчивый структурный элемент, делающий универсальный обмен товаров осуществимым. Развитие и есть *объективная необходимость бытия и условие его мыслимости*. А это в диалектике уже не догма, а конкретная истина. Но для этого диалектику надо понимать как

логику и теорию познания, ибо без этого конкретную истину не уловить. Почему?

Ответ очень прост. Он состоит в следующем.

Любая картина и природы и общества есть одновременно и картина «ума», и картина общества, взрастившего этот «ум», т.е. картина культуры. Поэтому никакая «онтология» невозможна без гносеологии и логики, равно как и без материалистического понимания истории. Любая картина объекта исторична. Историчен и «ум», ее сотворивший, и культура, сотворившая этот ум вместе с его приемами, процедурами, аксиомами, алгоритмами и «парадигмами». Этот «ум» – всегда особенный, он конкретно-историчен, а «всеобщее» – это и есть единый исторический процесс *развития*, в ходе которого *способность мыслить* с каждым шагом обретает все более универсальные характеристики, т.е. становится все более адекватной «Логосу», универсальной логике вещей.

Отсюда следуют три фундаментальных вывода.

Первый. Диалектика *и есть* логика и теория познания материализма. Категоричность этого вывода была подчеркнута Лениным еще в «Философских тетрадах»: не надо 3-х слов – это одно и то же. Не менее категорично и заключение Ленина: нельзя вполне понять «Капитал» Маркса, не проштудировав всю «Науку логики» Гегеля. Следовательно, спустя полстолетия после выхода «Капитала» никто из марксистов не понял его вполне и настоящим образом. К этому следует только добавить, что правоверные «марксисты-ленинцы» не поняли этого и спустя еще полстолетия.

Второй. Деление диалектического материализма на «три составные части» – диалектику, теорию познания и логику есть *реакционная* по смыслу и значению своему реанимация архаичной идеи «онтологии, гносеологии и логики», опровергнутой уже Кантом. Эта идея звала назад уже не к Канту, а к схоластической «метафизике» докантовской эпохи. Сегодняшнее возрождение «онтологии», «метафизики» (читаются, например, «полные университетские курсы» метафизики, онтологии и т.п.), поворот к умозрительному, мистическому, сверхрациональному «поиску» – плата за грехи схоластического «диамата». Рождающиеся сегодня, как грибы после дождя, всякие «философии природы», «философии культуры», «философии языка», «философии управления», «социальные философии» есть не что иное, как реставрация понимания философии как «науки наук», «царицы наук». А о «философии бизнеса» и «филосо-

фии бокса» слышали? Именно это и приглашается сегодня на роль методологии.

Если общие банальные утверждения положить в основу методологии, то мы и получим «Марксизм–ленинизм учит». Учит и физику, и биологию, и кибернетику, и поэзию, и музыку и т.д. Философия оказывалась здесь источником истин «в последней инстанции», «верховной истиной», единственным видом знания, отвечающим статусу «теории». Всем остальным наукам отводилась роль служанок: вы собираете «материал», а мы его «осмыслием», «обобщаем».

К этому следует добавить. Расхожий взгляд таков: «онто́с» – там, вне меня, «гно́сис» – здесь, во мне, мое; логос – моя дорожка слов, знание в речи. Если онтология имеет дело с «истинно сущим» и если она отличает «истинное» бытие от видимости, кажимости, подделок, то как она дотягивается до него, отбрасывая за ненадобностью гносеологию? Ведь это означает желание получить знание, *минуя само знание*, его законы и механизмы. Следовательно, вы хотите получить знание, устраняя мышление, рациональность. Но тогда путь «онтологии» – это иррациональность, иррациональное знание, например, откровение. Тут вы получаете «новую онтологию», «критическую онтологию», т.е. Николая Гартмана, Макса Шелера, да и Хайдеггера тоже.

С другой стороны, ведь ваше «подлинное бытие», «онто́с» – это ведь тоже *знание*, ваше представление о бытии. Кант так и сказал: всего лишь *идея* разума. Не спасает и диалектика бытия, ведь это тоже ваше *знание* об объективной диалектике. Что же получается? А то, что одному виду знания вы противопоставляете другой, чувственности – умозрение. А если «онто́с» – это всего лишь знание, «идея» самого разума, то, строя «онтологию» независимо от гносеологии и логики, вы намерены получить знание, *минуя само знание*. Например, «онтологию общественного бытия», *минуя гносеологию*. Диалектику, *минуя логику*.

Это именно то, что предлагал Г. Лукач в своей последней книге под этим названием. Замените термин «онтология» термином «теория», и вы получите просто «теорию общественного бытия». Ну а строить теорию, не подключая логику и гносеологию – задача абсурдная. На долю гносеологии поэтому у Лукача остаются одни заблуждения, искажения, «превращенные формы». Вот и получается: там «объективная» диалектика, а тут – «субъективная»; там – «диалектика вещей», а тут – «диалектика понятий», «логико-методо-

логические приемы», как выразился один постмодернист, «сокрушавший» объективную диалектику Платона, Гегеля и Ленина.

Третий. Разделение марксистской философии на «диамат» и «истмат» абсурдно. Ни «диамат» не мыслим без «истмата», ни «истмат» без диамата. Объединяла то и другое именно «методология»: «диамат» – это учение о «*бытии вообще*», под которым понималась преимущественно природа, «истмат» – о бытии *особенном*, общественном. Логика тут действовала такая: особенное должно выводиться из всеобщего, «истмат» из «диамата». Именно для этого материалистическое понимание истории было в типично позитивистской манере «переосмыслено» как «общая социология». «Диамат» – совокупность абстрактных истин, «истмат» – более «конкретных по объекту, но по методологии столь же абстрактных. Вся эта «методология» неколебимо стояла на фундаменте веры в то, что конкретную истину можно получить из абстрактной, яблоки и груши – из понятия «плода вообще», капиталистическое производство – из «производства вообще» и т.д. Именно такую «методологию» (подведения частных случаев под общее правило) Кант и называл глупостью, т.е. отсутствием «способности суждения», которое состоит в *уместном* применении правил. А правила, уместного для всех случаев, т.е. не требующего ума для своего применения, нет и быть не может.

3. Антиномии

материалистического понимания истории

Уверен, что теоретическая проблема тогда хорошо поставлена, когда она заострена до степени противоречия – антиномии. Добротна та теория, которая содержит разрешение антиномии.

По Канту, который является отцом учения об антиномиях разума, антиномия есть альтернатива, содержащая тезис и антитезис, строго логически доказуемые, но исключаящие друг друга. Ради наглядности Кант в «Критике чистого разума» изложил антиномии следующим образом: на левой странице развернутой книги доказывается тезис, на правой – антитезис. Всего антиномий у него четыре: конечности и бесконечности мира в пространстве и времени, делимости и неделимости вещества, свободы и причинности (законов природы), безусловно необходимой абсолютной сущности и отрицания таковой.

Рассудок, полагал Кант, имеет дело с явлениями опыта, с конечными вещами и их отношениями и выстраивает картину целого как

бесконечного многообразия частей, связанных отношениями, такими, например, как причинность. Явление есть *релятивная* сущность. Многообразие явлений выстраивается рассудком в некоторый бесконечный ряд, где каждое звено релятивно. *Законы* природы резюмируют отношения единичных вещей, *отношения релятивности*. Поскольку каждая единичность релятивна по самой своей природе, постольку она неизбежно порождает бесконечный ряд, который регулируется принципом существования единичности. Каждое из явлений таково и поэтому все они подчиняются одному закону, одинаковому для всех, общему. Этот всеобщий закон и есть общий для всех единичных явлений принцип, один и тот же.

Мы не претендуем здесь на строгий анализ и буквально точное изложение учения Канта об антиномиях. Поэтому ограничимся простой иллюстрацией.

Например. *Каждый* человек родился, следовательно, каждый имеет отца. «Отцовство» и «сыновство» – релятивные, рефлексивные определения. Одно отражается в другом. Иван – отец Петра, Петр – сын Ивана. Но Иван – сын Сидора, который в свою очередь имеет отца и т.д. Единичная релятивная сущность естественным образом разворачивается в бесконечный ряд, *в принципе* бесконечный, ибо он есть повторение *одного и того же* отношения. Гегель называл это «дурной бесконечностью». Точно так же обстоит дело и с законом причинности. Каждое явление имеет свою причину и каждое явление вследствие этого само является причиной другого. Получаем бесконечный причинный ряд, где каждое явление непременно должно иметь причину вне себя и порождать следствие вне себя. Причина и следствие непрерывно удаляются в бесконечность и прошлого и будущего, убегают от самих себя, не будучи в состоянии успокоиться в одном из своих полярных определений. Тут мы имеем то же самое, с чем имеет дело девица, пожелавшая увидеть своего суженого в двух, противостоящих друг другу зеркалах: она смотрит в бесконечный коридор.

Разум имеет предметом другое и стремится к другому. Его предмет *целое как таковое* и стремится он к *абсолютному*. Принцип разума не релятивность, а абсолютность, окончательность.

Обратимся опять к иллюстрации. Мы спрашиваем о причине какого-либо явления, а нам в ответ показывают бесконечный ряд, т.е. вместо ответа о причине нам показывают фигу. «Кто отец Петра?» Нам отвечают: «Иван». «А отец Ивана?» – «Сидор» и т.д. Авраам ро-

дил Исаака, Исаак родил Иакова...». Разум же, стремящийся к «целокупности» явлений, вынужден выйти за границы конечных явлений, за рамки опыта, за пределы рассудка и постулировать существование мира в целом, причины как таковой, Отца как такового, который был бы абсолютным отцом, только отцом, но не сыном. Относительное по природе своей разум превращает в абсолютное. Это следствие применения рассудком своих категорий к явлениям опыта. Но когда предметом разума оказываются сами эти категории, то релятивность исчезает: причина есть именно причина, а не следствие. Определенность вещи релятивна, а определенность категории абсолютна. О вещи можно сказать, что она в одном отношении причина, а в другом – следствие. А вот о категории причинности этого сказать нельзя, ибо эта абстракция утратит смысл. Мы различаем явления с помощью абстракции причины и следствия, изменчивое по смыслу с помощью устойчивых, стандартных смыслов. Так при помощи стандартной мерки, эталона, метра, например, мы измеряем длину предмета. Но если сам эталон станет меняться, измерение окажется вообще невозможным.

В чем секрет антиномии? – В том, что целое расщепляется на две противостоящие друг другу абстракции и получается с одной стороны абстракция целого, из которого удалены взаимодействующие части, и абстракция взаимодействующих частей, из которой удалена целостность. Взглянули с одной стороны – увидели только целое, взглянули с другой – увидели только части. Две мертвые абстракции и воюют друг с другом. Но ведь целое есть лишь постольку, поскольку оно состоит из частей, а части есть лишь постольку, поскольку они составляют целое. Диалектика разума поэтому и оказывается у Канта логикой иллюзий. Он прав, конечно, если работу разума представлять по этой схеме. Но дело в том, что сама эта схема ложная. Ложность ее состоит в том, что категории *извне* накладываются на вещи рассудком, а не рассматриваются как собственные определения вещи, полагаемые ею самою, не как собственные *формы самоопределения, самодвижения* вещи. Кант здесь стоит на той же позиции, что и Аристотель, рассуждавший так: ведь не сама же глина сообщает себе форму кувшина. Для этого нужен ремесленник, «демиург». Я называю это «ремесленной схемой» деятельности мышления. Аристотель не прав. Капля воды в невесомости и в пустоте сама принимает форму шара вследствие действия сил поверхностного натяжения, а форма кувшина для глины не обязательна, она обязательна для человека.

Точно так же разрушенная (травмированная) живая ткань, распавшаяся на клетки, сама организуется снова в ткань, рана заживает, хаос самоорганизуется. (В биологии это называлось «эквифинальностью»). Подобное можно увидеть и в простом физическом эксперименте. Налейте масло в сковороду и поставьте на огонь. Через некоторое время увидите на поверхности правильные геометрические фигуры, многогранники, подобные пчелиным сотам. Хаос самоструктурируется.

«Мир в целом», «мир как целое» и есть та посылка «диамата», которая обосновывает особый статус философии как науки наук, вещающей и пророчащей от имени и по поручению «общего» и «целого», составляющего компетенцию «высшей инстанции». Философия имеет дело с общим, а специальные науки – с деталями, частностями. Философия – с целым без частей, а специальные науки – с частями вне целого. Тут получается *абсолютно то же самое*, что и в бюрократически организованном обществе: «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить...Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение».¹

Обратимся теперь к истории «реального социализма». Осмысливается и оценивается она сегодня преимущественно по схеме: «с одной стороны – с другой стороны». С одной стороны в ней немало было и хорошего. Но, с другой стороны, – немало и плохого, с одной стороны социализм это формальное обобществление, это насилие, это казарма, это ГУЛАГ, это принудительное единомыслие, это режим. С другой стороны – это Советы, органы народовластия, это самостоятельность и коллективизм, энтузиазм и доминирование «нашего», а не «моего» и т.д. Многие авторы пишут о нашей истории так: с одной стороны – это «ростки социализма», а с другой – деформации, вырождение, дрейф в обратную сторону и удушение этих «ростков», мутации. Все это верно, конечно, но это не вся истина.

Нам не уйти от вопроса о необходимости этих мутаций, равно как и от вопроса о взаимоотношении «положительного» и «отрицательного», «хорошего» и «плохого». Обусловлено ли «плохое» «хорошим» и обратно? Действует ли в истории «реального социализма» объективная историческая необходимость или нет? Если нет, то сле-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. соч., т. 1, с. 291.

дует снова взять на вооружение давно осмеянную Марксом и Гоголем схему: возьмем в будущее хорошее и оставим в прошлом плохое. А если «да», то движение истории *фатально*. И подобно тому, как «марксизм-ленинизм» пророчил неизбежность коммунизма, его нынешние оппоненты доказывают неизбежность возрождения капитализма.

Следует обратить внимание и еще на одну сторону дела.

Когда говорят об истории «реального социализма», в центре внимания оказываются «ошибки», «просчеты», «зигзаги» политики, отступления от «генеральной линии», произвол, преступления. Т.е. говорят о *субъективном*. Однако никому не приходит в голову рассматривать историю капиталистического способа производства подобным образом. Здесь субъективное исчезает с арены и остается одна объективная необходимость. Случайно ли это? Получается, что история капитализма мыслится под категорией *необходимости*, а история «реального социализма» под категорией *свободы*, превращающейся в произвол.

Моя позиция такова: вся история человечества должна мыслиться под категорией свободы, даже та, в которой правит бал стихийная необходимость. Ведь в товарные и товарно-капиталистические отношения люди вступают сознательно, а не в обмороке или в трансе. А это значит, что материалистическое понимание истории содержит в себе антиномию свободы и необходимости. И без этого оно вообще не может быть пониманием.

В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс писал о «естественных законах капиталистического производства», действующих «с железной необходимостью».¹ Это – тезис.

А вот и *антитезис*: «история есть деятельность преследующего свои цели человека».²

Очевидное противоречие. Противоречия вовсе не следует искать повсюду и во что бы то ни стало нагромождать их, дабы наша мысль выглядела «диалектической». Поэтому и схема: «с одной стороны – с другой стороны» не схема диалектического мышления. К противоречию мы приходим с *необходимостью*, можно сказать даже *принудительно*, размышляя об одном, определенном предмете и обнаруживая, что одному предмету, независимо от нашего подхода к нему,

¹ Маркс К., Энгельс Ф.. Соч. т. 23, с. 6.

² Там же., т. 2, с. 102.

принадлежат противоположные, противоречащие друг другу определения, с необходимостью полагающие друг друга. С чем это связано?

С тем, что ни один предмет не существует (и не может рассматриваться) сам по себе. Как уже было сказано, каждый предмет существует лишь в связях с другими и определяется через «иное», через отрицательное определение (красный цвет – это не синий, не желтый, не зеленый; бытие получает определенность лишь через отношение к небытию и т.д.). Это главное в диалектической логике и методологии.

Каков исходный пункт материалистического понимания истории? – Вот этот пункт: «Индивидуумы, производящие в обществе, – а следовательно общественно определенное производство индивидуумов, – таков естественно исходный пункт».¹

Общественно определенное производство индивидуумов – это *противоречие в определениях*. В самом деле: по отношению к самому индивидууму его производственная деятельность есть деятельность целесообразная, сознательная, а потому и *свободная*, т.е. *самопричинная*, не детерминированная *внешним* воздействием, не принужденная, а *самодетерминированная*. Каждый, работая на своей грядке, заранее планирует свои действия и реализует задуманное. Следовательно, исходный пункт таков: каждый индивидуум, взятый сам по себе, свободен, результаты его действий зависят от него самого. Причинность, детерминизм здесь оказывается *мотивацией*. Это – внутренняя, а не внешняя детерминация. Понятие детерминации вообще не применимо к субъекту. Если детерминирован – значит не субъект, не человек, а «чурка с глазами».

Однако рассмотренный в отношении к другим индивидуумам, к «иному», индивид не свободен. Индивидуальное производство есть частица общественного целого, следовательно его границы заданы, определены в рамках данного типа общественного разделения труда. Индивид есть таким образом в границах своей отдельности существо свободное, поскольку он действует целесообразно. Поэтому он в этих границах есть целое, «*целостный человек*», а не особенный орган такой целостности, как муравей в муравейнике. Здесь он свободен, свободен как субъект и именно поэтому он человек. Однако его свобода есть свободный способ реализации общественной необходимости. В истории необходимость, в отличие от «естественной истории»,

---

¹ Маркс К. К критике политической экономии. Введение. М., 1949, с. 193.

от природы, реализуется в форме свободы, через свободу и никак иначе!

Это антиномия. Не трудно доказать логически и в соответствии с фактами, что человек свободен в своей целесообразной трудовой и всякой иной творческой деятельности: Я так замыслил, Я реализовал задуманное. А если созданное мною или произошедшее со мной оказалось зависимым не от моей воли и сознания, а, скажем, от того, что мною овладела какая-либо неподконтрольная мне самому страсть, гнев или инстинкт, то в этом случае я не субъект, а объект этой страсти или каких-либо внешних сил, тяготения, например, когда я упал, поскользнувшись. Здесь я уже не человек, а просто тело, просто физиология, просто инстинктивное существо. В этих случаях человек уже не целое, а только часть, «момент» других процессов, нечто извне принужденное.

Вот эта антиномия индивидуальной свободы и общественной детерминированности нашла отражение в знаменитом тезисе Руссо: «Человек рожден свободным, но повсюду он в цепях».

Что это значит, что человек рожден свободным? – А это простой факт: способ жизнедеятельности человека не предопределен ни его анатомией, ни его физиологией, не закодирован в его инстинктах. Он рожден не имеющим «сущности»: не волком, не оленем, не птицей, не ящерицей...»Ни ступить, ни молвить не умеет». Все его «определения» негативные, апофатические. Словом, «родила царица в ночь...не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку». Все это – «свобода от». А для общества его свобода – это необходимость, это «цепи». Свобода не уничтожена, она закована. Так рабочий «свободно» продает свою рабочую силу.

Эту антиномию необходимо развить и углубить: каждый действует сознательно, разумно, целесообразно. Он – свободный раб. А общественные результаты свободных действий *стихийны*, не подконтрольны самим индивидам, возникают и действуют с «железной необходимостью», подобной законам природы. Здесь нет свободы. Здесь царствует «естественноисторический процесс».

Маркс и Энгельс настойчиво и неоднократно подчеркивали, что развитие общества, рассмотренное только под категорией необходимости, детерминизма, ничем не отличается от природного процесса. Но это не абстрактная истина натурализма, не сведение общественных законов к природным, скажем, к биологическим, т.е. не истина для всех времен, а истина именно конкретно-историческая.

Истина не для всей истории, но лишь для *предыстории*, где общественные отношения людей господствуют над самими людьми. «Скачок из царства необходимости в царство свободы» предполагает нечто прямо противоположное: сознательное, целенаправленное, разумное строительство таких общественных отношений, при которых свободное развитие *каждого* станет условием свободного развития *всех*, такого общества, в котором человек реализует себя как субъект, относясь к другому не как к объекту, а тоже как к субъекту, в котором человек для человека станет не средством, а целью.

Подойдем с этих позиций к затронутой выше проблеме роли «расчетов» и «просчетов», свободы и произвола в истории «реального социализма». Так ведь это и есть свидетельство того, что сделан первый шаг на пути к *сознательному* творчеству своих общественных отношений ассоциированными производителями, первый шаг к свободе *всех*! Это и есть *главный критерий* оценки Октябрьской революции именно как социалистической. Все другие – критерии не адекватны масштабу события (буржуазная революция без капиталистов, государственный капитализм и т.п.). А где сознание, там не только истина, но и заблуждение, не только «расчеты», но и «просчеты». Решающе важно также учесть, что далеко не все пороки «реального социализма» обусловлены «субъективным фактором». Несколько слов об этой стороне проблемы.

Мне представляется, что следует вернуться к мысли Маркса о коммунистическом перевороте как мировом процессе. Думается, что построение социализма в одной, отдельно взятой стране невозможно. Это как раз то, что трезво понятая методология как раз и запрещает делать. Ни теоретически, ни практически нельзя даже представить возможность этого. Это со всех точек зрения немыслимо. Как можно лечить отдельно взятый орган больного организма? Если мы признаем существование мировой системы капитализма, то и коммунизм может победить лишь как сила интернациональная, как явление системное. Нельзя сказать, что понимания этого вообще не было. Опыт создания мировой системы социализма был. И эту систему погубило то самое, что погубило и ростки социализма «в одной, отдельно взятой стране». Стало быть и с этой, международной стороны первоначальный социализм представляет собой исторический момент перехода, переходное общество, фазу мирового процесса. Есть ли сегодня свидетельства того, что этот мировой антикапиталистический процесс не выдумка, не мечта, а реальная тенденция? –

Думается, что есть. Это ширящееся антикапиталистическое, антиимпериалистическое движение.

Но «вернуться к мысли Маркса» – это вовсе не означает решить проблему. Это было бы возрождением догматизма. В тысячу раз важнее и сложнее понять *необходимость* этого возвращения не для демонстрации верности учению, а для анализа реальных, конкретных процессов в истории XX века, процессов глобальных. Каковы формы и механизмы этого возвращения?

Признание борьбы двух тенденций в советской истории – это только констатация. Эта констатация оставляет открытым вопрос о том, почему победила антисоциалистическая тенденция в одной, отдельно взятой стране. А могла ли победить противоположная тенденция? – *Вот суть проблемы.*

Правильной, истинной является только та методология, которая позволяет понять *объективную необходимость* явления. Если мы констатировали наличие противоречия в становлении социализма в нашей стране, то мы только поставили проблему. А насколько само это противоречие необходимо?

Какое *фундаментальное противоречие* заключено в идее построения (не строительства!) социализма в одной, отдельно взятой стране?

Во-первых, одна страна не существует отдельно. Отдельно можно взять что угодно: «осетрину отдельно и мухи отдельно». А вот как это сделать? Можно ли из портрета «взять отдельно» нос? – Отдельно взятое не выживет. Останется только иллюзия в наших головах. Мысль, а не «бытие». И эта мысль может быть только ложной.

Во-вторых, «отдельно взятая страна» изъята из окружения, а это не просто «среда», это среда враждебная. И принцип ее существования противоположен принципу бытия этой отдельно взятой страны. Вследствие этого и та, и другая стороны *агрессивны*. Это не просто историческая констатация, хотя она эмпирически верна. Это – необходимое, логическое следствие посылки.

В-третьих, должна ли страна обороняться от агрессии? Должна ли революция защищать себя? Очевидно, что должна, иначе ее не будет. Значит, надо иметь армию, милицию и т.п. Т.е. страна должна быть государством. Противостоят ей тоже государства, оснащенные тем же самым. Точно так же: должны ли враждебные страны стремиться распространить свои принципы существования на весь мир? Очевидно, что должны, ведь эта часть мира, будучи другой и враж-

дебной, им угрожает. Отсюда следует: «весь мир насилия мы разрушим». Это – с одной стороны. А с другой стороны «враждебный мир» утверждает то же самое. Это и есть способ «глобального существования». Мирное сосуществование – это передышка, а в историческом смысле – иллюзия, благодушное пожелание. Так и получилось. Капиталистический мир растлил и задушил «ростки социализма» в отдельно взятой стране вместе с самой этой страной. Значит ли это, что «вечный мир» невозможен и что война единственно возможный способ разрешения глобального противоречия? – Нет, не значит. Разрешением этого противоречия может быть только мировой процесс перехода к новому способу общественного бытия. Не «экспорт» революции, конечно. Но и не «экспорт контрреволюции».

В-четвертых, возможно ли, чтобы внешняя функция противостояния, обороны и агрессии не превратилась бы во внутреннюю? – Нет, невозможно. Государство и во вне и внутри остается государством.

Главный недостаток большинства работ по истории «реального социализма» составляет именно *методологический просчет*. Развитие социализма исследуется преимущественно как *имманентный* процесс в одной, отдельно взятой стране, только *эзотерически*, а не экзотерически. Окружающая среда, заведомо враждебная, рассматривается исключительно как *внешнее* обстоятельство, влияющее, конечно, на имманентный процесс, но не решающим образом.

Именно методологически важно, *во-первых*, что «брать» отдельную страну, извлекая ее из окружения, как раз и не следует. Это именно то, что категорически «запрещает» диалектическая методология. *Во-вторых*, во всяком органическом развитии внешняя среда обязательно воспроизводится во «внутреннем». Анатомия и физиология любого живого существа есть довольно точная копия значимой для него внешней среды, копия настолько верная, что по анатомии какого-либо динозавра археолог уверенно рисует картину среды. Моделирование внешнего во внутреннем тоже объективная необходимость. Разве не в этом состоит эволюционная *адаптация*?

Может ли выжить во враждебном окружении страна, не создающая органы противостояния этому окружению? – Нет, конечно. А если учесть, что большую часть своей истории СССР находился на военном положении, то станет ясно, что и единоначалие, и командование, и администрирование, и армейский образ жизни и мышления – это превращенная форма и внешней необходимости. Так что эзоте-

рические «просчеты» оказываются на деле реалистическими расчетами. Подобно тому, как логику Октябрьской революции нельзя понять, отбрасывая первую мировую войну, так «деформации социализма» нельзя понять, отбрасывая вторую мировую войну. А гибель «реального социализма» – отбрасывая третью, «холодную». Внешняя необходимость была лишь помножена на тупость и амбиции режима. Страна тащила на себе чудовищный груз гонки вооружений. Страна истощилась и эту гонку проиграла. Странно читать размышления исключительно о «внутренней логике» социализма. Нет никакого сомнения в том, что это – мейнстрим», «колея», навязанная марксистам чужая «парадигма».

В этой же связи необходимо затронуть и такую методологическую проблему, как *обобщение*.

Теории не бывает без обобщений. Можно даже сказать, что обобщение – самое ценное в ней. Поэтому очень важно узнать, каким методом добываются иные современные обобщения. «Обобщения» – новые, а метод старый.

Вот, например, одно из самых впечатляющих новейших «обобщений». Утверждается, что своеобразие истории российского общества на всем ее протяжении составляет «властечентричность». Это «обобщение» не устает нести в народ с телеэкрана академик—историк Ю.С. Пивоваров.

Какова методология?

Берется множество разных этапов истории России, подмечается некая броская черта, общая для них. Например, поклонение власти. В свете этого «абстракта», присущего каждому особенному этапу, история общества и подытоживается с головы до ног. Историческое своеобразие этапов растворяется в царской водке этого абстракта. А ведь и в самом деле? – Эпоха Ивана III властечентрична, Ивана IV тоже, Петра Первого, двух Екатерин, трех Александров, двух Владимиров, двух Борисов, одной Елизаветы, одной Анны, одного Иосифа, одного Никиты и одного Леонида – все сплошная «властечентричность». Дорого то, что мыслить и разбираться в «специфике» не требуется. Взять их всех чоком – и все дела.

Ну а как быть со спецификой самой российской истории в целом на фоне истории мировой? Куда деть Египет времени фараонов, которые обожествлялись так же, как позднее и Римские императоры? Китайское, монгольское эпохи чингизидов, французское общество времени «короля–Солнца»? Точно так же можно было бы утвер-

ждать, что вся история России «мужецентрична» (за исключением нескольких императриц XVIII в.). Чем не «обобщение»? Правда, со «спецификой» и здесь не получается. История Европы такова же (вместе с исключениями). А вот всю историю Европы эпохи господства Габсбургов можно обобщить так, что будет поймана и «специфика». Обобщить по признаку «челюсте центричности», ибо у всех августейших Габсбургов гипертрофированная челюсть. Так что история Европы властеецентрична, а властеецентричность челюстеецентрична. А в древнегреческом анекдоте точно таким же методом обобщалось понятие «человек»: двуногое существо без перьев. Попробуйте найти такое же, исключая только ощипанного петуха. Вот и получается, что в темной ночи обобщенной академиком истории все кошки серы.

Есть и более трудный случай.

Дана страна классического капитализма – Англия второй половины XIX века. Тут налицо высокое развитие капитализма и, стало быть, «предпосылки социализма», а с ними и общий закон скачка из царства капиталистической необходимости в царство коммунистической свободы. А вот тут недоразвитая Россия. Она – вне закона и у нее «предпосылок» нет. Ее не «обобщишь», она никак не влезает в «общее правило». Что же делать? – То ли правило отбросить, то ли Россию из истории выбросить?

Почему так? – А потому, что общее правило – это тождественное в разных явлениях. Ткнули в Россию, а тождественного – то с Англией в ней и нет! Ну а если подумать? Обязательно ли для обобщения наличие одинакового? Скажем, человек есть существо, производящее орудия труда. Ну а Гете или Абрамович? Ни одного орудия труда за всю жизнь не произвели. Человек ли Гете? А Абрамович? Мозг «обрабатывает» информацию, желудок – крахмалы, кишечник – клетчатку, печень – жиры и сахара. Будем искать общее? – Обязательно! Но не сходное и одинаковое, а *разное*, а с ним и *общее* как *целое*. Целое – то в XX веке мировая *система* капитализма, а не одна Англия. В этом целом и созревают предпосылки для социализма и в России, и в Китае, и на Кубе, и в Венесуэле. Из этого должно исходить «обобщение». Если у вас заболел желудок, то предпосылки оздоровления скорее всего следует создавать не в самом желудке, а в головном или спинном мозге.

Вернемся к идее развития общества как естественно-исторического процесса, к идее «железной необходимости».

Если «железная необходимость» есть тезис антиномии, то устранение антитезиса, свободы, дает нам «экономический материализм» и «экономический детерминизм». Материалистическое понимание истории здесь оказывается ее *фаталистическим* пониманием. Эта операция дает нам вульгарный марксизм.

А если удалить тезис и оставить один антитезис, то это же понимание превращается в волюнтаризм, т.е. вульгарный идеализм.

Фаталистическое понимание истории, «экономический материализм» и есть то, что делал из марксизма «легальный марксизм». Логика его такова: поскольку в России нет необходимых материальных и духовных предпосылок социализма, то социалистическая революция незаконна, а призыв Ленина к ней – авантюризм. Остается только одно: способствовать развитию капитализма, уповая на естественное созревание этих предпосылок, которые когда-нибудь сделают социалистическое преобразование марксистски легитимным. Ленин отвечал: а что же мешает нам сначала взять власть, а затем, используя ее и опираясь на революционную самостоятельность трудящихся, создать эти предпосылки, опираясь на мировые достижения? Требуемое марксизмом соответствие производственных отношений характеру и уровню производительных сил будет выполнено, что и было сделано. Никакого противоречия с материалистическим пониманием истории здесь не будет, ибо история и есть деятельность преследующего свои цели человека. Все отличие от «нормального» хода вещей будет состоять только в том, что эта деятельность станет сознательной и солидарной самостоятельностью массы трудящихся. А это как раз то, что составляет необходимую *предпосылку* скачка из «царства необходимости» в «царство свободы». Следовательно, естественноисторический процесс есть не общая, а частная закономерность истории, закономерность «предыстории».

«Третье», т.е. синтез тезиса и антитезиса, дано. Оно дано в диалектико-материалистическом понимании истории как деятельности реализующего свои цели человека внутри сообщества людей и посредством общественных связей. Когда эти связи от человека отчуждены, когда они обрели внешний характер, исторический процесс оказывается стихийным, природоподобным. А когда это отчуждение снято, исторический процесс оказывается свободным творчеством ансамбля людей, объединенных общностью интересов и целей, их коллективным и одновременно индивидуальным саморазвитием.

Рассмотрим теперь проблему материальных и культурных предпосылок социализма. Что здесь не *зависит* от сознания и воли людей, а что *зависит* от воли и сознания и составляет содержание свободы?

Что такое предпосылки процесса исторического саморазвития общества? Это *накопленный труд* прошлых поколений, нечто уже свершившееся. Каждое новое поколение застаёт известное количество накопленного труда как что-то *данное*, от воли и сознания нового поколения не зависящее. Оно не зависит от нового поколения *точно в той же мере, в какой прошлое вообще не зависит от настоящего*. От воли и сознания нового поколения зависит *живой труд*. И независимым от воли и сознания он как целесообразная деятельность *по определению* быть не может. Но ведь и вся история человечества есть история живого труда. Он, а не мертвый труд, доминирует в историческом процессе. Если бы этого доминирования не было, то не было бы и истории, а с нею и истории капитала с его «железной необходимостью». Единая нить истории здесь не прерывается, а восстанавливается. «Мир уже давно грезит о предмете, которым можно овладеть только осознав его», – писал молодой Маркс, – «речь идет не о том, чтобы мысленно провести большую разграничительную черту между прошедшим и будущим, а о том, чтобы осуществить мысли прошедшего. И, наконец, обнаружится, что человечество не начинает *новой* работы, а сознательно осуществляет свою старую работу».¹

Накопленный труд и детерминирует труд живой. Однако совсем не так, как причина детерминирует следствие, а анатомия и физиология животного детерминируют его жизнедеятельность. Та очевидность, которую в упор не видят «экономические детерминисты», есть простой факт. Предпосылки – это тоже труд, деятельность, которой время сообщило *форму покоя*. Это можно было бы назвать «агрегатным состоянием» труда, а оживление предпосылок, их «распредмечение» и «развеществление» – «фазовым переходом», используя физические аналогии. Но и «предпосылки» и живой труд – это одно и то же – разные состояния одной и той же «субстанции». Поэтому «предпосылки» вовсе не детерминируют живую деятельность, она является самодетерминированной. О детерминации здесь говорить столь же нелепо, как и о детерминации курицы яйцом (или наоборот). Если разорвать единый процесс и рассматривать два конца как два разных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 1. С. 381.

объекта, то мы и получим «парадокс» яйца и курицы. Но ведь курица это просто взрослое яйцо, а яйцо – молодая курица, одно и то же. Не станем же мы вопрошать, что первично? – вот это яйцо, которое в руке, или вон та, бегающая в огороде курица? Но ведь логика «экономического детерминизма» именно такова.

Таким образом получается, что если единую историческую нить, историческую последовательность разрезать пополам, на день вчерашний и день сегодняшний, то их взаимоотношение примет вид внешней детерминации. А если исторический процесс брать как целое, то вместо детерминации мы получим развитие, главным результатом которого окажется сознательное овладение людьми теми силами, которые до того формировались и действовали у них за спиной. В истории не устранимо не только объективное, но и субъективное. Поэтому – то Маркс и настаивал в первом из «Тезисов о Фейербахе» на том, что предмет следует брать не только как объект, но и субъективно, как практику, как опредметившуюся деятельность человека. А это как раз то, что метафизическая голова понять никак не в состоянии. Она тут же поднимает крик: «Брать субъективно?! – Нелепость! Идеализм!»

Добавим и еще одно соображение. Во-первых, следствия вообще не вытекают из предпосылок. Предпосылки – это лишь внешние обстоятельства, при которых осуществляется детерминационная связь. Как и ресурсы, и географические условия вообще, сами они в детерминации не участвуют, не сообщают определенности явлению и не объясняют его. Во-вторых, «экономический детерминизм» есть в сущности преформистское воззрение, руководствующееся законом «достаточного основания»: «полное следствие эквивалентно (тождественно) полной причине». А с этой позиции все будущее уже заключено в прошлом, событий нет и история невозможна. Следовательно фатализм сам опровергает себя, он вообще исключает будущее. Такова его логика.

По-видимому в этом направлении должна разрешаться антиномия необходимости и свободы в истории. Такое ее разрешение и есть «решение загадки истории». С иных позиций «скачок из царства необходимости в царство свободы» должен толковаться как скачок от материалистического понимания истории к ее идеалистическому пониманию. Необходимость следует понимать не как отрицание свободы, а как историческую необходимость свободы. Это и будет диалектико-материалистическим пониманием истории.

А.В. Бузгалин

**По ту сторону отчуждения:
социальное творчество и свобода**

Никто не даст нам избавленья –
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Э. Потье

Жизнь человека – это борьба.
Раба – за свободу.
Свободного – за совершенство.

*(Надпись на стене старинного
монастыря в Болгарии)*

Для меня, как и для моих товарищей, свобода была, есть и будет не просто словом или философской категорией. За ними скрывалась жизнь, борьба, смерть тех, кто для нас был символом бессмысленной жизни; тех, кто ненавидел угнетение и рабство – от Кампанеллы и декабристов до Че Гевары и большевиков...

Но главным для нас в их жизни было не простое восхищение борьбой этих людей, но поиск ответа на мучительные вопросы о причинах их побед и поражений; подвигов и ошибок (причем, порой, преступных...). Этот поиск стал импульсом для серии работ, написанных совместно с А.И. Колгановым, где была дана сжатая характеристика современной эпохи как переходного состояния из *царства необходимости* (характеризующегося господством репродуктивного труда, материального производства, отчуждения в общественных отношениях) в *царство свободы* – мир, основанный на доминировании творческой деятельности, лежащей «по ту сторону» материального производства и вырастающий в процессе борьбы за социальное освобождение человека. Соответственно, «реальный социализм», существовавший в СССР, был раскрыт как мутация, вырождение и кризис первой попытки «скачка» в царство свободы, а нынешний неолиберальный реванш как всего лишь временный

«откат» на долгом пути человечества из мира отчуждения к новой системе общественных отношений¹.

Однако выше крайне бегло был затронут ключевой вопрос – тот, что больше всего волнует и меня самого: а что же такое свобода, если переход к царству свободы есть суть нынешней эпохи, суть столетий борьбы за освобождение. Этот вопрос оказался вдвойне важен именно сейчас, когда неолиберализм как бы восстановил свою монополию на его решение, и эта монополия оказалась негативно, неявно признана и социал-демократами, и сталинистами. Первые все время говорят о необходимости соединения либеральных (других они не видят и не хотят видеть) индивидуальных свобод с социальной коллективной ответственностью. Вторые вообще предпочитают «забывать» об освобождении (понимая свободу *de facto* как безответственность, вседозволенность, произвол) и все больше напирая на необходимость порядка и власти «твердой руки».

Тем важнее для нас (а автор отнюдь не одинок в этом вопросе) «засиять заставить заново» великое понятие свободы.

Эта задача не просто важна, но и чрезвычайно сложна: не мало величайших умов человечества решали ее – от Гегеля к Марксу, Ленину, Грамши, Сартру и далее... Естественно, этот текст одного из их последователей не может претендовать на целостное решение вопроса. Но она может дать пунктир поиска ответа на него, если мы последуем методу диалектического единства исторического и логического, отслеживая реальные достижения Человека (как родового существа) на пути своего реального социального (а вместе с этим и субъективного, индивидуального) освобождения в процессе снятия царства необходимости (мира отчуждения). Именно так и поступит автор ниже, посвятив, однако, первую часть краткой аргументации именно такого подхода, потратив при этом немало сил на воспроизведение некоторых в принципе известных, но ныне упорно «забываемых» или сознательно замалчиваемых аргументов марксизма XX (а то и XIX) века.

---

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М., 2009.

1. В поисках «формулы» свободы

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

К. Маркс

Для современного либерального (а вместе с ним, как я отметил, и социал-демократического) теоретика взгляд на свободу как, прежде всего, социальную проблему возможен только в одном измерении: свобода есть свобода индивида¹ (и в этом абстрактном исходном пункте мы с ними согласны, хотя сразу могли бы сказать: не только...) от каких-либо внешних воздействий. Для европейского либерала конца XVIII века это была прежде всего свобода от феодально-аристократического произвола, от различных форм внеэкономического принуждения; для российского либерала конца XX – от власти авторитарной партийно-государственной машины, но в любом случае это была «свобода от», негативная свобода.

1.1. Потенциал и пределы «негативной» свободы: к критике практики либерализма

Такое понимание свободы было объективным и закономерным продуктом всякого общества, уходящего от господства добуржуазных форм подчинения Человека (мы еще вернемся к их анализу) и оно адекватно отражало практику борьбы за освобождение Человека – практику буржуазных и анти-тоталитарных революций, либеральных и народно-демократических реформ². Именно эта практика (разрушение традиционно-

---

¹ Автор пока оставляет за скобками вопрос о свободе как исключительно духовном феномене, когда освобождение достигается, прежде всего, путем ухода из общества (ухода в мир религии, «искусства для искусства», «чистой» науки, «естественной» природной жизни и т.п.). К этой проблеме мы вернемся несколько позже.

² Не могу не обратить внимание читателя, что борьба против нарушения прав человека в СССР во многом отразила это двойственное отношение к свободе. Два крыла диссидентства – либерально-буржуазное и демократически-социалистическое, будучи едины в понимании необходимости борьбы за негативную свободу, принципиально расходились в вопросе о необходимости ее последующего дополнения позитивным

общинных, феодально-иерархических или авторитарно-бюрократических зависимостей и возникновение буржуазных форм отчуждения – индивидуализм вкупе с овещнением человеческих отношений) обусловила (оставим гносеологические предпосылки в стороне) и еще один аспект в понимании свободы. Свобода *индивида* (NB! опять подчеркнем этот аспект) трактовалась не только как свобода *от* чего-либо, но и как свобода, *ограниченная* свободой другого индивида: я могу и должен быть свободен лишь в той мере, в какой я не нарушаю свободы другого. Конфликт *моей* и *его* свободы, их взаимоограничение было не критически перенесено из практики (практики отчужденных от Человека общественных форм – рынка, представительной демократии, религии...) в теорию и увековечено как аксиома. Более того, оно оказалось воспроизведено и в сфере морали, когда высшей формой гуманизма оказался императив: “не делай другому того, чего не пожелаешь себе”.

А как же может быть иначе? Что иное может предложить человечество в понимании свободы и в практике освобождения?

Оставим на время критику “реального социализма” и обратим наши взоры к теории. Здесь при внимательном рассмотрении обнаружится много интересного. Начав со сферы нравственности, мы можем сделать шаг вперед от идеи формального (перед законом, “невидимой рукой рынка”, церковью) равенства и потому одинаковости людей, и зафиксировать кажущуюся очевидной, но важнейшую для дальнейшего посылку: *каждая человеческая личность индивидуальна, своеобразна, неповторима и не похожа на другую*. Оговорюсь: такая постановка очевидна только в том случае, если мы говорим о так называемой “родовой сущности Человека”¹ и

освобождением человека. Не могу в этой связи не обратить внимание читателя на выходявший в СССР, а позднее в эмиграции, журнал «Поиски», отразивший эти дискуссии и замечательные статьи его вдохновителя, диссидента-социалиста П.М. Абовина-Егидеса (подробнее см.: Абовин-Егидес П.М. Наш звездный час. М., 2000, с. 5–40, 263–369, 501–505).

¹ Трактровка этого понятия, восходящего к классической немецкой философии и широко использовавшегося в работах К. Маркса (прежде всего – «Экономико-философских рукописях» 1844 г. и «Экономических рукописях» 1857–59 гг.), дана в широком спектре работ философов-«шестидесятников». Одной из наиболее масштабных из таких публикаций стала коллективная монография «Проблема человека в современной философии», а так же серия работ зарубежных авторов, среди которых уже

оставляем в стороне систему отношений отчуждения, нивелирующую Человека тем или иным способом, сводя его то ли к растительному существованию в рамках общины, то ли к потребительскому стереотипу в условиях массового капиталистического производства, то ли к роли “винтика” в авторитарной системе. Но если личность Человека по своей сущности уникальна, то само применение одинаковых (причем формально-одинаковых) экономических, политических, нравственных правил и норм к принципиально различным и неповторимым индивидуальностям уже само по себе есть подавление их личностных качеств, нивелировка, стрижка под одну гребенку... – т.е. все то, против чего так активно выступает либерализм, ратуя за свободу Человека.

Где же выход? На абстрактно-теоретическом уровне проблема могла бы решаться так: *именно неповторимые, уникальные (не похожие на других) возможности жизнедеятельности личности могли бы стать условием ее свободного развития.* При этом своеобразие каждого было бы условием его активного взаимодействия с другим, условием его диалога¹ с другим как равноправным Субъектом, Личностью, в отличие от предлагаемого либерализмом формально-одинакового взаимодействия людей как товаровладельцев, покупателей, граждан. Но для того, чтобы такое отношение стало возможным, *своеобразие и неповторимости личности каждого должны быть востребованы объективными социальными отношениями. Последние должны способствовать не*

упоминавшиеся Бертелл Олман, Иштван Мессарош, Адам Шафф, а так же Люсьен Сэв, некоторые работы которого были переведены на русский язык. В наиболее полном виде, однако, эта категория раскрыта в работах Дьердя Лукача (См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991, с. 72–73, 107–112, 242–264 и др.), который показал ее как активно-творческое, деятельное начало Человека, развивающееся в отчужденных формах в рамках предыстории и обретающее свое полное развитие лишь в условиях коммунизма – истории Человека. Не случайно, завершая свою работу, Лукач приводит следующие слова: «Когда Эпиметей спрашивает Прометея, как тот представляет свое подлинное бытие, ответ гласит: *Тот круг, что я деянием заполняю!*

Не больше и не меньше!»

(Лукач Д. Цит.соч., с. 410; выделен мной – авт.)

¹Идея диалога как субъект-субъектного отношения развита, как было отмечено в нашей книге «Глобальный капитал» (М., 2004, ч. I), в работах М. Бахтина, Г. Батищевой, В. Библера и других.

унификации и стандартизации индивидов, а такому развитию их своеобразия, которое бы инициировало их диалог и сотворчество, а не конфликт и взаимоотноуждение.

А теперь зададимся вопросом: что именно продуцируют рынок и представительная демократия? Равные предпосылки и ограниченную некоторыми правилами свободу для своеобразного развития индивидов или их социальную унификацию, стандартизацию и отчуждение, когда рост свободы и богатства (имеющего в рамках либеральной системы форму денег, капитала) одного всегда означает ограничение свободы и богатства другого? Первый ответ будет характерен для либерала. Второй – для марксиста, а значит – и для автора этого текста.

Пожалуй, будет далеко нелишне напомнить наши основные аргументы¹, доказывающие, что практика неолиберализма (а ныне это отношения глобальной гегемонии корпоративного капитала) есть подавление свободы человека.

Во-первых, рынок как система общественных отношений порождает отношения конкуренции (причем не только в экономике, но и в остальных сферах жизни, продуцируя своего рода “экономический империализм”), когда выигрыш одного неминуемо оборачивается проигрышем другого и лишь в конечном итоге при благоприятной конъюнктуре все это приводит к некоторому росту совокупного богатства при мощной социальной дифференциации, а свобода бедного и богатого – это две разных «свободы» и две разных «несвободы». Бедный поработен необходимостью каждодневной борьбы за существования по правилам, которые устанавливает богатый; богатый – зависимостью от своего собственного капитала, жизнедеятельность которого он должен обслуживать. Но об этом – ниже.

---

¹ Подробнее эта система аргументов развита автором в тексте «Мифы рынка», опубликованном отдельной брошюрой (М., 1991) и в книге «Экономическая демократия» (М., 1992). Эти давно известные аргументы попросту игнорируются теоретиками право-либерального толка (Фридман, Хайек, Пайпс; См.: Фридман М. Капитализм и свобода. Нью-Йорк, 1982, Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005 и др.) не имеющими в своем запасе никаких аргументов, кроме «здорового смысла» обывателя, у которого все его личностные качества намертво сращены с его собственностью (будь то многомиллиардный капитал, маленький домик или только рабочая сила «профессионала»).

Во-вторых, свобода *от* в действительных условиях капитализма (даже капитализма свободной конкуренции, не говоря уже о современной эпохе глобальной гегемонии корпоративного капитала) всегда находится в противоречии с законами частной собственности и рынка, законами капитала и формальной демократии, где человек свободен в своем выборе лишь в меру той собственности, которой он обладает, и функцией (работой) которой он является. Это касается, кстати, и сферы политики, где формально равные права граждан сталкиваются с реально различной мерой свободы *решения* политических вопросов, которая пропорционально капиталу (а здесь уже проявляется и противоречие рынка и демократии: в первом случае «голосуют» долларами, и потому этих «голосов» у одних много, а у других – мало; во втором – у каждого формально один голос; впрочем, как показывает опыт, политические голоса то же покупаются; в борьбе демократии и рынка – а особенно современного, корпоративно-капиталистического – побеждает рынок).

В-третьих, рынок формирует овещнение человеческих отношений, товарный фетишизм, фетишизм денег и капитала, превращая вещи и деньги в высшие ценности и сводя Человека к роли и функции вещи: будь то стандартный набор потребительских благ, товар-рабочая сила или капитал. Во всех этих случаях свобода личности подчинена функции воспроизводства товара, денег, капитала. Вы делаете не то, что хотите, а то, что он Вас требует рынок¹.

Наконец, в-четвертых, в современном мире за формальным равенством прав и свобод скрывается (и это особенно характерно для конца XX – начала XXI столетия) глобальная гегемония корпоративного капитала. Как было показано выше, это система

---

¹ Постепенное вытеснение массового индустриального производства и прогресс «общества профессионалов» несколько корректирует эту ситуацию (о чем мы уже говорили и еще поговорим ниже). Но это (1) было и на ближайшую перспективу останется уделом лишь 5–10 % работников Земли (в России рынок, напротив, «приказал» большинству профессионалов переквалифицироваться в челноков) и (2) указывает на то, что прогресс технологий, творческой деятельности подрывает собственные основы рынка и капитала, о чем автор подробно писал в своих работах. С другой стороны, ныне сам рынок становится, как я показал во 2 части тотальным, рождая уже не раз упоминавшийся феномен «рыночного фундаментализма».

разносторонне эксплуатирующая работника, подчиняющая человека не только как наемного работника (он всегда был функцией капитала), но и как потребителя (чего стоит хотя бы идея “поколения Пепси”), члена корпоративной иерархии (одержимого сверхзадачей работы на корпорацию в рамках этой “административно-командной системы” в миниатюре), объекта манипулирования со стороны mass media, заложника прямого насилия со стороны хозяев военно-политических блоков и т.п. Даже демократия становится не властью народа, где каждый обладает равными правами, а системой политических технологий, превращающих человека из суверенного гражданина – субъекта власти, в пассивный электорат – объект, из которого политтехнологический процесс «производит» нужные голоса, формируя механизм власти немногих, где мера свободы оказывается пропорциональна величине и мощи капитала и аппарата насилия...

В этих условиях человек сталкивается с тем, что я (используя размышления Ж.П. Сартра) назвал бы «парадоксом свободы от в мире отчуждения»¹: чем выше индивидуальная свобода [действий] человека в мире отчуждения (чем больше его сила, власть, богатство и т.п.), тем менее свободны все те, с кем он вступает в деятельностные отношения и, опосредованно (как раб своего статуса, собственности), он сам.

---

¹ В этой связи особенно важно диалектически воспринять подход к свободе Ж.П. Сартра, писавшего, что человек «обречен на свободу», будучи созданием, которое должно принимать решения и выбирать. Как таковой он в своем действии, направленном на другого человека, всегда ограничивает его. Более того, дать что-то другому, пишет Сартр, значит взять его в плен. (J.P.Sartre, *L'être et le néant*. Paris, 1957. P. 298–299, 313; эти положения творчески прокомментированы Т. Ярошевским в его книге «Личность и общество» [М., Прогресс, 1973. С. 220]). На наш взгляд, здесь Сартр очень точно отразил связь индивидов в мире отчуждения, личной и вещной зависимости. Задача же социального освобождения в том как раз и состоит, чтобы действие, идущее на встречу другому человеку, не поработало индивида, но раскрепощало его личностный потенциал, тем самым позитивно освобождая его. Эти интенции отчасти были характерны и для самого Сартра, который в «Критике диалектического разума» уже ставил задачу преодоления буржуазного индивидуализма и абстрактной субъективности (См.: J.P.Sartre, *Critique de la raison dialectique*. Paris, 1968, p. 110–113; См. Так же: Ярошевский Т. Цит. соч. С. 79).

Поясню еще раз эту противоестественную для обыденного сознания связь. В условиях отчуждения, когда человек человеку – волк, индивид, как мы заметили выше, не обретает себя благодаря возможности принимать решения, свободно действовать, но оказывается «обречен на свободу». Свобода оказывается его роком и наказанием, ибо в мире отчуждения любое действие превращает и самого человека, и его окружение в функции, в рабов отчужденных сил (товаров, денег, бюрократических структур). Покупая товар или «делая деньги» вы превращаетесь в объект [товарного, денежного фетишизма], становитесь функцией своей собственности, вещей, капитала. Вы должны жить и поступать по отношению к себе и к другим так, как от вас требует ваша собственность, капитал, ибо иначе вы нарушите законы мира [отчуждения], в котором живете и этот мир быстро выкинет вас на обочину (тема протеста человека против навязываемых обществом законов и логики действий, чуждых человеку, идущих вразрез с его интенциями любви, дружбы, солидарности, является ключевой в подлинном искусстве – от критического реализма до экзистенциализма: творчество Бальзака и Толстого, Достоевского и Камю тому непосредственное подтверждение). Тем самым человек, повторю, любым своим [потенциально свободным] действием в мире отчуждения превращает себя и другого в раба [чуждых человеку социальных сил].

Итак, формальное равенство прав в условиях рынка и представительной демократии, формальная свобода от оказывается необходимым, но далеко не достаточным условием освобождения человека. Более того, ограниченность негативной свободы подталкивает нас к пониманию того, что преодоление этих рамок, первые шаги социального освобождения должны быть связаны с поиском таких категориальных определений (в теории) и, главное, ростков таких отношений в жизни, которые бы:

(1) снимали, диалектически отрицая, но вместе с тем сохраняя все достижения “негативной свободы”;

(2) создавали простор для неповторимого индивидуального развития человека, не подчиняя его внешним унифицирующим условиям;

(3) обеспечивали такую систему взаимодействия индивидов, когда рост свободы, самореализация неповторимых качеств одного не ограничивает, а расширяет возможности свободного развития всех других.

Таков первый (но не единственный и не самый существенный) блок “требований” к отношениям и к категории свободы, рождаемый анализом противоречий капиталистического миропорядка и либеральной теории.

1.2. “Позитивная свобода”:

от познания необходимости к социальному творчеству (к критике теории либерализма)

Поиск в жизни ростков таких отношений освобождения, о которых мы говорили выше, окажется возможным только тогда, когда мы овладеем теми особыми методологией и теорией исследования реальности, которые помогают увидеть в жизни то, что большинство не замечает (подобно тому, как микроскоп и телескоп позволили увидеть буквально над нашими головами и под нашими ногами миры, ранее не виданные никем). Для этого нам предстоит вооружиться (пока как гипотезой) теорией освобождения как ассоциированной деятельности людей не только познающих необходимость (в частности – закономерности истории), но и, на этой основе, активно воздействующих на нее (творящих историю)¹.

Такой подход к проблеме свободы, акцентирующий внимание прежде всего на сознательном творении истории, восходит своими корнями к классическому марксизму², являясь вместе с тем последовательной критикой и сталинизма, и либерализма.

В первом случае свобода сводится практически без остатка к познанию необходимости, которое (в рамках этой доктрины) осуществляется партийной наукой (*de facto* – наукой, подчиненной верхушке бюрократической системы). Деятельность же по “сознательному использованию познанных объективных законов” возлагается на централизованно организованное общество с

---

¹ Сразу же приведу простейший пример: один ученый, познающий необходимость, доказывает, что всякое тело, тяжелее воздуха, неминуемо должно упасть на землю; другой разрабатывает модель самолета и так изменяет жизнь, что ныне, не отменяя, но попирая законы земного тяготения каждый может летать и летает...

² Среди левых Запада позитивное понимание свободы часто сводится к системе реальных социальных прав – свободы трудиться, иметь жилье, образование и т.п. Это действительные слагаемые позитивного освобождения, но, на мой взгляд, относящиеся скорее к абсолютно необходимым материальным социальным предпосылкам освобождения, чем к свободе как таковой.

жестким разделением (характерным для всякой бюрократической структуры) функций управления (это прерогатива “центра”) и исполнительского труда (это участь “совокупного работника”).

Во втором случае (а полемика с “умным” либерализмом для нас важнее, чем критика “оглуленного” марксизма) сомнению подвергается как способность человека познать объективные законы (прежде всего – социальные), так и результативность сознательного воздействия на них. “Гносеологическая гордыня” и “активизм” – таковы с точки зрения либерала смертные грехи всякого критика слева устоев либерализма (в терминологии Поппера–Сороса – “открытого общества”). В популярных ныне вариациях на эту тему (Гидденс и др.), ставших чрезвычайно популярными в России в последние годы (см., например, работы Б.Капустина) история вообще теряет всякую логику и закономерность, превращаясь в «сосуд случайных событий», которые в рамках того или иного социума могут «слипнуться» в определенный «кластер».

Можно было бы, конечно, оставаясь в рамках традиционного марксизма, опустить эти возражения, оставив их на совести ученых мужей, являющих собой «сосуд» случайно почерпнутых из разных источников знаний, «слипшихся» в постсоветский «кластер». Однако для нас эта проблема принципиально важна, ибо если у социальной истории нет законов, то, следовательно, и познать их невозможно, а вне познания объективных законов истории и, на этой основе, ее “творения” объединенными индивидами, свобода для марксиста невозможна.

Вполне отдавая себе отчет в том, что на нескольких страничках текста невозможно дать аргументированную критику доктрины, насчитывающей не одно столетие, воспользуюсь лишь невольной *самокритикой либерализма*, указав на несколько очевидных примеров того, что либерализм *de facto* основывается на (1) познании [либералами–теоретиками] законов истории (когда и насколько оно истинно – второй вопрос) и (2) сознательном воздействии [либералов–практиков] на стихийное развитие исторических процессов (прежде всего – в тех случаях, когда эти «объективные» и «непознаваемые» процессы идут вразрез с экономическими, геополитическими и т.п. интересами правящих элит «либеральных» государств).

Пример № 1. Классический либерализм XVIII века начинает ни с чего иного как с... просвещения, т.е. критики существовавшей тогда

системы; причем критики как теоретической (доказывая, что прежнее общественное устройство отжило свой век, мешает развитию человека, наук, промышленности и т.п., то есть, выражаясь марксистским языком, «познавая законы истории» и на этой основе делая вывод об исторической регрессивности феодально-монархического общественного устройства), так и практической (используя сии плоды просвещения как идеологию буржуазных революций, когда идеи, овладевая массами, становились силой материального преобразования общественного устройства). Эти черты необыкновенно ярко проявляет ранний, радикально-критический либерализм (за что его, кстати, всячески стремятся «забыть» современные либералы и всячески стремятся «оживить» творческие марксисты)¹.

Особенно в этой связи мне хотелось бы выделить подвиг российских *декабристов* – революционеров, выступивших (рассуждая теоретически) с позиций умеренного (по сегодняшним меркам) либерализма, но ставших в своих действиях подлинными героями борьбы за позитивное освобождение Человека. Их цели, мотивы их действий лежали прежде всего в поле подлинно человеческих качеств. Ими не двигало ни стремление к повышению своего социального статуса (многие руководители восстания и без того принадлежали к элите дворянства), ни жажда наживы, но *интенции социального освобождения*, стремление к продвижению (в меру тогдашних весьма скромных возможностей) российского общества по пути к царству свободы. Более того, в отличие от проповедующих невмешательство в объективные процессы либералов XX века, декабристы с самого начала и до конца действовали (вспомним, как они держались на эшафоте, что они делали в тюрьмах, на каторге, в ссылке) как ассоциированные преобразователи общественных отношений, социальные творцы. Тем самым в своих целях и действиях декабристы объективно ушли далеко вперед по отношению к относительно узким задачам антифеодальной революции в России, став борцами за социальное освобождение Человека. Именно поэтому, я думаю, так не любят

---

¹ Не случаен в этой связи известный факт: когда гражданам США через 200 лет после принятия Декларации независимости предложили подписаться под этим текстом, большинство из них сочло документ красной пропагандой.

вспоминать о них нынешние либералы и так помнят о них подлинные коммунисты.

Пример № 2. Известная работа К. Поппера «Открытое общество и его враги» является одним из наиболее мощных теоретических «доказательств» правомерности либерализма и утопичности (а также реакционности) марксизма как одной из самых опасных теорий, ведущих к «закрытости» общества. Работа содержит систему аргументов, призванных доказать теоретически и с отсылками к историческим фактам, что «открытое общество» по всем основным параметрам и во всех основных сферах (экономике, политике, духовной жизни) эффективнее, демократичнее, гуманистичнее закрытых. Оставим пока в стороне доказательность аргументов Поппера (хотя их, конечно же, можно и нужно оспаривать) и обратим внимание на его методологию: наш супер-либерал по сути стремится доказать (1) познаваемость исторического развития и (2) наличие прогресса (ибо иначе в чем превосходство открытого общества перед закрытым?), т.е. использует... марксистский подход к исследованию истории¹.

Более того, став идеологией истеблишмента «первого мира» (прежде всего – США), идеи открытого общества опять же превратились в материальную силу – силу вооруженных «акций», направленных на привнесение (при помощи ковровых бомбардировок, напалма, «особо точного оружия», государственных переворотов и других «либеральных» методов) принципов открытого общества во Вьетнам, Никарагуа, Чили, Югославию...

Мне менее всего сейчас хочется сводить дело к осуждению «либерализма крылатых ракет». В данном случае перед нами стоит другая задача: показать, что либерализм *de facto* стремится познать законы истории, доказать правомерность именно своих представлений об этих законах и, более того, активно воздействовать на исторические процессы, исходя из этих своих представлений (а прежде всего – исходя из интересов социальных сил, всячески пестующих и насаждающих либеральные представления).

Пример № 3. Не менее известная в 1990-е годы (хотя ныне уже вышедшая из моды) книга Ф. Фукуямы «Конец истории» вообще вернула нас к гегелевской методологии философии истории (а идея

---

¹ Системная критика аргументов Поппера дана в моей книге «Анти-Поппер» (М., 2003).

свободы как познанной необходимости восходит именно к Гегелю, хотя великий немецкий диалектик трактовал эту категорию много сложнее¹; причем позаимствована оказалась не диалектика, а конъюнктурный вывод Гегеля о том, что история может достичь конца, придя к некоему идеальному государственному устройству: каждому ученому, даже великому, иногда хочется польстить государю). Френсис Фукуяма именно в этом решил последовать примеру своего учителя, «закрыв» открытое общество в его социальном измерении, путем... обнаружения нового абсолютного идеала – неолиберальной модели, базирующейся на власти ТНК, НАТО и других «сил освобождения» (не будем забывать, что «либерти» означает «свобода»). Так «познание законов истории» (вывод о крахе коммунизма) опять было использовано для (1) понимания окружающей действительности и (2) выработки нового геэкономического и геополитического курса «большой семерки»².

Пример № 4. Широко известный в России бестселлер Дж. Сороса «Кризис глобального капитализма» (NB! Чего стоит одно название, выдержанное в ортодоксально-марксистском духе!), написанный автором после того, как он «прозрел» (потеряв, говорят, 2 млрд. долларов в России в августе 1998 г.) и понял суть власти глобального капитала, свидетельствует вновь о том, что претендующие на роль мыслителей «капитаны большого бизнеса» стремятся познавать закономерности истории и делать отсюда определенные практические выводы. Сам Сорос «вдруг» ...открыл велосипед, обнаружив, что «открытое общество» и прежде всего «свободный» рынок при неконтролируемом развитии несут в самих себе мощные угрозы Человеку и обществу.

Но довольно примеров. Мне важно было лишь проиллюстрировать выдвинутый в начале текста тезис: познание закономерностей истории и возможность сознательно действовать в соответствии с этими законами есть феномен практики не только

---

¹ Для Гегеля свобода есть разрешение противоречия между необходимостью и случайностью через субъективизацию (но не просто познание) субстанциональности (См.: Гегель Г. Наука Логики. Т. 2, м., Мысль, 1971, с. 225; ср.: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., т. 29, с.148; Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 624)

² Впрочем, как известно, сам Ф. Фукуяма с сожалением говорил о наступлении "конца истории", надеясь, что хотя бы свойственная этому периоду скука приведет к его взрыву.

обвиняемых в активизме левых, но и провозглашающих стратегию «невмешательства» правых. Вообще активное стремление познать объективный процесс и занять активную позицию в принципе характерно для всякого буржуа-предпринимателя, и лишь сталкиваясь с принципиальной неспособностью частного лица (если, конечно, это не гигантские ТНК) сознательно воздействовать на конъюнктуру рынка, сей активный субъект и его идеолог проникаются гносеологическим пессимизмом (да и как им не проникнуться, когда даже «великий» оптимизм Фукуямы, которому поверило едва ли не 90 % интеллигенции, продержался всего лишь несколько лет, сменившись Хантингтоновским пессимизмом, мощно подкрепленным практикой НАТОвских «полицейских операций»).

Итак, *свобода есть возможность действовать в соответствии с познанной необходимостью*; ответ на великий вопрос найден?

Отнюдь. Мы всего лишь сделали еще один шаг на пути понимания этой загадки и вместе с тем «сверхзадачи» всемирной истории. Прежде всего, здесь требуется ряд существенных уточнений и дополнений.

Первое. Историческая необходимость всегда диалектически связана со случайностью. Ход истории закономерен лишь в конечном счете, а непосредственный процесс развертывания социальной жизни во времени и пространстве многообразен и во многом случаен.

Более того, рост этого многообразия и вариаций становится одной из предпосылок свободы как выбора. И это касается как индивида, так и целых социумов. К большим рубежам исторических изменений (например, победе рынка и капитала как универсальных форм экономической организации индустриального производства) различные социумы идут разным путем. Для «тока истории» характерно многообразие русел; по некоторым из них социальное время несется как стремительный горный поток, по другим – лениво катится подобно равнинной реке, а третьи ведут в болото застоя.

Именно это многообразие случайных исторических процессов создает объективную возможность (но именно и только возможность!) свободного выбора. Здесь возникает феномен, который я, перефразируя Д. Лукача¹, назвал бы «диалектикой

---

¹ См.: Лукач Д. К Онтологии общественного бытия. Пролегомены. М., 1991, с. 207–211.

обратимости»: История (как социальный прогресс, но не как сцепление событий) оказывается обратима (и с этой точки зрения она знает сослагательное наклонение). Человек как родовое социально-творческое существо (в конкретных обществах эту нашу – «общечеловеческую» – роль могут выполнять различные социальные силы) обладает (в рамках некоторых объективных ограничений) возможностью (1) выбора путей исторического развития и (2) «изменения» истории, предотвращения (и, в некотором смысле – исправления) исторических ошибок и преступлений. Прежде всего это касается социальных «мутаций» – таких, например, как фашизм (реакционная мутация позднего капитализма), историческая ответственность за предотвращение возникновения которого лежит на всех нас, или сталинистские мутации движения к социализму (я их отнюдь не отождествляю с фашизмом), ответственность за предотвращение которых лежит на всех социальных революционерах.

Что же превращает эту возможность в действительность? Для ответа на этот вопрос нам следует сделать новый шаг в познании свободы. А посему второе дополнение сделанного выше вывода: социальное освобождение предполагает наличие социального субъекта, способного сознательно воздействовать на случайные исторические процессы.

Исходя из вышесказанного (а мы всего лишь развернули основные тезисы марксизма – прежде всего, таких ученых как В.И. Ленин и А. Грамши, проделавших интереснейшие исследования социально-исторического субъекта) это должен быть, во-первых, субъект, способный изменять случайное течение исторических событий. Если мы представим себе стихийный ток истории как некий инерционный процесс (ту же реку), то исторический субъект должен обладать социальной энергией, достаточной для преодоления этой исторической инерции (в нашем примере с рекой – энергией, достаточной для того, чтобы спрямить русло, сделать обводной канал или воздвигнуть плотину в случае «наводнения» и т.п.).

Какие именно способы аккумуляции социальной энергии, оказывающей воздействие на исторические процессы, знает человечество?

Элементарный опыт подскажет два из них: власть (сила, государство) и деньги (в современных условиях – капитал). Но оба эти феномена есть ни что иное как отчужденные формы

общественного человеческого труда: и деньги (капитал), и власть (прежде всего, способность к осуществлению насильственных действий) есть всеобщий человеческий труд в той или иной (деньги, капитал – современной, предельно гибкой и универсальной, власть – ограниченной, бюрократически-неповоротливой, пришедшей из добуржуазных эпох) отчужденной форме. И именно в силу отчужденной сущности эти формы социальной энергии (1) всегда раздроблены между частными лицами, не поддаются концентрации в общественном масштабе¹ и (2) годятся исключительно для видоизменения все той же самой системы отношений отчуждения, которой они порождены. Разрушение порождающей их системы отчуждения приведет к исчезновению заложенной в деньгах, насилии социальной энергии².

Следовательно, такие формы социальной энергии как деньги (капитал) и власть (государство), равно как и любые другие отчужденные формы, не годятся для осуществления исторических изменений, направленных на преодоление отчуждения, на освобождение Человека. Для решения этой великой задачи требуются иные, неотчужденные формы социальной организации деятельности людей в столь значительных масштабах, сколь значительны предполагаемые исторические изменения. Именно такой формой и является, как будет показано ниже, ассоциированное социальное творчество.

К числу таких действий, способных если не творить историю, то существенно влиять на нее, относится и индивидуальная (с этим связана и выдающаяся роль ряда личностей в истории) творческая деятельность – всеобщий труд, «энергия» которого пропорциональна

---

¹ Так, деньги, капитал по определению есть объект частной собственности. Общественный капитал есть «самокритика» капитализма, даже концентрация капитала, ведущая к появлению монополий, есть враг этой системы. Точно так же всеобщая (общественная, а тем паче всемирная) бюрократическая пирамида насилия неизбежно порождает тенденцию к стагнации и загниванию; мы же, напротив, ищем субъект прогрессивных исторических изменений.

² Деньги вне рынка – всего лишь бумага, малопригодная даже для туалета; власть бюрократической системы (например, советской номенклатуры) существует только до той поры, пока жива сама система (вспомним: мощнейшая система насилия, возглавляемая КПСС, в августе 1991 года рассыпалась как картонный домик).

креативному потенциалу творца и подчас соизмерима с трудом тысяч и сотен тысяч людей (косвенным подтверждением этого может служить способность отдельных ученых и художников создавать общественное богатство, косвенно измеряемое десятками миллионов долларов – стоимостью, создаваемой трудом сотен тысяч работников 3-го мира).

Во-вторых, субъект исторического действия должен не только обладать достаточно мощной социальной энергией, но и быть сознательно действующим субъектом – субъектом, способным (1) познать (в меру развития общественной практики, в том числе – культуры данного социума) исторические процессы, выделив исторически случайные и закономерные, и (2) организовать свою практическую деятельность в соответствии с научно выработанными целями, обеспечивая (3) постоянную «обратную связь» – коррекцию целей и методов деятельности по мере обогащения практического опыта.

Творение истории таким субъектом, прогрессивными социальными силами (они различны для различных исторических этапов; для классического капитализма, скажем, это был прежде всего индустриальный пролетариат) превращает познание закономерностей исторического развития в общественную практику (причем практику деятельностно-преобразовательную¹). Это происходит в той мере, в какой, во-первых, результаты познания адекватны действительным объективным историческим закономерностям и, во-вторых, прогрессивные социальные силы, как мы отметили выше, способны освоить (в единстве названных выше слагаемых – понимания, организации на этой основе действий, обеспечения «обратной связи») данные «идеи».

---

¹ Понятие «практика» является одним из ключевых в творческом (анти-сталинском) марксизме. Весьма интересная полемика по этому поводу велась (но как бы подспудно) в отечественных работах по философии истории 1960–70-х годов (кроме называвшихся выше имен особо подчеркну работы В. Келле и М. Ковальзона, Г. Багатурии и др.). Однако наиболее шумную известность это понятие получило в связи с публикациями в югославском журнале «Праксис» (практика). Не разделяя многие тезисы ведущих авторов этого журнала (в частности, идей рыночного социализма), не могу не отметить, что дискуссии в нем стали важной частью развития марксистской теории XX века, особенно по проблеме «практики».

В этом, кстати, одно из теоретических оснований известного марксистского тезиса о том, что теории становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Нам хотелось бы, однако, акцентировать и обратную связь: *идеи перестают быть материальной силой, когда массы (точнее было бы сказать – прогрессивные социальные силы) в них разочаровываются.* Последнее так же происходит тогда, когда либо сами «идеи» не дают ответа на объективные проблемы прогресса, либо «массы» оказываются в такой мере отчуждены от социального творчества (в том числе, в силу омещанивания в застойных социумах), что не способны «услышать» эти идеи: конформизм затыкает им социальные «уши» ватой пропаганды, массовой культуры и т.п.

Возвращаясь к проблеме сознательно действующего исторического субъекта, отмечу, что выделенные выше его черты позволяют проложить дорогу и к решению проблемы ограничения «гносеологической гордыни» и активизма субъекта сознательного исторического действия¹. Мера доверия знанию и мера активности действия исторического субъекта должны количественно и качественно находиться в пределах, задаваемых реальными возможностями, достижениями практики – таков абстрактно-философский ответ.

Последнее означает, что свободным будет лишь то социально-преобразовательное историческое действие, мера воздействия которого на общественную жизнь пропорциональна мере (1) подт-верждаемого предшествующей практикой культурного (научного, художественного, образовательного) проникновения в тайны истории, познания ее закономерностей, (2) освоения субъектом исторического действия этой культуры как его практически-деятельностной культуры и (3) способности к осуществлению общественно-преобразовательных действий в неотчужденных формах (энергии ассоциированного социального творчества). Это закон (пока что это не более, чем авторская гипотеза) прогрессивности социально-преобразовательной деятельности, характеризующий меру социального освобождения Человека (он

---

¹ Критикуя «активных» либералов-практиков, мы ни в коей мере не забывали и о преступлениях, порожденных «активизмом» сталинистов. Более того, именно это вырождение марксизма делает особо острым поставленную выше проблему.

восходит как к известному марксистскому закону основательности исторического действия, в соответствие с которым число участников исторических преобразований должно быть тем больше, чем масштабнее само действие).

Переход через названную грань (и качественный и количественный) неизбежно приводит к вырождению познания необходимости в волюнтаристическое прожектерство, а сознательного исторического творчества свободных индивидов в бюрократический, подавляющий Человека и отчужденный от него активизм, использующий насилие там, где не хватает энергии социального творчества. Так рождается теория и практика “больших скачков”, программ строительства материально-технической базы коммунизма за 20 лет, планов создания рынка за 400 дней или внедрения либерального правопорядка при помощи «антитеррористических операций».

Здесь действует закономерность, являющаяся следствием сформулированного выше закона: *превышение меры воздействия на историю, допустимой наличным уровнем социально-творческой энергии и культуры (в частности, познания законов истории), освоенной историческим субъектом, оборачивается либо немедленным провалом такой деятельности, либо ее перерождением в насилие (над историей и людьми), ведущим к образованию мутантных социумов, стагнации, последующему кризису и, в конечном итоге, – краху последних.* Отчасти эмпирической основой такого вывода могут служить исторические судьбы рыночных преобразований в ренессансной Италии и мутантного социализма в СССР.

Предложенные гипотезы, характеризующие меру социального освобождения Человека (напомним: выше везде шла речь именно о Человеке как родовом существе) оставляют в стороне едва ли не важнейшие вопросы: *а откуда берется энергия социально-преобразовательной деятельности, что ее порождает и кто конкретно (в социологическом плане) может стать и становится (здесь нелишне добавить и еще один вопрос: почему становится) субъектом исторических преобразований?*

Иными словами, автор ставит проблемы: *кому, когда и зачем нужна свобода? Почему, кто и когда готов поставить практику освобождения (и его идеалы как ценность) выше реальной власти,*

денег, спокойствия конформиста, живущего, соблюдая законы отчуждения?

В общем виде ответ на эти вопросы уже был дан: *там и тогда, где и когда человек (в классовом обществе – определенная социальная сила) вырывается из поля отчуждения (власти бюрократии, денег...) и становится субъектом ассоциированного социального творчества, он ставит ценности и практику освобождения на первое место и готов идти ради этого даже на смерть, подобно миллионам борцов за свободу, отдавшим себя целиком делу освобождения от рабства и крепостничества, борьбе против фашизма и колониализма, за национальное освобождение и социализм...*

Но этот ответ остается пока крайне абстрактным, а потому продолжим наши размышления.

*1.3. Классовая борьба:
освобождение как снятие отчуждения
(к критике постмодернизма)*

Заголовок этого подраздела адекватно отражает суть гипотезы автора: именно противоречия мира отчуждения, напряженность противостояния диалектических социальных полюсов *вкпе с прессом подчиняющих человека общественного разделения труда, рынка, бюрократических структур и т.п. формируют потенциальную энергию социального протеста (для превращения ее в процесс как разрушения [отчужденных общественных связей и институтов], так и созидания [отношений царства свободы нужны дополнительные условия, но об этом позже).*

Отчуждение как власть чуждых индивидууму сил, «отнимающих» у человека его основные качества¹, создает тем самым первый пласт «давления», порождающего *энергию протеста:*

---

¹ Напомним, что, например, общественное разделение труда (в первую очередь – отделение управления и других творческих функций от исполнительского репродуктивного труда) лишает человеческую деятельность ее родовой сущности (творческого, сознательного воздействия на природу); рынок овеществляет человеческие отношения, превращая личность в функцию вещи (товара) и тем самым лишает человека его сущностной определенности – субъекта общественных отношений... Примеры такого "отрыва" (отчуждения) человеческих качеств в мире экономической необходимости легко продолжить.

человек как субъект труда (а это родовое качество человека; отсюда [NB!] следует, что *эта энергия характерна прежде всего для трудящихся*) постоянно и объективно воспроизводит в себе необходимость в осуществлении целеполагания и управления, самостоятельного участия в социальных отношениях и т.д. Общественные отношения антагонистических обществ «отнимают» у него эти свойства, сводят самую деятельность к частичным функциям, но они не могут разрушить имманентно присущего совокупному работнику (трудящимся как единому субъекту трудового процесса; в условиях развитого капитализма – *классу наемных работников*) качества сознательного осуществления деятельности, качества субъекта общественных отношений.

Данное противоречие (оговоримся – речь пока не идет о классовой борьбе в точном смысле этой категории) создает мощное напряжение полюсов, *“поле отчуждения”*. «Вырабатываемая» этими полюсами энергия социального протеста тем мощнее, чем больше (1) объективная необходимость в неотчужденном содержании труда и неотчужденном участии работников в социальных отношениях (а эта необходимость растет по мере развития производительных сил, усиления творческой компоненты в совокупном трудовом процессе, прогресса производственных отношений¹ и культуры), а также (2) осознание трудящимися своего положения как работников, чья деятельность от них отчуждена, и людей, чья социальная жизнь им не подвластна.

Развитие производственных отношений от внеэкономического принуждения к капитализму, а последнего – от мелкого товарного производства до отношений противостояния (и соединения) капитала и наемного труда, продвигает описываемое нами противоречие до *отношений эксплуатации наемного труда* и основанной на нем (но не сводимой к нему) классовой борьбе пролетариата и буржуазии². Напряжение противоречия отчуждения

---

¹ Так, вызываемый к жизни индустрией и генезисом капитализма промышленный наемный работник, в отличие от раба или крепостного, должен самостоятельно, как социальный субъект вступать хотя бы в отношения купли-продажи рабочей силы, обретая хотя бы “негативную” свободу.

² Отмечу, что даже в рамках либеральной парадигмы, отрицающей наличие эксплуатации (теория трех факторов производства, предельной производительности капитала и т.п.), признается наличие в условиях

усиливается и оказывается детерминировано прежде всего¹ мерой эксплуатации (во всем богатстве этой категории), остротой классовых противоречий и мерой превращения наемных работников из «класса в себе» в «класс для себя».

Кстати, как заметил уже В.И. Ленин, это осознание своих стратегических классовых интересов появляется у класса наемных работников не из его экономического конфликта с буржуазией, а из области «отношений всех классов и слоев к государству и правительству. ... взаимоотношений между всеми классами»². Возвышаясь до понимания своего классового интереса, наемный работник преодолевает в себе свое бытие как частного лица (собственника товара рабочая сила), обретая (выражаясь языком Лукача) качество «родового человека».

Здесь возникает интереснейшая проблема, которую по мнению того же Лукача, не решили ни Маркс, ни Ленин, ни последующие исследователи³: *когда, при каких социально-экономических, политических и духовно-культурных условиях происходит такое обретение классом наемных работников своей роли выразителя родовой сущности человека, «универсального» (К.Маркс) класса, освобождающего не только себя, но и все человечество?* Ниже я постараюсь показать, что это качество класс наемных работников обретает в той мере, в какой он преодолевает ограниченный горизонт классовой борьбы как формы разрешения противоречий исключительно капитализма и возвышается до ассоциированного

классического капитализма (о современности – ниже) классов и их противоречия.

¹ Но опять же не только: и разделение труда, и овещнение человеческих отношений, и денежный фетишизм, и сохраняющиеся добуржуазные формы подчинения человека – все это продолжает вносить свою лепту в выработку энергии социального протеста.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 76.

³ На мой взгляд, Лукач здесь (см. Цит. Соч., с. 203 – 205) не совсем прав: теория классовой борьбы марксизма и, в особенности, теория социальной революции (вспомним хотя бы характеристику революционной ситуации в работах В.И. Ленина) показывает основные из таких условий. Другое дело, что Лукач здесь по сути дела намекает на нерешенность вопроса о возможном вырождении классовой борьбы в случае, если пролетариат в своей борьбе уходит от решения общесоциальных задач, пролетарий перестает быть и гражданином, освобождающим все общество (что и произошло в условиях сталинизма).

социального творчества как деятельности по созиданию основ царства свободы.

Прежде чем продолжить и конкретизировать ответ на этот вопрос, замечу, что развитие капитала в XX веке (от государственно–монополистического капитализма, империализма начала века к социально ограничиваемому и регулируемому «народному» капитализму эпохи противостояния двух систем и далее – через неолиберальный реванш – к глобальной гегемонии корпоративного капитала эпохи «нового мирового порядка») существенно усложняет эту систему противоречий. Усложняется и система экономических отношений, и классовая структура общества, и их политическое оформление, но принципиально суть дела не меняется: *интенсивность противоречий отчуждения и мера их осознания трудящимися – вот что формирует энергию социального протеста.*

Соединяясь (как именно – этому будет посвящена 2 глава текста) с пониманием закономерностей и перспектив исторического развития, эта энергия получает шанс превратиться в конструктивную деятельность по реализации осознанных целей, по созиданию новых общественных отношений, т.е. в *социальное творчество*. Эта потенциальная возможность превращается в действительность (не вырождаясь в волюнтаризм) в той мере, в какой данный субъект на практике реализует условия, диктуемые законом прогрессивности социально–преобразовательной деятельности¹.

Не сложно немного продолжить наши размышления и сделать вывод, что *субъектом этой социально–преобразующей деятельности* могут стать те трудящиеся, кто: (1) «пропитан» энергией социального протеста; (2) достаточно опытен и организован (имеет мощные «социальные мускулы»), чтобы созидать новые общественные отношения и (3) является сознательно действующим историческим субъектом, который познает закономерности исторического развития (в частности, необходимость и возможность разрушения отношений отчуждения), знает, что он будет созидать и достаточно культурен, чтобы, реализуя свои цели, осознанно

---

¹ Выше автор, следуя поставленной в начале текста задаче «напоминания» об ускоренно забываемых достижениях творческого марксизма, всего лишь несколько генерализовал в принципе известные в классическом марксизме тезисы об исторической миссии пролетариата.

корректировать их и свою деятельность по мере развития общественной практики.

Возвышаясь до реализации этих условий **пролетариат и объективно, и субъективно становится универсальным классом** тогда, когда (уточним сказанное выше):

- развитие антагонизмов мира отчуждения (в современных условиях – глобальной гегемонии капитала) обостряется до такой степени, что рождает энергию социального протеста (она как правило мала в «сытых», застойных, социумах и велика в условиях обнажения социальных противоречий – таких, например, как в начале XX века; похоже, что сходные условия может создать и усиление противоречий глобализации в нынешнюю эпоху);

- одновременно присутствуют возможности социальной самоорганизации трудящихся; их, как мы уже отметили, создает только опыт их самостоятельности, развивающейся как благодаря (в условиях социал-демократической системы, например), так и вопреки (в условиях, когда самовывживание класса ставится в зависимость от его активности) внешним условиям; материальными предпосылками для этого становится, в частности, обретение трудящимися определенного объема свободного времени и хотя бы некоторой социально-экономической, политической и духовной независимости от сил отчуждения (государства и капитала), особенно мощных в нынешнюю эпоху «манипулятивного» (Лукач) капитализма (а эту независимость может формировать лишь **деятельность социалистически ориентированных социально-политических сил, создающих «блоки» на пути манипулирующего воздействия капитала и пробуждающих самостоятельные действия класса**¹);

- **объективные условия ставят решение классовых задач наемных работников в прямую зависимость от решения ими глобальных проблем освобождения** (в современных условиях эта связь уже налицо – снятие гегемонии капитала ныне невозможно вне

---

¹ В этой связи заметим, что попытки подменить деятельность по пробуждению самосознания потенциального субъекта социального творчества иным (чем капиталистическое), но то же манипулятивным воздействием со стороны левых (например, пропагандой и политтехнологиями, копирующими капиталистические, только с противоположным знаком) есть наихудший способ самодискредитации левых и подрыва потенциала самоорганизации трудящихся.

борьбы за преодоление глобальных угроз Человеку, обществу и природе)¹ и, тем самым, развиваются объективные и субъективные предпосылки, препятствующие отрыву узкоклассовой борьбы наемных работников от их деятельности по развитию социального освобождения (отрыва, ставшего одним из ключевых факторов мутации социализма в СССР); к числу таких предпосылок относится отмеченная выше объективная и субъективная включенность нынешнего класса наемных работников в решение широчайшего круга глобальных проблем, обусловленная как негативными причинами – тотальным (проникающим во все сферы жизни, подчиняющим человека, а не только эксплуатирующим рабочую силу) характером власти нынешнего капитала, так и их позитивной (вырастающей из новых – по сравнению с «классическим» индустриальным капитализмом – предпосылок, создаваемых генезисом «общества знаний»²) *предрасположенностью к творческой деятельности, личностному развитию и самоорганизации* (о противодействующих этому тенденциях омещанинивания трудящихся манипулирования их жизнедеятельностью – чуть ниже);

- силы креатосферы (вырывающаяся из своего подчинения отчуждению часть творцов) и классового освобождения объективно заинтересованны в диалоге и совместном решении своих проблем, более того, осознали эту связь субъективно и практически ее реализуют; к этому нынешний этап развития «общества знаний» объективно подводит вплотную, но происходит это в таких отчужденных формах, которые наименее благоприятны для этого союза («всасывание» творческой части общества в превратный сектор и «закукливание» в нем творцов при развитии узкого

---

¹ Отсюда вызов для социально-политических сил освобождения – соединение с новыми социальными движениями, направленными на решение глобальных проблем, вызов, которые большинство из левых давно осознали и приняли, хотя успехи здесь далеко не так велики, как хотелось бы – но это уже иная материя.

² В своих предшествующих работах («Глобальный капитал» и др.) мы постарались показать, что за этой формой скрыт важнейший – с точки зрения предпосылок рождения царства свободы – процесс превращения креатосферы в такой важнейший элемент и условие развития материального производства, который затрагивает практическую жизнедеятельность (труд, общение, обучение) большинства граждан развитых стран, а в потенции – всех членов общества.

профессионализма и манипулятивного сознания у большинства работников); отсюда особая сложность для левых движений – создать социально–политические и культурно–творческие практические и идейные альтернативы для развития названного союза.

По мере реализации этих объективных и субъективных условий (а мы их будем уточнять на протяжении всего текста, в том числе, характеризуя отношения трудящихся и интеллигенции, формы и пути самоорганизации трудящихся – их свободных ассоциаций, предпосылки и противоречия социальных революций) *класс наемных работников становится универсальным классом, обретает качество субъекта ассоциированного социального творчества.*

В свою очередь этому субъекту, с одной стороны, будет *активно противостоять* класс эксплуататоров (в конце XX–начале XXI веков – субъект глобальной гегемонии капитала). С другой стороны, *пассивно отторгать* социальное творчество будет та часть трудящихся, которая (1) поглощена отношениями отчуждения, одета в броню превращенных форм (стандартов общества потребления, установок бюрократической иерархии, подчинения etc.), настолько подчинена им, «оносорожена» (вспомним знаменитую пьесу Ионеско), что неспособна пропитаться энергией социального протеста как бы их ни угнетали; (2) воспринимает отчужденный мир превращенных форм (например, господство таких ценностей как деньги, власть) как единственно возможный и «естественный»; (3) социально абсолютно несамостоятельна (эти индивиды либо атомизированы и стандартизованы рынком, либо поглощены общиной, родом, кланом, корпорацией) и (4) принципиально отказывается от познания исторических закономерностей, противоречий и перспектив исторического прогресса, будучи и духовно поработана системой отчуждения, не хочет и не может *критически* воспринимать продукты отчужденного духовного производства, будь то массовая культура, идеология господствующего класса или религия¹.

Именно для такой части общества в условиях смены веков оказывается адекватна система установок *постмодернизма*, который не только отражает, но и интенсифицирует воспроизводство

---

¹ Критерии выделения этих социальных сил, их соотношение с "вертикальной" социально–классовой структурой современного общества раскрыты автором во II части данной работы.

конформизма (в частности, консьюмеризма и других форм подчинения человека как служащего–потребителя–клиента корпоративному капиталу) и среди «низов», и в среде «элиты»¹.

В самом деле, к числу основных постулатов этого направления относится отрицание правомерности поиска и, уж тем более, реализация «метатеории»; равноправность любых систем ценностей, парадигм и т.п.; вытеснение человека – деятельностного, активного субъекта неким «актором» (не случайно происходит от английского слова «актер»), безразлично–отстраненно воспринимающим мир как [постмодернистский] коллаж; первостепенное внимание к структурам (языка и слов), а не сущностям (деятельности и отношений)...

Постмодернизм, тем самым, оказывается тем “отпрыском” мезальянса неолиберализма и позитивизма, который во многом пошел дальше своих родителей, отрицая фундаментальные установки, характерные для их предков. Ценности негативной свободы и фактическое (но не теоретическое) признание необходимости и возможности правящих элит активно перестраивать мир по своему образу и подобию постмодернизм снижает до роли одного из осколков хаотического коллажа социальной жизни... и тем самым если и не подписывает себе смертный приговор, то уж обрекает себя на заточение в узком мире идеологии “элитной” интеллигенции, выполняющей функции “подпитки” массовой культуры.

Будучи продуктом супер–безразличия и супер–конформизма всех тех, кто подчинен современной тотальной гегемонии корпоративного капитала, *постмодернизм выполняет тем самым функцию корпоративной самозащиты творческой интеллигенции.* Последняя в конце XX века загнала сама себя в ловушку собственного конформизма. Не желая отказаться от своего привилегированного социального положения (речь идет не только о материальных благах, но и о социальном статусе) и будучи в принципе не способна к активной социально–преобразовательной деятельности, она (в силу творческого содержания своего труда) не смогла и опуститься до уровня массовой культуры. Единственное, что ей осталось – возвести

---

¹ Подробнее об этом см. в моем тексте о постмодернизме в упомянутой выше книге «Пределы капитала».

свое безразличие в ранг творческого кредо, а массовую культуру – в ранг творчества. *Так возникает постмодернизм.*

Но как таковой он оказывается не востребован никем, кроме его творцов (и его же потребителей). В самом деле, власть имущие *реально* пользуются гораздо менее плюралистичной и гораздо более жесткой идеологией циничного гегемонизма, а “низы” поглощены гораздо более однозначной массовой культурой, воспроизводящей импульс искусственно обновляемого стандарта массового потребления...

И все же постмодернизм не случаен и востребован.

Он необходим для современного мира отчуждения, ибо, во-первых, играет роль духовной подпитки конформизма масс (и искусственных новшеств массовой культуры).

Во-вторых, постмодернизм являет собой абсолютно необходимую и наиболее адекватную превращенную форму для теоретических и методологических основ идеологии глобальной гегемонии капитала. Идеология формального неограниченного плюрализма максимально выгодна для субъекта гегемонии, *содержательно* контролирующего социальные процессы, ибо идеально камуфлирует его власть и в то же время полностью развязывает ему руки (подобно тому, как плюралистическая возможность использования любых методов борьбы максимально выгодна для того, кто монопольно владеет самым мощным оружием).

Наконец, в-третьих, он создает объективную видимость (как мы уже отмечали, «кажется то, что есть на самом деле») самодостаточности, творческой независимости и не полной импотенции “элитарной интеллигенции”, которой кажется (и это, повторим, такая же объективная видимость, как и, скажем, фетишизация вещей в условиях рынка), что она именно в рамках постмодернистского “дискурса” обретает не только плюралистичность, но и подлинную свободу творчества.

Между тем за этой видимостью скрыта (NB! Именно *скрыта!*) сущность, а именно стремящийся к абсолюту конформизм человека, доводящего опять же до абсолюта принцип невмешательства (сиречь равнодушия), отрекающегося от какой бы то ни было активно-созидательной роли в истории и обществе, от какой бы то ни было попытки выделить ее закономерности (для постмодернизма “все правы”). Это – конформизм, распространяющийся не только на познание и деятельность, но даже и на возможность какой бы то ни было оценки окружающих феноменов. И как таковая *методология и*

теория постмодернизма оказываются дорогой к абсолютной несвободе: в принципе, последовательный постмодернизм как путь к абсолютному конформизму должен отрицать необходимость даже негативной свободы в ее качестве универсального прогрессивного принципа общественной организации, ибо последнее превратит демократию в универсальную ценность, а либерализм, причем прежде всего ранний, радикально-преобразовательный, – в “метатеорию”.

Так в современном мире формируется, с одной стороны, потенциальный субъект социального творчества, обладающий энергией и культурой для историко-преобразовательной деятельности, развивающий теорию социального освобождения; с другой – противостоящие ему субъекты и объекты социального отчуждения (в современных условиях – гегемонии корпоративного капитала), обретающие в постмодернизме адекватную философско-методологическую базу для своей идеологии.

* * *

Подведем промежуточные итоги. Анализ «негативной» и позитивной свободы, а также процесса формирования субъекта социального освобождения позволил выделить *основные параметры определения свободы как процесса ассоциированного социального творчества*. Нам предстоит отыскать в жизни и отобразить теоретически такие общественные отношения (*отношения социального освобождения*), которые бы:

- диалектически снимали все достижения «негативной» свободы (зафиксированные, в частности, в известной Декларации ООН 1948 г.);
- создавали простор для развития неповторимой индивидуальности человека и обеспечивали такую систему взаимодействия личностей, когда рост свободы одного из них не только не ограничивал бы свободы другого, но и являлся условием его позитивного, деятельностного освобождения;
- создавали неотчужденные формы общественной организации людей в столь значительных масштабах, сколь значительны предполагаемые исторические изменения;
- приводили к формированию такого субъекта исторических преобразований, который бы обладал способностью (1) познавать

исторические закономерности и (2) сознательно воздействовать на них, т.е. социальной энергией, необходимой для таких действий, (3) осознал необходимость и познал пути осуществления социально-преобразовательных действий; иными словами, необходим субъект, который бы обладал достаточным опытом и организованностью («социальными мускулами») и, главное, был творчески включен в мир культуры (обладал «социальным интеллектом»).

Таков объективный «вызов», брошенный практикой отчужденного мира всяким свершением, претендующим на реальное освобождение человека¹.

*2. Ассоциированное социальное творчество
как сущность процесса социального освобождения*

«На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

К. Маркс, Ф. Энгельс

Сформулированный выше вызов, выдвигающий кажущиеся непомерными требования к отношениям и деятельности социального освобождения, на самом деле уже нашел достойный ответ в практике Человека. Голландские гезы и борцы за независимость североамериканских штатов, латиноамериканские партизаны и герои антифашистского сопротивления в Европе, декабристы и пропитанные неподдельным энтузиазмом строители новых городов и открыватели новых земель в моем Отечестве, а также создатели первых профсоюзов и борцы за сохранение природы, участники антиколониальной борьбы и работники коллективных

---

¹ Представляется весьма интересной и важной задача «перевести» названные выше абстрактно-теоретические характеристики на язык прикладной политологии, показав возможные конкретно-исторические формы такой организации такого субъекта, которые обеспечивали достойный ответ на данный «вызов». Первые шаги в этом направлении автор сделал в ряде публикаций в журнале «Альтернативы», в частности, во 2-м и 4-м номерах за 2001 год, где он размышляет о «пост-партийной» форме организации левых сил и альтерглобалистском движении. Позднее эти идеи были развиты в ряде текстов вошедших в книги «Глобальный капитал» и «Пределы капитала».

предприятий, новые левые и альтерглобалисты – все они (автор нарочито смешал масштабы и сущности, соединяя разнокачественные и очень несхожие по своей роли примеры социального творчества) приносили и приносят по крупицам свой опыт в общеисторическую копилку сознательного преобразования общества¹. Опыт каждого из этих субъектов чудовищно противоречив и неполон, но диалектический, критический анализ их достижений и поражений дает шанс на понимание сущности феномена ассоциированного социального творчества и систематизацию по меньшей мере известного нам многообразия его проявлений.

*2.1. Субъект и процесс социального творчества:
свободная ассоциация*

Выше я намеренно обратил внимание на простейшие (переходные) формы, соединяющие отношения царства необходимости и свободного добровольного ассоциирования граждан. Но история знает и гораздо более сложные (а потому и более противоречивые) формы свободных ассоциаций, рождавшихся (и вырождавшихся, мутировавших) в XX веке. Это и различные формы участия рабочих в управлении и самоуправлении (начиная с простейших форм учета и контроля), направленные на преодоление одной из самых глубоких основ отчуждения – разделения деятельности по целеполаганию (шире – управлению) и исполнительского труда, и (NB!) разнообразные демократические самоуправляющиеся социально-политические организации, нацеленные на преодоление отношений отчуждения.

В ушедшем столетии многие (но не все!) из таких левых организаций мутировали, превращаясь в авторитарно-бюрократические структуры. Особенно значим в этом контексте опыт СССР и других стран Мировой социалистической системы, но к его анализу в этом тексте мы обращаться не будем – автор немало писал об этом ранее². Здесь автор хотел бы подчеркнуть иное: мутации и в ряде случаев вырождение многих из первых опытов формирования свободных ассоциаций само по себе не доказывает

---

¹ Подробнее об этом в книге «Кто творит историю – II» (Под ред. Бузгалина А., Ожогойной Л., М., 2011).

² См., например, наш раздел в книге «СССР: незавершенный проект» (М., 2012. С. 11–81).

невозможности демократических социалистических организаций как форм интеграции энергии социального протеста трудящихся и творческого потенциала левой интеллигенции, возвышения первых (через участие в деятельности этих ассоциаций, в том числе – и руководящей) до творческой деятельности, а вторых – до социально-преобразовательных действий¹.

В последние годы XX и, особенно, первые годы нового века в полный голос заявили о себе так называемые «новые социальные движения», одним из наиболее ярких представителей которых стало альтерглобалистское движение и продолжающие его логику выступления в рамках движения «окупай!» и др., начавшиеся в 2011 году (подробнее о них – в одном из текстов, публикуемых в данной книге), массовые выступления в странах Европейского Союза (и особенно – в Греции) 2011–2012 годов, революционные процессы в Арабском мире и др. Существенно, что отмечаемые во многих исследованиях (назову такие имена как К. Агитон, Ф. Утар, А. Скотт, М. Супалак и другие) черты этих движений (прежде всего такие, как сетевой принцип организации и подвижность форм, открытость, объединение на основе «самоорганизации» и единства интересов, т.е. деятельности, добровольность участия при отсутствии жестких рамок, самоуправление и низовая демократия как формы координации деятельности и др.) прямо корреспондируют с принципами формирования добровольной, работающей свободной ассоциации, о которых речь пойдет ниже и которые были известны и теории, и практике, задолго до их возникновения.

Но не будем в этом тексте углубляться в социально-политические аспекты проблемы: я, повторю, уже много писал именно в таком ключе. В данном случае для нас важны сущность и принципы жизнедеятельности ассоциации как общественной формы, интегрирующей, с одной стороны, культуру, творческую деятельность, позволяющую «познать необходимость»; с другой –

---

¹ А. Грамши вообще считал, что левая партия должна выполнять роль пролетарской интеллигенции. Как показал исторический опыт, это решение может быть чрезмерно простым, ведущим к вырождению социалистических тенденций. На мой взгляд, для преодоления этих тенденций к мутированию как минимум необходим спектр открытых свободных ассоциаций (общественных организаций, движений, союзов), по отношению к которым демократические левые могут играть роль “всего лишь” советчика и “прогрессора”, подпитывающего их знаниями и энергией.

социально-преобразовательные интенции, позволяющие сознательно творить историю в соответствии с ее объективными законами, спрямляя зигзаги исторического процесса и оптимально реализуя ее логику. Вне такой интеграции позитивная свобода, как уже отмечалось, невозможна.

Другое дело, что такое определение социального освобождения рождает массу новых проблем и вызовов: кто дал вам, претендующие на роль творцов истории, право брать на себя роль демиургов, которые якобы знают в чем истина (законы истории), каковы критерии прогресса (Добра и Зла), какая мера насилия и какие жертвы необходимы и допустимы на этом пути «спрямления зигзагов истории» и чем обернуться в реальности ваши прогрессорские попытки, не довольно ли история знала ваших «благих порывов», ваших экспериментов по «осчастливлению» человечества, приведших в ад ГУЛАГов?

Запомним эти вопросы-вызовы: мы вернемся к ним чуть позже. А сейчас обратимся к исследованию теоретической проблемы – природы свободной ассоциации как феномена, интегрирующего в себе социально-творческий субъект-отношение-деятельность.

Сущность свободной ассоциации индивидов, естественно, лежит в ее противоречии (оно диалектически наследует противоречия творческой деятельности, о которых мы размышляли выше). Каждый индивид включается в ассоциацию как особенная самостоятельная личность, обладающая определенными неповторимыми свойствами. Чем своеобразнее эта индивидуальность, тем выше ее креативный потенциал, тем выше потенциал ее творчества и, следовательно, тем важнее («интереснее») она для других участников процесса со-творчества. Но ассоциация – это и союз, коллектив совместно действующих и потому подчиненных единой цели и единой воле индивидов, объединение, в котором сняты индивидуальные особенности его членов.

Мир отчуждения знает лишь внешние, принудительные формы снятия этого противоречия: либо навязанное «невидимой рукой рынка» внешнее объединение атомизированных индивидов, связанных друг с другом только через овещнение их деятельности, либо принудительная корпоративная кооперация, диктуемая разделением труда и/или бюрократической иерархией.

Свободная ассоциация принципиально иначе соединяет стороны этого противоречия. Как именно – на этот вопрос дает ответ

система принципов жизнедеятельности свободных ассоциаций (она была выведена автором в диалоге с А.Колгановым на основе критического анализа практики самоуправления в СССР, России и других странах¹ и многократно опубликована, поэтому ниже я ее воспроизведу в очень сжатом виде).

Первый принцип: такое объединение является добровольным и свободным союзом, в который индивиды включаются не под давлением внешних обстоятельств (конъюнктуры рынка или власти иерархии), а самостоятельно, с целью реализации своих личных интересов, но таких, которые невозможно претворить в жизнь иначе как совместно и в добровольном союзе (это касается многих глобальных или локальных интересов – иметь чистый воздух и обеспечить социальную защищенность, реализовать свои неотъемлемые права Человека и иметь гарантии доступа к культуре). Эти интересы создают к тому же реальные стимулы формирования ассоциаций.

Второй принцип: объединение с самого начала является *работающей ассоциацией*, строящейся на основе добровольной интеграции деятельности, труда (а потому и *деятельностных индивидов – трудящихся*); не формально–общие принципы (принадлежность к какой–либо корпорации или даже абстрактная общность взглядов), а конкретное единство действий (выражаясь языком М.Бахтина можно было бы сказать – поступков) и труда, деятельностный диалог соединяют граждан–*трудящихся* (здесь это, вновь подчеркну, существенно!) в такой союз. Тем самым ассоциация обеспечивает со–творчество (диалог) личностей по поводу любой (в том числе – репродуктивной) деятельности, труда, ибо в ассоциации люди самостоятельно, в диалоге друг с другом, сами формируют все параметры этой деятельности.

В качестве принципиально важного для автора отступления замечу: приведенные выше положения позволяют показать, что за эмоционально, по–человечески и без того понятным для нас восхи–

---

¹ Эта работа отражена в многочисленных публикациях автора и А.Колганова. См., напр.: Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988; Колганов А. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1994; Бузгалин А. (отв. ред.) На пути к экономической демократии (в 2–х томах) М., 1994.

пением созидательной энергией советских людей (равно как и презрением к обывательски-мещанскому поведению тех же самых советских людей) скрыто видение качественно нового общественного явления. Мы можем с полным правом сказать, что *социальное творчество тех советских людей, кто самостоятельно и добровольно шел совместно строить свои новые заводы и города своими руками является простейшей, но от этого не менее значимой для истории, формой ассоциированного творчества*. И если сегодняшний человек в индустриальных гигантах первых пятилеток видит только отсталые грязные технологии, то это значит только одно – он не способен распродеть социально-культурный смысл этих материальных свидетельств человеческого подвига (равно как и трагедии сталинистских репрессий, сращенных с этим энтузиазмом *намертво*), подобно тому, как в примитивных инструментах хирурга эпохи ренессанса сегодняшний «профессионал» может увидеть всего лишь неуклюжие приспособления, напоминающие пыточные инструменты, тогда как человек творческий найдет в них новое знание, служившие спасению и оздоровлению людей).

Возвращаясь с проблеме создания новых материальных объектов в процессе социального творчества (новых городов и заводов, парков и самолетов), замечу, что никакие ГУЛаги (а о них мы – и я не устану это повторять! – не имеем права забывать!) не отменяют особой исторической роли едва ли не впервые в истории развернувшегося массового созидания нового материального производства и социальной жизни при помощи «энтузиазма». Именно в диалоге с такими людьми В.Маяковский писал: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране советской есть.» Их энтузиазм был *формой персонификации этого социального творчества, рождаемого им инсайта* (отсюда, кстати, массовое движение новаторов), *катарсиса* (а он рождал новые импульсы невиданного ранее прогресса *подлинной культуры*, открытой для широких масс, но не массовой культуры, – равно как и активного включения масс в со-творение *подлинной культуры*, а не потребление масс-культуры – подробнее эта диалектика раскрыта Л. Булавка).

Да, В.И. Ленин был прав, когда говорил социализм (как общество, *переходное к царству свободы*) нельзя строить только на энтузиазме. Но эта мысль может и должна быть продолжена: *созидать социализм (общество, переходное к царству свободы) без*

энтузиазма, без персонифицированного, лично ощущаемого как праздник («трудовые будни – праздники для нас», – эти слова песни, конечно же, преувеличение, но неслучайное преувеличение!) социального творчества то же нельзя.

Возвращаясь к рассмотрению принципов ассоциации, мы можем продолжить: формирование ассоциации как работающей предполагает, что ассоциация строится на основе соединения труда, управления и собственности на факторы производства – это третий принцип жизнедеятельности ассоциации. Только свободные, неотчужденные [от факторов производства и самого труда, от других членов общества и, следовательно, от самих себя] индивиды, действующие в ассоциации и посредством нее, на равных началах присваивающие факторы производства и организующие свой труд (участвующие в управлении) могут стать и быть членами свободной ассоциации¹. Тем самым реализуется и важнейшая предпосылка позитивного освобождения – обеспечение определенного (достаточного для участия в деятельности ассоциации, творчестве) социально-гарантированного минимума, позволяющего помимо прочего избавиться от страха перед завтрашним днем, без чего невозможна свободная творческая деятельность.

Суммируем: атрибутами такого союза становятся самоуправление и общественная (равнодоступная для каждого участвующего в деятельности) собственность. Условием участия в управлении ассоциацией и использования факторов труда становится участие в ее деятельности (так, в принципе, строится доступ к средствам экологических, творческих и иных добровольных союзов; на практике, конечно, все эти формы являются противоречивым соединением рыночных, бюрократических начал и элементов добровольной ассоциации).

Для мира культуры этот принцип ассоциации реализуется относительно просто: «средствами производства» в креатосфере являются всеобщие культурные ценности (дело за «пустяком»: снять частную собственность на них и сделать их общедоступными не только по существу, но и по [социальной] форме). Здесь складывается то, что Маркс назвал всеобщим трудом и создаваемым им всеобщим богатством, что вновь «открыли» в 2000-е М. Хардт,

---

¹ Эта восходящая к классическому марксизму теза была развита в конце 1980-х годов А. Аузаном, в следствие отошедшим от разработки этих идей.

С. Жижек и О. Тофлер, что вот уже не одно десятилетие В. Межуев называет *собственностью каждого на все* (см. текст этого автора в настоящей книге).

В мире материальных ограниченных благ проблема решается гораздо сложнее и как правило на основе переходных форм (собственность общественных организаций, демократического государства, кооперативов).

Здесь мы сталкиваемся в очередной раз с проблемой, крайне важной для нашего исследования – проблемой *предпосылок социального освобождения, лежащих в рамках царства необходимости*. В последнем случае всякий раз возникает система переходных форм. К числу последних относится система социальных гарантий и прав граждан (*“свобода от страха”* – безработицы, голода, войны...; свобода иметь работу и жилище и т.п., плюс к этому уже упомянутая система *“негативных”* свобод), сознательное регулирование ассоциированными гражданами технологических процессов и своей социально-экономической жизни, базисная демократия и самоуправление как формы *“засыпания”* государства и т.д. Эти предпосылки многократно комментировались левыми теоретиками (в том числе и авторами) и поэтому мы можем пойти дальше, лишь упомянув о них, хотя и полностью отдавая себе отчет, что именно они наиболее важны и сложно достижимы сегодня.

Наконец, *четвертый* принцип жизнедеятельности ассоциации, прямо обусловленный ее природой (основанного на со-творчестве добровольного союза) состоит в том, что она строится как *открытое* объединение. Вы можете включиться в деятельность любой из ассоциаций и тем самым использовать ее средства (не говоря уже о всеобщих неограниченных ценностях) если Вы способны осуществлять ту деятельность, ради которой (в и посредством которой) создана ассоциация. Тем самым ассоциация определяется и как разомкнутый вовне союз, постоянно меняющий свою конфигурацию, состав, границы.

Это *подвижное* объединение, изменяющее свои параметры по мере развития процесса со-творчества, возникающее и умирающее (для того, чтобы родиться в новой деятельности и в новом составе) вместе с ним. Так могут возникать и отмирать (по мере рождения и реализации проблемы, интересов объединяющихся людей) конкретные производственные, экологические, творческие и т.п. ассоциации. Тем самым социальная жизнь таких союзов

предполагает многообразие, подвижность, свободу и легкость создания и отмирания открытых для каждого, добровольно создаваемых трудящимися для реализации своих общих интересов работающих ассоциаций, являющихся социальной формой сотрудничества (диалога) свободных индивидов по поводу практически любой деятельности (от создания дворовой детской площадки до строительства новых городов или “выращивания” новых социумов).

Анализ противоречий и принципов добровольной свободной ассоциации позволяет нам, наконец, определить **ассоциированное социальное творчество** как (1) общедоступную творческую деятельность, в которой каждый из членов общества может в диалоге с другими субъектами постоянно создавать общественные формы своей жизни (в идеале – открытые, добровольные, подвижные и постоянно изменяющие свою конфигурацию самоуправляющиеся ассоциации); (2) универсальную форму социального освобождения **всех** [в потенции] членов общества, т.е. (3) **разотчуждение**¹ и (4) адекватную социальную форму творческой деятельности в узком смысле слова (творчества как персонального саморазвития и созидания предметного мира креатосферы, распределечивания и опредмечивания в таких областях как наука, искусство, образование и т.д.). Неслучайно в этой связи, что именно социальное творчество (начиная с простейших функций участия в учете и контроле) порождает у его субъектов (в том числе – не слишком образованных групп трудящихся) потребность в освоении культуры, тягу к знаниям, прекрасному. В этом, кстати, ключ к ответу на вопрос о стимулах к образованию для «рядовых» граждан (мы к этому вопросу уже обращались и еще не раз обратимся, настойчиво повторяя данный вывод, ибо несмотря на то, что он в принципе хорошо известен в классическом марксизме, современные исследователи его упорно игнорируют).

Что же касается социального творчества, в которое вступают субъекты не репродуктивной, а творческой деятельности, то оно характеризуется слиянием этой деятельности и ее социальной формы, ибо творчество есть одновременно и деятельность, и субъект–субъектное отношение (диалог, “полифонирование” [добровольно ассоциированных – или, что вернее,

---

¹ Эта категория раскрыта в работах Л.А. Булавки, в частности, в книге «Социалистический реализм: превратности метода» (М., 2007).

ассоциирующихся, созидающих и изменяющих свои союзы]) свободных индивидов.

Если ко всему этому “добавить” все то, что выше было сказано о снятии “негативной” свободы, закономерностях и субъекте сознательной социально-преобразовательной деятельности и природе творческой деятельности как таковой, то в результате мы получим основные слагаемые понятия “*позитивной свободы*”, т.е. первое приближение к решению “сверхзадачи” данного текста.

2.2. Социальное освобождение: потенциал и пределы прогрессорства

Выше, предваряя исследование свободной ассоциации, автор поставил вопрос, с которым сталкивается любой социальный творец. Вопрос, который субъект социального творчества адресует себе всякий раз, когда решается выступить с предложением коррекции стихийного исторического процесса. Тогда, когда он 100 лет назад выходил на демонстрацию с требованием введения 8-часового рабочего дня. Тогда, когда он 50 лет назад включался в борьбу с колониализмом. Тогда, когда он сегодня выступает в защиту бесплатного образования и здравоохранения. Или тогда, когда он 7 ноября 1917 года принимал решение о начале вооруженного восстания.

Я нарочито повторяю эти вопросы–упреки–вызовы: кто дал вам, претендующие на роль творцов истории, право брать на себя роль демиургов, которые якобы знают, в чем истина (законы истории), каковы критерии прогресса (Добра и Зла), какая мера насилия и какие жертвы необходимы и допустимы на этом пути «спрямления зигзагов» и чем обернуться в реальности прогрессорские попытки?

Не довольно ли история знала ваших «благих порывов», ваших экспериментов по «осчастливлению» человечества, приведших в ад ГУЛАГов?

Ответы на эти вопросы мучительно сложны, но я все же возьму на себя ответственность сформулировать их, продолжая тот путь, по которому шли мои великие (без преувеличения) учителя: От Маркса и его предшественников к Ульянову, Лукачу, Сартру и их последователям. Не пытаясь предложить некое претендующее на истину видение их наследия (оно ко всему прочему крайне противоречиво), но развивая в меру своих сил и на базе нового опыта последних десятилетий их достижения. Я понимаю сколь

ответственно это заявление, но, как не раз говорилось, даже пигмей, встав на плечи Титанов, может подняться над ними.

В чем же «тайна» этих решений? Достаточно строго и развернуто ответ на самом деле уже был дан выше. Лаконично и образно он звучит так: каждый индивид так или иначе всегда есть участник процесса исторического творчества и всегда вносит некий вклад в достижения Человечества и несет ответственность за его трагедии и преступления. Он всегда или создает блага, способствующие развитию человека и культуры, или не создает ничего, являясь паразитом, или создает бесполезные или вредные для развития человечества результаты. Он всегда или способствует силам прогресса, или остается в стороне, или оказывается активным пособником реакции. *Человек всегда делает свой выбор и отвечает за него.*

Даже тот, кто «честно делает свое профессиональное дело» и не вмешивается ни во что – и он отвечает. За то, что не помешал победе фашизма. Или за то, что не вмешался в процесс разрушения образования. Или за то, что не помог добиться 8-часового рабочего дня. За то, что реки грязны и вместо садика во дворе построили гаражи.

Помните, знаменитое: Не бойся врага. Самое страшное, что он может сделать – это убить Тебя. Не бойся друга. Самое страшное, что он может сделать – это предать Тебя. Бойся равнодушных. Это с их молчаливого согласия совершаются убийства и предательства.

Итак, социальный конформизм, пассивное подчинение отчужденным силам истории, подобное подчинению человека силам земного тяготения, – это одна сторона медали, сторона необходимости.

Способность человека преодолевать эту силу, взлетая выше птиц, не убегая от объективных законов в выдуманный мир грез или религий, но благодаря познанию объективных законов и созидательной деятельности их по сознательному использованию – это другая стороны медали, сторона свободы.

За этими образами скрывается характерное для «царства необходимости» *фундаментальное противоречие исторического процесса*. Одна сторона этой противоположности – господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил – разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и

государства... Другая – творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культуре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...¹

Тем самым мы не только восстанавливаем и ре-аргументируем в полемике с постмодернизмом классический марксистский критерий прогресса – свободное всестороннее развитие личности, – но и показываем его актуальность². Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий. В самом деле, переход к обществу, основанному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в развитии креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития. Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления (пресыщения)» и «общества профессионалов», ведущий в конечном итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчине-

---

¹ См.: Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. (Серия "Философы России XX века"). СПб., 1997; Люсьен Сэв. Марксизм и теория личности. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.

² Нам многое могут возразить: кто Вам дал право судить о том, что есть прогресс, а что регресс и в чем «логика», «красная нить» истории. На это возражение мы в данном тексте отвечать не будем, сделав ссылку к на мой взгляд доказанному в традиции Ренессанса, Просвещения, марксизма уже названному выше положению: мерой прогресса является мера снятия бремени социального отчуждения и свободного всестороннего гармоничного развития Личности, или, несколько упрощая и огрубляя, но делая более современным и прагматичным – «человеческих качеств».

ние человека силам нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («цивилизованности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии¹.

В отличие от постмодернистской апологии пассивности *постсоветская школа критического марксизма*, развивая классические положения марксистской философии истории, подчеркивает *активно-созидательную роль Человека как творца общественных отношений*, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных революций и реформ (будь то Война за независимость в США или хрущевская оттепель в СССР).

Но при этом автор этих строк, да и вся постсоветская школа критического марксизма и многие наши зарубежные коллеги делаем акцент на *нелинейности общественного развития, отсутствии «столбовой дороги» прогресса*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контр-революций и контр-реформ. Такое попятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

---

¹ Отдавая дань политико-экономической специализации авторов, заметим, что, например, методология неоклассической экономической теории, восходя к философии позитивизма (а уж тем более постмодернизм) вообще отрицает прогресс, а реальная экономическая политика, основанная на неоклассических постулатах, в качестве критерия прогресса рассматривает меру приближения экономических систем к идеалу свободно-конкурентного рынка, основанного на частной собственности. Особенно явно это проявляется в неоклассических трактовках трансформаций в России, где «переход к рынку» есть самоцель, которая, по мнению авторов «шока без терапии», оправдывает любые средства (в том числе, грандиозный регресс «человеческих качеств») без всяких дальнейших оговорок в точном соответствии с буквой и духом Макиавелли–Сталина.

В этой связи позволю себе образ, позволяющий показать сложную диалектику исторического и логического, многообразного нелинейного хода истории и ее «красной нити» на образном примере.

Мы все не раз улыбались великой географической истине: Волга впадает в Каспийское море. Начав свое течение в центре России, наша великая река течет на юг. Но. Но в своем течении она делает массу зигзагов. Есть такие участки пространства, где она движется на запад или восток, а то и вообще поворачивает на север, в направлении, противоположном «красной линии» ее течения. На ее пути есть места с быстрым течением и застойные участки, узости и разливы, многочисленные рукава и старицы.

Более того, человек своей сознательной деятельностью может спрямлять ее течение, строя каналы, или тормозить ее, строя плотины...

Такова и река истории. В своем социально-историческом времени она *в общем и целом, так или иначе* идет из прошлого в будущее, от состояний рабства и крепостничества, сословного неравенства и абсолютизма, церковного мракобесия к периоду не стесненного феодальными рамками рынка, наемного труда, юридического равноправия, политической демократии, просвещения и далее; от 14-ти часового к 8-ми часовому рабочему дню и опять же далее...

И это *так или иначе, с теми или иными противоречиями и «зигзагами»* прогресс, движение по пути к «царству свободы», оплаченные большими или меньшими потерями и жертвами – человеческими, культурными, материальными...

И едва ли не главный вопрос здесь – как раз в выделенных нами «нюансах»: так или иначе, раньше или позже, с большими или меньшими потерями и жертвами мы будем двигаться по пути прогресса.

Так перед нами вновь **встанут вопросы о возможности, мере и последствиях воздействия общественного субъекта на «реку истории», а так же об его ответственности за это воздействие.**

Да, общественный человек способен спрямлять «русло» исторического процесса, спрямлять зигзаги истории.

Он способен строить «каналы», направляющие исторический поток в направлении прогресса и предотвращая «петли истории». Эти «каналы» могут быть подобны революциям – гезов в XVI, Соединенных штатов в XVIII, Парижских коммунаров в XIX, большевиков в XX, – не обошедшихся без крови, но ускоривших историю немеряно.

Но они могут быть подобны и Беломорканалу, ставшему одним из символов ГУЛага.

Человек способен строить «плотины» на пути исторического процесса, искусственно тормозя прогресс, задерживая, например, на столетия отмену крепостничества, как это произошло в нашей стране.

Он поможет поворачивать течение истории вспять, как это не раз делали фашисты и национал-социалисты на протяжении XX века в Европе и Латинской Америке.

Более того, человечество вообще может выбрать тупиковую ветвь инволюции и обречь историю на исчезновение, грозя самоуничтожением рода человеческого то ли в результате применения оружия массового уничтожения, то ли вследствие экологических техногенных или каких-то иных глобальных катастроф (как тут не вспомнить пример «прогрессорской» деятельности по орошению пустынь Средней Азии водами Амударьи и Сырдарьи, приведшей к исчезновению Аральского моря)...

Именно в силу принципиальной значимости этих проблем мы, в отличие от не только от иных догматических ответвлений марксизма, своих догматических коллег прошлого и настоящего, но даже и от традиционно прочитываемой марксистской классики, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности Человека, и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста, способствующего застою и/или регрессу.*

Опыт XX века, практические результаты научно-технического прогресса, равно как и стремлений социальных творцов осчастливить человечество показали всю противоречивость такого «активизма». Но именно противоречивость, а не однозначную неприемлемость. Ныне очень принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократив детскую смертность и увеличив в полтора раза продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8 часовой рабочий день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Де-

ло, прежде всего, в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно-обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. *Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их не-музыкальной (А. Блок) жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить.*

Еще более важно помнить о том, что в социальной жизни всегда присутствует «активизм» не только слишком увлекающихся «прогрессоров», но и сил реакции. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его неокOLONиализмом и асимметричными войнами, активизм сил реакции становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономико-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его Alter Ego – фундаментализм и терроризм.

Открыто выступающие ныне идеологи протоимпериИ почти всегда исповедуют методологию социального «безразличия» (ко всему, кроме собственных доходов, власти и безопасности), но на практике не забывают навязывать всему миру свои однозначные представления о «добре» и «зле». Впрочем, это ситуация, типичная не только для последних лет: вспомним хотя бы Первую и Вторую мировые войны.

Сказанное не снимает, однако, с нас ответственности за решение проблемы границ социально-творческого активизма. На предельно абстрактном уровне ее решение состоит в том, что социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу Человека.

Определение же этой меры – задача всякий раз конкретная и решается она реальными общественно-культурными силами, для которых всегда стоит дилемма, за правильность решения которой несет персональную ответственность каждый субъект. Каждый из социальных творцов в отдельности и их ассоциации в целом должны всякий раз решать задачу прохождения между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, не перейти в своем созидательном энтузиазме границ, за которыми их благие намерения создания нового общества становятся дорогой в ад насилия и террора; с другой – не поддаваться соблазну невмешательства, которое всегда оказывается злом потакания реакции, будь то мракобесие инквизиции, сталинский террор или отупляющая пропаганда стандартов общества потребления с его

масс-культурой и философским безразличием к Человеку. И решение это всегда мучительно сложно, противоречиво, неоднозначно.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на *нелинейности общественного развития*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов – контр-революций и контр-реформ. Такое пятное, *реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контр-революционных, реформаторских и контр-реформаторских процессов*. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и мн. др.).

Таковы лишь некоторые аспекты диалектики социально-творческого освобождения и атрибутирующего «царство необходимости» социального отчуждения.

При этом в каждом из этих случаев происходит взаимодействие двух феноменов – *творчества в мире культуры и социального творчества*: включаясь в деятельность профсоюза (но не «желтого», естественно) или экологического движения, коммуны или кооператива (а их в мире сейчас действуют сотни тысяч), или любую другую из известных ныне простейших форм добровольных

ассоциаций¹, интеллигент получает открытое и в основном неотчужденное поле для своей новаторской деятельности, а «рядовой» участник этих союзов на практике сталкивается с необходимостью роста своих знаний, творческих способностей для участия в этой деятельности.

Так перед исследователем феномена социального освобождения встает вопрос о взаимосвязи мира культуры и мира отчуждения.

*2.3. Мир отчуждения и креатосфера:
закон взаимообогащения прогресса культуры
и социального освобождения*

Генезис человека как творчески-деятельностного общественного существа породил мощное и неисчезающее (в рамках предыстории) *противоречие между творческой природой человеческой деятельности и господством ее отчужденных социальных форм*. Первой мы обязаны существованием мира культуры (креатосферы), второму – социальным угнетением и несвободой².

Креатосфера по своей природе есть мир, живущий по законам, в принципе не совместимым с законами мира отчуждения. В первом господствует творческая деятельность, создающая вечные, всеобщие, не ограниченные, открытые для распредемливания ценности; во втором – производство отчуждаемых, потребляемых, ограниченных вещей (проще говоря, в мире культуры всем всего для всех всегда слишком много, «бери – не хочу»; в социально-отчужденном мире всем всегда всего мало). В первом деятельность и отношение

¹ Подчеркну: в условиях глобальной гегемонии капитала все эти ассоциации несут на себе мощную печать власти рынка, капитала, бюрократии, массовой культуры и т.п. Это по сути дела не более чем переходные формы, противоречиво соединяющие ростки свободной ассоциированности и сохраняющиеся отношения отчуждения.

² Исследование диалектики этих понятий восходит к работам К. Маркса, В. Ленина, К. Либкнехта, позднее – книгам и статьям советских (Н.С. Злобина, В.М. Межуева и др.) и зарубежных (Б. Олман, И. Мессарош, А. Шафф и др.) марксистов-«шестидесятников». В последнее десятилетие противоречивое сопряжение отчуждения, социального освобождения и культуры раскрывается в работах Л.А. Булавки, в частности, в ее книге «Феномен Советской культуры» (М., 2008) и тексте «Творчество масс: опережение реальности (В книге «Ленин on line», М., 2011).

совпадают и их осуществляет свободная личность, субъект; причем результаты этой деятельности (саморазвитие творца и процесс созидания культурных ценностей) принципиально неотчуждаемы. Во втором господствует овещнение (или другая форма отчуждения) человека, а труд и его результат отделены от производителя...

Перечень легко продолжить. Но в то же время эти миры жестко и тесно взаимодействуют.

С одной стороны, система отношений отчуждения подчиняет себе (естественно, не абсолютно и в разной мере на разных этапах развития общества) культуру и подавляет (опять же в разной мере на разных этапах развития общества) ее прогресс.

С другой стороны, в рамках всей предшествующей истории («царства необходимости») развитие материального богатства и рост производительности труда, создающие абсолютно необходимые предпосылки для прогресса креатосферы, шли и идут в рамках отчужденных общественных форм и сами несут на себе печать отчуждения (разделение труда, подчинение человека машине и т.п. хорошо известные феномены). Более того, внутренние противоречия мира отчуждения (в частности, производственных отношений) формируют пусть весьма ограниченные, но не линейно растущие импульсы развития культуры, ибо без использования результатов творческой деятельности невозможен ни интенсивный, ни экстенсивный прогресс материального и духовного производства (в частности, рост производительности труда, прогресс производительных сил), а вместе с тем и отношений отчуждения.

Так, интенции перехода от крепостничества к наемному труду и потребности в увеличении прибавочного продукта и росте нормы эксплуатации вызывают к жизни промышленную революцию и дальнейший научно-технический прогресс, а значит – развитие науки и образования. Смена примитивных форм тоталитарного политического и идеологического господства на более тонкие и в то же время более мощные либерально-демократические предполагает определенный прогресс общественнознания и искусства...

Эти простейшие примеры подталкивают нас к выделению (пока что в качестве гипотезы, обоснование которой лежит за пределами данного текста) некоторых закономерностей во взаимодействии креатосферы и мира отчуждения.

Первая обусловлена содержательной противоположностью творчества и отчуждения. Это обратно пропорциональная нелиней-

ная зависимость между мерой развития и общественной востребованности творчества в какой либо из сфер социальной жизни (и жизни индивида – его ценностей, мотивов и т.п.), с одной стороны, и ролью механизмов отчуждения (например, рынка) в регулировании этих сфер. Эту связь можно сформулировать и несколько иначе: Чем больше творческий потенциал деятельности (ее ценность как всеобщего универсального блага) и чем менее значимы для ее субъекта отчужденные мотивы и ценности (деньги, власть и т.п.), тем больше может и должна быть роль не-отчужденных форм организации этой деятельности и, в частности, мотивации ее субъекта.

Эта связь носит мерный характер (т.е. предполагает учет и качественных, и количественных параметров) и была нами рассмотрена в ряде наших предшествующих публикаций¹, где были выделены противоречия творчества и одной из социальных форм отчуждения – рынка (автор эту зависимость даже представил, с некоторой долей условности, для наглядности в виде кривой). Там же, напомню, были приведены примеры такой зависимости: большая роль рынка в жизнедеятельности шоу-бизнеса, чем «высокого» (кстати, в лучших своих проявлениях вполне общедоступного – вспомним стихи Пушкина, музыку Дунаевского, фильмы Бондарчука, романы Шолохова...) искусства, или в организации прикладных опытно-конструкторских разработок по сравнению с фундаментальной наукой, или обучения прикладного специалиста в соотношении с воспитанием и образованием Человека как свободно и гармонично развивающейся личности.

Вторая зависимость является в некотором смысле следствием первой и характеризует связь меры развития творческой деятельности со спецификацией прав собственности: чем больше творческая ценность (всеобщность) некоторой деятельности и ее результатов (как процессов-продуктов прямого и опосредованного культурой диалога творца со всем [в потенции] миром креатосферы, тем меньше возможность и необходимость спецификации прав собственности на такой «продукт».

Эта закономерность, хотя и выглядит замысловатой, на самом деле отражает достаточно очевидную и эмпирически постоянно наблюдаемую связь: фундаментальные ценности науки и искусства,

---

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004, 2007; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М., 2009.

педагогики и морали принадлежат всем (как теорема Пифагора, симфонии Чайковского, опыт Корчака или Макаренко); права собственности на них принципиально неспецифированы; в то же время, особые прикладные разработки или произведения массовой культуры могут находиться в частной собственности, а права на них закрепляться некоторым образом. При этом, однако, противоречие всеобщности феномена культуры и частной собственности будет либо разрушать (например, в виде приобретения нелегальных копий) права частной собственности, либо тормозить развитие креатосферы (ограничивая доступ к всеобщим ценностям всех тех, кто не может получить эти права (купить лицензионный диск или попасть в дом к хозяину частной коллекции), либо вызывать и то, и другое, там и тогда, где и когда собственность вторгается в пределы креатосферы¹.

Наконец, сказанное позволяет выделить и *третью* взаимосвязь – между (1) мерой ценности творческой деятельности (и, соответственно, «мощью» ее воздействия на общество), (2) глубиной и масштабами отчуждения и (3) мерой востребованности последним творчества (например, тем, насколько научно-технический прогресс необходим для «прогресса» гегемонии капитала): чем более развиты параметры (1)–(3), тем выше угрозы человечеству со стороны творчества в мире отчуждения (ниже я эту связь назову «стрелой Аримана»).

ПЕРЕФРАЗИРУЯ эту связь, можно сказать, что наибольшие угрозы человечеству несут наиболее жесткие (например, агрессивные тоталитарные) режимы (например, фашизм), ориентированные на активное инициирование творчества (хотя бы в отдельных сферах – милитаризм, идеологизированное искусство и т.п.) и его освоение. Впрочем, примеры этого далеко не сводимы к военной угрозе со стороны тех или иных диктатур: использование иницилируемого в массовых масштабах творчества для развития превратного сектора (от финансовых спекуляций до массовой культуры) современным капиталом не намного менее опасно для человечества, о чем мы уже писали в упомянутых выше работах.

Персонафицированной мерой взаимодействия креатосферы и царства необходимости (и это прямое следствие представленных выше размышлений) становится соотношение творческих и отчуж-

---

¹ Подробнее об этом см. в статье А.И. Колганова о собственности на знания как тормозе развития креатосферы в журнале «Альтернативы» 2002, №1.

денных (в том числе – мелкобуржуазных) начал в деятельности и поведении человека (цели и ценности, стимулы и мотивы).

С некоторой долей условности это *мерное* (т.е. соединяющее количественные и качественные параметры) соотношение в человеке его качеств свободной творческой личности, с одной стороны, и подчиненного силам отчуждения конформиста (например, мелкого буржуа) – с другой, может быть отражено в соотношении *деятельностно-творческих* (свободное время, самореализация в деятельности, человеческие, товарищеские отношения в социальном микрокосме) и *отчужденных* (деньги, власть, место в иерархии) стимулов и ценностей. И если социология с трудом может определить эту меру для общества, то каждый человек (при известной доле честности перед самим собой) может достаточно конкретно оценить свои поступки (а не только намерения) при помощи этой меры. Более того, в каждом своем поступке (или его отсутствии)¹ он вольно или невольно всякий раз для себя практически определяет эту меру.

В контексте сказанного не будет слишком оригинальным вывод: в истории человечества постоянно присутствует оппозиция мира (социального пространства и времени) отчуждения и мира свободно-го гармоничного развития Человека. Первое – общественная атмосфера, адекватная для царства экономической необходимости («предыстории», «экономической формации»). Второе – рождающиеся предпосылки, элементы, ростки царства свободы, креатосферы.

Эта оппозиция имеет не только общественное и индивидуальное (затрагивающее, повторю, каждого человека) измерение, но различные общественные пласты.

Первый – это соотношение двух пространств общественной жизнедеятельности: креатосферы и сфер отчужденной общественной жизнедеятельности (особенно – превратного сектора).

Второй – отношений освобождения и отчуждения.

Третий – субъектов этих отношений (социальных творцов-новаторов, в том числе тех, кто полустихийно, как, например, «рядовые» участники революций или строительства новых городов в СССР,

---

¹ Как тут не вспомнить знаменитое: «Не бойся врага: самое страшное, что он может сделать – это тебя убить. Не бойся друга: самое страшное, что он может сделать – это тебя предать. Бойся равнодушных: это с их молчаливого согласия совершаются предательства и убийства».

и сил отчуждения, как активных – угнетатели, так и пассивных – их холуи).

Все эти три соотношения носят, подчеркну вновь, мерный характер и изменяются нелинейно.

Первая («теневая») сторона была и остается господствующей на протяжении всех предшествующих эпох развития человечества. Вторая («солнечная») присутствует как нелинейно пробивающаяся оппозиция.

Используя образы известного мыслителя и писателя-фантаста И. Ефремова, можно сказать, что человечество ныне переживает «Час Быка» – тягостное предрассветное время. В XX веке (особенно в 1960–е годы) многим казалось, что критическая точка уже пройдена и мера освобождения по меньшей мере уравнивала меру угнетения. Но ныне маятник качнулся в другую сторону, и мы вновь застыли в предрассветной эпохе.

Тем важнее в этих неблагоприятной атмосфере предрассветной серости преодолеть пессимизм. Изменение названной пропорции, переход к доминированию не отчужденной (свободной) общественной деятельности (и, соответственно, развитию человека) станет свидетельством рассвета новой эпохи общественного развития – царства свободы – системы отношений ассоциированного социального творчества, расцветающих на базе приоритетного развития креатосферы. Именно в этом направлении могло бы идти человечество, реализуя уже имеющийся потенциал высоких технологий, образования, науки и культуры, но в реальности оно движется (вследствие глобальной гегемонии корпоративного капитала) преимущественно по иной траектории.

При этом следует особо подчеркнуть, что соотношение отчуждения/освобождения изменяется в историческом времени нелинейно, завися, во-первых, от господствующих в данный период в данном обществе социальных форм отчуждения (способа производства, политической и идеологической систем) и силы противодействующего им социального творчества, рождая такие феномены как реакция и застой или реформы и революции. Во-вторых, это соотношение зависит от меры развития креатосферы, т.е. культурно-творческих основ освобождения. Поясняя и огрубляя последнюю тезу замечу: бороться за освобождение тем труднее, чем выше культурная деградация, отупение – сытое ли, голодное ли – и мракобесие в стране и тем

легче, чем в большей степени передовые тенденции в культуре развиты и обращены в сторону решения проблемы освобождения Человека¹.

Каждая особенная творческая деятельность (ученого, художника, педагога), ее субъект и предметный результат могут принадлежать (и, как правило, одновременно принадлежат в определенной мере) и «солнечной» (креатосфере) и «теневой» (миру отчуждения), сторонам жизни. И если в первом случае творец развивает культуру, материальные основы освобождения человека как родового существа, то во втором, как было отмечено выше, он оказывается субъектом «анти–творчества» (гением злодейства),

Загадка последнего давно волнует человечество, но наш анализ открывает дорогу к ее возможному решению. Творческая деятельность (сотворчество) по своему собственному имманентному содержанию есть процесс саморазвития креатосферы – культуры как предметно–деятельностно–личностного мира сотворчества. В свою очередь креатосфера есть один из способов существования материальных основ социального освобождения человека (сразу упомяну и иной способ – свободное время). И в этом смысле всякий человек, вступая в диалог с культурой, творя, развивает мир креатосферы, создает дополнительные предпосылки социального освобождения.

Но в то же время всякая творческая деятельность, погружаясь в той или иной мере в атмосферу отчуждения (что может происходить в разных формах – от работы в концлагере над созданием атомной бомбы до искренней апологетики реакционных социальных сил) становится *антитворческой активностью*, в частности, созданием потенциала прогресса превратного сектора (например, орудий военного, финансового, идеологического, культурного и т.п. гегемонизма), других способов жизнедеятельности мира отчуждения. Повторю: творчество, подчиняясь миру отчуждения, становится *анти–творчеством*; напротив, социум, «подчиняясь» законам креатосферы, трансформируется в ассоциируемое социальное творчество – адекватную общественную форму процесса со–творчества.

Здесь действуют закономерность, которую я уже сформулировал выше, а здесь хочу пояснить подробнее, назвав ее, используя терми-

---

¹ Эту связь подтверждает история мощного развития прогрессивной, социально–освободительной и гуманистической тенденции в российской культуре (литературе, живописи, музыке, науке и т.п.), ставшей важнейшей предпосылкой демократических социалистических движений XX века.

нологию романа Ивана Ефремова «Час быка», «стрелой Аримана». Ее суть – в трансформации миром отчуждения творческих сил и действий человека (в принципе, сил наиболее гуманных, т.е. собственно человеческих, ибо творчество есть реализация родовой сущности Человека) в силы угнетения и порабощения человека. Причем чем более талантливы и мощны эти творческие силы и чем полнее их субъект включен в мир отчуждения, тем большее зло (а это нравственная мера отчуждения) они несут Человеку, обществу, природе.

Эта «стрела» разит по многим направлениям.

Во-первых, в мире отчуждения всякая творческая (по содержанию) «профессиональная» деятельность, не связанная непосредственно с ассоциированным социальным творчеством как своей общественной формой, даже если она не подчинена непосредственно силам отчуждения (бюрократии, капиталу), как правило ведет к (1) прогрессу креатосферы в формах, недоступных для большинства членов общества (к развитию «элитных» науки, искусства, образования) и (2) созданию (прямо или косвенно) креативно-культурных предпосылок для усиления (и качественного развития) угнетения вследствие утилизации результатов творческой деятельности «инфернальными» (воспользуюсь вновь терминологией И. Ефремова) силами (будь то бюрократия, капитал или иные силы отчуждения).

Во-вторых, творческая деятельность в царстве необходимости в большинстве случаев все же непосредственно встроена в отношения отчуждения и как таковая непосредственно служит развитию механизмов, форм и методов последнего в формах как изоциентно-интеллектуальных (например, теоретическое обоснование эффективности право-либеральных или тоталитарных механизмов социальной организации), так и приземленно-грубых (вплоть до создания психотропных препаратов, использования политехнологий для манипулирования электоратом или рекламы, масс-культуры и других средств для оболванивания населения).

В-третьих, суммируя сказанное, можно легко проиллюстрировать массой примеров следующую связь: чем более развита в обществе «инфернальность» (я бы уточнил это ефремовское понятие как энергию отчуждения, генерирующую его власть) и чем больший творческий потенциал используют эти инфернальные силы, тем больше угрозы обществу и человеку со стороны этих сил и этого творчества. Эти угрозы, однако, могут не превращаться в реальные в той мере, в какой действуют противоположные силы – силы осво-

бождения (прежде всего, развитие креатосферы и ассоциированное социальное творчество).

На личностном уровне эти закономерности проявляются предельно жестоко: чем больше творческий потенциал человека и чем дальше он от позитивной свободы (т.е. от прямого или косвенного участия в освободительной деятельности, а ведь делу освобождения можно служить даже в тюрьме: вспомним о Т. Кампанелле, О. Лунине, А. Грамши, Ю. Фучике, Н. Хикмете и тысячах других творцов), чем больше он подчинен инфернальным силам (будь то власть денег или номенклатуры, когда ты на собственной вилле или государственной даче становишься рабом мира отчуждения (его ценностей, мотивов...), тем сильнее его разит «стрела Аримана», тем более его деятельность и ее результаты становятся феноменами анти-творчества.

Тем самым «стрела Аримана», эта равнодействующая инфернальных сил, может быть представлена как вектор (ибо вектор имеет направленность) в пространстве-времени отчуждения, *n* координат которого отражают *n*-мерную структуру мира отчуждения.

При этом существенно (подчеркну это еще раз) что в рамках царства необходимости каждый творец в одной и той же деятельности оказывается в определенной мере включен в созидание и креатосферы, и способов саморазвития мира отчуждения. И здесь уже каждый лично может и должен делать выбор, чему он служит прежде всего, самостоятельно определяя качественную грань, отделяющую творца [креатосферы, царства свободы] от апологета и разрушителя.

Отсюда проблема прогрессивности того или иного социума, института, индивида получает вполне определенное решение: мера прогресса – это качественное и количественное соотношение развития отчуждения/освобождения. Соответственно, общественными силами, воплощающими эти два начала, станут, на одной стороне, активные субъекты и пассивные рабы (кукловоды и марионетки) отчуждения, на другой – субъекты ассоциированного социального творчества.

Суммировав сказанное выше, мы можем сделать вывод, что по своей природе (мотивам, целям, факторам и содержанию) творческая деятельность является свободной и в принципе не может быть отчуждена. В то же время в рамках царства необходимости от человека отчуждается это родовое качество его деятельности,

что и рождает объективное противоречие, напряжение полюсов которого создает один из наиболее мощных глубинных импульсов движения человечества к царству свободы.

В то же время развитие креатосферы периодически оказывается востребовано миром отчуждения. В самом деле, в процессе обновления отношений отчуждения этот мир особенно интенсивно требует для своего развития «подпитки» со стороны творцов: креатосфера служит своего рода «горючим» и/или катализатором прогресса в пространстве предьстории, сужения рамок и ослабления пресса отчуждения. Более того, прогресс материальных основ царства необходимости (производительных сил) и материального богатства его «хозяев» (прежде всего за счет возрастания производительности труда и развития форм и методов его эксплуатации), равно как и прогресс форм отчуждения (переход от феодализма к капитализму, например) оказываются невозможны без классовой борьбы и некоторого прогресса социальной свободы (генезис «негативной свободы», развитие в процессе социальных реформ элементов «позитивной свободы» и т.п.), наиболее мощно проявляющих себя в период социальных революций. И, напротив, расширение и углубление сложившейся системы отчуждения ведет к подавлению и реальных социальных свобод, и подлинного прогресса креатосферы¹.

Все это позволяет предположить (автор намеренно опускает ряд промежуточных пунктов выведения этой связи), что для исследуемой нами диалектики характерен (повторю: это не более, чем авторская гипотеза) закон **взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения**, в соответствии с которым мера развития креатосферы прямо пропорциональна мере социального освобождения (и/или борьбы за социальное освобождение) и обратно пропорциональна мере отчуждения в единстве ее количественных (например, норма эксплуатации) и качественных (эволюция видов отчуждения от личной зависимости к глобальной гегемонии капитала) параметров².

¹ Оговорюсь: в периоды социального «застоя» типичным становится экстенсивный рост превратных форм культурного творчества, таких как теологические споры позднего средневековья, «теория развитого социализма» эпохи брежневского застоя, массовая культура и постмодернизм периода глобальной гегемонии капитала и т.п.

² Количественное выражение этой меры (даже абстрагированное от

Итак, прогресс креатосферы может и должен рассматриваться как одна из основ процесса социального освобождения. Но что же есть сам этот процесс? Продолжим наше продвижение по пути определения данного феномена, обратившись к тем отношениям ассоциированного творения истории, где феномен социального освобождения проявляет себя в своей едва ли не наибольшей полноте и потому противоречивости – к социальным революциям.

*3. Социальные революции:
контрапункты социального освобождения,
культуры и отчуждения*

«В грядущей социальной революции пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, обретут же они весь мир».

К. Маркс. Ф. Энгельс

В своих работах автор неоднократно апеллировал к противоположности отношений отчуждения (во всем их многообразии – от общественного разделения труд до глобальной гегемонии капитала) и ассоциированного социального творчества; поэтому вполне логичным (во всяком случае, в рамках данного «категориального поля») будет вывод о том, что движение к «позитивной свободе» предполагает диалектическое отрицание, снятие отношений царства необходимости (мира отчуждения) и создание новых отношений, добровольное [само]ассоциирование индивидов. Именно этот процесс (в единстве качественных, революционных и эволюционных преобразований) мы и будем называть *социальным освобождением*, а меру (опять же в единстве качественных, интенсивных и экстенсивных изменений) продвижения по этому пути – *мерой социального освобождения*¹.

качественного различия разных видов и форм отчуждения) представляет немалую трудность для автора и, сколько мне известно, еще не определена в науке. Можно предположить, что эта мера должна корреспондировать с мерой конформизма общества, которая часто достаточно точно выражается на языке искусства.

В этой связи не могу не напомнить здесь еще раз, что перепроизводство массовой культуры в эпоху mass media и телекоммуникаций выполняет роль мощного «глушителя», стоящего на пути от креатосферы к человеку.

¹ Ее косвенным количественным («теряющим» качественный социальный

*3.1. К проблеме взаимообогащения культуры
и социального освобождения. Некоторые комментарии*

Как мы уже отметили выше, сложнейшей проблемой социального освобождения была и будет диалектика сосуществования в рамках царства необходимости креатосферы и отношений отчуждения. В общем виде эта проблема решается на пути отрицания, разрушения антагонистических социальных форм при сохранении и развитии материальной и духовной культуры, предметного тела и деятельностного мира, самих субъектов креатосферы (т.е. попросту, сохранении и развитии, видоизменении, но не уничтожении «как класс» объектов материального производства, науки и искусства, достижений и традиций прошлого, самих людей как их носителей).

Но это решение хорошо только «в общем виде». На практике «активизм» освободителей зачастую оборачивался разрушением не только отчужденных социальных форм (на смену которым приходили новые), но и культуры (вплоть до физического уничтожения памятников культуры и творчески-самостоятельных личностей – об этом подробнее в следующем разделе). Следовательно, проблема требует более конкретного решения, в поисках которого нам придется вновь обратиться к сформулированному выше закону *взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения*, в соответствии с которым (напомню) *мера развития креатосферы прямо пропорциональна мере социального освобождения (и/или борьбы за социальное освобождение) и обратно пропорциональна мере отчуждения в единстве ее количественных (например, норма эксплуатации) и качественных (эволюция видов отчуждения от личной зависимости к глобальной гегемонии капитала) параметров*. Мы накопили достаточный материал для того, что бы сделать новый шаг в раскрытии спрессованного в нем содержания.

Следствием названного закона (автор намеренно опускает ряд промежуточных пунктов вывода этой связи) является *императив*

скачок) отражением может быть соотношение свободного (используемого для гармоничного свободного развития индивида [в ассоциации]) и необходимого времени, которым обладает общество (Эта идея, как мы отметили в I части, раскрыта в ряде работ П. Кузнецова; см., напр.: “По ту сторону отчуждения”. М., 1990, с. 227–251).

освобождения культуры: для сохранения в полном масштабе и дальнейшего развития креатосферы (включая сюда не только предметный мир культуры в привычном смысле слова – библиотеки, музеи..., – но и творческий потенциал граждан Земли, природу как самоценность, производственный аппарат как бытие культуры и т.п.) необходимо снятие отношений отчуждения и развитие таких социальных отношений, которые обеспечат адекватные условия для прогресса культуры.

Возвращаясь к гипотезе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения, подчеркну: в первом случае речь идет не столько о материальном благосостоянии и развитии негативной свободы (хотя и то, и другое, повторю, есть важные предпосылки социального освобождения), сколько об интенсивности (потенциальной и реализуемой в действиях) энергии социального творчества, в том числе – *энергии борьбы с отчуждением*. Потенциал же последней может быть очень высок в обществах с жесточайшим угнетением, но находящихся на пороге своего краха, где и социальное творчество, и культура развиваются не «благодаря», а «вопреки», как *борьба с отчуждением* и в этом смысле – социальное творчество. Во втором случае, говоря о мере отчуждения, мы делаем акцент на глубине подчинения трудящихся господствующей системе и их смирения с этим подчинением (что может быть наиболее типично для относительно «сытых» застойных социумов).

Примеры практически всех мощных культурных всплесков в истории человечества могут служить одним из подтверждений предложенной выше гипотезы. Перелом истории при переходе от феодализма к капитализму и вызванные им социальные брожения и революции рождают науку и искусство Ренессанса в Италии и Нидерландах, затем – в Германии, а еще позже – в России. Чудовищно напряженное противоречие ростков массового социального творчества («энтузиазма»), вызванного небывалым революционным подъемом начала XX столетия, и сталинщины в СССР создало условия для развития (и «благодаря» [энтузиазму] и «вопреки» [сталинщине]) такого удивительного феномена как советская культура...¹

¹ Эти противоречия раскрыты в серии статей Л. Булавка и ее разделе в книге «Критический марксизм. Продолжение дискуссий» (М., 2001).

Живительный воздух свободы или борьбы за нее всякий раз рождает в истории человечества величайшие культурные (научные, образовательные, художественные, нравственные) достижения. И всякий раз, когда объективные или субъективные факторы разделяли социальные преобразования и культуру, это оборачивалось трагедией: первое выражалось в активизм и насилие, вторая погибла под обломками вырождающегося и распадающегося социально-преобразовательного процесса.

Более того, *культура и ее прогресс являются одним из важнейших источников энергии социального творчества, стимулируя развитие последнего как позитивной созидательной деятельности.*

Культура выполняет эту роль (и это социально-философское обоснование можно найти в работах Д. Лукача) будучи своего рода живым воплощением «родовой сущности человека». Характерное именно для подлинной культуры выражение отчужденности от человека его субстанциональных свойств (творческой деятельности, достойной жизни) в виде трагедии личности, восстающей против правящих миром законов отчуждения, и мечтаний о самореализации своих человеческих качеств¹, является важнейшей предпосылкой социального творчества. *Культура сохраняет в социальной памяти Человека и постоянно развивает* (через творчество все новых и новых художников и мыслителей, восстающих против мира отчуждения) *мечту об иной жизни (как сказал бы Лукач – человеческую мечту о своей истинной родовой сущности²), создавая тем самым и важнейшую субъективную (точнее – культурно-творческую) предпосылку борьбы за социальное освобождение.*

Важным этой связи является отношение деятелей культуры к социальному творчеству: *притягательность социально-преобразовательной деятельности для творцов, не подчиненных без остатка (идейно и/или материально) системе отчуждения, может*

---

¹ Как пишет Д. Лукач, в подлинной трагедии (от Антигоны Софокла через Шекспировского Гамлета и дальше к Рембрандту, Бетховену и Толстому) не раздельное единство действий, являющихся правильными и высоко достойными в соответствии с родовой сущностью человека и необходимой личной гибелью так действующего человека, получает поэтически точную формулировку (См.: Лукач Д. *Онтология общественного бытия. Прологомены.* М., 1991, с. 272).

² Лукач Д. *Онтология общественного бытия. Прологомены.* М., 1991, с. 273

служить своего рода «лакмусовой бумагой» того, насколько эти социальные преобразования действительно содействуют освобождению Человека, а значит и культуры. Отказ же свободомыслящей творческой прослойки общества (но не подчиненной истеблишменту «элитной» интеллигенции) от диалога с социально-активными силами будет скорее всего свидетельствовать о скором (или уже начавшемся) вырождении последних¹.

Сказанное позволяет объяснить, почему соединение творчества [в узком смысле слова] созидателей креатосферы с социальным творчеством масс в режиме диалога, где каждая из сторон является активным, самостоятельным субъектом, рождает (1) невиданно оптимистичную культуру, одновременно высокую и массами воссоздаваемую (востребованную, распродумываемую и «досотворяемую», а не потребляемую народом), равно как и (2) столь же радостное, музыкальное (пользуясь словами А. Блока) сотворение «низами» новой жизни.²

Отсюда вытекает и важнейшая (и сложнейшая) задача двоякого рода.

Для всякого субъекта социальных преобразований – обеспечить диалог с творчески-продуктивной частью общества, вырвать ее из власти сил отчуждения, включив в деятельность свободных ассоциаций, дающих таким индивидам большие возможности самореализации, чем господствующая система³.

Для субъектов креатосферы – задача самостоятельного поиска путей к диалогу с силами социального освобождения, преодоления их практикой порождаемого недоверия к творческой интеллигенции, в большинстве своем прислуживающей власти; задача «выдавливания из себя раба», стоящая прежде всего перед интеллигенцией...

---

¹ Причины этого (в частности, необходимость освоения культуры субъектом социального творчества) я раскрыл выше.

² Л. Булавка справедливо указывает в своей книге «Феномен советской культуры» (М., 2008) на ростки такой культуры и такого социального творчества в СССР 1920-х – начала 30-х гг.

³ Эта задача была прекрасно известна всем великим революционерам, начиная с В. Ульянова. Как она решалась на практике, почему именно так (мучительно противоречиво) – на эти вопросы, на мой взгляд, отчасти отвечает предложенная автором теория мутантного социализма.

Так мы наверное могли бы завершить наши размышления о диалоге развития креатосферы и социального освобождения в рамках царства необходимости, если бы не принципиальной важности вопрос о росте производительности труда и прогрессе материального богатства. Именно “рядовые” труженики, занятые репродуктивным трудом, не только создают все материальные блага, но и воспроизводят своим трудом и креатосферу, отчуждения. Более того, они зажаты в двойные тиски: эксплуатации со стороны правящих классов – с одной стороны; отчуждения от культуры – с другой, будучи единственной силой, создающей материальные основы для развития обоих миров и обладая как Личности не меньшим, чем “элитарная” интеллигенция (но задавленным социальным угнетением) творческим потенциалом.

Тем самым главной проблемой социального освобождения оказывается уже отмеченная выше проблема свободы для трудящихся здесь и сейчас – в мире, где они заняты преимущественно репродуктивным трудом. Как мы показали выше, эта проблема решается через формирование таких общественных условий, в которых основная масса трудящихся (а в современных условиях это прежде всего класс наемных работников) окажется (1) пропитана энергией социального протеста; (2) “возвышена” до включения в мир культуры и (3) интегрирована на основе диалога с субъектами творческой деятельности.

Такой системой общественных отношений (и тоже уже было показано выше) является прежде всего ассоциированное социальное творчество. Оно становится господствующей общественной формой только в условиях царства свободы¹, да и там первоначально происходит лишь формальное (касающееся лишь социальной формы – соединения в добровольные открытые ассоциации с целью совместного присвоения общественного богатства) освобождение по преимуществу содержательно нетворческого труда. Ростки такого

---

¹ В классическом марксизме понятие “царство свободы” было тождественно понятию “коммунизм”, с чем автор солидаризируется в полной мере. Однако, поскольку понятие “коммунизм” ныне как правило ассоциируется со сталинской системой, я предпочел использовать в тексте его эквивалент, тем более, что понятие “царство свободы” более созвучно основной проблеме данного текста. Что же касается “социализма”, то автор обосновал в серии своих работ его понимание как процесса трансформации царства необходимости в царство свободы (коммунизм).

освобождения – подлинный энтузиазм «комсомольцев-добровольцев» в тяжелейших условиях, киркой и лопатой создававших не только новые города, заводы, школы, но и новые общественные отношения, ценности, мотивы деятельности, т.е. нового Человека, – нам хорошо известны (как известны и их чудовищно-противоречивое сосуществование–борьба со сталинщиной).

В этой связи не могу не подчеркнуть еще раз, что даже такое, *формальное освобождение труда* (начинающееся с простейших функций учета и контроля и т.п.) способно в массах рождать *потребность в освоении культуры и, в частности, образовании*¹ (примером чему, при всех противоречиях того периода, может служить культурная революция в СССР, редкостная по широте и силе массовая тяга низов к культуре, знаниям, самостоятельному творчеству везде – в искусстве и спорте, открытии новых земель и конструировании новых машин, педагогике и науке...).

В то же время в реальных условиях генезиса царства свободы и сохранения «пережитков» отчуждения в новом обществе принципиально значимой окажется *развитие в массовых масштабах деятельности по социальной реабилитации изуродованных отчуждением граждан* (от потерявшей – или не нашедшей – смысл жизни молодежи до бомжей наркоманов). Это будет деятельность «социальных садовников», «социальных врачей», «социальных учителей» (на Западе некоторым аналогом этих видов деятельности является «социальная работа»). Задача этих лиц и их ассоциаций – выращивание новых социальных качеств человека и форм общественной жизни, лечение социальных болезней, воспитание и образование взрослых и т.п. Решаться эти задачи могут и должны на всех уровнях – от отдельной личности и микроколлектива (дворовой компании, например) до общества в целом и в *диалоге*, совместной деятельности «учителей» и «учеников». Только постоянный совместный диалог и работа тех, кто поработен отчуждением – потерял смысл жизни или должен оставить любимую работу (а структурные перестройки есть правило постиндустриального

---

¹ Как было показано выше в этом взрывном возвышении низов к культуре и образованию ключ к размыканию замкнутого круга глобальной капиталистической системы эпохи «революции знаний», где бедные [почти] всегда необразованны и не хотят учиться (т.е. «сами виноваты» в своей бедноте), а богатые потому и богаты, что образованы и хотят учиться и учить своих детей...

общества и смена профессий будет правилом и для будущего царства свободы), оказался «на дне» или еще не нашел призвания...– и тех, кто помогает им, может стать и становится условием постепенного рассасывания социального «болота».

Естественно, что в условиях глобальной гегемонии капитала такая деятельность может осуществляться как исключение и давать лишь крайне ограниченные результаты, оставаясь попыткой частичного, паллиативного смягчения глубинных противоречий. Но в условиях генезиса царства свободы социальная реабилитация должна будет стать (наряду с другими массовыми творческими профессиями) одной из основных, если не основной, сферой массовой деятельности «рядовых» творцов: тех, кто (быть может даже не обладая высокими профессиональными знаниями) достаточно открыт для людей и готов помочь им, кто талантлив своей способностью к общению, к совместной деятельности, со-творчеству. И здесь опыт коммун типа макаренковской для нас будет более важен, чем все новейшие западные теории управления ТНК.

В рамках же царства необходимости единственно доступными для всех «рядовых» трудящихся формами социального творчества являются социальные реформы и революции. Причем для нас особое значение имеют именно революции, не случайно названные «локомотивами истории» и «праздником угнетенных»¹, ибо в эти относительно краткие периоды предельно обнажается весь комплекс названных выше проблем. Кстати, именно через реформы и революции, посредством них, в них любой член «глобального

---

¹ Замечательный анализ марксистского наследия по этой проблеме дан в одной из ранних работ Г. Водозаова («Диалектика и революция», М., 1978), позднее перешедшего на реформистские позиции. В последнее время вышла серия очень интересных работ по диалектике новейших революционных процессов О. Смолина, где он, в частности, рассматривает и природу революции как праздника угнетенных. Автор так же хотел бы обратить внимание на то, что ряд пассажей о революции, развиваемых ниже, были им сформулированы в диалогах не только с его постоянными товарищами по научной работе (прежде всего, А. Колгановым и Л. Булавка), но и более 10 лет назад в совместной работе с тогда еще студентом МГУ А. Олейником, чья курсовая работа по проблемам социальной революции была пусть и сырым, но многообещающим критическим марксистским исследованием. К сожалению, в дальнейшем, увлекшись институционализмом, он оставил эту тему.

человейника» уже сегодня и сейчас, в любой точке планеты Земля может возвыситься до личностного включения в процесс освобождения человечества и тем самым позитивного самоосвобождения.

При этом реформы будут общедоступным паллиативом, переходной формой отчуждения/освобождения, тогда как социальная революция есть общедоступный мир (пространство и время) позитивной свободы в рамках царства необходимости).

Социальная революция как качественный перелом, смена качественно различных систем отчуждения (способов производства), а уж тем более как грядущее начало перехода из царства необходимости в царство свободы, знаменуется рядом особо важных для нас характеристик процесса социального освобождения.

3.2. Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и (вплоть до победы нового способа производства) знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами¹ и в этом смысле – кратковременным торжеством царства свободы (обратная связь здесь состоит в том, что царство свободы как снятие отчужденных детерминант жизни человека есть перманентная революция). В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый «праздник угнетенных», когда Вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»).

Пока длится революция – этот “праздник” угнетенных – объективные детерминанты, «ограничители» (в том числе, новые производственные отношения, социально-политические институты и т.п.) уже или еще не действуют. Революции снимают (пусть на время – время революции) власть денег, бюрократии, классовое и

---

¹ Весьма примечательным выглядит в этой связи тот факт, что Максим Горький, в целом жестко критически отнесшийся к большевикам в 1917–18 годах, в то же время писал в своих знаменитых «Несвоевременных мыслях» о прометеевском начале революции, развивающей в массах социальное творчество.

сословное неравенство, даже разделение труда (в революции рабочий равен профессору, а иногда и ведет его за собой).

В этом смысле революции есть высвобождение в широчайшем пространстве и времени потенциала иной (не-отчужденной – не-рыночной, не-иерархичной) жизни (М.Бахтин его связывал с феноменом карнавала). Но если карнавал – это игра, имитация временного снятия рамок, то революция – это подлинный праздник, «*всеобщее празднество*» (именно так, например, характеризовалась современниками Парижская коммуна).

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества революции *становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм*. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды, сами граждане рождают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время *всплеска реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий*. Именно в революциях поручики и шестнадцатилетние мальчишки становятся великими полководцами, рабочие – общественными деятелями мирового масштаба, и даже в таких сферах как разведка и контрразведка недавние гимназисты и инженеры, слесари и врачи оказываются способны сделать то, что не по плечу профессионалам...

Именно в революции общественная практика масс часто создает такие *новые социальные формы*, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно (примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны).

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: *революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы*. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив

подход к данной проблеме), что в принципе разрушению в революции подлежат старые, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и политические институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т.п.). Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти разрушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны. Но и революция не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении меру разрушительности/созидательности революции¹.

Первая тем выше, чем (1) более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем (2) отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже (3) уровень самоорганизации и (4) культуры революционных масс, но больше (5) стихийность и (6) влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства, и меньше (7) мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за собственно социальное освобождение; чем следовательно, больше (8) «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

В той мере, в какой для революционного процесса характерны эти черты, последний будет разрушительно-варварским, несущим с собой уничтожение не только старых форм угнетения, но и их материальных и культурных основ, а так же (и это наиболее трагичный элемент вырождающейся в бунт революции) человеческих жизней. Однако в данном случае всякий судия таких разрушительных действий должен задать вопрос: а кто довел массы до того состояния, когда уже ничто, кроме испепеляющего все вокруг социального взрыва не может разрешить социальных противоречий? И здесь более чем справедлива позиция А.Блока, указавшего «рафинированной» интеллигенции на то, что сжигавшие поместья

---

¹ Автор в данном случае в основном суммирует хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

крестьяне уничтожали не столько памятники культуры, сколько социальное пространство своего порабощения и закабаления (попросту – место и символ унижения, ограбления, порок).

И, напротив, *революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени* [1] прогнила старая система (глубоки ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по старому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально (имеются достаточные объективные социально-экономические и т.п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к *позитивному* социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс [8] чем более культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторю, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту¹, революция пройдет мирно и не разрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула» однако, имеет крайне ограниченное значение, ибо революции – это исторические явления и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а объективно, во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять

---

¹ В наиболее полном виде этот блок проблем был развит в работах В.И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру (я бы сказал, высшую математику, сложнейшую диалектику) революции», максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

Более того, поскольку практически каждая революция рождается в условиях, когда на лицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, великая миссия и ответственность революционных сил состоит в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам – интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира; другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим *Alter Ego* – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Итак, в той мере, в какой «достроить» предпосылки социальной революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодалные и империалистические черты. И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодалного империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

3.3. Социальная революция как временное торжество царства свободы: противоречия социальных революций. Революции как «праздник культуры»

И все же эти аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов–«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций – феномен своего рода «коммунистичности» любой (в том числе – буржуазной) подлинной, идущей снизу, социальной революции. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно характерно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая

---

¹ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в нашей статье в журнале «Вопросы экономики» (2001, №12).

власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически конкретных форм отчуждения (старой формации), но и «революция против царства необходимости».

Более того, поскольку всякая революция (в том числе, ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество царства свободы – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку всякая революция (в том числе и не социалистическая) *стремиться сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для нового господствующего класса и обеспечить простор для развития креатосферы.*

Это было характерно практически для всех великих революционных потрясений – от таких долгосрочных как *Ренессанс*, когда муки несколько преждевременного (не забудем: в Италии первая попытка прорыва к буржуазному обществу потерпела поражение) рождения негативной свободы сопровождались невиданным прогрессом креатосферы, до таких драматически-взрывных событий как *Великая французская революция*, в которой элементы борьбы за освобождение трудящихся от эксплуатации были представлены наряду с антифеодальной борьбой.

Как таковая всякая социальная революция (кроме, возможно, коммунистической) оказывается имманентно обременена внутренним (первым из выделяемых нами) противоречием: как революция против царства необходимости в целом она должна соединять [в и для борьбы с отчуждением] все силы освобождения и культурно-творческие силы человечества; как конкретный акт конкретной смены антагонистических способов производства она неизбежно носит конкретно-классовый характер, разделяющий общество именно по классовому признаку.

В своем первом качестве, как антитеза всякого отчуждения всякая революция *оказывается и антитезой мещанства* (обывательского конформизма, социально-пассивной позиции человека, с радостью подчиняющегося внешним правилам жизни и способного на озверение в случае разрушения этих привычных

ограничений его существования) как универсальной социальной формы бытия «человека отчуждения».

Вот почему антитеза «мещанин–революционер» так значима для понимания сути социального творчества.

Мещанин тем и отличается, что просто не видит, не слышит и не чувствует сил отчуждения, воспринимая себя–марионетку (раба капитала, должности, статуса) как единственно возможное человеческое бытие, будучи вполне удовлетворен тем, что им манипулируют, освобождая его от личной ответственности. Понимание этой связи позволяет сформулировать еще одну важную тезу, известную нам из творческого советского марксизма: *первым шагом человека к революции является осознание отчуждения как личной и социальной проблемы, осознание (и культурно–духовное, и практическое) себя как функции, марионетки внешних, чуждых Человеку общественных сил (денег, государства и т.п.); «Ощутить отчуждение – значит наполовину его преодолеть»,* – так афористично можно выразить эту связь, повторив здесь идеи наших предшественников–марксистов. И именно революция, сдирая с жизни (а заодно и с обывателей) ее отчужденные маски, сдирая их подчас с кожей и мясом тех, к кому они намертво приросли, оказывается наиболее радикальным (и потому наиболее ненавистным для мещанина) способом осознания того, что же такое есть мир отчуждения.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен *«забегания революций вперед»*, когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и романтичность всякой подлинно социально–творческой (в том числе – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях царства необходимости. Создавая элементы позитивной свободы, выходя из подчинения господствующим социальным формам, мотивам, ценностям (жажда денег, власти), Человек в мире отчуждения всегда оказывается «несвоевременен», романтичен. Эта романтика может быть востребована обществом (как, например, подвиги летчиков, геологов, строителей новых заводов и городов в СССР в период его расцвета); более того, власти могут даже паразитировать на этой

объективной востребованности (что и делала, например, некоторое время советская номенклатура). Но он может быть и активно отторгаем, причем не только элитой, но и омещанным большинством общества в периоды застоя или контрреволюции.

В отличие от этих периодов революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего». Будучи качественным скачком, *революции становятся эпохой* (быть может очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), *в которой люди живут не в длящимся настоящим, а в диалоге прошлого с будущим*, в процессе сотворения-рождения будущего, созидаемого-рождающегося здесь и сейчас. Причем в условиях слома внешних отчужденных детерминант это рождение будущего прямо и непосредственно зависит именно и прежде всего уже от самого человека, его личной способности (и способности его товарищей) видеть это будущее, жить им и в нем, подобно тому, как поэт живет в своих стихах, композитор – в музыке, педагог – в учениках... *Это и делает всякого подлинного революционера романтиком, а революцию – «абстракцией будущего».*

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а простор самореализации Человека оборачивается и необузданностью анти-творчества. За этой проблемой скрыто еще одно (*второе* из отмечаемых нами) *противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения*: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от *меры созидательности/разрушительности революции*. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна мера *«культурности» революции*, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы “за скобкой” в данном тексте анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения (коротко она была выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что *социальные революции являются* не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но и *взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния “старой” системой отчуждения*. Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивного-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (я пока веду речь об объективных слагаемых последней).

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах “диссидентской” (и как правило творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело “кровь молодых девушек” (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Взрывающая это противоречие революция, как мощный энергетический всплеск социального творчества и анти-отчуждения, рождает тем самым и мощное поле, генерерирующее потенциал для развития креатосферы. Последнее, в частности, связано с тем, что *социальная революция как революция и против отчуждения* (а не

только одной из конкретных систем производственных отношений и надстройки) есть вместе с тем и высвобождение из-под социального подчинения (хотя бы на короткое время подготовки и осуществления качественных социальных преобразований) прогресса креатосферы как одной из подчиненных, но постоянно присутствующих в рамках царства необходимости «линий» развития Человека. В этом смысле мы можем сказать, что социальная революция, в той мере, в какой она является революцией против отчуждения вообще (а не только одного из его видов) решает и «сверхзадачу» прогресса культуры – снятия отчуждения. Очевидно в этой связи, что императивом коммунистической революции является снятие отношений отчуждения (как системы), открывающее простор для развития креатосферы (культуры, Человека как свободно и гармонично развивающейся личности, биосферы). Мера решения этой задачи революцией (в том числе – происходящей внутри царства необходимости) показывает и меру ее коммунистичности (а вместе с тем – культурности и гуманности).

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и послереволюционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой производительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI – XIX веках – «третье сословие», в том числе – буржуазия, в XX – трудящиеся и прежде всего – пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы¹) показывает действительную прогрессивность (или

---

¹ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы социал-демократии потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы –

реакционность, т.е. по сути контр-революционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований. И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контр-революций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что *только тот социальный качественный сдвиг ("взрыв"), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения) и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом), праздником не только угнетенных, но и культуры.*

Именно поэтому подлинная социальная революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции (в то же время всасывая как мощный вихрь и массу мусора). При этом подавляются (и разрушаются) основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со "старой" системой отчуждения, в чьей личности творческие качества оказались подчинены ролью привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти. Именно эта часть интеллигенции как правило наиболее рьяно выступает против революции (если, конечно, новая власть не успевает вовремя «прикормить» этих «деятелей»).

В то же время, всякая социальная революция в рамках царства необходимости, начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения и творцам приходится или

сложнейший вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами. Социалистическая революция в России стала (вкупе с революциями в Германии и др.) условием прекращения I Мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодального империализма». Есть, однако, и другие примеры псевдо-революций, в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

подчиняться новой власти (например, при переходе к капитализму интеллигенция, уйдя от подчинения аристократии попадает в подчинение рынку, золотому тельцу); как заметил В.Межуев, интеллигенция в революции ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

3.4. Революция как творчество трудящихся

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески–преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов» (так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия) и оказываются праздником именно угнетенных. Именно для них революция становится праздником. Причем не просто карнавалом (вспомним Рабле и его замечательную трактовку в книге Бахтина), но пространством и временем высвобождения из под власти угнетения и возвышения до самостоятельного творения новых отношений, когда трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни.

В результате не только творческая часть общества (о ее противоречивом положении в революции и отношении к революции – ниже), но и «рядовые» трудящиеся в революции преодолевают узкие границы своего отчужденного производственно–экономического бытия (статус частичного наемного работника, функции общественного разделения труда и капитала, например), вступая в сферу отношений самоорганизации (пусть в ряде случаев и стихийной), становясь субъектами непосредственного социального творчества (в условиях революций, совершаемых в рамках царства необходимости – преимущественно в формах политической борьбы). В результате именно (а в рамках царства необходимости – только) революция делает «простого» человека творцом.

В революциях ранее никому не известные рядовые граждане (особенно – молодежь) творят кажущиеся чудесами, невозможные в обычных условиях вещи, именно потому, что в эти периоды кратковременного разрушения власти отчуждения они скидывают с себя порабощающие человека внешние оковы (государства, денег, традиций), снимают устоявшиеся стереотипы (когда каждый человек заранее и точно знает, что члену такой-то страты в такие-то годы позволено то-то, а нечто иное не было и не будет позволено никогда), свободно совершают то, что еще вчера казалось совершенно невозможным (и оно действительно было невозможно, но не потому, что человек не мог этого совершить, а потому, что это не позволяли совершить устоявшиеся социальные формы). *Революция срывает социальные наряды, обнажает всех – королей и нищих*, – так что всякому становится видно, на что действительно способна данная Личность, а не ее социальный мундир. Она *открывает дорогу дремлющим в каждом человеке талантам*, ибо в ее мире каждый оценивается по его личностным способностям, поступкам, а не по социальной роли (дворянина или серва, миллионера или нищего).

То, что выше мы назвали «родовой сущностью Человека», в революции получает свое наиболее полное (из возможных в мире отчуждения) воплощение и социальная «немота» (Д. Лукач) Человека сменяется широчайшим и молниеносным распространением чувства Человека. Выражаясь языком Лукача, можно сказать, что *в революции вековая мечта человека об обретении своей родовой сущности* (не только о справедливости, но и обретении человеческого достоинства – вспомним сказанное выше о роли культуры, в частности, трагедии, как силы, сохраняющей и передающей гуманизм из поколения в поколение, от страны к стране) *не просто реализуется в практических действиях, но и становится (как и самая культура) важнейшим фактором революционных сдвигов*¹.

Более того, революция не только открывает дорогу талантам; в условиях радикальной ломки старой системы и революционного созидания основ новой, в вихре несущегося с необычайной скоростью социального времени, *талантливые, неординарные*

---

¹ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991, с. 273.

(подчас героические) личности и поступки оказываются востребованы обществом в массовом масштабе. Соединяясь с возможностями свободной, а не навязанной извне силами отчуждения самоорганизации, объединения в ассоциации и союзы, эта атмосфера пробуждения и востребованности талантов вызывает к жизни в людях такие качества, которые потрясают обывателя десятилетия и столетия спустя, рождают генерации личностей на удивление сильных, талантливых, привлекательных – титанов в полном смысле этого слова (как тут не вспомнить «ленинскую гвардию» – когорту людей, творивших – будучи «рядовыми» интеллигентами или рабочими – то, что было не под силу лучшим профессионалам эпохи, вызывавших восхищение и трепет, поражающих своими человеческими качествами даже после сталинских лагерей¹).

Другое дело, что угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. В массах (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в ранне-социалистической) скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба-слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как созидателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «взбешенный ужасами капитализма мелкий буржуа»). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся нравственных норм превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама». «Хам» – это раб, который, во-первых, не способен к самостоятельным действиям по созиданию новых социальных

---

¹ Кому-то, быть может, захочется добавить: «которые они же и вызвали к жизни». Что ж, это законная постановка проблемы. Известно, что революция, оборачиваясь термидором, часто пожирала своих творцов. К анализу этого феномена мы еще вернемся, а сейчас заметим, что его принципиальное объяснение уже было дано: характеризуя мутантный социализм, мы отметили, что в условиях недостаточных предпосылок социальное творчество может рождать и как правило рождает мутантные социумы, в которых происходит частичное разрушение прогрессивного потенциала революций.

отношений. в силу (1) не преодоленного (в-себе и для-себя) социально-подчиненного состояния, (2) атомистичности (социальной не организованности) и (3) бескультурности, хотя не обязательно безграмотности. Во-вторых, это раб, который активно отвергает и даже разрушает все то, что не вписывается в рамки установленного (сформировавшими его правилами) миропорядка (а этим миропорядком могут быть и законы сталинского доносительства, и рыночного фундаментализма).

В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует *стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки.* Именно такого обывателя-мещанина, «взбесившегося» от неопределенности и противоречий революций, от необходимости (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать «хамом».

И я готов согласиться с российской интеллигенцией в том, что этот хам – величайший враг культуры и общества, и что революция (среди прочего) временно оставляет этого хама вне социальной узды. Но я категорически не согласен с теми, кто видит в революционных массах только и прежде всего хамство. И дело здесь не только в том, что революция тем и отличается от бунта, что в ней лидирует сознательный социально-творческий (т.е. культурный и самоорганизованный) субъект, но и в том, что *освобожденная от порабощающей личности опеки (причем не только подкормки, но и идейных помочей) правящих кругов «элитарная» интеллигенция точно так же «хамеет».* (что, впрочем, отнюдь не удивительно: по своему социальному статусу она является верхним слоем конформистов, занятых в сфере духовного производства, например, мелких буржуа в условиях позднего капитализма).

Она «бесится» от необходимости самостоятельно решать все свои проблемы (от идейно-нравственной ориентации в незнакомом для нее мире, где нет «верхов» и «низов», до необходимости зарабатывать на хлеб) и угрозы потери своих материальных и духовных (как же, мы же «духовные отцы нации»!) привилегий. Вот почему она превращается в «хама» ничуть не в меньшей степени, чем «некультурный» обыватель. И эти два хама, вначале испугавшись и возненавидев друг друга («бей тех, кто в шляпе!»; «быдло – на

виселицу!») очень быстро находят друг друга в общей жажде скорейшего установления власти твердой руки. При этом «элитные» интеллигенты подчас не просто хамеют, но озверевают в своем призыве к уничтожению революции, а заодно и культуры (достаточно вспомнить лютую ненависть многих «интеллигентов» к Блоку, Маяковскому и многим другим деятелям культуры, доходившую до призывов их прямого уничтожения, поддержку со стороны ряда эмигрантов—интеллигентов» немецкого фашизма, уничтожавшего целые народы, не говоря уже о памятниках культуры – перечень легко продолжить...¹).

В этом смысле мы можем с полной ответственностью сказать, что «хам» (в том двояком смысле, который был раскрыт выше) есть действительно главная опасность всякой революции и культуры. Именно поэтому двойственность масс (в том числе – интеллигенции) в революции (субъект социального творчества – «хам») есть глубочайшее и опаснейшее противоречие, разрешение которого возможно в той мере, в какой революция выдавливает из трудящихся (в том числе, намеренно повторяю, – интеллигенции) не просто раба, но и хама, помогая им осознано трансформировать самих себя в творцов нового общества и культуры, условием чего, как мы уже писали выше, является интеграция сил революции и культуры.

3.5. Революции как локомотивы истории, революции и реформы

Будучи особым миром социального творчества, [временным – если мы говорим о социальных революциях в рамках царства необходимости] торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывает социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. *Время революции как*

---

¹ Весьма интересны в этой связи заметки М.И. Воейкова о социально-политических воззрениях В. Розанова и И. Бунина (См.: «Альтернативы», 2001, №2, с. 227–230).

время непосредственного социального творчества несетя необычайно быстро, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной творческой (и в этом смысле – обязательно талантливой) реакции (выше я особо отметил, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо история, которая так же как и природа не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм; в этом величие и опасность этих эпох).

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях центр и периферия существенно меняют свою конфигурацию; зачастую вообще преодолевается периферийность и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце 50-х годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.

В условиях социальных революций историческое время несетя необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) широких масс, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории прямо и непосредственно (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся «локомотивами истории». Именно социальные революции оказываются пространством и временем максимального (в рамках царства необходимости) продвижения человечества по пути социального освобождения. Революции, подчеркну это вновь, оказываются теми уникальными периодами

предыстории, когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории – Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других...

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в активизм и волюнтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта *мера*) все имевшие место в истории революции «переболели» этой заразой вырождения; все – от крестьянских войн и Войны за независимость до Великой французской и Великой октябрьской революций – и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить процесс развития железных дорог, так и угроза вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к царству свободы.

А что же *реформы*? Можно ли их квалифицировать как социальное творчество, шаги к освобождению Человека? Опять же оставляя в стороне раскрытые автором в предшествующих публикациях политические аспекты проблемы, ограничусь лишь одной социо-философской ремаркой. В рамках царства необходимости на этапе, который я назвал «закатом» этой системы, с необходимостью появляются феномены, которые, с одной стороны, подрывают системное качество мира отчуждения, а с другой, как бы добавляют ему новую, молодую кровь, помогая найти ответ на тот вызов, который бросают старому миру им же самим вызванные к жизни силы научно-технического и социального прогресса. Этой «новой кровью» и становятся элементы ассоциированного социального творчества, которые, «вливаясь в старое тело», приобретают вид реформистских переходных отношений, соединяя черты отчуждения (власть рынка, капитала, бюрократии и т.п.) и социального творчества. Именно такими переходными формами, как

я уже заметил, является, в частности, большинство современных общественных организаций, движений и союзов, несомненно способствующих процессу социального освобождения, но в весьма узких рамках и весьма противоречиво.

Суммируя основные тезисы данного текста, можно сделать вывод, что основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из царства необходимости в царство свободы, являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества становятся:

1. *рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил*, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидателями материального фундамента последнего;

2. *прогресс креатосферы*, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете – прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития, а с другой – основой “культурности”, созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной “прививкой” против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого, все культурно-творческие силы общества, кто созидает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, так же служат делу освобождения Человека;

3. *борьба за социальное освобождение* (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения – коммунистическую социальную революцию.

Именной в коммунистической революции – в процессе качественной трансформации царства необходимости в царство

свободы, который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более – *силам освобождения действительно нечего терять, кроме цепей отчуждения* (и не потому, что они бедны, а потому, что они превращают в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса Человека). Именно в ней они действительно *обретут весь мир* (опять же не потому, что установят всемирную диктатуру, но потому, что откроют дорогу развитию ассоциированного социального творчества, позволяющего Человеку обрести мир подлинной свободы, а значит – мир Добра, Истины и Красоты, наследуя развитие всего богатства культуры, накопленного человечеством; и именно с этого момента развитие родовой сущности человека будет происходить в адекватных формах, знаменующих переход от предыстории к истории Человечества).

И это не формула веры автора. Это «формула» развития объективных тенденций материального производства, креатосферы, практической и духовной борьбы Человека за свое освобождение. Вот почему мы можем, перефразируя К. Маркса и Ф. Энгельса, сказать, что *мир отчуждения в силу своих внутренних противоречий сам создает материальные и культурные основы и вызывает к жизни социальные силы своего снятия, своих «могильщиков» по мере прогресса производительных сил, развития креатосферы и формирования субъекта ассоциированного социального творчества (борьбы за социальное освобождение).*

* * *

Эпоха непосредственного перехода к царству свободы, эпоха социалистических преобразований началась в 1917 году в России, но она впитала в себя подвиги, ошибки, кровь, пот и вдохновение известных всему миру и неизвестных никому реформаторов и революционеров; ученых, художников и педагогов; великих мыслителей и «рядовых» новаторов-тружеников... Она породила великие достижения социального творчества и чудовищных мутантов; она стала основой невиданного всплеска культуры и страшных преступлений против Человека...

Мы только начали движение. Величайшему в истории человечества восхождению еще предстоит вступить в решающую фазу. Пока что, на рубеже XX – XXI веков мы переживаем откат, реванш мира отчуждения. Но уже сегодня, анализируя пределы царства необходимости, противоречия его высшей ступени

(позднего капитализма), характерные для нынешних переходных форм рости будущего, достижения и ошибки (преступления?) мутантного социализма – обобщая все это мы можем сформулировать известный творческим марксистам закон–тенденцию *возвышения свободы: нелинейного прогресса материальных, культурных и социально–творческих предпосылок царства свободы* и прогнозировать реально видимые черты будущего царства свободы.

*4. Социализм как процесс нелинейной трансформации
«царства необходимости» в «царство свободы»:
эскизы к портрету (вместо заключения)*

«Царство свободы в действительности начинается лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы...»

К. Маркс

Эту заключительную часть текста мы начнем с нескольких кратких замечаний о видимых уже сегодня чертах коммунистического будущего, которые дополняют те характеристики, «царства свободы», которые автор уже обрисовал в своих предшествующих публикациях, показывая будущее не как утопию, но как возможный и необходимый объективный продукт разрешения нынешних противоречий, и это будет своего рода пролог к основному содержанию данной статьи.

Замечание первое. Мне хотелось бы специально подчеркнуть отличие разрабатываемой творческим марксизмом теории общества будущего от почерпнутой из примитивных учебников и затем чудовищно вульгаризированной неолиберальной трактовки коммунизма (как общества, напоминающего всеобщую казарму с поголовной уравниловкой и изобилием примитивных материальных благ) и социализма как его первой фазы. Более того, и ортодоксальная марксистская трактовка будущего как прежде всего отрицания капитализма требует существенного развития. Для нас *царство свободы – это прежде всего снятие, диалектическое*

отрицание всей предыстории [отчужденной жизни] человечества (в том числе и капитализма) и наследование истории креатосферы, борьбы за социальное освобождение. Это мир, где свободные ассоциации становятся адекватной социальной формой для общедоступной творческой деятельности, а прогресс креатосферы (т.е. диалог, полифонирование субъектов творческой деятельности) становится основным содержанием общественной жизни. Но не менее важно для нас и то, что расцвести это царство свободы может лишь на базе такого материального производства, где уровень производительности труда достаточно высок для того, чтобы свободное время индивидов и общества в целом обеспечивало простор для прогресса креатосферы как основной сферы жизнедеятельности Человека, а социальные отношения по поводу производства материальных благ таковы, что подчиняют последнее задачам прогресса Человека.

Замечание второе. Путь к этому миру будет не менее (а скорее всего – более) сложным и долгим, чем дорога от первых буржуазных революций XVI века до мирового торжества промышленного капитализма в конце XIX. И начинается этот путь в условиях, когда творческая деятельность (а сегодня ее ростки пронизывают труд широкого круга людей массовых профессий – и квалифицированного рабочего, и педагога, и врача, а не только ученых и художников) является уделом лишь относительно небольшой части человечества (даже если мы предположим снятие противоречий глобализации и прекращение паразитических расходов, вызываемых милитаризмом, финансовыми спекуляциями, искусственно раздуваемым массовым потреблением, то ныне это будет около 1/3 занятых¹).

Поэтому мы можем предположить, что на протяжении ближайшей эпохи общедоступной творческой деятельностью окажется только социальное творчество во всем его многообразии: от новаторства на рабочем месте, самоуправления в бригаде или микрорайоне до массовой социально-педагогической и социально-реабилитационной деятельности и изменения фундаментальных основ жизни общества². Более того, как бы ни сокращался в

¹ Напомню, что "победное шествие" капитализма началось, например, в Англии, когда адекватным для него индустриальным трудом была занята едва ли не меньшая часть жителей этой страны, а в мире – так и вообще несколько процентов населения.

² Другое дело, что ближайшей задачей будущего станет ускоренное развитие таких ключевых для креатосферы и к тому же общедоступных видов

дальнейшем удельный вес материального производства и репродуктивного труда, они всегда будут играть роль основы царства свободы (что, кстати, было и остается очевидным для всех марксистов).

В силу сказанного, на мой взгляд, правомерно выделение *двух фаз в развитии царства свободы* (они не случайно корреспондируют с идеей двух фаз коммунизма в классическом марксизме) – *формального и реального освобождения труда*. На первой освобождение и общедоступная творческая деятельность оказываются характерны лишь для социальной сферы, формы; содержание труда основной части членов общества остается репродуктивным. В этом случае мы можем говорить о *формальном освобождении труда* (по аналогии с формальным подчинением труда капиталу на доиндустриальной стадии). Именно с *социального (формального) освобождения единственно может начаться дорога к общедоступному творчеству*; вне социального освобождения творчество останется уделом меньшинства, которое при этом будет вынуждено в этой своей деятельности постоянно противостоять (или подчиняться) системе отчуждения.

И лишь по мере прогресса творческого содержания деятельности вширь и вглубь освобождение будет становиться *реальным*, когда содержание деятельности и ее общественная форма будут адекватны друг другу, снимаясь в едином качестве диалога, «полифонирования». Но это лишь прогноз будущего.

Раздел 2

Метаморфозы реального социализма и вызовы свободы

«Нам представляется, что отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма, является идея свободы. Она выступает действенной альтернативой непосредственной зависимости человека от капитала и социального отчуждения в буржуазном обществе. В этой связи, социализм означает не что иное, как рождение и нарастание реальной свободы человека».

Борис Славин

«Социальное творчество 1920-х гг. стало тем действительно новым общественным отношением, благодаря которому у масс появилась возможность самим формировать содержание социальных отношений в экономике, в социальной сфере, культуре, т. е. самим определять большую политику – то, что Ленин называл «управлять государством».

Людмила Булавка

«Важнейшее значение имела принципиальная методологическая разница между входом и выходом капитализма. Любое общество входит в капитализм спонтанно, само собой, как естественный процесс развития, с революциями, кровью, потом и прочими атрибутами раннего капитализма. Выход из капитализма должен осуществляться не стихийно, как придется, а сознательно и целесообразно».

Михаил Воейков

«Социалистическая глобализация» может стать ответом на глобализацию капиталистическую в той мере, в какой она будет в состоянии противопоставить монополии на финансовые и технологические ресурсы массовое вовлечение трудящихся в социальное, технологические и культурное творчество, и обеспечить распространение этой практики на все страны социалистического выбора».

Андрей Колганов

Б.Ф. Славин

**Реальный социализм: рождение свободы
и преодоление тоталитаризма**

В начале третьего тысячелетия призрак социализма вновь появился на горизонте капиталистической действительности как прямое напоминание о возможном и, пожалуй, единственном способе эффективного решения острейших социальных и глобальных проблем человечества.

Многие факты прошлой и современной истории свидетельствуют, что буржуазное общество за последние столетия своего существования так и не сумело снять ключевое противоречие между трудом и капиталом: максимум, что ей удалось, – это смягчить и модифицировать его в развитых странах мира. Одновременно современный капитализм породил новые проблемы, связанные с противоречиями процесса глобализации: бедностью целых регионов планеты, международным терроризмом, экологической безопасностью населения Земли, растущим антагонизмом между Севером и Югом, бесправием иммигрантов в развитых странах, трагедией народов Югославии, Ирака, Ливии, высокой социальной поляризацией и падением жизненного уровня граждан России и других стран Восточной Европы.

Как показал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., нет никакой уверенности, что капитал в принципе может решить эти или подобные им проблемы. Там, где существуют корыстные интересы наживы, страдания простых людей будут продолжаться. В этой связи, все очевиднее становится идея об историческом исчерпании глобального капитализма как социально-экономической системы. Весьма символично, что так считают не только левые, не только марксисты и социалисты, но и авторитетные представители крупной буржуазии, участвующие во всемирном экономическом форуме в Давосе. Так, основатель этого форума Клаус Шваб говорил при открытии его 42-й сессии: «Капиталистическая система в ее нынешней форме абсолютно не вписывается в модель современного мира».¹ Ранее аналогичные

---

¹ См. ([Http: // finance.obozrevatel.com](http://finance.obozrevatel.com))

мысли высказывал и известный американский финансист Джордж Сорос. Выступая в 1998 году на слушаниях в Конгрессе США, он пророчески заявлял: «Система мирового капитализма «трещит по швам». Не менее интересна точка зрения американского экономиста Нуриэля Рубини, предсказавшего глобальный кризис. Он задается ключевым вопросом: «Не обречен ли капитализм?». И отвечает, ссылаясь на авторитет К. Маркса, о том, что последний был прав, доказывая, что глобализация и финансовое посредничество способны выйти из-под контроля, а перераспределение дохода и богатства от труда к капиталу может привести капитализм к самоуничтожению¹. Об этом же фактически говорят и лидеры европейских социал-демократов, поставивших перед человечеством дилемму: «Господство финансового капитала, или демократия?!».

К аналогичным выводам уже пришли различные национальные, социальные и политические силы, вступая в открытую борьбу с властью глобальной финансовой олигархии. По сути дела, такая борьба уже идет в различных регионах мира. Об этом свидетельствуют революционные события в Арабском мире, незатихающие выступления трудящихся против снижения доходов и безработицы в странах Евросоюза, ставшие традиционными антикапиталистические акции антиглобалистов и недавно возникшего движения «возмущенных» финансовой политикой «Уолл-стрита» в Нью-Йорке и других городах США. В последнее время это движение охватило многие страны, включая Россию. Весьма символичны его лозунги, направленные против мировой финансовой олигархии. Они звучат так: «Нет господству денег!», «Революция во всем мире навсегда!».

Новые формы борьбы трудящихся и молодежи способствуют повсеместно возрождению и росту левых настроений в мире. Отсюда явно возросший интерес к работам Маркса, Ленина, Розы Люксембург, Троцкого, Грамши, Лукача и других известных представителей международного социализма.

Проявляются эти тенденции и в России, где реставрированный в 1990-е годы капитализм приобрел наиболее варварские и разрушительные формы. Но, чем глубже в плоть российской

---

¹ См: Рубини Нуриэль, Мим Стивен. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М. «Эксмо». 2011.

действительности входят буржуазные отношения с их атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше россиян ищут им действенную альтернативу. Если не брать во внимание религию, которую сегодня российские власти буквально навязывают общественному сознанию, то такой альтернативой может быть только социализм с его идеалами свободы, равенства, справедливости, интернационализма и гуманизма. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Еще раз о понятиях «социализм» и «свобода»

Как известно, «социализм» – понятие многозначное. Оно связано с характеристикой общественного устройства, названием политических движений и партий, определенной идеологией и т.д. Существуют разные основания при различении типов социализма. Например, с классовой точки зрения говорят о феодальном, буржуазном, мелкобуржуазном и пролетарском социализмах. Характеризуя властные отношения, выделяют государственный, бюрократический, демократический и самоуправленческий социализм. С позиций познания и практической осуществимости рассматривают научный, утопический, идеальный, реальный, «мутантный» и др. виды социализма.

Как известно, понятие «социализм» было впервые введено в научный оборот сен-симонистом Пьером Леру в качестве альтернативы понятию «индивидуализм». В своей работе «Об индивидуализме и социализме», написанной в 1834 году Леру говорил о том, что он его придумал в 1814 году. При этом он выделял два фундаментальных начала в обществе: «стремление человека к свободе» и стремление человека к «общественности» («социальности»). Последнее начало он и называл словом «социализм», которое противопоставил, с одной стороны, индивидуализму и эгоизму, а, с другой, «абсолютному социализму», который он отождествил с государственной тиранией. По мнению Леру эти два начала напоминают собой два пистолета, направленные навстречу друг другу и в этом смысле они символизируют крайности, одинаково далекие от истины.

В этой связи задолго до возникновения в истории «казарменного социализма» Леру пророчески писал: «Пусть сторонники абсолютно-го социализма излагают свои тиранистские взгляды, пусть они хотят

нас организовать в полки ученых или в полки промышленников. Пусть они дойдут до признания вредности свободы мысли. В тот же момент вы почувствуете себя отвергнутыми. Ваш энтузиазм охладевает, ваши чувства индивидуальности и свободы восстают, и вы с грустью вновь обращаетесь к настоящему перед ужасом этого нового папства – подавляющего, всепоглощающего, которое трансформировало бы человечество в некую машину, где настоящие живые существа – индивиды – являются всего лишь необходимым материалом вместо того, чтобы являться арбитрами своей судьбы».¹

Быть «арбитром своей судьбы» и означает «стремление человека к свободе и началам общественности».² Здесь следует отметить, что уже Леру понимал особенность социальной природы человека. В отличие от христианских теологов он видел в человеке не часть «мистически понятого общественного тела», а «такой плод на дереве человечества, который в зародыше содержит дерево, его породившее».³ По его мнению, личность человека выражает свой век, свой народ и свое поколение. Она во многом суверенна и в этом смысле свободна.

Думаю, такая трактовка человеческой личности оказала свое влияние, как на немецких истинных социалистов, так и на основоположников марксизма. Первые сделали из нее выводы, абсолютизирующие роль личности в истории, и тем самым заложили основы теории анархизма (Штирнер, Бакунин и др.). Вторые, увидев в человеке индивидуальное проявление общества и государства, обосновали материалистическое понимание истории и сформулировали свой знаменитый социальный идеал, говорящий о том, что грядущее общество будет представлять собой ассоциацию, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».⁴

Обе эти ветви социализма связывали будущее человечество с ликвидацией государства как машины насилия над человеческой личностью и становлением общественного самоуправления. И, социалисты и анархисты были убеждены в том, что там, где есть подлинная свобода, – не должно быть государства, а там, где есть государство, – не может быть полной свободы. Расхождения касались лишь путей устранения государства из жизни общества: марксисты

---

¹ Цитирую по французскому изданию собрания сочинений Пьера Леру. Париж. 1842 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

связывали этот процесс с постепенным отмиранием классов, анархисты считали, что государство должно исчезнуть сразу после революции¹.

Вслед за Леру некоторые современные марксистские теоретики видят отличительную специфику социализма только в преобладании общественного начала над частным². И хотя в такой интерпретации социализма есть доля истины, его не следует преувеличивать. Дело в том, в этом случае понятие «социализм» приобретает во многом внеисторический, или абстрактный характер. Так, примат общего над частным можно наблюдать и в первобытных обществах, однако называть их социалистическими вряд ли возможно. Как известно, Маркс связывал специфику социализма, прежде всего, с материальными предпосылками его зарождения в недрах капиталистического общества, в частности, с тенденциями реального обобществления труда и наличием активного рабочего класса. *Социализм как реальность в научном понимании, конечно, начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов.* В этом смысле социализм выступает посткапиталистическим обществом, которое наследует у капитализма все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой и отрицает все, что связано с порабощением и угнетением человека.

Многомерность научного понятия «социализм» наиболее наглядно проявляется в его различных определениях. Так, с философско-исторической точки зрения социализмом называют первую фазу преодоления эксплуатации и всех видов социального отчуждения. С экономической точки зрения социализм выступает как результат реального обобществления производства. С точки зрения процесса строительства нового общества социализм – это «живое творчество масс». Наконец, с социально-политической точки зрения – это власть трудящихся, утверждение демократии, самоуправления и свободы личности.

Давая самое общее и простое определение понятию «социализм», можно сказать, что наука видит в нем такое общество, в

---

¹ См.: соответствующие дискуссии Маркса с Бакуниным (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18.) и Ленина с Каутским и Паннекуком (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 33).

² См.: Коммунист. №4. 1991. С. 31.

котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов.

В общественном сознании понятие «социализм» часто связывают только с господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание социалистического общества явно недостаточно. Оно носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял социализм с переходом к гуманистическому обществу, где экономика становится не целью, а средством социального и духовного развития людей. Что же собой представляет социализм в его философской и научной аутентичности? Каковы его характерные и сущностные признаки?

Нам представляется, что *отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма, является идея свободы*. Она выступает действенной альтернативой непосредственной зависимости человека от капитала и социального отчуждения в буржуазном обществе. В этой связи, *социализм означает не что иное, как рождение и нарастание реальной свободы человека*. При социализме начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как «человеку общественному». Здесь люди постепенно перестают противостоять друг другу как враждебные классовые индивиды. Они начинают дополнять и творить друг друга как сознательные и свободные существа.

На мой взгляд, сегодня необходимо возродить и развить понятие социализма как всеобщего дела свободы. В этом же смысле следует говорить и о всемирно-исторической миссии рабочего класса, людей труда, призванных, в конечном счете, освободить самих себя и все человечество от всех форм угнетения и порабощения, сделать труд каждого человека творческим и всеобщим. Можно сказать, что рабочий класс, трудящиеся являются объединителями человечества для высвобождения его творческих созидательных потенций и производительных сил. Логически и исторически верно заключение о том, что социализм есть такой феномен, который, преодолевая крайности индивидуализма, генетически связан с такими фундаментальными ценностями, как справедливость, солидарность, интернационализм, равенство, гуманизм и свобода. При этом свобода здесь не должна пониматься только через отрицание, только как свобода «от». В крайнем своем выражении подобная свобода есть

свобода от всего материального. Понятно, что она не достижима в реальном мире: ее удел – это потусторонний религиозный мир.

Марксистское понимание свободы, напротив, позитивно и материалистично. В этом случае она определяется через такие понятия, как «власть», «деятельность», «труд». Свобода – это власть человека над окружающей его природной и социальной средой, над реальными обстоятельствами жизни. Свобода без овладения властью – звук пустой.

Могут сказать, что идея освобождения человека – не марксистская идея, что она известна еще со времен Великой Французской революции (сравни ее известные лозунги: Свобода! Равенство! Братство!) и даже раньше. Что ж, с этим тоже можно согласиться. Маркс и Энгельс здесь не были оригинальны, однако они были оригинальны в другом: в новой трактовке понятия «свобода». Во-первых, в отличие от либеральных теоретиков, они связали осуществление свободы не только с отдельным индивидом, как правило, частным собственником, а со всем обществом, и прежде всего с рабочим классом, трудящимися. Во-вторых, в отличие от идеалистической трактовки свободы, как только *осознанной необходимости* (сравни: Спиноза, Гегель), они дали ей историко-материалистическое обоснование и толкование. Свобода, с точки зрения марксизма, рождается в ходе революции и нарастает по мере роста материального производства, развития труда и научных знаний. Она есть не только осознание необходимости, но, повторим, основанная на этом осознании «власть», «господство» человека, класса, общества «над обстоятельствами и отношениями».¹

Свобода не только факт нашего сознания, но и результат практического действия. Свобода в этом плане, говоря словами Маркса, есть «преодоление препятствий»². Раб, осознавший невыносимость рабства, еще не свободен: лишь встав на путь борьбы с ним, он обретает свободу. Пролетариат также лишь тогда добивается свободы, когда в ходе борьбы овладевает политической властью, становится господствующим классом в обществе. Вот почему классики научного социализма считали вопрос о власти «коренным вопросом всякой революции».³ Революция в этом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 292, 298. Т. 20. С. 116.

² Там же. Т. 46. , Ч. 2. С. 109–110.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 217.

отношении – первый шаг к свободе. Что касается социализма как реального общества, то он начинается тогда, когда рабочий класс, трудящиеся приходят к политической власти. Там же, где государственная власть отчуждена от трудящихся и заменена властью бюрократов, мы имеем дело либо с деформацией социализма, либо с отступлением от него. Это, говоря словами Маркса, «фальшивый социализм». Вот почему бюрократизм – враг социализма. Он прекращает живое творчество масс, ликвидирует их свободу, подменяя ее директивами и указаниями сверху.

Подчеркнем: *социализм как реальное общество начинается там и тогда, где и когда рабочий класс, трудящиеся берут государственную власть в свои руки; он завершается с ликвидацией классов, исчезновением государства, и, следовательно, самой политики, т.е. с наступлением коммунизма, который социалисты и коммунисты полностью, вслед за Марксом, называют «царством свободы» или «реальным гуманизмом».* Там же, где государственная власть отчуждена от трудящихся и заменена властью бюрократии, мы имеем дело либо с деформацией социализма, либо с отступлением от него. При наличии таких деформаций реальный социализм остается социально противоречивым переходным обществом. Возможно его движение вперед, к осуществлению полной свободы, и движение назад, связанное с превращением в антагонистическое общество. Последнее происходит неизбежно, если политическую власть трудящихся перехватывает союз бюрократии и возникшей новой буржуазии. Примеры такого явления уже известны современной истории.

Маркс и Ленин использовали категорию «свобода» для обозначения конечной цели революционной борьбы рабочих далеко не случайно. Она наиболее полно выражает сознательное отношение людей к условиям их жизни. Без нее невозможно научное управление общественными отношениями и ходом истории. В таком понимании свободы человек рассматривается не как пассивный объект управления, а как творческий и активный субъект деятельности или самодеятельности. Социализм с необходимостью возникает там, где власть используется в интересах трудящихся, для их полного освобождения от всех форм рабства и угнетения. Отсюда понятно, что свобода трудящихся, повторим еще раз, невозможна без взятия ими политической власти, призванной выражать их общие интересы.

Говоря о свободе, следует учитывать, что она по своему проявляется в различных сферах общественной жизни. Есть важный

аспект технологической свободы, которая возвышает человека над природой, над отношениями вещей. Свобода иллюзорна при низком уровне производительных сил, при формальном или насильственном обобществлении. Овладение стихией производственных отношений определяет свободу в экономической сфере. Свобода в социальной сфере есть сначала смягчение, а затем и ликвидация зависимости от тяжелых условий труда и быта. Человек не должен страдать от тяжести физического труда, нищеты, убогости быта и сферы обслуживания. Решение этих проблем способствует росту степеней социальной свободы. Свобода в области культуры – это овладение людьми ценностями высокой культуры в противоположность владению стандартизированной массовой культурой. Только преодолев пропасть бескультурия, достигнув высот в духовном развитии каждого человека, можно говорить о свободе в этой сфере. Культура производства, обмена, торговли, общения и т.д. – лишь отдельные проявления такой свободы.

О собственности, плане и рынке

Хотя социализм не сводится к экономике, он не может быть реализован без нее. Не может быть свободы без экономической власти, т.е. без собственности на средства производства. Лишенный собственности человек не свободен. Частная собственность ведет к свободе частного собственника, общественная собственность – к свободе всего общества или отдельных объединений и ассоциаций трудящихся. Величина собственности служит мерой экономической свободы. В частнособственническом обществе свобода одних означает несвободу для других – «чужое» для них дело. Частная собственность всегда была источником глубинных социальных расколов в обществе, и об этом нелишне было бы знать современным ревнителям повсеместной приватизации и абстрактной свободы.

Социализм устраняет господство частной собственности и вводит собственность общественную, тем самым он создает экономические предпосылки для освобождения трудящихся классов. Почему только предпосылки? Потому что есть две опасности, которые подстерегают здесь трудящихся. Первая, – это преждевременное введение общественной собственности там, где еще целесообразна частная. Вторая, – это передача контроля над общественной собственностью в руки государственной бюрократии, которая с ее помощью становится бесконтрольным властелином над

обществом. И в том и в другом случае трудящиеся проигрывают, тормозится процесс их реального освобождения. Рассмотрим это более подробно.

Реальной свободой обладают те, кто владеет средствами производства и обращения. При этом производство должно экономически и технологически дозреть до обобществления, до ассоциированной собственности – материальной основы «свободной ассоциации» людей. Общественная или ассоциированная собственность – не сама по себе свобода, а лишь ее необходимая основа, условие, путь к ней. Классический марксизм рассматривает собственность как социальный феномен. То есть собственность это отношение между людьми по поводу средств производства и обмена. И в этом смысле она имеет зависимый от производительных сил характер. Опыт истории показывает, что процесс практического создания социалистического общества должен постоянно учитывать уровень реального обобществления производства, которое определяется уровнем развития производительных сил.

Игнорирование этого уровня на практике, как правило, приводит к стагнации экономики. Именно это явление имело место в сталинской политике обобществления сельского хозяйства, когда обобществлялись примитивные орудия и средства крестьянского труда. Сталин считал, что общественная собственность сама по себе выше, чем частная, безотносительно к росту производительности труда, безотносительно к развитости производительных сил. Это было, на мой взгляд, ошибочное мнение. По Сталину можно было обобществлять (кооперировать) крестьянина с сохой, а то и без нее. В результате такого сугубо формального обобществления сельское хозяйство на долгие годы становилось непродуктивным, не говоря уже о трагедии миллионов раскулаченных средних и даже бедных крестьян. По Марксу подобное обобществление ведет не к социализму, а к возрождению «старой мерзости»,¹ т.е. примитивному и малопродуктивному крестьянскому хозяйству.

Именно производительные силы (трудящиеся и их техника), определяющие отношение человека к природе, определяют и формы собственности — чем выше производительные силы, чем эффектив-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии». М., 1966. С. 44.

нее и производительней труд, тем более эффективными и свободными должны быть формы собственности. Справедливо и обратное заключение: чем больше форма собственности стимулирует производство и рост производительных сил, тем более она исторически необходима, а преждевременный отказ от нее может только затормозить экономическое развитие страны.

Необходимость замены частной собственности на государственную и общественную возникает только тогда, когда первая полностью себя исчерпала как форма развития производительных сил общества. Так, сегодня очевидна целесообразность государственной собственности в сфере атомной энергетики, железнодорожного транспорта, космонавтики и т.п. Однако там, где частная собственность более эффективна, чем государственная, например, в сфере быта, мелкотоварного сельского хозяйства и т.д., нет необходимости ее упразднить раньше времени. Это может принести, и, как показывает практика, приносит большой урон обществу. Главным критерием здесь должна служить не идеологическая установка, а интересы трудящихся. Если последние удовлетворяются частником лучше, чем государством, частная собственность имеет полное право на существование. За рабочим, или социалистическим государством остается лишь право контроля за ней.

Может быть, наиболее популярным доказательством несостоятельности социалистической идеи является стремление буржуазных идеологов убедить людей в том, что социализм есть явление, противоречащее естественной природе человека, а капитализм, напротив, ее прямое следствие. Обосновывается это следующим образом. Поскольку природа человека сугубо индивидуальна, постольку частная собственность как основа капитализма ей полностью соответствует, а общественная собственность, составляющая основу социализма, полностью противоречит. Частная собственность, – писал в свое время идеолог «белого движения» Иван Ильин, – «вложена в человека и подсказана ему самою природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт». Отсюда вывод: «Бессмысленно вводить социалистической строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелепо воображать, что естество человека можно переплавить в социалистическом духе...»¹.

---

¹ И.А. Ильин. О частной собственности. «Русский мир». №1. 2000. С. 44, 48.

На самом деле, не все так просто, как казалось И. Ильину. Частная собственность не является индивидуальным свойством человека. Как говорил еще Маркс, полемизируя со Штирнером, «я владею частной собственностью лишь постольку, поскольку я имею что-нибудь такое, что можно продать, между тем как свойственные мне особенности отнюдь не могут быть предметом купли – продажи»¹. Отождествление частной собственности с индивидуальными или естественными свойствами человека есть прямое следствие того, что сугубо общественные отношения купли–продажи в буржуазном обществе стали основой всех других отношений.

Общественные отношения, вообще, не сводятся к естественным или индивидуальным свойствам человека. Мало того, все «естественное» в человеческом обществе модифицируются и «переплавляется», приобретая новое «социальное качество». Это относится и к телу человека (например, прямохождение), и к его инстинктам (которые осознаны), и к его мозгу, который развивается под влиянием трудовой практики. Что же касается категории «собственность» (включая все ее формы), то она выражает, прежде всего, отношение людей друг к другу по поводу средств производства и обращения товаров, и уже поэтому не может быть сугубо естественным началом.

Общность людей, их постоянное взаимодействие в процессе производства порождают потребность людей именно в общественной собственности, которая, между прочим, гораздо древнее частной. В этом смысле, общественная собственность более «естественна», чем частная, а социализм более соответствует природе человека, чем капитализм. Попытки приписать частной собственности статус «естественного» начала, а общественной собственности статус «противоестественного», противоречат, на мой взгляд, истине и лишь выдают классовую заинтересованность таких идеологов.

В этой связи есть смысл сжато остановиться на так называемой «коммунистической собственности», которую некоторые марксисты называют собственностью «каждого на всё». В качестве примера такой собственности часто приводят отношения людей к великим открытиям в науке (например, создание таблицы Менделеева, или разработка теории относительности Эйнштейна) и другим подобным

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 218.

результатам «всеобщего труда». На наш взгляд (и не только) в таком случае исчезает сама категория «собственности» подобно тому, как исчезает понятие «демократия», когда последняя начинает выражать интересы абсолютного всех членов общества. То есть, до тех пор пока общество социально дифференцировано, необходимость в демократии сохраняется, когда же такая дифференциация исчезает (например, с исчезновением антагонистических классов), социальная необходимость в демократической форме государственной власти (впрочем, как и в самом государстве) отпадает. На их место приходит общественное самоуправление в различных его формах (производственное, территориальное, школьное и т.д.).

У любой формы собственности есть свой исторический предел существования. Когда-то была первобытная коммунистическая собственность, которая взорвалась, под влиянием роста производительных сил. Наступила тысячелетняя эпоха господства частной собственности в ее различных исторических проявлениях. Лишь на высокой стадии капиталистического развития производительные силы начинают снова требовать новую форму собственности – общественную. По Марксу это происходит потому, что со временем капитал уже не вмещается в отношения частной собственности, выходя за ее пределы. Характерным проявлением этой закономерности сегодня являются мировые кризисы, приводящие к остановке производства, падению доходов и заработной платы, росту безработицы и т.д. Не менее наглядно об исчерпании частной, в частности, капиталистической собственности, говорят мировые и локальные войны, этнические, расовые и межцивилизационные конфликты, острейшие проблемы экологии и другие глобальные проблемы человечества. Эти и подобные им проблемы и кризисы – свидетельство иррационального характера современного капиталистического производства, основанного на частной собственности, показатель необходимости перехода сначала к государственной, а затем и собственно общественной собственности, позволяющей сознательно планировать и управлять социально-экономическим развитием стран, а в будущем и всем человечеством, в целом.

Существует распространенный прием либеральной и неоконсервативной критики социализма, отождествляющей его с тотальным директивным планированием. Так в свое время Милтон Фрид-

ман, утверждал, что в Англии начавшееся после двух мировых войн «коллективистское экономическое планирование и в самом деле ущемило индивидуальную свободу»¹. Нечто подобное говорил и уже упоминавшийся Фридрих Хайек. Беря за основу своих рассуждений сталинскую модель планового социализма, он утверждал, что планирование общественной жизни, по сути своей противоположно идее человеческой свободы, ибо политическая власть «вступив на путь планирования, чтобы достичь справедливости», создает условия, в которых люди начинают добиваться одного – «расположения власть имущих».² Отсюда им и делался вывод о том, что социализм есть «дорога к рабству».

На самом деле, социализм как результат сознательного подхода к истории, не сводится только к планированию. отождествление социализма со всеобщим директивным планированием весьма далеко от научного или марксистского его видения. В этой связи следует напомнить – известный спор Ленина и Плеханова по поводу содержания первой Программы социал-демократической партии России, где Плеханов пытался связать определения социализма только с планированием и удовлетворением потребностей людей. В ответ Ленин говорил, что планирование и удовлетворение потребностей осуществляется в определенной степени и при капитализме, например, трестами. Социализм есть нечто большее: это общество, где удовлетворяются потребности каждого гражданина за счет всего общества, где властный приоритет отдан трудящимся, где, в конечном счете, создаются необходимые условия для «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов»³.

Скажем коротко о проблеме соотношения плана и рынка при капитализме и социализме. Является ли план специфически капиталистическим явлением, а рынок специфически социалистическим, или они суть общецивилизационные механизмы производства и распределения в обществе, находящемся на определенной исторической стадии развития? Думаю, что и рынок, и план есть общецивилизационные механизмы функционирования более или менее развитой экономики. Но если это так, то и рынок должен поддаваться определенному государственному регулиро-

---

¹ Фридман и Хайек о свободе. Като институт. 1985. С. 13.

² Там же. С. 110–111.

³ Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т.6. С. 204.

ванию, и государственный план опираться на рынок, как на обратную связь с производством.

Любой общецивилизационный механизм, будь то рынок, будь то маркетинг, будь то план, имеет две стороны. Они могут работать в интересах трудящихся, и они же могут работать в интересах «верхних» ста тысяч. В условиях господства общественной собственности происходит удовлетворение интересов абсолютного большинства общества, при господстве частной собственности в первую очередь удовлетворяются интересы «верхних» ста тысяч. Это еще раз подтвердили, например, меры российского правительства, направленные на преодоление первого в истории глобального финансово-экономического кризиса, когда миллиарды долларов из государственной казны пошли, в первую очередь, на покрытие финансового дефицита банков и частного олигархического капитала, а не реального производства и удовлетворения интересов и потребностей трудящихся.

В этой связи наиболее рьяным противникам плановой экономики хотелось бы сказать следующее: не план себя дискредитировал в СССР, дискредитировала себя бюрократическая форма директивного планирования, когда у нас сверху планировалось буквально все, вплоть до гвоздей и чайных ложек. Конечно, такую форму планирования следует отбросить. Но означает ли это, что в условиях современного развитого общества, и тем более, в условиях реального социализма следует отказываться от планирования и все отдавать на откуп свободного рынка? Думаю, этого нельзя делать. Напротив, исторический опыт говорит, что успехи экономики появляются там, где органически соединяется рынок и осуществляется научное и демократическое планирование.

О коллективизме и гуманизме

Освобождение всех производительных и творческих сил человека для достижения всеобщего блага – вот открытый Марксом закон, объективно пробивающий себе дорогу в истории человечества. Вместе с тем история учит, что искусственно форсировать данную тенденцию и насильственно навязывать людям «лучшее будущее» – значит блокировать развитие реального социализма. Опыт показывает, что любое нарушение меры в органике процессов становления и формирования социализма чревато формальной переорганизацией, абсурдом, тотальностью. Это и происходит в

условиях мелочного и директивного планирования, расширения государственных функций до прямого вмешательства в личную и общественную жизнь. Здесь свобода превращается в произвол, коллективизм в тотальность, общее благо в выгоду государственных чиновников.

Чтобы избежать «ловушки тотальности» для социализма и свободы, следует помнить, что тоталитаризм может вырасти не только из частных, но и из абсолютизации коллективистских или государственных начал.¹ Тождество и различие, «то же и иное» – на этих принципах должны строиться основы самоорганизации социалистического общества. Философская формула «единство многообразного» применительно к свободе при социализме означает, что свобода людей должна гарантироваться разнообразием видов общей и индивидуальной собственности, различными формами хозяйствования, политическим представительством многообразных социальных интересов, существующих в реальном обществе.

Выяснение сущности свободы подводит нас к более глубокому пониманию социализма. В отличие от свободы немногих в капиталистическом обществе социализм имманентно связан со свободой многих, т.е. большинства граждан общества. Повторюсь, трудящиеся достигают свободы лишь тогда, когда овладевают политической и экономической властью, когда используют ее в интересах всех объединившихся вокруг них индивидов, в идеале всего общества. Здесь корни подлинного коллективизма.

Социализм – это коллективистское общество, это движение людей труда ко всеобщему благу и свободному, творческому и всестороннему развитию человека.

Анализ античного, азиатского, феодального и, специально, капиталистического способов производства привел К. Маркса к выводу о естественно-историческом вызревании социально-экономических предпосылок социалистического общества, преодолевающего отчуждение, эксплуатацию человека человеком, индивидуализм и эгоизм. По его мнению, такое общество рано или поздно породит утверждающий коллективизм как гармонию личных и общественных ин-

---

¹ Именно данную ситуацию, характерную для сталинского времени, берет за основу своей критики социализма Фридрих Хайек. См. его книги «Дорога к рабству» М.: Прогресс. 1993; «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом». М.: ОГИ. 2003 и др.

тересов, как свободу и взаимопомощь, умножающие творческие возможности каждого индивида. Такое органическое *взаимодействие индивида и коллектива, личности и общества и есть осуществление свободы и конечная цель реального социализма*, который отличается, с одной стороны, от капитализма с его анархией и эгоизмом интересов, а с другой – от «казарменного социализма», в котором происходит тотальное поглощение личности государством. Отличается реальный социализм и от коммунизма как более высокой стадии (фазы) развития человечества, где по мере высочайшего развития производства и исчезновения общественного разделения труда постепенно исчезает рабочее время и начинают диктовать свою волю законы свободного времени и потребности всестороннего развития человеческой личности.

Для Маркса и его последователей индивидуальное проявление свободы возможно лишь в коллективе, в обществе, государстве. В условиях подлинного социализма свобода личности обеспечивается ассоциацией и посредством нее. Коллективность здесь выступает не противоположностью личности, а условием ее свободного выражения и развития. Здесь контроль трудящихся над государством – основное условие. Настоящая свобода начинается там, где государство полностью подчинено и подконтрольно народу, где коллектив не противостоит личности, а продолжает ее.

Как известно, «принцип человека», или принцип гуманизма, восходящий к истокам Возрождения и Просвещения, был усвоен и по-своему переработан марксизмом. Он получил у Маркса социальное, в противоположность натуралистическому, прочтение и понимание. По сути дела, гуманизм, как учение о полном «возрождении человека» и его «всестороннем развитии», составляет основу марксовой теории освободительной миссии рабочего класса. Последний призван объективным ходом истории преодолеть все виды социального угнетения человека, рабскую зависимость людей друг от друга, одностороннее развитие личности. *Ассоциация свободных, духовно богатых и всесторонне развитых личностей – вот конечный идеал всех левых сил, который вытекает из общей направленности исторического процесса. Социализм начинает практическое осуществление этого идеала, коммунизм его продолжает и развивает в новых исторических условиях.*

Нередко в литературе понятие «коммунизм» связывается только с полным господством общественной собственности на средства

производства. Такое узкое понимание будущего общества явно недостаточно. Оно, повторим, носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял коммунизм с «реальным гуманизмом», считал, что в этом обществе произойдет полная эмансипация человека, его чувств и взглядов. В нем исчезает всякое отчуждение, свойственное прошлой истории и происходит, как уже отмечалось, возвращение человека к самому себе как «человеку общественному».

Общество «реального гуманизма», или коммунизм – это не выдумка субъективного утопического сознания, а прообраз реального человеческого общества, взятого в его развитом или зрелом виде. «В коммунизме – писал известный советский философ Михаил Лифшиц, – общество находит соответствующую ему форму существования, становится обществом в собственном смысле слова, то есть соответствующим своему понятию».¹ Как уже отмечалось, в нем люди не противостоят друг другу как классовые индивиды, а дополняют и творят друг друга как люди, наделенные разумом и сердцем. В этом обществе не прошлое господствует над настоящим, а настоящее над прошлым, не вещи и отношения господствуют над людьми, а люди господствуют над вещами и отношениями. Именно в таком обществе *свобода каждого становится условием свободы всех*.

Могут спросить, образ какой же реальности содержится, например, в социалистическом идеале, если – он относится к обществу будущего? Ответ может быть только один: не только к будущему. Исторически социализм подготавливается всей предшествующей историей. В форме конкретного зародыша он появляется при капитализме в многочисленных фактах автоматизации производства, облегчающей и заменяющей физический труд человека, в попытках сознательного планирования и управления экономикой. Социализм можно увидеть в конкретных процессах ликвидации наемничества (в частности, на предприятиях с собственностью работников), в различных акционерных обществах и самоуправляющихся кооперативах, которые, по мысли Маркса и Ф. Энгельса, делают «лишними» буржуа и являются своеобразным «отрицанием капитализма в рамках капитализма», наконец в нарастании и повышении роли творческих и информационных

---

¹ См.: Мих. Лифшиц. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция. 2003. С. 206–207.

процессов в жизни общества. Наряду с этим, для понимания социализма будущего также нельзя сбрасывать со счетов тот положительный опыт социалистического строительства, который накоплен в странах реального социализма, как бывших, так и ныне существующих.

Как показывает опыт истории, становление и развитие социализма это длительный, сложный и противоречивый процесс. Лишь в конечном счете в нем может произойти полная эмансипация человека от всех видов технологического, социального и духовного отчуждения, т.е. возникнуть общество «реального гуманизма».

Вместе с тем вопрос о «реальном гуманизме» не является вопросом только конечной цели рабочего движения: он всегда был и насущным вопросом. Так, В.И. Ленин и руководимая им РСДРП (б) осуществляли его уже в ходе революционных преобразований российской действительности, в повседневной работе советского правительства, добивавшегося на практике качественного улучшения жизни беднейших слоев общества, ликвидации безграмотности и детского беспризорничества, материальной поддержки ученых и деятелей культуры и т.п. В этом смысле осуществление гуманизма и становление социализма – совпадающие процессы. Однако это совпадение не всегда претворялось в жизнь, например, в условиях сталинского режима власти, чем и был нанесен существенный ущерб не только практике, но и самой идее социализма.

Критики марксистской теории социализма пытаются всячески принизить гуманистический характер самой социалистической идеи. По их мнению, ее реализация на практике приводит к подавлению личности обществом, растворению человека в классе, нивелировке индивида в коллективе. Нет спора, что подобные явления имели место в условиях тоталитаризма, но его не следует отождествлять с реальной социалистической тенденцией, начало которой восходит к Октябрю и деятельности Ленина как основателя Советского государства.

Здесь уместно заметить, что марксизм никогда не отрицал идеала либерализма, провозгласившего свободное развитие индивида. Напротив, этот идеал по своему входит и в социалистическое учение, которое доказывает, что практическое его осуществление возможно лишь в обществе, где исчезают социальные

антагонизмы, где «иллюзорная» коллективность частных собственников заменяется подлинной коллективностью трудящихся.

Эта коллективность людей труда, базирующаяся на общности интересов, по природе своей сознательна и деятельна. В этом смысле она противоположна как приказной казарменной коллективности, так и сугубо созерцательной религиозной соборности.

В теории научного социализма гуманизм не противостоит коллективизму. Напротив, они органически дополняют друг друга. Человек реализует свои способности через коллектив, а коллектив помогает их более полному раскрытию. Повторю, только в коллективе, по Марксу, возможно полноценное проявление индивидуальной свободы. На первый взгляд, это выглядит парадоксом, но на самом деле это не парадокс. Дело в том, что по своей сути, человек – существо коллективное, общественное. «Человек, – писал Маркс, – это мир человека, государство, общество».¹ Он не может существовать вне общества, вне коллектива, вне общения с людьми. В своем индивидуальном развитии он во многом повторяет историю развития человеческого общества. Язык человека, его знания, мысль, культура, нравственность – это продукт и наследие общества. Он овладевает этим наследием и преумножает его. Вот почему человек не в состоянии вырваться из общества даже тогда, когда он находится в полном одиночестве. Как любил повторять В.И. Ленин: «...Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».² Но, если нельзя быть свободным от общества, то, следовательно, нужно быть свободным посредством общества, посредством того коллектива, того класса, той социально–профессиональной группы, которые связывают индивида с обществом, а общество с индивидом.

Наступающая постиндустриальная эпоха ставит в центр общественного прогресса целостного человека с его потребностями, интеллектуальными и творческими способностями. Именно *свободный, творческий человек все очевиднее становится главной производительной силой XXI века*. Свободное развитие такого человека, сопряженное со свободой других людей, и создает тот общечеловеческий базис будущего, которое в современной литературе называют разными именами: постиндустриальным, информационным, посткапи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 114.

² Ленин В.И. Указ. соч. Т. 12. С. 104.

талистическим, обществом знаний и, наконец, социализмом. Видимо не случайно большинство россиян, прошедшим школу современного дикого капитализма, по многим опросам общественного мнения ставят эту ценность на первый план – наряду со справедливостью, достатком и порядком. Прав был поэт, сказавший, что «все прогрессы реакционны, если гибнет человек»

Идея социализма включает в себя наряду с ценностями свободы, гуманизма и коллективизма, и такую ценность как равенство.

*О равенстве, справедливости,
демократии и самоуправлении*

В последнее время в публицистике, в философской и научной литературе социальный идеал равенства трактуется в критическом и даже уничижительном плане. Здесь сказывается последствие его извращенного понимания и практического применения в нашей стране в форме принудительной уравниловки. Равенство, понятое как уравниловка, сегодня отвергается массовым сознанием. Специально сделаем ударение на словосочетании «социальный идеал», ибо проблему равенства пытаются трактовать сугубо натуралистически, доказывая, например, что равенство вообще невозможно, ибо люди от природы неравны. Никто не будет возражать против этого аргумента, но он никакого отношения не имеет к научному пониманию проблемы равенства.

Как известно, основатели научной теории социализма под равенством всегда имели в виду не природное, а социальное равенство, или неравенство людей. Они проявляются как социальное отношение, связанное с делением общества на классы, например, как возможность трудящихся распоряжаться общественным богатством, созданным их руками. Речь идет в первую очередь о равном отношении к собственности на средства производства, о равном доступе к политической власти и принятию политических решений, о равных правах человека и гражданина по отношению к всем сферам общественной жизни. В этом смысле идеал равенства является непреходящей ценностью социализма, неотъемлемой составляющей социалистической идеологии. Социальное неравенство, вытекающее из противоположности труда и капитала, эксплуатации человека человеком, слабой социальной защищенности пенсионеров, молодежи, женщин, всегда будет злом,

против которого боролись, борются и будут бороться сторонники социализма.

Особое место в социалистической идеологии занимает такая ценность, как справедливость. В России она всегда занимала одно из первых мест подобно ценности свободы у американцев. Ее обычно понимали (и понимают поныне) как правду человеческих отношений, включая отношения в процессе труда, отношения человека и государства, власти и общества. Ради справедливости россияне шли на баррикады, сражались с иноземными захватчиками, боролись за свободу и демократию. Поэтому создание социализма всегда мыслилось в России как создание справедливого общества, в котором происходит реальное преодоление социальной несправедливости в человеческих отношениях.

Понятно, что современное российское общество, испытывая на себе второе пришествие капитала, весьма далеко отстоит от реализации этой ценности. Главным его противоречием сегодня является противоречие между узким слоем богатой и сверхбогатой части общества, с одной стороны, и остальным, в основном, бедным населением, с другой. По накалу интенсивности это противоречие «превосходит все остальные межгрупповые взаимодействия в 1,5–2 раза».¹

Исследователи социальной структуры российского общества обоснованно говорят о его «глубоком социальном разломе», породившем две противоположные России: Россию абсолютного меньшинства богатых и сверхбогатых граждан, для которых жизнь – это «поле чудес» и Россию большинства бедных и нищих граждан, для которых жизнь – это «море слез». Этот вывод полностью подтверждается статистикой, которая говорит о том, что в настоящее время около половины россиян – это малообеспеченные или бедные люди. Из них более 20% находится на грани бедности и нищеты, а 7% пребывает в состоянии глубокой нищеты. Различие в заработной плате верхних и нижних десяти процентов достигает 30 и более раз, различие в номинальных доходах 14 раз, а в фактических доходах – 17–18 раз, что в пять с лишним раз выше, чем в советские времена и в три раза выше, чем в современных развитых странах.² Прошедший

---

¹ См.: Петухов В., Федоров В. Трансформация идеологических ценностей и политических предпочтений россиян. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. 2005. С. 5.

² См.: Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики. М., 2005. С. 27.

глобальный финансово-экономический кризис, несмотря на оптимистические заявления российских властей, еще больше увеличил эту социальную пропасть.

Социальное равенство и справедливость невозможны без освобождения трудящихся от всякой экономической зависимости, будь то зависимость от частного собственника или бюрократического государства. На социалистической стадии общественного развития это возможно только в одном случае, если власть и государство находится под их непосредственным контролем. Здесь экономика переходит в политику, превращаясь в проблему демократии. Непосредственное участие трудящихся в государственном управлении составляет суть социалистической демократии, Ленин рассматривал ее как необходимый элемент социализма, на деле реализующий идею свободы. Власть трудящихся, свобода, справедливость и реальная демократия лишь разные выражения, ипостаси, грани социализма.

Итак, глубинным смыслом идеи социализма является освобождение трудящихся от эксплуатации и отчуждения путем полного овладения ими экономической и политической властью. Там, где этот процесс происходит, возникает подлинный эффект социалистичности. Там, где он прерывается, налицо деформация социалистической идеи, или отход от нее.

Формула социалистической демократии: «власть трудящихся, для трудящихся и посредством трудящихся» является, на мой взгляд, определяющей для специфики социализма. В этом смысле демократия и социализм – понятия тождественные. При имевшихся в советской истории деформациях государства это коренное свойство социализма смазывается. Когда власть трудящихся узурпируется и от их имени начинает править один человек (вождь, генсек, президент) или узкая группа лиц (бюрократия), свобода масс исчезает, и нарастают многообразные процессы социального и политического отчуждения. Бюрократизм и формализм власти порождает отчуждение человека от человека, от результатов труда и самой власти. Раскрестьянивание, чрезмерная работа на фабрике или заводе, антигуманизм в социальной сфере – примеры обратного движения от свободы к рабству, это прямое извращение социалистического идеала и социалистического бытия. Именно это извращение и берется за основу при критике теории научного социализма.

Обычно, когда говорят о социалистической демократии, имеют в виду, прежде всего, ее политический характер. При этом совершенно упускается из виду экономическая демократия, которая дает возможность преодолеть на практике наемный характер труда, что только и делает трудящегося человека полноценным хозяином общественного производства. Нельзя забывать, что конечной целью аутентичного социализма всегда было освобождение людей от наемного рабства, составляющего основу капиталистического производства и всего буржуазного общества.

Как показывает практика «государственно-бюрократический социализм» эту проблему полностью не решает: в нем сохраняется отчуждение человека от средств производства и результатов его труда. Вместе с тем, решение этого вопроса вполне реально. Еще Маркс наметил пути его решения, исследуя явления акционирования капитала, возникшее во второй половине XIX века в практике кооперативных фабрик рабочих. Вопреки догматическим взглядам некоторых левых теоретиков,¹ Маркс считал, что уже на этих фабриках «уничтожается противоположность между трудом и капиталом»² и возникает «непосредственная общественная собственность» и «новый способ производства».³ Маркс увидел в этих самоуправляющихся фабриках рабочих ростки будущего, которые он выразил в следующей о многом говорящей фразе: «Упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства».⁴

Эта малоизвестная мысль Маркса показывают, как может функционировать социалистическое общество уже на первых ступенях своего исторического развития. Аналогичные мысли высказывал и Ленин в своих последних работах⁵, анализируя проблему соединения частного и общественного интереса, роль кооперации и госкапитализма в условиях Советской власти. Суть этих идей состоит в принципиальной возможности преодоления социального отчуждения и наемного характера труда, присущего как капитализму, так и «государственно-бюрократическому социализму».

---

¹ См.: Альтернативы. 1999. №1. С. 158.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 483.

³ Там же. С. 480, 483–484.

⁴ Там же. С. 481.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105. Т. 45. С. 289, 371, 376 и др.

Нельзя забывать, что подлинный, а не «фальшивый социализм» создается снизу, превращая каждого труженика в совладельца результатов коллективного труда конкретного предприятия и всего общества, в целом. Только таким путем можно преодолеть вековое наемное рабство и достичь подлинного производственного и общественного самоуправления трудящихся как конечной цели социализма.

Зачатки такого социализма неоднократно возникали и возникают в истории. Их можно увидеть в деятельности Парижской Коммуны, ряда трудовых коллективов в первые и последние годы советской власти, в самоуправленческих предприятиях, рожденных революциями на Кубе и в Алжире, в практике работы американских компаний, осуществляемых программу ЭСОП, в испанской ассоциации кооперативов «Мондрагон», в итальянских строительных компаниях, в израильских киббуцах и т.д. В 1990-е гг. в России также появились отдельные предприятия с собственностью работников, внедряющие у себя различные системы самоуправления. Среди них был, например, известный Межотраслевой научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза» Св. Федорова, дагестанское сельскохозяйственное объединение, руководимое М. Чартаевым, Картонажный комбинат в Набережных Челнах, конфетная фабрика «Конфил» в Волгограде и др. предприятия, в том числе входящие в «Союз народных предприятий». На этих предприятиях все члены трудового коллектива имеют равные права с администрацией на получение дохода от акций, превращающих их в сохозяев производства, на котором они работают.

Как известно, впервые идею планового наделения акциями работников высказал американский ученый Луис Келсо, написавший свой знаменитый «Капиталистический манифест». Не зная текстов Маркса, посвященных анализу акционерных фабрик рабочих, Келсо критиковал К. Маркса за его недооценку роли капитала в создании стоимости. В свою очередь, он доказывал необходимость передачи капитала всем работникам предприятия. Главная идея Келсо – это превращение каждого труженика в сособственника капитала. Только тогда у него появляется заинтересованность в труде, развитии и совершенствовании производства, возможность постоянно увеличивать долю своего дохода. Не вдаваясь в существо полемики Келсо с Марксом (первый во многом не понимал второго), отметим, что идея Келсо о «народном капитализме» вплотную подводит к понятию «со-

циализм», ибо капитал, переданный народу, по сути дела, превращает капитализм в социализм, который призван полностью ликвидировать институт наемничества.

Но если общество избавляется от наемного характера труда, то тогда более логично называть его не «народным капитализмом», а «народным» или «демократическим социализмом». На самом деле, если в обществе повсеместно преодолевается отчуждение работника от средств производства и результатов труда, тогда рушится основное противоречие капитализма между собственником и работником, капиталом и трудом. Если труд перестает носить наемный характер не на словах, а на деле, то с необходимостью исчезает и противоположное ему понятие «капитала» как отчужденного труда и его конечных результатов. А ведь о ликвидации наемного труда, всегда говорили и мечтали все подлинные социал-демократы, социалисты и коммунисты.

Социализм исторически мыслился как общество, противоположное капитализму и наследующее ему. Говоря точнее, это отрицающее капитализм посткапиталистическое общество. Его основой являются высокие технологии и воссоединение непосредственных производителей со средствами производства. Только такие экономические предпосылки создают на практике основу для ликвидации векового социально-экономического отчуждения людей. И лишь на этой основе может развиваться универсальная личность и полноценная свобода как конечная цель социалистического общества.

Что же мешало и мешает становлению подлинного социализма в реальной действительности? На мой взгляд, появление авторитарных и тоталитарных форм в управлении обществом и его историей. Поясним этот тезис.

*Об основных тенденциях
советской истории и ее идеологизации*

В свое время Антонио Грамши писал о том, что историческое развитие «не игра по правилам», а реальная диалектика и реальная борьба различных социальных сил в обществе.¹ Например, в российском обществе эта борьба шла в ходе Октябрьской революции и продолжалась после нее. На первых порах она обрела острую фор-

---

¹ См.: Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х частях. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. С. 253.

му гражданской войны, которая была, в частности, следствием того, что демократическим и социалистическим силам не удалось создать единое коалиционное правительство. Однако и после гражданской войны в стране отстаивались различные социальные интересы и действовали противоположные социальные силы и тенденции. На мой взгляд, таких общих тенденций, в основном, было две: демократическая и антидемократическая.

Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего, многочисленного крестьянства. Она проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Ее следует связывать, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода к политике нэпа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженными в его последних работах. По сути дела, эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция – антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная опиралась на интересы тех слоев общества, которые устали от революции и войны. Это были, прежде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. Сталин стал их официальным лидером и рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, подмораживала и сковывала страну, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство.

В борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история, которая еще ждет своего глубокого и объективного освещения. Напомним читателю лишь логику и некоторые моменты этой удивительно интересной и живой истории, противоречащей любой ее абстрактной и идеологизированной схеме.

Как известно, после Октябрьской революции возник принципиальный вопрос, как строить новую жизнь? Цель преобразований в самом общем виде была ясна: построить небывалое ранее социалистическое общество, принципиально отличающееся от прежнего наличием свободы, социальной справедливости и подлинной демократии. Не ясно было другое: как конкретно его строить. У Маркса и Энгельса на этот счет не было ответов. Они в своих работах наметили лишь общие контуры будущего. Поэтому, исходя из самых общих теоретических соображений, и увлекаемое революционным энтузи-

азмом масс советское руководство решило приступить сразу к созданию коммунизма в отсталой и разрушенной войной стране. Отсюда родилась политика «военного коммунизма». Она была не только вынужденной мерой в условиях начавшейся гражданской войны, как об этом писалось во многих книгах и учебниках советского прошлого. В ней помимо необходимых и реальных мер, была попытка осуществления явно утопических идей, связанных, например, с требованиями немедленной отмены денег, осуществления продразверстки, реализации бесплатного жилья, общественного питания, проезда на транспорте, почты, газет и т.д. Ленин прямо признавал: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»¹.

Однако в ходе реализации такой политики уже вскоре возник всеобщий политический кризис, проявившийся особенно сильно в Кронштадтском мятеже с его лозунгом «Советы без коммунистов» и вооруженном восстании крестьян в Тамбовской губернии. Крестьяне приняли Советскую власть, давшую им землю, но были против политики «военного коммунизма», не дающей им возможность эффективно и выгодно пользоваться этой землей. В этой связи Ленин заговорил о самом крупном общенациональном кризисе после Октябрьской революции, о крупной «ошибке» и даже «поражении» большевиков в этой политике.² В итоге, он предложил решительно от нее отказаться, то есть отменить непродуманную «кавалерийскую атаку» на капитализм, и осуществить своими руками своеобразный «термидор» в стране. К «термидору» тогда призывали многие меньшевики в России и оппоненты Ленина за рубежом, предлагавшие, по сути дела, вернуться назад к капитализму. Но Ленин решает провести «термидор» так, чтобы сохранить общее направление и главный критерий социалистических преобразований – удовлетворение интересов трудящихся и прежде всего крестьянства, составлявшего тогда абсолютное большинство народа.

Отсюда нзп: отказ от продразверстки, переход к продналогу и рыночному хозяйству, повышение роли денежного обращения в стране, создание валюты в виде знаменитого «золотого червонца» и сохранившихся до сих пор у многих «серебряных полтинников», до-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 44. С. 157.

² См.: там же. С. 151, 157–159 и др.

пущение частного капиталистического производства, разрешение иностранных концессий и т.д., и т.п. В итоге эта новая политика в короткие сроки решила многие экономические проблемы. Страна ушла от голода, залечила раны и разрушительные последствия мировой и гражданской войн, постепенно стала создавать материальный и финансовый задел для реализации плана ГОЭЛРО и дальнейшей индустриализации страны

Но что мешало развиваться в этом направлении? Бюрократизм и во многом старый государственный аппарат, доставшийся от прежней «традиционной системы власти». Отсюда последние работы Ленина, посвященные радикальной демократизации политической системы, стремление дать сознательным рабочим возможность контролировать работу госаппарата и бороться с бюрократизмом. Отсюда же борьба со Сталиным, сосредоточившем в своих руках «необъятную власть» и совершившего ряд крупных политических ошибок в государственной политике, проявлявшим постоянную грубость и нелояльность по отношению к товарищам по работе и партии.

Не будем дальше раскрывать подробности этой борьбы¹, отметим только одно: после смерти вождя Октябрьской революции Сталин становится полновластным «хозяином страны», постепенно превращаясь, по выражению Дзержинского, в «диктатора в красных перьях».

Любому объективному исследователю советской истории всегда было ясно, что Ленин и Сталин были антиподами в политике и жизни, поэтому их часто встречающееся отождествление является, на наш взгляд, прямой фальсификацией исторической науки. Дело в том, что Ленин расходился со Сталиным по многим принципиальным вопросам политики. В частности, они совершенно по разному понимали национальный вопрос и способ образования СССР, проблему реформирования политической системы, реорганизацию Рабкрина, вопросы, связанные с монополией внешней торговли и т.д. К сожалению, отождествление Ленина и Сталина допускают не только рядовые историки, но и именитые академики, писатели и публицисты. Авторы подобного отождествления считают, что Сталин лишь исполнял то, что завещал Ленин. На наш взгляд, подобные утвержде-

---

¹ См., в этой связи Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания. 2009. С. 170–216. Его же. Понять советскую историю. // СССР: незавершенный проект истории. М.: Ленанд/URSS. 2012. С. 103–134.

ния, не имея под собой никакой научной почвы, воспроизводят старую сталинскую концепцию тождества двух вождей, гласящую, что «Сталин – это Ленин сегодня», а «Ленин – это Сталин вчера». В частности, подобное говорил и бывший известный диссидент Александр Зиновьев: «...Я пришел к тому же с чего начал, а именно к рассмотрению ленинизма и сталинизма как единого явления. Сталин действительно был «Ленин сегодня»¹.

В этой связи закономерен вопрос: кому выгодно сегодня реанимация подобной концепции? Думаю, она нужна не только неосталинистам, но и тем, кому хочется во чтобы-то ни стало окончательно дискредитировать социалистическую идею, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся Ленин, а не Сталин.

Подчеркнем еще раз, *через противоречия и борьбу демократических и бюрократических сил, линий Ленина и Сталина развивалась советская история*. Раскрыть и объективно описать реальные противоречия советской истории является, на наш взгляд, благородной задачей современных философов, историков и обществоведов.

Однако эта, казалась, простая истина до сих пор с трудом утверждается в научном сознании. Мешает господствующая концепция «тоталитарной природы» советской власти и ее истории, прочно утвердившаяся среди некоторых историков, разделяющих ценности либерального фундаментализма. Суть ее проста: советская история есть не что иное, как история тоталитарного режима советской власти, возникшего в Октябре 1917 года и существовавшего до начала 1990-х годов XX века². В рамках этой концепции даже радикальная «хрущевская десталинизация» считается «половинчатой».³

Думается, что здесь мы имеем дело с политически ангажированной, а не научной точкой зрения. Цель подобной трактовки отечественной истории понятна: использовать абстрактную концепцию тоталитаризма в качестве идеологического рычага, разрушающего объективные представления об истории советского общества и современной России, которая по своему влиянию и историческому

---

¹ А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000, с. 304–305.

² См. выступление одного из руководителей «Мемориала» Арсения Рогинского на международной конференции «История сталинизма». Итоги и проблемы изучения» 5–7 декабря 2008 г.

³ См.: 1937–й. Статьи и документы. М.: РОДП «Яблоко». 2007. См. также соответствующие работы Д. Волкогонова, А. Яковлева, С. Кулешова, Р. Пихоя и др.

значению напоминает Советский Союз, а такое просто не нужно в современном раскладе геополитических сил.

Что же касается реального тоталитаризма сталинской эпохи, то он, конечно, существовал в стране более двадцати лет. Но это не вся правда. Абсолютизировать этот режим методологически ошибочно. Это значит абстрагироваться от противоречий и острой политической борьбы различных социальных сил в обществе, в том числе сил, боровшихся непосредственно со сталинизмом. Еще более ошибочно рассматривать всю советскую историю как его непрерывное становление и утверждение. Особенно непродуктивен такой подход в исторической науке, ибо ведет не к изучению реальных фактов, а к их подгонке под заранее заданную идеологическую схему. Эта подгонка и является губительной идеологизацией советской истории¹.

Отметим, в этой связи, что известные американские историки Роберт Такер и Стив Коэн, специализирующиеся на изучении деятельности И. Сталина и Н. Бухарина также считают концепцию тоталитаризма сугубо идеологизированным и малоэффективным средством исторического познания. Так, Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт» говорит, что методологической основой «тоталитарной школы» является «идея непрерывности», то есть представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов, этапов².

Сторонники «идеи непрерывности», как правило, не задумываясь, ставят знак тождества между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев, Андропов и

---

¹ На мой взгляд, «идеологизация» – это субъективное или иллюзорное восприятие и воспроизведение действительности. Это всегда выпячивание и абсолютизация одной стороны политической жизни за счет другой, это одностороннее видение целого. Это, в конечном счете, навязывание обществу политических взглядов, не соответствующих диалектике реальной жизни и истории общества, это, говоря проще пустые идеологические рассуждения и споры, не затрагивающие суть дела. Не стесняющийся в выражениях В. Ленин часто называл такие идеологические споры простой «болтовней».

² Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chaldize publications. 1986. По мнению Коэна «идея непрерывности» является доминирующей в современной исторической науке на Западе. См.: Альтернативы №1. 1911. С. 58.

Черненко, Горбачев и Ельцин. В их понимании все они лишь различные личностные проявления господствующего тоталитарного режима власти. По мнению С. Козна, эта концепция слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину советской истории, в частности, взаимоотношение власти и оппозиционных к ней течений, противоречий внутри правящей коммунистической партии и т.д.

Следует заметить, что использование «концепции тоталитаризма» для объяснения советской истории не является новым и оригинальным явлением в общественной науке. Это прямое заимствование старых советологических теорий, которые давно подверглись обстоятельной научной критике. Напомним читателю, что исторически понятие «тоталитаризм» употреблялось для характеристики фашистского государства в Италии¹. В годы «холодной» войны его стали сознательно использовать для дискредитации советского общества такие враждебно настроенные западные советологи, как З. Бжезинский, Р. Пайпс, Адам Б. Улам и др.

Что касается существа вопроса, то с нашей точки зрения здесь происходит явная подмена изучаемого объекта. Дело в том, что абстрактное понятие «тоталитаризм» является, прежде всего, характеристикой политического режима власти, а не строя общества и его истории. Это был режим, характерный только для сталинского периода правления, а не для всей советской истории. Это хорошо, например, сознавала «левая оппозиция», выступая против сталинизма. В частности, она говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского строя. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические ценности и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступавшие против Сталина.

Несмотря на то, что сталинский тоталитаризм своим влиянием охватывал многие сферы общества, он всегда оставался лишь режимом политической власти. Как сугубо надстроечное явление, его не следует отождествлять с базисом, с социально-экономическим стро-

---

¹ Более подробно о сути тоталитаризма, вообще, и сталинского тоталитаризма, в частности, см.: Славин Б.Ф. О социализме, свободе и тоталитаризме // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М. Культурная революция. 2009. С. 83–112.

ем советского общества, который утвердился в результате социального выбора, сделанного народами России в ходе Октябрьской революции.

Сталин, крепко держась за свою власть, был вынужден считаться с этим выбором и одновременно наносить ему глубокие раны. На мой взгляд, этим объясняются его многие противоречивые действия как политика в разные периоды истории. Например, он сначала резко отрицал необходимость быстрой индустриализации, о необходимости которой говорила «левая» оппозиция», затем после ее изгнания превратился в своеобразного «сверхиндустриализатора». Он допускал серьезные ошибки, названные им «перегибами» в проведении коллективизации, затем, после волнений крестьянства на юге страны, вел с ними «принципиальную» борьбу. В том же плане следует расценивать его тотальную расправу над военными кадрами и возвращение некоторых из них из ГУЛАГа в начале войны. Было много волонтеристского и беспринципного в его политике. В частности, первоначальное неприятие фашизма и неожиданный союз с ним перед войной. Как бы к этой акции не относиться, но она вызвала кризис в мировом левом движении, в одночасье, превратив зарубежных антифашистов в заложников этой явно неинтернациональной политики.

Все эти и другие подобные факты лишний раз подтверждают, что Сталин был не продолжателем дела Ленина, а его идейным и политическим противником. Оказалось пророческой мыслью Ленина в его письме XII съезду партии, где он прямо говорил: «Сталин, сделавшись генсеком сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».¹ Как и предвидел Ленин, Сталин не только не сумел ею «осторожно пользоваться»: он, напротив, стал ею злоупотреблять, нанося прямой вред той модели строительства социализма, которую разработал и начал осуществлять Ленин после Октябрьской революции.

В этой связи, нам кажется глубоко ошибочным мнение многих исследователей правого и левого толка о том, что Сталин был продолжателем дела Ленина и строил свою тоталитарную модель советского социализма якобы по «ленинским чертежам».² Подобные утверждения полностью противоречат фактам истории, связанной с

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² См.: Котельников М.Е. Диалектика науки и идеологии в историческом развитии марксизма. Докторская диссертация. М. 2009. С. 308.

принципиальной борьбой Ленина со Сталиным в последние годы жизни вождя Октябрьской революции.¹

С моей точки зрения, уже давно пора понять, что в истории СССР было две прямо противоположные модели создания и функционирования советского социализма (ленинская и сталинская), а не одна якобы «ленинско–сталинская» модель! Говоря точнее, лишь ленинская модель советского социализма отвечала подлинно социалистическим критериям, включая интернационализм и демократию. Что касается сталинской модели, то ее вообще трудно отнести к модели левого толка. Как и предвидел Ленин, Сталин, в конце концов, открыто перешел на сугубо правые национал-державные позиции. Это проявилось в различной трактовке принципов создания СССР еще при жизни Ленина, в роспуске Коминтерна, породившего глубокий кризис во всем левом антифашистском движении, в его борьбе с так называемым «космополитизмом» в Советском союзе и т.д.

Закономерно, что со смертью Ленина революция во многом пошла на спад и олицетворением такого спада стал Сталин как самовластный руководитель страны. Если фигура Ленина была напрямую связана с осуществлением Октябрьской революции и становлением Советского государства как нового типа власти трудящихся классов, то фигура Сталина стала символом деформации этого государства и попраiania завоеваний революции и идеалов социализма. Можно без преувеличения сказать, что Сталин был и останется в советской истории как основатель и главный воплоитель в жизнь тоталитарного режима власти, прикрывающийся на словах марксистской фразеологией и идеей диктатуры пролетариата.

К сожалению, углубленное осмысление сущности сталинского тоталитарного режима, на мой взгляд, до сих пор не нашло адекватного отражения в научно–политической и философской литературе. Однако, без такого осмысления невозможно понять и всесторонне оценить сегодня всю семидесятилетнюю советскую историю.

О Сталине и его режиме власти

Что же собой представлял Сталин как личность и политическая фигура? Почему ему удалось на долгие годы захватить

---

¹ Подробнее об этом я говорю в своей книге : Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М.: 2010.

власть и фактически единолично править страной? Что собой представлял его тоталитарный режим власти? На эти и другие вопросы надо отвечать, иначе никогда не будет понята суть советской истории, специфичность ее периодов, и те события, которые привели к падению Советской власти и крушению СССР.

Отвечать на эти вопросы нужно и в связи с тем, что в последнее время по мере банкротства либеральных реформ в России стала буквально мифологизироваться роль Сталина в истории, как якобы выдающегося руководителя страны, политика и стратега.

В научной среде и во многих средствах массовой информации в последнее время широко распространился миф о Сталине как «недоктринерском», «умном» и «эффективном менеджере», сумевшем провести на практике необходимую для советской страны коллективизацию и индустриализацию. К подобной точке зрения сегодня все чаще склоняются не только неосталинисты или националисты, но и некоторые либералы, и даже марксисты¹.

На мой взгляд, считать Сталина «не доктринером», «творцом», «эффективным» менеджером и т.д. можно, только закрыв глаза на миллионы жертв его поистине «каннибальской» политики, ничего общего не имеющей с идеалами и ценностями социализма.

На самом деле, никакого «творческого», а тем более «эффективного менеджера» в лице Сталина, конечно, не было. Он был хитрым, но недалеким политиком, допускавшим на практике весьма грубые ошибки. Это от него исходили нереальные цифры пятилетних планов развития СССР, абсолютизация чрезвычайных мер в политике, крупные просчеты в оценке предвоенной ситуации накануне 1941 года, полное пренебрежение ценностью человеческой жизни в ходе войны и т.д.

У Сталина был свой сугубо доморощенный проект строительства нового общества, чуждый марксизму и научно обоснованному проекту Ленина. Нельзя забывать, что идеи индустриализации, кооперации и культурной революции принадлежали Ленину, а не Сталину. При этом Ленин хотел и предлагал провести индустриализацию страны, прежде всего за счет повсеместной экономии средств в хозяйстве и радикального сокращения бюрократического госаппарата, а кооперацию – за счет строгого соблюдения принципа добровольности и радикальной механизации сельского хозяйства.

---

¹ См.: Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М. 2009. С. 23.

Ни тот, ни другой завет Ленина не были выполнены Сталиным. Мало того, по сравнению с этими заветами он делал нечто прямо противоположное им. В итоге, научно продуманный и мирный план создания социализма он заменил собственным субъективным планом, приведшим к прямому и незаконному насилию над людьми. Сегодня известны страшные «плоды» его тоталитарного режима власти, когда физически и морально уничтожались лучшие люди страны: выдающиеся руководители партии и государства, талантливые ученые и представители культуры. По данным доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК, только за 1935—1940 годы за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. Соответственно за 1937—1938 годы арестовано 1 548 366 и расстреляно 681 692.¹ В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время Ленин говорил, что для них правдивость и преданность социализму были естественными человеческими качествами.

Сталинская политика, абсолютизирующая насильственные методы социалистического строительства, естественно встретила активное сопротивление ей как со стороны крестьянства (особенно на юге страны), так и внутри партии сначала со стороны «левой», а затем и «правой» оппозиции. Это сопротивление также проявилось в голосовании на XVII съезде партии, в программном демарше Рютина, обличительном письме Раскольников, в критических высказываниях Крупской, Пятницкого и других ветеранов партии.²

Ответ Сталина был жестким и по-иезуитски расчетливым: он решил уничтожить всех свидетелей своих провалов в политике. Отсюда Большой террор конца 1930-х гг. и превращение во «врагов народа» выдающихся деятелей революции и советской власти. Отсюда же «дело Кирова» и известные фальсификации Московских процессов, гонения на «старых большевиков» и полная «зачистка» ближайших соратников Ленина, упомянутых в его Политическом завещании.

Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей подписью Сталин), не революция

¹ См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. М.: МФД, 2000. С. 317.

² См.: Они не молчали. М.: Политиздат, 1991; Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 60–63.

«пожирала своих детей», а лично Сталин со своими ближайшими соратниками уничтожили почти всю так называемую ленинскую гвардию. Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали всепроникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Конечно, было бы антиисторично сводить все негативные стороны в строительстве социализма только к одной фигуре Сталина. Сталин был лишь вершиной пирамиды власти, которая в XX веке получила название «тоталитаризм». Что из себя представлял этот режим политической власти? Какие ему присущи общие черты, и в чем проявилась его специфика в рамках советской истории?

*О социальной природе
сталинского тоталитаризма*

Вот, что по этому поводу писала знаменитая ученица немецкого философа Карла Ясперса Ханна Арендт в своей работе, посвященной тоталитаризму. По ее мнению, он есть следствие атомизации личности в обществе, возникшей в XX веке¹. Она считала, что крушение традиционной социальной стратификации и появление маргинальных и люмпенизированных масс после первой мировой войны в Германии и советской России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на неспособность социал-демократических правительств организовать государственный порядок на основе буржуазной конкуренции и тяжелых последствий послевоенной эпохи, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти. Сталин «искусственно» создавал атомизированное общество, которое для Гитлера приготовили исторические события.

---

¹ См.: Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. М., 1997. С. 540.

В отличие от Ленина, который публично анализировал свои ошибки и всегда исходил в политике из учета различных общественных интересов, Сталин нивелировал социальные интересы и почти всегда списывал свои ошибки на других. Этому способствовало то, что тоталитаризм предполагает характерное разделение общества на всевластного вождя и послушную некритическую массу.¹

Из сказанного становится понятным, что режим тоталитарного типа в Советском Союзе мог возникнуть только с приходом к власти диктатора, ибо коллективное руководство партией и государством при Ленине подобное не допускало. Окончательно он формируется в первой половине 30-х годов, когда были ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 года.

С укреплением власти Сталина полностью сворачивается революционная демократия, уничтожаются почти все виды и формы политической оппозиции режиму, намечается определенный спад в литературе и искусстве. Первым шагом на пути становления такой диктатуры была ликвидация «левой оппозиции» во главе с Л. Троцким.

Вторым шагом – фактическое возвращение к политике «военного коммунизма» и ликвидация «правой оппозиции» во главе с Бухариным. Провокация с убийством Кирова дала ему возможность окончательно расправиться практически со всеми его политическими оппонентами, стать бесконтрольным диктатором в стране, некогда совершившей победоносную пролетарскую революцию.

В итоге, его правление стало настоящей трагедией для миллионов советских людей. Организация ГУЛАГа и незаконных массовых репрессий, направленных против собственного народа – закономерное следствие сталинского режима власти. Только начавшаяся война с фашизмом временно приостановила его разрушительные действия.

Характерно, что первое критическое осмысление режима Сталина было начато не Хрущевым на XX съезде КПСС и не А. Солженицыным с его «Архипелагом ГУЛАГом», как считают многие, а «левой оппозицией» сразу после смерти Ленина. Тогда

---

¹ Интересно в этой связи замечание Ханны Арендт о том, что высококультурные люди вовсе не противостоят массовым тоталитарным движениям. Даже, напротив, «развитой индивидуализм и утонченность не предотвращают, а в действительности иногда поощряют саморастворение в массе». См.: Там же. С. 531.

Сталинский режим называли разными словами: «диктаторским», «бонапартистским», «термидорианским» и т.д. Лишь позднее главный оппонент Сталина Лев Троцкий назовет Сталинский режим «тоталитаризмом», и этот термин войдет в политический и научный обиход.

Следует также отметить, что задолго до Солженицына Сталинский тоталитаризм нашел свое художественное отражение в малоизвестных у нас романах Виктора Сержа – талантливого русско-французского писателя, публициста и революционера. Уже переведены на русский язык и изданы такие его произведения, как «Полночь века. Дело Тулаева», «От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера», «Завоеванный город» и др.

Какова же социальная природа Сталинского тоталитаризма? На мой взгляд, она коренится в двойственной природе бюрократии, составляющей его социальную базу. Эта двойственность во многом раскрывает «тайну» функционирования Сталинского режима власти. В частности, она объясняет и многие, на первый взгляд, противоречивые и непонятные явления Сталинской политики, включая, странный на первый взгляд, феномен ее массовой поддержки. Поясним более подробно данное явление.

Несмотря на распространенное среди марксистов мнение о бюрократии как самостоятельном классе общества (за рубежом его разделяли Бруно Рицци, Макс Шахтман, Милован Джилас, Тони Клифф и др.; у нас – эту позицию отстаивают Г. Водозадов, А. Колганов и др.), она, на мой взгляд, не является таковой. Бюрократия всегда выполняет (хорошо или плохо) обслуживающую социальную функцию в обществе. Если у власти стоит рабочий класс, она, чтобы жить и функционировать, вынуждена считаться с его интересами, если у власти – буржуазия, то бюрократия обслуживает ее классовые интересы. Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий властвующей касты. В этом плане советская бюрократия была вынуждена, с одной стороны, охранять интересы трудящихся, которые взяли власть в ходе Октябрьской революции, т.е. охранять национализированную экономику, плановое хозяйство, власть Советов, с другой – подтачивать корни революции с помощью постепенного разрастания своих привилегий, усиления бюрократизма, незаконных массовых репрессий, направленных, как правило, против лучших представителей советского народа.

Почему же тоталитарный режим Сталина так долго существовал в СССР и почему в народе сохраняется высокий рейтинг его создателя? Ответ на этот вопрос также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохраняла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику и общественный строй, возникший в ходе Октябрьской революции.

Кстати, сегодня эта функция сталинского режима власти кажется верхом справедливости на фоне современной экономической разрухи, произвола коррумпированного чиновничества и безудержной жадности олигархов, представляющих новую российскую буржуазию. Отсюда вытекает и современный высокий рейтинг личности самого Сталина, боровшегося не только с политической оппозицией, но и с разными представителями криминальной среды, включая уголовников и чиновников – коррупционеров.

Двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в истории: в частности, такие противоречивые действия Сталина, как публичное восхваление Ленина и личное враждебное отношение к нему, его защита нэпа в 1920–е гг. и фактическое возрождение политики «военного коммунизма» в ходе насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч революционеров–интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне Второй мировой войны и т. д., и т. п.

Как уже отмечалось, Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь также был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и ликвидировать ее социалистическую и гуманистическую направленность. В этом смысле деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила идеалам Октября. Поэтому не следует смешивать сталинизм, или сталинский тоталитаризм, с сутью советского общественного строя, основы которого были заложены Октябрьской революцией, политической деятельностью Ленина и его ближайших соратников.

Было бы грубейшей ошибкой, вообще, отождествлять понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм – это не

только извращение социализма: он его прямой антипод. Говоря философским языком – сталинский режим власти – это реакционная форма политической надстройки, поднявшейся над исторически прогрессивным строем создаваемого социалистического общества. По мнению известного философа А.П. Бутенко, сталинизм это – «особо опасная форма насилия над историей, когда в жертву высокой и благородной цели – социально справедливому обществу – посредством социального волюнтаризма приносятся жизни и судьбы миллионов»¹

С точки зрения главного идейного и политического противника Сталина Льва Троцкого двойственный характер бюрократии и сталинизма в Советском союзе не мог проявляться бесконечно долго. Он считал, что если не произойдет полной ликвидации тоталитарного сталинского режима в ходе политической революции, то бюрократия рано или поздно разменяет свою власть на собственность, превратившись в тривиальную буржуазию. В этой связи он очень точно и подробно нарисовал картину таких возможных изменений. Позднее она полностью совпала с теми событиями, которые произошли в нашей стране в 1990–е годы. В частности, Троцкий писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию»².

О различии сталинского и гитлеровского режимов власти

Вместе с тем, непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм ничем не отличается от гитлеризма. Некоторые из них даже утверждают, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» советской³. Конечно, с формальной стороны и по своей кровожадно-

¹ См.: Бутенко А.П. Наука, политика, власть. Воспоминания и раздумья. М., 2000. С. 261.

² См.: Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. // Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. № 36–37.

³ Цит. по: Стивен Коэн. Почему распался Советский Союз? // Свободная мысль, № 3, 2008. С. 186.

сти эти два тоталитарных режима во многом похожи друг на друга. Не случайно министр иностранных дел Германии Риббентроп, побывавший в СССР накануне войны, говорил о том, что он в Москве попал в родственную компанию политиков. Мало чем отличались политические действия этих режимов и внутри государства. И там, и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В то же время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы: почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему развитые демократические государства в конечном итоге выступили на стороне СССР, воевавшего против фашистской Германии, предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные антисталинисты в лице троцкистов и их главного лидера Троцкого выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность понять принципиальное различие сталинского и гитлеровского тоталитарных режимов власти.

Столкновение этих двух типов тоталитаризма было обусловлено прежде всего противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, со временем узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Вот откуда его массовая поддержка со стороны советских людей, сохраняющаяся до сих пор. Что касается гитлеровского режима тоталитарной власти, то он возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой.

Здесь можно согласиться с выводом Александра Зиновьева, считавшего, что Вторая мировая война в итоге «переросла в войну социальную» и «коммунизм вышел победителем из нее»¹.

Социально-классовая противоположность режимов Гитлера и Сталина во многом объясняет факты поощрения агрессивных дейст-

---

¹ См.: Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000. С. 230.

вий Гитлера со стороны западных демократий накануне войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны немецкого фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера не был расистом, он все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал волосы своих жертв спальные матрасы и не выделял из кожи заключенных абажуры¹.

Что касается таких последовательных противников сталинизма, как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не их компромиссом со Сталиным, а стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской революцией.

В этой связи, совершенно очевидно тождество таких понятий как «сталинизм» и «тоталитаризм». Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, сталинский тоталитаризм стал причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм – это во многом следствие сталинизма, который нанес незаживающую рану всему левому движению. Не случайно данную ситуацию постоянно используют противники социализма в своих идеологических и политических целях.

*Был ли сталинизм неизбежным явлением
в советской истории?*

Данный вопрос часто подымается среди левых историков и обществоведов. Удивительно, что даже у последователей выдающегося марксистского философа и, насколько мне известно, принципиального антисталиниста Э.В. Ильенкова, этот вопрос до сих пор не снят с повестки обсуждений. При этом часть из них прямо утверждает, что сталинизм был необходимым и неизбежным явлением в советской истории. Главный их аргумент состоит в том, что внешняя обстановка, необходимость индустриализации и коллективизации

---

¹ См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 2-х томах. М., 1954.

страны якобы требовали жесткого руководства и такое руководство было реализовано «железной рукой» Сталина. По их мнению любой на месте Сталина делал бы тоже самое, будь то, например, Ленин, Троцкий, или Бухарин.

Скажу прямо, я категорически не согласен с подобной трактовкой сталинского феномена в советской истории, как раз потому, что не вижу фатальной необходимости тоталитарного режима власти в Советском Союзе. Тоталитаризм – это, прежде всего репрессивный режим политической власти, создающий и уничтожающий своих врагов в лице любой оппозиции, будь то правые, или левые. Он действует, как правило, по логике физического уничтожения своих противников, а не по марксистской логике преобразования экономических условий существования классов.

Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение отдельных представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Сталинский тоталитаризм, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее, например, из периода гражданской войны в мирное время. Именно так и поступал Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму. Исходя из этой ложной концепции, он считал, например, целесообразным проводить «политику чрезвычайщины» даже в сугубо мирное время, что, кстати, не допускал Ленин, считая, что после окончания гражданской войны, только суд может выносить свои приговоры о виновности или невиновности граждан перед обществом.

На самом деле, классовая борьба не может и не должна сводиться только к физическому насилию, приводящему к массовой гибели людей. Существует много различных форм государственного принуждения, не требующих их физического истребления. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов ГУЛАГа, которые были осуществлены сталинским режимом власти. Повторю, никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был прямым следствием отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных и коллективистских традиций в управлении обществом. Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от двух войн и революции, конечно,

сыграли свою определенную роль в возникновении сталинского режима власти, но их нельзя абсолютизировать, тем более они не могут оправдывать незаконные массовые репрессии, присущие сталинизму.

Люди не только рабы существующих условий, они могут эти условия познавать и изменять. Именно это Ленин имел ввиду, когда предлагал совершить в нашей стране настоящую культурную революцию, означающую не только ликвидацию безграмотности, но и органическое усвоение всех прогрессов капитализма, начиная с техники и кончая культурой. Ленин последовательно добивался раскрепощения труда путем добровольной его кооперации и ликвидации его принудительного, наемного характера. Что касается Сталина, то он пошел иным путем, путем насильственного принуждения людей к труду. Тем самым, он полностью дискредитировал идею социализма, связанную с освобождением труда, которую разделяли и разделяют все подлинные марксисты и социалисты.

Нельзя принять и тем более оправдать сталинизм и по сути идеологическим соображениям. Дело в том, что идеология сталинизма была далекой от марксистской науки, она, скорее всего, напоминала светскую религию, прикрывающуюся марксистской терминологией. Об этом, прежде всего, говорит и культ личности Сталина, который он в отличие от Маркса и Ленина, всячески инициировал и поощрял. В этой связи достаточно прочесть его редакционные заметки на тексте «Краткого курса истории ВКПб», в которых он неоднократно восхвалял самого себя. Мало того, поощряемый им культ «вождя всех народов» подчас принимал откровенно религиозный характер. Я, будучи мальчишкой, помню, как на праздновании 70-летия Сталина в Москве был поднят на аэростате его портрет в форме светящегося куба. Видная со всех сторон это была гигантская объемная икона человека-бога. Никакая религия не додумалась превратить в своеобразный храм столицу страны и ее небо, а сторонники Сталина додумались.

Преодоление сталинизма

Не смотря на тотальный и длительный характер сталинского режима власти, он все-таки не сумел переделать в своем духе всех советских людей. Это хорошо прослеживается на его исторической судьбе.

В 1950–е гг. наступает исторический предел его функционирования и развития. Взяв, в свое время, вверх над демократической ленинской традицией, он был вынужден, в конце концов, сойти с исторической сцены. Чтобы двигаться вперед, советской стране нужно было вобрать в себя плоды начавшейся в мире научно-технической революции, размагнитить и освободить головы людей от прежних идеологических догм, осуществить на деле демократизацию общества. Однако выращенная Сталиным государственно-партийная номенклатура всячески этому сопротивлялась. Отсюда и возникла необходимость в XX съезде партии, который нанес по этому режиму сокрушительный удар, приступив к восстановлению ленинской модели социализма с ее демократическими нормами партийной и государственной жизни.

XX съезд во многом вернул изначальный смысл социалистической идее, искаженной теорией и практикой сталинизма. Решения съезда имели большой нравственный смысл, возвращавший людям веру в правду и справедливость. Было положено начало радикальным преобразованиям тоталитарной системы, обеспечению гражданских прав советских людей, реформированию и демократизации существующей политической системы. Характерно, что это сегодня не хотят замечать ни коммунистические, ни либеральные фундаменталисты. Первые даже пошли на то, чтобы дезавуировать решения этого съезда.¹ Однако прогрессивное значение XX съезда компартии Советского союза невозможно ликвидировать уже никому. Его решения привели к улучшению жизни миллионов людей, положили начало активной социальной политике и освобождению духовной жизни народа. Наступил период, названный в народе «оттепелью». Он привел к либерализации политики и культурной сферы. В этот период наблюдается резкий взлет науки и искусства: именно тогда возникло знаменитое поколение «шестидесятников», внесших существенный вклад в развитие литературы, поэзии, кино и др. видов искусства.

В истории советской страны найдется немного документов, которые сыграли решающую роль в ее продвижении к свободе и демократии. Среди них одно из первых мест, безусловно, занимает доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях». Несмотря на свое малоговорящее название, он стал значительной вехой не только в советской, но и всемирной истории. В

---

¹ См.: соответствующую резолюцию съезда СКП–КПСС.

этом докладе не только осуждался «культ личности» Сталина: в нем впервые в советской истории было откровенно сказано о том, к каким трагедиям и человеческим жертвам может привести политика, игнорирующая ленинское идейное наследие и сугубо научное понимание социализма. Особенно, нельзя забывать, что доклад Н.С. Хрущева и принятые на его основе решения съезда привели на практике к реабилитации сотен тысяч советских граждан. После этого съезда началось настоящее освобождение общественного сознания от догм и идеологических стереотипов сталинской эпохи, возникла всеобщая демократическая атмосфера в общественной и культурной жизни страны.

Что же касается «родимых пятен» сталинизма, оживших в годы «застоя», то их полностью ликвидировала Перестройка, показавшая на деле, что «социализм» и «демократия» во многом родственные понятия. Достаточно в этой связи вспомнить ее основной лозунг: «Больше социализма – больше демократии!». Раскроем эту мысль подробнее.

До сих пор бытует мнение, что у перестройщиков и их лидера не было никакой идеологии, никакой стратегии обновления советского общества. В свое время данную точку зрения наиболее наглядно выразил писатель Ю. Бондарев, сравнив перестройку с самолетом, который не знает куда лететь и где произвести посадку. Сегодня аналогичные взгляды высказывают многие критики перестройки справа и слева, считая ее «ездой в незнаемое». Тем не менее, с моей точки зрения, эти взгляды далеки от объективности. Они верны лишь в той части, что теория перестройки не могла появиться сразу в готовом виде в голове ее инициаторов, а вырабатывалась постепенно на основе практического движения. Однако уже к концу 1988 года концепция перестройки, в основном, сложилась, что позволяло ее сторонникам с полным сознанием реформировать общество.

Это подтверждается многими официальными и неофициальными материалами и документами перестройки. Приведу в этой связи малоизвестный факт, связанный с написанием и подготовкой к изданию брошюры М.С. Горбачева «О социализме». Так, в августе 1988 года в разговоре со своим помощником Горбачев говорил, что он категорически не согласен с теми, кто утверждает, что мы не имеем теории и политики перестройки. При этом он подчеркивал: «Мы их имеем. Суть их в том, чтобы раскрыть потенциал социалистического строя, освободиться от деформаций, последствий культа, застойного

периода, от всего того, что тормозило и мешало развитию социализма и привело к тяжелой предкризисной ситуации все наше общество.

Сердцевина нашей нынешней концепции в том, чтобы вернуть человека как главное действующее лицо в политический процесс, в экономику, в духовную сферу, до конца довести работу, которую начал Октябрь 1917 года. Преодолеть полосу отчуждения человека от производства, от власти, от культуры. Из этого вытекала необходимость перестройки, демократизации гласности, а затем и политической реформы, иначе говоря, необходимость коренного пересмотра политической системы, коренных изменений в промышленности, на транспорте, в торговле, в бытовом обслуживании».¹ Примечательно, что в этом разговоре М. Горбачев называет перестройку «нашей новой революцией», совершившей «прорыв» не только в практике, но и «в области общественной мысли, в теории».

Исследуя эволюцию и политическую направленность процессов перестройки, приходишь к выводу о том, что к концу 1980-х годов обновленческие процессы советского общества обрели во многом социал-демократический характер. Об этом свидетельствуют не только многочисленные контакты Горбачева с лидерами европейской социал-демократии (см. его встречи с Брандтом, Лафонтемом, Гонзалесом и др.), не только сотрудничество КПСС и социал-демократических партий по вопросам войны и мира, стратегии и тактики международного рабочего класса, но и многочисленные результаты самой перестройки.

Историческая истина не нуждается ни в улучшении, ни в ухудшении. Теория перестройки, на наш взгляд, развивалась в рамках концепции раскрытия демократического «потенциала социалистического строя», «социалистической перспективы» или «социалистического выбора». В одной из диктовок своей статьи М.С. Горбачев говорил, характеризуя идейные искания последних лет перестройки: «В чем только не ищут выхода? И в восстановлении полностью порядков, существовавших при царе, включая монархию. И в возрождении духовности только на один манер – через передачу монополии на духовность церкви, религии. И в насаждении капиталистических порядков, что называется, «в чистом виде», где каждый за себя, и

---

¹ Разговор Горбачева с Черняевым насчет брошюры «О социализме», 7 августа 1988 года. Крым, Форос, дача «Заря». Архив Горбачев-фонда. Фонд № 2. Материалы А. С. Черняева. Оп. № 2.

слава тому, кому улыбнется удача, а остальные пусть выкарабкиваются, как смогут.

Иронизируют по поводу социалистического выбора, не видя того, что отторжение социализма в массовом сознании произошло потому, что социализм предстал в образе сталинизма. Но это – явление преходящее. И следующее поколение наверняка вернется к этой великой идее и надежде. Право и обоснованность этой идеи, ее укорененность в объективной логике человеческой истории признают даже антикоммунистические авторитеты – крупные ученые, известные философы»¹. Актуальны эти слова и сегодня.

На мой взгляд, заслуга перестройщиков, прежде всего, состояла в том, что они раньше других это осознали, начав обновление советского общества на началах демократии и гуманизма. По сути дела, они начали трансформировать авторитарный социализм брежневской эпохи в демократический социализм. Им многое удалось сделать на этом пути: провести окончательную амнистию незаконно репрессированных граждан, осуществить свободу слова, отменить цензуру, ликвидировать остатки тоталитаризма в методах руководства страной, реализовать плюрализм в политической и духовной сферах, наладить альтернативные парламентские выборы, разрешить свободный выезд граждан за границу, отодвинуть угрозу ядерной войны и т.д.

В этом смысле перестройка была настоящим прорывом к свободе советского общества. Она фактически продолжила демократические и социалистические преобразования, начатые Октябрьской революцией и прерванные сталинизмом. Очень жаль, что некоторые из тех, кто ее осуществлял в свое время, сегодня под влиянием политической конъюнктуры от нее отказываются или трактуют ее в сугубо неолиберальном ключе. Но это их дело, дело их совести, или ее отсутствия. Автор данной статьи, напротив, во многом остается поклонником этого подлинно демократического периода в развитии нашей страны, – своеобразной политической весны советского общества, пришедшей на смену заморозкам брежневского неосталинизма.

Несмотря на силовое прекращение перестройки во время путча и последующего прихода к власти радикал-либералов во главе с Борисом Ельциным, она сумела доказать возможность реального суще-

---

¹ См.: Там же. Архив Горбачев-фонда. Запись А.С. Черняевым диктовки статьи М.С. Горбачева. 02.08.1991 г.

ствования в советской истории демократического социализма. Коротко говоря, *шесть лет перестройки показали, что не тоталитаризм, а демократия и свобода наиболее адекватны обществу реального социализма.*

Именно поэтому меня никогда не удовлетворяло стремление правых и левых радикалов, неолибералов и неосталинистов, намертво связывать тоталитаризм с социализмом и всей советской историей, начиная с Октября 1917 года и кончая перестройкой. Я до сих пор убежден, что понятие «тоталитаризм» нельзя переносить на совершенно различные периоды нашей истории. Повторю еще раз: одно дело советская власть при Ленине, другое при Сталине, одно дело хрущевская «оттепель», другое брежневский неосталинизм. Не вмещается в это понятие и горбачевская перестройка, суть которой во многом состояла в отрицании и преодолении пережитков сталинского тоталитаризма.

К сожалению, по данным социологии, около половины российских граждан сегодня желает вернуться к сталинским порядкам. Чем это объясняется? Как уже отмечалось, это прямое следствие современных радикальных реформ неолиберального толка, породивших невиданную социальную поляризацию и криминальный беспредел в обществе. Парадоксально, но люди ищут альтернативу этим явлениям не в развитии подлинной демократии, а в сталинском тоталитаризме, заложившем в середине XX века многие предпосылки перехода к современному дикому или варварскому капитализму.

Любопытна и характерна в этом плане современная реакция властей на «массовый неосталинизм». Боясь роста революционных настроений в российском обществе, они решили осуществить еще одну «десталинизацию» таким образом, чтобы искоренить из памяти людей все советское прошлое, начиная с Октябрьской революции и кончая перестройкой. Так, в частности, с идеей подобной «десталинизации» выступил недавно Совет по развитию гражданского общества и правам человека при президенте РФ. При этом члены данного Совета никак не хотели считаться с тем фактом, что реальная десталинизация уже была проведена XX съездом партии и позднее в ходе перестройки. По их же странному мнению, тогда она проводилась «кусочками», а «системно и масштабно никогда ничего не делалось».¹

---

¹ См. газету «30 Октября». №101. 2011. С. 1–2.

Почему же сегодня так негативно оцениваются меры, позволившие реабилитировать сотни тысяч невинно осужденных и репрессированных граждан, навсегда покончить с ГУЛАГом? Оказывается потому, что процесс десталинизации не стал процессом «десоветизации» и «декоммунизации» российского общества, что является, по-видимому, одной из главных целей нынешней власти.¹ Парадоксально, но факт: ее идеологи сегодня хотят сделать то, что не удалось даже Сталину, т.е. покончить с ленинской революционной традицией в стране.

В этой связи, хочется им напомнить, что, несмотря на то, что сталинизм в свое время глубоко деформировал социалистическую тенденцию в СССР, он не мог ее уничтожить до конца потому, что она выражала коренные интересы миллионов трудящихся советской страны.

Как уже отмечалось, она всегда существовала в СССР не благодаря, а вопреки сталинизму, точнее, в постоянной и незатихающей борьбе с ним. Поэтому методологически ошибочно подменять сталинизмом всю советскую действительность, что постоянно делают как «неистовые» сталинисты, так и социально ангажированные критики СССР на Западе и в современной России. При этом они не понимают, а точнее не хотят понять одного: *в ходе Октябрьской революции и гражданской войны российский народ сделал свой исторический выбор, определивший на многие десятилетия социально-экономический строй советского общества. Ни Сталин, ни какой-либо иной диктатор не мог его радикально изменить. Его можно было деформировать, извратить, исказить, но не ликвидировать.* Как

---

¹ Интересно, что по этому поводу говорили члены рабочей группы, созданной вышеназванным Советом А. Рогинский и С. Караганов. По их мнению, во имя «национального примирения» (!?) нужна новая «десталинизация», которая позволит перезахоронить тело Ленина, изменить названия городов и улиц, связанные с именами известных революционеров, ввести запрет на профессии для чиновников, сомневающих в количестве жертв репрессированных в годы сталинизма, и т.д. Символично, что подобные предложения выдвигали в свое время представители белоэмигрантского НТС. Один из его современных симпатизантов историк А. Зотов пишет: «Десталинизация – это частный случай декоммунизации. То есть мы должны искоренить не только положительные переживания Сталина, но, скажем, и положительные переживания Ленина и его подручных». См.: Зотов А. Декоммунизация, а не десталинизация. // Русский журнал. Май–Июнь. 2011.

Гитлер паразитировал в рамках буржуазного строя, не изменяя его частнособственнической природы, так и Сталин мог реализовать свою личную диктатуру лишь на базе общественной собственности, планового хозяйства, других революционных завоеваний Октября. Безусловно, его самовластная политика глубоко деформировала советское государство и общество, но она не могла уничтожить социальный выбор народа, сделанный в Октябре 1917 года. Он мог быть изменен лишь самим народом или с его молчаливого согласия, что и случилось на рубеже 1990–х гг.

Историческая истина конкретна. За рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с подлинной демократией, рожденной Октябрьской революцией, с противоречивой политикой «военного коммунизма», со своеобразным либерализмом нэпа, с такими политическими режимами, как авторитарно-демократическое правление Н. Хрущева, авторитаризм Л. Брежнева и переход от него к демократии времен горбачевской перестройки.

Таким образом, многообразная и противоречивая действительность советской истории полностью опровергает однолинейную логику рассуждений современных сторонников тоталитарной концепции советского общества и его истории. По сути дела, последние лишь возрождают идеологизированные оценки советологов времен «холодной войны», которые выглядят настоящим монстром в наше время.

К сожалению, определенную идеологизацию истории советского общества допускала не только буржуазная советология, но и официальные идеологи в СССР. Возвеличивая на словах автора «Капитала» и его диалектический метод, они сами почти никогда не использовали этот метод для анализа противоречий и перспектив развития советского общества. Их вполне устраивал сугубо идеалистический подход, лежащий в основе официальной партийной пропаганды. На седьмом десятке лет существования советской власти это был вынужден косвенно признать Ю. Андропов, сказав, что «мы не знаем общества, в котором живем». Об этом же свидетельствуют и известные выводы официальной партийной науки «о полной и окончательной победе социализма в СССР», «о построении материально-технической базы коммунизма», «о создании развитого социализма» и др. Несостоятельность и утопичность этих «выводов» и оценок была очевидна для отдельных марксистов еще при советской власти.

Тем не менее, они продолжали навязываться общественному и индивидуальному сознанию.

Как правило, они постулировались в программных партийных документах как нечто должное и обязательное для распространения. Однако, на самом деле они являлись результатом полного игнорирования диалектико-материалистической философии и теории социализма. Так, эта философия требовала при формулировании исторических оценок всесторонне учитывать конкретный уровень развития материальных возможностей социалистической системы, а теория социализма настаивала на непременно реалистическом понимании соотношения классовых сил в мире. Из этого следовало, что, по меньшей мере, было преждевременно делать вывод «о полной и окончательной победе социализма в СССР», особенно в условиях сохранения мировой капиталистической системы, которая технологически и организационно намного превосходила страны, входящие в социалистическую систему. Было ясно и то, что в условиях сосуществования двух классово противоположных мировых систем, полностью сохраняется переходный характер нового общества и связанный с ним известный ленинский вопрос: *«кто – кого: социализм или капитализм?»*. Понятно, что без решения этого вопроса выводы «о полной и окончательной победе социализма» оставались в сфере сугубо желаемого, а не реального бытия.

Нельзя было также говорить и о наступлении «развитого социализма», тем более, «о создании материально – технической базы коммунизма» в условиях, когда мы троекратно отставали от США по производительности труда и освоению результатов НТР. Напомним, что в 1960–е и 1970–е гг. уровень физического труда в СССР составлял в промышленности приблизительно – 50%, а в сельском хозяйстве – 70%. Очевидно также, что коммунизм и доминирование физического труда в обществе – противоположные вещи. СССР также существенно отставал от западных стран по качеству товаров массового спроса, бытового обслуживания населения, решению жилищного вопроса и т.д. Но самое главное: в советском обществе сохранялись наемный труд и рабочее время, существовало отчуждение в экономике, социальной и политической сферах. Непонимание этих и других ключевых проблем марксистской теории социализма, подмена их решения чисто пропагандистскими средствами стало, на наш взгляд, одной из причин падения КПСС и Советской власти.

Здесь методологически важно подчеркнуть одно: для Маркса, как и для Ленина, социализм никогда не был обществом, в готовом виде падающим с неба. Возникнув благодаря Октябрьской революции в многоукладной стране, он мог быть лишь переходным, или становящимся обществом.¹ В таком обществе сохранялись тенденции (уклады) прошлого и нарождались новые элементы будущего. За теми и другими элементами естественно стояли определенные социально-политические силы. Их нужно было увидеть, понять и наладить взаимодействие в интересах общества как целого. Главный вопрос состоял в следующем: как сделать так, чтобы новые тенденции одержали победу над старыми, превратив отсталую буржуазную Россию в передовую социалистическую страну? Поэтому вся советская история представляет собою своеобразную переходную эпоху. К сожалению, она и сегодня не адекватно понимается и в силу этого безмерно идеологизируется.

Культура как зеркало советской действительности

Одной из таких новейших идеологизаций является, например, позиция некоторых философов и культурологов, связанная с игнорированием или отрицанием не только социалистических начал в СССР, но и всей многонациональной советской культуры, которую они фактически подменяют дореволюционной или зарубежной русской культурой².

Отказываясь видеть социалистическую тенденцию в советской действительности, они также отказываются видеть и особенный характер советской культуры, в которой эта тенденция проявлялась. Если они и говорят о своеобразии советской культуры, то только в уничижительном плане, сводя ее полностью к произведениям вульгарно понятого соцреализма.

Но так ли это на самом деле? Думается, что совсем не так. На мой взгляд, основная методологическая ошибка этих теоретизирующих идеологов состоит в том, что они полностью отождествили сталинизм с советской действительностью, а догматически понятый

---

¹ В этой связи Ленин прямо говорил об учете в политике «промежуточных ступеней социализма». См.: Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т. 44. С. 475.

² Об этом могут свидетельствовать выступления некоторых участников конференции, посвященной творчеству А.В. Луначарского в музее Маяковского 29 февраля 2012 г.

соцреализм со всей советской культурой, литературой и искусством. На самом деле советская действительность и ее 70-летняя история, как уже отмечалось, намного шире, чем сталинизм, являющийся все-таки ограниченным во времени режимом политической власти и идеологии, не более того. То же самое можно сказать и о достижениях советской культуры, литературы и искусства: они гораздо многообразнее, чем те отдельные заидеологизированные произведения соцреализма, которых, вообще, трудно отнести к высокой культуре. Тем не менее, нам думается, что вкусовые предпочтения здесь не должны подавать совет.

Не устаю повторять, сталинский тоталитарный режим был, безусловно, антиподом социализма, но для того, чтобы закрепиться в советской действительности, он был вынужден приватизировать, а иногда и защищать явно противоречащие ему ленинские идеи и те завоевания Октября, которые на деле были первыми живыми ростками социализма и коммунизма. Эти «ростки» проявлялись в ходе гражданской войны, присутствовали как уклад в экономике, воплощались в массовом социальном и культурном творчестве 1920-х годов, зарождались в «коммунистических субботниках», на «комсомольских стройках» 1930-х, 1950-х и 1960-х гг., реализовались в победоносной войне с фашизмом, в решениях XX съезда партии, нанесших сокрушительный удар по сталинизму. Их можно наглядно увидеть в политике «оттепели» и деятельности «шестидесятников», в советской космической эпопее, в противоречивых явлениях застойного времени, наконец, в не понятых и недооцененных до сих пор демократических преобразованиях перестройки, которую часто отождествляют с постперестроечным временем с его «шоковой терапией» и всеобщим обнищанием абсолютного большинства советских людей.

Советская культура потому и вошла в мировую культуру, что глубоко и блестяще отразила эти невиданные раньше исторические явления и процессы. По справедливому мнению культуролога Людмилы Булавки, советская культура стала «идеальным» проявлением того принципиально нового общества, которое создавалось борьбой и трудом советских людей.¹ Это был их настоящий исторический подвиг. Именно этих людей нынешние либералы, по известным

---

¹ См.: Булавка Л.А. Коммунизм возвращается. Маяковский. // Альтернативы. №2. 2006.

идейным причинам, презрительно называют «совками». Но, суть дела в том, что без них не было бы ни поэмы «Двенадцать» А. Блока, ни стихов Маяковского и Есенина, ни «Тихого дона» М. Шолохова, ни произведений Бабеля и Платонова, ни «Броненосца Потемкина» Эйзенштейна, ни песен военных лет, ни раннего творчества А. Солженицына, ни «Теркина» Твардовского, ни правдивой лейтенантской прозы о войне, ни таких кинофильмов, как «Чистое небо», «Девять дней одного года», «Летят журавли», «Коммунист», ни пьес Розова, Шатрова и Гельмана, ни скульптур Мухиной и художественных полотен Б. Неменского, ни фантастических романов И. Ефремова, ни философских произведений М. Лифшица, Э. Ильенкова, А. Зиновьева и т.д.

Гуманизм советской культуры и литературы, ее идейная направленность и жизненная правдивость притягивают сегодня к ней миллионы людей. Надо быть слепцом или идейно ангажированным человеком, чтобы этого не замечать. Став своеобразным зеркалом советской действительности, эта культура наглядно показывает, что сталинский тоталитаризм, как бы не хотели этого некоторые политики, философы и идеологи, не может заслонить, и тем более подменить собою сложную и противоречивую советскую историю. Он лишь часть этой истории, притом такая ее часть, с которой постоянно вели борьбу Ленин и преданные социализму советские люди, где бы они не находились, на воле, или в Гулаге, в стране, или за границей. История в их лице, конечно, одержала моральную победу над сталинизмом.

Уроки и перспективы

Тем не менее, несмотря на достижения и прогрессивный характер советской культуры, государство, в которой эта культура нашла свое неповторимое и емкое выражение, все-таки сошло с арены истории. Вместе с ним прервался и первый в истории социалистический эксперимент. Опыт истории показал, что рожденная в его недрах модель реального социализма не смогла выдержать конкуренции с мировой системой капитализма. Глубинные причины этого еще полностью не осмыслены, но уже понятно, что строители нового общества не сумели сделать то, что должны были сделать по требованию марксистской науки. В частности, они не смогли на деле реализовать ленинские «критерии социалистичности», связанные с достижением наивысшей по миру производительности труда, обеспечить

на этой основе более высокий, чем на Западе жизненный уровень народа, добиться всеобщей демократии и самоуправления трудящихся, своевременно отказаться от тех догм советской идеологии, которые воспроизводили ложную картину реальной жизни. Но главное: они не сделали своим основным приоритетом формирование свободной и творческой личности, как необходимого условия полного освобождения и прогрессивного развития советского общества.

С моей точки зрения, политической причиной падения социализма в СССР было отчуждение правящей коммунистической партии от народа.¹ В итоге, она не смогла осуществить свои стратегические цели, связанные с созданием полноценного социалистического, а затем и коммунистического общества. Таков серьезный урок советской истории. Тем не менее, как говорится, «еще не вечер». Проигрыш битвы за социалистические и коммунистические идеалы в отдельно взятой стране еще не означает проигрыша всей всемирно-исторической кампании за реализацию этих идеалов. Мировая история в этом смысле не может успокоиться, пока не осуществит все заложенные в ней возможности создания свободного общества. А коммунизм, если его понимать как родовое явление, есть реальная возможность такого общества. В чем его сила и универсальность? В том, что его требует сама жизнь, ее прошлое, настоящее и будущее.

К сожалению, общепринятое понимание коммунизма сложившееся в отечественном, в том числе в марксистском обществоведении, сводится, как правило, к его экономическому пониманию. На наш взгляд, этого явно недостаточно для научного представления о нем. Не следует забывать, что для Маркса именно «человеческое», или точнее «свободное человеческое общество», которое он отождествлял с коммунизмом, было его основной точкой зрения на мир и историю².

Дело в том, что ростки коммунизма всегда существовали в истории в форме различных единичных или особенных явлений. Прежде всего, это происходило там, где отношения людей носили не вещный, а человеческий характер, где люди не противостояли друг другу как классовые индивиды, или агенты рыночных отношений, а дополняли друг друга, создавая, например, соответствующие общины,

¹ Достаточно в этой связи напомнить, что после фактического запрета КПСС Б. Ельциным и организованного суда над ней, ни один трудовой коллектив, ни одна партийная ячейка не выступили открыто в ее защиту.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 42. С. 266. Т. 49. С. 47.

союзы и организации. Своеобразные зародыши будущего коммунистического общества можно увидеть сегодня в самоуправляющихся предприятиях с собственностью работников, в различных объединениях людей по научным и культурным интересам и т.д. Что касается коммунистической личности, то ее прообраз можно наблюдать в каждом поистине свободном и всесторонне развитом человеке, примеры которого можно встретить не только в времена Возрождения и Просвещения, но и в наш сугубо коммерческий, специализированный и компьютерный век. Именно подобные люди могут составить ту будущую свободную ассоциацию, о которой мечтали и говорили авторы Коммунистического манифеста.

Однако проблема здесь состоит в том, что эти реальные, но единичные факты общественного развития противоречили и противоречат до сих пор тем историческим формам общества, которые основаны на эксплуатации и отчуждении миллионов людей от труда, средств производства, власти и культуры. Разрешить это противоречие, т.е. создать общество, где «свобода каждого была бы условием свободного развития всех» и есть задача истории, впервые понятая именно марксизмом. В этой связи, не случайно историческую миссию рабочего класса Маркс выводил из его протеста против античеловеческих и чуждых ему условий существования в буржуазном обществе. Он считал этот протест закономерным следствием «возмущения, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы».¹ Отсюда и его отождествление коммунизма с «реальным гуманизмом», чего никак не могут понять некоторые не в меру «ортодоксальные» марксисты.

Надо признать, что первые попытки решения этой исторической задачи оказались несовершенными, но от этого сама задача не перестала быть актуальной. Более того, в современных условиях достаточно высокого уровня образования и активности трудящихся она прямо стучится в двери истории. Уже очевидно, что наличие сословий, классов, рыночных отношений, как правило, уродует общественную природу людей, делает их враждебными друг другу, превращает их в частичных, а иногда и просто глупых индивидов, видящих смысл жизни в таких суррогатах общественности, как деньги, вещ-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 39.

ное богатство, алкоголь, наркотики и т.п. В тоже время нельзя забывать, что настоящая эмансипация человека связана с «возвращением» ему его общественной или «человеческой природы».

Разрабатывая свой социальный и гуманистический идеал, Маркс писал, полемизируя с буржуазными экономистами: «...Если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Читая эти слова, невольно приходишь к мысли, что они написаны не полтора века тому назад, а сегодня, когда от человека требуется постоянное развитие и духовное обогащение своей личности. Таковы объективные требования современной технологической революции и социального прогресса, которым нужны не столько слепые исполнители команд властвующей бюрократической машины, сколько подлинно свободные, смелые и творческие люди.

Как показывают современные факты социальной борьбы в мире и России, люди не хотят быть вещью, не хотят быть рабами господствующих античеловеческих порядков. Они хотят не словесного, а «реального гуманизма», составляющего суть приближающегося посткапиталистического общества. Этого же требуют как неизмеримо выросшие производительные силы человечества, так и индивидуальные творческие способности, таланты, умения и знания людей.

Все дело за тем, пока неизвестным, политическим авангардом, который сумеет возглавить и осуществить переход к такому обществу.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. 1. С. 476.

Л.А. Булавка

Массы и свобода: творчество *vs* бунт

1920–е гг. были периодом, когда революционные массы заявляли свою субъектность не только в истории, но и в культуре (в искусстве это проявление было незначительным) и осуществлялось это в форме социального творчества. Будучи по своему содержанию особым видом творческой деятельности, а по форме – новым типом общественного движения, социальное творчество было настолько ярким явлением, что его признавали как факт новой исторической реальности даже оппоненты большевизма. Социальное творчество как деятельность революционных масс, связанная с преобразованием общественных отношений, исторически имело несколько названий: «самодеятельность» (Маркс), «живое творчество масс» (Ленин), «историческое творчество масс» (Н.С. Злобин) или как оно стало называться позже – «социальное творчество» (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов¹). В советском же обиходе оно называлось «энтузиазмом».

В сущности, добровольное и ассоциированное социальное творчество (энтузиазм), посредством которого человек, созидая среду общественного обитания, сам формируется как конкретно-культурное выражение *Нового человека* – это и есть содержание социалистической революции. В работах Луначарского особенно прослеживается идея *Нового человека* как сверхзадачи революции: «...революция не принимается за нечто самодовлеющее, абсолютно чуждое искусству; революция никогда не была, не есть и не будет целью, революция есть средство, средство к созданию гармонической культуры, к бесконечному росту сил и красоты человека. Человек – вот цель всех нужных и важных вещей: его совершенство – вот что сияет нам, когда мы думаем, а не прем по-звериному и не «парадоксим»².

---

¹ Понятие «социальное творчество», из которого исходит автор, фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. Ч. 4.

² Луначарский А.В. Об искусстве и революции // Луначарский А.В. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. Эстетика. Литературная критика. Статьи. Докла-

Либеральная позиция рождала другую реакцию и другой ряд ассоциаций: «чернь», бунт», «варварство», «примитивизм», «разрушение», «заурядность». «Для интеллектуала масса – это только что-то темное, чуждое и опасное. «Эти массы, гудящее голодное зверье...»¹ – так писала Зинаида Гиппиус в ноябре 1917 г.

Но за всем этим стояло одно неизменное утверждение – массы способны только на бунт.

А вот как толковал понятие «массы» Ортега-и-Гассет: «Всякое общество – это динамическое единство двух факторов, меньшинств и массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Массы – это множества людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек»². И если массу на индивидуальном уровне представляет «заурядный человек», то элиту – «подлинный человек элиты или человек энергии». Итак, мы видим, что в определении основных категорий своей философии масс Ортега-и-Гассет исходит из идеалистических построений субъективного характера (в данном случае – оценочных отношений).

На основе этого подхода он идет дальше, применяя понятие «массы» уже к целым народам, которые, по его мнению, противостоят «великим творческим народам». И об этом разделении народов Ортега-и-Гассет пишет прямо: «Раз уж наступает «закат Европы» и править Европа не будет, народы и народишки, скачут козлами, кривляются, паясничают или надуваются, пыжятся, притворяются взрослыми, которые сами правят своей судьбой. ... В определенном смысле появляются народы массы, которые решительно восстают против великих творческих народов, против отборного меньшинства, которое создало историю»³. И далее продолжает он: «К чему же это ведет? Европа создала систему норм, ценность и плодотворность которых доказана столетиями... Теперь народ массы отменяет нашу систему норм, основу европейской цивилизации; но так как он не способен создать новую, он не знает, что делать, и, чтобы занять время, скачет козлом»⁴.

ды. Речи. (1903–1928). М., 1967. С. 140.

¹ Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 419.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989 № 3. С. 120.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989 № 4. С. 130

⁴ Там же.

Если отсюда убрать поправку на имя Ортега-и-Гассет, то смысл этого текста обретает ошеломляющую однозначность: есть народы – массы и отборное меньшинство – творческие народы. И если первые не дорастают до понимания той системы ценностей, которая создана избранными народами, то они обречены быть уподобленными прыгающим ...

Вот она «демократичность» избранного меньшинства – ничего не скажешь!

Но, как пытается уверить нас философ: *«Либерализм ...сегодня проявляет небывалое великодушие: свои права, права большинства, он добровольно делит с меньшинствами; это самый благородный жест, когда-либо виданный в истории»*¹.

Т.е. согласно мнению Ортеги-и-Гассет, отборное меньшинство, обладая правами большинства, поднимается до такого великодушия, что добровольно (!) делит их с меньшинствами. Да, барское «благородство» – это также черта избранных.

Исходя из всего этого, нетрудно предположить, что уже сама идея сопряжения понятий «массы» и «творчество» неизменно вызывает активное отторжение со стороны либеральной позиции и обывателя, составляющего его основную базу. Для них бунт есть суть понятия «массы».

Опыт большевиков: столетие актуальности

Поставленная в статье проблема – «творчество масс» может показаться надуманной уже хотя бы по двум причинам.

Первая. Октябрьская революция 1917 г., равно как и возникший на ее основе СССР со всеми его практиками – все это уже, казалось бы, давно осталось в прошлом. На дворе истории уже век глобализации, задающий свои собственные вопросы, среди которых проблема творчества масс – далеко не самый актуальный.

Вторая причина обозначена уже самим названием проблемы: революционные (значит, бунтующие?) массы как творец (такое невозможно в принципе) новой действительности (это совсем непонятно).

Современным интеллектуалом такая формулировка проблемы воспринимается не иначе, как абстракция, идеологический штамп,

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс// Вопросы философии. 1989 № 3. С. 146.

особенно сегодня, когда он все более обреченно поглощается сетями рыночных и бюрократических отношений, в которых для него есть лишь одно измерение – единичность самоотчужденного бытия по ту или другую (это уже неважно) сторону тотального прилавка.

Если говорить уже о самой общественной реальности, то здесь приходится признать, что сегодня в условиях исторической изношенности институтов «представительной демократии» (ее угодливое обслуживание бюрократии и криминального капитала – тому прочное доказательство) формируется тот класс проблем, который по своей значимости является значительно более важным, чем вопрос современного финансового кризиса и нефти. Объективная необходимость разрешения этих проблем рождает как теоретический, так и практический поиск альтернатив тем превратным формам «жизнедеятельности», которые сегодня достаточно жестко навязываются и обществу, и индивиду законами глобального рыночного тоталитаризма.

И сегодня имеется уже целый ряд серьезных теоретических исследований, занимающихся проблематикой социально-экономических и культурных альтернатив, представленных, прежде всего постсоветской школой критического марксизма¹. Кроме того,

---

¹ Вот некоторые работы сообщества «Альтернативы», представляющей школ критического марксизма:

1. Социализм–XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма М., 2009.

2. А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Пределы капитала: методология и онтология.

3. Реактуализация классической философии и политической экономии. М., 2009.

4. Кризис: альтернативы будущего (под ред. А. Бузгалина, П. Линке). М., 2010.

5. М.И. Воейков. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. М., 2003.

6. Мировые кризисы XXI века: принципы, природа, альтернативы, преодоление М., 2009.

7. А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Мы пойдем другим путем. М., 2009.

8. Демократия и рынок: противоречия и альтернативы (под ред. М.И. Воейкова). М., 2009.

9. А.В. Бузгалин. Шансы России в глобальной неэкономике. М., 2003.

10. Стратегия России: общество знаний или средневековье? (под ред. А.И. Колганова). М., 2008.

поиск альтернатив активно ведется и в рамках различных общественных практик, возникающих, в том числе, на основе международного альтерглобалистского движения, новых социальных движений. Эти альтернативы связаны с поиском принципиально новых форм демократии – «grassroots democracy» («демократия корней травы»); новой субстанции развития культуры и природы, освобождающей их от диктата коммерциализации; нового онтологического принципа, предполагающего субъектное бытие индивида, т.е. всего того, без чего невозможно решение такой центральной проблемы современности как самоотчуждение индивида.

Вот почему, обращение к общественным практикам 1920–х гг. и, в первую очередь к тому, что составило их суть – социальному (революционному) творчеству масс, сегодня столь актуально, ибо в свое время это явилось важнейшей предпосылкой в деле преодоления разных форм отчуждения индивида как от истории, так и от культуры.

Надо сказать, что вопрос о значении и роли масс как революционным субъекте был одним из дискуссионных в истории дореволюционных общественных дебатов. По мере развития революционных

-
11. А.В. Бузгалин. Ренессанс социализма. М., 2003.
  12. Социальная экономика: теория и практика. М., 2009.
  13. СССР. «Застой» (под ред. Л.А. Булавки, Р. Крумма). М., 2009.
  14. Человеческий потенциал модернизации России (стратегия опережающего развития 2006) .М., 2006.
  15. 1917–2007: Уроки СССР и будущее России. М., 2007.
  16. Либерализм, социал-демократия, коммунизм: академическая дискуссия. М., 2005.
  17. А.В. Бузгалин, А.И. Колганов Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. М., 2005.
  18. Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория (под ред. М.И. Воейкова). М., 2007.
  19. Застой. Дисконтенты СССР (под ред. Л. Булавки, Р. Крумма) М., 2010.
  20. Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин (под ред. И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офицерова). М. 2011.
  21. Человек. Земля. Космос (под ред. А. Бузгалина, П. Линке). М., 2011.
  22. Застой. Потенциал СССР накануне распада (под ред. Л. Булавки, Р. Крумма)
  23. А.И. Колганов. Что такое социализм. М., 2011.
  24. СССР. Незавершенный проект (под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке). М. 2012.

событий становилось все более понятным, что возможный выход этого субъекта на арену исторических действий будет определять тот общественный контекст, с которым каждому придется считаться и согласовывать свои витальные интересы, образ жизни и масштаб личных перспектив. Понятно, что страх, идущий из надвигающейся угрозы попасть в прямую зависимость от тех, кого «тьмы, и тьмы, и тьмы» (А. Блок), и кого прежде за людей (не то что за граждан) не считали, объективно усиливал классовое неприятие этого нового общественного субъекта, но нарастающий ход истории предотвратить эту тенденцию уже не мог.

И действительно, масштаб и острота общественных противоречий накануне 1917 г. в целом были таковы, что требовали своего незамедлительного и диалектического разрешения. Любые попытки решить их посредством частичной и главным образом, лишь политической модернизации системы лишь ускоряли ее распад.

Ленин же не просто угадал диалектику истории, он задал ей теоретический ход еще до революции.

Прокладывание этой диалектики Лениным и большевиками уже в политической революционной практике задало настолько крутой поворот общественного развития, что многими, причем как слева, так и справа это было воспринято как политический произвол, более того – как насилие над историей. Это вызвало целую лавину обвинений в адрес Ленина и большевиков, якобы взявших курс на разрушение России. Вот лишь некоторые примеры такой реакции.

Василий Розанов: «...Ленин и ленинцы производят государственное и общественное расстройство. Они мутят смутяны, и вводят смуту уже в саму революцию, т.е. ее же явно губят. С приездом Ленина начался явный переворот в революции. Прошли ее ясные дни»¹.

Питирим Сорокин: «...Временное Правительство пыталось управлять демократически, а не деспотически, что требовалось историей. Власть должна была перейти к тем, кто этому повороту не противодействовал. Такой группой стали большевики. Они «гениально» примазались к историческому процессу. Они были рупором конвульсий общества, вызывавшихся войной и голодом. И они победили... Не могли не победить....Вынесенная «маховым колесом» истории – войной и голодом – власть большевиков в это

---

¹ Розанов Вас. Как начала гноиться наша революция // Розанов Вас. Уединенное. М., 2006. С. 162.

время действительно опиралась на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс. Она действительно была солдатско-рабоче-крестьянской»¹.

Иван Бунин: «Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?»² (Из выступления в Париже 16 февр. 1924 г.). А вот какой была реакция Горького на это выступление Бунина: «Бунин умен по природе, достаточно образован. Видеть его в состоянии столь болезненного бешенства и обидно, и противно, и жалко художника. Пропал художник»³.

Но среди идейных противников большевиков находились и те, кто не принимая революции, понимал значение ее масштаба, например, как **Федор Степун:** «Большевизм – «это русские «мозги набекрень» ... и «исповедь горячего сердца вверх пятками»; это исконное русское «ничего не хочу и ничего не желаю», это дикое «улюлюканье» наших борзятников, но и культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискание героев Достоевского. Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма»⁴.

Октябрьская революция вызвала страх и неприятие не только у идейных противников большевизма, но у большей части интеллигенции, даже той, которая в будущем пополнит его ряды. Вот что писал в одном из своих писем М. Волошину в ноябре 1917 г. **Илья Эренбург:** «Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неистовствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возможность – уеду. Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить»⁵. И далее продолжает он: «Вчера стоял, выбор в Уч(редительное) собр(ание)... Проехал патриарх, кропил св(ятой) водой. Все сняли шапки. Навстречу ему шла ро-

¹ Сорокин П. Предисловие. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 946.

² Бунин. И. Миссия русской эмиграции // Великий дурман. М., 1997. С. 132.

³ Горький М. наброски к портретам // Архив Горького Т. XII. М., 1969. С. 242.

⁴ Степун Ф. А. Мысли о России // Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 205.

⁵ Эренбург И. Дай оглянуться. Письма. 1908–1930. М., 2004. С. 88.

та солдат и орал *«Интернационал»*. Где это? Или действительно в аду?»¹

Вообще надо сказать, что среди российской интеллигенции мало нашлось тех, кого надвигающаяся революция не испугала масштабом исторических перемен, и кто мог бы сказать, как А. Блок (*«содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия»*) или как Маяковский – *«Моя революция»*.

Революция с беспощадностью показала, что одно дело любить мужика как образ собственных литературных сочинений, другое дело – уважать в нем право на проявление себя как равноправного гражданина, стремящегося высвободить этот мир от всех форм угнетения, творить его себе на вырост, чтобы жить в нем, выражаясь словами Луначарского, *«выпрямленным»* человеком.

Так что, пока этот мужик оставался согбенным, то его с барским великодушием и в литературе можно было запечатлеть, а когда он начал выпрямляться, и этот мир стал трещать по швам (вот он признак старья), то откуда ни возмись у интеллигента этот классовый окрик – как сметь!

О недопустимости и чрезвычайной опасности революционных масс говорили и писали не только российские противники большевизма, но и некоторые философские авторитеты Запада. В этом смысле показательна позиция известного философа Ортеги-и-Гассета: *«При нормальном общественном порядке масса – это те, кто не выступает активно. В этом ее предназначение. Она появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, – направлял, представлял, организовывал... Она должна подчинить свою жизнь высшему авторитету, представленному отборным меньшинством. ..Стало быть, когда масса претендует на самостоятельную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю о восстании масс»*².

Надо сказать, что Ортега-и-Гассет вообще не понял исторической сущности Октябрьской революции 1917 года. Вот что он писал об этом: *«Вопрос не в том, быть или не быть коммунистом и большевиком. Я не обсуждаю веры, я просто не понимаю, считаю анахронизмом, что коммунист 1917 года производит революцию, тождест-*

¹ Эренбург И. Дай оглянуться. Письма. 1908–1930. М., 2004. С. 88.

² Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 122.

венную тем, какие уже бывали, ни в малой мере не улучшая их, не исправляя ошибок. Поэтому все происходящее в России не представляет исторического интереса; что-что, но это не переход к новой жизни. ...И большевизм, и фашизм — ложные зори; они предвещают не новый день, а возврат к архаическому, давно пережитому, они первобытны»¹.

В его понимании большевизм не приемлем уже хотя бы тем, что он не только порождает человека массы, но выталкивает его на арену истории в качестве главного действующего лица. Его раздражает любая форма активности масс. Это, во-первых. Во-вторых, по мнению Ортеги-и-Гассет, движение «заурядного человека массы» возможно только как движение по вертикали с единственной целью — «занять место элиты». Но социальное творчество масс — это движение вне вертикальных иерархий, ибо это развитие общественных отношений на уровне горизонтальной демократии («демократии корней травы»);.

В-третьих, характер активности масс, согласно его убеждению, может быть только один — насилие. Неслучайно одна из глав его книг «Восстание масс» так и названа — «Почему массы во все лезут и всегда с насилием?» Соответственно любое включение масс в общественные дела он определяет не иначе как агрессивное и незаконное «вмешательство», которое он называет «методом прямого действия, *action directe*».

Так что, не пробужденные, пассивные массы — этот факт еще можно как-то терпеть, но разбуженные и активно действующие массы для Ортеги-и-Гассет есть верный залог варварства, независимо уже от содержания их действий, которое в конечном итоге заканчивается бунтом.

Следует отметить, что вообще понятие «социальное творчество масс» с трудом и болезненно прививалось на почве интеллигентского сознания (не только отечественного), начиная с момента зарождения самой этой практики. Для одних оно было непонятно, для других — идейно не приемлемо, для третьих — просто чуждо. Это понятие остается закрытым для большинства идейных течений и сегодня, в том числе, для риторических «марксистов», лишенных диалектического взгляда на действительность и потому не видящих всех сложностей становления ростков этого «живого творчества». Про таких марксистов

¹ Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 152.

тов Ленин писал следующее: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно его революционной диалектики»¹.

В свое время (летом 1919 г.) Ленин критически указал на эту проблему лично Горькому: «Как и в Ваших разговорах, в Вашем письме – сумма больных впечатлений, доводящих Вас до больных выводов...выходит нечто вроде того, что коммунизм виноват – в нужде, нищете и болезнях осажденного города!! ...И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением работы политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, в лучшем – в редкостно наилучшем случае – растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя.

Если наблюдать, надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни... Страна живет лихорадкою борьбы против буржуазии всего мира, мстящей бешено за ее опровержение. Естественно. За первую Советскую республику – первые удары отовсюду. Естественно. Тут надо жить либо активным политиком, а если не лежит к политике душа, то как художнику наблюдать, как строят жизнь по-новому там, где нет центра бешеной атаки на столицу, нет бешеной борьбы с заговорами, бешеной злобы столичной интеллигенции, в деревне или на провинциальной фабрике (или на фронте). Там легко простым наблюдением отделить разложение старого от ростков нового»².

Сегодня содержание понятия «живое творчество масс» также остается закрытым, но чаще всего – просто неприемлемым и причин для этого несколько.

Во-первых, мировоззрение российского индивида сегодня покоится, как правило, на признании господствующих отношений в качестве неких абсолютно неизменных трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Причем, набор этих трансценденций может быть самым разнообразным по своей идей-

---

¹ См. Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378.

² См. Ленин В.И. Письмо А. М. Горькому от 31. VII.1919 // Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 51. С. 24–26.

ной ориентации: например, идея частной собственности; бог как субстанция всего сущего; рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений; государство как социальный патрон; «русская идея» как знак особой национальной интеграции; Сталин как символ сильного государства; права человека как теодицея современного либерализма и многое другое.

Во-вторых, современный индивид, находясь во власти превратных форм общественной реальности и постепенно сам становясь их продуктом, способен понимать только превратные смыслы. Понятия (в том числе, такие как социальное творчество, энтузиазм), несущие в себе альтернативу миру господствующего отчуждения оказываются не доступными для его понимания¹.

В-третьих, индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется из всех сфер жизнедеятельности индивида технологизмом разного рода, постепенно превращая его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, то они как правило оказываются во власти превратных форм. В любом случае современный индивид связывает творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым. А вот превратные формы действительности, властвующие над ним, он воспринимает уже как некую трансценденцию, абсолютно неизменную во времени и пространстве.

В-четвертых, понятие социальное творчество масс не принимается обывателем, особенно «просвещенным», т.к.

- предполагает разворот вектора его бытия на реальную действительность, а не на абстрактные трансценденции;
- вводит в качестве онтологического императива принцип *деятельностного бытия*;
- исключает принцип пустой игры со словом – слово должно быть особым делом;
- исходит из общественного, а не частного характера личных интересов индивида;

---

¹ В статье «Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма» (См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М., 2009) дан фундированный анализ тех социально-экономических отношений, которые как раз и порождают превратные формы бытия современного индивида.

• предполагает принцип организационной дисциплины (а это уже совсем недопустимо для интеллигента¹).

В любом случае понятие «социальное творчество масс» современным сознанием чаще всего воспринимается не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива. Все что несет в себе идею человека как субъекта истории и культуры – все это оказывается для него активно чуждым. Впрочем это и понятно: отказавшись от того прошлого, которое было связано с субъектным бытием индивида и одновременно боясь того будущего, которое невозможно без социально-творческой самостоятельности человека, современный индивид остается один на один лишь со своим настоящим. Но это настоящее оборачивается для него тем, что индивид, поглощаясь сетями рыночных и бюрократических отношений, обречен на самоотчужденное бытие. Кстати, проблема самоотчуждения сегодня обрела такие масштабы, что становится едва ли не первоочередной в ряду таких проблем как экологическая катастрофа, войны, терроризм.

Вот почему обращение к периоду 1920-х гг., где становление освободительной (коммунистической) тенденции развития происходит как широкое развитие разных форм низовой самостоятельности (от экономики и управления до культуры и спорта) и при этом, в жестком противостоянии и борьбе с патриархальными и бюрократическими тенденциями – принципиально важно. Более того, именно этот процесс – социальное (революционное) творчество масс, лежал в основе социалистической тенденции НЭПа и потому его изучение сегодня столь актуально, ибо в свое время это явилось важнейшей предпосылкой в деле преодоления отчуждения индивида от истории и культуры, а значит – и решения проблемы самоотчуждения.

Социальное творчество: массы и государство

Происходящие в 1920-е гг. революционные изменения задали тот ход общественного развития, который был связан с освобождением действительных отношений от всех форм отчуждения, порожденных не только прежним режимом, но и неразрешенными

---

¹ По поводу последнего Ленин еще в 1904 г. писал следующее: «Интеллигентскому индивидуализму... всякая пролетарская организация и дисциплина кажутся крепостным правом». См.: Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (1904)// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 344.

противоречиями уже новой советской действительности. Социальное же творчество как раз и есть не что иное, как *деятельностное преодоление отчуждения в его конкретно-исторической форме (разотчуждение)*¹.

Причем социальное творчество несет в себе не просто отрицание отчуждения, а что очень важно – созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т.п.) и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека.

Надо отметить, что большевики (в отличие от других идейных течений) сумели, во-первых, ухватить в качестве главного вопроса проблему отчуждения и его преодоления, а во-вторых, связать решение этой проблемы с социальным энтузиазмом, творчеством революционных масс.

Социальное творчество 1920-х гг. стало тем действительно новым общественным отношением, благодаря которому у масс появилась возможность самим формировать содержание социальных отношений в экономике, в социальной сфере, культуре, т. е. самим определять большую политику – то, что Ленин называл «управлять государством». По этому поводу он писал следующее: *«Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий гнусный и мерзкий предразсудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые “высшие классы”, только богатые или прошедшие школу богатых классов»*². Ленин связывает социальное творчество революционных масс с содержанием такого понятия, как «управление государством», и эта идея есть красная нить всех его трех теорий: революции, государства и культуры.

Но ведь принцип субъектного бытия индивида определяет и диалектическую связку всех этих трех ипостасей: культуры – как **содержания** революции, государства – как **средства** революции и, на-

---

¹ Введя в свой оборот понятие «разотчуждение», автор пытался раскрыть его содержание в целом ряде работ. См.: Л. Булавка. Феномен советской культуры. М., 2008; Социалистический реализм. М., 2007; Советская культура как идеальное коммунизма// Критический марксизм. М., 2001 и др.

² Ленин В.И. Как организовать соревнование?// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

конец, революция – как онтологический принцип бытия индивида в истории и культуре. Вот почему можно с полным основанием сказать, что Ленин, разрабатывая проблему социального творчества, тем самым связал в единую систему все свои три теории (государства, революции и культуры), которая в своем интегральном выражении есть не что иное, как теория самодетерминации индивида в горизонте истории и культуры.

Другими словами, Ленин разработал марксистскую теорию не свободы, но именно освобождения (= самоосвобождения) на основе деятельностного преобразования индивидом (массами) общественной реальности.

И в этом вопросе мы опять видим столкновение марксизма и либерализма, который в лице Ортеги-и-Гассет открыто заявляет, что он не признает закон исторической детерминации: «Я не верю в абсолютный исторический детерминизм. Наоборот, я верю, что всякая жизнь, тем самым историческая состоит из отдельных моментов, каждый из которых относительно свободен, не предопределен предыдущим моментом; некоторое время он колеблется, «топчется на месте», как бы не зная, какой из вариантов избрать. Вот это метафизическое колебание и придает всему живому ни с чем не сравнимый трепет, вибрацию»¹.

Надо сказать, что для идеологов большевизма принцип и дух социального творчества был достаточно органичным, вытекающим из природы их деятельности и образа их жизни еще в дореволюционный период. После революции идея социального творчества, творческой инициативы становится центральной в политике и идеологии новой власти.

Вот что по этому поводу писал Валериан Куйбышев: «Не использовать растущую инициативу и творчество масс, значит, совершать прямое преступление в деле выполнения стоящих перед нами задач»². Об этом же писал в одном из циркулярных писем, адресованных правлениям синдикатов, трестов и красным директорам народный комиссар Ф. Э. Дзержинский: «...каждый хозяйственник должен втянуть массы в сознательное участие в производстве, дать

¹ Ортега-и-Гассет. Восстание масс

// web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...

² Куйбышев В.В. Социалистическое соревнование и самокритика // Избр. произв. М., 1958. С. 129.

Метаморфозы реального социализма...

им возможность коллективного творчества, дать возможность выявить все недостатки как аппарата, так и самого производства и указать способы их устранения и общими силами найти путь к улучшению, удешевлению и расширению производства»¹.

Итак, социальное творчество становится первым видом творчества, объектом которого являются новые общественные отношения, а предметом – не что иное, как социальный институт (государство).

Все это тогда (впрочем, как и сейчас) казалось немислимым делом: ведь государство до этого всегда являлось тем надличностным, бездушным субъектом, по отношению к которому любой индивид всегда выступал только в качестве объекта. Да и сегодня – разве это не так? И вдруг эта социальная машина, от которой так жестко зависит жизнь любого человека, становится (1) предметом, да еще и (2) творчества, да еще и (3) революционных низов.

Итак, включение революционных масс в управление государством стало первой составляющей социального творчества.

И в этом Ленин видел еще и способ развития революционного гражданского самосознания, вот почему он постоянно подчеркивает, что в управление государством должны включаться именно широкие массы, включая мелкобуржуазную интеллигенцию и буржуазных спецов. Позиция Ленина на этот счет была принципиальной: «Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»².

А вот какова позиция либерализма в лице Ортеги-и-Гассет. Одним из концептуальных его положений является утверждение того, что массы не способны быть субъектом, и уж тем более, субъектом социального управления. Об этом он прямо говорит: «С другой стороны, нельзя тешить себя иллюзиями, что человек массы окажется способным, — как ни поднялся его уровень в наше время — управлять ходом всей нашей цивилизации (не говоря уже о прогрессе ее)»³.

---

¹ Дзержинский Ф.Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 24.

² Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

³ Ортега-и-Гассет.. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №3. С. 142.

Уже сама мысль о том, что «заурядный человек массы», до сих пор всегда руководимый другими, «решил сам управлять миром» – это утверждение для либерализма является в высшей степени не приемлемо как идея и тем более как практика.

Принципиально иную позицию представляют адепты идеи масс как бунтующей черни, которую так подробно изложил в своей работе «Восстание масс» Ортега-и-Гассет. Активно не принимая саму идею социального движения масс, он даже не пытается поставить хотя бы такие вопросы: к какому типу относится данная масса (религиозному, национальному, социальному и т.д.), какова ее общественная природа, каков ее генезис и исторические формы. Уже в силу только этих параметров (есть и много других) масса не является неким гомогенным и исторически неизменным образованием.

Результатом игнорирования конкретно-исторического подхода в исследовании этой сложной темы для Ортега-и-Гассет обернулось методологической беспомощностью во всей ее полноте, особенно в вопросах определения различий между революционными и фашиствующими массами. Это обстоятельство привело его к голой декларации мнимого тождества большевистских и фашиствующих масс. Для него это в сущности одно и то же. И он сам говорит об этом: *«Я ограничиваюсь этим и не углубляюсь в исследование внутренней природы того и другого движения, как и не пытаюсь решать вечную дилемму революции или эволюции»*¹.

Впрочем, такая капитуляция перед сложностями сущностного понимания общественной реальности характерна для методологии либеральной позиции в целом, редуцирующей любую форму активности масс, даже творческую, к единственной форме – бунту масс. В любом случае Ортега-и-Гассет оценивает и большевизм, и фашизм вне понимания их различия как две новые политические попытки, как два примера существенного регресса и антиисторизма.

Социальное творчество и культура: противоречие

Вторая важная составляющая социального творчества – это ее взаимосвязь с культурой.

Подчеркивая огромное значение социального творчества 1920-х гг., в то же время надо понимать, что революционные массы творили

---

¹ Ортега-и-Гассет. Восстание масс.

[//web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...](http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...)

новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру всего того «культурного богатства», которое им дало царское самодержавие, при котором более 80% населения было безграмотным.

Положение с состоянием образования и культуры широких масс в России было настолько тяжелым, что Ленин отмечал: *«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России...Этому отуплению народа помещичью властью соответствует безграмотность в России...в России грамотных всего 21% населения, а за вычетом (из населения) детей дошкольного возраста, т. е. детей до 9 лет, всего 27%»*.¹

Так что, казалось бы, уже сам уровень образования революционных масс, не отвечающий требованиям даже европейского культурного минимума, давал однозначно отрицательный ответ по поводу осуществления идей социального творчества.

Действительно, за этим вопросом стояло достаточно серьезное противоречие российской реальности 1920-х гг.: социальные преобразования не могут развиваться на базе низкого общекультурного уровня, в тоже время повышение культурного уровня индивида невозможно вне созидательно-общественной практики.

Характерный для интеллигентских кругов ход суждений по поводу разрешения данного противоречия, как правило, выстраивался в известную цепочку, тянущуюся еще из народничества: сначала подъем культурного уровня – потом революция и социальные преобразования.

Сложность этого противоречия большевистские идеологи понимали очень хорошо. Это многократно подчеркивал и В.И. Ленин: *«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»*.²

Однако большевики, в отличие от большинства интеллигенции, не испугались дать исторический «ход» известному противоречию

¹ Ленин В.И. К вопросу о политике министерства народного просвещения (Дополнения к вопросу о народном просвещении) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 127.

² См.: Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября. 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168–169; Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Т. 9. С. 155–156; Т. 11. С. 180–181; Т. 38. С. 165–166.

между низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта общественных преобразований.

Тем самым феномен социального творчества с самого своего зарождения оказался сугубо противоречив. Однако он был реален.

Идеологи большевизма понимали, что, во-первых, неразрешенность данного противоречия гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при его разрешении.

Во-вторых, непосредственное включение революционных масс в социальные преобразования, т. е. в решение конкретных социально-экономических проблем, становилось – что очень важно – материальной предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, без чего невозможны ни преобразование общества, ни самореализация личности индивида.

После завоевания политической власти, в период 1920-х гг. перед большевиками встала острая необходимость уже действительного разрешения данного противоречия.

Это диктовалось, во-первых, задачей вовлечения широких масс в управление государством, от чего зависела прочность политической власти большевиков и особенно в период НЭПа, а во-вторых, задачей решения вопроса образования и культуры применительно к трудящимся, без чего невозможно было это управление.

В данном случае важно подчеркнуть, что задачу вовлечения в управление государством большевики связывали не с какой-то узкой группой (профессионалов, партийных соратников или культурной «элиты», как это принято сегодня), а именно с широкими слоями масс. Эту мысль Ленин акцентировал постоянно: *«...для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это – гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство – партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций»*¹.

---

¹ Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой Экстренный съезд РКП (б) 6–8 марта 1918 г.]// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 53.

Учитывая все этого, можно сказать, что уже сам замах на решение этого противоречия востребовал диалектику в масштабе гениальности. Революция вообще не терпит серединного, мелкого (интересов, мировоззрения, подходов), за что ее так и ненавидит мелочный обыватель, особенно «просвещенный».

Если же говорить о самом социальном творчестве, то следует отметить, что оно не было гомогенным: внутри него различались разные общественные тенденции, нередко вступающие в противоречия друг с другом. Это было обусловлено и тем, что социальное творчество осуществлялось в условиях жесткой революционной борьбы идей самоуправления и низового энтузиазма с бюрократизмом и патриархальностью, показывающим свою силу особенно в периоды политического излома, в частности, в период нэпа.

Понятно, что борьба большевиков шла за становление того, что Ленин называл «живым творчеством масс». *«Живое творчество масс – вот основной фактор новой общественности, – подчеркивал он в одном из своих интервью, – ...Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»*¹.

Или как сказал, один из героев А. Платонова: *«Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений»*².

Революционные массы: открытие культуры

Социальное творчество 1920-х гг. стало важнейшей предпосылкой открытия революционными массами впервые смыслов и значения культуры. До революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как особый и недоступный товар.

Включение индивида в процессы жизненного обустройства объективно рождало у него потребность в знаниях, умениях, творческих навыках как в важнейшей предпосылке созидания нового мира. Это

¹ Ответ на вопрос левых эсеров [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.]// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

² Платонов А. Усомнившийся Макар// Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990. С. 635.

соединение общественных преобразовательных тенденций с культурой рождало и новые интонации эпохи. Мордовский писатель Н.Л. Иркаев так характеризовал период 1920-х гг.: *«Время было такое: все вокруг нас звенело, пело... Мы были молодые. тоже хотелось петь и звенеть»*¹.

Данная тенденция ярко проявилась и в практиках Парижской коммуны. Так Луиза Мишель, получившая за свое участие на баррикадах Парижской коммуны прозвище «Красная дева Монмартра», в своих воспоминаниях о героических участниках Коммуны писала *«Людам хотелось охватить все сразу: искусства, науки, литературу, открытия... Жизнь кипела. Все спешили бежать от старости мира»*².

Важно отметить и еще одну особенность преобразовательных процессов 1920-х гг.: приоритетной сферой массового социального творчества стала прежде всего сфера культуры. Можно сказать, что социальное творчество происходило в первую очередь в форме культурной революции, которая сопровождалась такими богатыми по своему содержанию и противоречиям инновациями, что до сих пор остается культурным вызовом нашей замшелой постсоветской эпохи.

Надо сказать, что политика большевиков связывала идею культуры с решением разных конкретных социальных задач: ликвидацией безграмотности населения, включением его в разные формы художественного творчества, налаживанием органов местного самоуправления, привлечением и обучением масс навыкам общественно-го учета и контроля органов власти.

Кстати, В.И. Ленин не раз указывал (этого никогда не допустит современная российская власть) на важность вопроса повышения культуры масс, необходимой для организации учета и контроля над деятельностью всех органов власти, а для этого отчеты должны быть доступны каждому через газеты, журналы, листки на афишных тумбах. Вот что писал он об этом: *«Отчеты должны правильно читаться... группой коммунистов по возможности из числа, не состоящих в числе служащих и способных читать отчеты с вневомственной, а только с коммунистической точки зрения. ...Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических*

¹ Киреев А. Звонкий голос. // Литературная Россия. 1976, № 21. С. 123.

² Всемирная история. Парижская коммуна. Т.7. М., С. 31.

учреждений... ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительно превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи»¹.

Надо отметить, что культурно-политическая стратегия большевиков базировалась на идеи становления индивида как субъекта творческих преобразований общественной системы в целом. В этом отношении 1920-х годы были периодом встречного развития культурной политики, идущей «сверху» и социального энтузиазма, проявляющегося «снизу».

Вот некоторые примеры² из разных областей культурной политики большевиков периода 1920-х гг, характеризующие ее особенность.

- Декабрь. 1917. Комиссариат народного просвещения уничтожил посмертное право наследников на творение литературы и науки³. При этом произведения продавались за один том по 1 руб.50 коп. за том, в то время как рыночная цена за такой же том достигала 8–10 руб. и больше. Комиссариат продавал свои издания почти по себестоимости с надбавкой в 10–15% на накладные расходы⁴. По словам В. Керженцева в 1919 г. вся Россия была покрыта киосками и книжными магазинами⁵.

- «В царской России на 170 млн. жителей было всего 10 университетов. За период после Октябрьской революции только в пределах Европейской России возникло свыше 10 новых университетов»⁶.

- Комиссариат Народного просвещения в лице его библиотечного дела принял все меры к сохранению частных библиотек, особенно расположенных в сельских местностях. Целый ряд крупных библиотек был спасен от возможного расхищения и гибели⁷.

---

¹ Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 155.

² Большую часть используемых в данной статье фактов автор подает, ссылаясь на их оригинальные источники, взятые им из книги «Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975».

³ Керженцев В. Культура и советская власть. М. 1919. С. 16.

⁴ Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 19.

▪ «Музейным отделом было обследовано свыше 60 помещичьих усадеб»¹.

▪ «Комиссариатом были ассигнованы довольно значительные суммы на приобретение тех или иных особенно ценных документов и рукописей, в частности, было затрачено 50. 000 руб. на покупку рукописей Пушкина»².

▪ «Румянцевскому музею только на покупку художественно-исторических ценностей было дано 250. 000 руб.»³.

▪ «Советы организовали ряд своих собственных» театров»⁴.

▪ 10 января. 1918. Ташкент. Постановление СНК Туркестанского края об освобождении от воинской службы офицеров, имеющих звание учителя⁵.

▪ 13 февраля. 1925. СНК принимает декрет «Об освобождении Российской Филармонии от всех государственных и местных налогов и сборов».⁶

▪ 12 августа. 1920. Азербайджанская ССР. Баку. Издаются приказы Народного военного и морского комиссариата «Об освобождении от призыва в войска работников просвещения»⁷.

▪ 4 февраля. 1921. Наркомпрос объявляет конкурс азбук для подростков 15–17 лет⁸.

▪ 4 января. 1919. Туркменская АССР, Семиреченский областной отдел по национальным делам принимает постановление о записи у народных акынов образцов народной поэзии и об использовании народных певцов для распространения в народе идей Советской власти и коммунистической партии»⁹.

▪ 19 октября. 1919. Туркестанская АССР. Ташкент. Постановление Президиума ЦИК Советов республик о сокращении рабочего дня до 6 часов для слушателей вечерних школ и курсов¹⁰.

¹ Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 29.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 28–29.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ См. Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924). Сб. документов. Т.1. Ташкент, 1973. С. 207.

⁶ СУ РСФСР 1925. № 20. С.138.

⁷ СУ Азербайджана. 1920. № 4. С. 380, 393.

⁸ Известия ВЦИК. 4 февраля 1921. С. 3.

⁹ См. Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 106.

¹⁰ Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924). Сб. доку-

▪ 20 декабря. 1919. Революционный Военный Совет республик издает приказ об организации 60 самостоятельных красноармейских театров (по одному при каждой армии) и 15 студий.

▪ Самое большое количество искусствоведческих книг (6 названий) было издано Казанским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (совместно с политотделом штаба запасной армии республики)¹.

Следует отметить, что одним из важнейших принципов культурной политики большевиков 1920-х гг. была установка на развитие общественности как полноправного субъекта культурного строительства. Уже 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Постановление Наркомпроса о реформе средней школы вводит коллегиальность, объявляется свобода слова и собраний учащихся.² Кроме того, в нем говорится о том, что в местных органах СУ участвуют не только представители местных Советов, но и учащиеся старших классов, а также хозяйственные комитеты и родительские комитеты, которые осуществляют надзор, в том числе, за здоровьем детей и организацией бесплатных завтраков. Теперь обязательным является выборность педагогического состава, причем осуществляемая под контролем органов местного отделения народного образования:

А вот некоторые примеры деятельности большевиков в области школьного и внешкольного образования.

▪ С августа 1918 г. в составе внешкольного отдела НКП начала функционировать секция школ для взрослых и народных университетов. Эти внешкольные отделы координировали свою работу с деятельностью общественных организаций³.

▪ Весной 1918 г. была I конференция по координации и распределения работы по внешкольному образованию. По сути это было первой попыткой планирования культурного строительства совместными усилиями государства и общественности⁴.

▪ 20–27 ноября. 1918. На I Всероссийском совещании заведующих финансовых и внешкольных отделов ГУБОНО задачи школьной

ментов. Т.1. Ташкент, 1973. С. 144.

¹ Некоторые вопросы исследования советской культуры. М., 1987. С. 71.

² Известия ВЦИК от 30 декабря 1917. С. 18.

³ Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 25.

⁴ Там же.

работы было предложено решать местным органам, опираясь как на свою инициативу, так и на инициативу самого населения¹.

▪ Поэтому при каждом культурно-просветительном учреждении по внешкольному образованию взрослых было рекомендовано создать «особые советы из заинтересованного в том населения», которые были призваны осуществлять «контроль снизу» за проведением в жизнь директив НКП, способствуя «планомерному втягиванию всего населения в работу по организации внешних учреждений»²

▪ Опыт на местах обобщался на так называемых «съездах-курсах». Таким образом, уездные и губернские съезды во многих случаях становились подлинными координаторами работы. С их помощью в ряде регионов страны стали создаваться общественные советы по внешкольному и народному образованию. Так в Самарской губернии, благодаря деятельности таких советов, число школ для взрослых выросло к 1919 г. с 21 до 471, народных университетов – с 2 до 19, культурно-просветительских кружков – с 16 до 160³.

▪ 18 января. 1918. Выходит Постановление Наркомпроса о заведении студенческими делами и об участии студентов в управлении высшими учебными заведениями РСФСР⁴.

Установка большевиков на демократизацию культурной жизни 1920-х гг., с одной стороны, давала возможность местным органам иметь значительную политическую самостоятельность, а с другой – демократизм без централизации зачастую оборачивался появлением сильных тенденций сепаратизма.

Кроме того, в период 1920-х гг. достаточно активно развивалась сеть добровольных профсоюзно-творческих объединений, часть из которых возникла еще до революции. Несмотря на свою автономность, эти объединения имели серьезную поддержку со стороны государства. Вот некоторые из них.

---

¹ Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 26.

² См.: ЦГА РСФСР, ф.2306, оп. 15, д.41, л.5; д.21 л.67–68 // Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 27.

³ См.: Отчет о Первом Самарском губернском съезде по внешкольному образованию. Самара, 1919. С. 9 // Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 28.

⁴ Сб. декретов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Выпуск 2. М., 1920. С. 9.

Надо сказать, что действительно в 1920-е гг. в различных областях возникает очень много общественных объединений в разных областях, причем наряду с этим поддерживаются и развиваются те, которые возникли еще до революции. Приведем перечень лишь некоторых из них.

В области **общественных наук** группа обществ была очень пестрой. До середины 30-х гг. работали следующие общества:

- *Истории и древностей при МГУ 1804–1929*
- *Любителей российской словесности 1811–1929*
- *Общество «Старый Петербург»*
- *Общество изучения Московской губернии и изучения русской усадьбы*

- *В декабре 1919 г. образовалось научное общество марксистов*

- *В 1925 г. возникло общество историков.*

Научные и научно-технические общества

Государственной сети прикладных институтов в дореволюционной России не было. Из 308 научных ячеек, учтенных Наркомпросом к осени 1918 г. 176 приходилось на долю кружков и обществ¹.

- В 1924 г. при Академии воздушного флота им. Жуковского создана секция межпланетарных сообщений (руководитель Цандер).

Медицинские объединения

После Октябрьской революции продолжали свое существование следующие общества: вегетарианское, гомеопатическое, Лига борьбы с туберкулезом.

Научно-технические сообщества

- В середине 1920-х гг. создается Всесоюзное общество друзей радио (ОДР). 1925–1934.

- *Союз общества спасения на водах СССР. 1928–1943.*

- *Всероссийское добровольное общество «Автомотор». 1927–1935.*

- *Общество пролетарского туризма*

- В апреле 1922 г. было создано русско-германское общество (А. Эйнштейн, Конрад Матчос, Г. Арко, В. Мюнценберг, А.В. Луначарский, О.Ю. Шмидт, Г.М. Кржижановский, Н.А. Семашко, Л.Б. Красин)

¹ ЦГА РСФСР ф. 2306, оп.19, д. 236, лл. 1–18.

• В декабре 1918 г создается Всероссийская ассоциация инженеров ВАИ, которая объединила все дореволюционные технические общества при сохранении самостоятельности каждого¹.

• В 1928 г. создается Общество «Техника – массам» (В.М. Свердлов, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский Н.И. Скворцов–Степанов).

Политические

• 7 сентября. 1924. Учреждается «Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству»².

• Общество политкаторжан и ссыльных поселенцев (В. Фигнер, Ф. Кон, Ф. Петров)

• Общество старых большевиков.

• Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС).

• Общество социальной помощи

• Общество помощи рабочим Германии

• Общество взаимопомощи политических эмигрантов

• Международная организация помощи борцам революции (МОПР) (Всего за 1922 –1936 гг. было собрано и отправлено в помощь семьям политзаключенных более 90 млн.руб³

• 1922 г. Общество по оказанию помощи политзаключенным.

• В 1924 г. общество «Руки прочь от Китая». Движение было массовым.

• К январю 1924 г. ячейки МОПР шефствовали над 30 тюрьмами. Рабочие Тамбовских ж/д мастерских «зачислили» к себе в цех несколько заключенных Варшавской и Бухарестской тюрем, выполняли их работу, а вознаграждение перечисляли подшефным (семьям).

Культурные общественные объединения

• «Объединение «Киноки»

• Кино–группа ФЭКС

• Союз работников художественной кинематографии СРХК

• Общество строителей пролетарского кино

• Общество друзей советского кино

• Ассоциация работников революционного кино (АРРК)

• «Жизнь–творчество»

¹ См.: ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 13, л. 16.

² Известия ЦИК, 9 сентября, 1924. С. 4.

³ См.: Урин С.Г. Что такое МОПР. М., 1936. С.12.

- «Бытие»
- «НОЖ
- «Искусство–жизнь»
- «Жар–цвет»
- «4 искусства»
- «Общество им. Репина

Музыкальные объединения

- Ассоциация современной музыки
- Ассоциация пролетарских музыкантов
- Объединение революционных композиторов и музыкальных деятелей ОРКИМД
- Ассоциация камерной музыки
- Бетховенское общество
- Объединение «Музыка–массам»

Демократичность культурной политики проявлялась и в ее опоре на участие самих художников в социальных преобразованиях того периода. Открыто и искренне пошли навстречу революции К.С. Станиславский, В.И. Немирович–Данченко, В.А. Мичурина–Самойлова, Е.Б. Вахтангов, А.И. Сумбатов–Южин, М.Н. Ермолова, а из числа ученых – И.П. Павлов, Н.Е. Жуковский, А.П. Карпинский, К.Э. Циолковский, Л.А. Чугаев, Д.К. Заболотный, Н.Ф. Гамалей, В.М. Бехтерев, Д.Н. Прянишников, А.Н. Бах, С.П. Федоров, А.Н. Крылов.

С инициативами социального творчества выступали даже представители интеллигенции, находящиеся в эмиграции. Так, например, в 1918 г. П.И. Бирюков, русский эмигрант, проживавший в Швейцарии, обратился к Луначарскому с просьбой о возможности возвращения в Советскую Россию и работы в Наркомпросе. У Бирюкова были идеи о реорганизации образования¹.

Многие художники нередко напрямую включались в процессы управления культурной политикой. Вот лишь некоторые тому примеры.

■ К.С. Малевич был назначен временно для охранения ценностей Кремля².

¹ См. ЦГАЛИ СССР, ф. 279, оп.1, 1918–1922, д.138. С. 5–7.

² Лапшин В.П. Искусство Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 149 // Цит. по: Некоторые вопросы исследования советской культуры. М., 1987. С. 61.

▪ Май. 1918. Создается комиссия по сохранению и распространению памятников живописи в России под руководством И.Э. Грабаря¹.

▪ Октябрь. 1918. Одним из руководителей Свободных государственно-художественных мастерских назначен В.Кандинский².

▪ Январь. 1919. В.Я. Брюсов назначен заведующим Московским отделом библиографического отдела Наркомпроса.

▪ Сентябрь. 1921. В Москве открывается государственная библиотека, показательный литературный техникум. Среди профессоров: А. Белый, В.Я. Брюсов, Айхенвальд.

▪ 14 апреля. 1923. Композитор А.К.Глазунов назначен директором Петроградской консерватории³.

▪ В 1925 году в Ленинградском государственном институте истории искусств преподавали Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум, Жирмунский, Щерба, Виноградов, Ларин, Якубинский, Бернштейн⁴.

К процессам революционных преобразований подключались не только отдельные художники, но и целые творческие объединения.

11 апреля. 1918. Собрание деятелей искусств, созданное Моссоветом, избирает Коллегию по делам изобразительных искусств – совещательный орган для координации работы художественных учреждений и оказания им помощи. В состав Коллегии вошли: В.А. Веснин, И.В. Жолтовский, С.Т. Коненков, П.П. Кончаловский, К.А. Коровин, В.Е. Татлин, А.В. Щусев, П.П. Малиновский и другие⁵.

Тенденция активного включения художников в революционные преобразования проявила себя достаточно ярко и в практике Парижской коммуны. Например, уже в апреле проходит Первое общее собрание художников Парижа, образующих Федерацию художников, признающих принципы коммуны. В соответствии с полномочиями Коммуны решением общего собрания президентом Федерации художников становится Гюстав Курбе. Кстати, на втором собрании художников участвовало уже более 400 представителей⁶.

¹ См.: Грабарь И. О древнем русском искусстве. М., 1966.

² Искусство. 1919, № 2. С. 4.

³ См. Известия. ВЦИК от 14.04.1923.

⁴ Гинзбург Л. Человек за письменным столом //Новый мир.1982.№ 6. С. 235.

⁵ Из культурной жизни в СССР. 1917–1927. Хроники. М., 1975. С. 46.

⁶ Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство. М., 1987. С. 14.

Главная цель этого объединения – помощь искусства «делу рождения и процветания Всемирной республики – объединения народов на базе социализма»¹. «Мы хотим произвести демократическую революцию. Лувр завоеван нами, и он будет нашей Ратушей. Мы поднимаем красное знамя живописи»² – такова программная декларация художников Парижской коммуны.

Программа культурных революционных преобразований Федерации художников предполагала, в том числе, приведение музеев города Парижа в нормальное состояние; открытие для публики картинных галерей и содействие работе, которая там обычно производится³.

Взаимосвязь между культурой и конкретными социальными задачами позволяла, с одной стороны, актуализировать культурное наследие, а с другой – задавать гуманистический вектор развития уже самих общественных отношений.

Одним словом, социальное творчество давало возможность открывать новый социальный смысл культуры, которая для трудящихся становилась не зеркалом для нарциссического любования, не фетишем и не товаром, а в первую очередь – «рабочим инструментом» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не менее великого) созидания новой общественной жизни. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся — понятие не праздное, вот откуда у них появляется бережное отношение к культуре и творческое к решению самых разных социальных проблем. Вот некоторые примеры из хроники того периода.

- 1922. *Студенческие дружины проводят безвозмездное обследование беспризорных детей*⁴.

- 24 августа. 1919. Москва. Проводится день сбора литературы для Красной Армии под лозунгом «Книгу в окопы». Собрано несколько десятков тысяч экземпляров⁵.

- 16 июля. 1921. Брянская губерния. Севский уезд. Крестьяне д. Хомичи весь заработок от возки дров употребили на постройку школы⁶.

¹ Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство. М., 1987. С. 16.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 16.

⁴ Правда. 31 декабря 1922. С. 3.

⁵ Правда. 26 августа 1919. С. 2.

⁶ Известия ВЦИК. 16 июля 1921. С. 2.

- Июль. 1921. Татарская АССР. Лаишевский кантон. Крестьяне с. Байки на свои средства открывают показательную школу-коммуну для 40 детей¹.
- 10 ноября. 1921. Брянская губ. Севский уезд. Граждане с. Невдольска обеспечили учителей хлебным пайком на целый год².
- 10 ноября. 1922. Томская губерния. Шахтеры Анжеро-Судженских копей постановляют отремонтировать рудничные школы своими силами в сверхурочное время³.
- 1 мая 1923. Московская губерния. Воскресенский уезд. В Павловской волости открывается дом крестьянина, построенный красноармейцами второго восстановительного батальона 18-го Железнодорожного полка и подаренный крестьянам как культурный центр⁴.
- 24 июля. 1923. Николаевск. Крестьяне Каменского уезда засеяли для школ 1415 десятин земли и для беспризорных детей – 303 десятины⁵.
- 1 октября 1923. Казань. 2 тыс. рабочих фабрики им. Ленина принимают решение отработать два часа сверхурочно в пользу пролетарского студенчества⁶.
- 21 марта. 1926. Башкирская АССР. Крестьяне Белебеевского кантона содержат 156 красных уголков на свои средства⁷.
- 8 июня. 1920. Туркестанская АССР. Закаспийская область. Из Красноводска в первый рейс по аулам отправляется «Красный караван». В его состав входят лекторы, агитаторы, политработники, знающие местные языки⁸.
- 25 июня. 1920. Оренбург. На Форштатской площади ставится массовый героический спектакль «Сцены из жизни крестьянского казака Емельяна Пугачева»⁹.

---

¹ Известия ВЦИК, 4 августа, 1921. С. 2.

² Известия ВЦИК. 10 ноября, 1921. С. 2.

³ Правда. 15 ноября 1922. С. 4.

⁴ Беднота. 4 мая 1923. С. 1.

⁵ Известия ВЦИК. 26 июля 1923. С. 4.

⁶ Известия ВЦИК. 3 октября 1923. С. 3.

⁷ Беднота. 21 марта 1926. С. 4.

⁸ Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 197.

⁹ Очерки истории русского советского драматического театра в трех томах. Т. 1917–1934. М., 1954. С. 50.

Метаморфозы реального социализма...

• 8 июля. 1921. Архангельск. Вверх по Двине отправляется агитбаржа, оборудованная зрительным залом на 500 человек, кинопередвижкой, сельскохозяйственной выставкой, библиотекой, читальней, литературой по социальному воспитанию детей. Агитработу осуществляли лекторская группа, театральный коллектив, агроном, инструктор по вопросам кооперации и товарообмена¹.

• 26 декабря. 1923. В клубе рабкоров газеты «Рабочая Москва» проходит инсценированный «суд» над отделом газеты «По фабрикам и заводам», которому предъявлено обвинение в слабом отражении общественного мнения рабочих. «Суд» признает обвинение несостоятельным².

• 20 мая. 1924. Одесса. Сообщается о публичной защите в вечернем рабочем техникуме дипломных проектов первыми рабочими-инженерами, получившими высшее образование без отрыва от производства³.

• 14 июня. 1924. Амурская губерния. Благовещенск. Организуется трехдневник «Долой неграмотность», во время которого устраивается митинг-карнавал и инсценировки, выпущена газета, проходит сбор денежных средств в фонд общества «Долой неграмотность»⁴.

• 13 февраля. 1924. ЦЕКУБУ переведено в Берлин 2 тыс. долларов, составляющих часть средств, собранных в фонд помощи голодающим германским ученым (в связи с франко-бельгийской оккупацией Рурской области в январе 1923 г.). С той же целью в Германию отослано 100 ценных продовольственных посылок. От ряда учебных заведений Москвы, Ленинграда и других городов получены сообщения о произведенных в пользу германских ученых отчислений от зарплаты научных работников и преподавателей⁵.

• 17 (30) декабря. 1917. Петроград. Проходит учредительное собрание союза учителей – **интернационалистов**⁶.

¹ Известия ВЦИК. 16 апреля 1921. С. 2.

² «Рабочий корреспондент». 1924, № 1. С. 75.

³ Правда. 20 мая 1924. С. 7.

⁴ Известия ВЦИК. 19 июня, 1924. С. 4.

⁵ Известия ВЦИК. 13 февраля 1924. С. 6.

⁶ Народное просвещение (ежемесячник). 1918, № 1–2. С. 47, 49–51.

• 28 января (10 февраля). 1918. Тверская губерния. Бежецкий уезд. Совет крестьянских депутатов Теблешской волости принимает постановление об открытии в с. Теблеша библиотеки-читальни и ассигнует для этого специальные средства¹.

Период 1920-х гг. характеризовался не только развитием тенденции социального творчества, связанного с решением самых насущных проблем (очистки железнодорожных путей от снега, налаживания сельских школ и клубов, организация разгрузки товарных поездов, участие в формировании органов самоуправления и т.д. и т.п.), но и включением его субъекта непосредственно уже в процесс самого художественного творчества.

Более того, те исторические перемены, которые затронули период 1920-х гг. рождали у его субъекта острую необходимость постичь смысл происходящих событий; понять свой собственный интерес во всем этом и соотнести его с другими интересами. Так что для масс (как для нарождающегося субъекта социально-исторических преобразований) культура становилась формой осмысления их собственных классовых интересов и перспектив, проблем и противоречий.

Вот почему из всех видов самодеятельного художественного творчества, в которое включались тогда десятки тысяч молодых людей, *театр* являлся самой актуальной его формой, ибо он позволял в живом непосредственном диалоге совместно с другими выговаривать и проговаривать важнейшие вопросы и ответы по поводу своего бытия в нарождающейся новой жизни. «Люди из народа отводили душу и беседовали о самом важном, о том, как и для чего жить и какими способами устроить единственно мыслимое и достойное существование», – писал об этом времени Б. Пастернак².

Этому в немалой степени способствовало еще и то обстоятельство, что доступ в те же театральные студии был открыт для всех желающих. Может быть, поэтому в это время «театр оказался самой устойчивой частью русской культуры», как писал Г. Уэллс.³

Вовлеченность рабочих, крестьян, солдат в самодеятельное творчество уже за первые годы Советской власти стала настолько широкой, что уже к началу 1920-х гг. потребовались всероссийские

¹ Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975. С. 35.

² Пастернак Б. Люди и положения // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991. С. 780.

³ См.: Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 36.

Метаморфозы реального социализма...

съезды для обсуждения опыта, проблем и перспектив развития массового художественного творчества.

- Так, например, в ноябре 1919 года (и это в условиях гражданской войны!) проходил Первый Всероссийский съезд рабоче-крестьянских театров, в котором участвовало 243 делегата (от коммунистов, эсеров, меньшевиков, и беспартийных) от 27 губерний¹.

- В 1921 году проходило Первое Всероссийское совещание музыкальных работников, т.к. еще в 1920 года в стране действовало уже 224 музыкальных студии Пролеткульта².

- Студии изобразительного искусства также открывались немедленно по освобождении территории от белогвардейцев: в 1918–1920 гг. по республике их насчитывалось 186, лишь в одном Петрограде участвующих в этих студиях было более 4 тыс. человек.³

- А на I всероссийском съезде пролетарских писателей (1921 г.) было представлено 36 ведущих ассоциаций пролетарских писателей из разных районов республики.

Так что, «большевизм», провозглашенный новым варварством, в действительности оказался «одной из крупнейших культурных сил» XX века.

Социальное творчество как сфера развития личности

Социальное творчество, будучи особым видом преобразующей деятельности, можно рассматривать еще и как область реализации индивида как личности, т.е. развития его как субъекта творчества и культуры.

Вот что по поводу актуальности этой проблемы в период еще 1920–х гг. писал Д. Выгодский: «И мучит вопрос: как же создать, как же распространить для всех умение творить, и в первую очередь грамотность начальную? ...Нужно знание, могущее перевоспитать теперешнюю обстановку, теперешнюю жизнь, могущее отлить жизнь в такие формы, чтобы все люди могли свободно, полноценно творить. Никто не должен замалчивать в себе... мучительный вопрос: зачем жить?»⁴

¹ Вестник театра. 1919. № 43. С. 5.

² ЦГАЛИ, ф.1230, оп.1, ед.хр. 1541, л. 28.

³ Клейнборг Л.М. Рабочий класс и культура. М., 1925. Т.2. С. 154–156.

⁴ Выгодский Д. Пролетарское искусство // Жизнь – творчество. 1919. № 3. С. 12.

Другими словами, социальное творчество несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, но и являлось формой развития субъектности индивида – той формой, которая востребовала личность индивида как субъекта во всем богатстве его конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

«Самое же главное было в том, – писал об этом времени С. Эйзенштейн, – что здесь каждый укреплялся в осознании того, что делу революции нужен всякий. И, прежде всего именно в своем неповторимом, угловатом, индивидуальном виде»¹. Это обстоятельство и определяло гуманистический смысл социального творчества как такового, его культурное значение. Именно поэтому Ленин, исключая всякое украшательство своей позиции абстрактно–гуманистической риторикой (столь улаждающей слух интеллигенции), проблему социального гуманизма связывал, с одной стороны, с вопросом его реальных материальных предпосылок, вне которых все рассуждения на эту тему остаются лишь красивой, но пустой фразой.

Революционные преобразования и вандализм

Такой была одна, созидательная, сторона революции. Но была и другая. Правда истории и логика исследования противоречий революционных практик 1920–х гг. диктуют необходимость акцентировать и противоположную линию – разрушение в период 1920-х гг.

Но прежде чем говорить о разрушении культуры, следовало бы сделать одну поправку. Любая революция (с ее логикой перехода от старого к новому) всегда связана со сломом существующих общественных связей, правил, иерархий, т. е. с нарушением привычного порядка вещей, что неизбежно создает эффект гигантского разрушения.

И все же следует отметить, что наряду с нарастающей тенденцией объективной заинтересованности революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, и с этим требуется разобраться отдельно.

Во–первых, не надо забывать, что общественные преобразования, последовавшие после октябрьских событий 1917 г. осуществлялись в условиях социально–экономической разрухи, вызванной недавно двумя прошедшими войнами (Первой мировой и граждан-

---

¹ Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

ской), к тому же международной интервенцией против революционной России.

Во-вторых, за вандализмом, имеющим место в период 1920–х гг. стояло разрушение, главным образом, той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления “низов” в царской России, либо была сращена с идеологическими символами прежнего режима. Этот вандализм был проявлением дореволюционного «культурного наследия», при котором трудящиеся массы, создавая «материальное тело» культуры, как правило, оставались отчужденными от нее. Это накапливающееся отчуждение от культуры если и находило свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах. А разве могло быть по-другому?

В-третьих, любая культурная революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение старых форм. Как писал Б. Эйхенбаум, крутые исторические переломы, в какой бы области культуры они не совершались, никогда не исчерпывают себя в реформах, и потому навстречу «мирным» попыткам эволюции встает стихия революционная, пафос которой – в разрушении старых форм и традиций¹.

И наконец, *в-четвертых*, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. *«Пока революция наша шла стихийно – или, вернее, там, где она шла стихийно, – писал А.В. Луначарский, – она, конечно, развертывала и слепые разрушительные силы...»*²

Этот вандализм шел из дореволюционного общественного уклада, который, с одной стороны, не позволял человеку развернуть свои творческие силы, но с другой – заражал его мелкобуржуазным сознанием. На этой почве как раз и вырастала черносотенная культура, о которой писал Ленин и на борьбу с которой поднялся большевизм.

Кроме этого было еще одно обстоятельство, о котором пишет А. Бузгалин: *«В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным*

¹ Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // О поэзии. Л., 1969. С. 81–82.

² Луначарский А.В. Мир обновляется. М., 1989. С. 149.

действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки. Именно такого обывателя–мещанина, взбесившегося от неопределенности и противоречий революций, от необходимости и (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать “Хамом”¹.

«Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли»².

Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: в условиях дореволюционного формально–полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей невосдержанности. Но ведь если бы массы обладали достаточным уровнем культуры, то в этом случае актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением — можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

А такие задачи решить без диалектического подхода просто невозможно. Диалектика была востребована остротой тех общественных противоречий, которые проявились во всей полноте благодаря революции. Конкретные материалы эпохи 1920–х гг. показывают со всей очевидностью следующее: в той мере в какой реальные противоречия получали свое диалектическое разрешение, что неизменно требовало от его субъекта и соответствующего самосознания, в той мере происходило и продвижение большевизма в той исторической логике, которая была взята Октябрем 1917 г.

Диалектический метод как метод конкретно–всеобщего был востребован и в практиках Парижской коммуны. Вот лишь один из примеров такого диалектического подхода. На одной из афиш клуба Никола–де Шан (III округ) говорилось: *«Открывайте коммунальные клубы во всех церквах, священники могут отправлять в них службу*

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 458.

² Приветственная речь 6 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 330.

днем, а вы, вы будете заниматься в них политическим воспитанием народа по вечерам»¹

Надо отметить, что проблема вандализма как обратной стороны революции, требует от исследователя той предельной диалектичности, которая позволила Ленину сказать следующее: «Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, ломая старое, ничего организующего, ничего организованного внести не могли»².

Но эта же диалектичность как правило является «ахиллесовой пятой» позднего либерализма, позволяющему ему лишь описывать, да и то не во всей полноте, внешнюю сторону проявления революционного вандализма, так и не схватывая его сущности и тех противоречий, на которых он всходит. Не стал исключением здесь и философ Ортега-и-Гассет, который свел этот вопрос к перечню симптомов варварской сущности массы.

Одним из главных таких симптомов является игнорирование массами некоего высшего авторитета, (абстрактного по форме и трансцендентного – по сути). «Человек массы, – утверждает он, – никогда не признает над собой чужого авторитета, пока обстоятельства его не принудят. Поскольку обстоятельства не принуждают, этот упорный человек, верный своей натуре, не ищет постороннего авторитета и чувствует себя полным хозяином положения. Наоборот, человек элиты, т. е. человек выдающийся, всегда чувствует внутреннюю потребность обращаться вверх, к авторитету или принципу, которому он свободно и добровольно служит»³. И далее утверждает он: «Вопреки обычному мнению, именно человек элиты, а вовсе не человек массы, проводит жизнь в служении. Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить ее чему-то высшему»⁴.

Кстати, именно из утверждения некоей иерархии трансцендентального авторитета и абстрактно понимаемой гражданской законности Ортега-и-Гассет исходит и в своем толковании культуры как таковой: «Нет культуры там, где нет начал гражданской законности и не к кому апеллировать. Нет культуры там, где в решении

¹ Всемирная история. Парижская коммуна. Т.7. М., 196. С. 441.

² Приветственная речь 6 мая [I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 330.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание Масс

[//web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...](http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...)

⁴ Там же.

споров игнорируются основные принципы разума. Нет культуры там, где экономические отношения не подчинены регулирующему аппарату, к которому можно обратиться»¹. Культура в его понимании не является неким живым и развивающимся организмом, а исходит из неких формально-нормативных установлений опять-таки трансцендентального происхождения. При этом он сам так и не уточняет, что есть это «высшее», предпочитая оставаться под прикрытием абстракций.

Именно это непослушание человека массы высшему авторитету порождает, по его мнению, и априорную несостоятельность его как носителя тех или иных идей: *«Идеи заурядного человека — не настоящие идеи, они не свидетельствуют о культуре. Кто хочет иметь идеи, должен прежде всего стремиться к истине и усвоить правила игры, ею предписываемые. Не может быть речи об идеях и мнениях там, где нет общепризнанной высшей инстанции, которая бы ими ведала, нет системы норм, к которым можно было бы в споре апеллировать. Эти нормы — основа нашей культуры. Речь не о том, какие они; я лишь утверждаю, что там, где норм нет, там нет и культуры»*.

Уже из этого утверждения видно, что уже в самой основе различения «заурядного человека массы» от «выдающегося человека элиты» Ортега-и-Гассет исходит не из неких глубинных исторических основ их корневых общественных интересов, а из их поведенческих атрибутов, причем чаще всего — формально-внешних

Критическое отношение к историческому опыту большевиков предполагает серьезный анализ не только того, что не получилось, но и того, что удалось осуществить. Про успехи же большевиков российские официальные СМИ-идеологи сегодня либо активно умалчивают, либо их извращают. Впрочем, это вполне понятно: стратегические прорывы большевиков особенно в культуре сегодня остаются актуальным и безответным вызовом всему эшелон современных российских идеологов (как либералов, так и консерваторов), почти неразличимых друг от друга в своей исторической слепоте, культурной глухоте и мелкомасштабности исторического. Отсюда и весь их стратегический провал, особенно высвечиваемый успехами большевиков.

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.

//web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...

Кстати достаточно точную портретную зарисовку этой категории современных российских стратегов дал в своей статье «Руководство к куроводству» еще в начале прошлого века один из лидеров меньшевизма – Ф. Дан, критикуя «Вехи» за то, что его авторы впервые провозгласили «идеалом» личности откровенно *буржуазную* личность, «идеалом» культуры – откровенно *буржуазную* культуру, а образцом «гармонии» – «западноевропейский буржуа»¹.

Противоречия социального творчества

Рассматривая вопрос социального творчества, нельзя не сказать несколько слов о его собственных противоречиях. Это достаточно серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения. Поэтому в данном случае ограничимся лишь тем, что попытаемся сформулировать некоторые из них.

- Социальное творчество, будучи объективным процессом преобразований общественной реальности, тем не менее оно находится в достаточно сильной зависимости от его субъекта (революционных масс).

- Социальные преобразования, будучи по своему характеру творческим процессом, в то же время должно соотноситься с принципами формального регулирования этого процесса, т.к. с одной стороны, оно связано с реализацией общественных интересов, а с другой – предполагает координацию усилий разных субъектов.

- Будучи носителем классового интереса и классового сознания, революционный индивид, тем не менее должен находить такие решения социальных проблем, которые снимали бы в себе эту классовость. Другими словами, субъект социального творчества должен снимать *классовую природу* общественных противоречий в бесклассовость уже противоречий мира культуры.

- Социальное творчество, ориентированное на решение конкретных социальных противоречий, порожденных отношениями отчуждения, в то же время является способом включения индивида в культуру, т.е. в мир неотчужденных отношений.

- Выявляя всю меру культурной недостаточности масс, социальное творчество одновременно становилась и формой ее преодоления.

---

¹ См. Дан Ф. Руководство к куроводству // Вехи: Pro et contra. Антология. Спб., 1998. С. 453.

Итак, мы назвали лишь несколько имманентных противоречий социального творчества, обеспечивающих его жизнедеятельность, причем ровно настолько, чтобы можно было решить многие противоречия действительности. И социальное творчество действительно решает многие противоречия, например: межнациональные; межрелигиозные; между «элитой» и «массой»; между двумя ипостасями революционного индивида (субъекта истории и субъекта культуры); между бытом и бытием; между объективным интересом революционного индивида и формой его субъективного осмысления; между представителями разных профессий и многие другие.

Диалектика социального творчества и культуры

Завершая эту статью, следует еще раз подчеркнуть конкретное значение диалектической взаимосвязи «живого творчества масс» с культурой.

Во-первых, участие революционных масс в социально-творческих процессах управления государством реально стало для них единственным способом открытия новых – содержательных смыслов культуры. Отчуждение от непосредственного участия в преобразующей практике порождает как правило и отчужденное отношение к культуре: либо потребительское, либо номенклатурно-ритуальное, либо коммерческое.

Во-вторых, участвуя в той или иной мере в процессах живого созидания общественных отношений, связанных с преодолением конкретных форм отчуждения, индивид объективно сам становится носителем разотчужденных отношений, т.е. воплощением живой конкретной альтернативы существующим формам отчуждения.

Другими словами, участие индивида в социальном творчестве одновременно становилось и механизмом его общественной самодетерминации. Соответственно отказ индивида от субъектного принципа бытия в истории и культуре становится прологом к разным формам отчужденного бытия. Трагические последствия десубъективации советского человека, вызванные процессами сталинизации, бюрократизации, коммерциализации, – горькое тому доказательство.

В-третьих, социальное творчество, связанное с деятельностным преодолением существующих форм отчуждения, стало основой развития и советской культуры, питая ее токами общественной драма-

тургии и новыми противоречиями, новыми героями и новыми контрапунктами, открытиями и реактуализацией культурного наследия.

И это было принципиальное новое решение проблемы, которая заявила себя во всей остроте еще задолго до 1917 года. В отличие от большевиков, либерализм этой проблемы не решил даже на уровне абстрактно-философских суждений. Утверждения Ортеги-и-Гассета на этот счет сводились к следующему: *«Нет культуры там, где нет начал гражданской законности и не к кому апеллировать. Нет культуры там, где в решении споров игнорируются основные принципы разума [13]. Нет культуры там, где экономические отношения не подчинены регулирующему аппарату, к которому можно обратиться»*¹. Культура в его понимании не является неким живым и развивающимся организмом, а исходит из неких формально-нормативных установлений опять-таки трансцендентального происхождения.

В-четвертых, социальное творчество одновременно имеет еще и гносеологическое значение, ибо посредством включения в преобразующую практику индивид познает качество, границ и противоречия не только реальности, но и самого себя. Другой вопрос, что в практике социального творчества далеко не всегда находили разрешение вскрытые им противоречия.

В-пятых, социальное творчество стало формой нового типа демократии – деятельностно-креативной демократия «низов», которая столь актуальна сегодня уже в силу того, что является реальной альтернативой износившемуся институту представительной демократии.

В-шестых, социальное творчество становится субстанцией решения национального вопроса.

В-седьмых, социальное творчество стало основой и способом развития гражданского общества и гражданского самосознания нового типа.

Можно смело сказать, что социальное творчество 1920-х гг. стало новой основой бытия и индивида, и общества, и культуры. Неслучайно последующая сталинизация своим бюрократическим катком первым делом проедет по общественным и культурным движениям, возникших в первый революционный период и прежде всего – по его субъектам. А ведь основой этих движений были живые люди, энту-

---

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.
[//web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...](http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf...)

зиасты, убеждения, энергия и порыв которых были устремлены на то, чтобы решая насущные проблемы, жизни, растопить вековой лед отчужденных отношений и направить его на развитие человека и общества. Только в русле этой общественного развития возможно осуществление формулы коммунизма по К.Либкнехту «Коммунизм есть культура». Вот в этом и заключался марксистский ответ на вековое историческое противоречие: без культуры трудящиеся не могут созидать жизнь, отвечающую их интересам, но в тоже время никто за них этот «новый мир» не построят.

Так что, практика 1920–х гг. показала, как соединение социального творчества, революционных масс и культуры породили те общественные отношения и ту атмосферу, без которых не было бы ни *Нового человека*, ни Советской культуры, ни энтузиазма 1930–х гг., из которых и складывался потенциал для дальнейшего разрешения острейших противоречий советской системы. И в той степени, в которой эти противоречия разрешались, в той степени была и перспектива развития советской системы (как пространства созидания новых общественных отношений), советского человека (как *Нового человека*) и советской культуры (как формы *всемирной культуры*).

Вне этой трехмерности, в которой принцип творческой деятельности, ее результат и ее субъект существуют как единое целое, говорить о свободе и тем более, освобождении человека не приходится. Советские практики это подтвердили во всей полноте.

М.И. Воейков

Советская история: пределы свободы выбора

«История является не чем иным, как развитием свободы в необходимости».

А.И. Герцен. (Письмо о свободе воли. 1871 г.)

Свобода хорошо, а необходимость плохо. Так думают многие и многие мечтают о том, как бы сделать так, чтобы в обществе свобода расцветала для всех, а необходимость была сведена к физиологическому минимуму. Многие социальные учения концентрируются на этой дилемме. Многие социальные мыслители вообще считают, что как отдельный человек, так и все общество должны быть свободны в выборе своей судьбы, стиля жизни, способа действий и общественного устройства. Некоторые наивные мыслители полагают, что для этого нужно хорошо подумать или что-нибудь придумать – чтобы быть свободным. Объективная необходимость по такой логике преодолевается умственными или волевыми усилиями человека. Поэтому, считают эти мыслители, главное не те объективные, материальные условия жизни, в которые человек или общество поставлены изначально, а субъективные желания, стремления, наконец, воля, которая может творить чудеса. Не материальное бытие определяет сознание, а, наоборот, сознание творит бытие. В пример приведем характерное высказывание апостола либерализма Л. Мизеса. Заканчивая свою книгу “Социализм” он делает такое заключение: “Не мистические “материальные производительные силы”, а разум и идеи определяют жизнь человека. Чтобы остановить сползание к деспотизму и социализму, необходимы здравый смысл и нравственное мужество.”¹ Однако Мизес при этом не потрудился объяснить – почему же идеи Платона не смогли определить жизнь человечества или идеи Августина о божьем граде так и не воплотились в жизнь, почему “идеи” немецкого национал-социализма потерпели крах. Мизес вообще не объяснил нам истории, спутав при этом социализм со сталинизмом. Мизес много цитирует Маркса и Энгельса, но поче-

---

¹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 374.

му—то не заметил следующее их высказывание: “Взгляд, согласно которому *будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни*, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали.”¹ Эта последняя мысль Энгельса как нельзя лучше соответствует положению большевиков, в которое они попали в 1917–1922 гг. в России. Можно ли было свободно выбирать тип общества, можно ли было перескочить через объективно неизбежные этапы развития? Были ли большевики в начале XX века свободны в своем выборе? Эти вопросы и будут предметом обсуждения в настоящем тексте.

В.И. Ленина и его теоретическое творчество нельзя, невозможно отделять от марксизма и, стало быть, от Маркса. Более того, можно даже утверждать, что Ленин был наиболее адекватным и наиболее глубоким истолкователем Маркса. И Ленин и все его труды пронизаны марксизмом, причем марксизмом самым ортодоксальным или, как ныне говорят, аутентичным. Ленин почти всегда пытался свои практические действия сверять с Марксом, искать в его работах ключ к решению многих и многих проблем. Одна из важнейших составляющих марксизма, как известно, является материалистическое понимание истории или экономический детерминизм. Именно в этом состоит наибольшая сложность и противоречивость Ленина. Ибо русская действительность времен Ленина, эпохи заката феодального общества, плохо соответствовала учению Маркса, сформулированного в эпоху индустриального капитализма. Марксизм объяснял как будет осуществляться выход из этого капитализма, Россия же стояла перед входом в него.

Важнейшее значение имела принципиальная методологическая разница между входом и выходом капитализма. Любое общество входит в капитализм спонтанно, само собой, как естественный процесс развития, с революциями, кровью, потом и прочими атрибутами раннего капитализма. Выход из капитализма должен осуществляться не стихийно, как придется, а сознательно и целесообразно. В этом состоит один из важнейших постулатов марксизма, выраженный в знаменитых тезисах Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, что-

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639.

бы изменить его». Но для изменения мира нужна научно разработанная программа и соответствующая политика. Теоретическое знание в данном случае должно стоять впереди эмпирического.

Таким образом, согласно марксистскому учению следует исходить из теории, из принципиальных установок марксизма, но это далеко не всегда получалось. В том то и отличие марксистского политического деятеля от других, что марксист должен, обязан исходить из теории вопроса, из предварительного его научного исследования и анализа. Он должен просчитывать все этапы и последствия намечаемого хозяйственного или политического мероприятия с точки зрения интересов большинства трудящегося населения. Другое дело, что это не всегда удается сделать или делается плохо. Но для марксистского деятеля характерно прежде всего сознательное отношение к действительности, даже, можно сказать, научно-теоретическое отношение. Марксист должен владеть научно выработанной доктриной и ею руководствоваться в практической деятельности.

Здесь отметим один важный момент для всей темы. Марксистски грамотные революционеры (большевики и меньшевики) не могли «поступаться принципами», ибо это шло бы вразрез с их марксистским мировоззрением, которое, как они считали, впервые является научным. Это были не только идейные люди, но стремящиеся и в своих практических действиях к целям общественного развития так, как они формулировались в научном социализме. Поэтому-то так много среди лидеров большевизма было теоретиков, потому-то они так любили всяческие теоретические дискуссии, потому то В. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин и другие в самые неподходящие моменты принимались писать сугубо теоретические сочинения. Согласно доктрине марксизма, революционеры должны действовать не просто сознательно, но исходя из теоретического понимания трактования исторического процесса. Необходимо было сознательно творить историю. Меньшевики это «доктринерство» довели до абсурда, когда в середине и конце лета 1917 г. отказывались составить однородное социалистическое Временное правительство под тем предлогом, что революция была буржуазная, а не социалистическая. Большевики все же власть взяли, чем продемонстрировали большую гибкость.

И все же – что же такое марксизм? Марксизм как сложное учение состоит из ряда положений, некоторые из которых являются основными, так сказать, конституирующими марксизм, и другого ряда положений, которыми в общем случае можно пренебречь. Значит,

надо выделить главные составляющие марксизма, которые и определяют его суть, без которых марксизм не может быть марксизмом, то есть, его ядро. Здесь также имеются известные трудности. Разные весьма компетентные и авторитетные исследователи и комментаторы выдвигают различные положения в качестве главных. И это характерно для крупнейших исследователей и пропагандистов марксизма. Например, В. И. Ленин в статье “Исторические судьбы учения Карла Маркса” (1913 г.) писал: “Главное в учении Маркса, это – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества”¹. То есть, по сути дела, Ленин главное в марксизме видел в учении о предназначении пролетариата и классовый борьбе. Другой виднейший русский теоретик марксизма М.И. Туган-Барановский указывал иное: “Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства”². Сегодня можно констатировать, что не первое положение (Ленина), ни тем более второе (Туган-Барановского) многими исследователям не рассматриваются в качестве основных составляющих марксизма. Можно приводить и другие высказывания авторитетных исследователей, которые в силу разных обстоятельств выдвигали на центральное место различные положения или высказывания основоположников марксизма. Однако, как бы не были интересны эти и другие положения, сами основоположники марксизма выделяли другое.

Обычно считается, что наибольшее значение в теории Маркса имеют следующие два положения: учение о прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории (экономический детерминизм). На эти два положения совершенно определено указывал Энгельс: “Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государствен-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 1.

² Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 244.

ные учреждения, правовые воззрения, искусство... Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность... Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни". И в другом месте о том же самом: "На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм"¹.

Все остальные высказывания и положения Маркса и Энгельса, какое бы они значение не приобретали в то или иное время, нельзя рассматривать в одном ранге с двумя вышеназванными, которые и составляют ядро марксизма. Ни классовая борьба, ни диктатура пролетариата, ни учение о концентрации средств производства, ни тенденция понижения средней нормы прибыли, ни даже теория социальной революции и т.д. не могут рассматриваться самостоятельно и составлять ядро марксизма. Все остальные положения марксизма при всей их важности есть или следствие двух основных положений, или характерны лишь для конкретного исторического периода и своеобразия конкретных условий. В русской литературе XX века наибольшему обсуждению под разными названиями и в разных ракурсах подверглось положение о материалистическом понимании истории (или что тоже – экономический детерминизм). Это связано с трактовкой характера Русской революции 1917 года и возможностью строительства социализма в одной стране.

Согласно концепции марксизма новый общественный строй может появиться лишь тогда, когда для него созреют необходимые материальные предпосылки. Теория лишь помогает правильно понять эти предпосылки и наметить пути ближайшего развития общества. Теория как бы луч фонаря, освещающего путь человечества. Марксистская теория непременно условием ставит наличие фонаря у просвещенного, цивилизованного человека, в противном случае путь будет бессмысленным. Итак, напомним некоторые моменты марксистской теории смены эпох, смены общественного устройства, а также теории революции. Социалистическая революция, согласно историческому материализму должна означать не просто народный взрыв от нищенской жизни, а то положение, когда массы сознательно, с полным пониманием этапов и последствий берутся за переустройство своего общества. Причем, до этого капитализм должен ис-

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350–351, 115.

черпать все возможности своего поступательного развития. Марксово понимание исторического процесса можно найти в следующих словах: "Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их осуществления в недрах самого старого общества"¹. И еще: "Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего". "Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами"². Эти классические положения означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические производственные отношения никогда не могут появиться на основе развивающихся капиталистических производительных сил. То есть, для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития производительных сил капиталистического общества, который по сути будет означать, что им уже тесно в рамках старых (т.е. буржуазных) производственных отношений. Согласно теории марксизма получается, что социализм может "победить" только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс.

Однако в России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была слабой и не могла возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. С одной стороны, вроде бы подтверждалась ленинская интерпретация марксизма, что главное в нем «всемирно-историческая роль пролетариата как создателя социалистического общества», ибо пролетарская партия взяла власть. Но в марксизме была и другая сторона, говорившая о необходимости объективных

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 9-10.

условий для строительства нового общества. С этой другой стороны, все-таки материальных предпосылок для социализма по существу не было. Как все это можно было объяснить, не порывая с марксизмом, историческим материализмом? Это основная проблема русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 года, но и после победы большевиков.

Сложнее дело обстоит с В.И. Лениным. Как известно, он был не только социальный теоретик, но и социальный практик. Двойственность марксизма как раз и проявилась в противоречивости, двойственности его политической и практической позиции. Эта двойственность не очевидна, прямо и просто не проявляется, может быть и, скорее всего, не осознавалась самим Лениным. Но эта двойственность была и с наибольшей силой проявилась в самом конце жизни Ленина.

Для раскрытия противоречивости (двойственности) Ленина, видимо, необходимо понять природу и корни его как теоретика и деятеля. Хорошо известно, что Ленин начинал свою теоретическую и политическую деятельность как добропорядочный марксист, водивший тесную дружбу с представителями “легального марксизма”, был аккуратным учеником представителей ортодоксального марксизма (Г. Плеханов, К. Каутский). Для дореволюционного этапа творчества Ленина характерны фундаментальные работы, написанные в развитии именно классического марксизма, почти полностью совпадающие с теориями крупнейших (в основном немецких) социал-демократов. Классический образец – “Государство и революция”, где Ленин по сути излагает, толкует, популяризирует марксову схему общественной системы будущего общества, безоговорочно принимая такие ее основополагающие постулаты как единая общенародная собственность, плановое централизованное распределение на ее основе всех видов ресурсов при полном отсутствии товарно-денежных отношений, распределение непосредственно по трудовому вкладу без денежного эквивалента и т. д.

Именно в этот период экономические воззрения Ленина практически совпадали почти по всем основным пунктам с положениями виднейших представителей европейской социал-демократии, имевшим общий марксистский источник. Так что, некоторые современные критики Ленина не знают или забывают упомянуть, что многие ленинские положения того периода, в частности, насчет “одной фабрики”, есть повторение или изложение общераспространенных

взглядов среди европейских марксистов. По крайней мере, повторение работ ведущего теоретика немецкой социал-демократии Карла Каутского.

По мере развертывания революционной практики, пыл революционной борьбы и, может быть, личные достоинства и темперамент, но главным образом объективные обстоятельства, все больше толкали Ленина на лево-радикальную теоретическую трактовку марксизма и текущих политических событий. Более того, объективно данные условия жизни он начинал подменять субъективными желаниями и действиями и, если можно так сказать, на субъективизме въезжал в объективизм.

Судя по всему, Ленин в силу ряда причин в большей мере взял вторую (т. е. революционную) сторону учения Маркса. Это довольно точно подметил Д. Лукач в следующих словах: “Актуальность революции – вот коренная идея Ленина и одновременно тот пункт, который решающим образом связывает его с Марксом”. Тем самым, по словам Лукача, Ленин “конкретизировал марксизм”¹. Однако, эта “идея” Ленина связывала его лишь с одной стороной марксизма, конкретизировала его лишь в одну сторону. Эта сторона в большей мере отвечала прагматическим склонностям Ленина и, может быть, лучше соответствовала условиям России конца XIX – начала XX века. Ибо страна объективно шла к своей революции (какой именно – это другой вопрос), которую естественно должна была возглавить наиболее радикальная и организованная партия. Такой и была большевистская партия.

Ленин, как и многие революционеры разных стран, использовал марксизм как идеологическую основу борьбы, теоретический инструмент революции. Это естественно. Но в силу двойственности марксизма (как научной теории, помогающей отыскать истину и как идеологии революции), этой нераздельной двойственности нельзя взять одну часть и просто отбросить другую. Это, кстати, объясняет, почему некоторые “реформисты”, пытаясь взять только эволюционную часть марксизма и чувствуя, что тем самым они марксизм обедняют, даже выхолащивают, склонны отрицать марксизм вообще. Ленин, освоив марксизм целиком, превратив его во “внутреннее убеждение”, однако упор сделал на его революционной стороне. И чем

---

¹ Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. – М.: “Международные отношения”, 1990. С. 55, 57.

дальше, тем больше. Если бы Ленин взял от марксизма только его прагматическую сторону, то весь марксизм у него свелся бы к фразеологии, к внешним формулам. Из серьезных исследователей это почти никто Ленину не инкриминирует, в отличие, например, от Сталина.

Рассматривая проблему – Ленин и марксизм, следует отметить и второй источник мировоззрения Ленина, резко выделяющий его на фоне европейской социал-демократии и придававший особый оттенок ленинскому использованию марксизма. Это сугубо русская общественно-политическая почва, традиции русского общественно-демократического движения, русский революционный радикализм. Именно от традиций русского общественно-демократического движения и прежде всего русского революционного радикализма перешел Ленин к марксизму, с позиций последнего стал громить, например, народничество, но, как показал ход дальнейшего, преодолеть его полностью не смог.

При всем этом, надо учитывать принципиальные отличия российской ситуации от европейской. Марксистское учение возникло после основных европейских буржуазных революций и объясняло – как быть дальше. Русское революционно-демократическое движение возникло до революции в России и объясняло не как быть дальше, то есть после революции, а как приближать, как делать революцию. Поэтому русские марксисты попали в сложную ситуацию, которая и расколола их на две части. Или ждать или действовать. Ленину по большому счету ничего другого не оставалось делать как действовать. Если следовать ортодоксальному марксизму, то надо сидеть и ждать полного развития капитализма и его загнивания, что, собственно, и делали меньшевики. Если стремиться к захвату политической власти и ее взять, то нелепо же социалистической (даже коммунистической после переименования) партии спокойно продолжать буржуазное развитие, создание капиталистического общества. Волей-неволей Ленину пришлось отодвинуть марксизм и перейти на идейные позиции народников. Различия тут были лишь в том, что народники считали, что капиталистическая стадия для России не обязательна, Ленин же полагал, что эту стадию можно как-то проскочить или свести к минимуму. Но в реальности это была одна и та же российская почва и одна и та же стратегия.

Ленин сформировался в такой российской атмосфере, вырос тут, в конце концов сам превратился в творца и диктатора этой атмосфе-

ры. Поэтому так легко и просто, почти естественно, Ленин сделал упор на радикально-революционную сторону марксизма. И, видимо, во многом именно поэтому добился блестящего успеха, взяв политическую власть во главе большевистской партии. С этим трудно спорить.

Вместе с тем, следует отметить, что нельзя, конечно, Ленина, его мировоззрение полностью отождествлять с русским революционным демократизмом. В противном случае он стал бы народником или эсером. У них не было расхождения между теорией и революционной практикой. Нет, Ленин, как известно, пошел другим путем. Под влиянием неперспективной практики народничества и изучения марксизма Ленин, видимо, не то, чтобы вовсе отказался от традиций русского радикального общественно-демократического движения, но очистил его лишь от крайностей (терроризм) и поставил на основу научного социализма. На место крестьянства в народническом учении он ставит промышленный пролетариат, тем самым соединяя многое из революционного марксизма с традициями и средой российского революционного общественного движения. И это то соединение привело Ленина к известной раздвоенности. Ибо, как уже отмечалось, марксизм требовал определенного уровня экономического развития для социалистических преобразований, а русский радикализм ничего этого не требовал. Ему достаточно было русской общины и радикально настроенной интеллигентской молодежи. Конечно, это соединение не было механическим или того более умозрительным. Скорее всего, это соединение двух очень близких общественных учений происходило под влиянием практических нужд революционной деятельности и было достаточно органичным для потребностей буржуазной революции.

Таким образом, в творческой, теоретической судьбе Ленина переплелись два крупных источника: русский революционный радикализм и европейский марксизм. В разные периоды эти два начала по разному сочетались, иногда дополняя друг друга, иногда противореча. Однако с течением времени, а главное, под влиянием революционной практики, которая для Ленина и его сподвижников в целом была успешна, Ленин все больше начинает переходить в своей практической деятельности исключительно на позиции революционного радикализма или, если угодно, прагматизма. И вот эта линия самобытного русского общественно-демократического движения, даже

радикализма, в русском марксизме занимала очень значительное место, порой и доминировала.

Кроме всего прочего, думается, Ленин есть настолько крупная историческая фигура, что к нему мало применимы жесткие схематические рамки. Есть масса примеров и случаев, когда Ленин отмежевывался от крайне левых позиций, стремился занять если не правые, то хотя бы центристские (в рамках, естественно, социалистического движения и практики) положения. Это и Брест-Литовский мир, и, собственно, переход к НЭПу. Имея в виду последний, он на III конгрессе Коминтерна говорил, что «нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели», «чем правее сейчас, тем вернее завтра»¹. Вместе с тем ленинские реверансы в сторону центризма есть, скорее, тактический ход, некоторое маневрирование, чем какая-то идейная убежденность. Об этом свидетельствуют многочисленные его высказывания, в том числе и на том же III конгрессе Коминтерна.² И действительно, чтобы победить в революции надо быть революционным радикалом, а не умеренным центристом. Революционная эпоха требует избыточности, а не серой умеренности.

Таким образом, все сводить в ленинском мировоззрении и практической деятельности к волюнтаризму и экстремизму, – это явная крайность. Тем более, если иметь в виду, что политическая деятельность Ленина в формальном отношении была успешна, то волюнтаризмом тут и не пахнет. Но есть и противоположная крайность, которая состоит в полном игнорировании левого радикализма Ленина и большевизма в целом. Эта крайность в основном свойственна представителям советской официальной идеологии КПСС. В случае Ленина именно эта лево-радикальная тенденция продемонстрировала великолепный успех. И нет никакой нужды стесняться именно этого определения в отношении ленинской политической тенденции. Но как возможно было примирить эту лево-радикальную политическую тактику с марксистским учением, особенно применительно к экономически и культурно отсталой России?

По общему мнению, капитализм в России стал интенсивно развиваться после отмены крепостного права, после 1861 года. К концу прошлого века русская интеллектуальная мысль встала перед

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 23, 457.

² Например: “Эсеры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции... Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов” (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 44, с. 53).

проблемой дальнейшего развития страны: к какому строю и обществу движется Россия? Надо вспомнить, что подавляющее число тогдашней русской интеллигенции было марксистски ангажировано и будущее России они видели с теми или иными оговорками как социалистическое или что-то близкое к этому. Вопрос заключался в прояснении пути к этому обществу: через развитие капитализма или особым российским путем, через, например, общину.

Многие марксистски настроенные интеллектуалы в конце XIX века (не путать с началом XX, когда этот настрой существенно изменился) путь для России видели только через развитие капитализма. На эту тему тогда писали многие русские ученые. Достаточно вспомнить такие имена как М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков и другие. И в ряду этих имен работа В.И. Ленина "Развитие капитализма в России" занимает достойное место, не представляя, однако, исключительного явления, вопреки мнению советской официальной историографии.

Книга В. Ильина (Ленина) на чрезвычайно обширном фактическом материале, с глубокой теоретической проработкой вопроса блестяще доказывала, что Россия уже прочно пошла по капиталистическому пути и именно в этом состоит ее будущее. Согласно ортодоксальному марксизму, а Ленин в ту пору был весьма крепким ортодоксом, Россия должна была пройти весь цикл капиталистического развития, и уже затем вслед за более экономически и культурно развитыми европейскими странами, переходить к социализму. В предисловии ко второму изданию этой книги в 1907 году Ленин пишет лишь о возможности быстрого и свободного развития производительных сил на капиталистической основе, что в дальнейшем создаст условия для социалистического переустройства.¹

Но пикантность ситуации состоит в том, что Ленин через каких-то 18 лет оказался вождем пролетарской революции и первым руководителем "строительства социализма", как тогда называли то, что и получилось в России. Еще в 1907 году в предисловии ко 2-му изданию этой работы, он писал, имея в виду революцию 1905 года: "Революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.

непреодолимо”¹. А через 10 лет, в 1917 году он стал склоняться уже к другому взгляду. В работе “Очередные задачи Советской власти” (1918 г.) он писал: “Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытии 8-часового “урока” производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма”². Тем самым Ленин практически перечеркнул теоретические постановки, содержащиеся в его же книге “Развитие капитализма в России”. Как это можно объяснить? Что произошло в России в промежутке после 1905 года к 1917 такого, что заставило Ленина видоизменить свою концепцию? Если к 1899 году капитализм в России только набирал темпы, то возможно ли, что к 1917 году капитализм здесь оказался уже перезрелым? Возможно ли за 18 и тем более 10 лет такое бурное развитие капитализма? Неужели после революции 1905 года, которая по утверждению самого Ленина была безусловно буржуазной и которая, как известно, не получилась, следующая революция в 1917 году вдруг сразу стала социалистической? И почему Россия дозрела до социалистической революции уже в самом начале XX века, а европейские страны, где капитализм развивался уже несколько сот лет, еще не дозрели? Все это требует пересмотра многих устоявшихся представлений.

На все эти вопросы сталинская школа советской историографии отвечала просто и уверенно. Большевистская партия под руководством В.И. Ленина выбрала путь строительства социализма и построила мощное социалистическое государство. Однако, после 1991 года, когда это “социалистическое” государство “приказало долго жить”, все эти вопросы встали опять в повестку дня. Поэтому надо опять возвращаться к работе В. Ильина “Развитие капитализма в России”, где доказывалась необходимость капиталистической стадии развития России и сравнивать ее с работой В. Ленина “Очередные задачи советской власти”, где излагались уже практические меры непосредственного строительства социализма. Кто же из них прав?

Для ответа на этот вопрос сделаем небольшой экскурс в теорию вопроса. Октябрьский этап русской революции, как бы к нему не

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 14.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 204.

относиться, по существу явился завершающим этапом единой Русской революции. Этим этапом были почти окончательно ликвидированы многие добуржуазные отношения в обществе, решены сугубо буржуазно-демократические задачи революции (ликвидация монархии, феодальных сословий, установление мира, аграрные преобразования). Вместе с тем Октябрьский этап был весьма своеобразен. Выполняя по существу функции завершения буржуазно-демократических преобразований, этап был проведен, возглавлен марксистской пролетарской партией. Целью последней было создание социалистического общества. Победа, власть оказались за партией большевиков. Эта коллизия и внесла много путаницы в дальнейшее развитие российского общества и, главное, в его теоретическую интерпретацию.

Ленин еще в самом начале революции, в марте 1917 года писал так: “Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней”¹. Л. Троцкий позднее отмечал, что “никто из русских марксистов никогда не заикался до 1924 года ... что русский пролетариат сможет построить национальное социалистическое общество”².

По многим характерным чертам общество, возникшее после революции в России больше напоминало буржуазное, чем социалистическое в классическом его понимании. Например, Ленин в заключительном разделе книги “Развитие капитализма в России” под названием “миссия” капитализма” перечисляет семь процессов проявления капитализма: рост товарного производства, концентрация производства, вытеснение форм личной зависимости, подвижность населения, уменьшение земледельческого населения, потребность населения в объединении, изменение духовного облика населения³. Эти процессы в той или иной мере были свойственны

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 91.

² Троцкий Л. История русской революции. Т.2, ч. 2. М., 1997. С. 343.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 599–601.

всей истории послереволюционной России. Таким образом, теоретически была ясна неизбежность именно буржуазного развития, пусть и в своеобразной форме.

И действительно, многие, если не все экономические мероприятия Советской власти были по своему характеру буржуазными. В данный термин я не вкладываю какого либо оценочного смысла. Под буржуазностью понимается стремление человека или общества в своей повседневной и прежде всего хозяйственной деятельности следовать правилам рационального экономического поведения, стремление к максимальной экономической эффективности. Это проявлялось прежде всего в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение экономической эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве – все это есть проявление буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Это, конечно, еще не капитализм в его классической форме, но господство своеобразных буржуазных экономических отношений. Сложность состоит в том, что правящая элита советского периода все это называло социализмом, что стало привычной формулой для многих. Поэтому практика без конца натывалась на массу противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социальных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью.

Вот эта проблема совмещения необходимости рыночной экономики, товарного производства с социализмом с его требованиями социального равенства и справедливости в принципе не имеет решения. Сразу же после революции 1917 года Ленин и большевики попытались прямо перейти к нетоварной (т.е. социалистической по терминологии тех лет) организации хозяйства. Многие наиболее интересные и творческие работы Ленина посвящены именно этому. Итак, рассмотрим попытку организации нетоварного хозяйства.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса и их ближайших последователей содержатся высказывания, которые совершенно определенно позволяют считать, что основоположники марксизма в целом отрицали возможность существования товарного производства и товар-

но-денежных отношений в условиях коммунистически организованного общественного производства. И это характерно для их наиболее зрелых и значимых в методологическом плане работ. Например, в “Критике Готской программы” Маркс писал: “В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как *стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда”.¹ Эти высказывания основоположников можно признать за “классические”, которые постоянно воспроизводились и воспроизводятся в современной литературе и которые недвусмысленно свидетельствуют, что Маркс и Энгельс, как и все социалистические мыслители за очень редким исключением, отрицали возможность существования товарного производства в условиях социализма. Эта позиция прочно вошла в традицию марксистской литературы, стала как бы центральной догмой марксизма и насчитывает немало попыток своего практического осуществления.

Положение о несовместимости товарного производства и социализма получило широкое распространение среди марксистов в конце XIX и в начале XX века. Например, Г.В. Плеханов при составлении программы социал-демократической группы “Освобождение труда” в 1883 году и во “Втором проекте программы русских социал-демократов” в 1887 году указывал, что для освобождения труда от гнета капитала необходим переход в общественную собственность всех средств и предметов производства, следствием чего будет: “а) устранение современного товарного производства (т.е. купли и продажи продуктов на рынке) и б) замена его новой системой общественного производства по заранее составленному плану ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время”.²

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1956, с. 377. Это положение также было зафиксировано в программе Германской социал-демократической партии, принятой в 1891 г. на съезде в Эрфурте, где указывалось о “преобразовании товарного

Естественно, что общераспространенное в марксистской среде положение о несовместимости социализма и товарного производства полностью разделял и Ленин. Особенно ярко это прослеживается в работах Ленина дооктябрьского периода. В 1894 году в работе “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?” он писал: “Для организации крупного производства без предпринимателей нужно, во-первых, уничтожение товарной организации общественного хозяйства и замена ее организацией общинной, коммунистической, когда бы регулятором производства был не рынок, как теперь, а сами производители, само общество рабочих, когда бы средства производства принадлежали не частным лицам, а всему обществу”¹. Это же писалось и в “Проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии” и во многих других ленинских работах. Как итог дооктябрьского понимания Лениным существа вопроса можно привести его высказывания 1908 года: “Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства”².

Этого фундаментального положения марксизма Ленин, как и другие русские марксисты того же теоретического класса, держался всю жизнь. Всякие попытки представить “двух” или “трех” Ленинов на основе изменения некоторых его политических ориентиров не представляются нам убедительными. Эволюция взглядов Ленина действительно была, но эта эволюция не затрагивала и не могла затронуть принципиальные, мировоззренческие основы ленинской идеологии. Одним из таких постулатов было положение о несовместимости социализма и товарного производства.

С осуществлением октябрьского переворота и первое время после него (в ряде случаев довольно продолжительное) классические представления о несовместимости, чуждости товарно-денежных отношений и социализма продолжали господствовать среди марксистов, в том числе и большевиков. Первые мероприятия новых властей по преобразованию народного хозяйства вытекали, в самом общем рассмотрении, не только из практических потребностей текущего момента, но во многом также из теоретических посылок, сложившихся еще в довоенный период. В конкретных мерах и в общей тео-

---

производства в производство социалистическое” (См.: Каутский К. Эрфуртская программа. М.: Госполитиздат, 1959. С. 103).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 253.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

ретической установке господствовало положение о реорганизации народного хозяйства на основе непосредственных (декретивных) методов управления, на свертывании товарно-денежных отношений, на замене торговли натуральным продуктообменом. В январе 1918 года Ленин писал: "Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном *продуктообмене* города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна..."¹.

Стремление к натурализации экономики, естественно, исключало постановку вопроса об использовании товарно-денежных отношений в целом для строительства социализма или необходимости сохранения товарного производства. При этом следует учитывать своеобразие переходного периода в России, на что почти не обращается внимания в соответствующей литературе. Основоположники марксизма предполагали, что переходный период от старого общества к новому закончится уничтожением частной собственности на основные средства производства, а в реальной жизни в России переходный период начался с ликвидации частной собственности на эти средства производства. Возможно, в этом несоответствии уже был заложен один из парадоксов социализма в России.

Естественно, что в данный период, т.е. в период ликвидации, а лучше сказать, изживания частной собственности на средства производства, сохраняются товарные отношения, отражающие в определенной мере еще буржуазные, капиталистические производственные отношения. Это и имели в виду основоположники марксизма, когда указывали на необходимость использования в переходный период таких категорий как деньги, кредит, банки и т.д. Реальный же переходный период в России начался после осуществления Октябрьской революции не только с установления политической власти рабочего класса, но и с уничтожения частной собственности на основные средства производства. Поэтому встречающиеся иногда в литературе попытки представить дело так, что якобы основоположники марксизма признавали необходимость товарно-денежных отношений именно в тот переходный период, который реально имел место в русской действительности, нельзя признать убедительным. На самом деле все обстоит значительно сложнее, так как ни Маркс, ни Энгельс

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 250.

не имели четкого, детально разработанного плана переходного периода к будущему обществу и устройства самого этого общества. Тем более им в голову не могло прийти советские интерпретации российского исторического процесса.

В России же национализацию приняли за обобществление. Тем более, что политическая власть в первые годы революции находилась в руках марксистской партии, которая более адекватно отражала интересы пролетариата, для которого вполне достаточно было простой национализации. Таким образом, у Ленина и его сподвижников были, хотя бы формальные основания, исходя из теоретического наследия классиков, предполагать возможным свертывание товарно-денежных отношений и переход от товарного производства к непосредственно социалистическому уже для послереволюционных условий России.

Однако это и в большевистской трактовке не означало отмену сразу одним каким-либо декретом всех товарно-денежных форм хозяйственной жизни. Ленин допускал возможность временно не отменять, например, денежные налоги и не запрещать “отдельных сделок купли-продажи отдельными семьями”. В начале марта 1918 года он писал: “Купля-продажа допустима и не через свою коммуны (при поездках, на базарах и т. п.), но с обязательной записью сделки (если она выше известной суммы) в потребительско-рабочий книжки”¹.

Рыночные отношения и товарное производство продолжали осуществляться тогда в некоторых своих явных формах. При этом необходимо иметь в виду, что нормальное функционирование товарно-денежных форм того времени было существенно подорвано и искажено не теоретическими постулатами большевиков, а хозяйственной разрухой, политической нестабильностью уже с начала войны. Небывалая инфляция, разлаженная торговля, подрыв кредитно-финансового механизма и т.п. не могли, естественно, внушить симпатий к товарно-денежным отношениям как надежным рычагам восстановления и развития экономики. Естественным было и стремление молодого государства освободиться от столь неудобных и, как тогда казалось, чуждых ему форм хозяйствования. Но так как такие формы все-таки существовали и каким-либо единовременным актом избавиться от них не представлялось возможным, Ленин предполагал временно сохранить некоторые из них, такие, как деньги, банки, фи-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 75.

нансы, и по возможности использовать их для упрочения советской власти. Это был чисто прагматический подход к проблеме. Но подчеркнем еще раз, что допустимость использования товарно-денежных форм Лениным как и другими большевиками рассматривалось тогда лишь в переходный период к социализму.

С весны 1918 года наметился некоторый поворот к более широкому использованию товарно-денежных форм. В этот период Ленин основной упор делает на проблемы организации производства и управления им, для чего предполагалось использовать сохранившиеся товарно-денежные формы. Это – порой и вводит в заблуждение тех исследователей, которые утверждают, что весной 1918 года вопрос стоял о широком использовании товарно-денежных отношений. Однако Ленин не имел именно это в виду. Это был, повторяю, чисто прагматический подход. В данном случае не предусматривалась перемена теоретической концепции Ленина на социализм как нетоварную организацию производства. Конечно, взгляды Ленина развивались, эволюционировали, но в данный момент никакого существенного изменения теоретической позиции Ленина не наблюдалось. Не следует упускать из виду, что Ленин всегда был и оставался до самого конца принципиальным революционером, то есть в целом держался принципов революционного марксизма.

Вопрос о “необходимости сохранения товарного производства” совершенно не стоял в повестке дня. Высказывания Ленина не подтверждают такого мнения. Господствующей установкой того времени была ставка на непосредственный и быстрый переход к коммунистическим принципам организации народного хозяйства. Выступая на VII Московской губпартконференции в октябре 1921 года, Ленин, давая оценку экономической политики конца 1917 г. – начала 1918 г., говорил: “Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической”¹.

В начале 1918 года было внимательное, надо думать, осторожное, сугубо прагматическое отношение, особенно со стороны Ленина, к существующим товарно-денежным формам. Предпринимались некоторые меры по их использованию в строительстве нового общества, но сами эти формы не мыслились как необходимое свойство

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 199.

социализма. Это доказывают хотя бы “очередные и главные лозунги” того времени, как их формулировал Ленин в “Очередных задачах Советской власти”: “Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде”¹. Заметим, что по большому счету, в этих лозунгах нет ничего и социалистического. Аккуратность и добросовестный счет денег, экономичность – все это императивы буржуазного способа производства, буржуазности. Вспомним на этот счет протестантскую этику М. Вебера. Однако, отсюда не следует, что пролетарская власть в этот период стремилась сохранить товарное производство. Это был бы разрыв с классическим марксизмом. В той же работе Ленин писал: “Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытию 8-часового “урока” производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма”².

Общая же идеологическая ориентация в начале 1918 года была направлена на вытеснение товарно-денежных отношений из хозяйственной практики строительства нового общества, так как под товарным производством подразумевалось исключительно частно-капиталистическая организация производства. Социализм и его устройство мыслились как безденежное, безтоварное хозяйство, непосредственным образом учитывающее и распределяющее необходимые продукты как производственного, так и потребительского назначения. Отсюда и знаменитый ленинский лозунг “учета и контроля”, которые по сути своей должны были заменить рыночный механизм.

В “Очередных задачах Советской власти” Ленин писал: “Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще меньше. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный учет и контроль хлеба и добычи хлеба (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись”³. В это время совершенно не ставился

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 174.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 204.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 185.

вопрос ни о торговле, ни о широком использовании товарно-денежных форм.

С началом гражданской войны экономическое положение страны усложнилось. Необходимо было любой ценой обеспечить материальные нужды как красноармейцев, так и городского населения, и прежде всего рабочих и служащих советских предприятий. В этих условиях был сделан резкий переход к прямым, исключительно административным и даже милитарным методам управления народным хозяйством. Происходила широкая натурализация экономических отношений. Это была прогматическая сторона вопроса, которая выступала как определяющая и базовая. В первую голову нужно было решать практические вопросы жизни. В июне 1921 года на III Конгрессе Коммунистического интернационала Ленин специально подчеркивал это обстоятельство: "Мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии"¹. Это, так сказать, прагматическая сторона дела. Но эти же прагматические потребности поддерживали и воспроизводили определенные идейные ощущения.

Итак, экономическая политика времен гражданской войны, получившая впоследствии название политики "военного коммунизма" была вызвана по крайней мере двумя причинами. Прежде всего, это сложная военная и хозяйственная обстановка в стране и без того с сильно разваленной экономикой. И также, а может быть, даже в первую очередь, господствующими представлениями о социалистическом обществе как нетоварном, безденежном хозяйстве. Натурализация экономических отношений, ликвидация по существу денег, финансов и т.п. особенно в связи с победами в гражданской войне, создали почву для широкого распространения и утверждения представлений, совершенно отрицающих необходимость использования товарно-денежных отношений даже в процессе строительства социализма.

Однако общее представление о несовместимости товарно-денежных отношений и социализма Ленин подтверждает и в этот период времени. В октябре 1919 года он делает такое замечание: "У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товар-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 44.

ное производство”¹. Этот мотив преодоления товарно-денежных отношений и товарного производства был характерен почти для всех деятелей большевистского спектра тогдашней экономической политики, что хорошо было показано уже в советской экономической литературе.

После окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике (нэпу) начинается известная “переоценка ценностей”, ранее бытовавшие теоретические представления уже не так прямолинейно довлеют над практикой. Скорее наоборот, хозяйственная действительность дает обильный материал для новых обобщений и выводов, хотя и старые никуда не уходят, да и не могут уйти. В этот период наиболее отчетливо прослеживается эволюция взглядов Ленина по вопросам использования товарно-денежных отношений в строительстве социализма. С началом нэпа у Ленина уже нельзя встретить прямых и определенных, как раньше, суждений относительно несовместимости товарного производства и социализма. В этот период Ленин, более чем ранее, исходит из потребностей текущего момента, из потребностей практического налаживания нормального процесса хозяйствования. Хотя, конечно, нельзя утверждать и обратное, что он пересмотрел классическое представление о социализме как нетоварном способе производства, отказался от одного из центральных положений марксистской теории социализма.

Вообще говоря, Ленин в своей деятельности и воззрениях, особенно в связи с практическим руководством строительства нового общества, чаще и в большей мере исходил из практических нужд, их живой действительности, а не только из теоретических схем. Наверное, можно согласиться с мнением известного западного историка М. Левина, что “государственная машина, которую создавал Ленин, в большей мере была продуктом обстоятельств, чем предварительных теоретических рассуждений”². Именно потому Ленин оказался гениальным революционером, что смог создать крепкую государственную власть. Более того, ведь именно с Ленина, с его правительства начинается отсчет республиканской истории России. Все это так. Но создание крепкой государственной власти в республиканской России

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 357.

² Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. – N. Y., 1970, p. 34. “Ни теория “военного коммунизма”, ни диаметрально противоположные ей принципы, на которых базировался НЭП, не имели какой-либо связи с дореволюционными теориями и рассуждениями” (ibid, p. 17).

никак не вытекало из марксистской теории. Прагматик Ленин столкнулся с Лениным теоретиком. И нельзя полагать, что Ленин этого столкновения не чувствовал. Ленин как марксист всегда разделял общепризнанное положение марксизма о ликвидации товарного производства в условиях социализма. Но когда вопросы хозяйственного строительства нового общества встали на повестку дня, Ленин вынужден был уже несколько по-новому подходить к решению проблемы использования товарно-денежных отношений в строительстве социализма. Обратим внимание на то, что речь в данном случае идет об использовании товарно-денежных отношений в *строительстве* социализма, а не *при* социализме. Товарное производство при социализме – это уже формула Сталина. Ленин никогда и нигде так не говорил. Но уже говорить о допустимости использования товарно-денежных отношений в строительстве социализма было большой новацией. В этом проявилась не только эволюция его теоретических воззрений, но и сложнейшая теоретическая проблема марксистской ветви всей общественной науки.

Действительно, Ленин и большевики считали, что совершают социалистическую революцию, после которой должно начаться, пусть постепенное, но последовательное и неуклонное развитие (строительство) социалистического общества. Согласно марксистской теории это общество должно быть нетоварным, нерыночным. Строительство или развитие его должно означать, следовательно, постепенное отмирание (или ликвидацию) товарно-денежных, рыночных отношений и форм. И “военный коммунизм” как бы давал к этому некоторые основания. Но хозяйственная практика даже этого периода не позволяла все больше и больше освобождаться от товарно-денежных форм. Пришлось выдвинуть парадоксальную формулу об использовании товарно-денежных отношений в строительстве социализма или, как позже скажет сам Ленин, капиталистическими методами строить коммунизм. Однако такая формула находилась в явном противоречии, как с простой логикой, так и с марксистской теорией. Ведь нелепо полагать, что чем быстрее и мощнее развивать рыночные отношения, тем быстрее наступит безрыночная экономика. Это была действительная теоретическая трудность для марксистски образованных большевиков, вызванная главным образом тем, что они революцию 1917 года, в том числе и Октябрь, принимали за социалистическую революцию, которая открывала бы дорогу к бес-товарному способу производства.

К весне 1921 года стало ясно, что политика “военного коммунизма” не способствует успешному восстановлению народного хозяйства. Более того, эта политика ставила под угрозу само существование Советской власти ввиду разлада союза рабочих и крестьян. Ленин отмечал, что весной 1921 года “мы натолкнулись на большой, – я полагаю, на самый большой, – внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас”¹. Вообще, Ленин никогда не стыдился честно писать все, что думал и собирался сделать. “Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом, – как-то заметил Ленин, – Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот...”².

На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) принимаются первые решения, которые положили начало осуществлению новой экономической политики. Отмена продразверстки, введение налога, оставление некоторого излишка продуктов у крестьян – все это предполагалось провести в рамках налаживания прямого товарообмена между городом и деревней. В рассматриваемый период (до осени 1921 г.) Ленин еще не видел необходимости реального наполнения в использовании таких товарно-денежных форм, как торговля, хозрасчет, прибыль, рентабельность производства. Однако, у него уже намечается некоторое изменение взглядов на товарное производство при социализме. Так, в мае 1921 года в работе “Наказ от СТО (Совет труда и обороны) местным советским учреждениям” Ленин пишет: “... государственный продукт – продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...”³.

Новая экономическая политика чрезвычайно обострила и усложнила теоретическое понимание происходящих событий. НЭП по существу означал допущение капитализма после того, как этот капитализм (наряду с остатками феодализма) был вроде бы успеш-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 33.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 276.

но повержен в гражданской войне. Так это тогда казалось многим. Ситуация оказалась уникальной, т.е. не укладывалась ни в какую теоретическую схему. Во главе страны было “рабоче-крестьянское” правительство с коммунистической идеологией, но экономическую политику это правительство оказалось вынужденным проводить буржуазную. Строить социализм капиталистическими методами и с помощью капитализма, на что неоднократно указывал Ленин. Но как ни крути, это несомненная логическая натяжка. Большевики и прежде всего Ленин всеми силами сопротивлялись развертыванию нэпа, но объективная необходимость брала свое. Проведение новой экономической политики явилась объективной неизбежностью.

Новая экономическая политика потребовала развития и изменения ее первоначальных форм. В начале осуществления нэпа, весной 1921 г. как известно, не предполагался переход к торговле, использование хозрасчета, коммерческого кредита и т.п. Практические мероприятия по развертыванию рыночных отношений в хозяйственном строительстве того времени были весьма скромными. Среди намечавшихся мероприятий, например, товарооборот не рассматривался собственно в качестве торговли, не был по сути оборотом товаров, а скорее был просто продуктообменом без соответствующего стоимостного эквивалента. Но жизнь заставила пойти дальше в использовании товарно-денежных отношений в “строительстве социализма”.

Эти и другие мероприятия Советского государства периода НЭПа постепенно приводили Ленина к убеждению в необходимости более широкого использования рыночных отношений. Так, уже осенью 1921 г. Ленин пришел к выводу, что товарообмен следует заменить обычной торговлей, так как практически такая замена уже произошла *de facto*. В октябре 1921 г., выступая на VII Московской губпартконференции, Ленин говорил: “Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю–продажу”. И дальше: “С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля–продажа, торговля”¹.

Таким образом, нэп вызвал необходимость по-новому подойти к теоретической концепции большевиков. Необходимо было заново

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207–208.

осмыслить возможности использования рыночных, товарно-денежных отношений в строительстве социализма, как тогда считали большевики. Несмотря на то, что еще в начале 1918 г. предполагалось применение некоторых унаследованных от предшествующего способа производства товарно-денежных форм, что было сорвано начавшейся гражданской войной, по существу широкое использование рыночных отношений началось лишь с началом новой экономической политики. И только с этого времени можно говорить о новом отношении Ленина к использованию определенных категорий товарного производства в “строительстве социализма”. Хотя такое изменение взглядов Ленина было подготовлено всем предшествующим ходом революционных преобразований, но заметное изменение произошло именно с началом и развитием нэпа. В ходе разработки и осуществления нэпа по-новому для большевизма решался определенный круг вопросов: необходимость использования рыночных отношений в “строительстве социализма”, допущение свободы торговли и торгового оборота, перевод государственных предприятий с бюджетного финансирования на хозяйственный расчет, введение и использования принципа материальной заинтересованности работников, создание устойчивой валюты и финансово-кредитной системы. По существу речь шла о развертывании и усилении буржуазных отношений в молодой Советской Республике.

Все это, в конечном счете, вело к теоретическому переосмыслению марксистской концепции бестоварного социализма. Нужно было выбирать что-то одно: или признать, что при социализме в каком-либо виде возможны товарные отношения, или же отодвигать строительство (точнее, достижение) социализма до весьма длительного срока. Эта дилемма и послужила основной разделительной чертой среди большевиков в 20-х годах. Крайнее, а потому достаточно четко обрисованные позиции впоследствии заняли здесь соответственно И. Сталин и Л. Троцкий. В начале же 20-х все еще было очень неясно. (Заметим в скобках, что и сейчас нам многое представляется как бы в тумане, что уж требовать от деятелей тех лет, хотя и наделены они были умами и волей не в пример нынешним).

Для меньшевиков этой дилеммы не существовало, ибо они революцию 1917 г. (включая Октябрьский переворот) с самого начала считали буржуазно-демократической и вслед за марксистской схемой не видели возможности строительства социализма в отсталой России. Например, Д. Далин писал в 1922 г. “Та революция, которую

переживает Россия вот уже пятый год с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией”¹. Поэтому для них было естественным развитие товарного производства и рыночных отношений. Поэтому и НЭП меньшевики встретили в целом как свою теоретическую победу, как реализацию своей экономической программы.

Отметим также, что и Ленин, вопреки широко распространенному мнению, не выступал первым застрельщиком НЭПа, да и не мог он таким быть. Вообще, миф о том, что НЭП – это гениальное изобретение Ленина, давно пора разрушить. Ленин отнюдь не выдумал “идею НЭПа”, а вынужден был поддержать эту политику, которую навязывали объективные обстоятельства и о которой давно говорили меньшевики, лишь после некоторых колебаний и некоторой борьбы.

В современной литературе достаточно прояснено, что первым инициатором НЭПа среди большевиков выступил Троцкий, еще в начале 1920 г. предпринявший в этом направлении некоторые шаги. Хотя скромные элементы того, что впоследствии назвали НЭПом, Троцкий предлагал еще в 1918 году. Это было не случайное и не единичное настроение Троцкого. Так, в декабре 1918 года он, например, пишет такое письмо Ленину: “Все известия с мест свидетельствуют, что чрезвычайный налог крайне возбудил местное население и пагубным образом отражается на формированиях. Таков голос большинства губерний. Ввиду плохого продовольственного положения представлялось бы необходимым действие чрезвычайного налога приостановить или крайне смягчить, по крайней мере в отношении семей мобилизованных”². Это письмо почему-то в литературе совсем неизвестно, хотя оно хорошо отвечает тем историкам, которые упорно талдычат, что Троцкий не любил или недооценивал крестьян. В марте 1920 г. он направил в ЦК РКП(б) документ, где в частности предлагал заменить “изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящий прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду”³. Ленин же, как утверждает

---

¹ Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922, с. 10. Также см. подробнее: Воейков М.И. Политико-экономическая интерпретация русской революции. – “Экономико-философские тетради”. Вып. 1. М.: URSS, 2003. С. 97–130.

² The Trotsky papers. 1917–1922. Vol. I. The Hague, 1964. P. 218.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991, с. 440–441. Также

Троцкий и свидетельствуют некоторые другие источники, “выступил решительно против этого предложения”.¹ То что Ленин определенное время тормозил введение НЭПа вполне естественно и оправдано. НЭП был определенным шоком для большинства рядовых членов партии.

Многие социалисты (не только большевики, но и левые эсеры, анархисты, максималисты), воспитанные на классических представлениях о борьбе с буржуазией и капитализмом, не могли органично воспринимать появление и расцвет “советской буржуазии”. Вместе с тем нельзя думать, что экономический механизм НЭПа был каким-то гениальным изобретением. Это был обычный механизм рыночных отношений, на необходимость чего постоянно указывали противники большевиков. Поэтому переход к НЭПу никаким гениальным открытием не является и не составляет проблему экономической теории, а есть лишь политическая проблема борьбы за удержание власти большевиками, что они отождествляли с борьбой за социализм.

Ленин не нуждается в прикрасах и исторических натяжках. Всякого рода фальсификации в конце концов способны лишь принизить историческое значение фигуры Ленина. И ничего не дают для научного понимания проблемы. Колебания и выжидания Ленина при переходе к НЭПу в целом отражали настроения всей партии, ждали того последнего предела, когда дальше тянуть было невозможно.

Внимательное прочтение работ Ленина убеждает, что сам он рассматривал НЭП именно как отступление. Об этом в его работах имеется масса упоминаний. А вот “всерьез и надолго” упомянуто только один раз 27 мая 1921 г. В этот день на X Всероссийской конференции РКП(б) Ленин привел эти, теперь знаменитые, слова Н. Осинского, но при этом отметил, что Осинский берет “надолго” в 25 лет, сам же Ленин указывал срок в 5–10 лет. И тут же добавляет: “Конечно, приходится отступать”².

20 ноября 1922 г. он опять специально отмечает: “Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачи-

---

см.: Старцев В.И. Л.Д. Троцкий (страницы политической биографии). М., 1989, с. 39.

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991, с. 441 и комментарий на с. 581. См. также: Карп Э. История советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917–1923. Том 1 и 2. М., 1990, с. 620. Фишер Л. Жизнь Ленина. – Л.: Overseas Publications Interchange, 1970, с. 661.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 329–330.

вает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед”¹. В этом последнем высказывании содержится очень характерная постановка: в конце 1922 года Ленин все-таки не смотрел на НЭП как на типично социалистические методы хозяйствования.

Понимание НЭПа как “отступления” было широко распространено в начале 1920-х годов в большевистской среде. Так, Л. Троцкий обобщал это много позже так: “Восстановление свободной торговли воспринималось и понималось всеми, в том числе и правящей партией, как отступление перед буржуазными отношениями, буржуазными традициями и аппетитами”.² Только потом, наверное, с начала 30-х годов приходят иные трактовки. Все же 1920-е годы даже “правые коммунисты” (Н. Бухарин, А. Рыков и др.) полагали НЭП уместным и закономерным этапом социалистического строительства только переходного периода, но не этапом, собственно, социализма. Так, А.И. Рыков в 1923 г. писал: “Создание прибавочной ценности и присвоение этой прибавочно ценности государством именно на почве товарного хозяйства и есть тот характерный признак, который отличает нашу государственную систему от системы частного капитализма и от системы развернутого коммунистического хозяйства”.³ Большевики вплоть до середины 30-х годов советскую хозяйственную систему рассматривали в качестве государственного капитализма. То есть, совмещение товарного производства и рыночных отношений с социалистическими ценностями ни у Ленина (до конца его жизни), ни у других большевиков (до середины 30-х годов) не просматривается.

И только с разработкой новой Конституции и выдвижением формулы “победы социализма” в СССР стала доминировать трактовка о совместимости социализма и товарно-денежных отношений или товарно-денежных форм, в более осторожной интерпретации. Но и в этом случае, товарно-денежные отношения рассматривались (вплоть до известного совещания в январе 1941 г.) как внешние формы, удобные для учета и распределения продукции. Отсюда, сущность товарно-денежных отношений сводилась к учетно-распределительной функции. И в это же время получила широкое распростра-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 302.

² Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. М., 1990, с. 232.

³ Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990, с. 243.

нение трактовка НЭПа как экономической политики социализма. Такой трактовке НЭПа немало внимания уделил и Сталин, что и было зафиксировано в Кратком курсе Истории ВКП(б). Поэтому ленинское понимание НЭПа как “отступления” просто не допускалось в историческую и специальную отечественную литературу до самого последнего времени.

О колебаниях Ленина и большевиков в вопросе допущения рыночной экономики в процессе «строительства социализма» хорошо говорит проблема создания советского червонца и эффективной финансово-кредитной системы. Коснемся в этой связи общей проблемы – места и роли денег, денежного хозяйства в социалистической системе, и как это все понимали и трактовали большевики в 1920-х годах. Это сами по себе очень не простые вопросы.

Трудность и сложность изживания товарно-денежных отношений В.И. Ленин объяснял, помимо всего прочего, еще и тем, что у людей была привычка к ним, выработанная за многие сотни лет использования товарно-денежных форм даже в повседневности: «Привычку не переделаешь, деньги уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нужно наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей, – дело долгих лет»¹. Но подчеркнем еще раз, что допустимость использования товарно-денежных форм большевиками, рассматривалось тогда лишь в переходный период к социализму.

Еще в декабре 1917 г. в “Проекте декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах” Ленин ставит вопрос о необходимости денежной реформы, об “обмене ныне действующих денежных знаков на иные”. В апреле 1918 г. он настаивает на обсуждении в ВСНХ вопроса “о замене старых бумажных денег новыми”². Проекты денежной реформы активно прорабатывались и широко обсуждались специалистами в первой половине 1918 года. Однако Ленин хорошо сознает всю трудность в тех условиях оздоровления денежной системы и не проявляет абсолютной уверенности в возможности быстрой замены старых денег новыми. В первоначальном варианте статьи “Очередные задачи Советской власти” (конец марта 1918 г.) он писал: “При переходе от капиталистического общества к социалистическому не обойтись без денежных

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 363.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 176.

знаков или заменить их в короткий промежуток времени новыми – представляется вещью совершенно невозможной”¹.

Как уже говорилось, во времена «военного коммунизма» существовала колоссальная эмиссия денежных знаков, что вело к катастрофическому обесценению денег. В это время и в этих условиях многие партийные работники заговорили об удачном моменте для ликвидации денег вообще, тем более, что из марксистской доктрины никак не вытекало наличие денег при коммунизме.

Некоторые, наиболее непосредственные и эмоциональные экономические идеологи большевизма того периода, приняв хозяйственную разруху за объективный процесс, принялись развивать и соответствующие теории. Так, Ю. Ларин, один из руководящих деятелей ВСНХ писал в 1920 году: «Победа пролетариата означает переход к централизованному, планомерному, открытому, сознательному руководству в деле управления надлежащих пропорций между всеми частями хозяйства. При таких условиях не нужен уже дурной суррогат такого регулирования, существовавший раньше в виде денег: деньги должны отмирать»². Но наиболее выдающимся среди идеологов натурального хозяйства социализма оказался Н.И. Бухарин. В своей, можно сказать, теоретической монографии «Экономика переходного периода», которая, кстати, весьма понравилась Ленину, он развил целую теорию натурализации экономики. Итак, он писал: «Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной системы как таковой, происходит процесс «самоотрицания» денег. Он выражается, во-первых, в так называемом «обесценении денег», во-вторых, в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов, и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным – и притом крайне несовершенным – знаком обращения продуктов»³. Здесь Бухарин первые поверхностные наблюдения разлада экономического механизма принял за ростки объективного процесса развития социализма. Что называется, нужду выдавать за добродетель.

Даже В.И. Ленин в это время писал: «РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, под-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 134.

² Ларин Ю. Производственная пропаганда и советское хозяйство на рубеже 4-го года. М., 1920. С. 20, 22.

³ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1990. С. 188–189.

готавливающих уничтожение денег»¹. Эти же слова были повторены и в Программе РКП(б), принятой на VIII съезде. Хотя в последствии Ленин несколько трансформировал свою точку зрения, но общий дух на устранение денег оставался непоколебимым весь период «военного коммунизма».

С переходом к НЭПу, естественно, стал вопрос о денежном хозяйстве. Однако многие партийные деятели продолжали утверждать, что деньги в социалистическом народном хозяйстве в принципе не нужны. Временно их можно использовать по причине существования частного сельского хозяйства и мелкой частной промышленности. Но как только эти сектора экономики будут обобщены и социализированы, нужда в деньгах сама собой отпадет. И как раз большая эмиссия и обесценения рубля, ставя в невыгодное положение частного производителя, будут служить инструментом в «классовой борьбе пролетариата». Так быстрее можно прийти к коммунизму. Это была очень популярная идеологическая установка.

О полной прострации руководства партии по финансово-денежному вопросу говорит специальная резолюция X съезда РКП(б), где было объявлено о начале НЭПа. Эта резолюция под названием «О пересмотре финансовой политики» состоит всего лишь из трех строк: «Съезд поручает ЦК пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику и систему тарифов и провести в советском порядке нужные реформы»². Получается, что партийный съезд, открывший дорогу НЭПу и принявший в этом смысле ряд принципиальных решений (например, о замене разверстки натуральным налогом) по самому главному, основному вопросу развития рыночной экономики ничего вразумительного сказать не мог. Более того, В.И. Ленин в основном докладе на съезде, кроме 1–2 фраз о важности денежного оборота, ничего более конкретного не сказал. Правда, он согласился с тем, что надо создать специальную комиссию и «привлечь для этого специально т. Преображенского, автора книги Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры»³.

Единственный из делегатов съезда, кто специально и более или менее обстоятельно указал на необходимость «пересмотреть вопрос о финансовой и тарифной политике во всем объеме» был Е.А. Преоб-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 122.

² Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 609.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 66.

раженский. Он в частности сказал: «Можем ли мы поправить нашу бумажную денежную единицу? На этот вопрос я отвечаю: это дело почти безнадежное. Мы должны будем предоставить нашему теперешнему рублю умереть, и мы должны приготовиться к этой смерти и приготовить такого наследника этой системы, который мог бы одну бумажную денежную валюту, сравнительно дешево стоящую, заменить другой бумажной валютой»¹. Само предложение Е.А. Преображенского заключалось в выпуске серебряной монеты, которая послужила бы основой для новой бумажной валюты. Однако, это предложение было не проработано и сам автор не был уверен в успехе. Е.А. Преображенский предложил резолюцию съезда по данному вопросу, а также создать «специальную комиссию по вопросам финансов». Первое предложение Преображенского съезд принял дословно, хотя Г. Зиновьев как председатель заседания, предложил не публиковать эту резолюцию «потому, что, лишь тогда, когда мы что-нибудь подготовим, можно будет довести ее до сведения широких масс»². По второму предложению была создана специальная Финансовая комиссия ЦК РКП(б) и СНК, которую и поручили возглавить Е.А. Преображенскому.

Но до конца 1921 года в отношении денежной реформы мало что делалось. Продолжали разрабатываться всевозможные системы безденежного учета в советском хозяйстве. С предложениями такого типа выступали известные экономисты А. Вайнштейн, В. Сарабьянов, М. Смит, С. Струмилин, А. Чаянов и другие. С.Г. Струмилин свою статью 1920 г. о безденежном учете перепечатывал в своих сборниках аж до 1925 г. И лишь когда Наркомфин возглавил Г.Я. Сокольников началась серьезная работа по созданию устойчивой советской валюты (червонца).

Г.Я. Сокольников даже в условиях всеобщего отрицания денег, был одним из немногих, кто устно и письменно с этим не соглашался. Выступая на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. он говорил: «Я, конечно не согласен с ... убеждением, что при социализме деньги не нужны, и поэтому мы можем смотреть спокойно, как наш рубль обесценивается и, в конце концов, он сам себя обесценит, и тем лучше это, потому что деньги сами себя унич-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 427.

² Там же. С. 446.

тожают. Конечно, это точка зрения, доведенная до абсурда»¹. Сокольников разъяснял, что нельзя ставить знак равенства между деньгами как таковыми и советскими денежными знаками. «Вытеснение советских знаков из товарооборота, – писал он, – не означало уничтожения денег, а означало лишь «оденужение» товаров». Раз товарное хозяйство сохраняется, оно «приспособляет для роли денег наиболее подходящий товар – муку, овес, масло, соль»². Однако таких трезвых и знающих голов в ту эпоху было мало. Было время гражданской войны и идеологии «военного коммунизма».

Как уже говорилось, проблема совместимости классического марксизма (экономического детерминизма) и трактовки русской революции как социалистической, но произошедшей в экономически и культурно отсталой стране стала основной в дискуссиях между меньшевиками и большевиками.

На эту проблему неоднократно указывали меньшевики и представители других социалистических партий. Г. Плеханов, в частности, предупреждал о невозможности взятия государственно власти пролетарской партией в тех экономических условиях, которые были характерны для России начала XX века. В октябре 1917 года он писал: «Наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России»³.

В целом понимали эту проблему и большевики. Особенно для Ленина она составляла большую теоретическую трудность. В самом конце жизни, смертельно больным он пытается сформулировать решение этой проблемы. Отвечая Н. Суханову, обвинявшему большевиков, что революцию они делают не по-марксистски, не «с того конца» Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, ... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁴. Это положение Ленина, высказанное им в ряде последних работ, послужило началом

---

¹ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Т. 1. М., 2006. С. 41.

² Там же, с. 133–134.

³ Плеханов Г. В. Год на родине. В сб.: От первого лица. М., 1992. С. 51.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

формирования, так сказать, теории “русского социализма” и в дальнейшем концепции “строительства социализма в отдельной стране”.

Конечно, Ленин не отрицал исторический материализм как таковой, но он сделал важную предпосылку, что можно “начать не с того конца”. Однако Ленин не успел разъяснить: можно ли закончить, если “начали не с того конца”. Этому вопросу посвятили почти все основные силы многие европейские и русские социалисты. И этот же вопрос разделил марксизм на две ветви, одна из которых выродилась в “советский марксизм” (или что то же: марксизм–ленинизм), оправдывающий и объясняющий практику “строительства социализма в одной стране”, которая по необходимости должна была перечеркнуть исторический материализм.

Так, И. Сталин, будучи одним из наиболее ярких представителей “советского марксизма” (марксизма–ленинизма), пошел по пути исправления или, лучше сказать, выхолащивания марксизма. Это и проявилось в дискуссии между Троцким и Сталиным, двумя крупнейшими деятелями русской революции после Ленина. Троцкий, как было уже показано, разъяснял, что, да, начать социалистическую революцию в экономически и культурно отсталой стране можно, но построить социалистическое общество в отдельной стране невозможно. “Завоевание власти пролетариатом в отсталой России, – писал Троцкий, – неотвратимо вытекает из соотношения сил в буржуазной революции. Какие дальнейшие экономические перспективы откроет диктатура пролетариата, это зависит от внутренних и мировых условий, при которых она установится. Самостоятельно Россия не может, разумеется, прийти к социализму. Но, открыв эру социалистических преобразований, она может дать толчок социалистическому развитию Европы и таким образом прийти к социализму на буксире передовых стран”.¹ Троцкий в данном случае держался в рамках классического марксизма, примеряя его с тем, что все же революция произошла в одной, слаборазвитой стране, своей теорией перманентной революции.

Но с практической точки зрения объяснение Троцкого не могло удовлетворить партийную массу, которая искренне верила в то, что делала, то есть, строительство социализма в одной стране. Поэтому Сталин был прав, возражая Троцкому на XV конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г.: “Без уверенности построить социализм не может

---

¹ Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 383.

быть воли к строительству социализма. Кому охота строить, зная, что не построить? Отсутствие социалистических перспектив нашего строительства ведет поэтому к ослаблению воли пролетариата к этому строительству неминуемо и безусловно”.¹ Эту мысль он развил как теоретическую концепцию в следующих словах: “Итак, мы имеем, таким образом, две линии в основном вопросе о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, о возможности победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, ибо, товарищи, возможность победы социализма в нашей стране означает не что иное, как возможность победы социалистических элементов нашего хозяйства над элементами капиталистическими, – линию Ленина и ленинизма, во-первых, и линию Троцкого и троцкизма, во-вторых. Ленинизм решает эти вопросы положительно. Троцкизм, наоборот, отрицает возможность победы социализма в нашей стране на основе внутренних сил нашей революции”.² Таким образом, Сталиным была разработана теория строительства социализма в отдельной стране как прагматическое объяснение того, что можно было делать. Однако эта теория находилась в явном противоречии с классическим марксизмом, по существу делала его излишним, но составила теоретическое ядро “русского социализма”.

Более тонко и глубоко этот вопрос рассматривал Н.И. Бухарин в целом ряде работ. Центральной работой по этому вопросу можно считать его брошюру “О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР”, которая вышла в октябре 1926 г., буквально за месяц до уже цитированного доклада Сталина. Здесь Бухарин совершенно правильно пишет, что “вопрос о возможности построения социализма в нашей стране есть не что иное, как вопрос о характере нашей революции”.³ Логика ответа у Бухарина такая: если социализма в стране построить нельзя, то, значит, и революция была не социалистическая. Логика, надо сказать, правильная.

Бухарин рассматривает по этому вопросу взгляды К. Каутского, О. Бауэра, А. Парвуса, Г. Штребеля, Г. Плеханова, П. Маслова, Д. Далина и др. и заключает, что лучшие меньшевистские идеологи еще в

---

¹ Сталин И. Соч. Т. 8. М., 1953. С. 280.

² Там же, с. 261–262.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 288.

начале революции, “давали характеристику этой революции как революции необходимо и неизбежно буржуазной”.¹ Аргументация “лучших меньшевистских идеологов” К. Каутского, О. Бауэра, Д. Далина, П. Маслова, затем А. Парвуса и, наконец, Л. Троцкого сводилась к тому, что для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса, а в России ни того, ни другого не было. Стало быть, по их мнению большевики послужат лишь мостом для какого-нибудь цезаря, бонапарта или кого-нибудь в том же роде, рассуждает Бухарин. И тут же все это он объявляет “клеветническим итогом”. Но ведь нам сегодня совершенно очевидно, что так и получилось.

Далее Бухарин берется за Троцкого и цитирует известное положение последнего: “Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты”. На что Бухарин пишет: “Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или – что то же самое – в вопросе о характере нашей революции) есть ни больше ни меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта”.² И здесь Бухарин оказался прав. Троцкий стоял на классической марксистской позиции как и все лидеры мировой социал-демократии. Как было показано выше, с помощью теории перманентной революции он сумел примирить марксистский подход с экономическими и культурными условиями России и объяснить социально-политическую стратегию развития общества. Бухарин этого не понимал или больше заботился о совпадении своих текстов с текущей политической конъюнктурой. Вероятно, больше второе. Но тем самым Бухарин попал в пикантное положение, которое стало очевидным только после его гибели.

Бухарин стоял на такой позиции: если следовать логике меньшевиков о том, что страна не готова к социализму, то получается, что диктатура пролетариата затея опасная и для самих большевиков. По этой логике, пишет Бухарин, можно лишь “заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или неминуемый раз-

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 293.

² Там же. С. 296.

гром или неминуемая гибель по истечению короткого срока ее господства.” И несколько ниже еще очень меткие слова писал Бухарин, иронизируя над сомнениями меньшевиков и левых оппозиционеров, что мол, строительство социализма в отсталых условиях России поведет лишь “к вырождению нового режима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии”¹ А ведь правильно писал Бухарин, как в воду глядел. Конечно, в 1926 г. Бухарин вполне мог так говорить и насмехаться над своими оппонентами. Но сегодня мы можем констатировать, что все как говорил Бухарин, так и получилось. Партия оказалась разгромленной в 1937 г., а сам Бухарин погиб. Значит, сегодня и Бухарин сказал бы о буржуазном характере русской революции. Это полностью вытекает из логики его рассуждений.

Однако же нельзя сказать, что теоретически Сталин и Бухарин и все остальные теоретики социализма этого толка в данном вопросе были не правы. Действительно, согласно теории социализм есть общество не стихийно развивающееся, а сознательно и планомерно улучшающееся в соответствии с определенными этическими представлениями и духовными ценностями. Но вся соль вопроса заключается в том, что эта теория рассматривает социализм как посткапиталистическое общество, то что сегодня можно трактовать как постиндустриализм. Сталин же эту социалистическую теорию прикладывал к России сразу после 1917 года. К России, которая только что сбросила остатки феодальных отношений и которая реально никак не могла рассматриваться в качестве посткапиталистического (постиндустриального) общества.

Это несоответствие и внесло теоретическую путаницу, когда этические ценности социализма пытались приложить к неадекватной им материальной базе. Поэтому одни, типа Сталина, свои собственные этические представления пытались силой навязывать обществу. Другие, принимая усилия Сталина за действительную реализацию действительной марксистской теории социализма, считали, что ни то, ни другое не соответствует потребностям общественного развития. Но, конечно, были и иные теоретики.

Согласно марксизму, когда человек сбрасывает экономические оковы и достигает “царства свободы”, пусть на первых порах еще не

---

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 300.

полной, то это означает или, лучше сказать, свидетельствует, что уже видоизменился сам “исторический процесс”. Человек и человечество настолько овладели силами природы, настолько развили экономический базис общества, что удовлетворение элементарных материальных потребностей перестало быть актуальной экономической задачей. Общество уже в состоянии, то есть имеет достаточно материальных сил и возможностей, на первый план выдвинуть решение интеллектуальных, культурных и духовных задач. В этом случае экономическому детерминизму в самом деле приходит конец. И этот конец исторического материализма не противоречит марксистскому диалектическому учению, которое предусматривает начало и конец любого общественного явления. Все это достаточно ясно.

Но если верен теоретический вывод, что в новых условиях (т.е. коммунизма) “видоизменяется исторический процесс”, то это должно означать, что перестает действовать теория исторического материализма. Ибо не экономика, а *идея* становится “предпосылкой ведущего социального движения эпохи”. И это верно. Наверно, когда-то придет такое время, и это время мы сможем назвать коммунизмом или постиндустриализмом. Но надо и признать, что тогда не материализм, а идеализм становится ведущей идеологией эпохи.

Такой вывод не делал и не мог делать Сталин, хотя практически и перешел на идеологическое мировоззрение в самой примитивной и грубой форме. Конечно, Сталину нельзя приписывать идеализм в строгом смысле этого слова, скорее у него был примитивный идеализм, питаемый прагматической необходимостью. Ведь каждый тиран или диктатор по сути своей практический идеалист, ибо искренне верит, что его понимание мира есть самое адекватное, а его идеи самые лучшие для подведомственной территории.

Россия после 1917 года находилась и до сих пор находится в жестких экономических тисках и для преодоления или хотя бы заметного ослабления этих тисков очень и очень далеко. Объявить о создании социалистических производственных отношений было, конечно, можно, но без соответствующего уровня экономического и культурного развития в реальности достигнуть этого было невозможно. Поэтому то после 1917 г. исторический процесс не “видоизменился” и прекрасно укладывается в теорию исторического материализма. Поэтому то и появилась теория социализма в отдельной стране или “русского социализма”, которая замещала собой марксистскую теорию экономического детерминизма.

А.И. Колганов

Уроки прошлого и теория современного социализма

Одной из составляющих неудачного завершения советского проекта была попытка формирования социалистического общества на индустриальной базе. Я ни в коей мере не утверждаю, что попытка строительства социализма на основе индустриального уклада непременно обречена на неудачу. Однако «индустриальный социализм», вне всякого сомнения, обременен глубокими противоречиями, создающими риск неудачи на пути движения к коммунистическому обществу.

Советское общество демонстрировало несомненные успехи в индустриальном развитии, и пик этих успехов – как в экономическом, так и в социальном плане – приходится на период с середины 1950-х до середины 1960-х годов XX века. Однако довольно противоречивая, но в целом динамичная картина развития в этот период вскоре резко меняется – как темпы экономического роста, так и темпы технического прогресса начинают явственно падать. Заметная, но явно не сформулированная долгосрочная стратегия формирования новых направлений и ценностей развития, характерных не столько для индустриального, сколько для постиндустриального общества, не смогла достаточно прочно закрепиться.

Хотя эта стратегия играла немалую роль и в 1950-е, и в 1960-е годы, тем не менее, эрозия соответствующих ценностей оказалась неизбежной.¹ Весьма сложно навязать населению, занятому в основном трудом раннеиндустриального типа, гораздо более высокую систему ценностей. Это тем более сложно, что СССР отставал от наиболее развитых стран по уровню потребления населения, и темпы пре-

---

¹ В данном случае я не намереваюсь давать целостный анализ причин кризиса советского модернизационного проекта. На эту тему написано уже немало (См., например: Бузгалин А.В. Переходная экономика. М.: Таурус, с. 5–16; Alexander Busgalun, Andrej Kolganov. Rusland – die neue Gefahr auf dem Osten? Berlin: Aufbau-Verlag, 1996, s. 5–21; Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы, 1995, №1). Здесь же я постарался обратить внимание лишь не некоторые аспекты этой проблемы, обычно остающиеся в тени.

одоления этого отставания были не столь впечатляющие, как сокращение разрыва в других областях. Система экономических отношений (“командная экономика”), обеспечивавшая успешную (для индустриального общества) догоняющую модернизацию, в качестве своего Alter Ego неизбежно порождала “экономику дефицита”, где вещизм и потребление были тем сильнее, чем больше был дефицит высококачественных потребительских благ.

Малая эффективность советской системы в насыщении потребностей населения, формируемых индустриальным обществом, сделала желание удовлетворить именно эти потребности одним из главных социальных интересов, не дав альтернативной системе ценностей занять доминирующее положение.

Вообще говоря, сама задача, поставленная в 1920–е годы и особенно в сталинский период, – построить рядом с капиталистическим обществом иное, которое достигло бы уровня индустриального развития передовых капиталистических государств и при этом избежало формирования присущих такому индустриальному обществу социальных противоречий, норм и ценностей, – была не слишком реалистичной. Хотя доля творческого, научного и вообще квалифицированного труда была довольно высока, наряду с этим существовал большой слой лиц (до половины всех работающих) занятых неквалифицированным ручным трудом. Таким людям трудно привить ценности самореализации творческого потенциала...

Кроме того, бюрократическая система все более окостеневала и становилась враждебной к любым проявлениям духа свободного творчества – как на рабочем месте, так и вне него. Стремление бюрократии законсервировать свое господство, помешать реальному контролю и критике снизу, порождало ее неприязнь к любому “возмущению спокойствия”, к любым действиям, которые могли бы обнаружить ее собственную некомпетентность¹.

Воспитанная в советских людях потребность в самореализации наталкивалась на бюрократические препоны. Наиболее образованная и культурная часть населения стала приобретать отчетливые антибюрократические настроения, ощущая потребность в свободе и демократии. Сама же бюрократическая элита постепенно отреклась от тех социальных механизмов и той идеологии, которые обеспечи-

---

¹ Этот феномен обрисован в книге: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Анатомия бюрократизма*. М.: Знание, 1988.

вали ей господство и социальную стабильность в обществе (несмотря на действительно вопиющие преступления властной верхушки и бюрократический произвол). Поскольку социальная ответственность элиты не подкреплялась социально-политическими механизмами “контроля снизу”, а была основана на идеологическом самоконтроле, ослабление первоначального идеологического импульса означало и понижение меры социальной ответственности бюрократии.

Исчерпание действенности сложившихся экономических и социальных механизмов стало заметным к середине 60-х гг. *Модернизационный рывок превращался в инерционное затухающее развитие*, а вместе с этим снижалась и заинтересованность элиты в достижении тех результатов, которые были связаны с форсированной модернизацией: поскольку нет крупных и быстрых успехов на пути продолжения модернизации, то связывать с этим расчеты на укрепление и повышение своего статуса нерационально. Бюрократическая элита начинает постепенно искать иные пути для реализации своих интересов. На поверхности общества это нашло выражение в развитии коррупции и “теневой экономики”. Наряду с этим среди рядовых граждан советского общества нарастало разочарование в социалистической идее.

Идеологи капитализма еще в 1967 году, на фоне пышного празднования 50-летия Октябрьской революции сделали для себя утешительный вывод, что, несмотря на все достижения СССР, советский человек в глубине души остался прежним, озабоченным, прежде всего, индивидуальным материальным благополучием. Разумеется, это была не вся правда – советский человек все-таки значительно отличался по своей ментальности от человека западной цивилизации (и эти отличия, даже после драматических перемен последних десятилетий, заметны до сих пор!), – но значительная доля правды в этом выводе все же была.

Советский строй, действительно, не смог коренным образом изменить социальное лицо жителя СССР – и для этого были фундаментальные исторические причины. Человек есть, прежде всего, то, что он делает. А в этой области СССР не смог достичь даже той планки, которая уже была достигнута наиболее развитыми странами. Страна, провозгласившая построение материально-технической базы коммунизма, оставалась страной с преобладанием тяжелого, малоквалифицированного, ручного физического труда даже в промышленности, не говоря уже о сельском хозяйстве. Конечно, за 1960-е – 1980-е

годы для преодоления этой ситуации кое-что было сделано, но коренных сдвигов не произошло.

Советскому государству приходилось на протяжении всей своей истории пытаться решить одновременно и те задачи, которые в дореволюционной России не были решены капитализмом – индустриализация, урбанизация, всеобщая грамотность, достижение приемлемого уровня материального благополучия и т.п., и те задачи, которые вытекали из планов построения нового общественного строя – раскрепощение творческих сил человека, предоставление возможностей для универсального развития способностей каждой индивидуальности. Нерешенность задач буржуазного этапа развития все время тащила нас назад. «Мертвый хватает живого». А мы пытались на нерешенные задачи капиталистической стадии надеть формы социалистического строя. Мы пытались привить человеку мотивы творчества, инициативы, самостоятельности, не накормив его еще как следует, не одев пристойно, и не переселив из бараков и коммуналок. Уровень буржуазного благополучия остался для советского человека недостигнутой мечтой, и эта мечта, в конце концов, похоронила под собой все мечты о более высоком предназначении человека. «Идея неизменно посрамляла себя, когда она отрывалась от интереса».

Положение значительно усугублялось формированием явного разрыва в образе жизни между бюрократией и основной массой населения. Наибольшее значение имела даже не величина этого разрыва, далеко не достигающего современной пропасти между малоимущими и сверхбогатыми. Нетерпимой оказалась ситуация, когда в условиях назойливой пропаганды идеалов равенства и социальной справедливости номенклатура создала для себя обособленную систему снабжения материальными благами и услугами, успешно решая для себя те проблемы, которые рядовому гражданину приходилось решать ценой немалых усилий, и не всегда успешно. Именно это лицемерие, прежде всего, подрывало веру в пропагандируемые идеалы. Точно также не могли иметь успеха призывы к социальному творчеству, раскрепощению инициативы, развитию личности человека, в условиях, когда инициатива нередко встречалась бюрократией в штыки, социальное творчество зачастую подавлялось, а возможности развития личности были ограничены наличными материальными возможностями, доступ к которым в большей мере обеспечивался статусом, нежели личными заслугами и способностями.

В конечном итоге процесс латентного формирования корпоративно-капиталистической структуры в оболочке планового хозяйства, и процесс избавления бюрократии от последних ниточек, связывающих ее с трудящимися классами, неизбежно привел к реставрации капитализма. Система с глубокими объективными корнями капитализма, но без целостных капиталистических отношений, к тому же развивающаяся во внешних социалистических формах и оснащенная немаловажными социалистическими атрибутами, была разрушена и заменена системой корпоративного капитализма. Однако этот новый российский капитализм оказался обременен целым рядом врожденных пороков.

Крайне оригинальный исторический путь формирования в России позднеиндустриального капитализма наложил своеобразный отпечаток и на его нынешний облик. Во-первых, этот капитализм вырос не из эволюции мелкобуржуазного моря, из которого вырастали островки свободного капиталистического предпринимательства, основанного на более или менее свободной конкуренции. Он, не имея за своей спиной непрерывного исторического опыта развития свободного предпринимательства, с самого начала родился как система господства крупного корпоративного капитала, объединенного в монополистические структуры. Кроме того, переход от государственно-монополистических структур к частно-монополистическим был проведен скачкообразно, в условиях институционального вакуума, порожденного преобладанием разрушительных процессов над созидательными, а потому господство монополистического капитала приобрело ярко выраженную криминально-олигархическую тенденцию.

Во-вторых, социальная среда, из которой рос этот капитализм, так же была необычной. Новейший российский капитализм вырос из распада и разложения бюрократической плановой системы. К несчастью, именно худшие элементы этого разложения – союз коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса, густо приправленный пропитавшими эту среду криминальными элементами – захватили господствующие политические позиции, и составили как раз наиболее активный контингент современного российского предпринимательства. С другой стороны, становление этого капитализма происходило при отсутствии свободного наемного работника, который еще только создается заново на наших глазах.

Российский капитализм не имеет длительной истории становления, совершенствования и отладки институтов капиталистической экономики. Эти институты являются плодом поспешной импровизации, основанной на плохо продуманном бессистемном копировании внешних форм организации бизнеса в развитых странах.

В результате экономическая система российского капитализма обнаруживает гораздо больше сходства с начальным этапом промышленного капитализма, описанным в «Капитале», и ранними стадиями монополистического капитализма, нежели со странами высоко развитого капитализма, прогресс которых во многом обеспечивается выходом за рамки классических капиталистических отношений. Российский же капитализм еще не вступил на этот путь постепенного самоотрицания капитализма, служащего для развитых стран незымлемым условием выживания капиталистической системы в целом. Те же элементы «социального государства», которые можно обнаружить в современном российском капитализме, не являются плодом социализации капитализма, а представляют собой разрушающиеся рудименты бюрократического социального патернализма советского прошлого.

Этот относительно архаизированный характер российского капитализма служит одним из источников его отсталости, поскольку находится в остром конфликте с относительно современной материально-технической базой, созданной в советский период, с уровнем развития основной массы работников, и с условиями конкуренции в мировом хозяйстве.

Другим пороком современного российского капитализма служит неспособность новой буржуазии обеспечить ускоренную модернизацию, парадоксальным образом напоминающая подобное же свойство ее предшественника времен Российской империи, что и привело тогдашнюю российскую буржуазию к историческому банкротству, несмотря на весь неисчерпанный потенциал капиталистической системы. Причины этого, впрочем, различны. Если «старая» российская буржуазия не имела достаточной решимости освободиться от обветшалых форм полукрепостнической монархии, довольно прочно сросшись с нею и переплетаясь взаимными интересами, то «новая» буржуазия сформировалась с психологией захватчика, «хапнувшего» в союзе с бюрократией прежнюю государственную собственность и использующего ее как добычу, подлежащую разграблению. В лучшем случае приобретенная собственность рассматривает-

ся «новыми богатыми» подобно какой-нибудь деревеньке, полученной «в кормление» от государя.

Поэтому любые капитальные вложения представляются для нашей буржуазии не средством наращивания капитала, а прямым вычетом из ее дохода. Лишь наиболее дальновидные собственники, скрепя сердце, вынуждают себя делать хотя бы самые неотложные капиталовложения, понимая, что без этого вообще не удастся сохранить приобретенную собственность и доходы от нее.

При этом есть и общие черты с дореволюционной буржуазией – и та, и другая историческая генерация буржуазии характеризуются, во-первых, тесной зависимостью от бюрократии, глубоко вросшей в предпринимательство и паразитирующей на нем, одновременно охраняя интересы этого предпринимательства от «претензий» трудящихся классов, и, во-вторых, подчинением финансовой и технологической монополии более развитых держав.

Наконец, проведение нынешней буржуазией ускоренной модернизации означало бы вступление в ожесточенную конкурентную борьбу с сильнейшими капиталистическими державами и мощным транснациональным капиталом, доминирующими в глобализированном мировом хозяйстве. А наша буржуазия явно не готова нести неизбежные издержки такой борьбы.

Таким образом, современная модель российского капитализма обременена структурными слабостями, ведущими к нарастанию внутренних социально-экономических противоречий. Перспектива преодоления этих структурных слабостей в рамках буржуазного строя совершенно не просматривается, и потому взрыв противоречий становится рано или поздно неизбежным. Поэтому для социалистической теории является весьма актуальным вопрос о том, на каких основаниях может быть выстроено новое представление о выходе за пределы капиталистического общества и о необходимых предпосылках движении к социализму.

В классическом марксизме были нащупаны определенные теоретические критерии, определяющие своего рода список требований («социальный заказ») к новой технической основе производства, призванной обеспечить разрешение противоречий, свойственных капитализму и экономической общественной формации в целом. Эти теоретические критерии, выведенные на весьма еще незрелой стадии капитализма, нашли к концу XX века блестящее подтверждение в реальных тенденциях развития современного нам капиталистиче-

ского общества. Появились новые производительные силы, дающие надежду на практическое решение поставленных К.Марксом в середине XIX века задач.

Что же должны обеспечить новые производительные силы? Они должны создать такие условия, при которых человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение предела для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»¹.

Кроме того, новая техническая основа производства должна обеспечивать прекращение борьбы за индивидуальное существование². В современных условиях это означает не только недостаток средств существования, но одновременно и приемлемое состояние окружающей среды. Разумеется, такой переход невозможен до тех пор, пока целью производства остается накопление вещного богатства, и, более того, искусственное раздувание стремления к потреблению в погоне за расширением рынка сбыта. Соответственно, предполагается такое изменение характера человеческой деятельности, которое приводит к превращению не вещного богатства, а самой деятельности в первую жизненную потребность (и вместе с этим свободное время как пространство для развития человеческих способностей превращается в мерило богатства)³.

Можно отметить что тенденция к замещению стремления к накоплению вещного богатства целями, вытекающими из превращения труда в творческую самостоятельность (самореализация индивида в труде, раскрытие его творческих способностей, обеспечение неотчужденных общественных связей с другими людьми, и другие неведущ-

---

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, с. 221.

² См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961, с. 292, 294.

³ См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 217, 221.

ные цели)¹, пока является реальностью лишь для довольно узкого сегмента работников в наиболее развитых странах, да и то в формах, весьма искаженных господствующей капиталистической системой отношений.

Другое требование, сформулированное классиками – *освобождение человека от функции частичного рабочего* (по крайней мере, в большую часть времени) и вообще *освобождение его от подчинения общественному разделению труда*². Это предполагает, по меньшей мере, резкое сокращение времени рутинного репродуктивного труда, как за счет роста производительной, так и за счет роста потребительной силы человека (рационализация потребления – не за счет аскетизма в потреблении, а за счет перехода к менее расточительным способам удовлетворения потребностей, в том числе путем сокращения престижного и иррационального потребления).

До сих пор остается гораздо менее ясным, в какой мере освобождение человека от калечащего его подчинения разделению труда будет происходить путем либо универсализации его функций, либо широко распространенной перемены труда³. Что само собой разумеется, так это обязательное выведение за рамки узкой специализации занятий, не предполагающих значительной доли творческих функций (тяжелый неквалифицированный труд). Коммунистическое общество еще на первой фазе должно резко сократить долю такого труда и ослабить это бремя, перераспределив его между многими членами общества.

Создание материальных условий для развития творческих способностей человека в современных условиях «экономики знаний» подтверждает прогноз Маркса о развитии всеобщего труда⁴, осно-

---

¹ См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 476.

² См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961. С. 305

³ К. Маркс пишет об объективной задаче: «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23. С. 453).

⁴ Маркс. К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969. С. 110.

ванного на универсальности (и в пространстве, и во времени) кооперации деятельности и обмена знаниями в ходе творческих процессов. Таким образом, развитие процесса обобществления производства приобретает новый облик. Оно не сводится к концентрации и специализации производства, а в огромной степени усиливает сложившуюся еще в индустриальную эпоху тенденцию к «*обобществлению человека*», то есть к его универсальной социальной подвижности, способности к образованию различного рода ассоциаций и союзов, основанную теперь на всеобщем труде – всеобщей кооперации знаний и творческой деятельности. Эта сторона обобществления производства находит в современных средствах информатики и телекоммуникаций адекватную техническую основу.

Становится все более очевидным, что указанные выше тенденции не могут быть в полной мере реализованы на основе индустриального (машинного) производства. Это *вовсе не значит*, что выход за пределы машинного производства является *непременным условием* перехода к социализму. Однако формирование еще при капитализме, по крайней мере, значимого сектора «постмашинного» производства является необходимой предпосылкой, позволяющей развернуть-
ся указанным выше тенденциям.

Другая сторона вопроса о материально-технических предпосылках социализма – это их *негативное* определение. Известно высказывание Маркса о том, что ни один общественный строй не погибнет раньше, чем исчерпает все возможности для прогрессивного развития производительных сил. Признаки такого исчерпания возможностей современного капитализма, несомненно, налицо, и левая литература пестрит указаниями на войны, экологический кризис, перепотребление, культурную деградацию и т.д. и т.п., как спутников современного капитализма. Но одновременно этот же капитализм смог осилить такие, несомненно, прогрессивные в своей основе сдвиги, как информационную революцию, создание предпосылок постиндустриального общества и экономическую глобализацию.

Тем не менее современный капитализм демонстрирует несомненные признаки торможения технического прогресса, скрытые за непрерывным потоком инноваций. При всей той массе технических усовершенствований, которые мы наблюдаем ежедневно, капитализм уже давно не производит переворотов в технической основе производства, в лучшем случае производя такие перевороты в очень узких отраслевых сегментах. Не стало настоящим переворотом в ма-

териальных основах производства и то, что получило громкое имя «информационной революции», и что было связано с действительно выросшей ролью знаний и информации в современном производстве.

Почему же несомненная тенденция к росту роли интеллекта в общественном хозяйстве не только не привела к действительной интеллектуальной революции, но и демонстрирует признаки затухания? Ответ на этот вопрос коренится в особенностях современного экономического строя общества, который в своих наиболее фундаментальных характеристиках остается капиталистическим.

Перестройка современного производства на началах постоянно-го возрастания роли интеллектуальных способностей человека вывела бы лиц, занятых творческой, интеллектуальной деятельностью на ведущие позиции в хозяйственной жизни, привела бы к изменению баланса значимости труда и капитала в самом процессе производства. Пока деятельность, опирающаяся на интеллект, остается уделом узкого сегмента занятых, капитал в состоянии контролировать и приспособливать эту деятельность, как и занятых ею лиц, к своим собственным интересам. Превращение такой деятельности в удел большинства или хотя бы даже значимого меньшинства крайне затруднит капиталу такое манипулирование.

Даже прогрессивные стороны развития капитализма в сфере производительных сил неизбежно приводят (именно в силу их прогрессивности!) к всё большему накоплению в структуре его производственных отношений таких элементов, которые не вытекают из качественной определенности капитализма, да и товарного производства вообще¹. В частности, оправдывается прогноз К.Маркса об эрозии стоимостной основы капиталистических отношений.

Другим показателем тех пределов, которые капиталистический способ производства накладывает на развитие производительных сил, является нарастающий кризис экологического равновесия. Массовое промышленное производство и массовое потребление, на которые опирается капитализм, означают и огромный масштаб вовле-

---

¹ Эти новые явления уже анализировались ранее (См., например: Бугалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004. С. 53–85; Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. С. 375–465).

чения природных ресурсов в этот процесс – как с точки зрения объема, так и с точки зрения территориальной экспансии.

Несмотря на технический прогресс, обеспечивающий некоторую экономию ресурсов, постоянный рост масштабов производства приводит к росту ресурсоемкости экономики, а вместе с этим – и к возрастанию воздействия на окружающую среду. Огромное многообразие промышленных технологий ведет и к огромному спектру таких воздействий.

Основные направления воздействия человека на окружающую природную среду это, во-первых, добыча и истощение природных ресурсов (извлечение полезных ископаемых, использование пресной воды для орошения, охота и рыболовство, вырубка лесов, выпас скота, ведущий к уничтожению травяного и листового покрова, истощение почв при земледелии и т.д.), и, во-вторых, загрязнение окружающей среды многообразными промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми отходами (механическое, химическое, электромагнитное, акустическое и тому подобное загрязнение).

Особенностью производственных отношений капитализма является невозможность отражения в стоимостной оценке товаров всех экстерналий («внешних эффектов»), связанных с воздействием на окружающую среду. Никакая спецификация прав собственности и создание конкурентных «рынков загрязнений» не сможет решить эту задачу, потому что отдаленные последствия как истощения ресурсов, так и загрязнения окружающей природной среды являются принципиально неопределенными. Невозможно включить, например, в цену сырой нефти затраты на разработку постнефтяных технологий и на перевод мирового хозяйства на эти технологии, ибо нет способа оценить масштабы соответствующих издержек.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов появляются многочисленные исследования, говорящие о возможности всемирной экологической катастрофы. В этот же период (в 1972 году) появился первый доклад Римскому клубу – проект Д.Медоуза «Пределы роста», в котором содержалось предупреждение о нарастающем глобальном неравновесии и угрозе истощения природных ресурсов. Зримое нарастание экологического кризиса вызвало к жизни экологическое движение, приобретшее заметные масштабы в период активизации «новых левых» (середина 60-х – начало 70-х годов XX века).

В экологическом движении сразу же определилась заметная левая составляющая – *экосоциализм*. Многие теоретики экологического

движения обратили внимание на позицию Маркса в этом вопросе, высказанную еще в середине XIX века, где Маркс обращал внимание на разрушительное воздействие капиталистического производства на природную среду. Кроме того, он поставил теоретическую проблему фундаментального противоречия между природой и человеческой деятельностью, указав на неразрешимость этого противоречия в рамках экономической общественной формации. Экосоциалисты стали связывать экологический кризис с безудержной экспансией капитализма и «общества потребления», а устранение экологической угрозы – с устранением капитализма как системы.

Обычно угрозу экологического кризиса относят к наиболее острым глобальным проблемам капитализма, наряду с обострением противоречий между беднейшими и наиболее богатыми странами, растущим бременем военных расходов и распространением оружия массового поражения, терроризмом, кризисом нравственных ценностей и т.п. Эти проблемы, действительно, несут с собой нешуточные угрозы, и, кроме того, достаточно очевидны. При этом постиндустриальные тенденции вообще не принято рассматривать как проблему. Между тем, именно капиталистическая оболочка постиндустриальных тенденций придает их развитию такие черты, которые, несомненно, во многом являются причиной многих других глобальных проблем. Да и сам капиталистический постиндустриализм грозит превратиться в проблему, затрагивающую исторические судьбы капиталистической системы.

Для капиталистической оболочки постиндустриального развития характерна заметная тенденция к тому, чтобы поставить пределы этому развитию. Даже такой видимый признак формирования постиндустриального общества, как значительное сокращение удельного веса промышленного сектора в развитых странах, ведет себя как затухающая тенденция. Кроме того, снижение удельного веса индустриального сектора еще ничего не говорит о прогрессе постиндустриальных технологий. Это снижение (и по доле в ВВП, и по доле в численности занятых) на самом деле однозначно свидетельствует лишь о двух фактах: 1) о территориальном перераспределении индустриального производства путем переноса его из наиболее развитых стран в развивающиеся, и 2) о том, что производительность труда в индустриальной сфере растет значительно быстрее, чем в сфере услуг, до сих пор покоящейся в основном на доиндустриальных и раннеиндустриальных технологиях.

Довольно сложно рост сферы услуг выдавать за постиндустриальный прогресс, поскольку этот рост означает расширение сферы применения не столько постиндустриального (например, в информатике и телекоммуникациях), сколько доиндустриального или, в лучшем случае, раннеиндустриального труда (горничные, продавцы, официанты, посудомойки, грузчики, парикмахеры...). В результате некоторый рост действительно высококвалифицированного труда специалистов на одном полюсе сопровождается ростом неквалифицированного и малоквалифицированного труда на другом полюсе.

Наряду с этим формируются социально-экономические механизмы, меняющие социальный статус и препятствующие социальной мобильности малоквалифицированных работников сферы услуг. Значительно расширился круг работников, попадающих в условия неполной (не полный рабочий день) и частичной (не постоянной) занятости. На этих работников не в полной мере распространяется социально-трудовое законодательство, предусмотренные им права и социальные гарантии. Такие работники обычно не объединены в профсоюзы, что еще более снижает их способность отстаивать свои интересы.

Именно этот слой работников попадает в категорию «новых бедных» (т.е. людей, имеющих работу, но не способных обеспечить семейный доход заметно выше прожиточного минимума). Формируемая «новыми бедными» социальная среда обладает крайне низким потенциалом социальной мобильности, ибо не в состоянии обеспечить главный современный фактор такой мобильности – получение высшего профессионального образования.

Еще одной проблемой «постиндустриального общества» является использование растущей сферы услуг для обеспечения нарастающего социального паразитизма. Это относится, в том числе, и к той части сферы услуг, где используются действительно современные постиндустриальные технологии. Значительная часть современного высокотехнологического потенциала и высококвалифицированных трудовых ресурсов направлена на обслуживание лишь капиталистической формы процесса производства, в первую очередь – на развитие операций в финансовом секторе. Взрывной рост этого сектора в последние четыре десятилетия привел, в частности, к явно преувеличенной оценке вклада этого сектора в создание ВВП и преувеличению доли услуг в ВВП. Другая часть постиндустриального потенциала (в т.ч. крупные сектора в сфере НИОКР) ориентирована на обес-

печение конкуренции капиталов за долю на рынке (реклама), раздувание и обеспечение фиктивных потребностей, престижного потребления и т.п. Одно из величайших технических достижений информационной эры – сеть Интернет – используется главным образом как торгово–рекламная площадка и средство распространения порнографии. Продолжается отвлечение значительной части высокотехнологичного потенциала на развитие производства средств уничтожения и т.д.

Капиталистическая форма процесса производства накладывает и прямые ограничения на технический прогресс. Наличие частной собственности на результаты интеллектуального труда, являясь неизбежной при капитализме формой экономической реализации этого труда, в то же время сдерживает распространение и применение его результатов, создавая как экономические, так и административно–правовые барьеры, порождает явления монополизма.

В то же самое время капиталистический характер применения достижений технического прогресса, задавая в качестве главного критерия их эффективности извлечение наивысшей прибыли, поворачивает технический прогресс против интересов человека. Имеются многочисленные случаи широкомасштабного производства недостаточно проверенных лекарственных препаратов, генно–модифицированных продуктов с неизвестными отдаленными последствиями их применения, использования сомнительных химических веществ в производстве предметов потребления, в том числе и пищевых продуктов и т.д.

Все это означает, что цели движения капитала, и те производственные отношения, на основе которых оно происходит, вступают в конфликт с потенциалом постиндустриального производства. Развитие постиндустриальных технологий и происходящий на их основе рост масштабов творческих элементов в труде и рост числа людей, занятых творческой деятельностью, наталкивается на узкие рамки, диктуемые воспроизводством капиталистических производственных отношений. Это и ограничивает пределы роста творческой деятельности, и создает социальные конфликты, основанные на конфликте целей: с одной стороны, целей развития человека в процессе творческой деятельности, с другой – подчинения этого процесса целям производства прибавочной стоимости.

В то же самое время постиндустриальные тенденции создают новые предпосылки для перехода к социалистическому обществу.

Развитие элементов творческого содержания в труде расширяет возможности того, что Маркс называл всеобщим трудом – универсальной кооперации людей в процессе творческой деятельности. Прогрессирующее вытеснение человека из процесса материального производства означает потенциальную возможность вовлечения все более широкого круга людей в творческую деятельность. На этой основе становится возможным и реализация принципа собственности «каждого на все»: каждый человек в меру своих способностей может овладевать всем интеллектуальным богатством человечества.

Превращение творческого процесса в ключевой момент современного производства и возрастание социальной значимости индивидов, занятых творческой деятельностью, создает социальные предпосылки для развития общества в этом направлении. Однако на этом пути необходимо преодолеть барьеры, образуемые капиталом – в первую очередь, массовую занятость малоквалифицированным трудом в сфере услуг и созданное в этой социальной среде «гетто необразованности». Разумеется, решение этих вопросов упирается в саму природу капитала, как производственного отношения, и без преодоления последнего невозможно.

Новый характер деятельности, новое содержание труда порождают и новый тип работника. Это в первую очередь *свободный работник – свободный в том смысле, что его деятельность становится основой свободного формирования и воспроизводства его общественных отношений*¹ (принцип свободной ассоциации тружеников). Предпосылку для такого свободного труда первоначально составляет творческое содержание человеческой деятельности.

Дело не в том, что труд творческий, в противоположность рутинному репродуктивному труду, свободен сам по себе, на основе принципа «не продается вдохновение...» – то есть вроде бы не может совершаться в рамках какой бы то ни было формы социального принуждения. Современный капитализм показывает, что еще как может! Дело в том, что *именно в творческой деятельности впервые, еще при капитализме, появляется тенденция к свободному формированию общественных отношений*. Эта тенденция весьма ограничена, она проявляется лишь непосредственно в рамках самого творческого процесса, где капитал уже не может диктовать работнику, как ре-

---

¹ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961. С. 295.

шать поставленную творческую задачу. Соответственно, творческий работник сам определяет сеть и характер тех общественных связей, той кооперации знаний, которые он устанавливает в труде. Но за пределами этого процесса капитал жестко задает внешние параметры деятельности, и в первую очередь подчинение этой творческой деятельности задаче производства прибавочной стоимости, погоне за прибылью (что накладывает определенный отпечаток и на содержание творческого процесса).

Ясно, что *в обозримой перспективе даже такая ограниченная свобода будет развиваться в весьма узких рамках*. Ведь труд с преимущественно творческими функциями никогда не станет при капитализме достоянием большинства работников даже в наиболее развитых странах. Замечу, что и с преодолением капитализма, в течение длительной исторической эпохи творческое содержание деятельности не будет являться достоянием всех. По меткому замечанию В.М. Межуева, социализм освобождает человека вовсе не тем, что делает всех творческими гениями.

Каким же образом свободная творческая деятельность может составить тогда предпосылку выхода за рамки капитализма, если основанный на ней новый тип работника формируется лишь в относительно узком социальном слое? Эта проблема преодолевается, если мы примем во внимание, что со снятием оболочки капиталистических производственных отношений становится возможным распространение принципа свободной творческой самостоятельности – по крайней мере, в одном аспекте – *на всех*. Появляется *свобода социального творчества* – т.е. именно та самая свобода людей самим творить свои общественные отношения. И уже на основе этой свободы могут завоевываться материальные предпосылки для постепенного распространения возможностей творческой деятельности для каждого человека.

Имеется немало исследований, показывающих нам формирование *социально-экономических предпосылок социализма* на основе развития творческого содержания труда, высвобождения человека из непосредственного процесса материального производства и т.п., что сейчас получило наименование *постиндустриальных тенденций*. В буржуазной экономической теории эти процессы уже получили ту или иную экономическую интерпретацию (например, в виде «экономической теории информации» или в концепции «человеческого капитала»). Марксисты же, обосновывая свою критическую позицию

по отношению к такой интерпретации, не дали еще своего собственного позитивного видения этих тенденций как социально-экономических предпосылок социализма, отделяясь общими положениями о возрастании роли человека в производстве, о свободном времени, как мере богатства и т.д., то есть рассматривая эти тенденции как подтверждение теоретических выводов, сделанных Марксом еще в середине XIX века.

Единственный пункт, который до какой-то степени можно поставить нам в заслугу – это указание на тенденцию к формированию всеобщей собственности на знания и информацию как реальной альтернативы частной интеллектуальной собственности и коммерческой тайне. Некоторые исследователи указывают на эту тенденцию как на главную основу формирования общей собственности при социализме. Зримыми проявлениями данной тенденции являются основанные на современных информационных и телекоммуникационных технологиях проекты совместной, добровольной и бесплатной творческой деятельности. Система отношений в таких проектах получила наименование «викиномики», по имени самого крупного и известного из них, хотя сейчас такого рода проекты, хотя и менее масштабные, насчитываются уже тысячами.

Проделанный выше обзор формирования материально-технических, деятельностных (трудовых) и экономических предпосылок социализма достаточно ясно свидетельствует о развитии процесса разложения капиталистического способа производства. Следовательно, можно сделать вывод и о том, что должен происходить и процесс разложения основных классов капиталистического общества – класса капиталистов и класса наемных работников.

Факты подтверждают этот вывод. Действительно, классическая фигура частного капиталиста неудержимо расплывается в пространстве, будучи затерянной где-то между крупными, средними и массой мелких акционеров, директорами, высшими менеджерами и прочими управляющими, банкирами, финансовыми спекулянтами, маклерами и брокерами, ведущими специалистами исследовательских отделов корпораций, владельцами и вкладчиками пенсионных фондов и т.д. Одновременно численность фабрично-заводского пролетариата в странах развитого капитализма неумолимо сужается, распадаясь, с одной стороны, на слой квалифицированных специалистов и профессионалов, непосредственно обслуживающих интересы капитала, и имеющих соответствующие доходы, и, с другой стороны, на

массу малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг, распыленных, не спаянных в крупные коллективы, часто занятых временно или частично, и чей заработок нередко не дотягивает до прожиточного минимума.

И эти «неприятные» факты заставили немало понервничать левых теоретиков, ибо они ставили под сомнение их понимание классической марксистской концепции об «исторической миссии пролетариата» как могильщика капитализма. Некоторые из них решили сдать историческую миссию пролетариата в утиль и подыскать на его место кого-нибудь другого (например, интеллигенцию или «когнитариат»). Другие вышли из затруднений, распространив понятие пролетариат на всех лиц наемного труда (вне зависимости от их действительной роли в экономической системе). Третьи заявили, что, несмотря на все перемены, пролетариат по-прежнему остается пролетариатом – и точка.

На самом деле требовалось, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что при смене способа производства его движущей социальной силой никогда не выступал только конфликт между основными классами «старого» способа производства. Более того, самая активная (ведущая) роль в социальной революции (другими словами, гегемония) принадлежала всегда новым социальным слоям, бывшим продуктами разложения основных классов прежнего общества и исходным материалом для формирования основных классов нового способа производства¹.

Разумеется, эти новые слои длительное время выступали в старой социально-правовой оболочке. Например, буржуазия, как мелкая, так и крупная, а также и предпролетариат, к началу буржуазной революции во Франции несли на себе общее одеяние «третьего сословия». Значительная часть буржуазии в России XIX века по документам значилась крестьянами или мещанами (т.е. городскими простолюдинами). Крестьянами числилась и часть фабрично-заводских рабочих.

В современном капиталистическом обществе наемным работником может именоваться полунищий поденщик, перебивающийся случайными заработками, заводской рабочий, профессор универси-

---

¹ Одним из первых среди марксистов обратил внимание на эти обстоятельства американский социолог Чарльз Райт Миллз (См., например: Ch. Wright Mills. The Marxists. N.Y. 1962, p. 116).

тета и генеральный директор крупной корпорации. Но даже если мы выделим в этой пестрой толпе только тех, кто эксплуатируется капиталом (а не является агентом капитала по эксплуатации труда), и для кого систематическая продажа рабочей силы является основным способом существования, это еще не решает проблемы.

Дело в том, что значительный (хотя и составляющий явное меньшинство) слой наемных работников, занятых по преимуществу, или в существенной степени творческими функциями, отличается по своему социально-экономическому положению от «классического» фабрично-заводского пролетариата. Переход от машинных технологий к постмашинным создал и *нового наемного работника* – не частичного фабричного рабочего, подчиненного как диктату капитала, так и власти фабричной системы, а творческого работника, реализующего значительную степень свободы в своей деятельности, и в этой части претендующего на независимость от капитала.

Как уже было сказано выше, эта независимость весьма относительна, но потенциально не ограничена, а потому и является основной конфликта интересов между творческими работниками и капиталом. Этот конфликт имеет своей основой то же отчуждение труда, которое гнетет любого наемного работника. Но *новый тип творческого работника отличается от классического фабрично-заводского пролетария тем, что в самом процессе своего труда он потенциально (а отчасти – и реально) свободен от диктата капитала. Для него остается в силе формальное подчинение труда капиталу, но реальное уже начинает размываться.*

Именно это различие создает и различие в характере того, что, вслед за К. Марксом, можно было бы назвать «исторической миссией» данных социальных групп внутри класса наемных работников.

Объективные экономические интересы основной массы фабрично-заводского пролетариата могут быть сведены к высокой заработной плате для себя, и к сужению дохода капиталиста до уровня зарплаты высокооплачиваемого управляющего. Не следует забывать и о *внутренне присущих* пролетариату чертах мелкобуржуазности (пролетарий ведь *одновременно и рабочий, и торговец* – продавец своей рабочей силы). Да, борьба рабочего за достойные условия труда и его оплаты революционизирует капиталистическое общество, подталкивает его к изменениям, в том числе и выходящим за пределы собственно капиталистических отношений. Да, рабочий страдает от гнета капитала и не прочь бы вообще избавиться от его власти...

Но что же дальше? Даже ниспровержение капитала не освобождает фабрично-заводского рабочего от его *фабричного* рабства. хотя бы *наемное* рабство уже было ликвидировано. А с сохранением первого, порождающего противоречие интересов управляющих и управляемых, умственного и физического труда, ущербность частичного работника и т.д., весьма вероятно вернется и второе (печальный опыт СССР недвусмысленно свидетельствует об этом). Кроме того, фабрично-заводской пролетариат выступает таким классом, который *обречен на гибель* вместе с гибелью капитализма и становлением бесклассового социалистического общества.

Какой же социальный слой по роду своей деятельности, по месту в общественном производстве не только заинтересован в преодолении любых классовых перегородок, любого социального гнета, но и *имеет практический опыт такого преодоления, практическое знание о путях и способах, которыми решается эта задача?* Именно та часть наемных работников, которая связана с выполнением творческих функций.

До сих пор капитал довольно успешно справлялся с теми противоречиями, с которыми связано положение творческого работника в системе капиталистических отношений. На ранних стадиях промышленного капитализма число таких работников было невелико, и значительная часть из них занимала особое положение «лиц свободных профессий», что сближало их по статусу с мелкими буржуа, делая их продавцами продуктов со своего частного «интеллектуального огородика». Затем, с развитием технического прогресса, происходит количественный рост этого слоя и превращение большинства его представителей в наемных работников. Творческая деятельность по развитию и технологическому применению научных знаний превращается из поля индивидуальной (частной) инициативы в крупную, капиталистически организованную отрасль производства, покоящуюся на использовании наемного труда.

Однако и теперь капитал все еще способен создавать для значительной части таких работников относительно привилегированные условия – как по уровню дохода, так и по условиям труда. Поэтому творческие работники (ученые, инженеры, преподаватели, врачи, журналисты и т.д.) в массе своей, хотя и тяготятся властью капитала, но стремятся к освобождению от него именно как привилегированная каста, добиваясь такого освобождения только для себя. Более того, многие видят путь своего освобождения от власти

капитала в том, чтобы самим сделаться капиталистами – подобно тому, как французский буржуа XVII столетия мечтал о покупке дворянского патента или женитьбе на дворянке. Ведь значительная часть творческих работников – менеджеры, агенты финансового рынка, агенты политического и идеологического манипулирования и т.п., – по своему положению в системе капиталистического производства привязана к непосредственному обслуживанию самовозрастания капитала.

И все-таки возможности капитала по социальному подкупу всего этого слоя не беспредельны. Многие творческие работники, независимо от своего привилегированного положения, осознают общность своих интересов с другими отрядами наемных работников в противостоянии власти капитала. Кроме того, с ростом количества рабочих мест, нуждающихся в выполнении творческих функций, возможности подкупа со стороны капитала сужаются. Становится невозможным подкупить всех. И часть творческих работников все активнее включается в борьбу против власти капитала – первоначально в основном под своими, специфическими «цеховыми» лозунгами.

Эти «цеховые» лозунги, – общедоступность образования, свобода доступа к знаниям и информации, контроль над использованием научных результатов ради блага людей, а не вопреки ему (ради прибыли капиталистов) и т.п., – чем дальше, тем больше совпадают, однако, с интересами всех наемных работников. Разве фабричному пролетарию или малоквалифицированному работнику сферы услуг не нужен свободный доступ к высшему профессиональному образованию, если не для себя, то для своих детей? Разве не заинтересован любой наемный рабочий в том, чтобы лишить капитал «священного права» травить людей отходами производства или угрожать их здоровью недостаточно проверенными продуктами (лекарствами, пищевыми добавками и т.д.)?

Наконец, с ниспровержением власти капитала «цеховые» лозунги творческих работников могут превратиться в универсальные цели всего общества: «образование – для всех», сокращение рабочего дня, доступ к культурным благам в свободное время, достижение равновесия с природной средой... Эти лозунги могут стать основой такого преобразования материальных условий производства (развития производительных сил), которое создаст действительную возможность для свободного развития человека.

Поэтому, на мой взгляд, *«могильщиком капитализма» может стать как раз союз традиционного наемного работника (фабрично-го пролетария) и наемных рабочих сферы услуг с наемным работником нового типа – творческим работником.* Самостоятельно ни та, ни другая социальная группа не смогут решить эту задачу. Фабричные рабочие и работники сферы услуг – потому, что условия их труда и их положение в общественной системе производства ограничивают их способности в части преобразования общества на социалистических началах. Творческие работники – потому, что социалистические отношения могут быть сформированы только в процессе социального творчества, захватывающего большинство населения. А для этого надо преодолеть собственную цеховую узость, придти к борьбе за интересы большинства и завоевать практическую поддержку этого большинства.

Следует особо отметить, что даже наиболее бесправные и угнетенные слои современных наемных работников (в отличие от классических люмпенов), не занятые творческими функциями, и не имеющие доступа к высокому уровню культуры, отнюдь не лишены способности к социальному творчеству. Это доказано опытом последнего десятилетия в Латинской Америке, где в ряде стран беднейшие слои населения продемонстрировали высокую степень способности к систематической самоорганизации в борьбе за свои права.

Необходимо заметить, в связи с этим, что главным стимулом антикапиталистического протеста наемных работников является не уровень заработной платы, и не стремление отобрать прибавочную стоимость у капиталиста и положить себе в карман. Этот стимул действует, но он в гораздо большей степени подталкивает к экономической борьбе за условия оплаты труда, нежели к борьбе за революционное ниспровержение капиталистического строя.

Для левого движения принципиально важной является выработка конструктивного ответа на вопрос о том, как обеспечить социальный прогресс беднейшей части населения Земли, не переводя этот прогресс в русло индустриального капитализма, поскольку движение по этому пути приведет к перенапряжению глобальной экосистемы и глобальному истощению ресурсов. Этот вопрос не остался незамеченным социалистическими теоретиками, однако внятного и хорошо обоснованного ответа на него пока не предложено. Ведь нельзя же всерьез, – тем более, с социалистических позиций, – принимать та-

кие ответы, как призыв к добровольному аскетизму, или к замораживанию развития в рамках «национальных традиций» или «цивилизационного своеобразия».

Сложность проблемы заключается в том, что торможение безудержного роста материальных потребностей происходит лишь у лиц, занятых творческой деятельностью, и при достижении ими довольно высокого уровня благосостояния. Точно так же торможение роста населения обеспечивается лишь при достижении довольно высокого уровня экономического развития. Если направить все слаборазвитые страны к достижению этого уровня, истощение ресурсов еще по пути к нему неизбежно.

Разумеется, если выйти за рамки капитализма, то на основе иных общественных отношений этих результатов можно достигнуть при значительной экономии ресурсов, избегая развития избыточных расходов (военных, на бюрократический аппарат), избегая раздувания фиктивных потребностей и перепотребления. Социалистическое общество может установить более рациональный обмен веществ между человеком и природой (конкретные детали механизма таких гармоничных отношений с природой могут быть различны в зависимости от уровня развития общества). Но можно ли выйти за пределы капитализма странам с относительно низким уровнем развития? Мы снова и снова возвращаемся к этому вопросу.

Для всемирной истории в рамках экономической общественной формации всегда было свойственно противоречие между «центром» и «периферией». Успевшие относительно дальше в своем развитии общества («центр») использовали окружающие их относительно менее развитые общества («периферию») как источник дешевых ресурсов и объект эксплуатации. Последние нередко отвечали им насильственными действиями, иногда заставляя центр и периферию поменяться ролями.

В современном мировом капиталистическом хозяйстве, для которого характерны процессы глобализации, разрыв между центром и периферией сохраняется, как и соподчинение между ними. Глобальный «Север» (центр) противостоит «Югу» (мировой периферии), как господствующая сила, использующая неравенство в уровне экономического развития в своих интересах. «Юг» реагирует на свое менее благоприятное положение самыми различными способами: попытками догоняющей модернизации (что в какой-то мере удастся, но лишь меньшинству), или же агрессивного шантажа, фундаментализ-

мом, ксенофобией, изоляционизмом – либо поиском путей, выводящих за пределы логики капиталистической глобализации.

Удержание «Севером» своего преимущественного положения является жизненно важным для развитых капиталистических государств и базирующегося в них транснационального капитала. Экономически зависимое положение периферии обеспечивает не столько доступ к дешевым ресурсам, как в прежние времена, сколько возможность экстенсивного расширения капиталистических отношений, а вместе с этим – масштабов эксплуатации (при высокой норме прибавочной стоимости) и емкости рынков сбыта.

Такое положение является немаловажным фактором поддержания стабильности хозяйственной системы в развитых странах, источником дохода для обеспечения беспрепятственного роста капитала и смягчения социальной напряженности в странах центра. Тем самым развитие внутренних противоречий капиталистического способа производства в странах центра компенсируется получением выгоды за счет внешних (периферия) источников.

Перспективы революционного выхода за пределы капитализма в немалой степени зависят, поэтому, от динамики отношений между «Севером» и «Югом», центром и периферией капиталистического мирового хозяйства. Менее развитые страны опутаны сложными отношениями зависимости – прежде всего, технологической и финансовой, – от более развитых стран, и потому вырваться из этой зависимости отнюдь не просто. Пример таких стран, как Куба, и даже Китай, свидетельствует об этом со всей очевидностью. Китай, на первый взгляд, занимает сильные самостоятельные позиции в мировой экономике и вроде бы не страдает от зависимости – но это видимое благополучие куплено за счет того, что Китай в основном принял «правила игры» глобального транснационального капитала. Его некоторая относительная самостоятельность основана на беспрецедентно огромных масштабах национальной экономики, находящейся под жестким централизованным политическим контролем.

В таких условиях переход к социализму потребует перестройки всей системы мирохозяйственных связей, потому что вырваться из нее «в одиночку» будет не под силу даже Китаю. Перспективы социалистической революции будут во многом зависеть от решения двух вопросов. Первый – сумеют ли страны периферии вырваться из своего зависимого положения, тем самым лишив центр его привилегированных позиций и столкнув его лицом к лицу с ограниченностью

возможностей капиталистического развития? И второй – сумеют ли страны периферии добиться этого не путем самоизоляции (ибо это путь в тупик, чреватый восстановлением зависимости), а путем обретения независимых источников технологического развития и собственной надежной финансовой базы?

Решение этих вопросов невозможно без широкой международной кооперации стран периферии, и без формирования хотя бы одной-двух точек научно-технологического роста, ресурсы которых будут использоваться в рамках такой кооперации. Разумеется, такого рода сотрудничество нельзя наладить без преодоления капиталистических отношений на периферии, без отхода от чисто эгоистических, частных мотивов поведения в мировом хозяйстве.

Поэтому крайне желательно было бы вовлечение в такой проект хотя бы некоторых развитых стран или, по крайней мере, стран со значимыми научно-технологическими комплексами. Чтобы результаты работы этих комплексов послужили делу социально-экономического подъема стран, желающих преодолеть рамки капиталистических отношений, необходимо обеспечить нечто вроде «глобализации по-социалистически». Должна быть создана сеть всестороннего сотрудничества в сфере науки, образования, распространения новых технологий и культурных достижений, и для совместного использования ресурсов на эти цели. Зародыши такого сотрудничества можно увидеть в нынешних отношениях Кубы и Венесуэлы (нефть в обмен на кадры учителей и врачей для развития массовой медицины и массового образования).

«Социалистическая глобализация» может стать ответом на глобализацию капиталистическую в той мере, в какой она будет в состоянии противопоставить монополии на финансовые и технологические ресурсы массовое вовлечение трудящихся в социальное, технологические и культурное творчество, и обеспечить распространение этой практики на все страны социалистического выбора. Формирование широчайшей социальной базы для творческой деятельности может заложить основы подлинно инновационной экономики – т.е. экономики, не только широко использующей инновации, но и способной производить эти инновации не узкой группой привилегированных специалистов и профессионалов, а фактически в каждом своем звене. Сложение интеллектуальных, технологических и естественных ресурсов большой группы стран может дать при этом дополнительный (синергетический) эффект.

Раздел 3

Современный капитализм: борьба за свободу и демократию

«Вопреки надеждам либеральной интеллигенции, в условиях разрушения советских общественных институтов произошло спонтанное становление не рыночного, конкурентного общества, а традиционных структур насилия. Это регрессия, попятное движение истории, «дурная бесконечность» насилия и эксплуатации, которые по десятому кругу проходит наше общество, на этот раз по милости «демократических» (в кавычках, разумеется) сил».

Руслан Дзарасов

«Искать фашизм в далеком прошлом, как это делают некоторые исследователи, бессмысленно. Фашизм – это феномен XX и, в какой-то степени, XXI веков. Он обусловлен их проблемами. Если не будет найдено позитивное решение этих проблем, то от фашистской угрозы в тех или иных формах не избавится и будущее поколения».

Александр Галкин

«Инновационная модернизация экономики и общества может успешно разворачиваться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, где власть монопольно распоряжается «рентным пирогом», а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе, пусть «пошаговых», но реальных демократических реформ политической системы».

Юрий Красин

«Электронный» гражданин – это, прежде всего, профессионал, работающий на производстве, в сельском хозяйстве или в сфере услуг, который активно использует в своей деятельности информационные ресурсы интернета и корпоративных сетей, последние достижения в области коммуникаций, современные бизнес приложения и офисные продукты.

Борис Б. Славин

«.....начинающееся с альтерглобализма волна новых форм социального протеста и творчества есть альтернативный ответ на вызовы протоиimperских форм генезиса новых технологий и гегемонии капитала».

Александр Бузгалин

«.....наше понимание свободы неотделимо от понимания справедливости, и, если нет последней, то, по нашему мнению, нет и первой. В этом главное отличие нашего сознания от западного, согласно которому справедливыми признаются любые результаты свободной рыночной конкуренции. Поэтому в своё время капитализм и либерализм были нами отвергнуты, а социализм принят, потому что он поднял знамя социальной справедливости».

Солтан Дзарасов

Р.С. Дзарасов

Капитализм против демократии

Введение

На рубеже 1990-х годов в нашем обществе господствовал оптимизм и энтузиазм в связи с переходом к капитализму. Согласно широко распространенным тогда ожиданиям, в мгновение по историческим меркам сроки новый строй должен был принести стране экономическое обновление, процветание, членство в семье цивилизованных (т.е. западных) народов и, конечно же, демократию. Казалось, что иначе и быть-то не может, ведь капитализм воспринимался многими просто как «естественное состояние рода человеческого» (Смит), и стоит только отказаться от «кабинетных мечтаний» теоретиков марксизма, как освобожденная натура человека возьмет свое. Тем горше было разочарование людей, для которых эта утопия «возрождения к новой жизни» обернулась воровской приватизацией и залоговыми аукционами, конфискацией трудовых дохо-

дов и сбережений через либерализацию цен, нашествием пирамидо-строителей типа Мавроди и другими бедствиями. Но наиболее горькой насмешкой над былыми мечтами россиян стала выхолощенная «суверенная демократия», едва прикрывающая фактическую несменяемость власти. Почему так случилось? Почему оказались столь жестоко обмануты самые искренние стремления наших людей «стать Европой», начать «жить как все», принять «общечеловеческие ценности» свободы и демократии?

Следует признать, что представления о капитализме как о свободном сообществе равноправных конкурентов, утвердившиеся в нашей стране на волне отрицания официальной советской идеологии, оказались ложными. В действительности, буржуазное общество есть, прежде всего, общество классовое, основанное на эксплуатации труда. Эта истина не только не поблекла в послевоенные десятилетия «государства благосостояния», но и засияла еще ярче в свете текущего кризиса мировой экономики. К сожалению, среди нашей общест-венности все еще бытует наивное представление о западном капита-лизме, как об обществе не лишенном, конечно проблем, но в основе своей сочетающем эффективность, справедливость и демократию на-сколько это возможно в реальной жизни. По-существу, это идеали-зированная модель европейской социал-демократии. В действитель-ности, этот образ Запада не отражал реальность даже в свой «золотой век» 1950–1960-х годов прошлого века, а в современном мире гло-бального господства финансово-спекулятивного капитала вообще потерял какой-либо смысл.

Разумеется, туристическое знакомство с «шведским социализ-мом» или западногерманским «благосостоянием для всех» в их луч-шие времена производило впечатление: права профсоюзов, социаль-ные гарантии, высокий уровень жизни рабочих. Однако этот «капи-тализм с человеческим лицом» имел очень важную обратную сторо-ну, ускользавшую от поверхностного внимания туристов – моно-польное положение западных стран в капиталистической мир-системе. Этот термин выдвинут школой Валлерстайна, подчерки-вающей тот факт, что исторически капитализм никогда не развивал-ся, замкнутый в узкие рамки национального хозяйства.¹ С самого зарождения капитализма в эпоху позднего средневековья в среди-

---

¹ Wallerstein I. World-System analysis. An introduction. Durham, NC, USA: Duke University Press, 2004.

земноморских городах–государствах накопление капитала предполагало разделение мира на страны центра и периферии. Через систему зависимости дешевый труд стран периферии обеспечивал накопление капитала в странах центра. В 20–м веке, в связи с ростом рабочего и революционного движения в странах Запада (центра) произошло становление социал–демократической модели развития, основанной на частичном перераспределении национального дохода в пользу трудящихся через кейнсианское «государство благосостояния». Экономические издержки социальной стабильности оплачивались за счет эксплуатации неокOLONиальной периферии в лице развивающихся стран.¹ Именно тогда и возникла иллюзия того, что современный капитализм решил проблему социального идеала, того, что остальному миру остается только перенять западную культуру рынка и демократии. С крахом СССР эта иллюзия приняла форму доктрины «конца истории»,² на которую и попала наша наивная и не очень информированная интеллигенция.

Ретроспективно становится ясно, что послевоенный подъем американской экономики (вытянувший всю западную экономику) был результатом уникального стечения временных обстоятельств, главным из которых было разрушение экономик Западной Европы и Японии, устранивший конкуренцию американским компаниям на мировом рынке.³ Именно тогда было возможно одновременно платить высокую зарплату, извлекать высокие прибыли, делать значительные инвестиции в модернизацию производства и содержать «государство благосостояния». Как только экономики конкурентов возродились, конкуренция на мировом рынке резко обострилась и прибыли промышленных корпораций упали. На стагфляцию 1970–х гг. мировой, прежде всего, американский капитализм ответил усилением внешней экспансии и финансовализацией, т.е. вытеснением промышленного капитала финансово–спекулятивным.

Если составной частью мифа «капитализма с человеческим лицом» была т.н. «революция управляющих» (т.е. приобретение менеджерами относительной самостоятельности от акционеров, давшее повод говорить о народном характере частной собственности),

¹ Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – London: Penguin Books Ltd., 1992.

³ Brenner R. The Boom and the Bubble. The US in the World Economy. – London, New York: Verso, 2003.

то в 80-е годы собственники властно напомнили, кто главный при капитализме.¹ Это был реванш финансовых спекулянтов с Уолл-Стрит, которые смогли наконец демонтировать ограничения времен рузвельтовского «Нового курса» и утвердили контроль над корпоративной Америкой. Повышение курсовой стоимости акций стало главной целью корпораций,² в жертву которой принесены долгосрочный рост, инновации, достойная зарплата, финансирование социальных программ. В результате, большая часть прибыли нефинансовых корпораций стала тратиться на выплаты дивидендов и обратный выкуп собственных акций (для искусственного повышения их стоимости), а финансовые активы превысили стоимость производственных мощностей.³ Таким путем собственники корпораций компенсировали падение своих доходов времен стагфляции.

Естественно, что при столь резкой смене ориентиров корпораций с производственной на финансово-спекулятивную деятельность не мог не начаться упадок производства в Америке. Решение этой проблемы было найдено в переносе производства за рубеж, в регионы мира с низкой оплатой труда. Сформировались глобальные производственные сети,⁴ в которых операции с высокой добавленной стоимостью (разработка продукции и ее продажа) сосредоточены в руках западных, прежде всего, американских корпораций, а низкодоходные, но трудозатратные, производственные звенья – перенесены в Китай, Индию, Латинскую Америку и другие страны бесправного, дешевого труда.⁵

Именно это резкое усиление эксплуатации на мировой арене и лежит в основе относительного оживления неолиберального запад-

---

¹ Blair M. (ed.), *The Deal Decade. What Takeovers and Leveraged Buyouts Mean for the Corporate Governance*. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1993.

² Ho K. *Liquidated. An Ethnography of Wall Street*. – Durham and London: Duke University Press, 2009.

³ Orhangazi O. Financialisation and capital accumulation in the non-financial corporate sector: A theoretical and empirical investigation on the US economy: 1973–2003 // *Cambridge journal of economics*. – 2008. – No. 32, pp. 863–886.

⁴ Bair J. (ed.). *Frontiers of Commodity Chain Research*. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

⁵ Средняя ставка оплаты труда рабочего на Ямайке вдвое, в Боливии и в Индии втрое, а в Нигерии в четверо ниже, чем в США (Rodrick D. *Labour markets: the unexpected frontier of globalization* // *The Globalist*. – 2011. – May 31).

ного капитализма последних трех десятилетий. Однако, оно не только не вернуло динамизм 1950–1960-х годов, но и создало предпосылки для новой «Великой депрессии». Безудержная эксплуатация труда в мировых масштабах привела к глобальному перенакоплению капитала. Индустриализация развивающихся стран для поставки дешевых товаров в страны центра привела к отставанию совокупного спроса на товары от их совокупного предложения в мировой экономике.¹ Это не удивительно, ведь главным мотивом переноса производства на периферию была дешевизна ее рабочей силы. Это привело и к стагнации реальной заработной платы и падению ее доли в ВВП стран центра.² Вот и получилось, что понастроили заводов, продукцию которых некому покупать. (Читатель должен помнить, что емкость рынка определяется, прежде всего, спросом наемных работников.) В этих условиях, неизбежное наступление мирового кризиса искусственно отсрочивалось всемерным наращиванием долгов: государственных, корпоративных, потребительских. Это имело свою, высокую цену.

Наращивание потребительских расходов в развитых странах за счет потребительского кредита, ипотеки и т.д., создавая иллюзию роста уровня жизни при стагнации реальной заработной платы, означало усиление власти капитала над трудом. В конечном счете, доходы кредиторов определяются размером трудового дохода заемщика, из которого и должны быть покрыты долги с процентами. Получается, что стремительный рост задолженности рядовых граждан отражает притязания капитала распоряжаться не только текущими, но и будущими трудовыми доходами населения. В условиях стагнации последних неизбежно наступил момент, когда бремя долгов превысило возможности людей выплачивать их.³ Наступил мировой экономический кризис.

---

¹ Greider W. One world, ready or not: the manic logic of global capitalism. – N.Y.: Simon & Schuster, 1998.

² Guscina A. Effects of Globalization on Labor's Share in National Income. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, WP 06/294, 2006, p. 4. В США средняя ставка заработной платы в обрабатывающей промышленности в реальном выражении в 2005 г. была на 8% ниже, чем в 1973 г., хотя производительность труда в этом секторе экономики выросла за те же годы на 85% (Pollin R. Global Outsourcing and the US Working Class // New Labor Forum. – 2007. – Vol. 16, No. 1, pp. 122–125).

³ Ivanova M. Money, housing and world market : the dialectic of globalised pro-

Таким образом, современный капитализм, который наша не очень искушенная интеллигенция считала цивилизованным и гуманным обществом, является в действительности глубоко паразитическим обществом, пытающимся компенсировать свою неэффективность невиданным (по своим масштабам) в человеческой истории усилением эксплуатации труда. Именно в этом лежит глубинная причина кризиса. Понятно, что породившее его общество (вернее правящие классы такого общества) не может не быть глубоко враждебно демократическим правам и свободам. Именно это и проявилось с ростом социального протеста по всему миру, которым трудящиеся ответили на мировой кризис.

Первой пример подала Греция. Правящие классы этой страны пытались лечить раны гражданской войны 1940–1950-х гг. с помощью сети социальных программ, которые в последние десятилетия финансировались за счет внешних займов. «Золотой дождь» иностранных финансовых инвестиций, который пролился на страну в 2000-е годы, греческая буржуазия попыталась использовать для утверждения своей гегемонии на Балканах, в свою очередь, вкладывая эти средства в местные банки. Кризис 2008 г. обесценил эти вложения, а внешний долг страны оказалось нечем платить. Меры жесточайшей экономии, наложенные на Грецию международными финансовыми кругами в обмен на финансовую помощь, предполагали резкое урезание социальных программ. Трудящиеся Греции, возмущенные тем, что их заставляют платить по счетам буржуазии, ответили взрывом массовых протестов в 2009–2010 гг.,¹ продолжающихся до сих пор. Массовые движения социального протеста охватили и другие страны Европы, прежде всего, Испанию и даже Великобританию. Но настоящим набатом для трудящихся всего мира прозвучала т.н. «арабская весна».

События начались в начале 2011 г. в Тунисе, но кульминации достигли с восстанием на площади Тахрир в Египте, перекинувшись затем на Йемен, Бахрейн, Ливию и другие страны. Было бы ошибкой сводить их только к влиянию современного мирового кризиса. Соци-

---

duction // Cambridge journal of economics. – 2011. – Vol. 35. – No. 5, pp. 853-871.

¹ Tolios Y. Economic crisis, financial markets and Economic & Monetary Union in the EU. The Greek experience from its participation in the “euro-zone” and the question of an alternative economic policy. – Moscow: Political economy: reactualization. International theoretical conference, 2009, April 19–20th.

альный протест против коррумпированных, как правило, проамериканских режимов зрел десятилетиями.¹ Несомненно, однако, что именно современные мировые потрясения настолько усилили давление на трудящихся стран мировой периферии, что это вызвало социальный взрыв на Ближнем Востоке. Специалисты отмечают такие важнейшие черты рассматриваемых событий, как: доминирование молодежи; сочетание протеста студенчества, рабочих и среднего класса; новые возможности социального протеста, открываемые широким использованием социальных сетей.² Одним из открытий «арабской весны» стал принцип оккупации протестующими какого-то социально значимого пространства, каковым в Каире, например, стала площадь Тахрир.

Этот принцип получил неожиданное применение стране, которую еще совсем недавно даже самые информированные наблюдатели сочли бы наименее вероятным местом проявления массового протеста – в США.³ Еще в феврале 2011 г. началось т.н. «Висконсинское восстание», важнейшее событие, подготовившее движение «Оккупируй Уолл-Стрит», имевшее поистине всемирное значение. В штате Висконсин губернатор Уолкер, представлявший правых республиканцев, внес в местный конгресс проект закона, резко ущемлявшего права профсоюзов государственных служащих. В ответ начался массовый протест (на своем пике он насчитывал 185 тыс. человек), участники которого ворвались в здание Капитолия штата и парализовали его работу. Среди «восставших» были широко представлены как рабочие, так и средний класс. Предотвратить принятие реакционного закона не удалось, но опыт не прошел бесследно.

В сентябре–октябре 2011 г. группа молодых радикалов разбила палаточный городок в Закотти-парке в Нью-Йорке и начала непрерывный митинг на Уолл-Стрит, прямо напротив фондовой биржи. В течение нескольких недель эта акция выросла в крупнейшее с 1930-х годов проявление социального протеста в США. Главный лозунг движения гласил: «Нас 99%!», что отражает конфликт большинства населения страны с правящей финансовой олигархией. Главным требованием стало установление контроля над финансово-спеку-

¹ Amin S. 2011: An Arab Springtime? // Monthly Review. – 2011. – Vol. 63. – No. 05 (October).

² Mason P. Why It's Kicking off Everywhere? The New Global Revolutions. – London: Verso, 2012.

³ Jones V. Rebuild the Dream. – New York: Nation Books, 2012.

лятивным капиталом, вызвавшим текущий экономический кризис. Хотя в Нью-Йорке протестующих разогнали, но движение было подхвачено множеством организаций по всей стране, где возникли свои «оккупируй». Рост социального протеста в США произошел в ответ на отказ правящего класса осуществить реформу капитализма, ограничив произвол финансово-спекулятивного капитала.

Таким образом, мировой экономический кризис вызван усилением эксплуатации труда в мировом масштабе. Он привел мировую капиталистическую элиту к столкновению с демократическими устремлениями трудящихся масс по всему миру. Именно на этом фоне кризиса центрo-периферических отношений необходимо рассматривать феномен российского капитализма и его отношение к демократии.

§1. Периферия и модернизация

По мнению английского исследователя Теодора Шанина¹ у «позднего Маркса» возникли сомнения в универсальности его линейного представления об истории как последовательной смене общественно-экономических формаций, согласно которому передовые капиталистические страны показывают отсталым странам образ их будущего развития. Под влиянием знакомства с русским народничеством немецкий мыслитель задумался о феномене «отсталого капитализма». Одним из результатов этих размышлений стало понятие «азиатского способа производства», выбивающееся из стройного ряда формаций. По-видимому, проблема различных типов капитализма, поставленная, но не решенная Марксом, нашла свое отражение в упомянутой выше теории капитализма как миросистемы Иммануила Валлерстайна. Согласно этому подходу, базирующемуся на учении Маркса, но критически переоценивающему его,² капитализм с само-

---

¹ Late Marx and the Russian road: Marx and 'peripheries of capitalism' / a case presented by Teodor Shanin. – London: Routledge & Kegan Paul, 1984, 286 p.

² По мнению Валлерстайна Маркс разработал модель, которая, якобы, применима только к замкнутому национальному хозяйству, тогда как капитализм являлся мировой системой с самого начала своего зарождения и может быть понят только сквозь призму центрo-периферических отношений. На наш взгляд, в этом рассуждении содержится распространенная ошибка смешения абстрактного и конкретного уровней научного анализа. Абстрактные понятия системы Маркса – стоимость, прибавочная стоимость, цена производства и другие – применимы, и образуют основу анализа любой конкретной формы капитализма, находящегося на любой стадии истории,

го момента своего зарождения развивается через систему отношений господства и подчинения центра (развитые капиталистические страны) и периферии (отсталые страны, в прошлом колонии). Центр эксплуатирует периферию через неэквивалентный обмен в торговле, вывоз капитала, долговую петлю, деятельность ТНК, «утечку мозгов» и другие методы.

Согласно одной из интерпретаций взглядов школы Валлерстайна, соединяющей его взгляды с теорией «длинных волн» Кондратьева,¹ когда в центре мирового капитализма наблюдается перенакопление капитала, он вывозится на периферию. Это кладет начало попыткам модернизации и догоняющего развития. Действительно, начинается прогресс социально-экономического развития отсталых обществ, разрыв с центром сокращается и кажется, что скоро он будет преодолен. Однако с новым витком технического прогресса начинается скачок развития стран центра, в них возникают новые прибыльные возможности инвестиций и капитал покидает периферию. Развитие периферии замедляется, и она опять отстает на целый этап.

Можно добавить к сказанному, что попытки модернизации по модели догоняющего развития периферийных обществ оборачиваются усилением эксплуатации населения. Оно подвергается двойному гнету – со стороны национальной буржуазии и иностранного капитала. Это касается, прежде всего, крестьянства, за счет разорения которого и образуются главные источники накопления капитала. Капитализм вторгается в традиционный уклад жизни крестьянства в облике враждебной иностранной силы. Вот почему крестьянские войны социального протеста нередко принимают форму националь-

---

будь то эпоха свободной конкуренции, корпоративного капитала или глобализации. Различаться модели капитализма – национального или мирового все равно – будут не своими абстрактными (т.е. наиболее общими, наиболее типичными) основами, а их модификацией в ходе восхождения от абстрактного к конкретному. Модель Валлерстайна, таким образом, образует лишь частный случай модели Маркса, как и предлагаемая ниже на данных страницах модель современного российского капитализма. Основным недостатком теории Валлерстайна нам представляется то, что в ней анализ капитализма сводится к конкретному уровню (вместо того, чтобы восходить к нему), благодаря чему снижается глубина интерпретации предмета. С уважением относясь к вкладу Валлерстайна и его школы, мы в настоящей работе попытаемся избежать того, что расцениваем как её главный порок.

¹ Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М.: Ультра. Культура, 2004, с. 34–40.

но-освободительной борьбы. В культурном измерении это означает конфликт вестернизации с традиционными ценностями. Реакцией крестьянских обществ на вестернизацию (сегодня на глобализацию) нередко становится возрождение архетипов традиционного сознания, что неизбежно накладывает свой отпечаток на формирующиеся при этом социальные институты. *Именно в этом ключе – противоборства и сложной взаимосвязи традиционных, либеральных и социалистических ценностей – необходимо трактовать исторические судьбы капитализма и представительной (либеральной) демократии в России, также как и исторические судьбы советской власти.*

Излагая русскую историю с древнейших времен с позиций концепции центра–периферии, Кагарлицкий показывает, что Россия всегда стремилась осуществить догоняющую модернизацию.¹ В самом деле, классическим примером такой попытки являются петровские реформы, которые осуществлялись в ответ на смертельную угрозу для существования страны.² Характерно, что, насильственно на-

---

¹ Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М.: Ультра. Культура, 2004, 522 с. Насколько нам известно, это первое и пока единственное исследование истории России с позиций мир-системного подхода.

² «Первая четверть XVIII в. была тем периодом истории русского народа, когда на несколько поколений вперед решалась его историческая судьба. Прямые потребности его дальнейшего экономического развития, необходимость преодолеть хотя бы отчасти большую экономическую и техническую отсталость, повелительно дававшая себя чувствовать потребность покончить с многими обветшалыми и тормозящими пережитками старины в практике правительственной деятельности – всё это поставило ещё в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики. Эта политика неминуемо должна была продолжить линию дипломатической и военной деятельности Ивана Грозного и вывести Россию к морю. Требовалась ускоренная, трудная и, главное, одновременная работа в двух областях: нужно было торопиться проводить одну за другой хотя бы необходимейшие внутренние реформы и в то же время вести долгую войну против грозного, прекрасно вооруженного, озлобленного и беспощадного врага» (Е.В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию / Собрание сочинений, Т. X. – М.: Издательство

савив европеизацию в среде русского дворянства, Петр завершил крепостническое закабаление крестьян и вообще резко усилил централизацию общественной жизни.¹ «Вестернизация» верхов русского общества, таким образом, сопровождалась, если так можно выразиться, «истернизацией» низов. Их протест принимал форму стрелецких бунтов и церковного раскола. Представляется, что образным выражением смысла не только российской, но и всякой периферийной модернизации вообще, является картина Сурикова «Утро стрелецкой казни», изображающая смертельное столкновение народа с властью, традиции с модернизацией.²

Русский социализм с самого своего основания (Герцен) противостоял как либерализму, так и традиционализму (славянофильство). Западничество и славянофильство 19 в. являлись теми идейными, культурными формами, в которых русское общество осмысливало своё периферийное положение по отношению к Европе (западной, разумеется). Русский социализм родился из этой антитезы и имеет два источника: западную идею социализма и славянофильскую идею общины.³ Бердяев как-то заметил, что для судеб русской

академии наук СССР, с. 366).

¹ «Необычайное усиление централизации власти шло при Петре параллельно с упорными, энергичнейшими мероприятиями правительства по созданию и укреплению промышленной деятельности. ... Поскольку крепостные крестьяне стали ещё более зависимыми от землевладельца, пребывая такими же, как и до Петра, беспомощными перед произволом низших и высших носителей государственной власти, постольку и создаваемая при Петре крупная добывающая и обрабатывающая промышленность неминуемо начала базироваться на подневольном труде закрепощённых крестьян, "поверстанных" в заводские и мануфактурные рабочие» (Е.В. Тарле, указ. соч., с. 367–368).

² Кеменов В. Историческая живопись Сурикова. – М.: Искусство, 1963, с. 91–158. Той же теме противостояния народа и власти в эпоху петровских реформ посвящена и замечательная опера Мусоргского «Хованщина», появившаяся примерно в то же время, что и картина Сурикова, и ряд других произведений подобной тематики. Интерес интеллигенции второй половины 19 в. к данной проблеме возник не случайно, а потому что историческая драма периферийной модернизации продолжалась в России того времени на своем новом витке.

³ В отличие от славянофилов основатель русского социализма Герцен не идеализировал старую русскую общину, понимая, что она ограничивала личные свободы, и считал необходимым её обновление на основе

культуры 19 в. решающее значение имело разочарование Чаадаева в России и разочарование Герцена в Западе. Первое обратило взоры русской интеллигенции к либерализму, второе – к социализму. Но внутри социалистического движения в своеобразной форме возродилось почвенничество. Народничество это не что иное, как революционное почвенничество, тогда как социал-демократия это революционное западничество. Оба крыла русского революционного движения ставили проблему построения социализма как догоняющей модернизации: первые хотели опереться в этом на крестьянскую общину, а вторые – на развитие промышленного капитализма. В свою очередь большевизм впитал многие идеи народничества, противостоя ортодоксальным «красным западникам» в лице меньшевиков (см. ниже).

Парадоксально социалистический путь развития стал актуальным для России не в результате успеха, а в результате провала царской модернизации конца 19– начала 20 вв. Индустриализация того времени была типична для периферийной экономики. Как и петровские реформы, она предпринималась в ответ на растущее военнотехническое и в целом экономическое отставание страны от Западных соперников, грозившее ей утратой независимости. Все это ярко показала несчастливая для России Крымская война. Между тем, соперничество России с Западом обострялось в конце 19– начале 20 вв. Экспансия российской империи столкнулась с экспансией британской империи в Турции (Босфор и Дарданеллы), Персии, Афганистане и на Дальнем Востоке. Борьба двух империй получила название «Большой игры»¹ и считается «холодной войной» эпохи королевы

европейской культуры: «Задача новой эпохи, в которую мы входим, состоит в том, чтоб на основаниях науки сознательно развивать элемент нашего общинного самоуправления до полной свободы лица, минуя те промежуточные формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвестным путям, развитие Запада. Новая жизнь наша должна так заткать в одну ткань эти два наследства, чтоб у свободной личности земля осталась под ногами и чтобы общинник был совершенно свободное лицо (курсив Герцена – Р.Д.)» (цитируется по: А.И. Володин. Герцен и Запад. Идейное творчество русского мыслителя и социально-политический опыт Западной Европы / Литературное наследство. Том 96. Герцен и Запад. – М.: Издательство «Наука», 1985, с. 32).

¹ P. Hopkirk. The Great Game. On Secret service in High Asia. – London: John Murray (Publishers) Ltd., 1990, 524 p.; Karl E. Meyer & Shareen B. Brysac. Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Central Asia. –

Виктории. Раздел мира на колонии и усиление экономического соперничества Германии и Англии быстро вели мир к войне в начале XX в.¹ В этих условиях ускорение индустриализации становилось императивом выживания России.

В доказательство «успешности» развития царской России принято приводить данные о темпах железнодорожного строительства и роста промышленности. Взятые сами по себе, они выглядят внушительно. Однако в том-то и дело, что эти темпы нельзя брать сами по себе. Необходимо оценивать их в сравнении с показателями основных стран-соперников, а также рассматривать источники накопления капитала и социальную цену этого процесса. Капитализм, точнее модернизация путем насаждения капитализма сверху, означал подрыв положения русского крестьянства. Суть царской стратегии индустриализации хорошо выразил российский министр финансов Вышнеградский, провозгласивший: «Недоедим, но вывезем!». Основная ставка делалась на привлечение иностранного капитала при сохранении архаичных форм помещичьего землевладения и самодержавия. С этой целью крестьянство принуждалось продавать хлеб по низким ценам. На доходы от продажи хлеба по бросовым ценам на мировом рынке (на котором приходилось конкурировать с дешевым американским и аргентинским зерном), царское правительство закупало золото и серебро, обеспечивая знаменитый золотой рубль Витте. Иностранный капитал, создававший предприятия в России, вывозил прибыли в золотых рублях. К этому надо прибавить огромные государственные займы правительства под грабительские проценты. Строительство железных дорог, развитие добычи угля и руды, металлургия, лесная промышленность и машиностроение развивались за счет систематического ограбления крестьянства. В результате происходило сказочное обогащение иностранного капитала и стремительное разорение российского крестьянства и рабочих. Естественно, что отставание России на этом пути не только не удавалось преодолеть, но наоборот, оно увеличивалось!²

New York: Basic Books. A member of the Perseus Book group, 1999, 648 p.

¹ Е.В. Тарле. Европа в эпоху империализма / Собрание сочинений, Т. V. – М.: Издательство академии наук СССР, 1958, с. 21–508.

² Подушевой национальный доход, исчисленный в постоянных ценах, в 1861 г. был выше, чем в России, в Великобритании в 4.5, в США в 6.3, в Германии в 2.5, во Франции в 2.1 раза; в 1913 г. эта разница достигла 4.9, 8.7, 3.1 и 2.5 раз соответственно (P. Gregory. Russian National Income, 1885–

Крестьянство отреагировало на это вторжение в вековой уклад своей жизни восстановлением архетипов традиционного общинного сознания. Революция стала ответом на провал царской модернизации (индустриализации). Именно с этой точки зрения надо рассматривать теории «перманентной революции» Троцкого и «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую» Ленина. Они отражали специфику стран периферийного капитализма. «Закон комбинированного развития» пересматривает ортодоксальный марксизм с его идеей линейного развития истории, по существу, с народнических позиций.¹

Согласно теориям В. Ленина и Л. Троцкого, специфика стран, которые сегодня называют периферийным капитализмом, состоит, в частности, в зависимости буржуазии от государства, и вытекающей из этого её неспособности возглавлять буржуазно-демократические преобразования.² В связи с этим революция не может остановиться

1913. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 155–157). Несмотря на то, что Россия обладала наибольшим населением, территорией и запасами полезных ископаемых в этой группе стран, ее доля в их совокупном промышленном производстве составляла лишь 4,2% в начале XX в. (Дж. Боффа, История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. – М.: Междунар. отношения, 1994, с. 17).

¹ «Развитие исторически запоздалой нации ведет, по необходимости, к своеобразному сочетанию разных стадий исторического процесса. Орбита в целом получает непланомерный, сложный комбинированный характер. ... Под кнутом внешней необходимости отсталость вынуждена совершать скачки. Из универсального закона неравномерности вытекает другой закон, который, за неимением более подходящего имени, можно назвать законом комбинированного развития (курсив Троцкого – Р.Д.), в смысле сближения разных этапов пути, сочетания отдельных стадий, амальгамы архаических форм с наиболее современными. Без этого закона, взятого, разумеется, во всем его материальном содержании, нельзя понять истории России, как и вообще стран второго, третьего и десятого культурного призыва» (Л. Троцкий. История русской революции. Т. 1. – М.: «ТЕРРА-TERRA», Издательство «Республика», 1997, с. 34–36). Идея о «привилегии отсталости» (там же) близка мысли П. Чаадаева (см. его «Апологию сумасшедшего») и А. Герцена (см. выше) о том, что Россия может продолжить там, где остановилась Европа.

² «Под давлением более богатой Европы государство поглощало в России гораздо большую относительную долю народного достояния, чем на Западе, и не только обрекало этим народные массы на двойную нищету, но и

на буржуазно-демократической стадии, неизбежно переходя к социалистическим преобразованиям. Меньшевики, считавшие обязательной предпосылкой социалистической революции развитие зрелого капитализма, считали, что крупная (правые) или мелкая и средняя буржуазия (интернационалисты-Мартовцы) возглавит демократические преобразования.¹ Переоценка революционности капитала сочеталась у меньшевиков с недооценкой активности деревни. Отличием большевистской стратегии стало понимание решающей роли крестьянства в революции.² «Закон комбинированного развития» Троцкого отражает эту реальность, объясняя победу русской революции соединением восстания города и деревни. Большевистская концепция революции оправдалась («Жизнь показала правоту большевиков против меньшевиков, правоту Ленина против Плеханова», – Бердяев). Отсюда поддержка большевиков широкими слоями трудящихся. Этот источник победы большевизма стал и главной причиной его падения. Возможно, в этом состоит разгадка парадокса Виктора Сержа, говорившего о победе революции в её поражении, и о поражении в её победе.

Внутрипартийная борьба 1920-х годов являлась борьбой двух систем ценностей. По-видимому, уже за противостоянием Ленина периода 1921–1923 гг. и Сталина стоял не столько личный конфликт, сколько несовместимость европейского марксизма и традиционализма, с вытекавшими из неё различными стратегиями построения социализма.³ Со смертью Ленина это противостояние приняло форму

ослабляло основы имущих классов. Нуждаясь в то же время в поддержке последних, оно форсировало и регламентировало их формирование. В результате бюрократизированные привилегированные классы никогда не могли подняться во весь рост, и государство в России тем больше приближалось к азиатской деспотии» (Л. Троцкий, указ. соч., с. 36).

¹ С.В. Тютюкин. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

² Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 – 1917–1922 годы / Пер. с англ. Е.М.Ковалева. – М.: Весь мир, 1997. 560 с.

³ К такому выводу подводит анализ рассматриваемого конфликта, предложенный Б.Ф. Славным в его книге «Ленин против Сталина. Последний бой революционера» (М.: URSS, 2010, 152 с.). В работе представлена общая картина противостояния уходящего и приходящего лидеров большевизма, охватывавшая экономику, взаимоотношения социальных классов, внутрипартийный режим, советскую демократию, национальный вопрос. Таким образом, сталкивались две различные стратегии дальнейшего развития страны.

открытого раскола. Троцкий и Бухарин выражали традицию европейского марксизма,¹ тогда как Сталин – традиционные ценности. С победой сталинизма традиционализм восторжествовал. Феномен СССР по Троцкому – переходное общество (см. ниже), т.е. «амальгама» социа-

---

¹ Выражали, впрочем, по-разному. Троцкий делал акцент на победе мировой революции, как важнейшем условии успешного построения нового строя в России. Бухарин стремился, прежде всего, к обеспечению роста благосостояния крестьянства, как ключевого условия успешной модернизации страны. Это, конечно, своеобразное преломление традиционной тематики западничества и почвенничества в новых исторических условиях. Неверно было бы, однако, думать, что между идеями левой и правой оппозиций пролегла пропасть. Напротив, Троцкий ставил победу мировой революции во многом в зависимость от успешной индустриализации страны, ради которой предлагал решительно повысить роль государства в экономике через усиление централизации ресурсов для промышленного накопления. Его подход не имеет ничего общего с использованием России в качестве «дров для мировой революции», в чем его упрекают некоторые неуклюжие фальсификаторы. Просто он хорошо понимал, что без победы революции на Западе невозможно ни завершить строительство социализма в России, ни гарантировать безопасность страны. Бухарин, в свою очередь, рассматривал подъем уровня жизни крестьянства и рабочих, как важнейшее условие победы «мировой деревни» (т.е. колониальных народов) над «мировым городом» (т.е. метрополиями). (В этой метафоре легко увидеть предвосхищение мир-системного подхода Валлерстайна.) Таким образом, левые не забывали о необходимости обеспечить развитие России, а правые – победу мировой революции. Обе стороны признавали необходимость сохранения НЭПа. При этом троцкисты делали акцент на ускорении индустриализации для укрепления обороноспособности страны и насыщения рынка промтоварами, а бухаринцы на создании условий для роста крестьянских хозяйств, как источнике накопления для промышленности. В ходе острых внутрипартийных дискуссий 20-х годов происходило взаимное сближение двух подходов. Получается, что социально-экономические взгляды оппозиций являются вполне совместимыми. Они делают акценты на более краткосрочных (левые) и более долгосрочных (правые) факторах модернизации страны в контексте мирового развития. Близость рассматриваемых позиций подчеркивается, в частности, их синтетическим отражением в платформе Рютина. Думается, что в лице двух своих выдающихся лидеров большевизм 20-х годов дал версию европейского марксизма, обращенную к коренным проблемам развития России на уровне, который никогда не достигался русской общественной мыслью ни до, ни после этого.

лизма и капитализма. Верное наблюдение, но его требуется дополнить традиционными ценностями как цементирующей основой. Отсюда тоталитарный характер советского общества, несмотря на наличие в его сложной структуре элементов капитализма и социализма.

Объективной предпосылкой использования массового принудительного труда, и вытекающего из этого сталинского террора, была потребность в стремительной модернизации традиционного общества. Она не вытекала из диалектики производительных сил и производственных отношений, взятой самой по себе. Оптимальным с точки зрения объективных материальных исторических предпосылок был путь индустриализации в рамках НЭПа, намеченный Троцким и Бухариным (с акцентом на планировании и рынке соответственно). Неосуществимость их подхода лежала не в плоскости экономики самой по себе (т.е. взятой с точки зрения взаимосвязи производительных сил и производственных отношений), а в области ценностей и психологии. Общество, в котором произошло стремительное возрождение, реванш традиционных ценностей, не обладало достаточным потенциалом рациональной, европейской культуры, чтобы пойти по оптимальному пути сочетания плана и рынка. Это обстоятельство имело последствия, выходящие далеко за рамки экономики.

Революция это вмешательство масс в ход истории, их превращение в субъект истории, тогда как сущность сталинского террора в обратном – в подчинении масс, в лишении их субъектности. Это основное последствие реставрации традиционных ценностей. Получается, что контрреволюция (а подчинение масс диктатуре вождя, объективно является именно таковой) была заложена в самой победе большевизма, которая была бы невозможна без решающей опоры на крестьянство. Общество возродившегося традиционализма враждебно индивидуальным правам и свободам, которые предполагаются при сохранении нэпа. Между тем, модернизация должна была осуществляться в стремительные по историческим меркам сроки. Общество, отрицающее права и свободы индивида, делает это путем массового насилия.

Таким образом, советское общество, как переходное к социализму (точнее пытавшееся строить социализм), приняло тоталитарный характер как традиционалистский ответ периферии на вызов центра мирового капитализма. Абсурдно поэтому выводить феномен сталинизма из европейского марксизма. Отечественные почвенники не понимают, что зверства сталинизма отражают вовсе не

свойства плановой экономики, особенности социалистического пути развития или атеизм марксистов, а реставрацию традиционных ценностей под маской советских институтов. Сталин это «не Ленин, а Иван Грозный сегодня» в эпоху индустриальной промышленности и массовой печати. Отечественные либералы, в свою очередь, не понимают (или не хотят признать), что именно варварство русского капитализма стало основой реванша традиции, и именно борьба международного, прежде всего, западного капитала за мировое господство не на жизнь, а на смерть придала этой традиции такой зверский характер сталинизма. Нельзя, таким образом, понять судьбу русской революции – её победу и поражение (перерождение в сталинизм) – вне широкой картины столкновения русской истории с мировой в форме столкновения национальной традиции с мировым капитализмом. Именно это столкновение высекло искру русской революции.

Глубочайшей ошибкой антикоммунизма (и в его либеральной, и в его почвеннической разновидности) является не отрицательное отношение к русской революции само по себе (это вопрос ценностей), а понимание большевизма, как изолированного явления, развивающегося исключительно из своей внутренней природы наподобие монады Лейбница (а это уже вопрос логики исторического анализа).¹ Здесь уместно обратиться к учению Гегеля, который в основе любых связей явлений (в том числе исторических) видел «рефлексию», т.е. отражение одного явления в другом. В силу этого он понимал противоположности как имеющие (отражающие) друг друга не только вовне, но и внутри себя.² О том, как противники большевизма

---

¹ Часто приходится слышать: «Ленин просто боролся за власть (поскольку был плохой человек, из мести за брата, как германский шпион, из-за найденной у него капли еврейской крови или по другим причинам, внешним по отношению к русской и мировой истории) и устроил (!) революцию, покорив людей безответственной демагогией». Как будто демагогия может быть ответственной, и как будто противники Ленина занимались ею меньше! Не всегда этот тезис формулируется в такой прямолинейно грубой (и глупой) форме, но всегда у антикоммунистов с антибольшевистских сил снимается всякая ответственность за ход русской революции и её последствия.

² «Противоположность существует тогда, когда в связь вступают две обоюдосоопосредствованные различенности. Обоюдосоопосредствованность различенностей ставит их в такое отношение, что они становятся моментами единого целого. Здесь каждый, соотносясь с другим, содержит в себе это другое. Нераздельная целостность различных моментов ставит их в

в русской революции подготовили его победу и сформировали его авторитаризм, мы уже писали в другом месте.¹ Здесь уместно сказать об ответственности самих большевиков. Их попытка остаться единственной силой на арене русской истории, порвав с близкими им исторически и идейно меньшевиками и эсерами, приобрела роковой характер. Для победы над контрреволюционными силами большевики были вынуждены обратиться к помощи крестьянства (традиционализму).² Это был объективно необходимый и правильный шаг, но он имел свою цену. Сделав ставку на разбухший вулкан традиционализма, большевики как бы приняли в себя «душу» своих противников, которая вырвалась затем наружу в лице сталинизма. (Как тут не вспомнить «мистера Хайда» Стивенсона?) В самом деле, сталинский тоталитаризм есть не что иное, как гегелевское «отрицание отрицания», т.е. утверждение вновь традиционализма после первого отрицания его революционным марксизмом. Большевики не сумели понять, что, ошибаясь относительно непосредственных путей русской революции, меньшевики и эсеры оставались близкими им по духу

такое соотношение, что они активно воздействуют друг на друга, активно вмешиваются в природу другого своей определенностью. Другое не пассивно воспринимает воздействие первого (как, например, две изолированные непосредственности), а активно сопротивляется в силу различия природы и в то же время активно воздействует на первое в силу непосредственной и органической связи с ним. Природа противоположности тем и характерна, что различия в ней выступают не как рядом положенные, а как существенно обусловленные друг другом и "существуют лишь в своем соотношении друг с другом"» (Кармышев Г.П. Логика Гегеля. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1972, с. 100).

¹ Кадеты попытались силой покончить с демократическими завоеваниями Февральской революции, а меньшевики и эсеры не сумели противостоять этому. В ответ народ выдвинул большевиков, как силу, призванную противостоять насилию со стороны правивших политических сил (Р. Дзарасов. Дилемма Ленина. Свобода и необходимость в судьбе русской революции. – Альтернативы. – 2010, № 2, с. 155–179). В этом коренная предпосылка гражданской войны, в которой красный террор, приблизивший триумф сталинизма, носил ответный, а не инициативный характер.

² «Большевики не манипулировали народной ментальностью, а являлись её носителями. С этим генетически связаны крупнейшие достижения революции и её оглушительные провалы, её величие и её трагизм» (Б.Г. Могильницкий. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к её осмыслению / Октябрь 1917. Вызовы для XXI века / Под общ. Ред. А. Сорокина. – М.: Ленанд/URSS, 2009, с. 168–169).

носителями европейской культуры, которые были незаменимы, чтобы совладать с последствиями революции, изолированной в крестьянской стране.

В истории русских модернизаций (как, вероятно, и в истории модернизации в Латинской Америке и других регионах периферии мирового капитализма) налицо гегелевская «дурная бесконечность», когда нечто переходит в «свое иное», а оно в другое нечто и т.д. без разрешения исходного противоречия. Поэтому нелепо было думать, что можно преодолеть недостатки советского строя, путем его простого разрушения, как полагали антикоммунисты начала 1990-х. Оказалось, что таким путем язвы советского строя можно только усилить. Именно это показывает наш постсоветский опыт, который и составляет главный предмет настоящего анализа.

§ 2. «Инобытие» сталинизма

Генезис современной модели капитализма в России восходит к советскому общественному строю. На взгляд автора данных строк его наиболее глубокую интерпретацию дал Л. Троцкий в классическом произведении исторического материализма «Преданная революция».¹ Вопреки официально провозглашенной победе социализма «в одной отдельно взятой стране», он показал, что советское общество является всего лишь переходным, т.е. только пытается строить социализм. В силу этого, как сказано выше, в нем соседствуют элементы, как капитализма, так и социализма. (Этим Л. Троцкий объяснял объективную потребность советского строя в открытом допущении ниши рыночных отношений.) В отсутствие победоносной мировой революции, это общество вернется к капитализму. Л. Троцкий указывал и на источник этого перерождения – особое положение правящей бюрократии: «Привилегии имеют небольшую цену, если их нельзя передать детям по наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в частную собственность».²

Взгляду выдающегося марксистского мыслителя соответствует мнение наиболее проницательных аналитиков распада СССР. Так, профессор Кембриджского университета Дэвид Лэйн отмечает, что

---

¹ Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт. – М.: Московский рабочий, 1991 [1936]. – 256 с.

² Там же, с. 210.

пороком большинства работ о рыночной трансформации в России является то, что они игнорируют ключевой вопрос о социальных силах, стоявших за реформами. Д. Лэйн говорит о двух основных социальных группах, которые способствовали падению советской системы и её переходу к капитализму.¹ К первой относился «административный класс» (*administrative class*), состоявший из людей, располагавших бюрократическим контролем над производством, образованием и наукой. Радикальные элементы из их числа были готовы воспользоваться возможностями превратить свой административный контроль над экономикой в частную собственность. Их поддержала вторая группа, которую Лэйн называет «приобретательский класс» (*appropriating class*). Он состоял из лиц, обладавших профессиональной квалификацией и профессиональными навыками, которые были заинтересованы в извлечении выгоды из этих «активов» на рыночной основе. К этим двум социальным категориям можно добавить подпольных предпринимателей, которые постепенно развивались в порах советской системы.²

Таким образом, за фасадом внешне монолитной плановой экономической системы возникала основа для развития частного присвоения на основе общественной собственности. Не менее важным источником, сформировавшим облик нового общественного строя, было беспрецедентное влияние, оказанное Западом на процесс трансформации посткоммунистических обществ.

Поражение Советского Союза в «Холодной войне» скомпрометировало социалистическую систему, и способствовало тому, что наше общество некритически приняло буржуазную систему ценностей, предполагающую широкое введение частной собственности. На этом фоне правящие круги Запада, прежде всего Соединенных Штатов, сумели оказать решающее закулисное влияние на выработку радикальных экономических реформ. Это делалось на основе принципов пресловутого «Вашингтонского консенсуса», лежавшего в основе политики международных финансовых организаций в отношении развивающихся стран. К 1990-м годам мир накопил уже достаточный опыт для вывода о том, что следование формуле «либерализация плюс стабилизация» (т.е. ограничительная денежная полити-

¹ Lane D. *Elites and classes in the transformation of state socialism*. – New Brunswick (USA), London (UK): Transaction publishers, 2011, p. 38.

² Menshikov S. *The anatomy of Russian capitalism*. – Washington: Executive intelligence review news service, 2007, p. 9.

ка)» усиливает бедность и нищету.¹ Как отмечают современные исследователи «сокращение бедности, равенство и сохранение окружающей среды не были составной частью консенсуса. Вашингтонский консенсус призывал к открытию стран для внешнего мира».² Таким образом, это была стратегия, имевшая целью смягчить бремя назревавшего кризиса для Запада. Результатом многочисленной критики этой политики стало формирование «поствашингтонского консенсуса», сделавшего ударение на социальное страхование и борьбу с бедностью.³ К сожалению, это прошло незамеченным для российских политиков и общественности. Как свидетельствует американская исследовательница Джанин Уэдел, российские реформы келейно разрабатывались буквально несколькими специалистами Гарвардского университета, тесно связанными с правительством США, и проводились в России через правивший политический «клан Чубайса».⁴ По имеющимся данным, Чубайс официально принял на руководящие должности Госкомимущества иностранных консультантов, включая кадровых офицеров ЦРУ.⁵ Таким образом, в проведении

---

¹ Chossudovsky M. The globalisation of poverty. Impact of IMF and World Bank reforms. – London etc.: Zed Books Ltd., TWN Third World Network, 1997.

² Serra, N., Spiegel, S., and Stiglitz, J. "Introduction: from the Washington Consensus towards a new global governance" / Serra, N., and Stiglitz, J. (ed). The Washington Consensus reconsidered: towards a Global Governance. – Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 6.

³ Serra, N., and Stiglitz, J. (ed). The Washington Consensus reconsidered: towards a global governance. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

⁴ Wedel, J. Collision and collusion. The strange case of western aid to Eastern Europe. – New York: PALGRAVE, 2001, ch. IV "A few good reformers: the Chubais clan, Harvard, and 'economic aid'".

⁵ Так, приказом №141 по Госкомимуществу начальником отдела иностранной технической помощи и экспертизы и заместителем председателя комитета в экспертной комиссии (А. Чубайса) был назначен Джонатан Хей – гражданин США, кадровый сотрудник ЦРУ. Экспертная комиссия была уполномочена рассматривать проекты Указов Президента России, постановлений Правительства и распоряжений председателя и заместителя председателя Госкомимущества РФ по определению специфики приватизации в различных отраслях народного хозяйства (Хроника государственного переворота 1990-х и потрошения России чубайсами, Интернет-ресурс, <http://www.uznai-pravdu.ru/forum/viewtopic.php?t=2897&sid=af4b02eedc9fa06d5e4d60538484c603>, доступ осуществлен 22.01.2011).).

российских реформ органически слилось стремление советской бюрократии превратиться из государственных чиновников в частных собственников, и стремление правящих кругов Запада навязать историческому сопернику свою систему ценностей. Этот факт является ярким подтверждением концепции «термидора» Л. Троцкого, т.е. учения о буржуазном перерождении русской революции, произошедшем в результате победы сталинизма в нашей стране.¹

В начале 1990-х годов практически не было западного или отечественного «светила» либеральной экономики в России, которое не рекомендовало бы легализовать теневой капитал. Утверждалось, что в советской системе люди с деловыми способностями могли реализовать себя только в сфере криминального предпринимательства. По существу, в сознании сторонников радикальных рыночных реформ преступный мир играл такую же роль главного строителя нового, капиталистического общества, как в мышлении марксистов рабочий класс играет роль главного агента строительства социализма. Считалось, что самое главное – любой ценой как можно быстрее создать класс частных собственников, который исключит саму возможность т.н. «коммунистического реванша». В дальнейшем «невидимая рука» рынка, т.е. условия рыночной конкуренции, приведут к перераспределению собственности от неэффективных к эффективным предпринимателям. Экономическая эффективность будет обеспечена автоматически, как нечто, само собой разумеющееся.

Этим и определялся характер приватизации, что можно увидеть из материалов официального доклада Счетной Палаты РФ.² О масштабах дотаций частному сектору можно судить по тому факту, что государство выручило от приватизации менее 5% рыночной стоимости своей бывшей собственности.³ Государственные предприятия были проданы по цене в 20–30 раз меньшей, чем их реальная стоимость.⁴ Несмотря на то, что упомянутые выше выводы Счетной пала-

---

¹ Троцкий Л., указ. соч.

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / Под ред. Степашина С. – М.: Издательство «Олита», 2004, 476 с.

³ Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004, с. 61–62.

⁴ Волконский В. Институциональные проблемы российских реформ. – М.: Диалог–МГУ, 1998, с.12–13.

ты носят официальный характер, никаких юридических последствий приведенные оценки конкретных сделок по приватизации не имели.

Социальная сущность приватизации очевидна – это экспроприация прав подавляющего большинства россиян в интересах формировавшегося из бюрократии, интеллигенции и криминалитета (см. выше) нового класса собственников. Подобный вывод нередко оспаривают на том основании, что, мол, и не было у советских граждан никаких прав, стало быть и экспроприировать было нечего. Действительно, советские люди были лишены политических прав и свободы слова. Однако с их социально-экономическими правами дело обстояло сложнее. Л. Троцкий¹ точно определил советский строй как «искаженное рабочее государство». Через общественные фонды потребления – систему социальной помощи, бесплатного здравоохранения и образования – каждый советский гражданин получал некоторую долю доходов от государственной собственности. С точки зрения современной теории собственности, рассматривающей её как пучок правомочий, это значит, что каждый советский человек был сособственником всего, чем владело государство. Как уже сказано, в ходе приватизации было обещано «сделать собственником каждого». В действительности же, права рядовых граждан были узурпированы новоявленной «элитой».

В этом же направлении действовали и другие направления реформ. Так, либерализация цен, т.е. освобождение ценообразования от контроля государства, привела к их взвинчиванию новыми собственниками. Начавшаяся инфляция вызвала обесценение доходов и сбережений рядовых граждан. По существу произошла конфискация трудовых доходов и сбережений в пользу нарождавшегося крупного капитала. Ту же цель преследовала и политика т.н. «финансовой стабилизации». Разумеется, официально провозглашалось, что ограничение количества денег в обращении необходимо, чтобы гарантировать стабильность доходов рядовых граждан. Однако задержки выплат заработной платы на полгода и больше, урезание пенсий и социальных пособий ясно показывали, за чей счёт происходила борьба с инфляцией, призванная стабилизировать прибыли капиталистов. Приватизация, либерализация и финансовая стабилизация, предполагающая урезание социальных расходов государства, это альфа и

---

¹ Волконский В. Институциональные проблемы российских реформ. – М.: Диалог–МГУ, 1998, с.12–13.

омега «Вашингтонского консенсуса».

Книга с выразительным названием «Предприниматели-насильники: применение силы в создании российского капитализма» отечественного социолога В. Волкова посвящена экспансии криминальных кругов в нашу экономику.¹ Однако в современной России насилие как основа извлечения дохода характерно далеко не только для организованных преступных сообществ.

Благодаря слабой реализации законов в современной России формальные права собственности не могут осуществляться на деле, если они не подкреплены неформальным контролем над активами.² Тех, кто располагает подобным контролем, все чаще называют в нашей литературе крупными инсайдерами. Инсайдер вообще это тот, кто контролирует корпоративное управление (corporate governance). В российских условиях это может быть крупный акционер, генеральный директор, руководитель государственной корпорации, лидер криминальной группировки, действующий через подставных лиц ответственный государственный чиновник или кто-то ещё. Юридически собственником можно назвать лишь тех, кто принадлежит к первой категории из перечисленных, в силу чего использование вышеуказанного термина представляется обоснованным. Крупные инсайдеры создают инфраструктуру контроля – сеть формальных и неформальных институтов, позволяющих им влиять как на внутреннюю, так и на внешнюю среду фирмы. Коррупционные связи с государством и криминальное насилие являются важными составными частями этой инфраструктуры. Механизм неформального контроля можно представить следующим образом (рис. 1).

---

¹ Volkov V. Violent Entrepreneurs: the Use of Force in the Making of Russian Capitalism. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.

² Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности: свидетельства мониторинга РЭБ // Вопросы экономики. – 1999. – №10; Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного развития // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1; его же Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. – 2002. – №2; Радыгин А. Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе (некоторые новые тенденции) // Вопросы экономики. – 2001. – №5; Dolgopyatova T. Evolution of the Corporate Control Models in the Russian Companies: New Trends and Factors. SUHSE Working Paper WP1/2005/04. – Moscow: State University – Higher School of Economics, 2005, и др.

В инфраструктуре контроля крупных инсайдеров над предприятиями можно выделить внешние и внутренние элементы. К первым относится запутанная схема владения активами через цепочку оффшорных фирм («облако оффшоров» по выражению Я. Паппэ); лоббирование деловых интересов через связи с коррумпированным чиновничеством и т.н. «крыши» – патронаж со стороны правоохранительных органов, частных охранных предприятий (ЧОПов) и криминальных структур. Главное назначение внешних элементов инфраструктуры контроля – защита доминирующего положения крупных инсайдеров от покушений конкурентов. К внутренним элементам инфраструктуры относятся: высокая централизация принятия управленческих решений, намного превышающая стандарты развитых стран; раздутые контрольно-ревизионные органы; внутренние службы безопасности. Главное назначение этих институтов – подавление оппортунизма наемных работников и рабочего протеста, обеспечение надежного контроля крупных инсайдеров над финансовыми потоками предприятия.

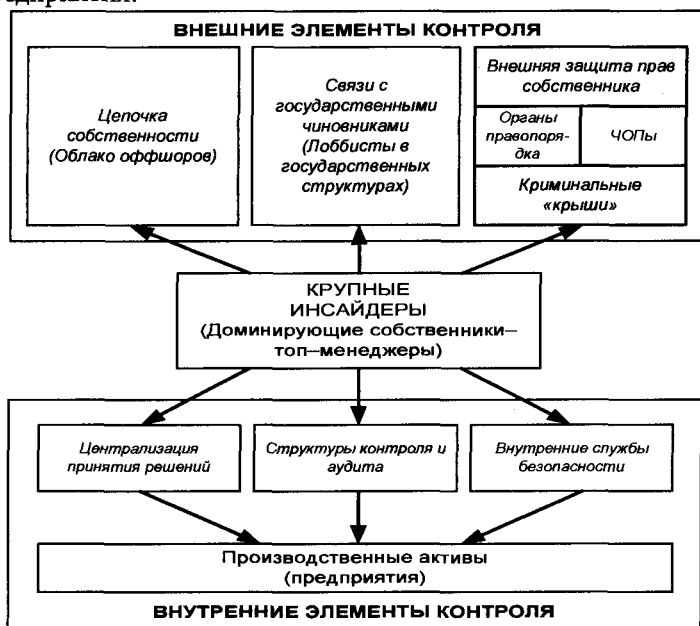

Рис. 1. Инфраструктура инсайдерского контроля над активами

Источник: Dzarasov R. Insider Control and Investment Behaviour of Russian Corporations. PhD. Thesis in Economics. Stoke-on-Trent, UK, 2007. P. 78.

Инфраструктура контроля крупных инсайдеров выражает специфику российской модели корпоративного управления, характеризующейся нераздельностью или слиянием прав собственности и функций управления. Инфраструктура контроля является набором инструментов, обеспечивающих силовое господство российского крупного капитала над наемным трудом. Таким образом, для отечественного крупного бизнеса характерна опора на внеэкономическое принуждение.

По российской экономике регулярно прокатываются волны перераспределения собственности между соперничающими группировками крупных инсайдеров. Подавляющее большинство подобных поглощений имеет враждебный характер и осуществляется с помощью принуждения со стороны органов государства или криминального насилия. Рейдерство превратилось в 1990-е – 2000-е годы в отдельную отрасль национальной экономики со своим собственным рынком услуг и с большим ежегодным оборотом капитала. Враждебное поглощение угрожает, прежде всего, тем крупным инсайдерам, которые не создали достаточно мощную инфраструктуру контроля, способную защитить их доминирующие позиции. Это означает, что российский бизнес характеризуется фундаментальной нестабильностью собственности и контроля.

Результатом постоянной угрозы экспроприации «соратниками по классу» становится краткосрочность временной ориентации отечественного предпринимательства. Это выражается в том, что российский собственник присваивает не предпринимательскую прибыль, а краткосрочную *инсайдерскую ренту*, т.е. доход, извлекаемый за счет контроля над финансовыми потоками предприятия.¹ Механизм вывода ренты чаще всего связан с использованием подставных торговых компаний, зарегистрированных в офшорах. Компрадорский характер нашего крупного бизнеса, характерный для стран периферийного капитализма, проявляется в систематическом вывозе капитала за рубеж в виде низкорискованных сбережений. Таким образом, доминирующая форма дохода в отечественном крупном бизнесе отражает место нашей страны в мировой капиталистической системе. Свойствами инсайдерской ренты объясняются основные

---

¹ Дорофеев Е. Модели ценообразования на российском фондовом рынке: Дис. ... канд. экон. наук. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

микро- и макроэкономические процессы, протекающие в российской экономике.

Источниками обсуждаемого типа дохода могут быть любые виды финансовых потоков предприятия: фонд оплаты труда, инвестиции, амортизация, дивиденды, невыплаченные налоги, невыполненные контрактные обязательства и т.д. Результатом этого становится целый ряд корпоративных конфликтов. Финансовые инвесторы систематически недооценивают акции российских компаний, вычитая из стоимости активов величину инсайдерской ренты. Благодаря этому рынок ценных бумаг не может быть существенным источником мобилизации капитала для наших предприятий. В ответ на необоснованное снижение заработной платы рабочие редко прибегают к организованному выражению протеста, но начинают отлынивать от работы, воровать, выполнять левые заказы на оборудовании фирмы и т.д. Менеджеры, не входящие в доминирующую группу, организуют хищения в больших масштабах. В ответ на обострение корпоративных конфликтов доминирующие на российских предприятиях группы усиливают централизацию управления, контроль за деятельностью персонала и внутренние службы безопасности (внутренние элементы инфраструктуры контроля).

Извлечение инсайдерской ренты определяет распределение национального дохода в нашем обществе, характеризующимся стремительным ростом социального неравенства.¹ Это означает сужение ёмкости внутреннего рынка, т.к. в современном обществе его основу составляет спрос наёмных работников. В результате снижается объем продаж наших компаний и падают их прибыли, что ограничивает накопление фондов и подрывает стимулы для инвестиций.

Инсайдерская рента оказалась главным фактором формирования структуры цен, определяющей межотраслевые финансовые потоки в нашей экономике. Наиболее сильными оказались группировки капитала из экспорт-ориентированного энергосырьевого сектора российской экономики, в силу чего сложился диспаритет цен в их пользу и в ущерб обрабатывающей промышленности.² Результатом ориентации российского крупного бизнеса на извлечение кратко-

---

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008 / Стат. сб. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2008, С. 132.

² Дзарасов Р. и Новоженев Д. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. – М.: URSS, 2009, с. 124–146.

срочной ренты стали ущербные инвестиционные стратегии отечественных компаний.¹ Именно этим объясняется плачевное состояние фонда основного капитала страны. Так, в 2007 г. средний срок жизни машин и оборудования в промышленности превышал 21 год. Доля того же показателя в составе основных фондов промышленности в возрасте свыше 20 лет составляла 51,5%, 10-ти лет – 13,7, 15-ти лет – 25,9%.² В этих условиях трудно говорить и об инновационном развитии страны: в 2007 г. инновации осуществляло менее 10% предприятий России, а доля инновационных товаров и услуг в отгруженной продукции предприятий составляла около 5%.³ Систематический вывод инсайдерской ренты с предприятий с последующим её накоплением за рубежом ведет к тем же последствиям для макроэкономической политики, что и «балансовая рецессия» в Японии,⁴ но в более

---

¹ Dzarasov R. Eichnerian megacorp and investment behaviour of Russian corporations // Cambridge Journal of Economics. – 2011. – Vol. 35. – No. 1. – January, pp. 199–217; Dzarasov R. Insider Control and Investment Behaviour of Russian Corporations. PhD. Thesis. Stoke-on-Trent, UK, 2007, Ch. 6.

² Корнев А. Возможности ускоренного обновления активной части основного капитала отраслей промышленности // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 5, с. 147.

³ Индикаторы инновационной деятельности: 2009 / Стат. сб. – М.: Росстат РФ, Минобрнауки РФ, ГУ-ВШЭ, 2009, с. 10.

⁴ Эта страна стала жертвой спекулятивного бума на рынке ценных бумаг и недвижимости еще в 1980-е годы. Когда в 1990 г. «пузырь» лопнул, то в течение последующих лет котировки акций японских компаний упали на 54%, а цены на землю в шести крупнейших городах – в среднем на 87% (Koo R. The Holy Grail of macroeconomics: lessons from Japan's great recession. Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte. Ltd., 2008., p. 13). Это привело к обесценению активов многих японских компаний и внезапному уменьшению их капитала. В результате отношение корпоративных долгов к собственному капиталу фирм резко возросло. Во многих случаях долги превысили собственный капитал, что означало техническое банкротство компаний. С этого момента главной целью большинства японских корпораций стала не максимизация прибыли, и не завоевание новых рынков или внедрение технического прогресса, а выплата образовавшихся долгов. Возникла парадоксальная ситуация: страна располагала современным научно-техническим потенциалом, сильными позициями на мировом рынке, устойчивой национальной валютой, высокими прибылями от экспорта, положительным сальдо платежного баланса, т.е. казалось бы, всеми предпосылками для успешного роста. Однако в действительности экономика Японии впала в глубоко застойное состояние. Дело в том, что всю свою выручку компании тратили на улучшение бухгалтерского баланса, а не на развитие производства. Это означало

разрушительном виде – теряют эффективность налоговые стимулы и денежная политика. В самом деле, сэкономленные благодаря снижению налогов средства будут присвоены доминирующими группами в виде ренты, и производство не возрастет. С другой стороны, практика систематического вывода части финансовых потоков с предприятий ведет к взиманию банками высокой премии за риск, резко ограничивает возможности привлечения кредитов, и, тем самым, снижает действие банковского мультипликатора, и подрывает предложение денег.

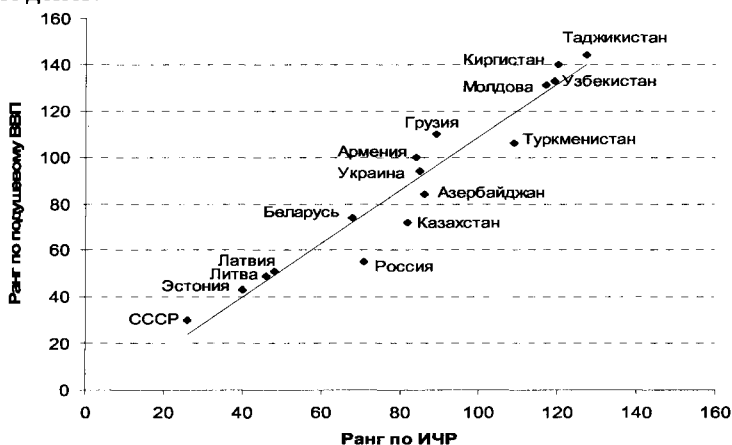

Рис. 2. Соотношение рангов индекса человеческого развития и подушевого ВВП в СССР (1987 г.) и бывших советских республиках (2007 г.) (ранги выстроены по убыванию показателей)¹

резкое падение совокупного спроса. В подобных условиях не сработали фискальные стимулы. Правительство снизило налоги, но это привело лишь к падению доходов бюджета, так и не вызвав роста производства. Причина в том, что компании использовали высвободившиеся средства для решения своей главной задачи – выплаты долга. Не сработала и традиционная политика стимулирования спроса путем увеличения денежной массы. Занятые выплатой старых займов, компании не брали новых, в силу чего банковский мультипликатор не работал, и предложение денег увеличивалось слабо. Только накачивание совокупного спроса за счет роста государственных расходов позволило японскому правительству предотвратить полномасштабный спад национальной экономики. Поскольку кризис японской экономики был вызван стратегией улучшения бухгалтерских показателей корпорациями, то он получил название «балансовой рецессии» (ibid.).

¹ Рассчитано по: Human Development Report 1990. – New York, Oxford: Oxford

Нежизнеспособность отечественного капитализма ярко проявилась в том факте, что наша страна вышла из под дождя нефтедолларов, который щедро лился на нее большую часть 2000-х годов, с изношенными и устаревшими основными фондами, с искаженной в пользу энергосырьевого сектора структурой экономики, с массовой бедностью населения. Превратившись в поставщика сырья и рынок сбыта обрабатывающей промышленности развитых стран, Россия становится заурядной страной периферийного капитализма. Рассмотрим рисунок 3 (см. выше).

Рисунок в обобщенном виде демонстрирует влияние перехода к периферийному (или полупериферийному) капитализму на социально-экономическое развитие страны в сравнении с другими государствами. Как по рангу индекса человеческого развития, так и по ВВП на душу населения все бывшие советские республики без исключения отстали от СССР на порядок. Разрыв этот при данном общественном строе непреодолим. В.А. Красильщиков отмечает, что произошедшее с экономиками бывших советских республик в начале 1990-х годов «известно другим странам и народам только в сопоставлении с временами войн и вражеских нашествий». Отметив, что никто в СНГ, кроме Казахстана, не вернулся к советскому уровню душевого ВВП относительно его среднемирового значения, он делает вывод, что «всё постсоветское развитие для большинства населения бывшего СССР означало драматическое соскальзывание к периферии мировой экономики».¹

Целостная картина российской экономики позволяет объяснить её особую уязвимость по отношению к кризисным потрясениям мирового масштаба. Располагая разрушающейся обрабатывающей промышленностью, и резко сузившимся внутренним рынком, российская экономика в решающей степени зависит от динамики мировых цен на энергоносители. Именно поэтому неожиданное для большинства россиян начало мирового экономического кризиса, приведшее к падению спроса на нефть, так больно ударило по нам. Другим важнейшим каналом влияния кризиса на нашу экономику является бегство иностранного и российского спекулятивного капи-

---

University Press, 1990, p. 119; Human Development Report 2009. – Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 171–173.

¹ В.А. Красильщиков. Человеческое развитие и изменения в мировой системе. Опыт количественного анализа. – М.: Институт Латинской Америки РАН, с. 116–117.

тала с нашего т.н. «развивающегося рынка», которое происходит при малейших признаках неблагоприятной мировой конъюнктуры. Таким образом, причины того, что мировой кризис вызвал спад нашей экономики больший, чем спад в развитых странах, могут быть прослежены к институциональной природе нашего бизнеса, отражающей место нашей страны в капиталистической мир-системе.

Все рассмотренные особенности современной российской экономики, превращающейся в вариант периферийного капитализма, раскрываются как из своего генетического кода из понятия инсайдерской ренты, являющейся конкретной формой прибавочной стоимости. Таким образом, гегельянская методология «восхождения от абстрактного к конкретному» (см. прим. 3) в её марксистской интерпретации позволяет представить современную российскую экономику не как хаотическое нагромождение отдельных фактов и тенденций, а как упорядоченную социально-экономическую систему, характеризующуюся внутренней логикой и единством.

Категория инсайдерской ренты выражает специфику общественного строя современной России как страны периферийного капитализма. С одной стороны, это форма прибавочной стоимости и как таковая представляет собой продукт неоплаченного труда рабочих. С другой – инсайдерскую ренту надо отличать от предпринимательской прибыли, которую извлекает капиталист страны центра мир-системы. Последняя представляет собой результат не просто эксплуатации, но рационального ведения бизнеса. В связи с этим предпринимательская прибыль жестко соответствует превышению выручки над затратами. Не то инсайдерская рента. Как сказано, это доход, извлекаемый за счет контроля над финансовыми потоками предприятия, который может присваиваться даже, если оно убыточно, то есть не создает прибыли по определению. Разумеется, при систематическом выводе ренты из такого бизнеса, он, в конце концов, разорится. Но если активы приватизированы за бесценно или захвачены рейдерами за полцены, то доминирующая группа не останется в накладе, накопив в оффшорах кругленькую сумму. Слабая связь затрат с результатом означает низкий уровень деловой культуры и сближает инсайдерскую ренту с феодальным типом дохода, присваиваемым вне всякой связи с эффективностью постановки дела.

Опора на инфраструктуру контроля ещё более роднит наш капитализм с феодализмом. Внутренние элементы этого контроля (см. выше) представляют собой инструменты принуждения частного соб-

ственников (доминирующей группы), применяемые для контроля над трудовым коллективом. Это означает, что в современной России крупная частная собственность покоится на насилии как на своей социальной основе. На языке политической экономии это называется «внеэкономическим принуждением» и характеризует докапиталистические общества. Сказанное не означает, что мы можем просто отождествить инсайдерскую ренту с феодальной. Нет, она имеет более сложную, синтетическую природу. Отчасти зависящая от эффективности бизнеса, инсайдерская рента обладает чертами как предпринимательского, так и феодального дохода.

В этой двойственной природе инсайдерской ренты находит своё выражение двойственный генезис современного российского капитализма, выросшего, как сказано выше, из разложения советской бюрократии и из влияния глобального капитализма на рыночные реформы начала 1990-х. Замечательно здесь то, что ценности именно разложившейся части советской номенклатуры, нацеленной на криминальный захват собственности и варварскую эксплуатацию труда, нашли полное понимание и поддержку в среде западных спонсоров рыночных реформ. В этом проявилась природа современного неоконсерватизма, как переродившегося либерализма.

Насилие как основа экономического уклада современной России является родовым пятном сталинизма на нашем современном капитализме. Это доведение тенденции сталинизма до её логического конца, когда подчинение трудящихся масс власти бюрократии, закрепляется в виде произвола частного собственника. Современный российский капитализм является, таким образом, «своим иным» сталинизма (выражаясь языком Гегеля). Подобный результат является непредвиденным последствием рыночных реформ, вернее их радикализма. Именно воинствующий антикоммунизм реформаторов привёл к закреплению традиционного для нашей страны подавления индивидуальных прав и свобод в новой форме. Вопреки надеждам либеральной интеллигенции, в условиях разрушения советских общественных институтов произошло спонтанное становление не рыночного, конкурентного общества, а традиционных структур насилия. Это регрессия, попятное движение истории, «дурная бесконечность» насилия и эксплуатации, которые по десятому кругу проходит наше общество, на этот раз по милости «демократических» (в кавычках, разумеется) сил.

§3. Авторитаризм и «нефтегосударство»

С середины 2000-х годов на Западе активно обсуждается возвращение России на авторитарный путь развития и возобновление «Холодной войны» в первые два президентских срока Владимира Путина (2000–2008).¹ Подобный поворот, как правило, рассматривается как результат личного влияния главы государства, особенно в связи с тем, что он является выходцем из среды КГБ. В действительности, формирование политической надстройки современного российского общества и его внешняя политика являются закономерным результатом утвердившегося социально-экономического строя.

Согласно теории «гегемонии» Антонио Грамши, в основе механизма буржуазной демократии лежит компромисс правящего класса с остальными классами и социальными слоями населения. Он включает соблюдение определённых социально-экономических прав трудящихся и мелкобуржуазных кругов, подкуп интеллигенции и т.д. В этом смысл т.н. «государства всеобщего благосостояния». Именно это позволяет представлять интересы правящей элиты как якобы «общенациональные». Предпосылкой подобного социального компромисса является формирование классового самосознания буржуазии, связанное, в частности, с ограничением интересов его отдельных представителей ради общеклассовых целей. Именно на этой почве возникает относительно независимое (от отдельных представителей имущего класса) буржуазно-демократическое государство.²

Утвердившийся в современной России капитализм крупных инсайдеров исключает формирование подобных предпосылок буржуазной демократии. Начать надо с того, что наша частная собственность, как сказано выше, опирается на инфраструктуру контроля, т.е. на внеэкономическое принуждение или насилие. Таким образом, частная собственность, как она реально сложилась в России в результате разложения советского строя и под влиянием Запада, стала основным институтом, закрепляющим нарушение прав человека, прежде всего, прав трудящихся. Распределение национального дохода в

¹ См., например, Lucas E. The new Cold War. How the Kremlin menaces both Russia and the West. – New York: Palgrave MacMillan, 2008 (Перевод на русский: Лукас Э. Новая Холодная война. Как Кремль угрожает России и Западу. – М.: Питер, 2009).

² Miliband R. Marxism and Politics. (Marxist Introductions). – Oxford: Oxford University Press, 1977.

обществе крупных инсайдеров основывается на силе капитала в его грубой, физической форме. С подобным режимом никак не совместима демократия даже в ограниченном виде. Именно поэтому основы авторитарного строя в современной России были заложены вовсе не Путиным, а восходят к проведению радикальных рыночных реформ начала 1990-х годов. Как известно, осуществление приватизации встретило сопротивление со стороны общества, что и выразилось в противостоянии Верховного Совета РСФСР и президента Бориса Ельцина в 1993 г. Октябрь этого года следует считать переломным моментом нашей постсоветской истории. Осуществлявшая рыночные реформы либеральная власть пошла на аниконституционный переворот, сопровождавшийся расстрелом первого в современной истории страны законно избранного парламента.¹ Важно отметить, что в тексте президентского указа, объявлявшего Верховный Совет РСФСР распущенным, Ельцин объяснил необходимость этого шага тем, что парламент оказывает «прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ».² Парламентская оппозиция, преследуя собственные политические цели, безусловно, выражала протест широких слоёв нашего общества против варварских экономических реформ. Расстрел парламента устранил препятствия на пути формировавшегося класса крупных инсайдеров и обеспечил адекватный для их экономической власти авторитарный политический строй. Именно квази-демократическая, а по сути неподконтрольная обществу власть и требуется для выстраивания внешних элементов инфраструктуры контроля. Только в тиши высоких кабинетов, вдали от народных глаз заключаются сделки олигархов с властью, решающие судьбы миллионов людей. Расстрел первого в новейшей истории страны демократически избранного парламента – этот неприкрытый акт гражданской войны – был осуществлен при политической поддержке со стороны американской администрации.³

---

¹ Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России, М.: «Международные отношения», 2004, с. 188–205.

² Указ Президента Российской Федерации № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», Москва. Осень–93: Хроника противостояния. – (2-е изд., испр. и доп.). – М.: Республика, 1995. 657 с., с. VII.

³ Мемуары Строуба Тэлбота – заместителя госсекретаря США по отношениям с Россией в администрации Б. Клинтона – свидетельствуют, что в период этого острейшего кризиса американское руководство волновал только

Результаты этой «победы» были закреплены буржуазной властью в авторитарной конституции, урезавшей права парламента и непропорционально расширившей полномочия президента.

Таким образом, Путин лишь воспользовался механизмом авторитаризма, уже созданным его предшественниками при поддержке Запада. Важно подчеркнуть, что сам этот механизм отражает объективный характер социально-классовых отношений, сложившихся в стране. Более того, *российский капитализм обладает чертами, исключающими его мирную эволюцию в буржуазно-демократическом направлении.*

Как показано выше, в силу нестабильности инсайдерского контроля, российский крупный бизнес ориентирован на краткосрочный доход, а не на долгосрочный рост. Это препятствует осознанию российским имущим классом, взятым в целом, своих общих долгосрочных интересов, таких как: модернизация экономики, социальная стабильность, достойное место на мировом рынке и т.д. Непрерывающиеся волны насильственного перераспределения собственности свидетельствуют о перманентной «войне всех против всех» в среде крупного бизнеса. По существу, российские крупные инсайдеры это механическая сумма разобщённых, враждебных друг другу группировок. Такое положение не позволяет сложиться классовому самосознанию российской буржуазии в сколько-нибудь развитой форме.

Это положение ярко отражается на состоянии общественных наук страны, переживающих глубочайший кризис и упадок, несмотря на наличие гораздо больших, чем в советское время интеллектуальных свобод. Дело не только в широко известном факте недофинансирования науки и культуры. Конечно, это тоже играет свою пагубную роль в разрушении самой культурной среды, вне которой развитие общественной мысли невозможно, а интеллектуальные свободы превращаются из реальности в формальность. Но ещё более важно отсутствие социального заказа на правду об обществе, в котором мы живём. Это ярко видно на примере отечественной экономической науки, в которой подвизается автор данных строк. Государственная цензура советских времён сменилась сегодня менее грубой, но более эффективной денежной цензурой. Через избирательное финансиро-

---

вопрос о сохранении у власти в Кремле своего ставленника в лице президента Б. Ельцина, шедшего на самые широкие односторонние уступки США в стратегических вопросах (см. Talbott S. The Russia hand: A memoir of presidential diplomacy. – New York: Random House, 2002).

вание обеспечивается господство западного мейнстрима (рыночного фундаментализма) в отечественной науке и образовании. Это срывает. Несмотря на своё банкротство, очевидное в связи с развертыванием мирового экономического кризиса и провалом рыночных реформ в России, западный мейнстрим занял место новой официальной идеологии в нашей стране. Его основные постулаты отражают интересы правящей элиты центра мирового капитализма, в силу чего они не просто бесполезны, но и прямо вредны для анализа проблем периферийных экономик, к числу которых относится теперь и Россия. Тем не менее, большинство нашего профессионального сообщества с привычным конформизмом принимает мейнстрим. В результате отечественная наука оказалась неспособна объяснить причины прогрессирующего распада нашей экономики, и даже вынуждена всячески замалчивать его подлинные масштабы. Несмотря на всё это правящие круги нашей страны в лице государственного руководства и верхушки бизнеса не проявляют никакого беспокойства по поводу состояния экономической науки, удовлетворяясь примитивной идеологической «жвачкой» в духе докладов ИНСОР. Это было бы необъяснимо, если бы правящий класс ставил задачу реальной долгосрочной модернизации экономики, достижения Россией достойного места в мире. Но это вполне понятно, если исходить из социально-экономической природы нашего общественного строя, как общества периферийного капитализма. Отсутствие потребности в собственной экономической мысли лишь ещё одно проявление отсутствия подлинного классового самосознания нашей буржуазии. Не стремясь вырвать страну из положения экономической и политической зависимости, наш правящий класс нуждается в западном мейнстриме, затушёвывающем саму проблему периферийности.¹ Едва ли в остальных общественных науках дело обстоит существенно лучше.

---

¹ Остается только поражаться тому, как мало чувства профессиональной чести и гражданской ответственности обнаружилось в нашем профессиональном сообществе в условиях нынешних «свобод». Тематика и содержание предпринимаемых «исследований» и предлагаемых студентам курсов подчиняются задаче полнее устроиться в нелегкие для интеллигенции времена. Это предполагает приспособление к мейнстриму, по крайней мере, избегание конфронтации с ним. Считается вполне допустим, совместимым с профессиональной этикой и не осуждается коллегами получение грантов за откаты, установление личных связей с богатыми людьми для обслуживания их потребностей в приобретении

Раз нет общего интереса правящего класса, то не может быть и его компромисса с другими социальными слоями и группами. Социально-экономическая основа для «гегемонии» со стороны буржуазии отсутствует.

Нет и основы для образования относительно самостоятельного буржуазного государства. Принцип «равноудаленности власти от олигархов», провозглашённый В. Путиным в его первый президентский срок, остаётся лишь фразой – ряд его друзей вошёл в «золотую сотню» Форбс по России, когда он стал во главе государства.¹ Внешние элементы инфраструктуры контроля – «крыши» со стороны чиновников и лоббистские структуры – означают, что крупные функционеры государства, фактически имеют двойную ответственность. Формально они должны подчиняться «вертикали власти», но фактически, они лояльны к группировкам крупных инсайдеров, в которые входят. Внешние элементы инфраструктуры контроля имеют решающее значение для удержания власти над предприятиями, но стоят очень дорого. Это означает, что взятка (на которой и основаны взаимосвязи с государством) представляет собой часть инвестиций российского крупного бизнеса. Она по существу превратилась в элемент кругооборота капитала. Поэтому нельзя победить коррупцию в России борьбой с отдельными «оборотнями».

Таким образом, в современной России наблюдается атомизированный имущий класс и фрагментированное государство. Сложившись в 1990-е годы, подобное положение, вкупе с развалом экономики и падением уровня жизни людей, фактически вело к анархическому распаду самой социальной ткани российского общества. Это наглядно проявилось в т.н. «параде суверенитетов», прокатившемся по России в 1990-е годы, когда о своей самостоятельности от центра – полной или частичной – объявляли правящие элиты не только многих национальных, но и некоторых этнически русских регионов. Все

научных степеней и званий, получение взяток со студентов и аспирантов и совершение других нечистоплотных действий, предпринимаемых из личной корысти. Развал экономики, массовая нищета наших соотечественников, неспособность отечественной экономической науки что-либо вразумительно объяснить обществу и дать ему надежные ориентиры не воспринимаются подавляющим большинством экономистов как пятно на нашей профессиональной репутации и вызов каждому из нас лично.

¹ Немцов Б., Милов В. Путин 10 лет. Итоги. – Независимый экспертный доклад, М.: «Солидарность», 2010, с. 6.

это диктовалось, в основном, стремлением захватить безраздельный контроль над «своими» ресурсами, осуществить раздел или передел собственности, т.е. стремлением не упустить «свою» долю инсайдерской ренты. Именно этот стремительно нараставший вакуум власти и заполнил В. Путин, укрепляя режим своей личной власти.

Он провел административную реформу, укреплявшую контроль федеральных органов над исполнительной властью; отменил выборы глав регионов, заменив их назначением; повысил расходы на оборону, спецслужбы и милицию, которые были неоправданно занижены при прежнем президенте; заставил бежать из страны или посадил в тюрьму несколько зарвавшихся олигархов, предъявивших непомерные притязания на власть. Наибольшие дебаты вызвали действия В. Путина по установлению государственного контроля над рядом ведущих СМИ. Это, конечно, не укрепило свободу слова в стране. Однако необходимо отметить, что В. Путин «отнял» эти СМИ не у народа, а вытеснил контроль над ними тех самых олигархов, которые опаривали его власть. Что бы ни думали об этом на Западе, но большинство россиян, включая автора данных строк, считает, что из двух зол – контроля государства и контроля, по существу, организованных преступных сообществ – первое является меньшим. В условиях отсутствия предпосылок буржуазной демократии и сколько-нибудь значимых движений социального протеста авторитаризм В. Путина сумел заполнить вакуум власти и задержать анархический распад страны. Именно этим и объясняется феноменальная популярность этого политика на Родине. Но это достижение лишь относительное и временное.

Главное состоит в том, что реформы В. Путина не затронули основы общественного строя, сложившегося в стране. Американский эксперт по России Маршалл Голдман удачно назвал современную Россию «нефтегосударством».¹ Действительно, относительная политическая и социальная стабилизация нашего общества в 2000-е годы покоится в основном на перераспределении доходов от нефти, цены на которую большую часть десятилетия держались на невиданной высоте. Именно это позволило увеличить расходы на оборону, содержание госаппарата, здравоохранение и образование. Дотации некоторым регионам, на расхищение которых Москва смотрит

---

¹ Goldman M. Petrostate. Putin, power and the new Russia. – New York: Oxford University Press, Inc., 2008.

сквозь пальцы, позволили купить лояльность местных элит. Однако все эти меры не решают проблем страны, а лишь временно сглаживают их, поскольку не затрагивают основ нежизнеспособного общественного строя. Более того, частичная стабилизация политической и социальной сферы укрепляет режим крупных инсайдеров. Они продолжают беспрепятственно присваивать ренту, вывозя её львиную долю на Запад. В таких условиях ширококестельные программы руководства страны типа «Россия 2020», обещания обеспечить модернизацию и инновации являются не более, чем политической рекламой. Ведь ресурсы страны остаются в частных руках, а собственники ориентированы, как показано выше, на краткосрочную ренту.

В 2008 г. В. Путин формально уступил президентское кресло своему протекте – Дмитрию Медведеву, став премьер-министром страны. Дальнейшие события показали, что лукавый политик собирался вернуться на свой пост в 2012 г. В период своего формального «междуправления» В. Путин провел национализацию ряда предприятий, создав государственные корпорации с крайне непрозрачной системой финансов. Есть сведения, что эти структуры экономически неэффективны, но из них происходит активный вывод активов.¹ С другой стороны, Д. Медведев, в бытность свою Президентом РФ (2008–2012) начал амбициозный проект создания «русской Силиконовой долины» в Сколково, призванной повернуть страну на рельсы инновационного развития. Специалисты высказывают большие сомнения в осуществимости и целесообразности этого дорогостоящего предприятия, во главе которого поставлен Виктор Вексельберг – один из крупнейших инсайдеров страны, известный энергичным расхищением активов подконтрольных компаний.² Вероятнее всего два ведущих политика современной России стремятся укрепить своё влияние в среде крупного капитала. Оно покупается предоставлением дополнительных возможностей присвоения инсайдерской ренты.

Таким образом, *главным фактором, определившим авторитарную форму российского капитализма, являются не личностные особенности Путина, а социально-экономическая природа этого общественного строя.*

¹ Овсян А., Полищук Е., Резникова А. Все госкорпорации России // Новая газета. 2009. № 79, 24 июля.

² Цаголов Г. Модель для России. М.: «Международные отношения», 2010. С. 428–438.

По существу либеральные реформаторы начала 1990-х годов разменяли возможность создания демократии на радикальные рыночные преобразования. Основанные, как показано выше, на массовом нарушении прав подавляющего большинства населения, ельцинско-гайдаровские экономические реформы передавали ресурсы огромной страны узкому слою выдвиженцев криминального мира и переродившейся бюрократии. Если бы при этом создавались работающие механизмы демократии, то люди не допустили бы доведения подобных «преобразований» до конца. Точно также как это произошло после Февральской революции 1917 г., либеральные силы противопоставили представительные органы власти народу, превратив их в инструмент нарушения прав трудящихся. Как и в те времена, именно это и перечеркнуло демократию.¹

Учитывая тесную связь между экономическим строем, основанным на грубой, насильственной форме эксплуатации труда, и авторитарной политической системой, нельзя говорить, как это часто можно услышать в среде либеральной интеллигенции, что «пусть мы бедно живем, зато у нас теперь есть свобода». Это было бы верно только в том случае, если бы в стране сформировался жизнеспособный строй, обеспечивающий развитие. В действительности, как показано выше, страна идёт по пути развала экономики, деградации социальных отношений и политической системы. Большинство населения является пассивной жертвой грубой эксплуатации со стороны правящего класса, не имея реальных возможностей законными методами изменить свою незавидную судьбу. В этих условиях выборы и свобода слова приобретают формальный характер. Следует напомнить, что все свободы, остатками которых ещё пользуется наше общество, были даны ему сверху реформистским крылом КПСС во главе с Горбачевым, а не завоёваны либеральными политическими силами. Вклад последних состоял в нарушивших права большинства

---

¹ В результате сбылось пророчество Нины Андреевой, которая в телевизионном интервью накануне радикальных рыночных реформ заявила, что «как для утверждения общественной собственности потребовалась диктатура пролетариата, так для утверждения частной собственности потребуется диктатура буржуазии» (приведено по памяти). Можно и должно не принимать реакционное мировоззрение Н. Андреевой, но нельзя не отметить прозорливости её прогноза. Конечно, до открытой диктатуры ещё не дошло (всё ещё, впрочем, впереди), но несовместимость реализованной в нашей стране частной собственности с демократией очевидна.

экономических реформах, насаждении неслыханного социального неравенства, расстреле парламента и принятии авторитарной конституции, подчинении политических партий крупному капиталу, установлении контроля олигархов над СМИ в 1990–е годы, сдаче за спиной общества остатков международных позиций страны и других подобных мерах, которые несовместимы с самим духом демократии.

Очередной провал попытки построить демократию в России совершенно закономерен и вытекает из самой социально-экономической природы того общества, которое возникло в нашей стране в результате краха советского строя. Выше показано, что основные черты современной российской экономики – систематический вывоз капитала, импорт продукции обрабатывающей промышленности при сырьевой ориентации собственного производства, «утечка мозгов» и т.п. – являются чертами именно периферийного капитализма, обслуживающего потребности центра мировой капиталистической системы. Это означает, что национальный капитал наживается, не развивая собственную экономику, а обеспечивая эксплуатацию населения своей страны во имя обогащения капитала центра. Подобный двойной гнёт трудящихся (в пользу своих и зарубежных капиталистов), конечно, ни с какой демократией не совместим.

Хотя из крестьянского наш народ давно превратился в «рабоче-инженерный», но современный капитализм ещё более грубо вторгается в традиционный, общинно-индустриальный образ жизни населения, чем его дореволюционный предшественник. Результатом, по-видимому, становится новое возрождение архетипов традиционного сознания. Об том косвенно свидетельствует культ Путина, масштабы которого не соответствуют весьма скромным реальным достижениям этого политика, умело вписавшегося в реалии отсталого, периферийного капитализма. Ещё более симптоматичным является грандиозное возрождение авторитета Сталина в широких кругах нашего населения, с которым может соперничать только возрождение влияния церкви. Всё это может означать глубокие сдвиги в психологии масс, наиболее серьёзные последствия которых нам ещё только предстоит увидеть, а точнее – пережить.

Ирония постсоветской истории проявляется в одном поразительном парадоксе, сформулированном проф. В.А. Межуевым: «Почему, когда был террор и голодомор, так всё держалось, а в гораздо более благополучные времена Брежнева–Горбачёва – развалилось?». Думается, что в этом вопросе нашупана очень важная проблема диа-

лектики традиционных, социалистических и либеральных ценностей. Сама потребность нашего общества в либерализации определялась разочарованием в коммунистическом идеале, как он был воплощен в СССР, но не только. Советская власть обеспечила грандиозный подъём материального и культурного уровня жизни основной массы населения страны. В результате появились более индивидуальные интересы и запросы, как потребность более развитой личности. Стал нарастать тонкий подкожный слой того, что можно назвать либеральной культурой нашего общества. Он был слишком тонок, чтобы переходить к либеральному обществу наподобие американского. Гораздо разумнее было бы ориентироваться на поиск своей формы сочетания плана и рынка. Источники подобной модели можно было бы искать в творческом развитии многих идей европейской социал-демократии, еврокоммунизма, бухаринской и троцкистской оппозиций, опыте нэпа 1920-х годов и современного Китая. Разумеется, все эти и другие подобные мировоззрения должны творчески перерабатываться применительно к условиям современной России. Однако в специфических условиях поражения СССР в «холодной войне» либеральная культура реализовалась в виде радикального западничества 1990-х годов.

Получается, что сам шанс на демократизацию стал результатом, пусть и непредвиденным, созидательной деятельности советской власти. В связи с этим неудивительно, что сами либеральные свободы были даны нашей стране сверху коммунистической партией. Реформы начала 1990-х сыграли прямо противоположную роль. Разрушение экономики, падение уровня жизни, развал образования и здравоохранения вызвали невиданную социальную деградацию общества. Это разрушило те материальные предпосылки, на которых покоилась либерализация нашего общества. Именно в этих условиях началась очередная реставрация традиционных ценностей. Это и нашло своё внешнее проявление в росте влияния религии, монархических настроений, ксенофобии и антисемитизма, сталинизма, культа Путина и тому подобных явлениях. Положение России как страны периферийного, т.е. подчиненного, эксплуатируемого капитализма, остро переживается теми, кому она дорога, как невиданное национальное унижение. Именно на этом фоне меркнет ужас сталинских преступлений, и ярче сияют достижения советской эпохи. Таким образом, *основным парадоксом нашей постсоветской истории является то, что неиспользованный шанс нашей страны на демократию*

был результатом деятельности коммунистов, тогда как результатом деятельности либералов стал новый срыв в традиционное общество.

Современный российский капитализм, основные институты которого буквально пронизаны культурой насилия, является «своим иным» сталинизма. Сегодняшний произвол частного собственника (крупного инсайдера) наследует вчерашний произвол бюрократа (который, в свою очередь, наследовал произвол дореволюционного капиталиста и помещика). Следует подчеркнуть, что этот результат достигнут воинствующим антикоммунизмом реформаторов. Преодоление сталинизма предполагало сохранение советских достижений, обеспечивших либерализацию нашего общества. Это предполагало смешанную, а не просто рыночную экономику, сохранение достигнутого уровня жизни, созданного в СССР значительного научного, образовательного и оборонного потенциала. Разрушение этих основ цивилизованной жизни на фоне экспансии примитивного, но агрессивного антикоммунизма привело к мимикрии сталинизма под новый общественный строй.

На сегодняшний день капитализм крупных инсайдеров в России, не сталкиваясь с внутренним вызовом и защищенный авторитаризмом Путина, обладает высокой степенью устойчивости. Это не означает, однако, что современный он обладает той же государственной мощью и занимает то же место на мировой арене, что его советский предшественник. Между тем, именно на мировой арене разворачиваются события, представляющие для строя крупных инсайдеров смертельную угрозу.

Заключение

Драма архаичного и неэффективного российского капитализма разворачивается на фоне, по-существу, общего кризиса мирового капитализма. Последний проявляется не только в крахе финансов и падении производства, но и в подрыве представительной демократии и всей системы современных международных отношений. Сам стремительный рост *внепарламентских* движений социального протеста по всему миру говорит о том, что система представительной демократии оказывается неспособна выразить насущные интересы миллионов людей. Движение «Оккупируй Уолл-Стрит» в США стало реакцией на фактический отказ правящего класса этой страны осуществить сколько-нибудь серьезные реформы капитализ-

ма.¹ По большому счету, в рамках капитализма может быть только два варианта выхода из мирового кризиса: (1) перераспределение доходов от паразитических к трудящимся классам в масштабах мирового хозяйства, преодолевающее отставание мирового совокупного спроса от совокупного предложения, что предполагает урезание влияния финансового капитала в пользу промышленного, снижение эксплуатации периферии, международные стандарты оплаты труда и т.д.; (2) установление прямого контроля стран центра над странами периферии, предполагающее победу в войне с целым рядом стран (т.е. в мировой, по-существу, войне) ценой жертв, масштабы которых сегодня нельзя себе даже представить. Независимо от субъективных устремлений правящего класса США, его отказ от реформ объективно делает все более вероятным второй сценарий.

Важной частью грядущего мирового конфликта является неизбежное обострение борьбы за контроль над энергоресурсами. Тот, кто решает кому, в каком количестве, и по какой цене отпускать энергоресурсы, тот обладает властью над мировой экономикой. В условиях нарастающего мирового экономического кризиса такая власть становится главным условием выживания. Борьба за нее уже началась в ходе т.н. «войны с международным терроризмом», которую ведут США. Столкновение этой страны с исламским миром требует найти альтернативу зависимости от поставок нефти с Ближнего Востока.²

---

¹ В то время как мировой кризис требует проведения чего-то вроде рузвельтовского «Нового курса» в мировых масштабах, подобный ход событий представляется крайне маловероятным. Среди прочего он предполагает отказ нынешней финансовой элиты от доминирующего положения, а также заметное ослабление американского лидерства в мире. Ряд косвенных признаков говорит о том, что серьезных попыток изменить капитализм не будет. Среди них тот факт, что Обама не выполнил предвыборных обещаний поставить под контроль финансово-спекулятивный капитал, и наоборот осуществил его «выкуп» (bailout) за счет налогоплательщиков; провал попытки Пола Волкера восстановить в ослабленном виде ограничения свободы финансово-спекулятивных операций (Volcker's rule), ликвидированные в 90-е годы; чисто апологетическая реакция на кризис со стороны мейнстрима западной экономической науки. Вся политика борьбы с кризисом свелась к т.н. «количественному смягчению» ФРС, т.е. накачиванию мировой экономики дополнительными деньгами, что только загоняет болезнь вглубь.

² Morse E. and James R. The battle for energy dominance // Foreign Affairs. – 2002. – March/April.

Такой альтернативой для центра мирового капитализма становится установление контроля над энергоресурсами Каспия и Средней Азии. Именно это, по мнению специалистов, лежит в основе возобновившейся в последние десятилетия т.н. «Большой игры», т.е. борьбы США и России за доминирование в Центральной (как выражаются на Западе) Азии.¹ Кавказ является важным фронтом этой борьбы, на котором произошло фактическое объединение сил исламского экстремизма и Запада.² Война августа 2008 г. в Южной Осетии была подготовлена и вдохновлялась Соединенными Штатами.³

Таким образом, развертывающийся общий кризис мирового капитализма создает беспрецедентную внешнюю угрозу для страны. Между тем, российское общество, расколотое на богатых и бедных, с отсталой экономикой и подорванной военной мощью, не в состоянии противостоять этой внешней угрозе. В грядущем столкновении на мировой арене российский капитализм крупных инсайдеров ожидает жалкое банкротство. К сожалению, оно должно быть сопряжено с национальной катастрофой, которая едва ли будет подобна «мягкому» распаду СССР. Скорее нас ждет что-то наподобие краха царизма, но в более тяжелой форме. Этот внешний шок дорогой ценой должен разрушить власть крупных инсайдеров над Россией. Какова будет её дальнейшая судьба решит исход борьбы исторических сил на мировой и национальной арене.

---

¹ Rashid A. Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. – London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2002; Kleveman L. The New Great Game. Blood and Oil in Central Asia. – London: Atlantic Books, 2003.

² Горяинов С. Деньги террора. Кто оплатил Беслан? М.: Издательство «Европа», 2005.

³ Дзарасов Р. Пятидневная война на Кавказе: события и размышления. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.

А.А. Галкин

**Фашизм как болезнь общества:
тени прошлого и современность**

Определить фашизм как социально–политический феномен непросто. И дело не только в сложности его структуры. Информация о нем, его истории, сути и отличительных признаках постоянно деформируется под воздействием идейно–политического “шума”. Этот “шум” во многом обусловлен тем, что с течением времени во многих странах понятие фашизм оторвалось от первоначального, реального содержания и превратилось в способ диффамации оппонента. Взаимные обвинения политических сил в фашизме нередко означают лишь фиксацию глубины политических разногласий и желание скомпрометировать оппонента. В таких условиях любое стремление установить реальные параметры феномена и степень исходящей от него угрозы воспринимается как досадная помеха.

Одни политические силы в запале полемических схваток практически отрицают наличие ныне фашистской угрозы, сводя проблему к хулиганским выходкам немногих, плохо воспитанных подростков. Другие, в том же запале, чрезмерно раздувают размеры опасности, зачисляя в лагерь фашистских и фашиствующих сил своих оппонентов, считающих неприемлемыми поправки национальных интересов. Соответственно, каждый, кто хотел бы объективно разобраться в существе дела, подвергается, мягко говоря, давлению с противоположных сторон: с одной – за преуменьшение фашистской опасности, с другой – за ее преувеличение.

Тем временем потребность в глубоком анализе этого социально–политического феномена не уменьшается, но возрастает. А это, в свою очередь, предполагает тщательное, критическое рассмотрение всего того, что наработано в данной области на протяжении последних десятилетий.

1. Споры о фашизме: исторический ракурс

Споры относительно природы правого радикализма, особенно его наиболее крайней, агрессивной формы – фашизма, ведутся столько лет, сколько существует сам феномен. В процессе этих споров возникло несколько главных гипотез.

Одни из них рассматривают фашизм как социально–психологическое, политическое и идеологическое выражение интересов конкретных социальных групп. Почти все эти гипотезы размещаются в поле марксистской традиции.

Обычно, говоря о них, имеют в виду формулу, утвердившуюся с 1930–х гг. в левом политическом спектре, и исходившую из того, что фашизм, как движение и режим, реализует интересы и устремления наиболее реакционных и агрессивных фракций монополистического капитала. Однако в рамках этой группы гипотез существовали и другие взгляды на фашизм. В 1920–1930 гг. среди левых в Западной Европе имели хождение представления, согласно которым фашизм следует рассматривать как выражение антикапиталистического бунта разоряющейся мелкой буржуазии (в одних случаях городской, в других – сельской). Были распространены также взгляды на фашизм как своеобразную форму бонапартизма, существование которой обусловлено относительным равновесием сил антагонистических классов.

Гипотезы данной группы, как правило, опирались на события, происходившие в 1920–1930 гг. в Германии, и более или менее адекватно описывали предпосылки, причины и формы становления и утверждения в ней так называемого национал–социалистического, гитлеровского движения. При применении к реальной ситуации в других странах большинство названных гипотез демонстрировали существенные изъяны.

Для гипотез второй группы отличительной чертой было и остается решительное отрицание родового понятия фашизма и рассмотрение его частных форм как не связанных друг с другом и лишь внешне схожих явлений. На этих гипотезах зиждутся многие, вполне профессионально выполненные исследования отдельных фашистских режимов, а также партий и движений фашистского толка, не сумевших прийти к власти.

Уязвимость этих гипотез в том, что они, как правило, уходят от ответа на ряд существенных вопросов. Почему именно в 1920–1930 гг. – в Европе, а затем за ее пределами, сформировались, укрепились, а в ряде стран пришли к власти, праворадикалистские силы, не только прибегавшие к сходным формам борьбы против демократических процедур и институтов, к организации в этих целях массовых движений, но и отстаивавшие аналогичные ценностные системы? Чем было обусловлено взаимное притяжение этих сил,

приведшее к их внешнеполитическому сплочению? Почему демократические власти проявляли в эти годы очевидную беспомощность в противостоянии данным силам? Как объяснить то, что, несмотря на тотальное поражение держав фашистской оси во второй мировой войне и последовавшую за этим глубокую дискредитацию фашизма как идеологии и практики, он не только дожил до XXI века, но и во многом сохранил свои потенции? А ведь без такого ответа невозможно ни определить глубинные причины, вызвавшие фашизм к жизни, ни осмыслить опыт противостояния фашизму, накопленный в прошлом, а значит – определить меры, которые могут быть приняты сейчас для предотвращения новой фашистской угрозы.

Видимо, при оценке фашизма необходим другой подход, который бы, не игнорируя ни социальные связи фашистских движений, ни различий между партиями и режимами праворадикалистского толка, относимыми обычно к фашистским, сумел бы вычлениить и объективно оценить объединяющие их родовые черты и общественно-политические функции, и тем самым установить порождающие их причины.

Широко распространены также гипотезы, как бы растворяющие фашизм в более широком явлении – тоталитаризме. В основе этих гипотез лежит представление, согласно которому фашизм не располагает существенными чертами, которые бы принципиально отличали его от других тоталитарных партий, движений и режимов, не считающих себя фашистскими и даже решительно отвергающих фашизм. В качестве признаков, позволяющих отнести соответствующие движения и режимы к числу тоталитарных обычно называют: стремление к установлению жесткой, иерархически структурированной власти, проповедь беспрекословного подчинения авторитету вождя, оправдание применения крайних форм принуждения для обеспечения в стране стабильности и порядка, введение однопартийной системы, ставка на абсолютный этатизм и идеологическую монополию.

Возникли эти гипотезы в либерально-демократических кругах западноевропейских стран в обстановке острого противостояния традиционных парламентских институтов, с одной стороны, и их радикальных противников, как справа, так и слева, с другой. При этом решалась не столько научная, сколько политико-идеологическая задача: выведя за скобки различия между правыми и левыми оппонентами, мультиплицировать тем самым накопившееся в обществе негативное отношение к экстремизму как таковому. Во имя этого иг-

норировались такие существенные различия, как принципиальная несовместимость ценностных систем и противоположность целевых установок, и абсолютизировалось сходство политического инструментария, методов достижения цели. И хотя, как известно, методы нередко трансформируют цели, уподобление цели методам вряд ли может считаться приемлемым для научного подхода. И действительно, при практическом анализе фашистского феномена почти сразу же становится ясным, что обусловленное использованием понятия тоталитаризм чрезмерное расширение понятия делает невозможным определение специфики явления, обстоятельств, которые обуславливают его возникновение, возвышение и падение.

Еще одна группа гипотез рассматривает фашизм, как проявление исторически обусловленного болезненного состояния общественного сознания. У истоков этого подхода находился известный философ и литературный критик неортодоксальной марксистской ориентации Д. Лукач. Еще в начале 1930-х гг., пытаясь осмыслить причины прихода фашистов к власти в Германии, он, не ограничиваясь анализом социально-экономической ситуации, высказал мысль, согласно которой фашизм может быть рассмотрен и как своего рода вспышка массового духовного заболевания, являющегося результатом длительного идеологического отравления под воздействием особой нравственной атмосферы.

Впоследствии некоторые из сторонников этого подхода придали ему столь самодовлеющее значение, что в значительной мере выхолостили его первоначально позитивное содержание. Поиски исторических корней болезни духа, в качестве проявления которого рассматривался фашизм, обернулись своеобразным социально-политическим дарвинизмом. В наиболее примитивной форме он реализовался в виде предположения, что народы и государства могут быть подразделены на две группы: обладающих устойчивостью к фашистской инфекции и с ослабленным иммунитетом по отношению к ней. Поскольку речь тогда шла прежде всего о Германии и Италии, а писали об этом главным образом английские и американские авторы, в работах такого рода отчетливо ощущалось своеобразное англосаксонское высокомерие.

Разумеется, историческая предрасположенность к авторитаристско-диктаторским формам правления, обусловленная ею повышенная податливость харизматическим воздействиям и сопутствующей ей популистской демагогии – реальное явление, отрицать кото-

рое было бы неправомерным. Однако причины такой предрасположенности, как и факторы, ей противостоящие, можно, при желании, найти в истории любой страны. Действительная же проблема состоит в том, почему при определенных обстоятельствах начинают работать те или иные механизмы и почему историческое прошлое действует либо в одном, либо в другом направлении.

Весьма показательно в этом смысле коренное изменение доминирующей трактовки исторической предрасположенности Германии. Если в свое время, в годы нацистской диктатуры, анализируя прошлое этой страны, многие исследователи находили в нем все то, что вроде бы могло быть причиной податливости фашизму, то теперь, позитивно оценивая демократический характер ее нынешних институтов, они в своем большинстве обращаются к тому же прошлому, но уже с противоположной целью.

Очевидно, что возникновение, распространение и утверждение у власти фашизма возможно лишь в соответствующей социально-психологической, идейно-политической обстановке и что сила сопротивления ему во многом связана с исторически обусловленными национальными традициями. Однако, практически работая с гипотезами, рассматривающими фашизм исключительно как клиническое явление, жестко детерминируемое историческим прошлым, можно получить не столько ответы, сколько новые вопросы.

2. В поисках современного подхода к проблеме

Опираясь на опыт многолетних исследований, автор считает себя вправе предложить свою гипотезу, которая, не отвергая других подходов, позволила бы более адекватно выявить глубинные основы фашистского феномена. Элементы этой гипотезы при различных обстоятельствах использовались и ранее, однако, как представляется, не были сведены к единой, цельной системе.

Согласно гипотезе, фашизм представляет собой иррациональную, неадекватную реакцию на острейшие кризисные процессы, разрушавшие устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры, свойственную, при определенных обстоятельствах обществам современного типа. Особенность этой реакции обусловлена в решающей степени тем, что она формируется, находясь в своеобразном растворе традиционных правоконсервативных ценностей. Сформулировав иначе, можно сказать, что фашизм – это правоконсервативный революционаризм, пытающийся,

не считаясь с издержками, насильственно снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия.

В основе предлагаемой гипотезы лежат три главных тезиса:

1. Искать фашизм в далеком прошлом, как это делают некоторые исследователи, бессмысленно. Фашизм – это феномен XX и, в какой-то степени, XXI веков. Он обусловлен их проблемами. Если не будет найдено позитивное решение этих проблем, то от фашистской угрозы в тех или иных формах не избавится и будущие поколения.

2. Фашизм как идеология, движение и режим является непосредственным детищем острых кризисов, сотрясающих общество. Чем глубже и всеобъемлюще кризис, тем питательней почва для фашизма.

3. Фашизм отличается от обычных, традиционных диктатур тем, что черпает свои силы в массовом движении протеста. Отсюда огромная роль фашистских организационных структур, способных направить недовольство граждан, обусловленное кризисным развитием, в желательном для себя направлении.

Массовое движение обычно нуждается в идеологии, способной доступно сформулировать цели и способы их достижения, а также создать образ врага, низвержение которого откроет путь к успеху. Такая идеология может брать на вооружение различные системы ценностей. Однако правоконсервативная ценностная система слывет в этом отношении наиболее предпочтительной, поскольку апеллирует к низменным чувствам человека.

Каковы же ценности, заимствуемые фашизмом у консерватизма традиционного толка?

Первая – высокомерно-негативное отношение к человеческой личности как существу, подверженному всяческим порокам, “сосуду греха”, нуждающемуся для нормального существования в узде и твердой направляющей руке.

Вторая – отрицательное восприятие разума, как неоправданного проявления человеческой гордыни, несовершенного инструмента познания мира, источника заблуждений и разочарований. Чрезмерное упование на разум (“прометеев синдром”) трактуется как главный источник бедствий, от которых страдает как личность, так и человечество в целом.

Третья – оценка нации, как определяющего, неизменного, внутренне непротиворечивого элемента истории человечества, единственного судьбоносного фактора. Согласно этой трактовке, все стороны общественного развития в решающей степени детерминируются взаимоотношениями между нациями, их подъемом или упадком, способностью сохранять, наращивать или растрачивать свой жизненный потенциал. Соответственно, любая попытка рассматривать мировую историю как сложную систему взаимодействий и взаимовлияний, не сводящуюся к межнациональным отношениям, а нацию, как исторически обусловленную, изменчивую систему, внутри которой развиваются и разрешаются многочисленные противоречия, предается анафеме.

Каждая из названных выше ценностей сама по себе не может считаться фашистской. Не является таковой и их совокупность. Вполне возможны идеологические системы и движения, принимающие эти ценности, но вовсе не фашистские и даже враждебные фашизму. Вместе с тем не существовало фашистских движений, которые бы не принимали эти ценности и не руководствовались ими. Именно на них зиждилась (и зиждется ныне) идеологическо-пропагандистская концепция, образующая фундамент фашистской политики и практики.

Пренебрежительное отношение к личности, трактовка человека как “сосуда зла” служат для фашистов обоснованием системы жесткого контроля над обществом со стороны той его части, которая, “благодаря наследственности или самосовершенствованию”, в состоянии подняться над обычным людским уровнем (концепции сверхчеловека и аристократии духа). Необходимость контроля над обществом используется в качестве доказательства неизбежности создания институтов, способных жестко контролировать личность, вести ее в правильном направлении. В свою очередь, чтобы приобрести эффективность, эти институты нуждаются в координации, которая может быть гарантирована лишь наличием единой воли. Отсюда потребность в реализующем эту волю вожде.

Импульсы, поступающие от социальных низов (т.е. народа) или созданных ими контролирующих органов, “отражая эгоизм и греховность простого люда” и “порождая политическую конкуренцию”, ослабляют единую волю, вызывают анархию и, следовательно, ведут к распаду общества. Это делает оправданными крайние меры насилия, в том числе превентивного, реагирующие не только на дейст-

вия, но и намерения. Отрицание данного обстоятельства, апелляция к народовластию, законности, правам человека – либо проявление бессилия власти, либо сознательная попытка спровоцировать катастрофу.

Важная функциональная роль в фашистской системе взглядов отводится, как уже отмечалось выше, крайне негативному отношению к “прометееву синдрому”. Фашистская мифология находится, как правило, в острейшей конфронтации с рациональными основами опыта, накопленного человечеством на протяжении многовековой истории, а, следовательно, с его культурой в широком смысле слова. Изгнание разума, его замещение гиперболизированным иррационализмом – первостепенная предпосылка утверждения фашизма. Особое значение в данном случае имеет то, что мобилизация масс под фашистскими знаменами может быть осуществлена лишь в том случае, если в ее основу будет положена твердая вера в его постулаты. Такая вера не может быть рациональной.

Провозглашение нации основной ячейкой и движущей силой мироустройства обеспечивает фашизму решение двоякой задачи. С одной стороны, этот подход предполагает целеполагание. Смысл мобилизационных усилий вроде бы не сводится к решению чисто прагматических задач, к простой борьбе за выживание. Они как бы наполняются общественным идеалом – борьбой за спасение, укрепление, расширение влияния своей нации, выступающей в роли носителя позитивного начала, способного осчастливить человечество. С другой стороны, приобретает реальные очертания конкретный враг, на счет которого можно списать все провалы и беды: нация – злоумышленник, носитель всех мыслимых отрицательных черт, изверг, питающий зловещие планы. Такой враг полезен для внутренней политики, предоставляя возможность канализировать накапливающееся недовольство (национальное меньшинство, «ведущее подрывную деятельность»). Он не менее важен и во внешней политике – для объяснения причин внешнеполитических неудач, для оправдания агрессивного курса, развязывания военных конфликтов и т.д.

3. Российские реалии

Какое отношение имеет изложенное выше к России? Следует ли относиться всерьез к существующим ныне праворадикалистским организациям? Есть ли перспективы у российского фашизма?

Распространенная ошибка при оценке текущей ситуации и, тем более, при попытке прогнозировать ее развитие, порождается предположением о возможности буквального воспроизведения событий и феноменов исторического прошлого. В действительности, такое воспроизведение не происходит, хотя некоторые черты событийного ряда как бы навязывают далеко идущие аналогии.

Это крайне важно иметь в виду и при осмыслении особенностей последышей фашизма первой половины XX века. Взгляд не только политического публициста, но и серьезного исследователя, занимающегося этой проблемой, произвольно ищет знакомые приметы. При этом мимо внимания проскальзывает самое существенное: новые формы общественной опасности.

В послевоенные годы с данным обстоятельством столкнулась, в частности, Западная Европа. В возродившемся там праворадикалистском движении вскоре выделились два основных направления. Первое – традиционалистское – цеплявшееся за преемственность с прежними фашистскими движениями, за их авторитеты и внешнюю атрибутику. Второе – обновленческое – не делавшее особого акцента на связь с прошлым и уделявшее основное внимание новым проблемам, с которыми столкнулось общество.

Первоначально первостепенное внимание привлекали к себе традиционалисты. Именно их активность вызывала наиболее острую реакцию отторжения. Однако вскоре пришлось менять ориентиры. Выяснилось, что действительная опасность таится вовсе не там, где ее на первых порах искали. Традиционалисты оказались загнанными в политическое гетто и вот уже много лет пребывают в маргинальном состоянии. Обновленцы же превратились – по крайней мере в ряде стран – в пусть не очень заметную, но все же политическую силу.

Нечто подобное наблюдалось и в России.

Многие годы было принято считать, что наша страна обладает устойчивым иммунитетом к фашизму. Для этого утверждения было немало оснований. Последняя крупномасштабная война, которую вел Советский Союз, а, следовательно, Россия, была, прежде всего, войной с фашистской Германией. Именно фашистский (нацистский) режим напал на СССР, придал войне особо разрушительные, варварские формы, осуществлял, в духе своих идейных установок, массовое уничтожение населения на оккупированных территориях. Неисчислимые потери, понесенные в схватке с немецким фашизмом, поро-

дили в российском обществе сильную отторгающую реакцию на все то, что было (или могло быть) связано с фашизмом, в том числе – на само слово и связанную с ним символику.

Вместе с тем иммунитет (как биологический, так и социально-психологический) не бывает абсолютным. Всегда существуют элементы системы, в которых иммунитет либо ослаблен, либо отсутствует вовсе. Разрушающе действует на иммунитет и фактор времени, особенно если, по той или иной причине, возникают дополнительные обстоятельства, работающие против иммунитета.

Уже в последней трети прошлого века иммунитет по отношению к фашизму в нашей стране стал ослабевать, хотя все еще продолжал служить серьезной преградой на пути фашистского вала. Первые признаки такого ослабления можно было заметить уже в конце 1970–х гг., когда в обстановке начавшегося идейного разложения тогдашнего советского общества на его периферии появились праворадикальные группы с явными фашизоидными или откровенно фашистскими установками.

По происхождению и некоторым содержательным характеристикам эти группы могли быть условно подразделены на три типа.

Первый – спонтанно возникшие фрондирующие молодежные тусовки, в которых обращение к праворадикалистским идеям и символике имело по преимуществу игровой характер. Участие в них было формой эпатажа власть предержащих, выражением неудовлетворенности порядками и официальной идеологией. Представления их участников о фашизме было поверхностным, заимствованным по преимуществу из телесериала “Семнадцать мгновений весны” с его романтизацией верхов “третьего рейха”.

В дальнейшем активность первичных групп праворадикального типа спала. Однако посеянные ими семена дали всходы. Некоторые из их участников вошли в праворадикальные, фашизоидные организации, возникшие впоследствии.

Второй тип сложился во второй половине 1980–х гг. в рамках неформального движения протеста. Неприятие режима и его идеологии толкало некоторых его участников к шовинистическому негативизму. В ходе последующей дифференциации одна часть эволюционировала в традиционалистско-монархическом направлении, другая – к крайним формам правого экстремизма.

Третий тип был создан выходцами из националистического крыла ВЛКСМ. Фашизоидные симпатии составляющего его функ-

ционеров были известны общественности с 1970-х гг. благодаря ряду скандальных выходов, оставшихся, правда, без серьезных последствий. Влияние этой группы в праворадикалистском движении определялось в значительной мере наличием у нее значительных материальных средств и связей с силовыми структурами.

Все три группы в большей или меньшей степени нуждались в идентификации и прежде всего – в сколько-нибудь связной идеологии. Между тем ни у одной из них не было ни соответствующих заготовок, ни интеллектуального потенциала. Поэтому на первых порах все они в большей или меньшей степени стали базироваться на доступной им немецкой фашистской литературе. Одновременно начался поиск почвеннистских традиций.

В рамках этого поиска в поле зрения оказались два политических и идеологических течения.

Первое – фашистские организации, возникшие в 1930-е гг. в зарубежной эмигрантской среде. Однако использование их наследия было затруднено полной дискредитацией этих организаций в виду общеизвестных связей с официальными японскими и германскими правящими кругами в довоенный период и безоговорочной поддержки агрессоров в годы Второй мировой войны.

Второе – черносотенное движение, игравшее заметную роль в дореволюционной России в первое десятилетие XX века. В конечном счете, именно на его наследие и была сделана главная ставка.

Трудности с использованием этого наследия были связаны с тем, что само черносотенное движение по своей сути не было ни фашистским, ни протофашистским. Оно представляло собой традиционалистско-консервативную реакцию части городского и сельского населения на экономические, социальные и политические потрясения начала века. Поэтому из черносотенного багажа российскими протофашистами были извлечены лишь отдельные элементы и прежде всего ненависть к “умничающим” интеллигентам и евреям, нередко уподобляемым друг другу.

Аналогичные процессы наблюдались на российской почве и в 1990-ые годы. На протяжении всего десятилетия в стране то и дело возникали и исчезали объединения и организации, которые с той или иной степенью допущения можно было бы отнести к числу протофашистских. Заметное место в их ряду одно время занимали консервативно-черносотенный Национально-патриотический фронт “Память”, возглавляемый Д. Васильевым и отколовшееся затем от

него “Русское национальное единство” (РНЕ), более известное публике как команда А. Баркашева.

К началу нового века праворадикалистское протофашистское крыло сложилось в рамках заметного в то время протестного молодежного движения «скинхедов». Некоторые из входивших в него групп проявляли заметную активность. Вместе с тем, несмотря на все усилия, их влияние оставалось маргинальным. Об этом свидетельствовали и результаты выборов, как на местном, так и на общегосударственном уровнях, и многочисленные социологические опросы. Все это создавало впечатление, что в сложившихся новых условиях праворадикалистские силы в фашистском или аналогичном ему облике не могут рассчитывать на приобретение в стране существенного политического веса.

Но с тех пор, как известно, утекло немало воды.

4. Новые времена. Ветер в паруса правых радикалов?

Правый радикализм в традиционной фашистской или в преображенной фашизоидной форме, как следует из изложенного выше, остается на политической запасной скамье до тех пор, пока экономическая и политическая ситуация в той или иной стране остается если не стабильной, то, по меньшей мере, терпимой для большинства ее граждан. Нарушение этого условия не делает его взлет неизбежным, но создает для него благоприятные перспективы. Они со всей очевидностью и открылись во многих странах Европы – в том числе и в России – с наступлением нового века.

Особую роль в этом сыграли два внешне не связанных друг с другом процесса: мощный иммиграционный поток, затопивший многие европейские страны, и глубокие финансово-экономические потрясения, переросшие в системный кризис.

Рассмотрим эту сторону дела подробнее.

В последние десятилетия XX века в развитые страны, прежде всего Западной Европы, хлынула масса выходцев из наиболее бедных и неблагополучных стран, прежде всего, Азии и Африки. Для России главным источником аналогичных потоков стали бывшие советские республики Центральной Азии.

У этого явления были свои объективные причины. Миграция – это всегда способ решить проблемы существования, не поддающиеся такому решению на родине. Обращение к этому способу, как правило, стимулируется представлением о действительных или иллюзор-

ных преимуществах территориального перемещения. Естественно, что чем разительней реальный, или даже мнимый, разрыв в условиях существования на родине и в «стране обетованной», тем сильнее стимулы к миграции и больше совокупность людей, на которых они действуют.

Существенную стимулирующую роль сыграли при этом несколько дополнительных обстоятельств. В большинстве развитых стран наметилось падение рождаемости и прогрессирующее старение населения. В результате на рынках труда этих стран возник острый интерес к перспективной, молодой рабочей силе, способной заполнить пустующую нишу, прежде всего в сфере, не требующей высокой квалификации.

Этот интерес стимулировался еще и тем, что рабочая сила иммигрантов оказывалась, как правило, значительно дешевле, чем местная. Тем более, что приобщение к современным формам производства, происходившее в менее развитых странах, не в последнюю очередь под воздействием глобализации, ускоряло в них вытеснение рабочей силы из традиционных, преимущественно сельских форм производственной деятельности, создавая, тем самым, дополнительные стимулы для устремлений к смене места пребывания.

К началу нового столетия миграция начала выходить за объективно диктуемые пределы. В ряде случаев ее масштабы стали существенно превосходить реальные емкости соответствующих стран. Попытки ограничить иммиграционные потоки привели к резкому увеличению нелегальной иммиграции. Сейчас нелегальный поток иммигрантов по количественным показателям вполне сопоставим со всеми остальными видами миграции вместе взятыми.

Проблема, однако, не исчерпывалась одним лишь ростом количественных показателей.

Дело также в том, что в потоке новых иммигрантов существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, принесших с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующиеся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей подавляющего большинства коренного населения. Опыт пребывания этих иммигрантов в развитых странах убедительно показал, насколько трудна для них даже поверхностная адаптация к новым условиям жизни.

Эти трудности в значительной мере обострились благодаря тому, что среди иммигрантов-мусульман всё еще широко представле-

ны выходцы из сельской глубинки, непривычные к городской жизни, не имеющие даже первичного образования и примитивной профессиональной подготовки. Это, с одной стороны, существенно затруднило их адаптацию к новым условиям жизни, и без этого сложную для иммигрантов, а, с другой, возвело дополнительные барьеры для их использования даже на не очень квалифицированной работе. Тем самым, возникли дополнительные условия для постоянного пребывания этой категории лиц на социальном дне общества.

Все это существенно воздействовало на изменение культурно-цивилизационной и общественно-политической ориентации новых иммигрантов. В отличие от своих предшественников они в своем большинстве не стремились слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявлялось в тех случаях, когда речь шла об иммигрантах иных конфессий, чем местное население. Они сами все чаще рассматривали себя как устойчивое этническое и культурно-цивилизационное меньшинство, четко осознающее свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивать, используя политические и юридические средства, утвердившиеся в ареале нового пребывания.

В некоторых из стран, ставших своего рода резервуаром для иммиграционных потоков, возникли целые анклавов, в которых вновь прибывшие стали составлять большинство населения. Тем самым прежняя проблема адаптации и интеграции чужестранцев в соответствующее сложившееся общество превратилась в совсем другую – сосуществования коренного населения с вновь образовавшимся национальным меньшинством.

Разумеется, данная тенденция не была единственной. Существует и иная, более традиционная, действующая подобно «плавильному котлу». Однако она со временем все заметнее отходит на второй план.

Сеть этнических анклавов представляет собой ныне своего рода систему городских деревень, которая, как свидетельствуют результаты многочисленных социологических изысканий, затрудняет интеграцию в принимающее общество, способствуя консервации прежних национальных традиций, обычаев, стереотипов и т.д. Она, чаще всего, не только не нейтрализует, но, напротив, стимулирует компоненты национального (цивилизационного) самосознания. В особенно жесткой форме это происходит в исламских общинах.

Воздействие этих общин на новых иммигрантов многообразно. Последние рассчитывают, прежде всего, на содействие в подыскании работы или на иные формы материальной поддержки. В ряде случаев эти расчеты оправдываются. Чаще всего речь идет о работе типичной для соответствующей группы иммигрантов, которая, в свою очередь, как бы замыкает новичков в сфере этнического и конфессионального окружения.

Культурно-цивилизационной «капсулизации» в пределах этнического «гетто» способствуют и внешние для общины причины, в том числе ситуация на рынке труда и возникновение сложностей в отношениях с местным населением. На это же работают и многие другие факторы, в том числе концентрация иммигрантов в доступных им сферах жизни и деятельности.

«Городское гетто», населенное этническими меньшинствами, представляет собой постоянный источник напряженности, способный в любое время дать очередную вспышку. Их обитатели образуют сейчас предрасположенную к активному протесту категорию маргинального населения. Они не только сами противостоят традиционной политической культуре, но и соответственно воздействуют на другие социальные группы. Настоящим бедствием этнических анклавов и прилегающих к ним территорий стала преступность во всех ее формах и проявлениях.

Подход к ситуации, обусловленной происходящим, в решающей степени зависит от оценки его перспективы. Она, к сожалению, не благоприятна. Объективные обстоятельства, судя по всему, будут по-прежнему стимулировать иммиграционные потоки. И их основу, как и ныне, будут составлять мусульмане. Не случайно в этой связи иногда даже говорят о грядущем новом Великом переселении народов.

Это, в свою очередь, не может не сказаться на настроениях автохтонного населения. Уже сейчас непосредственным результатом очередной иммиграционной волны стало явно настороженное отношение многих коренных граждан к «чужакам». В ряде случаев оно перерастает в нетерпимость, проявляясь не только в быту, но и на общественном поле. Доля граждан, выражающих враждебность к иммигрантам, растет на глазах. В ряде случаев она приобретает четко выраженный конфессиональный (антиисламский) характер.

Разумеется, ксенофобия при всем ее негативном содержании, не равнозначна правому радикализму, тем более в его крайней фашизоидной или откровенно фашистской форме. Тем не менее, благо-

приятную почву для его укоренения она создает. Убедительное свидетельство этому – повсеместное усиление позиций праворадикальных политических партий во многих западноевропейских странах, в том числе тех, которые все еще претендуют на право выступать в роли оплота демократии и принципов гуманизма.

Рассматривая эту проблему применительно к России, следует, естественно, учитывать ряд особенностей, диктуемых экономическими, социальными, геополитическими и психологическими процессами, происходящими на постсоветском пространстве. Тем не менее, было бы ошибочным рассматривать растущий иммиграционный поток в нашу страну как своеобразный, исключительный феномен. При всей его специфичности он является формой проявления процессов, происходящих во всем мире. И в его основе лежат, в основном, те же объективные причины, что и в других странах.

Население большинства бывших советских республик рассматривает Российскую Федерацию, как, если не процветающую, то, по меньшей мере, относительно благополучную страну, пребывание в которой открывает возможность позитивно решать проблемы, возникшие на родине. Немалую роль в стимулировании иммиграции играют неполностью преодоленный упадок производства и аграрное перенаселение, характерные для окружающего Россию постсоветского пространства. В свою очередь, наша страна, страдая от прогрессирующей депопуляции, вынуждена предоставлять рабочие места множеству иммигрантов.

Важную роль играет и то, что на протяжении двух с лишним десятилетий Россия существует с практически открытыми государственными границами. Будучи в не столь давнем прошлом условными, административными разделительными линиями, они до сих пор в значительной своей части не оборудованы и не могут служить заслоном для нарушителей. Кроме того, в отношении большинства стран, входивших в прошлом в состав СССР, и поныне не введен визовый режим. Поэтому, в отличие от западноевропейских государств, Россия, практически, не защищена от нелегальной иммиграции, в каких бы масштабах она не происходила. В результате, судя по оценкам, удельный вес нелегальных иммигрантов на территории Российской Федерации ныне заметно выше, чем во многих странах Западной Европы.

Кое-кто успокаивает себя тем, что пока массовая иммиграция в Россию не привела к эксцессам, подобным тем, с которыми столкну-

лись некоторые западноевропейские страны, прежде всего Франция. Однако этот оптимизм не покоится на реальной почве.

Уже сейчас у нас приходится то и дело сталкиваться со многими негативными аспектами массовой иммиграции, о которых уже говорилось выше. Более того. Некоторые последствия растущего иммиграционного потока начинают проявляться у нас даже в более болезненной форме, чем в Западной Европе. В России нет развернутого иммиграционного законодательства, предусматривающего не только масштабы приема иммигрантов и порядок их оформления, но и статус, а также права иммигрантов, учет их этнического и конфессионального менталитета, содействие трудоустройству, размещению и адаптации. Это делает многих иммигрантов бесправным объектом оскорбительного отношения, эксплуатации и иных злоупотреблений, способствует их скатыванию на социальное дно, и нередко порождает, вместо чувства благодарности к приютившей стране, отчужденность и враждебность к ней.

А это, в свою очередь, сказывается на настроениях коренного населения России.

Уже сейчас приходится все чаще сталкиваться с повальной враждебностью части граждан России по отношению к иммигрантам, особенно к выходцам из стран с компактным мусульманским населением, которым приписываются всевозможные негативные характеристики. Бытовая недоброжелательность к «понаехавшим» чужакам превращается в неотъемлемый элемент общественного сознания и, тем самым, в объект политических спекуляций мало разборчивых игроков на политической бирже. Накладываясь на чувство ущемленного национального достоинства, возникшего у значительной части граждан России вследствие и после распада Советского Союза, она в состоянии образовать взрывчатую смесь огромной разрушительной силы. И если он произойдет, то, прежде всего, под лозунгами правого радикализма. А будет ли при этом доминировать свастика или же другая символика не так уж и важно.

Другим мощным источником накопления взрывчатого потенциала, способного расчистить путь для победного шествия политических сил, одержимых идеологией аналогичной или родственной фашистской, стал, как уже указывалось выше, начавшийся в 2008 году и, по сути, не прекращающийся до сих пор мировой системный кризис.

Первоначально в экспертных кругах доминировало представление, что внезапно нагрянувшие в 2008 году экономические сбои

представляют собой всего лишь несколько запоздавший по времени обычный циклический спад (рецессию, кризис). Однако вскоре, уже на первой его фазе, стало очевидным, что речь в действительности идет о чем-то более серьезном.

Во-первых, наступивший спад сразу же стал мировым не в метафорическом (как это нередко бывало в прошлом), а в буквальном смысле, охватив практически все континенты и поразив в той или иной степени почти все страны. Во-вторых, начавшись как финансовый, он сразу же распространился на реальный сектор производства, приобретя при этом особо разрушительный характер. В-третьих, он с самого начала продемонстрировал высокую устойчивость по отношению к регулирующим импульсам, что обусловило замедленный и вялый. выход охваченных им стран из кризисных потрясений первой фазы.

Обычно очередной экономический кризис почти сразу же больно бьет по рынку труда. Не стала исключением его нынешняя первая фаза. Заметный рост безработицы был зафиксирован почти во всех странах, как высокоразвитых, так и более или менее отставших. Не всем им удавалось превзойти «рекорд» Испании (23–25% не имеющих работы экономически активных граждан), Тем не менее, одна за другой охваченные кризисом страны пересекали черту в 10% безработных, за пределами которой, по мнению специалистов, обычно вызревают предпосылки грядущей катастрофы. Не миновала эта участь и самую мощную и богатую державу современного мира – Соединенные Штаты, для которых достигнутый уровень безработицы, перевалившей на пике кризисных потрясений за 8%, всегда считался чем-то невообразимым.

Повсеместно, уже на первом этапе было зафиксировано и такое последствие кризиса как нарастающее падение массового спроса, а значит и потребления жизненно необходимых продуктов питания, отказ от привычных форм отдыха, от некоторых форм медицинского обслуживания, от приобретения лекарств, и т.д.

Одной из особенностей этой кризисной фазы было, в частности, то, что с ее окончанием возникающая безработица проявила беспрецедентную устойчивость, и если сократились, то немного и далеко не во всех странах. Не произошло и ожидаемого серьезного расширения спроса.

Нарастание кризисных процессов с самого начала заметно повлияло на массовое сознание. Еще до того, как его первая фаза пере-

стала быть латентной, во многих странах, хотя и в разной степени, начало расти ощущение, что господствовавший на протяжении трех десятилетий неоконсервативный подход к экономике, некогда стимулировавший развитие народного хозяйства, потерял былую эффективность. Со страниц политической публицистики тревога по поводу грядущего неблагополучия проникла в серьезную научную литературу и стала все чаще звучать в ходе массовых манифестаций. Участились поиски экономической и социально-политической альтернативы неоконсервативной политике. Вместе с тем до поры до времени многим продолжало казаться, что эти поиски если не маргинальны, то, во всяком случае, далеки от того, что принято именовать «мейнстримом».

Затем, по мере углубления первой фазы, ситуация изменилась. Радикально-либеральный (неоконсервативный) подход к экономическим процессам стали проклинать повсеместно – вне зависимости от страны, социального статуса и политических предпочтений. Политики, как бы соревнуясь, оспаривали друг у друга репутацию сторонников альтернативных подходов, выдвигая все новые проекты преобразования национальных и мировых экономических институтов. Всплыло из небытия вроде бы канувшее в Лету критическое отношение к капитализму как общественной системе. О необходимости «нового капитализма» начали говорить даже президенты некоторых развитых стран, прежде вполне благополучных. Идеи альтернативной политики (по крайней мере, в экономической сфере) получили доступ в самые изысканные политические салоны.

Если бы с окончанием первой кризисной фазы наступил период реального подъема, эти настроения, быть может, потеряли бы силу, или, по меньшей мере, несколько поутихли. Однако за ней, без какого бы то ни было перерыва, последовала вторая фаза.

Ее проявления были во многом иными.

На протяжении почти трех десятков лет у многих развитых, да и у некоторых среднеразвитых стран накапливалась государственная и корпоративная задолженность. Постепенно ее размеры стали выходить за все мыслимо допустимые пределы. Пока в мире сохранялась относительная стабильность и экономические перспективы не вызвали особых сомнений с этой задолженностью мирились. Более того: ее как бы ни замечали. Так продолжалось до тех пор, пока первая фаза кризиса, болезненно встряхнув мировую экономику и подорвав массовое доверие к ней, не превратила эту задолженность в острой-

шую проблему. Огромные финансовые вложения в экономику, призванные подавить кризисные процессы первой фазы, придали этой проблеме дополнительную актуальность. Так эта, сама по себе болезненная фаза, не завершившись, преобразилась во вторую, долговую – еще более разрушительную и опасную.

Конечно, долги, как и, вообще, разнообразные хозяйственные коллизии, явление не новое. Соответствующие прецеденты нетрудно отыскать еще в глубокой древности. Однако такой уникальной ситуации, когда в, практически, неоплатном долгу одновременно оказались многие государства, в том числе ходившие долгое время в числе процветающих и богатых, до сих пор зарегистрировано не было. А если это все же произошло, то в основе свершившегося должна была лежать некая не фиксируемая ранее, причина.

Непонимание или осознанное игнорирование данного обстоятельства долго мешало (и до сих пор мешает) правильно оценить сущность нынешнего долгового кризиса и, соответственно, определить действенные меры, способствующие его преодолению.

Наиболее распространенное объяснение его причин до сих пор основано, главным образом, на оценках, сводящих проблему к субъективному поведению элит и народов. Дескать, на протяжении ряда десятилетий и те, и другие жили не по средствам,

Доля истины в этом рассуждении есть. Но только доля. Оно могло быть вполне убедительным, если бы не необходимость найти ответ на два других существенных вопроса. Во-первых, если кто-либо живет в долг, то он должен для этого занимать деньги. Где их брали те, кто накопил такие несметные долги? Во-вторых, почему в прошлом, в том числе не столь далеко, пребывание государства в долговой яме было исключением, а теперь, похоже, превращается в норму?

Чтобы всерьез ответить на эти вопросы, необходимо выйти за пределы субъективно-персоналистского подхода и обратиться к анализу особенностей глобальной платежной системы, делающей подобную расточительность возможной.

Складывающийся (а, частично, уже сложившийся) мировой рынок остро нуждается в адекватной ему устойчивой платежной системе. До последнего времени, после отмены золотого паритета эти функции выполнял американский доллар, к которому в начале нового века присоединилось евро.

Этот вариант вряд ли можно счесть вполне удачным. Платежные системы, претендующие на мировой статус, не должны быть, в идеале, привязаны к национальным и региональным структурам. Не секрет, что при такой привязке не исключена возможность неконтролируемого использования национального печатного станка для покрытия незапланированных международных расходов.

Но главная беда, как выяснилось, не только в этом. По мере развития мирового финансового рынка появилась практически неограниченная возможность создавать, под предлогом совершенствования финансовых инструментов, разветвленное множество квазиденег в форме условно ценных бумаг (деривативов). Причем право на их выпуск, а, следовательно, и использование (пусть с оговорками), в качестве платежного средства, получили не только государства и уполномоченные им институты, но и всевозможные корпорации и иные публичные структуры.

Тем самым была фактически размыта важная функция денег как регулятора спроса и предложений. Государства, корпорации и, соответственно, причастные к их деятельности индивиды получили почти неограниченную возможность жить не по средствам, в долг. И они, естественно, воспользовались возможностью, представленной им финансовым порядком (точнее, беспорядком).

Если эта оценка отвечает действительности (что вряд ли порождает сомнения), то противодействие долговым кризисам могло бы выглядеть следующим образом.

Необходимо раз и навсегда отказаться от «наивного» (а чаще всего цинично-эгоистического) представления, будто накопившийся долговой груз можно свести «на нет» путем простой бюджетной «экономии» (прежде всего за счет социальной сферы). И дело тут не только и не столько в соображениях гуманного порядка. Подобный подход экономически контрпродуктивен.

Тем, кто руководит экономикой, не пристало путать государственный бюджет с семейным. Да! Если семья влезла в долги, то ей, рано или поздно, придется экономить, чтобы в конце-концов расплатиться с кредитором. Иными словами, сокращение затрат, безусловно, поможет погасить долг.

От государства в аналогичной ситуации требуются совсем иные поступки. Свертывание его расходов в любой их форме (но, особенно, на социальные нужды) ведет к сокращению массового спроса на наиболее распространенные жизненно важные предметы потре-

ния. А это, в свою очередь, негативно сказывается на всей сфере массового производства. Закрываются предприятия, растет безработица. Соответственно, сокращаются налоговые поступления, возрастают расходы на пособия потерявшим работу и на другие социальные нужды. Нередко в результате подобных манипуляций бюджет государства теряет суммы, намного превосходящие те, которые удалось сэкономить.

К сказанному следует добавить немалые моральные и политические потери, на которые приходится идти государству вследствие роста народного недовольства и нарастания протестных движений.

Кардинальное решение долговых проблем предполагает коренное преобразование мировой финансовой системы, исключающее неконтролируемый выпуск международной резервной валюты и жестко ограничивающее использования деривативов.

Возможен также комплекс временных, тактических мер, способных, без особых потерь, урегулировать нынешние долговые проблемы. В их числе временное замораживание долговых обязательств государств, корпораций и других публичных институтов. Конечно, подобная акция может повлечь за собой и нежелательные последствия. В частности, негативно сказаться на платежеспособности недостаточно защищенных и устойчивых банков и промышленных предприятий, негативно отразиться на финансовом обороте. Однако в распоряжении современных государств, как известно специалистам, есть набор хорошо испробованных, эффективных финансовых инструментов, позволяющих без трудностей справиться с издержками подобного шага. Зато его позитивные последствия вполне очевидны..

Экономика государств-должников получила бы временной лаг, который позволил бы навести минимальный порядок в финансовой сфере. Они избавились бы, пусть на время, от долгового груза, что позволило бы им, при правильном и эффективном руководстве, пополнить резервы и набрать силы, чтобы приступить к погашению прежних финансовых обязательств. Со своей стороны, этому способствовала бы более-менее устойчивая общесенно-политическая ситуация, обусловленная позитивной реакцией общества на политику руководства страны, отказавшегося от экономии за счет кошельков миллионов рядовых граждан.

По ряду причин, рассмотрение которых потребовало бы особого разговора, правящие круги большинства наиболее развитых стран не принимают этого подхода. Ими – иногда вынужденно, иногда добро-

вольно – взят курс на повсеместное свертыwanie государственных расходов на социальные нужды, предполагающее сокращение зарплат, выплачиваемых из государственного бюджета, пенсий и иных социальных пособий, расходов на здравоохранение и образование, охрану окружающей среды и т.д.

Реальные последствия этого курса уже налицо. Робкое оживление экономики, наметившееся в 2010–2011 годах, повсеместно сходит на нет. Тем самым долговой кризис все очевиднее дополняется очередным спадом производства. Растущее давление на условия существования большинства граждан подливает новое горючее в и так накопившееся массовое недовольство. Тот, кто сомневается в этом – пусть внимательней присмотрится к ситуации, складывающейся сейчас в Греции, Португалии, Испании, Италии, Венгрии и в ряде других государств Европы.

Ориентация на «экономия» за счет жизненных условий основной массы населения уже привела к серьезной компрометации многих влиятельных право и левоцентристских партий, находившихся у власти на протяжении ряда десятилетий. Обычно такая компрометация приводит к укреплению радикальных политических сил левого и правого фланга. Левый фланг в большинстве развитых стран сейчас серьезно ослаблен, в немалой степени из-за краха считавшихся левыми режимов в СССР и в странах Восточной Европы. Отсюда высокая вероятность серьезного укрепления правых радикалов, среди которых немало тех, кого можно с полным основанием отнести к категории последователей фашизма. И оно уже фиксируется наблюдателями применительно ко многим европейским странам.

Есть ли основания считать, что этот процесс минует Россию? Мало. Да, первую фазу мирового кризиса она перенесла не без болезненных спазмов, но с меньшими потрясениями, чем это предполагалось первоначально. Да, долговой кризис, подобный тому, который трясет сейчас многие страны Западной Европы, ей, вроде бы, пока не угрожает. При нынешнем уровне цен на энергоносители у нее нет оснований чересчур тревожиться за состояние своих финансов.

Тем не менее, для глубокой настороженности есть достаточно оснований. Сейчас, в отличие от прежних времен, наша экономика органически включена в мировое хозяйство. И любые серьезные финансово-экономические потрясения за ее пределами неизбежно по ней ударят. При этом болезненность вероятных ударов в решающей

степени будет зависеть от того, какой путь выберет государственное руководство.

В руководящих кругах нашей страны немало деятелей, околдованных неоконсервативными экономическими мифами. Они, насколько можно судить, все еще доминируют в экономическом сегменте правительственных структур и склонны не только повторять аргументы, которыми оперируют их единомышленники на Западе, но и готовы, игнорируя накопленный там негативный опыт, внедрять их рекомендации на практике. Есть основания предполагать, что их усилия могут дать соответствующие результаты.

Подобный ход событий может стать для нас крайне опасным. В развитых странах внешнего мира курс на «экономии» за счет кошелька миллионов пока лишь затронул разветвленные и высокоразвитые структуры социальной сферы. Там все еще есть определенное пространство для маневра. У нас такого пространства нет. Наши социальные структуры, с трудом пережив первые кризисные пароксизмы, едва вышли из «комы». Много от экономии на них не получишь, а окончательно угробить их не трудно.

Не следует преувеличивать и терпеливости нашего народа. Она тоже имеет свои пределы. Если их игнорировать, можно легко попасть в ловушку. При нынешней расстановке политических сил, прогрессирующей дискредитации правящей элиты, пассивности системной и убожеству внесистемной оппозиций, возможный взрыв массового недовольства, может выдвинуть на передний план и крайне правых радикалов. Тем более, что сейчас их гораздо больше, чем когда либо раньше, и маскируются они вполне умело – под националистов-патриотов.

Неразумная политика всегда вела к повсеместному помрачению умов.

Помешать такому помрачению вне наших границ мы не в силах. Пускай там решают свои проблему сами. Но противодействовать ему у себя дома необходимо. Это – жизненно важная задача.

Ю.А. Красин

**Демократия в эпоху
«большого переформатирования»**

На рубеже третьего тысячелетия нашей эры волна глубоких и быстрых перемен захлестнула человеческое сообщество. Это ощущается во всех сферах общественной жизни глобализирующегося мира – в экономике и технологиях, в политических и социокультурных отношениях, в мировом развитии. Изменения происходили и прежде, временами кардинальные, принимавшие лавинообразный характер. Но, в конце концов, они укладывались в исторически сложившиеся стереотипы общественного сознания о смыслах ценностей и норм жизни и культуры. Теперь же, кажется, назревает потребность в переосмыслении фундаментальных устоев социальной доктрины.

Не будет преувеличением сказать, что со второй половины XX века в развитии цивилизации наметился тектонический сдвиг, началось «большое переформатирование» социума. В основе этого сдвига – перемещение центра тяжести общественной жизнедеятельности с материальных факторов на духовные – знание, информацию, творчество. Главенствующую роль в производстве начинает играть всеобщий труд – сублимированный в науке интеллектуальный ресурс общества. Рождается качественно новый, инновационный тип развития (ИТР), который базируется на творческой энергетике общества, на высоких технологиях. На смену индустриальному обществу, в котором средства производства символизируются машиной, приходит общество постиндустриальное (информационное), где генератором развития становится креативный потенциал индивида (человеческий капитал) включенный в кооперацию солидарной общественной деятельности (социальный капитал).

Этими изменениями в фундаменте общественного бытия задается более высокая планка требований к человеку: человек-творец, свободный человек в солидарном обществе. Социум выходит на более высокий и еще не вполне им осознанный рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Похоже, подтверждается провидческая идея В.И. Вернадского о том,

что мы стоим на пороге «ноосферы». Происходит органическое слияние творческой мысли и целенаправленного действия. Идет поиск контуров гуманистической цивилизации более высокого уровня.

Поворота такого масштаба, какой обозначился в наше время, не было в истории человечества. Разве что само появление на земле homo sapiens, для чего потребовалось сотни тысяч лет. Сейчас же историческое время сжато, можно сказать, спрессовано. Никто не ведает, сумеет ли человечество в отпущенные историей сроки преодолеть сложный этап «большого переформатирования» или хотя бы адекватно осознать истинные масштабы тех беспрецедентных вызовов, неопределенностей и рисков, с которыми оно сталкивается. Социум проходит сквозь тревожную полосу «великой бифуркации», и только будущее покажет, состоится ли спасительный выбор, каким он будет и будет ли вообще.

Несомненно, однако, что тема демократии стоит в повестке дня начавшегося поиска современной социальной доктрины. Все говорит о том, что система взаимоотношений государственной власти и общества – центральный нерв «большого переформатирования». Что здесь происходит? Какие тенденции – пусть пока неясно, расплывчато – прорисовываются во властном поле человеческих взаимоотношений нарождающегося информационного общества? Созревают ли предпосылки для какой-то новой формы демократии в отличие от полисной демократии античности или представительной демократии нового времени? Или дают о себе знать более серьезные сдвиги, предвещающие смену самой парадигмы политического правления, выход ее за рамки традиционных представлений о демократии и автократии? Эти вопросы, все чаще всплывающие в политической практике XXI столетия, особенно актуальны для трансформирующейся России, где за годы реформации сложилась довольно устойчивая амбивалентная политическая система «мягкого авторитаризма». Существуют ли реальные шансы ее постепенной демократической эволюции в русле инновационной модернизации общества? Или Россия обречена находиться на периферии «большого переформатирования» глобального социума, во всяком случае, в политической сфере?

Богатый опыт политического развития разных стран и народов на протяжении тысячелетий убедительно показывает, что демократия – историчное понятие. В потоке всемирной истории демократия рождалась и умирала, переживала подъемы и падения, видоизменя-

лась и обрела новые оригинальные качества и формы. Начало XXI века для нее явно не лучшее время. Не умолкают голоса политических деятелей и теоретиков политологов о кризисе демократии, о ее несоответствии требованиям современности, неспособности противостоять наступлению авторитаризма и даже об исторической исчерпанности самого этого понятия. В политической футурологии зародилось специальное направление – «постдемократия». Один из представителей этого течения английский политолог Колин Крауч считает, что демократия улетучивается из политической жизни и превращается в чисто формальные ритуалы, контролируемые узким кругом правящей элиты; политический интеллект и политическая мудрость исчезают ввиду «быстро прогрессирующей неспособности современных граждан разобраться, в чем заключаются их интересы».¹

Не миновала общая тенденция недоверия к демократии и трансформирующуюся Россию. После бурного всплеска демократических настроений в годы перестройки, наступил «авторитарный откат» 1990–х годов, который не преодолен по сию пору, но и стал одним из главных истоков «путинской стабильности». В стране растет число людей, которые испытывают по отношению к демократии скепсис и разочарование. Об этом свидетельствуют данные исследований, проведенных Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Фондом имени Фридриха Эберта. Согласно этим данным, удельный вес демократических ценностей в общественном сознании россиян постепенно, но неуклонно падает. Если в 2001 году 51% респондентов соглашались с утверждением, что демократия очень важна для организации в обществе нормальной жизни, то в 2011 году их число снизилось до 44%, а численность несогласных увеличилась с 12% до 20% (36% затруднились определить свою позицию).²

Еще хуже показатели восприятия населением практических аспектов демократии: 71% процент опрошенных считает, что в делах страны ничего не зависит от простых граждан. В итоге практически

---

¹ Crouch C. Post-Democracy, Cambridge/UK, Polity Press, 2004, p. 28; См. Также: Hocking J., Lewis C., Counter-Terrorism and the Post-Democratic State, London, Edward Elgar, 2008.

² Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. /Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011, с. 184

половина населения страны (48%) – при 24% не определившихся – полагает, что Россию нельзя назвать демократической страной.¹

Можно утешиться тем, что Россия не одинока. Девальвация ценностей демократии происходит во всем мире. Конечно, у нас этот процесс накладывается на сложности и противоречия глубокой реформации традиционно авторитарного общества и потому носит особенно острый характер. Но факты свидетельствуют, что демократия сталкивается с вызовами и угрозами глобального масштаба. Внедрение инновационных технологий и электронные средства коммуникации дают властвующим элитам столь эффективные инструменты манипулирования людьми, что ставится под сомнение сама возможность самостоятельного участия граждан в политическом процессе. Разрушается общественная солидарность, способность общества влиять на политику; верх берут корпоративистские и авторитарные тенденции.

Под воздействием глобализации разворачиваются информационные, культурные, финансовые, миграционные, криминогенные потоки планетарного масштаба, которые ускользают из-под контроля национальных государств – исторических анклавов демократии.

Не лучшим образом обстоят дела и на мировой арене. Раскол мира на горстку богатых стран и обширную «зону бедности и застоя», симптомы конфликта цивилизаций, международный терроризм, возобновляющиеся витки гонки вооружений, ползучее распространение ядерного оружия, рецидивы силовой политики говорят о продолжающемся ослаблении нитей управляемости миром, о возрастании рисков крупномасштабных конфликтов. Ситуация, очевидно, не благоприятствует продвижению к демократическому мироустройству. Такое положение вещей негативно влияет на внутреннюю жизнь национальных государств, создавая почву для милитаризма, ксенофобии и авторитаризма.

Коренной вопрос демократии: как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нем способностей, с устройством социума, обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности. Еще Ж.-Ж. Руссо бился над решением задачи – как добиться такого уст-

---

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. /Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011, с. 185, 187.

ройства общества, при котором «каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде».¹

В сущности, это вопрос о соотношении *публичного* и *частного* в жизни общества. Он настолько важен, что его правомерно рассматривать в качестве основного вопроса философии политики, вокруг которого вращаются, как вся политическая практика, так и политическая наука.

Варианты решений «теоремы Руссо», предлагавшиеся до сих пор, не выглядят достаточно убедительными. Скорее всего, исчерпывающего решения вообще не существует. Не только потому, что полная гармония между свободой индивида и демократической организацией социума недостижима. Не менее важно и то обстоятельство, что оптимальные пути приближения к идеальному ответу разнятся на каждом конкретном этапе истории. Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, и ее нельзя решить по единожды выработанному трафарету. Как подчеркивал русский мыслитель правовед П.И. Новгородцев, демократия «не путь, а только распутье», она сама «создает проблемы» и «сама оказывается задачей»; поэтому, естественно, «осуществление демократической идеи всегда остается очень приблизительным и неточным».²

Какими могут быть способы доказательства «теоремы Руссо» для нашего времени, сказать трудно. В теоретических представлениях пока доминируют сомнения и неопределенность.³

Ни в одном сложном обществе управление общими делами не может быть уделом всех; оно требует высокой квалификации и профессионализма. Вместе с тем граждане объективно заинтересованы в том, чтобы участвовать в управлении, и вправе добиваться этого. Для решения этого противоречия демократическая практика выработала институт представительства. Граждане выбирают своих представителей в органы власти, передавая им полномочия по управлению общими делами. В этом заключается смысл так называемой «шумпетерианской модели» представительной демократии, которая до сих пор лежит в основе существующих демократических систем. Несмот-

¹ Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 207.

² Новгородцев П.И. Соч., М., 1995. С. 389, 400, 402.

³ См. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М., Институт социологии РАН, 2009., Раздел 3, С. 140–190.

ря на многие недостатки, эта модель долгое время более или менее эффективно работала, обеспечивая выявление народной воли в политике. Однако сегодня – все больше признаков глубокого кризиса института представительства. Правящие элиты выходят из-под контроля общества, но при этом сами оказываются в плотной сети тесных зависимостей от неподконтрольных им сил глобализации.

Для того чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо выйти за рамки представительной модели. Система правления должна покоиться на более широком основании – демократии как «образа жизни». Такое понимание было предложено американским философом Джоном Дьюи, который усматривал в демократии основополагающую «социальную идею»: «Ясное осознание совместной (communal) жизни во всех ее проявлениях составляет идею демократии».¹

И то же самое в более четкой формулировке: «Демократия есть нечто большее, чем форма правления; в первую очередь это способ ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленный совместный (conjoint) опыт».²

Превращаясь в «образ жизни», демократия проникает во все поры социума, становится «питательной средой» и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей. Политики, выполняющие властные функции по профессии или по призванию, находясь постоянно в этой «среде обитания», воспринимают через нее каждодневно, а не только на выборах, запросы, стремления, оценки и волю граждан (народа).

Для практического воплощения в жизнь эти вполне резонные представления о народовластии в современном сложном обществе, разумеется, нуждаются в качественных изменениях существующей политической культуры (часть того процесса, который обозначен в начале статьи как «большое переформатирование» социума). И в этом – то вся сложность проблемы. Такие процессы не происходят быстро. Требуется накопление политического опыта и длительная общественная рефлексия по его осмыслению и практическому освоению.

---

¹ Dewey J. The Public and its Problems. Athens, 1991 (reprint). P. 149.

² Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.Y., 1966. P. 87.

Однако в наше беспокойное время в разных концах света появляются признаки востребованности концепции демократии как «образа жизни». Идеи, высказанные Д. Дьюи почти столетие тому назад, получили новое звучание и теоретическое обоснование в фундаментальной книге известного английского политолога Джона Кина, посвященной истории и судьбе демократии.¹

Основная идея этой книги заключается в следующем. Родается новая форма демократии, которую автор называет «мониторинговой». Суть ее в том, что общество, простые граждане создают плотную сеть наблюдения и контроля над процессом принятия и осуществления властных решений. За последние полвека, отмечает политолог, общество изобрело и научилось применять около ста способов мониторинга и контроля власти (power-monitoring and power-controlling devices). Это – объединенные общественные комиссии, судебные акции, локальные суды, трибуналы на рабочем месте, консенсусные конференции, парламенты меньшинств, гражданские жюри и ассамблеи, общественные расследования, экспертные доклады, мозговые центры, блоги и другие новые формы медиа-мониторинга. Институты мониторинговой активности призваны вдохнуть новую жизнь в демократию, обуздать высокомерие власти, привить ей культуру скромности и толерантности.²

Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности общества нуждается в такой системе регулирования, которая соединяет принципы и практику управления общественными процессами с механизмами саморазвития, самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими в гуще самого социума. Общественная мысль нащупывает первые симптомы изменений в конфигурации управления/самоуправления социумом. Тема состоявшегося в июле 2012 года 22-го всемирного конгресса МАПН – «Реформатирование власти, сдвигающиеся границы» – поставила в центр происходивших дебатов назревшую потребность в расширении властного пространства за пределы государственных институтов, вовлечения в него структур гражданского общества, бизнеса и духовного творчества.³

¹ Keane J. The Life and Death of Democracy, W.W.Norton and Company, N.Y., London, 2009.

² Keane J. The Life and Death of Democracy. P. XXVI–XXVII.

³ В канун конгресса Президент Международной Ассоциации Политической науки Леонардо Морлино опубликовал книгу, посвященную рассматриваемой теме (Morlino L. Changes for Democracy: Actors, Structures,

При таком подходе ключевым звеном механизма демократии и формирования общего интереса и общей воли становится публичная сфера – постоянно действующий форум общенациональных дискуссий и обсуждений, арена совместной деятельности граждан, направленной на достижение общих целей. В публичной сфере артикулируется многообразие частных интересов и мнений, из сопоставления, согласования и сопряжения которых вырастают общие интересы и цели, определяющие содержание публичной политики.

Эту разветвленную и вместе с тем целостную систему коммуникативных связей можно трактовать как зарождение по преимуществу сетевой системы политических взаимодействий. Не служит ли это симптомом исчерпания традиционной демократии, ее качественной модификации? Изменения настолько глубоки, что порой, как уже отмечалось, возникают сомнения в самой способности демократии к выживанию. Естественно, возникает вопрос, не назревает ли смена парадигмы политического правления? Не нарождается ли в быстро развивающемся социуме какой-то иной тип политического правления, своего рода «неократия», который кардинально отличается от давно сложившихся привычных представлений об институтах, нормах, структурах демократии и автократии?

Возможно, в в этом необычном феномене в каком-то смысле возрождается пока еще слабо укорененная практика прямой демократии, прямого влияния постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политическое правление погружено в широкий контекст публичной рефлексии.

Насколько эти поиски актуальны для российского общества? После двадцати пяти лет изломов, перипетий и зигзагов реформации, чередования этапов романтических надежд и горьких разочарований становится все более очевидным, что демократический проект общественного устройства для России возможен только как органический сплав идеалов демократии с реалиями российской истории и нынешней общественной практики.

В моменты крутых исторических поворотов – а Россия, несомненно, переживает такой поворот – политикам, оказавшимся на гребне волны, нередко кажется, что все возможно. Надо только раз-

работать идеальный проект преобразований и проявить волю к его реализации. Возникает видимость того, что на руинах старорежимных институтов и ритуалов, решительными действиями участников процесса формируются совсем иные институты и ритуалы. Однако вскоре обнаруживается громадная сила исторической инерции. Кажется, канувшие в лету стереотипы политической культуры, институциональные структуры и социальные практики, вновь прорастают сквозь оболочку демократических нововведений. После демократического «прорыва» советской перестройки в начале 1990-х годов, к власти пришли радикал либералы, которые попытались имитировать западную модель демократии. Эксперимент, как известно, не удался, дискредитировав и либерализм, и саму идею демократии. Едва возникнув, демократические институты оказались заложниками государственно-бюрократических, олигархических, криминальных структур.

Логическим следствием разрушительных процессов 1990-х годов и своего рода императивным ответом на происшедший тогда подрыв государственности и потерю управляемости страной в России сложился властный режим, представляющий собой разновидность «мягкого авторитаризма». Описывая этот феномен, западные политологи отмечают, что для него характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой деятельности для граждан, которые не ставят под сомнение монополию власти на принятие политических решений.¹

Модель «мягкого авторитаризма» внутренне противоречива, она способна как постепенно демократизироваться, так и перерасти в более «жесткий авторитаризм». Эта неустойчивая модель и очерчивает тот коридор возможностей, по которому движется российское общество. Вероятность становления в России модели «жесткого авторитаризма» сталинистского типа представляется сегодня не очень высокой: уж слишком она расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, уже ощутивших вкус свободы и самостоятельности. Авторитарный дрейф России наталкиваются сегодня на целый ряд серьезных препятствий: отсутствие у режима монополии на информацию, необходимость создания относительно

---

¹ Darendorf R. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? – The Responsive Community, 1995, vol. 5, № 3; Bell D. A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore. – Political Theory, 1997, vol. 25, № 1.

свободной атмосферы для инновационной модернизации страны, активизация очагов общественной рефлексии в публичной сфере, противодействие со стороны демократической общественности на международном уровне и другие.

О противодействии авторитарным устремлениям режима свидетельствует рост протестных настроений в стране. Всплеск уличных протестов в период парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. основательно встряхнул политическую жизнь страны. Поначалу могло показаться, что дан старт массовому демократическому движению. Уличный протест по преимуществу выражал требования отнюдь не экономического характера. На первый план вышли отношения власти с обществом. Это говорит о быстро нарастающем стремлении вернуть в больной социум принципы гуманизма, превратить их в оплот демократического возрождения России. Протест выразил потребность в реформе политической системы, которая в ее нынешнем состоянии блокирует демократизацию общества. Кому-то даже показалось, что произошла та самая общенациональная «встряска», которая делает политические реформы неотвратимыми.

Но что-то помешало перейти Рубикон и вступить на территорию глубоких демократических преобразований авторитарной политической системы. Общество предстало расколотым: сторонников больших перемен – меньшинство, большинство же придерживается конформистских взглядов: многим недовольно, но считает, что стабильность все же лучше перемен. Эта позиция объясняется разными причинами: опасением любых реформ, которые по собственному опыту видятся как знак приближающейся беды, отсутствием ясной альтернативы авторитарному режиму, инертностью общественного сознания, приверженностью традициям авторитарной политической культуры. Этому же благоприятствует синдром «рентного пирога», от которого, хотя далеко не в равной мере, получают все слои общества.

Перипетии политического развития российского общества показывают, что Россия не может одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Но она испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся гражданскую тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. Важно, чтобы эта цель не потускнела в «рентном зазеркалье», а стала предметом повседневной мирной борьбы – длительной, настойчивой, целеустремленной, терпеливой, сопряженной с гуманистическим просветительством.

Выбор направления движения от «мягкого авторитаризма» далеко не предопределен и будет осуществляться в остром противоборстве разнонаправленных тенденций и стоящих за ними общественных сил.

И все же при взвешивании аргументов *pro* и *contra* можно заключить, что шансы на постепенный переход от «мягкого авторитаризма» к более демократичному режиму сохраняются, хотя вряд ли можно рассчитывать на быстрые темпы. Этот вывод основывается на том, что намерения и действия верховной власти, олицетворяющей авторитарный режим, определяются не только логикой групповых интересов наиболее мощных слоев правящей элиты, но и давлением объективных обстоятельств, нередко вынуждающим власть вступать в противоречие с этой логикой.

В России все больше симптомов своеобразной «реформационной ситуации», когда в условиях объективно назревшей модернизация всей общественной системы властная элита не способна управлять по-старому. А прессинг на нее увеличивается, потому что альтернатива инновационному обновлению – начавшиеся процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падения трудовой этики, роста жестокости и отчуждения, депопуляции обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту к поиску более эластичных институциональных механизмов и способов политического правления взамен утрачивающих эффективность структур административно-властной вертикали. Первый тревожный звонок прозвучал с наступлением экономического кризиса. С того момента сигналы неблагополучия умножаются и становятся громче. Под давлением невозможности справиться привычными методами с лавиной вызовов авторитарный режим проявляет черты нервозности и политической растерянности.

Наряду с усиливающимся прессингом пробуждающегося гражданского общества, растет и внутри-элитное давление: между кланами правящей элиты и внутри кланов возникают очаги разногласий и узлы противоречий, смягчающих позицию режима по отношению к демократическим реформам. Как отмечает профессор Кентского университета Адриан Пабст, правящий режим в России,

«возможно, не настолько статичный или монолитный, как считают некоторые. Все это вкупе с различиями взглядов и идеологий можно считать предвестником демократического ренессанса и системной трансформации в рамках существующего конституционного порядка».¹

В политической системе образуются трещины, расширяющие публичную сферу, арену общественной рефлексии вокруг проблем развития российского социума. Эти пока едва наметившиеся тенденции – слабый проблеск возможности постепенной демократической эволюции системы, поэтапной консолидации политической оппозиции и появления новых демократических альтернатив, способных в той или иной мере ослабить авторитарную направленность государственной политики. Между Сциллой окаменелого застоя и Харибдой неуправляемого хаоса пролегает полная опасностей узкая тропа надежды на постепенную демократизацию российского общества.

Практика российской реформации доказывает, что либеральный принцип частной инициативы и предприимчивости нуждается в эффективном противовесе – коммунитарном принципе общего блага, социальной справедливости и общественной солидарности. Острая потребность в сбалансированном сочетании частных и публичных начал ощущается сегодня не только в трансформирующемся российском обществе, но и во всех странах, в том числе в развитых либеральных демократиях. Быстрый рост удельного веса социального капитала в современном инновационном развитии обнаруживает исторические границы либеральной модели общественного устройства. По словам испанского социолога М.Кастельса, интересы, ценности, институты, системы представлений, базирующиеся на либеральных принципах, «ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационной технологии и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающей конфронтации».²

Начавшийся переход человеческого социума к инновационному типу развития создает потребность в такой модели политического устройства, которая способна раскрыть гигантский потенциал «коллективной креативности». Эта нарастающая потребность стихийно

---

¹ «Третий путь» Дмитрия Медведева. Россия в глобальной политике. 2010. №5.

² Кастельс М. 2000. Информационная эпоха. М., стр. 513.

прорвалась в современных социально–политических движениях, которые не только провозглашают своей целью, но и через систему сетевых связей добиваются реального участия граждан в политическом процессе. Не случайно логика пробуждения «коллективной креативности» привела М. Кастельса к написанию новой книги «Сети гнева и надежды: социально–политические движения в эпоху интернета».¹ В ней показан «дефицит демократии» в современном обществе, где 2/3 населения не доверяет «избранным» представителям во власти. Эта «мнимая демократия», полагает автор, отторгается социальными сетями рефлексирующих граждан.²

Современные протестные движения ведут поиск новых форм народовластия, свободных от препон и рогаток закоренившихся политических систем и вместе с тем доступных всем гражданам. С выходом «коллективной креативности» в публичную политику «политический класс» уже не может быть особой кастой. Политическая система должна становиться все более открытой.³

Жажда «общих дел» (*res publica*) пронизывает систему сетевых связей и вырастающих из них социально–политических движений. За три последних десятилетия доминирования неолиберализма в экономике и политике «публичное» всячески изгонялось из общественной жизни. По словам американского историка эссеиста Тони Джадта, это привело к «коррозии публичного пространства», к усилению правового произвола и подмене норм демократии и гуманизма «законами джунглей».⁴

Провал политики вульгарного либерализма вновь выдвинул в повестку дня проблему приоритета «публичного» над «частным». Это проявляется в несомненном росте интереса к социалистической идее. Данные опросов Института социологии РАН показывают, что за 20 лет в пореформенном российском обществе число сторонников социалистических идеалов и ценностей удвоилось (с 10 до 21%), в то

---

¹ Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Cambridge, California: Polity Press, 2012.

² Кастельс М. Интервью РИА Новости. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://www.ria.ru/interview/20120622/679289114.html>

³ Кастельс М. О неизбежности новой демократии. Интервью радио Свобода. 20.06.2012. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://www.svobodanews.ru/content/article/24620450.html>

⁴ Judt T. *III Fares the Land. A Treatise On Our Present Discontents*, L., Penguin Books, 2011. P.129.

время как число приверженцев либеральной идеи приоритета индивидуальных интересов над интересами государственными застыло на уровне 6–8%.¹

Это проявляется и в стремлении осмыслить теорию и практику республиканизма в качестве возможной альтернативы либерализму.²

Теоретическая мысль, анализируя опыт экономического и социокультурного развития глобализирующегося мира, ведет поиск современных форм политического управления/самоуправления (современной демократии) на основе все более глубокого понимания приоритетности публичных интересов и публичной политики по отношению к частным интересам и корпоративной политике.

Перед российской властью в этих условиях встает дилемма: продолжать ли либеральные реформы в социальной сфере прежними методами, или перейти к социальной политике, отвечающей требованиям современности, т.е. уравнивающей публичные и частные начала. Нарушение разумных пропорций формулы равенства/неравенства в пользу тех, у кого богатство и власть, явно отторгается обществом. Демократическое развитие по современным критериям требует изменить вектор социальной политики. Необходим поворот к устранению застойного дисбаланса в распределении богатства и власти, к приоритету публичных начал перед частными и корпоративными, к ограничению роста социального неравенства. Для осуществления этих изменений сама властная система должна демократизироваться.

Вопрос настолько назрел, что сама власть вынуждена ставить его в повестку дня выдвигаемых ею программных требований. В предвыборной статье В.Путина «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить» признается, что стабильность общества предполагает «открытость к переменам и готовность к незрелым, продуманным и просчитанным реформам».³

На встрече с политологами в рамках мирового политического форума 2010 года в Ярославле тогдашний президент РФ Д. Медведев говорил о демократизации политической системы в России как неотъемлемой составной части модернизации российского общества.

---

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян, с. 146

² См. Хархордин О. Что такое республиканская традиция? 2007. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://polit.ru/article/2007/12/27/respublica/>

³ Известия. 16 января 2012.

Достаточно обоснованными кажутся доводы об осторожном и поэтапном (step by step) характере изменений в политической сфере во избежание нарушения достигнутого хрупкого равновесия при наличии огромного числа серьезных вызовов. «Конечно, можно ускориться, но тогда в условиях России велик риск того, что наш транспорт, наш автомобиль может занести, как это иногда бывало в нашей истории, и часть людей окажутся отброшенными, просто выброшенными в другом направлении. Все-таки здесь лучше ехать в более спокойном темпе».¹

Идеи постепенной демократизации властной системы в России довольно подробно излагаются в другой предвыборной статье В.В. Путина «Демократия и качество государства».²

Настораживает только одно: провозглашаемые властью поэтапные изменения политической системы настолько осторожны, что напоминают больше имитацию изменений. Во всяком случае, эти «шаги» никак не соответствуют размаху и целям программы инновационной модернизации российского общества. Они не пробуждают (а в последнее время даже препятствуют этому) великую энергию, необходимую для достижения великих целей. В результате программа модернизации общества повисает в воздухе, и в практической повестке дня остается лишь «анклавная модернизация», весьма напоминающая искусственное выращивание заморскими специалистами экзотического цветка в специально сооруженном для этого парниковом инкубаторе.

Инновационная модернизация экономики и общества может успешно разворачиваться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, где власть монопольно распоряжается «рентным пирогом», а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе, пусть «пошаговых», но реальных демократических реформ политической системы. Если этого нет, то у модернизаторов будет постоянно возникать искушение совершить «инновационный прорыв» авторитарно-мобилизационным способом. По сути дела речь идет о выборе направления движения в нынешнем коридоре возможностей: пойдет ли оно вспять, к ужесточению авто-

¹ Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами в рамках мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», Ярославль, 10 сентября 2010 года. Электронный ресурс. [Режим доступа] – <http://news.kremlin.ru/news/8882>

² Коммерсант, 6 февраля 2012.

ритаризма, чреватому очередным застоєм и утратой шансов на прорыв к постиндустриализму, или вперед – к инновационному типу развития и демократии как образу жизни.

* * *

Нельзя с уверенностью сказать, какой будет демократия в XXI веке и в более далекой перспективе. Произойдет ли конвергенция политических типов и форм власти, или они диверсифицируются в многомерном «мире миров»? Адаптируется ли демократия к реалиям меняющегося социума, открыв простор для инновационной модернизации, или осуществится смена парадигмы политического правления? Ответы на эти вопросы даст только будущее, но мы способны влиять на него в поисках оптимального варианта сохранения лучших демократических традиций публичной политики.

Б.Б. Славин

Электронная демократия и человек

Введение

Развитие социальных систем управления во многом обусловлено совершенствованием коммуникационной среды. В животном мире даже наиболее высокоразвитые и «социализированные» виды ограничены сообществами (стадо, семья, колония и т.п.), населяющими лишь небольшую территорию. Эти ограничения связаны с низким уровнем развития коммуникаций членов таких сообществ, когда все их действия должны быть обозримы в прямом смысле этого слова и могут управляться лишь в рамках простой иерархии, поддерживаемой властью силы вожака и врожденными инстинктами организованности. Человечество существенно расширило географические масштабы формирования социальных групп, сначала в рамках кооперации племен, а затем и в виде их территориальных объединений – государств. Основой глобального объединения человеческого рода как раз и выступила информация, возможность ее передачи на дальние расстояния и сохранения в овеществленном и доступном как для соплеменников, так и для потомков виде. Информация создала новую коммуникационную среду, в которой стало возможным управлять членами сообщества на больших территориях, создавая сложные и глобальные системы управления людьми.

Развитие коммуникаций определяло и развитие форм власти: от жесткого подавления человека человеком к всеобщей демократизации управления и защите свобод личности. Яркой иллюстрацией системы социального управления, построенной исключительно на подавлении, можно считать раннюю стадию рабовладельческого строя, когда рабы даже не являлись товаром (что станет проявлением следующей, более поздней и развитой стадии развития общества), а лишь предметом владения. Постепенно с развитием коммуникационной среды принуждение заменяется более тонкой мотивацией, необходимой для управления сообществами: социальное признание, дополнительные блага и роскошь, возможности самовыражения и т.д. Как раз рожденная в эпоху раннего рабовладения дифференциация товаров и услуг «для господ и холопов» на тысячелетия станет стимулом для человека бороться за «лучшее» место в социальной ие-

рархии. Мотивационные схемы – это не что иное, как вовлечение в управление экономикой государства большего числа людей, использование их не только как физической рабочей силы, но и как мыслящих существ. Как раз за счет увеличения массовости включения людей в управление обществом передовые государства получали преимущество в развитии перед соседями, сохранявшими рабовладельческие системы управления.

Пожалуй, самой важной вехой развития систем самоуправления обществом стала демократия: форма власти, при которой период правления верховного лидера (лидеров) в иерархии ограничен и обусловлен экспертной оценкой качества руководства со стороны рядовых граждан. Такая корректировка организации управления обществом существенно повысила эффективность всей системы, дав демократическим государствам конкурентное преимущество перед иными формами правления. Говоря о демократии, чаще всего упоминают ее гуманитарный характер, как более справедливой формы организации власти. Но для истории это не является аргументом. На самом деле демократические государства выигрывают за счет расширения коллективной экспертизы, качество которой в среднем всегда выше экспертизы любого гениального человека. «Что важнее, если вы сократите численность тех, кто принимает решения, вы также сократите вероятность, что окончательный ответ будет правильным» – писал автор книги «Мудрость толпы»¹ (стр. 256). Демократизация власти также стала возможной благодаря достижениям в развитии коммуникаций: формированию средств массовой информации и организации масштабных голосований граждан.

Демократия в информационном обществе

«Информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти» – это определение взято из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации (от 7 февраля 2008 г.). К сожалению, это определение скорее дезориентирует, чем позволяет понять, что собой представляет новое общество. «Высокий уровень развития» и «интенсивное использование» – это количественные, а не качественные характеристики. Фрэнк Уэб-

---

¹ Шуровьески Д. Мудрость толпы. М.: ИД Вильямс, 2007. 304 с.

стер в своей знаменитой книге «Теории информационного общества» так писал на эту тему: «Дело в том, что количественные параметры – просто больше информации – сами по себе не могут означать разрыва с предыдущими системами, хотя, по крайней мере, теоретически возможно рассматривать небольшие, но решающие количественные изменения как системный слом. В конце концов, сейчас у нас намного больше автомобилей, чем в 1970г., но никто же не пытается определить нас как “автомобильное общество”»¹ (стр. 32).

Информационное общество – это форма социальной организации людей, в которой каждый гражданин имеет полный доступ, как к получению, так и к передаче информации. Технологии в таком обществе играют лишь вспомогательную роль: невозможно обеспечить полномасштабный и защищенный от противоправных действий доступ всего населения к накопленным обществом знаниям без соответствующего инструментария. Нетрудно понять, что общество «свободной информации» нельзя создать ни за 10, ни за 20 лет, оно требует существенной перестройки всей социальной жизни. Также как транспортные проблемы в городе провоцируют появление машин со спецсигналами, так и с информацией – в эпоху низких коммуникационных возможностей она является предметом с ограниченным доступом. С расширением и удешевлением линий связи (с учетом увеличения числа дешевающей вычислительной техники), как и в городе, где нет ограничения автомобильному движению, информационный обмен становится доступным для всех. Граждане объединяются уже не по признаку географической близости, а согласно общности их интересов, взглядов, профессиональной деятельности. Формируется совершенно новая социальная структура, для которой ни национальные границы, ни ограничения, созданные властью, уже не являются обязательными. Хочется это кому-либо или нет, но в условиях новых коммуникационных возможностей придется предоставить населению гораздо больший доступ к управлению государственными и международными институтами всех уровней. Такая тенденция развития современного общества получила название e-Democracy².

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Под ред. Вартаковой Е.Л. / перев. М.В. Арапов Н.В. Малыхина. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

² Blumler J., Coleman S. Realising Democracy Online: A Civic Commons in Cyberspace // IPPR / Citizens Online Research Publications, No 2. March 2001. 26 с.

Понятие *e-Democracy* гораздо шире, чем просто автоматизация государственной системы самоуправления. Оно включает в себя процесс тотального вовлечения общества в управление территориями, бизнесом, государством и межгосударственными связями через использование современных средств автоматизации и коммуникаций. Этот процесс может происходить стихийно, когда, например, пользователи социальных сетей выискивают недостатки в области государственного управления и «заставляют» реагировать на них властные структуры. Циники считают, что через дискуссии в Интернет «сравливаются» напряжение в обществе: выпускается «пар» в виртуальную сеть, что не дает выплеснуться эмоциям на улицу. Но это большое заблуждение. Также как людям, получившим свободу слова и передвижения, все время этой свободы не хватает, так и в области участия в управлении государством возможен только один путь – расширение такого участия. И задача государства заключается в том, чтобы такое расширение сделать поступательным и эффективным.

Мануэль Кастельс еще в 2004 году писал: «Если власть не перестанет бояться своего народа, а значит, и Интернета, общество вновь вернется на баррикады для защиты свободы, что станет демонстрацией удивительной исторической преемственности»¹ (стр. 217). Современные коммуникационные возможности позволяют предоставить возможность управления государством всем его гражданам, но делать это надо разумно. На сегодняшний день в России интернетовское сообщество, которое обращает на себя внимание со стороны руководства страны, в основном состоит из молодежи, и вряд ли репрезентативно и обладает в достаточной мере экспертными знаниями. Необходимо развивать профессиональные социальные сети, вовлекая в них все взрослое население России, и в первую очередь высококвалифицированных людей. «Зеленая» сетевая молодежь легко выявит на сайте госзаказа чрезмерную стоимость закупаемого государственным учреждением автомобиля или раскроет очередную потемкинскую деревню, построенную чиновниками. Но блоггеры не смогут оценить стоимость сложного проекта и дать предложения по доработке законодательства. Необходимо сочетание гражданской активности и профессиональной деятельности.

---

¹ Кастельс М. Галактика Интернет. У-Фактория, 2004. 328 с.

Электронная демократия и электронный гражданин

В рекомендациях Совета Европы¹ записаны условия, необходимые для внедрения электронной демократии, которые по сути своей являются требованиями к развитию самой демократии (стр. 6). Среди таких условий *активное предоставление полной и объективной информации* (свобода информации и свободы слова); *широкое понимание гражданства* (охватывающее всех, независимо от их национальности, постоянно проживающих и интегрированных в политические организации людей); *участие граждан* в деятельности групп по интересам, корпорациях, объединениях и некоммерческих организациях; расширение прав и возможностей, включая предоставление ресурсов для их реализации. И, наконец, последними двумя важными условиями успешности внедрения e-Democracy, требующими использования электронных средств (знания, электронные навыки, электронные технологии), являются *вовлечение* в общественные и государственные процессы и *обсуждения* (публичные дискуссии, критика точек зрения друг друга, совместный поиск мер, необходимых для решения проблем). Именно вовлеченность и дискуссионность с использованием коммуникационных возможностей формируют эффективное коллективное мышление.

Организация объединенных наций не случайно в расчетах рейтингов достижений стран в области e-Government усилила вес требований, связанных с вовлеченностью граждан в систему управления государством через современные электронные средства коммуникаций. e-Democracy – столбовая дорога движения к информационному обществу. Электронная демократия охватывает все стороны деятельности государства: «включает в себя, в частности, электронный парламент, электронное законодательство, электронное правосудие, электронное посредничество, электронную среду, электронные выборы, электронный референдум, электронные инициативы, электронное голосование, электронные консультации, электронные ходатайства, электронную агитацию, электронные опросы и электронные обзоры. Электронная демократия использует такие формы, как электронное участие, электронные дискуссии и электронные форумы» («E-democracy encompasses, in particular, e-parliament, e-legislation, e-justice, e-mediation, e-environment, e-election, e-

---

¹ Recommendation of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy). Council of Europe, 2009. 19 с.

referendum, e-initiative, e-voting, e-consultation, e-petitioning, e-campaigning, e-polling and e-surveying; it makes use of e-participation, e-deliberation and e-forums» – там же, стр. 7). К сожалению, в России концепция e-Democracy, вовлечения граждан в управление страной через консультации, экспертизу и участие в работе, пока еще не прижилась, поскольку требует не просто решений правительства или президента, а кропотливой работы всех властных структур от муниципалитетов до министерств и ведомств по созданию системы взаимодействия с гражданами. Пока даже уровень предоставляемых государством услуг в электронном виде крайне низок, а что уж говорить о возможности совместной работы с населением.

Демократия невозможна без человека, а электронная демократия требует и соответствующего развития личности, e-citizen. Кто он – e-citizen, что должен уметь делать, чем он отличается от обычного гражданина? Было бы наивно считать, что e-citizen – это человек, умеющий пользоваться различными коммуникационными гаджетами, имеющий аккаунты в социальных сетях и ведущий в них активную переписку на слэнге блоггерских сообществ. «Электронный» гражданин – это, прежде всего, профессионал, работающий на производстве, в сельском хозяйстве или в сфере услуг, который активно использует в своей деятельности информационные ресурсы интернета и корпоративных сетей, последние достижения в области коммуникаций, современные бизнес приложения и офисные продукты. Именно использование ИКТ в своей профессиональной работе отличает e-citizen, как от их «дремучих» сограждан, которые не умеют пользоваться компьютерами, так и от соотечественников, которые используют социальные сети и гаджеты лишь для развлечения. Безусловно, e-citizen использует и все возможности электронных услуг для организации своей личной жизни: заказывает билеты на самолет и в театр посредством сети, покупает товары в интернет-магазинах, использует в переписке электронную почту, состоит в различных сетевых сообществах, объединяясь с такими же e-citizens, близкими по профессии, интересам и общим идеям.

Существенную роль в становлении нового общества должно сыграть образование. Оно уже не может быть ограничено только школьным и вузовским образованием. Даже дополнительного бизнес образования уже недостаточно для того, чтобы быть современным. Человеку информационного общества необходимо учиться непрерывно, в рамках курсов повышения квалификации, на семинарах и

симпозиумах, с использованием средств дистанционного и интерактивного обучения. Образование является структурирующей основой формирования «умного» сообщества граждан (Intelligent Community) на всех уровнях: муниципальном, региональном, федеральном и международном. Во Всемирном докладе Юнеско от 2005 года «К обществам знаний» можно прочесть: «Не сосредотачиваясь впредь только на работе традиционных образовательных учреждений (парадигма, в центре которой стоит преподавание), а принимая во все большее внимание способы обучения отдельных лиц и целых сообществ (парадигма, в центре которой стоит усвоение знаний), мы неизбежно увидим, как множатся места и учреждения, претендующие на легитимность своих форм передачи знаний. Вот почему одним из важных аспектов образования на протяжении всей жизни является необходимость социального признания непрерывного обучения как такового»¹ (стр. 82). Ниже мы рассмотрим изменения, которые претерпевает образование в информационном обществе более подробно.

Но, наверное, самой главной характеристикой электронного гражданина (e-Citizen) является его активное участие в жизни общества, использование накопленного им знания и умение мыслить на благо человечества. Новые коммуникационные возможности удовлетворяют потребность человека в обмене информацией, причем эта потребность не связана с коммерческой деятельностью. Глобальный проект создания мировой энциклопедии Wikipedia поддерживается тысячами энтузиастов по всему миру, люди бесплатно оцифровывают и выкладывают в сеть книги, статьи, художественные произведения, музыку. В интернет попадает большое число секретных документов, и тоже не ради (точнее – не всегда ради) корыстных интересов. За счет информационных возможностей радио, телевидения и интернета существенно возросла благотворительность, помощь нуждающимся со стороны волонтеров. Люди стали осознавать себя единым целым со всем человечеством, частью одного организма, объединенного информационными системами. Циничная философия эгоизма, объясняющая всю мотивацию деятельности человека исключительно удовлетворением его личных потребностей, становится бессильной перед объяснением современных процессов новой социализации людей.

---

¹ Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знаний. Париж: Юнеско, 2005. 240 с.

Роль экспертных сообществ в самоуправлении

Информационное общество, налаживая коммуникации между людьми, разрушает все границы и табу, будь то государственные секреты, рыночные ограничения или общественные предрассудки. Электронная демократия создается как в государстве, так и в бизнесе, одновременно с формированием информационного общества и зарождением общества знаний. Цивилизация вырвала человека из непосредственных отношений, ограниченных только сородичами. В первобытном состоянии человек был неотъемлемой частью общины, а скудная информация была доступна всем и каждому. С быстрым приобретением знаний и при дефиците коммуникаций информация отчуждалась от всего общества и становилась предметом частной собственности, люди управлялись либо прямой силой (в начале развития цивилизации), либо за счет рыночных механизмов. Однако рост коммуникаций начал разрушать ограничения на информацию, системы управления общества стали строиться на вовлечении в них людей и их сознательном участии в общественном труде. Человек как бы вновь возвращается к непосредственным общественным отношениям за счет масштабного развития коммуникаций. Это глобальный социальный процесс, в центре которого находится Человек с большой буквы, и даже не e-Citizen, а интеллеktуал, член сетевого экспертного сообщества (*Expert Network*), элемент *коллективно-го разума*. Говоря об электронной демократии, мы говорим именно о таком коллективном человеке.

Сами по себе web технологии не увеличивают уровень демократичности. Мэтью Хиндман провел масштабное исследование многочисленных ресурсов сети Интернет и показал, что сетевые публикации соответствуют эгалитарным стандартам в еще меньшей степени, чем обычные средства массовой информации: «С точки зрения массовой политики, надо думать не о тех, кто публикует в сети, а о тех, кто читает – существует множество формальных и неформальных барьеров, которые препятствуют возможности рядовых граждан донести свое мнение до широкой аудитории. Большинство онлайн-контента не получает распространение, не “привлекает глаз”, и поэтому имеет минимальную политическую значимость» («From the perspective of mass politics, we care most not about who posts but about who gets read—and there are plenty of formal and informal barriers that hinder ordinary citizens' ability to reach an audience. Most online content receives no links, attracts no eyeballs, and has minimal political rele-

vance»¹, стр. 18). Серьезные вопросы государственной политики, вопросы законодательства, внедрения крупных и сложных национальных проектов должны решать не пользователи социальных сетей (голос которых не обязательно подкрепляется знанием), а экспертные сообщества (Expert Networks). Деятельность таких экспертных сообществ не может быть ограничена кабинетами и даже конференц-залами ведомств, как это было раньше. Экспертные сети должны объединить тысячи профессионалов и стать прозрачными в работе для всего общества, функционировать в доступной всем коммуникационной среде.

Ни массовое использование ИКТ гражданами, ни высокие показатели информационной технологичности общества, ни вовлеченность населения в управление не являются достаточным условием для реализации всех возможностей цифровой эпохи. На примере развития социальных сетей можно увидеть, что свободные коммуникации и «сетевые» волеизъявления подчас подавляют разумные, но не эффективные внешне предложения и инициативы. Профессионализм «выталкивается» из области массовых дискуссий, обмен мнениями часто сводится к безрезультативным перепалкам, а активность и энтузиазм простых граждан используется либо политиками, либо коммерсантами в своих корыстных целях. Выходом из этой ситуации является развитие экспертных сетей, которые бы объединяли профессионалов, позволяли бы им общаться, обмениваться информацией. Использование таких сетей в экономике и в управлении государством как раз и является обществом знаний или обществом экспертных сетей (Expert Networks Society). Необходимо не только приобщать людей к самоуправлению, но и выстраивать отношения между ними таким образом, чтобы их активность не гасила, а дополняла и умножала активность других. Создание инструментов такой социализации позволит превратить граждан из населения, из толпы (crowd) в коллективный разум (noos), скрепленный современными информационными технологиями.

Заключение

Одним из самых плодовитых мечтателей, или футурологов, в части предсказания нашего информационного завтра, навер-

---

¹ Hindman M. The Myth of Digital Democracy. Princeton University Press, 2009. 182 с.

ное, можно считать Элвина Тоффлера. Более того, иногда он в своем творчестве «объединяется» с женой, тоже футурологом, создавая солидные по объему энциклопедии будущего. В книге «Революционное богатство» супруги Тоффлеры пишут: «В обозримом будущем с помощью нейронауки, кибернетики и манипуляции медиа мы создадим новый, более реальный сенсорный, чувственный и иной виртуальный опыт. Мы будем моделировать будущие события (личные и другие) в цифровом мире еще до того, как они возникнут “вживую”. Мы сможем общаться — виртуально или лично — с людьми во всех концах планеты»¹ (стр. 557). Тоффлеры аккуратны в предсказаниях. Согласно их прогнозам, появятся новые возможности, но и старые проблемы останутся: «Никто... не обещает Утопии. Нынешняя революция не положит конец войнам, терроризму и болезням. Она не гарантирует идеального экологического баланса» (там же).

Аналогичного мнения, что ничего принципиально нового не произойдет, хотя и возникнут новые формы «старого», придерживаются и шведские футурологи Бард и Зодерквист. Впрочем, их прогноз выглядит гораздо мрачнее по сравнению с тоффлеровским. По мнению авторов «Нетократии» сетевые сообщества будут брать власть в свои руки, снижая роль государства и иерархий вообще, девальвируя демократические ценности и уменьшая роль средств массовой информации. Террористическую атаку 11 сентября 2001 года в США Бард и Зодерквист считают символическим началом нового информационного века, в котором даже небольшие экстремистские сети смогут бросать вызов крупнейшим государствам. Сетевые сообщества станут субъектами политики, но при этом они не будут объединены в иерархии. Общество же по-прежнему будет оставаться классовым, разделенным на угнетенных и угнетателей: «В связи с тем, что капиталистический способ производства больше не будет являться доминирующим, необходимо ожидать появления и развития нового низшего класса. Вместо ранее существовавшего пролетариата рождается новый “потребительский” класс — консьюмтариат»² (стр. 7). Современные обыватели должны содрогнуться от таких фантазий, причем не столько от самой перспективы, сколько от того, что они

¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 569 с.

² Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005.

будут причислены к угнетаемому классу, причем угнетаемому исключительно – через рабство перед вещами.

Потребительская идеология действительно усилилась в постиндустриальную эру. Многие экономисты считают стимулирование потребления даже одним из средств борьбы с экономическим кризисом, забывая, что создание фиктивных потребностей снижает устойчивость экономики и приводит к появлению целых отраслей, рискующих лопнуть в любой момент как «мыльный пузырь». Потребительское мышление связано с усилением доли манипуляций в общей стоимости товаров и услуг. Современные люди стали заложниками промывки мозгов, и уделяют «вещной» стороне практически все свое время, подчиняя жизнь исключительно росту карьеры и зарабатыванию денег. Но манипуляция, подобно любой болезни, формирует иммунитет в обществе, и в результате через свое отрицание создает более доверительную среду коммуникаций. Манипуляция и идеология потребления будут изживаться в условиях освобождения информации. Андрей Коротков писал: «Общество “вещного” потребления лишено исторической перспективы. Главным товаром станут знания, информация и технологии, а безопасность их создания, хранения и передачи – одним из краеугольных камней нового общества»¹ (стр. 436).

На наш взгляд, информационная эпоха кардинально изменит человечество. И это не просто оптимизм, а анализ трендов развития информационных отношений. Мы живем в уникальное время, когда заканчивается история разделения людей и ограничения их доступа к информации. Впервые коммуникационная природа человека получила прямую «поддержку» со стороны современных средств связи и сетевых вычислительных технологий. Люди получили возможность знакомиться и общаться друг с другом независимо от их места жительства, возраста или социального положения. Более того, такое общение практически на 100% становится информационным: люди могут не встречаться лично, но при этом участвовать в общем проекте, создавать сообщества или работать в рамках одного предприятия. Пройдет не так много времени, и личное присутствие сможет быть симитировано средствами передачи видеоизображений абсолютно правдоподобно. Фактически технологии коммуникаций исключили из социального пространства географические барьеры между людьми, дав им возможность, если они этого захотят, стать единым целым.

---

¹ Коротков А. Послесловие к матрице. М.: МГИМО–Университет, 2009. 438 с.

А.В. Бузгалин

**От альтерглобализма к «Оккупируй!»
и сетевым революциям¹**

На протяжении практически всей своей научной и практической деятельности автор обращался и обращается к поиску альтернатив глобальной гегемонии капитала. Поэтому данный текст будет своего рода *summa summarum* предшествующих исследований и публикаций, раскрывающем противоречия и перспективы социально-политической борьбы последнего десятилетия, символами которого стали альтерглобализм и продолжающее, развивающее его принципы движение «Окупай!», новые радикальные политические выступления в арабском мире и в Греции, массовые демонстрации в нашей стране – эти едва ли не наиболее заметные социальные альтернативы первых 10–12 лет XXI века – периода, во многом переломного, ставшего годами поисков и надежд, локальных побед и временных отступлений...

Заметим: альтерглобалистское движение родилось как бы внезапно² и быстро стало популярным в мире. О нем и продолжающих его инициативах и акциях второго десятилетия этого века пишут все кто может, хочет или вынужден (рынок – не тетка: заказ хозяина отрабатывать должен всякий наемник...).

Не меньший резонанс вызвало и движение «Оккупируй!», очень быстро ставшее всемирным.

---

¹ Основа этого текста была написана в момент рождения альтерглобалистского движения – зимой 2001–2002 годов. Тогда же автор предложил имя – альтерглобализм, – указывающие на то, что мы выступаем не против глобализации как таковой, а за иную модель интеграции и диалога иных акторов. Возможно, опубликованный тогда в виде брошюры (на английском языке, как материал для одной из подготовительных встреч Первого европейского социального форума) текст стал первым в мире введением и обоснованием категории – имени «альтерглобализм».

² Эта «внезапность» рождения альтерглобализма, о котором активно заговорили после успешных контр-действий в Сиэтле, есть по большому счету видимость: протестные действия: от маршей до забастовок – в мире не прекращались и 1990–е. Другое дело, что Сиэтл и последующие практики продемонстрировали обретение альтернативными движениями новых форм и новых качеств.

Наконец, в 2010–2012 году по миру прокатилась волна политических выступлений (начиная с «Арабской весны» и далее к Греции, Испании, Португалии и даже России), по многим своим параметрам близких к принципам и формам альтерглобалистского движения.

Не смешивая эти три своеобразных протестных течения, авторы этого текста все же исходят из того, что *в своих сущностных чертах альтерглобализм, «Оккупируй!» и «сетевые революции» генетически (т.е. диалектически, не формально) едины, всеобщны.*

Это единство подобно не сходству ежа и половой щетки, а родству потомков одних родителей, один из детей которых может быть черноглазым брюнетом, а другая – голубоглазой блондинкой. Единство трех классов протестных феноменов обусловлено их сущностным, генетическим родством и потому, во-первых, причинами их генезиса – кризисом неолиберальной модели глобализации как особого этапа заката не только капитализма, но и «царства необходимости» в целом; поэтому они, во-вторых, строятся как протест против всех форм отчуждения, а не только капиталистической глобализации и носят интерклассовый характер; наконец, в-третьих, их генетическое единство обусловлено тем, что все они есть продукт современной эпохи – эпохи сетевых, информационных взаимодействий и посему сами суть сети со всеми присущими им противоречиями.

Начнем же мы наше исследование с альтерглобализма как *исторически и логически исходного (первого, но не последнего!) типа разворачивания протестно–креативного движения нового века.*

Альтерглобализм: к первичной систематизации фактов

Всякое исследование полезно начинать с некоторой систематизации эмпирического материала. Так мы поступим и в данном случае. Это тем более важно, что значительная часть даже специалистов–политологов до сих пор воспроизводит навязанную СМИ догму о нашем движении¹ как кучке погромщиков Мак–Дональдсов.

---

¹ Авторы этого текста непосредственно участвуют в альтерглобалистском движении с момента его зарождения, поэтому не отделяют себя от его участников, исследуя его не как посторонние наблюдатели, но как активные участники, изнутри, что позволяет увидеть многое, недоступное внешнему

Хотя альтерглобалистское движение развивается уже более 10 лет, систематическое отображение этого движения ещё крайне далеко от своего завершения. Авторы, однако, считают возможным выделить некоторые группы явлений и дать им краткую характеристику, не вдаваясь в описание конкретных событий и акций¹.

В море эмпирического материала выделим несколько основных сферы нашей активности: (1) протестные массовые акции (от Сизтла до Генуи, Барселоны и далее к всемирным дням протеста против войны в Ираке и т.п.); продолжением этих акций стали многочисленные практики оккупаций (от Уолл-Стрита в Нью-Йорке до Чистопрудного бульвара в Москве); (2) постоянную, «повседневную» деятельность сетей, движений и организаций, ряд из которых прямо ассоциируют себя с альтерглобалистским движением и движением «Окупай!», ряд фактически действует в поле нашего общего протеста и созидания, не используя имени «альтерглобализм»; (3) социальные форумы (проходящие регулярно с 2000-го года Всемирные [ВСФ], континентальные и межрегиональные – Европейские (их активность в последние годы снизилась), азиатские, средиземноморские и т.п., национальные и даже региональные и продолжающие их логику тематические конференции и встречи); (4) интеллектуальная деятельность (упомянем в качестве примера Левые форумы в США; весной 2012 года на этом *теоретической*

наблюдателю, особенно – противоречия и проблемы нашей деятельности...

¹ Ныне даже на русском языке появилась достаточно обширная литература по альтерглобализму. Кроме серий статей в журналах «Альтернативы» (здесь содержится, пожалуй, наиболее полная на русском языке подборка статей об альтерглобализме – от путевых заметок участников всемирных, европейских и иных социальных форумов и протестных акций до теоретических размышлений маститых профессоров, охватывающая период с 2000 года), «Международные процессы», «МЭиМО», «Полис», «Политический журнал», «Свободная мысль». Вышли и первые монографии: Альтерглобализм. Теория и практика «Антиглобалистского» движения (под ред. А.В. Бузгалина, М.: URSS, 2003); Глобализация сопротивления (под ред. С. Амина и Ф. Утара, М.: URSS, 2004); Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста (М.: Гилея, 2005); Каллиникос А. Антикапиталистический манифест (М.; Праксис, 2005), два упомянутых ранее издания книги «Кто творит историю» (в них содержится, пожалуй, наиболее полная информация о практиках и теории альтерглобализма на русском языке) и др.

конференции левой интеллигенции, посвященной концептуализации движения «Окупай!», собралось около 4 000 человек) и др.

Наиболее известная (хотя и не самая содержательно важная) форма нашего движения – **протестные акции**, которые проводятся начиная с 1999 года в местах и во время разного рода «саммитов» агентов глобализации (встречи «большой восьмерки», ВТО, МВФ, Давосский форум и мн. др.). К числу эмпирически достоверных черт этих действий, воспроизводимых уже более 10 лет в сотнях крупнейших акций (в приводимой выше литературе можно найти описание акций в Сизтле, Праге, Квебеке, Генуе, Ростове и др.), можно отнести:

- массовость акций (от многих десятков тысяч до многих миллионов участников);
- интернациональный характер выступлений (во всех случаях в акциях были представлены многие десятки стран с делегациями до нескольких тысяч человек), ряд акций проводились как всемирные (иногда – в один день) в десятках стран;
- интер-классовая структура участников (от безработных и крестьян до профессионалов и мелкой буржуазии), представительство разных возрастов (при относительном доминировании молодёжи) и примерно пропорциональном представительстве мужчин и женщин;
- принципиальная установка инициаторов и одновременно стихийно воспроизводимая практика плюрализма идеологий, форм и методов действий;
- сочетание методов диалога и гражданского неповиновения при взаимодействии с властями (во время акций участники, как правило, разделяются на колонны, склонные или нет идти на прямые столкновения с полицией, выставляющие радикально-левые и умеренно-социальные лозунги и т.п.);
- полицентричность, сетевой принцип организации акций; отсутствие единой политической или иной институциональной структуры, реально организующей акции; подвижность и временность координирующих акции сетей.

Удивительно, но факт: участвующие в акциях крайне аморфные, многообразные, принципиально непохожие друг на друга структуры (профсоюзы и экологи, коммунисты и социал-демократы, верующие и атеисты...) оказались способны не просто к взаимодействию, но и к мощным, устойчиво воспроизводимым совместным действиям, по

масштабам с очевидностью превосходящим оппозиционные движения предыдущих двадцати лет. Причиной этого может быть только одно: эти акции – ответ (пусть в крайне противоречивых формах) на реальные вызовы времени; они нашли отклик в умах и сердцах миллионов, а это происходит только тогда, когда движения выражают реальные интересы и потребности широких слоёв населения, когда их цели, формы, методы действий адекватны интересам тех, кто приезжает и приходит, рискуя жизнью, чтобы принять участие в этих действиях. Выражаясь образно, можно сказать, что **альтерглобалисты и их последователи поймали в свои паруса ветер истории**. Хватит ли у нас сил и умения, чтобы этот ветер не потерять, чтобы не только устоять под его напором, но и сделать наш корабль достаточно прочным, команду – единой, рулевых – умелыми, а штурманов – способными проложить верный курс – на эти вопросы ответы даст история.

Если уйти от образов, то принципиально важно показать, **какие именно организации включены в наше движение и почему**. Естественнo, речь идёт не о перечне этих организаций (только в ВСФ их участвует до 5000), а об их первичной систематизации. К числу наиболее известных традиционных структур следует отнести, во-первых, разнообразные общественные союзы и неправительственные организации. Среди них:

- профсоюзы (в том числе, далекие от поддержки социалистических идей; так в США в ряде акций в них участвуют организации, входящие в АФТ–КПП), организации жителей и т.п.;
- экологические, женские, молодёжные, детские и т.п. организации;
- организации и сети, защищающие права человека и права меньшинств мигрантов и других социально–обездоленных групп, антифашистские и подобные им организации и т.п.;
- гуманитарные и неправительственные организации, оказывающие помощь развивающимся странам, в том числе – в вопросах борьбы с нищетой, голодом, болезнями и т.п.;
- научные, образовательные, культурные и т.п. организации, организации, занятые проблемами воспитания и здоровья и мн. др.

Во-вторых, наряду с ними альтерглобалистское движение поддерживают и традиционные левые политические организации очень широкого спектра. Среди наиболее активных – некоторые коммунистические партии (так, Партия коммунистического

обновления Италии была одним из основных организаторов массовых манифестаций в Генуе, Левая партия ФРГ много делает для поддержки различного рода социальных форумов и не только), а так же троцкистские и анархистские организации. Ряд из них весьма влиятелен среди левых Латинской Америки и Западной Европы (их депутаты входят в парламенты Бразилии, Аргентины, Франции и др. стран) и очень активно работают в различных НПО и социальных движениях, в том числе профсоюзах, АТТАК, движениях безработных, женских организациях.

В-третьих, в мире активно формируются так называемые «новые социальные движения» и собственно альтерглобалистские организации. Они очень разнообразны по составу, целям, структуре и принципам организации. Вот лишь два примера.

Движение безземельных крестьян Бразилии, насчитывающее более 2 млн. участников, возникло как низовая инициатива наиболее обездоленной части крестьянства – тех, кто был лишён и земли, и работы, но решился на совместные действия по оккупации необрабатываемых десятилетиями земель; они создали сеть кооперативов и фермерских хозяйств со своей структурой взаимопомощи и кооперации, социальной защиты, заботой об образовании, здравоохранении, местным самоуправлением и т.п.

Второй пример – сеть АТТАК была инициирована во Франции группой интеллектуалов из весьма респектабельной газеты «Монд дипломатик» и первоначально предполагала всего лишь пропаганду идей введения налога Тобина (0,1% налога на финансовые спекуляции). Оставаясь довольно умеренной в целом структурой, она, тем не менее, очень быстро превратилась в одну из крупнейших мировых альтерглобалистских сетей.

Не продолжая примеров, заметим, что само *альтерглобалистское движение стало* так называемым *новым социальным движением*. Феномен такого рода движений лишь в последнее время стал предметом изучения, однако уже сейчас появились первые материалы, обобщающие их основные черты в сравнении с традиционными общественными организациями.

Одним из наиболее интересных объектов изучения в рамках альтерглобалистского движения, однако, были и остаются¹

---

¹ Заметим, что к 2012 году, когда пишутся эти строки, активность ряда из этих сетей, в частности, европейских, снялась в новом качестве протестной и

социальные форумы, представляющие собой не только некоторые события (форумы как таковые), но и постоянно живущие в Интернете и локальных действиях *сети участников социальных форумов*.

«Другой мир не просто возможен – альтернатива капиталистической глобальной системе начала создаваться и создается нами, и прежде всего – здесь, сейчас!» – так могли бы без преувеличения сказать участники и делегаты Всемирных и многих других социальных Форумов, проходящих в мире, начиная с 2001 года.

Модель организации любых форумов предполагает, что инициаторами мероприятий Форума (конференций, семинаров, круглых столов, встреч, демонстраций, перфомансов...) могут быть любые социальные движения и организации, поддерживающие Хартию ВСФ; политические организации и партии ими являться не могут.

Авторам довелось принять участие в четырех ВСФ, а так же в организации и работе всех европейских, трех общероссийских, ряда региональных и т.д. форумов. Глядя на этот процесс изнутри, заметим, что каждый из форумов был явлением действительно необычным: мы искали пути созидания (своими руками, снизу) иного, альтернативного господствующей ныне глобальной либерально-капиталистической системе, мира. Мира более демократического, гуманного, социально справедливого и более прогрессивного в техническом, экономическом (но прежде всего – человеческом!) изменении.

Этот поиск основан и на практическом опыте организаций и движений, и на результатах анализа известных ученых и общественных деятелей (на ВСФ и ЕСФ их бывают многие тысячи); Что же до практических инициатив, то назову лишь некоторые из представленных на различных форумах:

- уже упомянутое движение безземельных крестьян в Бразилии;
- системы местной демократии участия, формирующие механизмы практического участия большинства граждан территории в управлении;
- десятки различных систем общедоступного образования взрослых;

созидательной активности. Мы еще вернемся к этому вопросу ниже.

- сети, обеспечивающие бесплатный доступ к компьютерным программам и другим типам знаний;

- сотни различных примеров эмансипации женщин (в том числе, в странах 3-го мира);

- новейший опыт борьбы латиноамериканских товарищей за альтернативный неолиберальному миропорядок...

... и это лишь несколько примеров многих сотен новых практических дел, реализуемых альтерглобалистскими организациями и движениями.

Но все же доминирующими (не численно, но по существу) всякий раз становятся проблемы формирования нового по содержанию и формам, многообразного, но скоординированного интернационального движения за глобализацию снизу, в интересах граждан.

Очень важно, что форумы становятся полем, на котором заявляют себя новые по сути социальные движения (прежде всего движение альтерглобалистов как таковое). Появление и быстрый рост таких движений, их практическое сотрудничество со «старыми» социальными движениями и организациями (прежде всего – профсоюзными) и левыми партиями – это интереснейший феномен новой эпохи. Более того, сами форумы становятся таким новым по принципам и методам организации явлением: организованным на основе многих инициатив снизу, по сетевому принципу, на основе мобилизации и совместной работы, плюралистическим (в смысле спектра «старых» идеологий), но при этом в сути своей единым, практически нацеленным и теоретически мощным действием – мобилизацией с огромным эффектом.

Несколько слов об атмосфере, царящей на форумах. Если выразить тремя словами их суть, мы бы сказали так: «Деловая, инициативная, радостная». Люди улыбаются, спорят, работают по 12 часов в сутки (а потом еще по многу часов поют и танцуют, причем далеко не только в Латинской Америке или Индии, но и в чопорном Лондоне...) Даже на таком огромном митинге, как ВСФ (последние годы – порядка 50–100 тысяч участников, тысячи семинаров, конференций, акций) практически незаметна полиция; обстановка предельно свободная, благожелательная. Заседания форумов (всех, в которых мы участвовали) были открытыми. Любой участник, любая организация могли методом заявки организовать любую встречу, семинар, шествие – лишь бы не мешали другим работать (и таких инициативных «действ» – от теоретических круглых столов высоколобой профессу-

ры до кукольных шоу – бывают сотни). Все это на практике свидетельствует – самоорганизация снизу при толковой координации и помощи (но не начальственном командовании) со стороны сотен и тысяч добровольцев – это работающая и эффективная форма деятельности.

И еще – о деньгах. Все критики нашего движения постоянно спрашивают: *на чьи деньги и под чьим руководством все это делалось, кто тот невидимый «куловод», который стоит за этими «инициативами»?*

Ответим на примере ЕСФ, ибо авторы непосредственно участвовали в их подготовке. Руководства не было вообще. Была очень широкая, представляющая более 100 крупнейших международных общественных структур Ассамблея, занимавшийся исключительно определением общего поля пленарных заседаний и координацией: кто, где, когда будет заседать и т.п. Программы конференций, семинаров, дискуссий определяли организаторы каждого из мероприятий (а ими были подчас нескольких десятков организаций и движений).

Платили все за все сами: и богатые западные негосударственные фонды, чьи делегаты жили в основном в отелях, и бедные общественные организации и движения других стран (при наличии во многих случаях поддержки со стороны первых: они не боятся «делиться»), жившие у друзей и незнакомых товарищей из Флоренции или Парижа (авторы, например, всякий раз останавливались у друзей, деля комнатку на троих-четверых-пятерых). У каждого из ЕСФ был очень скромный бюджет (примерно 50 – 100 евро на участника; для сравнения: участники Давосского Форума платят в *тысячи раз больше*), который складывался из оргвзносов (от символических 2 до солидных 50 евро – в зависимости от дохода, который Ты сам называл при регистрации – всем верили на слово; вообще *на форумах никогда ни у кого не спрашивают документы...*), дотаций органов местного самоуправления, крупных международных неправительственных организаций. При этом участники, которые формально участниками Форума не являлись и вообще ничего не платили, по сути дела обладали теми же правами: говорить, слушать, делать, подписывать – все так же, как и делегаты.

Безусловно, все форумы, и особенно ВСФ и ЕСФ, полны проблем и противоречий, что является свидетельством не только трудностей нашего движения, но и его жизненности. Жизненности – ибо участники и организаторы форумов эти противоречия видят, не скрыва-

ют, но напротив, всячески акцентируют, стремясь и к диалогу различных позиций, и поиску путей соединения противоположностей в новой деятельности.

К числу наиболее ярких *противоречий социальных форумов* относятся достигающие качественного уровня различия между неявно формирующимися группами участников Форума:

- относительно богатыми неправительственными организациями (как правило, из первого мира, некоторых других стран) и относительно бедными и часто малочисленными организациями и движениями, а так же относительно бедными и богатыми участниками Форума (впрочем, на это никто особо не обращал внимания, да и взаимопомощь была на высоте, равно как и уважение, к тем, кто работает на самых ответственных «участках фронта»: так, на ВСФ гости движения, объединяющего беднейшие слои бразильцев – безземельных крестьян – во время форума жили в одном из самых дорогих отелей города, а известный бельгийский лидер крупной международной сети за отмену долгов третьего мира – в одном из самых дешевых общежитий);

- «реформистским» и «радикальным» крыльями движения (эти слова мы берем в кавычки, поскольку в ряде случаев «реформистское» действие по предотвращению войны требует от его организаторов не меньшей радикальности, чем постоянно повторяемые иными «радикалами» призывы к немедленным революционным действиям; более того, на деле наиболее активными организаторами умеренно-реформистских действий в рамках альтерглобалистского движения как правило являются именно сторонники социализма и коммунизма, хотя далеко не только они);

- сторонниками диалога с «глобальными игроками» (теми или иными структурами глобального капитала, например Давосским форумом) и противниками последнего (к их числу, кстати, относится большинство рядовых «реформистов», многие из которых прямо не стоят на социалистических позициях, а не только социалисты и коммунисты; с другой стороны, есть немало левых, кто считает такой диалог необходимым).

Что касается нашей Родины, то *альтерглобалистскому движению России* довелось впервые жёстко повзаимодействовать с властями в 2002 году – во время митингов, приуроченных к приезду Буша и лидеров Евросоюза в мае в Санкт-Петербурге и в Москве. Десятки наших товарищей было арестовано, многие из них избиты.

Эти уличные акции стали первыми яркими событиями, которые к тому же были освещены средствами массовой информации. Однако, на самом деле альтерглобалистская деятельность в России развивалась, пожалуй, с 9 ноября 2001 года (в этом случае, если говорить о «альтерглобализме в узком смысле слова», движении, которое ассоциировало себя с этим именем). Именно тогда пошла серия общественных слушаний в Доме журналистов, в других местах города Москвы, во многих городах России, митинги и акции, в том числе митинг на площади Маяковского. После этого в России состоялась целая серия действий, которые уже прямо ассоциировали себя с альтерглобалистской тематикой. Прежде всего, следует отметить, что эти действия были сугубо интернационалистскими, фактически всегда увязаны с международными акциями. Кстати, акции 9 ноября 2001 г. в Москве тоже не случайно проводились именно в день всемирных действий против Всемирной торговой организации, вступление в которую для России может обернуться огромным количеством негативных социальных и экономических последствий.

Качественным скачком в развитии нашего движения стал *Первый российский социальный форум*, прошедший в апреле 2005 года в Москве. В нем приняло участие около тысячи человек из более чем 60 регионов страны, представляющие 108 различных общественных организаций и движений. На десятках пленарных и секционных заседаний, семинарах, встречах обсуждался широкий круг альтернатив: от международных до региональных. Мы искали и стратегические решения, и совершенно конкретные возможности противостоять монетизации льгот, приватизации ЖКХ, разрушению демократии, расизму и нарастанию фашистских тенденций (кстати, националисты попытались спровоцировать на Форуме драку, но быстро ретировались, получив дружный отпор). Форум, как и все другие действия альтерглобалистов, готовился оргкомитетом (около 30 человек, состав был плавающим, председателя не было, заседания вели каждый раз новые люди), открытым для представителей любой общественной организации, заявившей о своей солидарности с Хартией ВСФ. Бюджет Форума был минимальным и формировался из взносов различных общественных организаций (каждый давал сколько может) и использовался, главным образом, для Фонда солидарности – помощи совсем бедным регионам для приезда в

Москву и проживания в общежитии; практически вся подготовительная работа была проведена на общественных началах.

Партии в организации Форума не участвовали, хотя многие из активистов нашего движения входят в те или иные левые организации. Любопытно и то, что «вожди» оппозиции, присутствовавшие на РСФ (а к нам их пришло немало), слово получали только в порядке общей очереди, от микрофона в зале, или на семинарах и секциях...

Конечно же РСФ появился не на пустом месте: ему предшествовали два Сибирских социальных форума, Московский форум социальных инициатив, Социальный форум Черноземья, десятки семинаров и конференций по всей стране. Но главное даже не в этом. *Как и везде в мире, в России социальный форум стал возможен только тогда, когда граждане страны проснулись и возвысились до реального социального протеста.* В нашей стране это произошло во время массовых акций против монетизации льгот в январе – феврале этого года. Именно эти действия, наша работа по их поддержке и стали прологом для РСФ.

На следующий год в Питере прошел Второй российский социальный форум, неслучайно совпавший с саммитом «большой восьмерки». Власти изолировали нас на стадионе, окружив мощным кордоном полиции и спецназа (ассоциации с Чилийскими событиями 1971 года были у всех на слуху), по дороге на Форум были задержаны, арестованы, подверглись репрессиям многие сотни делегатов (адвокаты, добровольно работавшие на Форуме, составили подробный список всех правонарушений со стороны властей). Не смотря на все эти формы давления на форуме работали семинары, конференции, круглые столы. Были обсуждены и уточнены подготовленные активистами и экспертами альтернативные (тем, что выносились на саммит) программы развития образования, использования энергетических ресурсов, защиты социальных и гражданских прав.

В дальнейшем в России проходили различные встречи, конференции, совещания активистов социальных и альтерглобалистских движений. Во многих из них участвовали наши товарищи из стран СНГ, показавшее, что у нас есть масса общих проблем и возможностей их солидарного решения.

А еще были десятки акций, семинаров и конференций самых разнообразных социальных движений нашей страны, реального, а не

созданного по указанию администрации президента, гражданского общества России – движений жителей и «образованцев», экологов и правозащитников, профсоюзов и молодежи...

Таков российский альтерглобализм в узком смысле слова¹.

Но в широком смысле слова движение противников капиталистической системы, неолиберальной глобализации в России, естественно, имеет гораздо более длительную историю, поскольку оно связано с поиском реальных альтернатив в экономической, социальной и политической областях.

Во-первых, это касается деятельности различных социальных и общественных движений, главным образом, рождающихся «снизу», и противостоящих тем моделям развития либеральной рыночной капиталистической экономики, которые навязываются России сегодня, в том числе и под мощным давлением со стороны Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, НАТО и других глобальных игроков.

Во-вторых, альтерглобалистское движение в России связано и с другой традицией – политической оппозиции нынешней системе. Левая коммунистическая и социалистическая оппозиция в России существует фактически с момента распада Советского Союза, об этом надо сказать прямо. Другое дело, что здесь, в большинстве случаев, присутствует не столько поиск иной модели интеграции, иной модели интернационализма, сколько критика современной глобальной системы мирового империализма (как предпочитают говорить сторонники этой идеологии) с патриархальных позиций, с позиций ностальгии по советской системе, возможно, даже с позиций российского шовинизма и национализма (если говорить о радикальных крыльях этого движения).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в России существует и правая оппозиция глобализму со стороны монархических и других националистических организаций, противопоставляющих глобальной экспансии (прежде всего, с их точки зрения, американской) необходимость закрытого развития нашей страны, возрождения её

---

¹ Деятельность российского альтерглобализма регулярно освещается, в частности, в журнале «Альтернативы», где начиная с 2001 года систематически публикуются отчеты и аналитические материалы обо всех важнейших событиях международного и российского альтерглобалистского движения. Все эти материалы можно найти так же на сайте www.alternativy.ru.

как особой самостоятельной державы. В стране существует и собственно антиглобалистское течение правых и левых сторонников исключения России из процессов интернационализации, выступающих с консервативно-державных позиций, но это совершенно иное противопоставление глобализации, нежели то альтерглобалистское движение, движение за иную интеграцию, о котором мы говорим сейчас.

В связи с этим в России складывается достаточно сложная ситуация, когда для *альтерглобалистов* (сторонников иной модели интеграции) возникает необходимость борьбы на два фронта. Первый и основной, естественно, – это борьба против проводников нео-либеральной модели экономического, социального и политического развития нашей страны. Второй, к сожалению, во многих случаях не менее важный, – это пропагандистская работа, направленная на разъяснение тупиковости и, во многом, вредности патриархально-консервативной критики глобализма из прошлого, идей национальной замкнутости, а уж тем более идей великодержавного российского шовинизма. Тем не менее, мы должны учитывать, что для последней тенденции в России существуют объективные предпосылки. Среди этих предпосылок:

- действительная ответственность не только российских, но и западных кругов номенклатуры глобального капитала за те катастрофические, кризисные последствия приватизации, либерализации, геополитических и идеологических трансформаций, которые произошли в нашей стране;

- разрушение Советского Союза, которое больно ударило по социальной, патриотической гордости и престижу граждан нашей страны;

- вестернизация культуры, разрушение единого социально-культурного пространства, существовавшего на территории Советского Союза и многие другие причины, неоднократно анализировавшиеся автором этого текста.

Тем не менее в стране сейчас может сложиться единая оппозиция, соединяющая движение за иную глобализацию как идейно-политическое течение с реальной, идущей «снизу», социальной борьбой за создание иного мира. Среди конкретных, практических дел, которые сегодня могут интегрировать эти общественные организации, альтерглобалистское движение и многие традиционные левые политические организации, выделяются задачи

борьбы за социально–ориентированные, демократические модели коммунальной реформы, реформы образования, защиту общедемократических ценностей, социально–ориентированный путь модернизации экономики.

Рубеж 2011–2012 годов в нашей стране ознаменовался резким всплеском общедемократической политической активности, неслучайно совпавшим с массовыми политическими акциями (вплоть до революционных) в мире. Но о них ниже.

Продолжим. Поскольку данный текст ориентирован прежде всего не на описание альтерглобалистского движения, а на исследование его природы, постольку мы хотели бы сейчас обратиться к исследованию тех объективных причин, которые вызвали к жизни наше движение и которые дают некоторый ключ к пониманию его природы.

Кто мы такие? (к вопросу о причинах возникновения и природе альтерглобалистского движения)

Авторам ещё в середине 1990–х годов приходилось писать о том, что **глобальная гегемония капитала не может не порождать в качестве своей альтернативы субъекта ассоциированного социального творчества**. И тогда, в 1995–97 годах, нам пришлось услышать немало критики, суть которой заключалась в указании на отсутствие в общественно–политической и идейной жизни таких массовых, реально действующих сил. Однако, начиная с 1999 года, волна массовых выступлений «антиглобалистов» (тогда еще не было имени **альтерглобалисты**), начавшаяся с Сиэтла и далее прокатившаяся практически по всему миру, включившая целую сеть новых форм оппозиционной деятельности, стала ответом на это постоянно звучавшее критическое замечание. Реальная жизнь подтвердила теоретическую гипотезу. Постоянно протестующие против войн и попыток властей выхода из мирового кризиса за счет граждан миллионы и миллионы граждан по всему миру стали практическим свидетельством того, что рождается не только «протоимперия», но и *анти–империя*¹.

---

¹ Ранее в своих публикациях мы показали отличие нашей позиции от получившего широкое распространение противопоставления «империи» и «множества» в работах М. Хардта и А. Негри.

Массовый субъект ассоциированного социального творчества стал вырастать буквально на глазах, и альтерглобалистское движение стало не только идейным, но и общественно-политическим фактором современной жизни. Более того, в последующем оно оказалось во многом «снято» выросшими как его логическое продолжение другими формами (но не другими сущностями) социального протеста и творчества в рамках движения «Окупай!» и «сетевых революций». Вот почему с сущностью этих феноменов следует разобраться подробнее.

Во-первых, этот новый тип социальной оппозиции *и наследует, и отрицает предыдущую социальную и политическую борьбу*, будь то социал-демократическая, коммунистическая или даже профсоюзная, экологическая и иные формы оппозиции глобальной гегемонии капитала, характерные для XX века.

Во-вторых, этот новый тип общественных отношений и общественной деятельности случайно родился как *интернациональный и глобальный*, не случайно начался с широчайшего использования современных *сетевых форм и технологий* (наше движение построено как разомкнутая, открытая сетевая структура, а Интернет является основной формой коммуникаций и организации альтерглобалистского движения).

В этом контексте становится понятно, почему, в-третьих, важна предложенная в самом начале данного текста аргументация, указывающая на то, что генезис сетевого постиндустриального общества стал одной из предпосылок эволюции от глобализации к протоимперии. Но тогда же мы указали, что возможен и иной парадигмальный ответ на вызовы сетевого общества и позднее-капиталистической гегемонии. Вот почему мы беремся утверждать: *начинающееся с альтерглобализма волна новых форм социального протеста и творчества есть альтернативный ответ на вызовы протоимперских форм генезиса новых технологий и гегемонии капитала.*

Именно такую возможность открывает (но пока именно и только открывает) теоретико-методологическая парадигма *новых социальных альтернатив*, формирующихся в настоящее время.

Альтерглобалистское движение – первая форма таких альтернатив – неслучайно возникло в эпоху развития сетевых принципов организации.

Как таковое оно, **во-первых**, стало моделью сетевой социальной организации даже там, где собственно технологические процессы остаются прежними (по преимуществу индустриальными). В альтерглобализме во многих случаях социальная форма «убежала вперёд», став пока ещё оппозиционным, внесистемным, но реальным социальным вызовом для развития и экономических, и технологических структур. Среди основных черт сетевой организации как одного из принципов альтерглобализма выделим (использовав в качестве эмпирической базы наш анализ практики движения) такие как:

- не-иерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальная и/или функциональная кооперация участников;
- гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций; лёгкость и быстрота создания и распада структур;
- открытость сети для «входа» и «выхода»; общедоступность ресурсов (прежде всего – информационных) сети;
- равноправие участников сети независимо от их роли, масштаба, ресурсов; не только некоммерческий, но и антирыночный характер деятельности;
- вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности;
- уникальность сетей.

Все названные выше черты, повторим, абстрагированы из реальности, где они находятся в «смеси» с традиционными чертами отчасти бюрократической, отчасти коммерческой, отчасти закрытой организации. Однако это действительное абстрагирование, происходящее на практике постоянно. Практически каждая протестная акция организовывалась как особая уникальная сеть, открытая для любого участника, который приходит туда со своими ресурсами (но при поддержке более «сильных» или «богатых»), мог свободно использовать все общие ресурсы сети, её «бренд», взаимодействовать и вести диалог с любым другим участником. Конфигурация этих сетей постоянно изменялась и после акции эта сеть как таковая распадалась, рождая затем новые. У каждой из акций был оргкомитет, но всякий раз он был открыт для каждого и в нём не было ни председателя, ни «генсека».

Во-вторых, альтерглобализм вырос (и это самоочевидное обстоятельство было раскрыто выше) как альтернатива капиталистической глобализации, чреватой протоимперской моделью.

Как позитивное, диалектическое отрицание глобальной гегемонии капитала, тотальной системы подчинения человека наше движение на практике обрело следующие черты, становящиеся неписанными, но соблюдаемыми на практике, **принципами**:

- **интернационализм движения**; оно с самого начала возникает как прежде всего международное и по кругу участников, и по целям деятельности, и по характеру действий (международные действия против глобального истеблишмента; международные социальные форумы и т.п.); движение началось и продолжается как *межгосударственное* и этим особенно ценно, ибо представляет собой не националистически-государственную (и в этом смысле тяготеющую к прошлому), а всемирную, пост-глобалистскую альтернативу, ориентированную на будущее;

- **интерклассовый и интеридеологический характер** движения, выступающего против всех форм отчуждения и гегемонии, а не только эксплуатации наёмных работников (именно таковыми, опять же, и по кругу участников, и по целям были и акции протеста, и ВСФ);

- **анти-гегемонистский** (а в своих наиболее развитых формах – анти-капиталистический) характер движения, лозунгом которого неслучайно стали слова «мир – не товар»; даже умеренная часть движения выступает за то, чтобы земля, вода и основные природные ресурсы, с одной стороны; знания, образование, культурные ценности и системы обеспечения базисных потребностей человека (пища, жилище, здравоохранение) – с другой, были общественными благами, были выведены из-под контроля рынка и капитала; радикальные альтерглобалисты (и автор в том числе¹) считают необходимым продолжить эту линию вплоть до изменения господствующего ныне мира отчуждения в целом, движения к «царству свободы».

В-третьих, наше движение, как мы уже отметили, по своей природе (и это природа, содержание *практических действий*) построено как система альтернатив отчуждению во всём многообразии его форм и видов (ВСФ эту философскую тему выразил в гораздо более простой и яркой формуле: «Другой мир возможен!»). В этой связи неудивительны следующие эмпирически наблюдаемые и

¹ См., например: Бугалин А.В. *Ренессанс социализма*. М., 2003, 2007.

устойчиво воспроизводимые принципы альтерглобалистского движения:

- *солидарность, сотрудничество и ответственность* как альтернативы отчуждению (отсюда практически постоянно повторяющиеся акценты на «экономике солидарности», «социально-ответственных организациях», «демократии участия» и др. формах сотрудничества в экономике, политике, социальной жизни);

- организация движения на принципах (мы о них писали ранее), весьма сходных с давно известной теоретической моделью альтер-отчуждения – *свободной, добровольной, работающей ассоциацией*¹; практика движения показала, что оно строится (при абстрагировании от «примесей» мира отчуждения) именно как открытый для всех, исключительно добровольный и неформальный (движение не имеет устава или программы – только некоторые «рамочные» параметры, изложенные в Хартии ВСФ) союз, основой членства в котором являются не деньги (взносы) или власть (формальная принадлежность к структуре с определёнными полномочиями – государству, партии), а практическое участие в деятельности (принцип работающей ассоциации – в теории; принципы мобилизации и участия – на практике);

- *самоорганизация и самоуправление* как механизмы жизнедеятельности движения, проявляющейся в *формах сетевой демократии, консенсусной демократии, демократии участия* и др. (в сочетании с принципом работающей ассоциации эти механизмы обеспечивают возможность практического участия в принятии решений для каждого: Вы просто уходите из ассоциации, с позицией которой принципиально не согласны и участвуете в работе той, где Ваш голос услышан, где диалог, отчаянный спор ведёт к согласию или создаёте свою, новую сеть; наиболее массовой и активной становится структура, наиболее открытая, диалогичная, адекватная интересам граждан).

Суммируя, мы можем сделать вывод, что *differentia specifica* этого движения состоит в генезисе качественно нового, массового, интернационального и относительно устойчивого (насколько мы можем судить сейчас) общественного феномена, выходящего за рамки основных жизненных принципов не только позднего

---

¹ Критический марксизм. Продолжение дискуссий / Под ред. Бузгалина А.В., Колганова А.И. М., 2002, с. 159–164.

капитализма и капиталистической глобализации, но и всего мира отчуждения.

Повторим: движение на практике становится альтернативой не только сущности глобализации и капитализма, но и «царства необходимости» в целом.

Как таковое – развивающееся в очень широких масштабах, хотя и обременённое массой внутренних и внешних противоречий – течение, альтерглобализм становится одним из знамений заката неолиберальной эпохи и противопоставляет себя как форму общественной организации, адекватную для эпохи генезиса сетевого общества, альтернативную регрессивно–тупиковой тенденции рождения «протоимперии». Как таковое оно, напомним предложенную в начале раздела гипотезу, становится первой в ряду форм создания нового типа оппозиционной борьбы. Насколько именно альтерглобалистское движение, насколько иные формы («Окупай!» и т.д.) окажутся реальной оппозицией, насколько они смогут составить конкуренцию или, по меньшей мере, затормозить процессы генезиса ультраимпериализма – это вопрос, который во многом зависит от не только объективных, но и субъективных обстоятельств, и авторы пока не берутся прогнозировать результаты этой, разворачивающихся на наших с вами глазах, борьбы.

При всей своей новизне, названные новые оппозиционные движения живут и развиваются в рамках *этого* – переполненного различными формами отчуждения – мира, наследуя многие его черты. В этом смысле новые движения несут на себе печать этого мира. Кроме того, они являются наследником предшествующих оппозиционных капиталу сил. Как таковые, они обладают мощными противоречиями.

Истоки и противоречия альтерглобализма

Исследование природы и принципов нашего движения по сути дела уже дало ответ на вопросы, вынесенные в заголовок этого подраздела. Альтерглобализм стал наследником долгой, трагической и героической борьбы за социальное освобождение, рождающейся во всех своих наиболее мощных проявлениях – от Парижской коммуны через Великую Октябрьскую социалистическую революцию, серию других социалистических и анти–колониальных революций XX века и май 1968 года – снизу, как массовая, ассоциированная деятельность. Альтерглобализм не вытесняет, но,

напротив, наследует, снимает и в чем-то объединяет различные ранее существовавшие формы и направления социально-освободительной деятельности, сохраняя в диалоге и практической дискуссии самые разнообразные структуры, содействующие самоорганизации и созиданию иного мира.

При этом акцент нашего движения на многообразии альтернатив составляет (равно как и все остальные его отличительные черты) и силу, и слабость этой новой формы. Силу – ибо мы не навязываем ни одной из участвующих организаций некой единой униформы; для участия в движении необходимо именно многообразие своеобразных организаций, их непохожесть. Слабость – ибо движение напоминает руку с растопыренными пальцами, а для того, чтобы пробить стену корпоративной гегемонии капитала нужен кулак.

Как таковое альтерглобалистское движение сугубо противоречиво, что видно невооружённым глазом. Причём для него характерны как внутренние, диалектические противоречия, характеризующие его сущность, так и **внешние противоречия**, показывающие его «инакость» в современном мире. Последние наиболее очевидны, поэтому именно с них мы начнём наше исследование.

Зафиксированная выше противоположность мира отчуждения и нашего движения не может не отражаться на собственной природе последнего. *Альтерглобалистское движение с момента его рождения развивается в переходных формах, соединяющих его собственные новые качества и качества современного глобального капитализма, без чего невозможно существование альтерглобалистов в нынешней системе. Более того, само это со-существование есть *contradictio in adesto*, являющееся, между тем, реальным противоречием между альтер-глобалистской природой движения и его включённостью (как через столкновения, аресты, борьбу, так и, в ряде случаев, сотрудничество) в глобальный капитализм.*

Отсюда – наши мучительные противоречия.

Первое – между имманентными для движения принципами добровольно работающей ассоциации – с одной стороны, и необходимостью использовать финансовые и политико-правовые механизмы, профессиональную деятельность в нашей собственной работе – с другой.

Как правило, это противоречие разрешается так, что функции профессиональной деятельности, финансового обеспечения, политического представительства берут на себя действующие неправительственные и общественно-политические организации, симпатизирующие альтерглобализму и составляющие значительную часть его участников, тогда как само движение в своих действиях (от демонстраций до научных конференций) относительно независимо от жёстких ограничений и может позволить себе быть открытым, сетевым, гибким и построенным на основе кооперации личностей, деятельности и ассоциаций, а не денег, капиталов и корпоративных структур.

На практике это происходит так, как, например, во время второго ВСФ, проходившего в Порту-Алегри. Как мы отметили выше, муниципалитет города и правительство штата (в них доминировала Партия трудящихся Бразилии, сама по себе являющаяся полупартией-полудвижением) взяли на себя обеспечение материально-технической стороны (при оплате по минимальным расценкам всех услуг самими участниками и огромных объёмах добровольного бесплатного труда и бесплатного жилья, обеспеченных жителями города). Крупные международные движения и НПО взяли на себя материальную поддержку ряда делегатов из развивающихся стран (и стран Центральной и Восточной Европы), но подавляющее большинство участников прибыли за свой счёт.

Разрешение этого противоречия не означает его исчезновения. Оно более чем актуально и подчас мучительно (материальное неравенство структур первого и третьего миров, относительно «богатых» и «бедных» НПО, зависимость многих НПО от глобального капитала – всё это создаёт большие проблемы); оно разрешается и воспроизводится, и это одна из фундаментальных черт, характеризующих бытие альтерглобализма в условиях «царства необходимости» на этапе глобальной гегемонии.

Не менее очевидно и *второе* противоречие, в котором отражается оппозиция мира отчуждения и альтерглобалистского движения – *противоположность социально-экономического неравенства участников* (от миллионов беднейших безземельных крестьян Бразилии до элиты западно-европейских парламентариев), с одной стороны, и *их равноправного диалога и солидарности в рамках движения* – с другой. Это противоречие не только создаёт

напряжение внутри движения, но и лежит в основе фактического отторжения от многих альтерглобалистских действий большей части потенциально наиболее важной части движения – активно и конструктивно борющихся против гегемонии глобального капитала рабочих, крестьян, «рядовой» интеллигенции третьего мира и наших стран. У них достаточного объема свободного времени, ресурсов для участия в зарубежных форумах и т.п. И здесь ставшая практикой поддержка со стороны участников из стран Первого мира и добровольное выделение ими средств на солидарность с участниками из бедных стран, помощь им в организации информационных систем, поездок и т. п. – всё это стало одним из средств снятия этого противоречия, которое, однако, остается актуальным.

Третье противоречие, проявляющее антагонизм между принципами и формами нашего движения, с одной стороны, и мира отчуждения – с другой. Это противоречие между открытостью и сетевым принципом организации движения, и необходимостью взаимодействия с властными структурами, участвуя в политических процессах.

Из наиболее очевидных проявлений этого противоречия выделим, (1) эмпирически наблюдаемую и уже упоминавшуюся зависимость многих участников движения (особенно крупных «старых» НПО первого мира, ориентированных на помощь развивающимся странам, бедным, но не только) от субъектов гегемонии (государства, глобальных межгосударственных структур и даже ТНК) через разного рода фонды и гранты, политические решения парламентов, зависимость от правящих партий и т.п. В результате они становятся, с одной стороны, участниками создания альтерглобалистских сетей, а с другой – проводниками глобальной гегемонии капитала (здесь отчасти уместна подсказанная автору С.-М. Михаилом аналогия с миссионерами эпохи колониализма).

Не менее очевидно (2) противоречие (и диалектическое единство) левых политических партий, с одной стороны, и движения как такового – с другой. Последнее проявляется как в эмпирически очевидной форме борьбы за включение партий в число организаторов социальных форумов (до настоящего времени ими могут быть только НПО и социальные движения), так и в виде менее очевидной противоположности между массовостью, открытостью, мягкостью сетевых структур альтерглобалистов и относительной

жесткостью, фиксированностью членства, иерархичностью структур политических партий (подробнее об этом ниже).

Кроме того, перед нашим движением стоит проблема включения в реальную политическую систему с целью реальной борьбы за реальное перераспределение власти в пользу сетей граждан. Здесь альтерглобалисты сталкиваются с практически хорошо всем известным (3) *противоречием между необходимостью, с одной стороны, сохранения нашим движением своей специфики как открытой сети* (что лежит в основе успеха и массовости) и, с другой стороны, *обретения традиционных организационно-институциональных форм для участия в жизни гражданского общества и политической борьбе.*

Насколько альтерглобалистам удастся найти формы снятия всех этих внешних противоречий – вопрос открытый. Один из путей для этого – не приспособление альтерглобалистских сетей к правилам мира отчуждения, а *изменение мира отчуждения, навязывание ему своих правил и форм жизни, методов деятельности и взаимодействия.* Именно так, в частности, организованы основные протестные акции альтерглобалистов, направленные на изменение этого мира при помощи действий, лежащих вне его «правил» (гражданское неповиновение и др.).

Новый импульс поиску путей снятия этого противоречия дает опыт движения «Оккупируй!», революционных выступлений в арабском мире и протестных акций в [пост?]кризисной Европе, но об этом ниже.

Внутренние противоречия альтерглобализма есть не что иное, как самая сущность этого движения. И здесь все упомянутые выше принципы движения оказываются не более чем проявлениями его глубинных противоречий. Авторы пока не готовы системно и содержательно раскрыть эту методологическую установку, но мы беремся утверждать, что к числу таких глубинных противоречий, имеющих немало эмпирически очевидных проявлений, относится *противоречивость ассоциированного социального творчества как «родовой сущности» альтерглобализма.*

Прежде всего – *противоречие между социальным творчеством как диалогом особых, уникальных субъектов (личностей, сообществ) и единым процессом совместной согласованной деятельности.* Причём основой совместной деятельности здесь является не одинаковость, а уникальность (при единстве стратегии-действия)

субъектов. Для альтерглобализма это противоречие более чем очевидно и проявляется в каждом аспекте нашего движения, в каждом его практическом шаге, где и когда приходится постоянно не просто согласовывать, но соединять в едином процессе действий [всякий раз особых] уникальные комбинации организаций, движений и индивидов.

Эту тему легко может развить каждый участник движения, поэтому мы ограничимся лишь указанием на одно из следствий этого противоречия: столь же многообразная, сколь многообразны формы отчуждения и интересы личности, подвижная, гибкая, открытая *сетевая организация* (комбинация субъектов ассоциированного созидания нового мира – если говорить на философском языке) *есть сила и слабость альтерглобализма*. Развивая уже упомянутый выше тезис, подчеркнем: сила нашего движения в том, что именно его принципы делают движение массовым, привлекательным для самых разных слоёв, групп, индивидов, реактивным (способным быстро реагировать на самые разнообразные проблемы) и трудно разрушимым [в отличие от чёткой структуры] извне. В то же время эти же принципы обуславливают нашу слабость: сетевое, децентрализованное, открытое и подвижное в своих формах движение оказывается неустойчивым, аморфным, легко размываемым и гаснущим, активно реагирующим на различные «вирусы» [разногласий, провокаций и т.п.] – перечень легко продолжить.

К числу эмпирически наблюдаемых внутренних противоречий альтерглобализма как одного из видов социального творчества относится так же *единство и противоположность разрушительной* [в первую очередь, по отношению к институтам глобальной гегемонии капитала] *и созидательной* [«Другой мир возможен!»] *сторон нашей деятельности*.

Первая из них наиболее известна. И это не случайно.

Во-первых, она более проста и доступна как для включения в неё, так и для получения первого впечатления о движении: обывателю (а мы все в той или иной степени пассивные конформисты), особенно людям, исключённым из «общества двух третей», разрушительные формы протеста гораздо ближе и понятнее, чем сложное ассоциированное социальное созидание.

Во-вторых, это разрушение в современном мире не может не принимать иррациональных, извращённых форм, что нередко

используется для дискредитации движения (типичный образ «антиглобалистов», нарочито транслируемый масс-медиа обывателю – хулиганы, бьющие витрины Макдональдсов и вообще всячески мешающие нормально жить честному законопослушному гражданину).

Однако диалектическое отрицание не может не быть частью нашей деятельности. Другое дело, что оно может и должно быть направлено на конструктивную замену старых отношений и институтов (структур, правил и стереотипов) отчуждения новыми отношениями освобождения человека (к позитивной программе альтерглобалистов мы еще вернемся).

И всё же главное в нашем движении – не акции протеста (хотя они по многим причинам, в том числе – отмеченным выше, наиболее заметны), а позитивное каждодневное созидание другого мира (других, новых отношений, ценностей, мотивов) многими тысячами организаций и движений (напомним, что только в ВСФ бывает представлено до 5000 структур). В этом единстве отрицания и созидания – суть альтерглобализма.

Не менее важно и противоречие альтерглобализма как борьбы против мира отчуждения («царства необходимости») в целом, с одной стороны, и современных форм власти капитала (как особого вида отчуждения) – с другой. И хотя гегемония капитала есть «всего лишь» существующий ныне вид отчуждения, здесь, в противоречии между общим и особенным, скрыто немало проблем.

Это противоречие порождает две эмпирически очень легко различимые тенденции. Первая представлена многочисленными общественными движениями и организациями, акцентирующими достаточно общие формы отчуждения (как правило, корреспондирующие с глобальными проблемами): человека и природы, мужчины и женщины, различных возрастных групп и т. п. Вторая – собственно классовые проблемы борьбы против капитала.

Естественно, эти две линии тесно сращены: именно глобальная гегемония капитала «ответственна» в конечном счете за нынешнюю остроту глобальных проблем, а классовая борьба ныне невозможна без борьбы за права женщин, молодёжи и т. п. Однако и противоположность здесь налицо – интерклассовость и интеридеологичность альтерглобализма, акцентируемая отстранённость значительной части участников движения от социалистической направленности – все это находится в

противоречии с антикапиталистическим содержанием действий этих организаций и антикапиталистической сущностью самого движения (будучи борьбой против отчуждения наше движение не может не бороться с исторически доминирующей ныне социальной силой отчуждения – капиталом).

Эта противоположность обусловлена двойственностью социальной базы нашего движения и проявляется в многочисленных оппозициях современной «общедемократической» и классовой борьбы. К числу таких проявлений относится, в частности, ограниченность действий (своего рода «неореформизм») значительной части движений и НПО, участвующих в альтерглобализме. Здесь даёт себя знать и упомянутое выше «внешнее» противоречие, обуславливающее сращенность части движений с институтами глобальной капиталистической системы, в частности, государствами, частными фондами, структурами ООН, ЮНЕСКО, ЕС и т. п., финансирующими участвующие в движении НПО. Последние в этом смысле проигрывают в последовательности и адекватности в реализации сущностных интенций альтерглобализма его радикальной части, где лидируют представители левых партий и политических организаций. Однако именно эти «неореформистские» НПО (например, упомянутая выше сеть АТТАК) привлекают наибольшее число ранее невовлечённых в оппозиционную деятельность людей, создавая сети, которые, собственно, и получили имя «альтерглобалистов».

Демократические левые политические партии (речь в данном случае не идёт о неосталинистских и/или сектантских организациях), участвующие в движении (их конфигурации и даже имена достаточно часто изменяются, поэтому упомянем в данном случае только международную сеть их журналов и фондов «Трансформ!», которая к моменту написания этих строк – 2012 году – стала одним из главных «мостов» между социальными движениями и левыми партиями в ЕС), как правило, более последовательно соединяет так называемые «общедемократические» цели и цели борьбы за социализм. При этом, однако, они ограничены своим фиксированным членством, программой, историей, конфликтами и расколами etc.

В то же время движения, партии и НПО в альтерглобализме уже соединены – массовыми акциями, социальными форумами, деятельностью партийных активистов в движениях и НПО (один из

наиболее ярких примеров, хорошо знакомых автору, деятельность Эрика Туссена, Кристофа Агитона и многих других членов левых партий в организациях, борющихся за отмену долгов третьего мира, в АТТАК и т.п.), тогда как в НПО есть немало лидеров (таких, как Самир Амин или Франсуа Утар), являющихся более последовательными борцами за социализм, чем иные вожди компартий...

Вот почему диалог и сотрудничество во многом противоположных «неореформистских» НПО и движений, с одной стороны, и демократических последовательно левых партий – с другой, составляет одну из основ действительного плюрализма и прогресса альтерглобалистского движения.

Однако здесь же скрыта и угроза раскола, дивергенции альтерглобалистов на подчинённых глобальным игрокам «неореформистов» (по сути, в этом случае они предадут движение) и вновь маргинализированных левых (которые в этом случае «выпадут» из движения), что приведёт – и это главная угроза – к уходу из движения большинства «рядовых» активистов, участвующих в нём именно потому, что соединение НПО и левых партий в альтерглобализме привело к появлению нового качества, вызвало могучий социальный импульс, подобный соединению под давлением двух неагрессивных веществ, приводящему к взрыву и высвобождению скрытой энергии.

Предотвратить раскол и дивергенцию альтерглобализма может не только сохранение диалога партий и движений, но и, прежде всего, развитие особого системного качества альтерглобализма как нового социального движения, принципиально не сводимого к взаимодействию левых партий и НПО (об этом новом качестве мы уже писали выше). Среди путей прогресса этого нового качества выделим и дальнейшее развитие массовых акций–*поступков*, социальных диалогов, информационных сетей, и пока что мало акцентирую выработку плюралистической, но взаимосогласованной позитивной программы движения, и развитие теории альтерглобализма, что может определить и новые практические шаги нашего движения.

Конечно же, на этом пути и левые партии, и социальные движения, и НПО, и альтерглобализм в целом столкнутся с

сложнейшими проблемами, в том числе и теми, что уже были упомянуты выше, – но дорогу осилит идущий!¹

Не менее сложные проблемы для нас связаны с наметившейся уже сейчас со стороны глобального капитала (государств, основных партий, корпораций и их фондов, наднациональных институтов и т. п.) тенденцией «удушения альтерглобализма в объятиях». «Помощь» и, прежде всего, – подкуп (деньгами, статусом, встроенностью в истэблишмент) лидеров и наиболее мощных структур, провоцирование расколов и конфликтов, дискредитация (уже сейчас нас обвиняют в том, что мы являемся агентами и мирового сталинизма, и глобального капитала; и реформистами, отвлекающими трудящихся от классовой борьбы, и супер-радикалами-террористами...), создание фиктивных организаций с вывеской «альтерглобалисты» (в том числе и в России) – эти известные средства борьбы против любых реальных оппозиционных движений широко используются и против нас.

Другое дело, что у альтерглобализма здесь есть некое преимущество: благодаря своей гибкости и сетевой организации мы менее уязвимы для лобовой атаки: у нас слишком много «центров» и лидеров, чтобы их можно было легко купить; наши структуры столь многообразны и разнообразны, что их все практически невозможно дискредитировать... В этом смысле мы можем позаимствовать принципы японских единоборств (говорят, их выработали безоружные крестьяне для борьбы против вооружённых профессионалов – самураев) и использовать силу врага против него же, для его поражения, а собственную слабость – для нашей победы.

Наконец, одной из важнейших угроз для альтерглобализма (к сожалению, очень созвучной с нашей кличкой – «антиглобалисты») стал растущий во всём мире и особенно опасный в России национализм. Последний так же является отрицанием глобализации, но отрицанием, идущим из прошлого, нацеленным на разрушение действительных достижений интернационализации и потому реакционным. Эта тема, однако, с одной стороны, слишком сложна

---

¹ Заметим: эти тезисы были сформулированы в начале 2000-х гг. Жизнь во многом подтвердила эти размышления: альтерглобалистское движение ныне снимается в новых протестных конфигурациях, которые (NB!) наследуют родовые, сущностные принципы альтерглобалистских сетей. Мы еще вернемся ниже к этой теме.

для коротких ремарок, а с другой – многократно комментировалась. Поэтому здесь я ограничусь только постановкой этой проблемы.

Суммируя, заметим: действительное место и роль альтерглобализма в мире оппозиционного социального творчества характеризуется лучше всего практической деятельностью нашего движения, в которой, по сути дела, уже сложилась разнообразная плюралистичная, но при этом уже достаточно ясная позитивная программа альтерглобализма.

Позитивная программа альтерглобализма

Альтернативы глобальной власти капитала складываются объективно, и мы их можем лишь изучать и, изучив, интенсифицировать позитивные процессы освобождения, не переходя при этом той черты, которой субъективный фактор [прогресса] вырождается в субъективизм [провоцирующий регресс]. К числу таких налично данных и хорошо известных альтернатив следует отнести двоякого рода процессы.

Во-первых, это попытки изоляционизма, «ухода» от глобализации; во-вторых, созидание новых форм интернационализации, являющихся практической и теоретической антитезой глобализму.

Именно этот второй путь решения проблем и предлагают альтерглобалисты, исходя при этом не из благопожеланий и нравственных императивов (хотя последние нам отнюдь не чужды), а из анализа объективно возможных путей выхода из тупиков протоимперии, ограничившись в данном случае своего рода *программой-минимум*, требованиями социализации и демократизации этой системы (они, в свою очередь, могут и должны стать прологом программы-максимум, но об этом – в других текстах).

Во-первых, наши альтернативы предполагают выведение из-под частного контроля и передачу в общественное ведение таких общественных благ как природные ресурсы, общественная инфраструктура, культурные блага, знания и средства их получения. Это может быть сделано как минимум путем развития интернациональных, экологических, социальных, гуманитарных норм; как максимум, при наличии подлинно демократического государства, – *национализации*. В перспективе же мы считаем природу и культуру принадлежащими всем на равных основаниях, выдвигая требование их *всемирной социализации*. Заметим: эти меры вполне возможно осуществить и при сохранении рыночной капиталистической системы:

просто знания и информация станут бесплатными (как бесплатны сегодня теорема Пифагора или романы Толстого), а корпорации, добывающие нефть или руду будут платить ренту не частному собственнику и не национальному государству, а международным общественным структурам, не раздающим подаячки бедных, финансирующим *развитие* – развитие науки и высоких технологий, образования и искусства, развитие, позволяющее решить проблемы экологии и бедности... – этот перечень общеизвестен.

Особого комментария заслуживает проблема преодоления частной собственности на знания, ранее уже акцентировавшаяся в нашей книге. Генезис постиндустриальных технологий делает особо важным направлением противодействия глобализации выдвижение и реализацию новых принципов организации информационного пространства и развития мира культуры. Задачи (1) *свободного, общедоступного* (предполагающего лишь компенсацию издержек, крайне низких при большом числе пользователей) *распространения культурных благ*, основанного на *отмене частной собственности на знания*, (2) *развития средств их использования* (общедоступные бесплатные информационные сети плюс компьютеризация, доступная для всех) и (3) *общедоступного бесплатного образования через всю жизнь* при общественной поддержке обучающихся из бедных семей, становятся ключевыми в борьбе против глобальной гегемонии капитала информационной эры. *Общедоступность знаний и образования становится базой демократической, основанной на прогрессе креатосферы интеграции народов.*

И это всего лишь некоторые аспекты реализации известного альтерглобалистского лозунга «*Мир – не товар!*»

Во-вторых, суммируя различные социальные, экологические и гуманитарные инициативы участников нашего движения, мы можем выдвинуть лозунг создания своего рода *социально-, гуманистически-, экологически-ориентированного и ответственного мирового экономического устройства*, когда к «цивилизованной» интеграции будут допущены не государства, соблюдающие «Вашингтонский консенсус», а лишь те страны, где:

- обеспечен социально-гарантированный минимум;
- введен прогрессивный подоходный налог и налог на наследство;
- гарантировано общедоступное медицинское обслуживание и образование (что касается средств для этих программ, то авторы уже

отметили: для этого достаточно всего лишь чуть-чуть ограничить финансовые спекуляции, милитаризм и перепотребление миллиардеров...);

- профсоюзам и общественным организациям предоставлены широкие права по контролю за бизнесом;
- демократические структуры, институты гражданского общества обладают властью большей, чем глобальные игроки...

Перечень этих шагов ныне общеизвестен. Более того, они уже частично реализуются в рамках определенных сообществ (например, в скандинавских странах).

Более того, реализация этих императивов *будет не противостоянием глобализации, а импульсом еще более широкой интеграции, но по иным правилам – правилам (как минимум!) международного «шведского капитализма», от которых капиталу убежать можно будет только в джунгли контролируемых наркокортелями территорий.*

На этой основе становится разрешимой задача *выравнивания уровней развития Первого и Третьего миров* не за счет ухудшения качества жизни в первом, а за счет изменения системы мирохозяйственных отношений, перераспределения паразитических расходов хозяев Первого мира в пользу решения проблем ускоренной модернизации (приоритетного развития постиндустриального сектора, образования и т.п.) и преодоления нищеты в странах Третьего. Но главное в ином – в формировании новых социальных отношений, обеспечивающих ориентацию мировой экономики на цели равномерного обеспечения социальных приоритетов, отказа от милитаризма, финансовых спекуляций и т.п. К перечисленным выше предложениям программы-минимум в данном случае добавим такие давно известные требования как отмена долгов Третьего мира, введение унифицированных международных экологических, социальных и гуманитарных нормативов и т. п.

Кроме того, в рамках альтерглобалистской программы-минимум возможна и деятельность, направленная на «выведение» из-под власти *корпоративного капитала определенных «оазисов» экономической, социальной и культурной жизни* и осуществление тактики «глобализации снизу». Такими интегрирующимися снизу «оазисами» могли бы стать сети кооперативов вкупе с органами местного самоуправления, экологическими и т.п. союзами, ориентированными на реализацию в своей практической работе некоторого ограниченного круга «правил» новой (гуманитарно, экологически,

социально ориентированной) модели интеграции. При условии создания своей системы интернациональных институтов (а основы для этого есть – существуют альянсы кооперативов и т.п. международные структуры), аналогичных по роли «несвятой троице» и ориентированных именно на наднациональное регулирование, эти «лилипуты» (кооперативы и т.п.) могут стать серьезным вызовом (хотя еще и не конкурентом) для глобальных игроков.

Именно так может начать реализовываться еще один важнейший лозунг нашего движения: *«Другой мир возможен!»*

На вопрос, *кто* будет решать эти задачи, мы по сути дела уже начали отвечать. Это, прежде всего, растущие силы интернационального альтерглобализма.

По сути дела субъектом формирования новой интеграции снизу становится *международное гражданское общество и новые социальные движения*, поддерживающие их левые партии и политические организации. Сейчас они несоизмеримо слабы в сравнении с хозяевами возникающей протоимперии, однако наши роль и влияние растут очень быстро (в день единой демонстрации против войны в Ираке, когда на улице сотен городов одновременно вышло более 10 миллионов человек, даже «The New York Times» написала, что в мире теперь есть две силы: власти США и Общественное мнение) и все более признаются как прогрессивная альтернатива новой империи, угроза которой поистине устрашающая.

Есть и немало иных потенциальных участников этой деятельности. При всех противоречиях, силами, противостоящими протоимперии, могут стать (как мы сказали выше, *при определенных условиях*) государства, оказавшиеся в «гетто отсталости». На основе предшествующих размышлений мы можем предположить, что даже *власти некоторых стран Третьего мира могут стать субъектами контр-гегемонистских действий*, если они сподвигнутся на реализацию некоторых шагов, предполагающих как минимум, открытость их стран для культурного, образовательного, экологического и т.п. диалога, кооперацию с «антиглобалистскими» силами в странах «золотого миллиарда» и т.п.

Достаточно очевидно, что изоляционистски-фундаменталистские (каким бы ни был этот фундаментализм – исламским, православным, националистическим, «коммунистическим») режимы стран третьего мира на такие шаги неспособны. Следовательно, в рамках

этих стран возникает «сверхзадача» борьбы за переориентацию их контр-гегемонистских действий.

В заключение вновь подчеркнем: сказанное – не более чем программа минимум, реализация которой поможет всего лишь реформировать нынешнюю систему, обеспечить ее значительную (но не качественную!) подвижку в сторону большей социализации, гуманизации и экологизации. Однако даже за эту «мировую реформу» бороться придется всерьез и долго.

***

Да, ныне наши альтернативы все еще кажутся мало реалистичными, а наши силы – незначительными в сравнении с мощью глобальных игроков. Однако еще полстолетия назад столь же романтично-прожектерской выглядела борьба против колониализма, а ныне об этом позоре Первого мира предпочитают вообще не вспоминать...

Мир мрачного угнетения и обывательского мракобесия, скуки и насилия понял, что главная угроза его власти исходит ныне от **веселых альтерглобалистов**, а не боящиеся плыть против течения граждане всего мира начинают понимать, что могут сами – и весело! – творить новый мир.

Впрочем, мы должны быть и самокритичны. Собственно альтерглобалистское движение как таковое в последние годы (напомним, этот текст пишется в 2012–м) переживает период скорее упадка, чем расцвета.

Но!

Но на базе этого генетически исходного импульса новых социальных протестно-креативных инициатив вырастает целый спектр новых феноменов, критически снимающих и одновременно продолжающих и развивающих наши инициативы. Альтерглобализм, провозгласивший подвижность и гибкость форм и структур, уходит в прошлое? Возможно, но таковы его сущность и жизненные принципы – быть гибким, не держаться за устаревающие формы, не бояться уступать место новому...

Вот почему совершенно неслучайно охарактеризованные выше противоречия и проблемы нашего движения, равно как и (повторим!) заложенная в самой его сущности интенция постоянной смены форм и методов деятельности, привели к тому, что примерно

десять лет спустя после возникновения наше движение стало активно менять свои конфигурации...

От альтерглобализма к «Оккупируй!» и сетевым революциям [против правил]

*Некоторые предварительные замечания
и феноменология*

Эти интенции стали особенно интенсивными в связи с начавшемся в 2008 году мировым финансовым и экономическим кризисом. Очевидность классовой ангажированности первых антикризисных программ властей США, ЕС, России и т.д. (спасение проигравших в «казино-капитализме» частных финансовых структур за счет средств налогоплательщиков) вкупе с ухудшением социально-экономического положения граждан Первого мира незамедлительно обернулась массовыми кампаниями под лозунгами, квинтэссенцией которых стало знаменитое: «*Let Them Pay for Their Crisis!*» (Пусть они платят за их кризис!).

Из ставшего «вдруг» (вследствие кризиса) очевидным противоречия между подавляющим большинством общества и корпоративно-финансовой номенклатурой и родилось движение «Оккупируй!», в котором оказались задействованы очень многие из тех акторов и тех программных установок, которые развивались в рамках альтерглобалистского движения как такового, в частности, внутри сети АТТАК и др. Это движение быстро получило едва ли не всеобщее распространение и перекинулось на борьбу не только с финансово-спекулятивным капиталом, но и на многие сопряженные с ним структуры. Существенно, что эти протестные акции унаследовали от своих предшественников сетевые принципы организации, открытость, отсутствие однозначной политической ангажированности, акцент на гражданском неповиновении как одном из основных методов действий, интернационализм и интерклассовость.

Во многом совпадающей с требованиями альтерглобалистов и работавших в диалоге с ними левых партий оказались и позитивные требования участников движения «Оккупируй!».

Однако это движение стало далеко не единственным компонентом новой конфигурации протестно-созидательной

борьбы кризисных лет. Двумя другими важнейшими слагаемыми этого процесса стали, во-первых, т.н. «арабская весна» и, во-вторых, события, связанные с кризисом Европейского Союза и, в первую очередь, массовые и перманентные протестные действия в Греции.

Первые даже получили имя «революций». Автор, однако, не склонен считать **борьбу, победы и поражения народов арабского региона** социальной революцией в точном смысле этого слова. Политические изменения, действительно, оказались во многих случаях принципиальными: ушли в прошлое существовавшие десятилетия [полу]авторитарные структуры, причем произошло это вследствие не доброй воли старых лидеров и не вследствие инспирированного НАТО государственного переворота. Главным действующим механизмом изменений стали массовые выступления граждан, действительный протест, идущий снизу. И этот феномен требует теоретического осмысления и основанных на этом социально-политических выводов.

Заметим: эти новые формы и методы действий проявили себя в полной мере едва ли не впервые во время гораздо более близких нам географически и культурно событий на Майдане в Украине. На эту тему было немало написано, в том числе и автором этих строк, но, на мой взгляд, выводы об уроках Майдана, сделанные моими товарищами и мной 7 лет назад в основном подтвердились в ходе событий «Арабской весны» и греческих выступлений. Прежде чем сделать некоторые общие выводы позволю себе напомнить о том, что автор писал в 2005 году об уроках Майдана.

Урок первый. При всем при том, что акции на Майдане безусловно имели за своей спиной деньги и поддержку крупной буржуазии и Запада, они вышли далеко за пределы продукта политико-идеологического манипулирования. В них, как и в любых революционных действиях снизу, был и мощный социально-творческий потенциал. На Майдане сотни тысяч людей, кто в большей, кто в меньшей степени, но возвысились до социального творчества новых общественных отношений и это знаменательно уже само по себе, независимо от того, к каким результатам приведет это противостояние. **Майдан показал, что массовые, вызывающие действительный энтузиазм и подъем народа, мощные, охватывающие как минимум полстраны, акции гражданского неповиновения, имеющие некоторые черты политической революции и направленные на**

слом олигархо-бюрократической власти, в постсоветском пространстве возможны. Точка.

Урок второй. Развитие классового самосознания и организованности различных слоев национальной буржуазии в наших странах происходит быстрее, чем у рабочего класса, и массовые выступления граждан по своему классовому содержанию оказались преимущественно буржуазными. У слабости сил социального освобождения, идущих дальше ограниченных буржуазно-демократических лозунгов, есть объективные и субъективные (слабость, вялость, патриархальность большинства левых партий) причины, но урок Майдана состоит в ином: до тех пор, пока класс наемных работников (т.е. и «рядовая» интеллигенция, и рабочие) будет оставаться слаб и неорганизован, средняя и мелкая буржуазия всегда будет проигрывать олигархам, а потому последовательные демократические реформы (даже буржуазно-демократические) проведены не будут. **Обязательным условием успешности антиолигархической революции на постсоветском пространстве является союз общедемократических сил с силами социального освобождения (левыми) в рамках социально-демократических требований.** Под флагом исключительно абстрактно-демократических требований, без союза с организованными наемными работниками победа такой революции невозможна. Возможно в лучшем случае некоторая временная демократизация олигархо-бюрократической власти.

Урок третий. Условием массовых выступлений граждан против власти является кризис самой власти и наличие мощной альтернативной силы, способной пробудить, поддержать (а отчасти и организовать) выступление граждан. Но сели эта сила не будет последовательно демократической, опирающейся на самоорганизацию низов, то выступлением масс в конечном счете воспользуется иной («оппозиционный») слой все тех же верхов¹. Между тем **всякое отступление от общедемократических лозунгов и их неполнота приводят к резкому ослаблению этого движения** (например, наличие националистической составляющей у сторонников Ющенко оттолкнуло от

---

¹ При этом массовое движение может стать жертвой поистине трагического самообмана – вспомним, что Гитлер пришел к власти на волне вполне оправданного массового недовольства режимом Веймарской республики, благоволившим обогащению верхушки капиталистов в условиях жесточайшего кризиса.

них значительную часть русскоязычного населения). В любом случае, однако, действительно массовое выступление граждан дает бесценный опыт самоорганизации, показывает, что они способны на солидарность, социальный энтузиазм и самостоятельное творение истории.

А теперь гипотеза, претендующая на некоторое обобщение происходивших и происходящих событий.

Первое, что абсолютно необходимо подчеркнуть, это *наличие глубокого содержательного (конкретно-всеобщего) единства практически всех массовых социальных выступлений последних лет*. Это единство присутствует, несмотря на то, что внешней, формальной общности между ними мало. Они, во-первых, проходили в самых различных экономических, социально-политических и культурных пространствах мира (от Арабского мира до ЕС), имеющих огромное количество специфических атрибутов. Во-вторых, они имели самые различные формы: от мирных митингов до вооруженных столкновений и завершившихся (если они вообще завершились...). В третьих, их результатами стали в одних случаях всего лишь подвижки в общественном мнении (движение «Оккупируй!»), в других – смена политической власти (Египет), в третьих – гражданские войны (Ливия, Сирия). И все же я настаиваю на наличие такого единства.

Его глубинная основа – противоречие между искренними и энтузиастичными движениями (их многообразие и не-одинаковость есть их атрибут) масс и мощным политико-идеологическим манипулированием этими социально-творческими процессами со стороны разнообразных гегемонистских сил (от ТНК и государственных структур Запада до фундаменталистских структур Востока).

Материальной основой этого противоречия стали новые информационные технологии. С одной стороны, Интернет, мобильные телефоны и социальные сети стали абсолютно необходимой материально-технической базой, которая позволила (1) максимально быстро (в считанные часы), с (2) минимальными организационными и материальными издержками (такая организация акций практически не требует ни больших оргусилий, ни значительных денег) и (3) на основе сетевого принципа (что создает предпосылки для неиерархической организации протеста и протестующих) сделать реальностью национальные и

интернациональные акции сотен тысяч и даже миллионов граждан. С другой стороны, эти же технологии уже давно стали основой перерождения демократии (даже там, где она есть) в массовое политико-идеологическое манипулирование.

Следствием этого противоречия стали крайне разноплановые и опять же противоречивые результаты социальных выступлений. С одной стороны, почти везде на их плечах к власти пришли отнюдь не силы, кто намерен реализовывать интенции социального протеста (единственное, но очень важное исключение – Исландия). С другой стороны, все эти социально-творческие действия показали, что и новом веке массовые и мощные выступления граждан возможны и реальны.

Наконец, в рамках и украинских протестов, и «арабских весен», и европейских и североамериканских «оккупаций» и демонстраций в самых различных формах проявили себя все те принципы и противоречия, о которых я писал в этом тексте выше в связи с анализом альтерглобализма. И это не случайно: в мире складываются новые социально-творческие отношения, некоторые сущностные черты которых мы и постарались показать выше.

А теперь о нашей стране.

Россия:

социально-творческие интенции начала XXI века

Зима 2011–2012 года и последовавшая за этим бурная весна в нашей стране стала знаменательна не столько парламентскими и президентскими выборами (они-то как раз не принесли ничего неожиданного, разве что – удививший даже ко всему привычных россиян цинизм и масштабы манипулирования), сколько массовыми демонстрациями и существенным изменением общественной атмосферы.

Так что же это было?

К размышлению над этими проблемами мы переходим ниже, используя тексты, написанные по следам «больших московских митингов», существенно изменивших атмосферу в стране. Сейчас, полгода спустя, мне не хочется ничего изменять в этих скомпонованных в единый раздел, текстах.

«Большие московские митинги»

В декабре мы начали наши размышления с того, что резкий и неожиданный всплеск уличной активности в России, символами которого стали митинги на Болотной площади 10 декабря и на проспекте Сахарова 24 декабря вздыбили казавшуюся навечно зашнувшей общественную атмосферу нашей страны. Мир, да и мы сами с удивлением поняли: народ не безмолвствует.

Впрочем, о том, что мы не всегда молчим, и способны на взрывное действие, автор этих строк говорил не раз. Да и исторических примеров, в том числе – недавнего прошлого – хватает. Используем обратный отсчет: январь 2005 г. – десятки тысяч людей по всей стране не просто участвуют в митингах, но перекрывают магистрали, протестуя против монетизации льгот. Осень 1993 г. – сотни тысяч постоянно борются против блокады Верховного Совета и готовы идти (и шли) под пули. Май и ноябрь 1992 – до полумиллиона протестующих против «шоковой терапии» по всей стране. Август 1991 – не менее ста тысяч человек в Москве выходят на протест против ГКЧП...

Так встает вопрос *кто не безмолвствует?*

Ответ на него пока не может быть точным: социологические исследования, проведенные Левада-центром и ВЦИОМом, не в полной мере репрезентативны, поэтому соединим их «официальные» результаты с наблюдениями наших коллег и нашими собственными. Едва ли не для всех очевидным является то, что на Болотную и на Сахарова пришли в большинстве своем не политические активисты (их в Москве и нескольких тысяч не наберется), а «рядовые» граждане – те, кто не привык участвовать в политике и те, чье гражданское достоинство попиралось на протяжении последних десятилетий, причем этой осенью – особенно цинично и бездарно.

В большинстве своем участники московских митингов – это люди среднего возраста и молодежь, причем люди достаточно обеспеченные: на площади и проспекты их вывели не голод и холод, а не желание быть марионетками, которыми бездарно манипулирует власть. «Высший средний класс», гламурная интеллигенция и «жирные коты» в массах представлены крайне слабо (зато на трибунах от них не протолкнуться – но об этом особо). Примерно таким же – очень напоминающим поток москвичей в метро в час пик – был состав тех, кто пришел на митинги (и оппозиции, и «анти-оранжевый» 4 февраля). Да, это не «средний» россиянин – москвичи живут в 3–4 раза богаче, чем осталь-

ная Россия, это не обездоленные. Но и не те, кто наживается на путинской модели общества. Наиболее активный – среднего возраста и молодой – слой тех, кто не беден, оказался наиболее активен и расколот на тех, кто считает, что главное – «не раскачивать лодку» («анти-оранжевые») и тех, кто считает, что лодка путинской власти прогнила и её надо сменить на более надежное судно. Другое дело, что никакого единодушия по вопросу о том, каким должен быть этот новый корабль, у оппозиции нет, да и быть не может. Она – «право-левая»...

Впрочем, есть и еще один аспект, который нельзя забывать, если мы хотим быть самокритичны: на Болотную и – особенно – на Сахарова, в несколько меньшей мере – на митинг 4 февраля, проходивший при минус 20 – пришло много тех, для кого это стало не более чем данью моде – некая возможно «клево потусоваться» и «оттянуться» причем с добавлением к этому чувства собственного достоинства и гражданственности при минимальном риске. В общем – «круто»! Впрочем, таких все же было меньшинство. Большинство пришедших искренне хотели и хотят защитить свое гражданское достоинство.

Не забудем, что митинги проходили по всей России, хотя только в Москве они собирали до ста тысяч человек. Но в регионах и тысяча человек – небывалый размах. И там, в большинстве своем на митингах были другие люди: все больше небогатая (а то и просто бедная) интеллигенция бюджетной сферы, рабочие, студенты. И были эти лозунги заметно более красными.

Да и в Москве митинги прошли не только на Болотной и Сахарова. Более 5 тысяч собрали на Манежной лидеры КП РФ, более тысячи – на Воробьевых горах – Кургинян и наконец, несанкционированный митинг в поддержку 31-й статьи конституции, который проходил во вторник вечером на Триумфальной площади с участием Лимонова. Эти митинги были несоизмеримо меньше, но делать вид, что их не было – нельзя. Ибо они были другими и за ними стоят люди, готовые не только прогуляться в уикенд на модную тусовку, но и совершать поступки. Последнее в меньшей степени относится к КПРФ, хотя у них есть парламентский ресурс, и в большей – к молодежи, выступающей вместе с Кургиняном, ставшим особенно популярным после полугодовой серии теледебатов о противоречиях советской истории, выступлений с критикой акций на Болотной и Сахарова, причем с критикой не пустяковой (эти строки, написанные в конце декабря, в полной мере подтвердила массовость «анти-оранжевого» митинга в феврале). А есть еще и готовые на разного рода акции националисты, спортивные фанаты и т. п.

Чего же они все хотят? О чем не молчит народ?

Простейший ответ общеизвестен: о разном. Но истина, в отличие от позитивистских констатаций, всегда конкретна, а значит – сложна и противоречива. Мы отнюдь не претендуем на знание истины в конечной инстанции, но ряд соображений сформулируем как вызов для дискуссии.

Во-первых, у большинства из участников митингов оппозиции не было и пока нет сколько-нибудь определенных политических и идеологических пристрастий, хотя точки потенциальной кристаллизации – сторонники либеральной демократии, левые, националисты и державники – просматриваются явственно. Но сама кристаллизация еще не началась и равнодействующей, «абстрактно-общим» (если выражаться философским языком) почти для всех является несколько требований, четко проявившихся во время митингов:

- требование честной и прозрачной политической системы, избавление от политического манипулирования и лжи;
- усталость от «танDEMократии»: цинизм игры в смену Путина на Медведева и Медведева на Путина говоря современным языком – «всех достал». На Сахарова все чаще встречались плакаты с требованием смены «двойки».
- недоверие сложившейся политической системе в целом, которое пока еще не вполне отчетливо, но достаточно заметно витало над площадями Москвы в эти две субботы.

Во-вторых, при всей неопределенности позиций митингующих для большинства из них (особенно – для тех, кто вышел на улицы в регионах и для участников альтернативных митингов) весьма значимы социальные проблемы. Даже в относительно сытой Москве и даже для тех, кто получает нормальную (?) зарплату проблемы роста цен, коммерциализации образования и здравоохранения значимы. Во всех разговорах с участниками митингов всех наших товарищей требование более активной социальной политики находило живейший отклик. При всем разнообразии и неопределенности позиций подавляющего большинства митингующих, на наш взгляд, в случае выдвижения лидерами хотя бы умеренных социальных лозунгов подавляющее большинство митингующих сказало бы – «ДА!»

- радикальному увеличению расходов на образование, медицину и другие социальные цели, повышению минимальной заработной платы и пенсий до реального прожиточного минимума,
- расширению прав работников и роли профсоюзов,

■ решению сверхактуальных экологических проблем и частичному перераспределению средств в пользу граждан за счет не только коррумпированных чиновников, но и (NB!) олигархов и средней буржуазии.

Утверждать это авторам позволяет то, что данные требования не выдуманы. Они озвучены в требованиях общественных организаций и социальных движений России, присутствуют в программах КПРФ и Справедливой России (а эти партии в сумме получили бы при честных выборах не менее половины голосов).

Эти требования гораздо более рельефно, чем в декабре, прозвучали на митинге оппозиции 4 февраля, что неслучайно: «вне-КПРФные» левые смогли провести в Москве накануне (28 января) Форум левых сил, который собрал представителей практически всех социалистических и коммунистических организаций, не входящих в КПРФ и ряд активистов социальных движений (но о нем, как и о митингах левых в января – чуть позже).

В то же время надо подчеркнуть, что социально-акцентированные требования категорически неприемлемы для тех, кто фактически монополизировал трибуны митингов на Болотной и Сахарова, хотя в феврале столь полной монополизации трибуны правыми и центром не было.

Но было другое – **цинизм большинства вождей**.

Лидеры на трибунах массовых московских митингов тоже далеко не однородны. Но здесь первые роли оказались сосредоточены в руках тех из организаторов митингов, у кого в руках нет политической власти, но есть деньги и доступ к СМИ.

О последних следует сказать особо. При всем том, что большая часть журналистов в России готова работать и по принципу «чего изволите?», лишь бы платили, в нашей стране до сих пор сохраняется некоторая толика созидателей общественного мнения, сохранявших определенную верность традиционным либеральным ценностям, и еще большое число тех, кто имел и имеет достаточно определенную праволиберальную позицию и был бы рад высказывать ее открыто. Из этого не следует, что они готовы предоставлять равные возможности для оппозиции, но за свободу слова для себя они готовы бороться искренне и всерьез. И такие журналисты и СМИ («Эхо Москвы», «Новая газета», ряд блогеров и т. п.) очень много сделали для обеспечения массовости митингов и вывода на трибуны именно праволиберальной оппозиции. И здесь они совершенно искренне боролись за свое будущее.

Что же касается тех, кто оказался наиболее заметен на трибунах и затем еще больше растиражирован СМИ, то это иной тип деятелей. Они хорошо известны, причем, прежде всего своими делами.

Впрочем, есть в этом кругу и искренние демократы, которые в глубине души даже догадываются, что в случае победы нынешних «вождей» их опять (как во времена поздней ельцинщины) «кинут» их бывшие «соратники». Но они не способны противостоять соблазну пусть таким путем, пусть при помощи этих, не самых лучших лидеров, но оказаться на трибуне стотысячного митинга и помечтать о настоящей демократии в России.

Нельзя сказать, что пришедшие на митинг граждане вполне доверяют тем, кто на трибуне. Речи большинства вызывали отклик лишь у активных групп симпатизантов, за исключением тех случаев, когда кто-то из выступавших громко и ярко озвучивал то, что наболело у всех – уже не раз повторенные лозунги честной власти и смены тандемократии.

Граждане России оказались в трагическом положении.

Пришедшие на митинги люди не имели выбора. *В стране нет политической силы, способной адекватно выразить интересы большинства и помочь этому большинству самостоятельно эти свои интересы проводить в жизнь.* Все стремятся «возглавить»: и те, кто на трибунах больших московских митингов, и те, что в думской оппозиции. Причем правые «демократы» вызывают доверия даже меньше, чем «левые» сталинисты. Неслучайно (почему – об этом ниже) оказавшиеся в большинстве на трибуне правые не вызывают доверия в своих стремлениях к демократии потому, что мы из практики знаем, что они ей очень легко поступятся, если демократия будет мешать им превращать свои миллионы в миллиарды, а миллиарды – в десятки и сотни миллиардов. И не рублей, а долларов (или евро) – если не рухнет. Они так поступали и не раз. И не только в России.

И потому мы знаем, что они так поступят еще раз: если, дорвавшись до власти, они столкнутся с демократически выраженной волей большинства ввести прогрессивный подоходный налог, усилить профсоюзы и ограничить бизнес рамками социальной ответственности (хотя бы на уровне скандинавских стран), то нынешние правые «демократы» тут же применяют силу для подавления любых демократических институтов, буде те начнут проводить социальные требования большинства в жизнь. Еще раз подчеркнем: они именно так действовали в 1993 г.

Но и левая парламентская оппозиция не вызывает особого доверия у большинства участников больших московских митингов. Радеющие за демократию, но при этом откровенно ностальгирующие по Сталину лидеры КПРФ – это не просто нонсенс. Это еще и не заслуживающий доверия нонсенс, потому что они демонстрируют к тому же полную неспособность к сколько-нибудь решительным действиям против власти. Не менее сомнительна новейшая история «Справедливой России», которая в последней Думе по всем ключевым вопросам поддерживала Путина, пока её лидера – Миронова – не выгнали с поста председателя Сената.

А теперь о «загадке» расхождения интересов «низов» и «верхов» больших митингов.

Вожди и массы: правые, левые, националисты...

Уточним: массы митинговавших в Москве – не левые. Но в большинстве неявно сочувствующие социально-ориентированной демократии. В европейских измерениях – социал-демократы и левее. Причем не акцентированные и неопределенные. Зато занимающие трибуны «верхи» акцентированы и определены. Хотя, тоже достаточно разномастны и внутренне неоднородны. Левые среди них – исключение, хотя, как мы заметили, в феврале не столь малочисленное, сколь в декабре.

Наверху правые оказались не случайно: у них были и есть реальные аппаратные возможности, они дружат с серьезными СМИ, они связаны с теми, у кого есть большие деньги, они могут нанять для работы в сетях десятки профессионалов. За ними стоят очень серьезные ресурсы госдепа США и т. п. структур (это не главная, но и далеко не ничтожная помощь, которую Запад оказывает в борьбе за демократию *исключительно* правым). Но не это главное. Главное в том, что они хотят и умеют драться за свои интересы. А ставки (для них) в этой игре большие. За что же борются «верхи»?

«Честные выборы» – это, конечно, хорошо, но этот лозунг хорош только для того, чтобы свалить нынешнюю действительно не честную и коррумпированную власть и получить власть самим. Что дальше будут делать Немцов, Кудрин и Ко? Да то же, что они делали тогда, когда имели власть. Больше свободы бизнесу, меньше налоги на богатых и очередной передел собственности в пользу тех, кто захватит кремлевские кабинеты. Возможно, больше свободы на телевидении для программ *а ля* Собчак.

Если быть более конкретным, то несложно сформулировать предположение, которое уже не первый день носится в воздухе: задача правых «вождей» добиться некоторых уступок от власти с тем, чтобы наконец занять места в парламенте (а еще лучше – в креслах министерств и администрации президента). Предложенные Медведевым коррекции избирательной системы в этом отношении им на руку: будет несложно зарегистрировать карликовую партию, а потом раскрутить ее с помощью денег (а они есть только у правых и Ко), по одномандатным округам опять же обычно избирается в первую очередь тот, у кого больше денег на подкуп... Впрочем, возможный компромисс с Путиным–Медведевым – это уже не предположение, а нечто большее: недаром близкий друг Путина А. Кудрин предлагал на последнем митинге свои посреднические усилия в переговорах «вождей» с властями.

Проблема в данном случае даже не в том, что они хотят *этого* – они другого и не могут хотеть. И демократические интенции они должны предавать: это их сущностный интерес и они его последовательно отстаивают. Проблема заключена в другом.

Проблема в том, что искренне пришедшие на митинг для того, чтобы почувствовать себя гражданами люди оказались на площадях больших московских митингов «низами».

«Низами», которых (1) начинают (2) дурить.

Начинают – ибо пока на трибунах превалировали действительно актуальные для большинства лозунги честной, прозрачной, демократической политической системы.

Дурить – ибо завтра эти лозунги могут разменять на доступ к кормушке или использовать для политических интриг.

А что же «низы»?

А «низы» – и в этом главная трагедия нашей страны – пока (надемся, что пока) не способны к самоорганизации и решительному заявлению своей воли, своих разноплановых, но сущностно единых интересов.

Отсюда задача момента: помочь митингующим площадям самим сформировать некоторые минимальные институты низовой демократии. Именно – только помочь. Причем больше словом, чем делом, ибо масштабное дело граждане могут и должны делать сами, да и силенок у независимых демократических левых России раз-два и обчелся...

А что же левые?

Нельзя сказать, что левая оппозиция бездействует, хотя надо сказать, что лидеры и КПРФ, и «Справедливой России» себя сколько-нибудь активно не проявляли вплоть до начала февраля, когда мы пишем эти строки. Боимся, что и дальше будет так же.

Что до внепарламентских левых, то они довольно быстро смогли мобилизоваться. Еще до митингов у них (точнее – у нас, ибо авторы не исключают себя из числа сторонников социализма, не принадлежащих к парламентским структурам) началась серьезная работа. Причем очень разная. Небольшие, как кажется сейчас (до нескольких сотен), митинги и пикеты коалиции «Левый фронт» и их союзников всякий раз встречали в России жесткое противодействие полиции. Их лидеров арестовывали, «прессовали». Сергей Удальцов провел под арестом уже не один десяток дней, объявлял голодовки, в том числе – сухие, протестуя против незаконных арестов. И даже в госпитале после голодовки он находился под незаконным конвоем.

Уже после первых «больших московских митингов» в декабре внепарламентские левые, прежде всего опять же Левый фронт и исключенные из КПРФ активисты ее московской организации, Российская коммунистическая рабочая партия, представители других левых структур организовали серию митингов.

Впрочем, к проблемам тактических и стратегических задач левых мы еще вернемся. А сейчас о разгоревшейся с нешуточной силой полемикой внутри оппозиционного движения, часть которого, испугавшись «смуты», чем дальше, тем более активно выступает с охранительных позиций по принципу «Путин зло, но меньшее, чем правые либералы, которые приведут Россию к новому изданию ельцинщины, только на сей раз в виде фарса.

Спору нет: аргумент, что может быть еще хуже, чем сейчас – весом. При Путине в России увеличиваются расходы на армию и полицию, ведутся постоянные разговоры о необходимости возрождения «державы», довольно часто мелькают советско-державные (но не социалистические) атрибуты, снова возвеличивается Сталин и т. п. Запад от этого приходит в негодование, про-западные либералы аля Новодворская – тоже. Соответственно, сторонники сильного государства националисты (в том числе, в рядах так называемых «красных» – С. Кургиян, С. Черняховский и др.) этому рады.

Но вот что делать левым-интернационалистам?

Во-первых, четко понять, что политика последнего десятилетия – это не усиление власти государства в интересах народа и против олигархов, а усиление союза олигархов с властью против народа. Посаженный в тюрьму Ходорковский есть этому подтверждение, а не отрицание, ибо посадили его не за то, что он олигарх (их с каждым годом в России все больше, одних долларовых миллиардеров уже более 100). Вот если бы его посадили за то, что он – олигарх и не его одного – это имело бы совсем другой политический смысл.

Во-вторых, Путин и правые «оппозиционные» политики – это одна команда. Это политика Путина охраняла и охраняет Кудрина и Чубайса. Это политика Путина вывела на политическую арену крайне правого миллиардера Прохорова. Это его политика и как президента, и как премьера поддерживала право-либерального министра экономики Э. Набиуллину и просто реакционно-правого министра образования Фурсенко. Это он при всей антизападной риторике никаких серьезных шагов по формированию альтернатив глобальной гегемонии транснационального капитала не предпринимает, не может и не хочет предпринять, ибо вся его власть есть лишь малый отросток этой гегемонии...

В-третьих, левые не должны заранее, без борьбы смиряться с тем, что они уже проиграли, пугая россиян тем, что на место Путина может прийти только правый лидер. Мы уверены, что консолидированные усилия малочисленных, но активных и умных внепарламентских левых вкупе с усилиями вялых, но больших и имеющих думские возможности КПРФ и «Справедливой России» могут при правильно выбранной стратегии и тактике привести к позитивным сдвигам. На это работают и настроения большинства россиян, в том числе и тех, кто выходит на оппозиционные митинги. И для этого нужно предельно интенсифицировать активность левых.

Левые в действии

*(практики социальных и общественно-политических движений, сетей и организаций
левого спектра в России)¹*

Начнем с того, что анализ общероссийской (а не только московско-питерской) ситуации и подвижек, произошедших в протестном движении в конце весны – начале лета 2012 года, показыва-

---

¹ Данный раздел написан совместно с Л. Ожогойной

ет, что социально ориентированная и собственно социалистическая составляющие в этих акциях значимы и постоянно растут.

Кто же эти «акторы»?

О прошедших в Государственную Думу (парламент) РФ оппозиционных партиях мы уже писали в других текстах, поэтому сейчас о самом, на наш взгляд, важном – о реально оппозиционных и реально работающих социальных движениях и сетях, не только защищающих социальные и гражданские права жителей России, но и предлагающих внятные альтернативы, адекватные вызовам современной эпохи.

Этот очерк будет поневоле кратким и субъективным. Основываясь на своем опыте и материалах, которые авторам любезно предоставили товарищи по общественному движению «Альтернативы», мы дадим «портрет» ряда активно заявивших себя в последние годы реальной работой и участием в скоординированных акциях и встречах социальных и общественно–политических сил страны, не претендуя на его исчерпывающий характер. Более того, авторы будут рады, если этот очерк будет скорректирован и дополнен самими активистами сетей.

Начнем с *профсоюзных* организаций. Как известно, крупнейшая организация здесь – Федерация независимых профсоюзов России – не является ни независимой, ни реально отражающей интересы работников организацией. Копируя худшие традиции советской системы, ФНПР выступает в качестве печально знаменитого «приводного ремня» от правящей партии («Единой России»), президента и правительства к массам. По сути дела, это одно из подразделений властной системы в стране. В то же время следует отметить, что в ряде регионов и в некоторых отраслях ФНПРОВские профсоюзы все же действуют в защиту интересов работников вопреки линии федеральных профсоюзных боссов. Это касается, в частности, некоторых региональных профсоюзных организаций работников образования и науки (напомню: в России научные работники, работники вузов и школ являются одной из самых низкооплачиваемых категорий работников; зарплата ведущего профессора в университете едва дотягивает до зарплаты водителя автобуса).

Некоторые профсоюзные структуры, действующие вне ФНПР, также фактически выступают в качестве лояльных «младших партнеров» властной системы (например, объединение «Соцпроф»). Действительно независимые, созданные по инициативе самих работников,

профсоюзы в России малочисленны (от нескольких сотен до нескольких тысяч членов). Но они активно действуют, способны на организацию забастовок и других форм борьбы за интересы работников как с хозяевами, так и с властями. Среди наиболее известных и активных в настоящее время – профсоюзы работников автопрома, докеров, авиадиспетчеров, учителей. Ряд независимых профсоюзов участвуют в «зонтичной сети» – Конфедерации труда России¹.

Особо хотелось бы выделить опыт координации профсоюзной деятельности в Санкт-Петербурге, где создан и активно работает «Центр взаимопомощи рабочих» (ЦВР), объединяющий, прежде всего, ряд «альтернативных» (провластным профобъединениям наподобие ФНПР и «Соцпрофа») профсоюзов, а также активистов ряда внепарламентских левых организаций; с ЦВР сотрудничают экологические активисты и представители других протестных инициатив, например, жильцы ранее функционировавших при госпредприятиях, а затем приватизированных общежитий, находящиеся под угрозой выселения и отстаивающие свое право на жилье².

Среди «альтернативных» профсоюзов, связанных с ЦВР, выделяется Межрегиональный профсоюз работников автомобильной промышленности (МПРА), председатель которого Алексей Этманов является депутатом Законодательного собрания Ленинградской области (от «Справедливой России»).

К числу самых значимых социальных вопросов современной России относятся **проблемы образования**. Внедрение по настоянию властей, вопреки мнению большинства членов образовательного сообщества, и насильственное насаждение пародии на Болонскую систему (в частности, принудительная «бакалавризация всей страны», влияющая на образование не лучше сталинской принудительной коллективизации) – все это создало мощные оппозиционные настроения среди преподавателей школ и вузов, студентов, школьников, родителей. Именно поэтому образовательные движения приобрели в России широкий размах и популярность. Сетью, добровольно объединяющей большую их часть, является движение «Образование – для всех», чьи Конгрессы и конференции регулярно собирают до тысячи делегатов со всей России. Движение объединяет организа-

---

¹ См. подробнее: <http://novoprof.org>, <http://mpraprof.info>, <http://pedagog-prof.org>, <http://www.ktr.su>.

² См. подробнее: <http://cvrspb.ru>

ции учителей, студентов, родителей, аналитиков и т.п. Члены движения выступают с требованиями обеспечить равные образовательные возможности для всех граждан страны, независимо от их социального положения, места жительства, национальной или политической принадлежности. Представители движения принимают активное участие в разработке образовательного законодательства и экспертизе государственных программ, затрагивающих интересы образования (<http://smolin.ru/odv.htm>).

Очень интересна и другая сеть – Всероссийский родительский чрезвычайный комитет (ВРЧК). Комитет выступает против реформы бюджетной сферы. ВРЧК объединяет следующие организации: движение «Московские родители», всероссийскую организацию «Сообщество многодетных семей «Много деток хорошо»», Творческий союз профессиональных художников, автономную некоммерческую организацию «Дети», а также родительские комитеты Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Ивановской, Челябинской, Тульской, Волгоградской, Томской, Тамбовской, Кировской, Самарской, Пензенской, Ленинградской областей, республик Карелия, Коми, Дагестан и других регионов (<http://vrchk.ru>).

Не менее серьезно беспокоит россиян и жилищная проблема. В этой сфере во многих регионах (в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Ижевске, Перми, Астрахани и др. городах) сформировались сети, включающие как жителей, так и социальных и политических активистов, которые защищают жителей общежитий (одна из наиболее обездоленных категорий граждан в России) от принудительного выселения под фиктивными предлогами; предотвращают т.н. «уплотнительную застройку» (в частности, строительство элитного жилья или торговых комплексов на месте садов и детских площадок); охраняют памятники истории и культуры и т.п.

Несколько лет назад эти организации, движения и сети создали Союз координационных советов России. Эта коалиция была создана после массовых выступлений против «монетизации» льгот в 2005 году и объединяет сегодня 30 региональных координационных советов.

СКС вырабатывает алгоритм коллективных действий между разными городами и тематическими движениями и служит мостиком между жилищным движением (самое главное направление деятельности СКС в последние годы) и другими движениями, успешно

справляясь с задачей координации общероссийских акций протеста. (Подробнее на: <http://www.ikd.ru/node/1872/>)

Один из наиболее значимых в этой области является опыт Санкт-Петербургского «Движения гражданских инициатив» (ДГИ). Оно преимущественно ориентировано на жилищную, градозащитную (включая сохранение городских объектов, представляющих культурную ценность) и экологическую проблематику. Из левых организаций ведущую роль в ДГИ играет РПК (ранее – Региональная партия коммунистов, ныне вернувшаяся к названию 90-х годов – Российская партия коммунистов), лидеры которой сотрудничают с фракцией КПРФ городского Законодательного собрания (в рамках «Общественного совета» при фракции КПРФ). Но большинство активистов ДГИ – беспартийные, которые могут придерживаться разных политических взглядов. По инициативе ДГИ были проведены два Социальных форума Санкт-Петербурга – в 2011 и 2012 гг. (<http://www.dgi-org.ru>).

Экологические движения и организации в России развиты, к сожалению, явно недостаточно по сравнению с тем, сколь велика потребность в решении задач охраны природы в нашей стране. Впрочем, в нашей стране такого рода «недостаточность» можно констатировать применительно к самой разной социальной проблематике. В последний год наиболее ярко себя проявили различные сети, выступавшие против вырубки Химкинского леса (оно оправдывалось целями строительства очередной скоростной автомагистрали). В центре этих сетей находится движение «Экологическая оборона Москвы и Московской области». Задачей движения является защита от уничтожения подмосковных лесов, парков, зеленых зон во дворах, рек, озер (<http://www.ecmo.ru/>).

В последние годы в России особенно важными стали проблемы защиты *гражданских прав*. Из левых организаций здесь следует выделить Институт верховенства права, чей создатель и вдохновитель Станислав Маркелов – молодой, талантливый адвокат, социалист, – был цинично убит выстрелом в упор в центре Москвы среди бела дня 3 года назад. С социальными сетями и движениями наиболее активно взаимодействует движение «За права человека». Идеология лидеров этого движения далека от социалистических ценностей, но, тем не менее, его представители активно участвуют в социальных форумах и других совместных с левыми акциях. Особенностью движения является его многопрофильный характер, охватывающий самые раз-

ные стороны правозащитной деятельности. В движение за защитой обращаются люди разного социального положения и разных возрастов, в том числе пенсионеры, инвалиды, бездомные, заключенные, врачи, учителя, артисты, художники, инженеры, домохозяйки и предприниматели. Движение «За права человека» объединяет многопрофильные правозащитные центры (www.zaprava.ru).

В России имеется немало и других правозащитных организаций, но большинство из них далеки от левого спектра и слабо с ним взаимодействуют. Исключением в какой-то мере являются активисты близких к социал-демократии или анархизму взглядов, связанные с обществом «Мемориал».

Хотелось бы так же специально выделить группу организаций и движений России, ведущих **информационную, интеллектуальную, просветительскую и консультационную деятельность**.

Одной из наиболее известных информационных площадок левых является портал «Форум-МСК», действующий с 1998 года. Он устойчиво входит в первую десятку наиболее популярных общественно-политических Интернет-ресурсов России и объединяет тексты и материалы широкого спектра левых течений – от умеренных сталинистов до троцкистов и социал-демократов. Этот портал содержит широкий круг ссылок на другие левые электронные ресурсы (<http://forum-msk.org>).

На наш взгляд, самым «артистичным» и очень эффективным информационно-просветительским ресурсом России в левом спектре является «Красное телевидение» – интернет-ресурс с постоянным телеещанием и большим объемом материалов социалистической направленности (<http://krasnoe.tv>).

Более 15 лет ведет просветительскую деятельность Молодежный университет современного социализма (МУСС) – система лекций, семинаров, круглых столов, дискуссий, которые проводятся 2–3 раза в неделю.

Среди аналитических и информационных ресурсов, работающих в области поддержки социальных движений, в первую очередь следует отметить Институт «Коллективное действие», который представляет и анализирует информацию об общем политическом курсе нынешней власти, о законопроектах, которые затрагивают интересы граждан, о протестном движении в России и в мире, предлагает совместные действия, организованные кампании протеста за альтернативные предложения (<http://www.ikd.ru/>).

Преимущественно аналитическую деятельность ведет Институт глобализации и социальных движений. Его деятельность направлена на выработку экспертных оценок, проведение исследований и содействие инициативам, нацеленным на демократическое и радикальное социально-экономическое преобразование общества. Институт тесно взаимосвязан с журналом «Левая политика» (<http://igso.ru/>, <http://leftpolicy.ru/start.php>).

Одной из наиболее устойчивых и стабильно работающих сетей является общероссийское общественное движение «Альтернативы» и одноименный журнал, созданный более 20 лет назад и регулярно выходящий 4 раза в год (едва ли не единственный столь долго живущий левый независимый журнал в России). Движение ведет большую работу по поддержке социальных движений («Альтернативы» – один из активных соорганизаторов Российских социальных форумов, инициаторов создания ряда движений, организаторов школ, консультаций и т. п. для социальных активистов и мн.др.), интеллектуальную деятельность (4–6 конференций, 3–5 монографий ежегодно), содействует развитию международных альтерглобалистских сетей и т. д. (<http://alternativy.ru/>).

Существенно, что в нашей стране, при всех различиях и противоречиях между разными социальными сетями и даже внутри них, жила и живет реальная солидарность. В нашей стране прошли *два общероссийских социальных форума и более десяти региональных*, множество конференций, семинаров, совещаний и, главное, совместных акций, которые показывают нашу способность к координации и совместности действий.

В нашей стране граница между политическими и социальными сетями весьма условна. Поэтому не случайно многие социальные сети активно участвуют в общественно-политической деятельности, а *общественно-политические* организации – в защите социальных интересов.

В задачи данного текста не входит специальная подробная характеристика собственно политических организаций, поэтому остановимся только на тех, кто наиболее активен в области реальной работы по защите социальных и гражданских прав, в социально-политической борьбе.

В последние полгода одним из наиболее активных на политическом поле стал Левый фронт (ЛФ). Это объединение общественных и политических организаций (включая ряд молодежных коммунисти-

ческих сетей) и отдельных активистов – сторонников социалистического развития. Структуры ЛФ есть более чем в половине регионов России. По сведениям руководителей Фронта, в него входят тысячи членов. На наш взгляд, правильнее было бы говорить о многих сотнях активистов (причем отнюдь не только в Москве) и многочисленных симпатизантах. Для современной России – это немало, особенно если учесть, что действует ЛФ с эффектом иной раз не меньшим, чем многотысячные оппозиционные парламентские партии. Задачей Фронта является координация действий левых оппозиционных сил. ЛФ стал одним из организаторов всех основных оппозиционных акций последних месяцев. Его лидер Сергей Удальцов многократно арестовывался, объявлял и держал многонедельные голодовки. Подчеркнем, что в ЛФ входят представители очень разных левых структур с очень широким спектром взглядов и существенными внутренними противоречиями, что, однако, пока не мешает им активно совместно работать, преодолевая имеющиеся идеологические разногласия на основе не подавления взглядов оппонентов, но признания своего рода «многофракционности» движения. ЛФ и входящие в него или сотрудничающие с ним организации этим летом организуют сеть летних лагерей для молодежи в разных регионах России (<http://leftfront.ru/>).

Другим активным актором на левом поле стало Российское социалистическое движение. Оно было создано в 2011 года путем объединения Социалистического движения «Вперед» и организации «Социалистическое сопротивление». Организация принимает активное участие в деятельности социальных движений, в частности – профсоюзов, городских, экологических, образовательных и женских движений. Несмотря на относительную малочисленность (по нашим оценкам, несколько сотен сторонников), РСД смогло организовать один из первых в России палаточных лагерей в центре Москвы, у памятника поэту Абаю («Окупай Абай!»), где более недели шли семинары, дискуссии, концерты левой тематики (<http://anticapitalist.ru/>).

На левом политическом поле в России действуют и другие структуры. К сожалению, авторы этого текста мало знакомы с анархистскими и народническими организациями России. Мы можем, однако, отметить в качестве наиболее заметной анархистской организации движение «Автономное действие» (<http://avtonom.org>). В Санкт-Петербурге действует ДСПА – «Движение сопротивления имени Петра Алексеева» (<http://dspa.info>), в которое входят как мар-

ксисты, так и сторонники неонароднических идей. Эти группы активно поддерживают социально-протестное движение и известны как организаторы и участники ряда эффективных акций.

Что касается организаций, более близких к марксистской тенденции и более «традиционных», то в этом спектре хотелось бы выделить прежде всего Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП). Это одна из старейших левых партий современной России, которая возникла сразу после распада СССР и тогда насчитывала десятки тысяч членов, была вдохновителем движения «Трудовая Россия» и одной из основных организаций анти-неолиберальной оппозиции, чьи митинги в начале 1990-х собирали сотни тысяч (!) человек. В настоящее время в РКРП состоит, вероятно, несколько сотен активистов и тысячи членов. В последнее время на ее базе создана структура «Рот Фронт» (Российский объединенный трудовой фронт). При попытке его регистрации как партии в 2011 году было собрано, по словам его организаторов, более 50 тысяч подписей, но Министерство юстиции РФ уже 7 раз отказало «Рот Фронту» в регистрации. К РКРП идейно и организационно близок Революционный коммунистический союз молодежи (большевистский) – РКСМ(б). Все эти структуры несут на себе мощную печать ностальгии по СССР, сталинизма и ортодоксального «марксизма-ленинизма». Одновременно они очень активны в поддержке профсоюзного, рабочего движения и социальной борьбы (<http://rkcp-rpk.ru/>, <http://rkmb.org>).

Важным фактором политической жизни левого спектра России последнего года стала тенденция к консолидации исключенных из Санкт-Петербургской, Московской и ряда других организаций Коммунистической партии Российской Федерации многих сотен (если не тысяч – считая с теми, кто по собственной инициативе отходит от «официальной линии» КПРФ) наиболее активных коммунистов, включая прежних руководителей этих центральных организаций компартии. Поводы для исключения (фактически – разгрома Питерской и Московской организаций) были разными, но причина была одна – самостоятельная, активная, критичная по отношению к бюрократизму и все большему национализму Зюганова и его окружения позиция исключенных товарищей.

Эти активисты, вольно или невольно покинув КПРФ, не оставили общественно-политической деятельности. В Санкт-Петербурге они создали Союз коммунистов «Аврора» (<http://com-piter.ru/>), известный своей активной и плодотворной поддержкой профсоюзов и

других социальных движений. В Москве альтернативный Горком стал одним из партнеров Левого фронта и инициаторов Форума левых сил (<http://comstol.info>).

О последнем следует сказать особо: в январе 2012 года он прошел в Москве, собрав около 400 активистов из более чем 40 организаций. На Форуме были приняты общие документы и сформированы мягкие координационные органы, которые смогли отчасти помочь согласованию действий левых этой бурной весной. Скорее всего, осенью этого года процесс консолидации внепарламентских левых в России продолжится.

К сожалению, процесс наращивания знаний, опыта конструктивной работы, численности, активности левых социальных и политических сил, координации их деятельности и консолидации усилий идет в нашей стране слишком медленно и противоречиво по отношению к тем задачам, которые мы должны были бы решать. Но он идет, а дорогу, как известно, осилит идущий.

С.С. Дзарасов

**Единство левых сил – путь
к свободе и демократии в России**

Введение

Думские выборы в конце 2011 и президентские в начале 2012 годов окончательно обнажили, как мы всё ещё далеки от свободы и демократии в их общепринятом смысле. Вместо подлинных выборов президента страны избирателям был предложен некий всероссийский спектакль по заключённому ранее, за спиной избирателей договору между двумя верховными лицами. В соответствии с этим премьер Путин В.В. вновь, после двух сроков президента становился им в третий раз, а на должность премьера назначил Медведева Д.А., любезно уступившего ему президентское кресло. В проведенных в конце 2011 года думских выборах также властное давление было широко использовано для «избрания» в Думу нужного большинства депутатов правящей партии, называющей себя «Единой Россией». Что касается других представленных в Думе политических партий, то за получаемые подачки они только декорируют демократический фасад далёкого от демократии общества, играя роль такой оппозиции, у которой нет никаких шансов прийти к власти и на деле показать свою способность более эффективно править страной.

Примерно таково же положение дел и в других постсоветских государствах, вставших на путь рыночно–капиталистического развития. Рыночная свобода есть, а демократии нет. На основании всего этого можно констатировать несостоятельность распространённого в западной общественно–экономической мысли отождествления рыночной свободы с демократией. Мы имеем в виду, в частности, утверждение Ф. Хайека, по которому дорога к свободе проходит исключительно через нестеснённую деятельность агентов рынка. Генеральным направлением развития свободы, писал он, является «освобождение индивида от разного рода норм и установлений, сковывающих его повседневную жизнедеятельность. И только когда этот процесс набрал достаточную силу, стало расти понимание того, что спонтанные и неконтролируемые усилия индивида могут составить фундамент сложной системы экономической деятельности. Обоснование принципа экономической свободы следовало, таким образом,

– продолжал он, – за развитием экономической деятельности, ставшей незапланированным и неожиданным побочным продуктом свободы политической».¹

Опыт постсоветских государств показал нечто противоположное. Спонтанно функционирующий рынок возник здесь не как «побочный продукт политической свободы», а как результат насильственной приватизации общественных богатств обуржуазившейся советской бюрократией в союзе с действовавшим до того тишком криминалом. Демократией тут и не пахло. Более того, при наличии в стране элементарных основ демократии, люди едва ли позволили бы лишиться себя прав на собственность, которыми они обладали раньше. В наших условиях в утверждении демократии заинтересованы не имущие верхи, для которых она, скорее помеха в достижении своих целей, а неимущие и средние слои общества, не располагающие иным способом защиты своих интересов.

Однако, в нынешних условиях эти слои слишком распылены по разным социально–политическим закоулкам, чтобы составить единый поток силы, с которым бы считались власть и капитал. Помимо раскола левого политического спектра на коммунистов (КПРФ) и созданной по кремлёвскому проекту для противопоставления ей Справедливой Россией (СР) существует раскол также в профсоюзном движении. Наряду с общенациональной ФНПР существует также множество других отраслевых профсоюзов, не связанных между собой и не способных проявлять нужную в борьбе за свои права рабочую солидарность. Вот почему единство противостоящих власти капитала левых сил, выражающих интересы людей наёмного труда, людей, живущих на зарплату, выступает самым насущным требованием времени и развития подлинной свободы и демократии. Об этом пойдёт речь.

г. Победа правых и поражение левых

Прошедшие в конце 2011 и начале 2012 годов выборы показали, что от сознания отмеченной необходимости **единства действий** демократические силы ещё далеки. В результате призванное быть носителем демократического начала левое крыло российского политического спектра из одних выборов в другие всё более слабеет, а антидемократическое правое крыло всё более укрепляет

¹ Ф. Хайек. Дорога к рабству. М. 1992. Экономика. С. 20.

свои позиции. Если на президентских выборах 2000 года Г.А. Зюганов получил 29,4% голосов, не говоря о выборах 1996 года, когда он по существу получил большинство, то на последних он не набрал и 20%. В то же время успех правого крыла является несомненным. Вся представленная в думе так называемая «системная оппозиция» в результате декабрьских выборов получила меньше мест, чем одна «Единая Россия». Тем более, что для характеристики ситуации к путинским 63,6% надо ещё добавить почти 8% голосов, поданных за М.Д. Прохорова. В итоге получается, что более 70% процентов избирателей, так или иначе, голосует за нынешний курс на дальнейшее укрепление господства олигархического капитала. Ведь «Единая Россия» по существу представляет собой ни что иное, как партию крупного капитала и коррумпированного чиновничества в центре и на местах.

Для характеристики сложившейся ситуации немаловажно и то, как политтехнологи раскрутили образ В.В. Путина, который представлен всемогущей фигурой для осуществления необходимых нам политических, экономических и социальных реформ. Гордые своим успехом они размахивают высоким процентом голосов за В.В. Путина как гарантом и дальнейших успехов его политического курса. В действительности высокий процент голосов за Путина В. В. говорит лишь о нашей короткой памяти в том, как нет счёта тому, который раз мы наступаем на одни и те же грабли. Не так давно такие же надежды связывались с приходом к власти Б.Н. Ельцина, а теперь, забыв об этом, клеймят годы его правления, как «лихие девяностые», полные произвола и беззакония. Мы уже не говорим о более ранних периодах раздутой экзальтации публики, связанных с именами Горбачёва, Брежнева, Хрущёва, Сталина. В каждое данное время я слышал одно и то же: лучше данного правителя нет и быть не может! Так что и сейчас я вновь слышу тот же до боли знакомый напев.

Между тем, если бы В.В. Путин действительно был единственным и наиболее полным воплощением интересов и воли, голосовавших за него широких масс населения, как нас уверяет его ближайшее окружение, то подвергать сомнению его успех, было бы недопустимо. Наоборот, долг каждого добропорядочного гражданина состоял бы в том, чтобы встать в один ряд с другими и способствовать его успеху. Но вопрос не так прост, а положение президента капиталистической страны – кто бы им не был – определяется не волей народа, а интересами капитала. Его правление недаром именуется «администрацией», поскольку оно ограничено именно такого рода

функциями. Капиталистическим обществом, как доказывали многие мыслители прошлого, и как мы теперь увидели на собственном примере, де факто правят обладатели капитала, а население время от времени приглашают к избирательным урнам для одобрения того, что без них давно уже было решено.

Основную массу избирателей, живущих на зарплату обычно кормят подкупающими обещаниями. Так было и не прошедших выборов. Выполнить эти обещания, скорее всего, будет невозможно. Дышащая на ладан от нехватки инвестиций экономика еле волочит ноги, да и то благодаря нефтегазовым доходам от импорта, а потому не сможет испечь такого пирога, который необходим для выполнения данных обещаний. Если даже одним будет что-то дано, то только за счёт других с риском ещё большего роста народного недовольства. Зато власть гарантирует капиталу дальнейшие возможности неограниченного обогащения путём продолжения прежнего либерального курса.

Подобная тактика зомбирования людей не является чем-то новым и необычным в нашей истории. Так было во все времена и даже сравнительно недавно. Многие помнят, как обрабатывались головы людей при осуществлении рыночных реформ, когда их уверяли, что стоит отдать свои богатства новоявленным дельцам, как мы окажемся в раю. Теперь каждый видит, где мы в итоге оказались. Нынешнее опьянение тоже, скорее всего, обернётся горьким похмельем и разумнее всего надлежащим образом подготовиться к ожидающим нас вызовам завтрашнего дня.

При этом было бы недальновидно ожидать, что власть сама, без нашего участия найдёт адекватные способы решения назревших проблем. Как показывает опыт множества кризисов в истории, она на это очень редко способна, так как всегда смотрит на их истоки исключительно сквозь кривое зеркало собственной заинтересованности в самосохранении. Поэтому одно она видит не так, а другое и вовсе никак.

Если бы власть могла адекватно видеть ситуацию, то давно приняла бы меры, исключавшие возможность того массового недовольства, свидетелем которого мы стали накануне и во время выборов. Но она не могла. Как диагноз болезни общества, так и способ её лечения находятся за пределами её интересов и понимания. Если называть вещи своими именами, то причины нынешнего недовольства начали действовать давно и состоят в принятии противоречащей

нашим интересам, традициям менталитету народа архаичной *модели свободного рынка*. В экономической теории её принято называть *laissez faire, laissez passer*, что означает «пусть всё идёт, как идёт само собой». Согласно этой модели рынок настолько хорош и совершенен, что вмешиваться в него не следует, а все результаты саморегулирования надо принимать как решения высшей справедливости.

Такая мало имеющая общего с реальностью идеализированная картина капиталистической экономики было создана давно. Но с особой силой раздута во время холодной войны в пропагандистских целях дискредитации советского социализма, и многими она была принята на веру. На этом основании при проведении реформ власти уверяли нас, что рай находится за углом, стоит путём либерализации и приватизации отдать все богатства общества в частную собственность невесть откуда взявшимся прохиндеям, как мы заживём жизнью преуспевающих западных стран. Приняв это за чистую монету, люди какое-то время жили ожиданием обещанного рая. Однако, теперь они увидели, что рай наступил лишь для пятой части населения, которая действительно зажила в изобилии и роскоши. Остальные же, наоборот, впали в такой образ жизни, при котором всё становится дороже и всё труднее сводить концы с концами. Да и развитые страны, примером которых нам дурили головы, впали в небывалый в жизни нынешнего поколения финансово-экономического кризис, выхода из которого они никак не находят.

Всё происходящее с нами и в мире подорвало веру в то, что капитализм так уж хорош, как нам его рисовали тогда. Оказалось, что он действительно хорош для одних, но плох для других. Одни в нём хорошо жиреют, а другие безнадежно худеют. И тогда недовольством последних решили воспользоваться одетые в оранжевый цвет старые мошенники типа Касьянова и Немцова. Они стали уверять доверчивых граждан, что будь у власти, они сделали бы нужное для блага всех. На самом деле горбатого может исправить только могила и в рамках принятой модели экономики повернуть её на благо людей невозможно. В то же время сложившаяся в последние годы в стране реальность диктует определённые императивы.

Ниже мы попытаемся рассмотреть эту реальность в свете итогов последнего десятилетия и тех уроков, которые прошедшие выборы преподнесли левым силам, призванных стоять на страже интересов людей наёмного труда. Это им и до сих пор не вполне им удавалось, а теперь время поставило их перед жёсткой дилеммой; либо они ока-

жутся способными изменить свою стратегию и тактику, приспособить их к новым требованиям людей наёмного труда, либо сойдут со сцены и уступят своё место правым.

2. Плоды 20-летнего развития по гибельной модели

Двадцать лет назад, когда начинались рыночные реформы, то политическую погоду в стране делали те, кто жаждал победы Б.Н. Ельцина и волю людей определяли с помощью магически действовавших на них лозунгов рынка и демократии. С их помощью пришедшие к власти внушали людям надежды на скорое наступление рая, и Ельцин является тем, кто нас туда поведёт. Что касается Зюганова, то от него всегда пахло нафталином, и поддержку политической активной части людей он не получил. За него раньше и теперь, по инерции голосует оставшийся верным советскому режиму электорат, но ореола спасителя нации у него нет, и нужной политической поддержки не имел даже на прежних выборах, а тем более не получил позже.

Теперь же основная масса населения уже вкусила горькие плоды реформ, и становится яснее, что выбором гибельной модели своего развития двадцать лет назад мы определили свою сегодняшнюю судьбу. Существующую у нас модель экономики мы приняли по рекомендации Белого дома США и таких международных организаций, как МВФ и Мировой банк. И пора сказать также, кто по каким мотивам это делал.

Вдохновителями и проводниками рыночных реформ в России и других постсоветских государствах были высоко поставленные сотрудники администрации Белого дома, получившие благодаря этому шанс низведения бывшего соперника США до положения третьестепенной страны. Такими фигурами были министр финансов Ларри Саммерс, глава российского отдела Госдепартамента Ричард Морнингстар, и, наверняка, кто-то из ЦРУ, имя которого остаётся в тени. По их указаниям работали ангажированные Джефри Сакс, Андрес Ослунд и многие другие приглашённые специалисты. Они как мавры из известной поговорки, сделали своё дело и ушли. Теперь с них взятки гладки. Что касается наших гайдаров и чубайсов, то они были просто подставными фигурами (*straw men*) для отвода наших с Вами глаз от тех, кто действительно делал наши реформы.

Сами же реформы с самого начала были рассчитаны на то, что из них получилось: *превращение постсоветских государств в пе-*

риферию по обслуживанию мирового капитала. Наши ресурсы – туда, а на полученные деньги товары – сюда. Отсюда великие стройки капитализма – Северный поток, Южный поток, Восточный поток, все топливно–сырьевые потоки туда, а нужные нам товары вплоть до картофеля из Голландии и Израиля – сюда. Мы вывозим зерно и минеральные удобрения, чтобы кормить чужое сельское хозяйство и втридорога покупать его продукты, вместо того, чтобы делать наоборот.

Однако, делать наоборот нам не позволяет центрo–периферийная структура мирового хозяйства, неперенной чертой которой является подчинение одних стран другим, много миллиардной периферии золотому миллиарду, составляющему центр мирового капитализма. Такую свою подчиненность мы видим как в поставке сырья другим странам, так и в том, что превратились в рынок сбыта их товаров.

Свою внешнюю торговлю мы вынуждены вести на невыгодных для нас условиях. Так, у нас с гордостью сообщается, что из страны, импортирующей зерно мы превратились в экспортирующую. Не от хорошей жизни! Производство зерна остаётся на прежнем уровне, но на половину снизилось поголовье скота и потому также производство животноводческих продуктов. Часть зерна некуда девать и её направили на экспорт. Зато резко возрос импорт продуктов животноводства, на что тратится гораздо больше валюты, чем приносит экспорт зерна. По принятой модели экономики нам на мировом рынке отведена не роль независимых производителей, а роль зависимых потребителей: тратить ваши деньги на покупку наших товаров.

Отсюда смещение центра тяжести нашей экономики от собственного производства к покупке и потреблению того, что нам предлагают другие. Что касается собственного производства, то со строго научной точки зрения роста в этой области у нас нет. Ведь ростом всегда считается полученное сверх ранее достигнутого. В данном случае таковым следует считать уровень производства, достигнутый в последний год существования РСФСР, каковым является 1990 год. Но этого нет. В течение первого постсоветского десятилетия (1991–1999) происходил спад производства, а в течение всего последующего развитие лишь *восстановление* того, что было разрушено. Между тем восстановление ранее достигнутого это одно, а рост по сравнению с ним это другое. В результате произошла деиндустриализация, а потому понадобилась реиндустриализация.

В течение 20 лет развития по пути рынка и капитализма динамика нашей экономики характеризуются топтанием на месте. Мы оказались в положении данайцев, по греческой легенде живших на горе Аргос. Они несли воду из подножья горы в дырявом кувшине, и пока доходили до дома, вода успевала вытечь. То же самое происходит с нами. Пока отечественные капиталы утекают за рубеж, валовой продукт страны после 20 лет реформ оставался на уровне (или ниже) советского времени. Если исключить валютные доходы от добывающих отраслей и посчитать объём обрабатывающей промышленности и сельскохозяйственного производства, то, по моим прикидкам, это будет не более 70 процентов от уровня, достигнутого в советский период. Развалили авиастроение, судостроение, станкостроение и другие отрасли машиностроения, а за границей покупаем оборудование БУ. А говорим о модернизации, в то время как в нашем кувшине остаётся полно дыр.

Нельзя ли их залатать, чтобы вода оттуда не утекала? Нет, нам говорят, нельзя! Того не позволяет исходный постулат либерально-монетаристской ортодоксии, на котором основана принятая нами модель рынка: пусть всё идет, как идёт. Саморегулирующийся механизм рынка считается настолько хорошим, что капиталы и прибыли сами лучше всего сами знают, куда им течь. Они-то текут, а мы остаёмся с носом.

В то время как российские верхи и хорошо оплачиваемые властями подпевалы в экономической науке и в средствах массовой информации, выдавая чёрное за белое, неустанно восхваляют принятую модель экономики, добросовестные западные аналитики довольно пессимистически оценивают будущее России. Многие из них считают, что застой экономики России грозит ей выпадение из группы БРИК, куда она входила в период своего относительно быстрого роста в начале 2000 годов.

Неизбежность отставания России от других стран по причинам развала реального сектора экономики, дальнейшую утечку капиталов, непрозрачность власти и усиление её коррумпированности предсказывают многие другие западные аналитики. Шоковая терапия и обвальная приватизация были троянским конём, запущенным в российскую экономику для её превращения в сырьевой придаток Запада. «Преобразовательные задачи для стран Центральной и Восточной Европы с самого начала 90-х годов, – пишет американский институционалист Дж. Ангресано, – исходили из интересов Запада и

определялись идеологическими постулатами, присущими неоклассической теории, такими, как предоставление рынка западным кредиторам, доступ к сырым материалам этих стран и усиление политического влияния в регионе».¹

Наше будущее становится все более туманным и неопределенным. С разной степенью определенности, но, так или иначе, люди стали постигать эту реальность. Тем более, что с проникшей во все поры коррупцией и другими формами беззастенчивой наживы каждый из нас сталкивается повсюду и это не может не наводить на мысль о порочности нашего образа жизни. В результате иллюзии начала 90-х годов прошлого века начали меняться горьким разочарованием, и теперь народ стал протирать глаза. Недовольства в обществе много, но сознание того, что надо делать пока остаётся туманным.

3. Демократия и политический курс

Сейчас у нас сложилась ситуация, аналогичная той, которая была в начале 1930-х гг. прошлого века в СССР. Несмотря на негативные последствия политики коллективизации, руководство страны упорно продолжало проводить её в жизнь. Оно закрывало глаза на тяжкие последствия своей политики и трубило об успехах коллективизации так, будто бы охвативший страну голод и вынужденный переход на карточную систему ничего не значили.

К сожалению, нынешнее руководство страны поступает подобным же образом. Несмотря на губительные последствия либерального курса для страны и народа, оно с упорством, достойном лучшего применения, только и делает, что настаивает на его продолжении. По той же манере, что и тогда, сегодняшнее российское руководство делает вид, что ни дефолт 1998 года, ни нынешний кризис, ни развал реального сектора экономики не требуют изменения проводимой политики. На самом деле перемена политики требовалась и тогда (в начале 30-х гг.), она требуется и сейчас, о чём свидетельствует запоздавшая формула необходимости модернизации экономики.

Однако, сейчас, как и тогда, нет честного признания того, почему прежние надежды на то, что ожидалось от рынка (её необходимость доказывали тем, что только он способен модернизировать эко-

---

¹ Angresano, 1997. The Political Economy of Gunnar Myrdal: An Institutional Basis for the Transformation Problem. WSilliston, VT: Edward Elgar. P. 28.

номику), после двадцати лет рыночных реформ сменились призывами к таким активным действиям, которые исключены принятой концепцией рынка. Но словесными призывами нельзя замаять то, что реально не удаётся. Происходящая научно-техническая деградация экономики полностью хоронит первоначальные надежды и расчёты. Вместо подъёма на более высокий уровень мы опустили ниже прежнего. Ориентированные на получение прибыли приватизированные предприятия, многие из которых заняли монопольное положение на рынке, достигают свои цели путём вздувания цен, снижения или сдерживания заработной платы, ухода от налогов и других криминальных мер, нисколько не заботясь о техническом прогрессе и модернизации экономики. Что касается государства, то, в соответствии с неоклассической догмой *laissez faire*, оно устранилось от решения научно-технических проблем. Частным фирмам предоставлена полная свобода действий, которую они используют для вывоза капиталов за рубеж, вместо того, чтобы вкладывать их в отечественную экономику. Иначе говоря, при сложившейся системе нет хозяйствующего субъекта (эффективного собственника), заинтересованного в модернизации экономики, а потому она не может быть осуществлена.

Коль скоро всё это так, то требуется признание провала рыночных реформ, т.е. несостоятельности избранной тогда модели экономики. Однако, вместо этого мы видим безуспешное латание дыр с помощью лоскутов либеральной идеологии.

Напрашивается параллель с тем, что было 1930-х гг. прошлого века. Авантюрной политикой коллективизации сталинское руководство само подорвало стимулы роста сельского хозяйства, а затем вину за последовавший развал переложило на так называемых кулаков. Сегодня мы снова видим нечто подобное. Авантюрными реформами ельцинское руководство само подорвало существовавшие в прошлом стимулы научно-технического прогресса и развития реального сектора экономики, а теперь последователи этой политики требуют модернизации, которая этой политикой исключена. Российская власть похожа на того мальчика, который убил своих родителей, а на суде требовал снисхождения, потому что он сирота. Власть лишила общество рычагов воздействия на экономику, а теперь требует от него то, в чём сама и виновата.

Между тем, для достижения искомой цели, как тогда, так в особенности сейчас, по примеру успешно развивающихся стран (Китай,

Вьетнам, Индия, Бразилия) требуется коренное изменение политического курса, создание новой системы хозяйствования, сочетающей рыночные методы с плановыми рычагами воздействия на экономику в нужном направлении. Но такая крутая перемена, как тогда, так и сейчас, означало бы признание порочности и провала прежней политики, что для власть имущих связано с таким риском, на который они идти не могут.

Покушение властей на демократию, и её недопущение характерно для всех периодов нашей истории. Ведь демократия не сводится к тому, что написано в конституции, или к тому, что время от времени избиратели голосуют за то, что им предлагают. Против такой демократии авторитарные режимы не только не возражают, а всячески её практикуют, видя в ней способ легимитизации своего правления. На самом деле выборы ничего не стоят и являются пустой тратой народных средств, если они не содержат в себе реальную возможность смены провальной политики. Смысл выборов в том, чтобы одну стоящую у власти партию сменить другой, одних правителей на других, и, таким образом, скорректировать политический курс. Только в таком случае избиратели имеют возможность опробовать и увидеть, кто в данной ситуации более всего выполняет их волю. В этом отношении нынешний политический режим мало отличается от советского. Как не было возможности сменить КПСС тогда, так и теперь нет возможности сменить сформированную из чиновников и стоящую у власти партию «Единая Россия» и её руководителей В. Путина и В. Медведева. По аналогии с КПСС с поддельной гордостью именует себя «партией власти» того не замечая, (не желая замечать), как это несовместимо с демократией, в верности которой они, по крайней мере, на словах клянутся. В соответствии с такой установкой, все «выборы», как в федеральные, так и в местные органы ни к чему другому не приводят кроме как к победе «партии власти», чтобы она «законно» оставалась у власти.

В смысле многопартийности нынешний российский режим является калькой того, что было в европейских социалистических странах, когда власть коммунистических партий декорировалась существованием рядом с ней мало что значащих других партий. Там тоже бывали выборы, но ничего изменить не могли. Никакую реальную оппозицию коммунистическим партиям другие партии не составляли. Между тем, как уже отмечалось, нет смысла в оппозиции, если

она не обладает готовностью взять на себя ответственность и осуществить нечто другое по сравнению с тем, что есть.

Стоящие сегодня у власти в России политические силы, как и раньше, сделали свою власть незаменимой. В постсоветских государствах мы сегодня видим такую ситуацию, когда выборы проводятся, но так, чтобы власть оставалась у одних и тех же политических сил, а в ряде случаев у одних и тех же кланов из числа преданных правителю людей. Во многих случаях дело продвинулось не вперед к демократии, а отступило назад к бесконтрольной власти феодально-семейных кланов. Иначе говоря, произошел откат к нечто худшему, чем был советский режим. В послесталинский период, по крайней мере, было коллегиальное руководство, а местные органы контролировались центральными в соответствии с какой-то общей необходимостью.

Но византийская страсть к власти была и тогда. Сегодня мы вновь столкнулись с тем же, что следует осознать и признать как самое тяжёлое проклятие нашей истории – неуёмную любовь и жажду власти одних и тех же политических сил. Она остаётся неизменной независимо от времени и политического цвета. Не только большевики, но и пришедшие на их критике к власти, либералы, как только сели на трон, то окопались в нем так глубоко, что теперь их демократическим путём сдвинуть с места невозможно. Но ведь именно незаменимость стоящих у власти, больше, чем, что либо другое, самым печальным образом сказывалось на нашей судьбе. Отсутствием демократических механизмов воздействия на политику и практические дела властвующего слоя советского общества следует объяснить разорение сельского хозяйства страны после её коллективизации, массовые сталинские репрессии, унесшие миллионы лучших людей страны, первоначальную неподготовленность к отражению гитлеровской агрессии, чуть не приведшую к нашей гибели. Той же причиной объясняются и навязанные нам губительные реформы, переведшие экономику страны от рельсов роста на рельсы спада и технико-экономической деградации. Будь у общества способов воздействия на эти процессы, они могли быть исключены, и тогда наша история потекла бы по другому руслу, и сегодня мы были бы в куда лучшей ситуации. А мы ещё не знаем, какие испытания готовит нам судьба, если не создадим требуемый механизм реального воздействия граждан на власть.

4. *Всё ли под силу правителю?*

Многие наши сегодняшние беды предопределены нашим прошлым. К ним относится, в частности унаследованный нами от прошлого монархический менталитет, в соответствии с которым своё спасение мы всё ещё видим в выборе «хорошего царя». Это видно по тому, какая большая суэта разворачивается каждый раз относительно выборов президента, будто в случае своего «честного избрания» он окажется способным решить все наши проблемы. Не будем отрицать, что выбор президента страны и честное его избрание имеют существенно важное значение. Новая метла всегда по-новому метёт, и смена нынешней петербургской команды своекорыстных угодников, несомненно, оказало бы положительное влияние на ситуацию в стране. Нет более скоро портящего явления, чем засидевшегося фигура правителя и именно этим продиктована необходимость ограничения его пребывания у власти определенным сроком, установленная в демократических странах. Тем не менее, нынешний обладатель короны в нашей традиции всегда считался самым лучшим из всех возможных, и то, что после его смены каждый раз приходится разбирать авгиевы конюшни его правления, пока ничему нас не научило, не смогло изменить сложившийся у нас образ мышления.

Однако, если бы даже избранный президент обладал семью пядями во лбу и действительно был бы «самым лучшим из всех возможных», то всё равно, как все смертные, он не может быть творцом истории и определять её ход. Созданный нами рыночно-капиталистический строй имеет свою внутреннюю логику, в силу которой его развитие происходит не столько по воле президента, сколько в соответствии с интересами обладателей капитала. Тот или иной нарушитель корпоративных правил олигарх, вроде Ходорковского, может оказаться в тюрьме или убежать за границу, как сделали Березовский, Гусинский, Незлин и некоторые другие. Но основная масса обладателей капиталов остаются на местах, и ведут дела в собственных интересах, верховенство которых гарантирована им всей капиталистической системой общественно-экономических отношений независимо от президента.

Так, в соответствии с логикой этой системы те, кто приватизировал богатства страны и присваивают доходы от них, караванами теперь вывозят их за рубеж и там же живут, скупая хоромы и вообще вкладывая свои капиталы в экономику этих стран. Абрамович при-

обрёл не только английскую футбольную команду, но и самые дорогие в мире яхту и самолёт, дворцы в разных местах, Рыболовлев выловил для своей дочери самую дорогую жильё в Нью-Йорке, Искандеров решил отличиться тем, чтобы строить самый высокий небоскрёб в Париже, а Прохоров грохнул миллиард долларов на строительство стадиона в центре Нью-Йорка Бруклине. Безумию и других российских грабителей народного добра также нет предела. И это в то время, когда от развалившейся обрабатывающей промышленности России мало что осталось, а социальные расходы сведены к такому минимуму, что миллионы людей лишились средств существования и медицинской помощи. Иначе от чего смертность населения возросла от 8–10 в советское время до 14,0 случаев на тысячу населения в нынешний период.

Поэтому достаточно сильный перед тем или иным отдельным собственником, президент довольно слаб перед могуществом имущего класса. Кто обладает капиталом, тот и правит бал. Мало сказать, что законы рынка и капитализма гарантируют собственникам капитала независимость от государственной власти. Вернее будет сказать, что власть производна от интересов господствующего класса, которым она призвана служить. Это хорошо видно на том, как либеральная теория отстаивает свободу рынка. Никакой власти над рынком!, утверждает она в соответствии с приведенной выше формулой *laissez faire*. По той же причине он выступает против планирования экономики, так как усматривает в нем ограничение своей свободы. В виду всевластия капитала будущее общества определяется не столько тем, каково его высшее должностное лицо, (президент или премьер), сколько тем, каков имущий класс, в чём он видит свой интерес.

Может ли, например, президент своим указом запретить вывоз капиталов за рубеж? Нет, не может. Во-первых, потому что сам принадлежит к этому классу людей и не считает нужным это делать; во-вторых, потому что по законам капитализма не вправе командовать частным капиталом. Изменить ситуацию может только народ страны путем отказа от существующей модели экономики и принятия другой, ограничивающей такой вывоз и открывающий благоприятные возможности для развития национальной экономики.

5. Свобода и справедливость

К сведению тех, кто в России самозвано объявляет себя либералами, будучи на самом деле защитниками криминального об-

раза действий частных собственников, отметим, что традиционный западный либерализм всегда выдвигал требование самоограничения капитала, т.е. принцип жёсткого соблюдения не только правовых, но и этических норм по формуле: **собственность это, прежде всего, ответственность**. Это требование лежит как в основе протестантской этики Вебера, согласно которой право на собственность оправдывается воздержанием от неумеренного потребления, также, как и теории Шумпетера о предпринимателе, как основном двигателе технических инноваций. Поскольку такое глубоко чуждо российским собственникам, то и самозванные российские либералы ни о чём подобном и думать не хотят. Как показывает их заступничество за Ходорковского и других осуждённых за нарушение законов, они выступают за полный произвол в области предпринимательства, против каких бы то ни было требований к частным собственникам, что ничего общего не имеет с либерализмом в подлинном смысле этого понятия.

Здесь тоже мы должны видеть достойную сожаления приверженность к своей дурной традиции. В сталинское время действия карательных органов (ГПУ, НКВД, МГБ) считались священными и жалобы на них, власть не принимала, пока она сама не начинала расправляться с одними руками других. Подобным же образом, в нынешней системе символами режима признаны олигархи, и как неподвластным правовым и этическим нормам, посягательство на них считается недопустимым. В списке богатейших, вместо одних имён могут появляться другие. Но их власть остаётся незыблемой и входящего туда, привлекать к ответственности, а тем более заключать в тюрьму, говорят нам, нельзя. Если западный либерализм считает, что перед законом все равны, то российский либерализм корректирует эту формулу путём объявления одних ровнее других.

К сожалению, историческая реальность такова, что либерализм в том виде, в каком возник и прижился на Западе, в особенности в англо-саксонских странах, на российской почве не произрастает. Хорошо это ли плохо, но мы народ другой культуры, ценностей, традиций, менталитета и переделать нас по западному образцу невозможно. Зададимся вопросом: где в России мыслители типа Смита, Бентама, Милля, Франклина, Джеферсона, Мэдисона и множества им подобных? Их не было и нет, и это не случайно. У нас были мыслители другого рода: Белинский, Герцен, Чернышевский, Плеханов, Ленин. Или ещё более – Бакунин и Кропоткин. Сплошь революционе-

ры. До поры до времени они были зажаты тисками царского самодержавия, и голоса их не было слышно. Затем наступил момент, когда туга зажатая пружина лопнула, и народная мысль вырвалась из своего заточения. Тогда наступил час торжества таких фигур, и голос их зазвучал вселенским набатом. Нравится это кому-то или нет, но идеи названных людей предопределили судьбу России в XX веке. Они выражали нашу ситуацию и менталитет, подобно тому, как и западные мыслители – свою. При всех различиях между представителями российской общественной мысли, включая даже Толстого и Достоевского характерно нечто общее – неприятие либерализма в том виде, в каком он существовал на Западе. Прежде чем их осуждать, надо понять, почему.

Потому что *наше понимание свободы неотделимо от понимания справедливости*, и, если нет последней, то, по нашему мнению, нет и первой. В этом главное отличие нашего сознания от западного, согласно которому справедливыми признаются любые результаты свободной рыночной конкуренции. Поэтому в своё время капитализм и либерализм были нами отвергнуты, а социализм принят, потому что он поднял знамя социальной справедливости. Только с точки зрения этого нашего отличия можно понять русскую общественную мысль и тех, кто делал русскую революцию. Теперь многие за лучшее считают всё это осуждать, что легче всего. Куда труднее понять, почему широкие массы народа пошли за революционерами. Потому, что они видели, с каким бескорыстием русские революционеры переносили жестокие условия царского подполья с целью избавления своего народа от нужды и страданий помещичье-капиталистического строя и создания социально справедливого общества. То, что развитие по этому тернистому пути не обошлось без достойных осуждения тяжких преступлений, не меняет возвышенности мотивов действий. Различие между этими мотивами и тем, что из них получилось, стало ясным только со временем, и теперь нет ничего легче, чем клеймить выразителей народного недовольства за совершенные ими насилия. Но разве не следует раньше всего осуждать тех, кто своей неумолимой жаждой обогащения довёл народ до того, что не оставил ему иного выбора, кроме революционного насилия? Ведь терпимость к злу в одно время, оборачивается насилием в другое. Этот закон действовал, и, надо думать, будет действовать и дальше.

Когда имущие классы западных стран пренебрегали интересами народных низов, как это было накануне английской революции середины XVII века, Французской революции 1789 года, борьбы северо-американских штатов за независимость, то дело без революций не обошлось. Головы королей летели в корзины палачей. То же самое позднее произошло в России. В горниле тех революций родились либеральные идеи свободы, равенства и братства, много значившие для их развития. Но увы, требование справедливости в них не значилось, а без этого наш народ воспринимал свободу как нечто недостаточное. С тем же самым мы имеем дело сейчас.

Что такими мы были не только вчера, но остаёмся сейчас, видно на всём ныне происходящем. Свобода рыночных отношений обернулась свободой грабежа одних другими, криминализацией общества, разгулом произвола и рейдерства и других невообразимых ранее форм мошенничества и махинаций, например, созданием фирм-однодневок для перехвата чужого добра, вывоза его за рубеж через оффшоры, служащие целям их укрытия и т.д. Боюсь, что всё это на фоне нашей технико-экономической деградации, беднеющего и вымирающего населения без последствий не останется. Так что относительно нашего будущего лучше всего не зарекаться, а насторожиться.

Если не впадать в словесную эквилибристику, а называть вещи своими именами, то от западной либеральной модели наша экономика достаточно ещё далека. Дело не только в отсутствии у нас либеральных традиций и менталитета, о чём говорилось выше, но в нечто большем – криминально-паразитическом характере российского капитализма. Дармовая приватизация несметных богатств гигантской страны до предела развратила тех, в чьи руки эти богатства оказались и начисто исключила у них какие бы то ни было созидательные начала. Если предположить, что в странах рыночной конкуренции в ряды крупных собственников выбиваются наиболее эффективные предприниматели, – что тоже далеко не так, – то в наших условиях туда попадают только люди с криминальной сущностью, прямо шагающие по трупам, не брезгающие ничем, вплоть до убийства неугодных. О какой-либо их ответственности пред обществом и людьми нечего и говорить. Новоявленный класс российских собственников начисто лишён веберовских этических добродетелей и шумпетерских инновационных дарований.

Как же тогда его следует оценивать?

Наиболее убедительный ответ на этот вопрос дал аргентинский историк и экономист Андре Франк на основе проведенного им анализа верхнего слоя собственников латиноамериканских стран.¹ Он пришёл к выводу, что этот слой в латиноамериканских странах имеет мало общего с первопроходцами североамериканского предпринимательства, какими были Джон Пирпонт Морган, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Джон Рокфеллер, Эндрю Меллон и многие другие, которые были персональным воплощением отмеченной формулы собственности как ответственности. Они создавали новые отрасли экономики и умножали не только материальное богатство страны, но и своей общественно благотворительной деятельностью немало способствовали развитию культуры и укреплению моральных устоев общества. Выдвинутый ныне в странах периферийного капитализма новый тип собственников, утверждает Франк, лишён положительных качеств пионеров капиталистического предпринимательства. Новоявленные дельцы полностью поглощены корыстным интересом, неразборчивы в средствах его достижения и с презрением относятся к интересам своей страны и её граждан. По своему морально-политическому облику они уступают даже компрадорской буржуазии прошлого, которая, по крайней мере, старалась увязать интересы метрополии с интересами своей страны. Очевидно, в виду этой отчуждённости новоявленной буржуазии периферийных стран от интересов от собственных национальных интересов, Франк назвал её «люмпен-буржуазией», подчёркивая тем самым её деклассированный характер. Одержимая слепой погоней за наживой люмпен буржуазия не признаёт также общности своих интересов с интересами других слоёв общества. В силу этого, по мнению Франка, она выступает как чуждая своему народу антинациональная сила.

Такая характеристика с ещё большим основанием может быть отнесена к новоявленным российским собственникам, возникшим в результате криминальной приватизации народной собственности в начале 1990-х годов прошлого века. Когда начинали приватизацию, то нас уверяли, что таким путём возникнет эффективный собственник, способный с помощью саморегулирующего рыночного механизма вести дела более успешно, чем на это был способен советский директор в рамках планового хозяйства. В действительности всё ока-

---

¹ Frank A.G. Lumpen-bourgeoisie: Lumpen-development. New York – London: Monthly Review Press.

залось наоборот. Советский директор, худо бедно, обеспечивал технический прогресс, вместе с профсоюзами создавал общественные фонды потребления для удовлетворения социальных нужд работников коллектива. С приватизаций забота о наёмном работнике полностью исчезла. Об обещанном перед реформой рае для всех теперь никто не вспоминает. Теперь стыдливо признаётся, что в ходе приватизации были допущены несправедливости, ворошить которые, де, мол, уже не стоит. Но вопрос не так прост. В нашей приватизации был заложен революционный заряд такой силы, который рано или поздно может обернуться пожаром, последствия которой нельзя предсказать. Если утвердившееся безразличие частного собственника к нуждам рядовых людей сохранится и далее, то для предотвращения неизбежного пожара никакой власти президента, или какого бы то ни было должностного лица, не хватит. Худшее может быть предотвращено лишь путём осуществления преобразований, если не снимающих, то, по крайней мере, смягчающих противоположность интересов богатейшей и беднейшей частей общества.

6. Императив обновления левых сил

Трагическое положение страны ставит левые силы России – да и других постсоветских стран – перед необходимостью коренного обновления идейных и политических средств, с помощью которых они ведут свою работу. При этом речь идёт, прежде всего, об особой ответственности КПРФ, монопольно занимавшей левый фланг российского политического спектра в течение последних 20 лет, но теперь вынужденной делить её с созданной для отъёма её голосов «Справедливой Россией».

Отдавая должное инициативной группе во главе с Г.А. Зюгановым и тем, кто пошёл за ними за их немалую работу по восстановлению и консолидации остатков прежней коммунистической партии, которые даже в условиях дикого ельцинизма и всеобщего поношения прошлого остались верными своему идеалу, скажем и другое. Независимо от того, в чём эти люди были правы, а в чём нет, они заслуживают уважения. Ведь никто никого в советское время насильно и компартию не загонял. Все вступали туда добровольно с подчёркнутым признанием программы и устава партии. Так что всеобщее бегство из КПСС во время её роспуска по росчерку пера одного человека едва ли может быть принято в качестве показателя их внезапного прозрения. Во времена брежневского правления пороки КПСС стали

видны даже слепым, но всё ещё было выгодно оставаться в ней. Так что бегство из её рядов было ничем иным как банальным приспособленчеством к новой ситуации.

В пользу многих ушедших можно сказать только то, что партия, куда они вступали в своё время, была существенно другой. Она обеспечивала успех страны и создавала её величие, что для многих было важнее всего. Но правдой является и то, что к тому времени довольно большое число членов КПСС хотели от неё другого – демократизации общества, чего она сделать не смогла. Но, увы, и КПрФ, унаследовавшей её идейный арсенал заменить её не смогла. В худших традициях КПСС и в полном противоречии с марксизмом КПрФ воплощает не столько интересы людей труда, сколько честолюбивые и корыстные интересы своей представленной в Думе верхушки. Тот же порок загубил КПСС, которая отошла от ленинской традиции служения своему классу и массам. Слепая подчинённость КПСС каждому очередному мифологизированному лидеру при их бесконтрольности и претензий на незаменимость, обрекли её на бюрократическое перерождение. Пока лидер самовлюблённо восседал на своём пьедестале, влияние партии падало. Если бы КПрФ, по дурному примеру своей предшественницы, не связала себя с одним единственным лицом, а вместо этого было коллективное руководство партией, как при Ленине, то вместо одного мог приходить другой. Но тогда провал на президентских выборах выглядел бы как личная неудача данного лица и престиж партии от этого страдал бы гораздо меньше. В условиях же верности партии не делу, а лицу и отсутствия альтернативы, каждые очередные выборы оборачивались политическими поражениями всей партии. И это при том, что на последних президентских выборах Г.А. Зюганов назвал много достойных имён в состав правительства в случае его избрания. Но надо думать, по крайней мере, некоторые из них, также подходили для руководства КПрФ. Но почему тогда они не были призваны к этой роли?

Кто поживёт, тот увидит, что присущая отнюдь не только коммунистам, а нашему народу привязанность к одной и той же раскрученной средствам массовой информации личности, обернётся тяжкими последствиями для страны, и, боюсь, что на этот раз ещё более, чем в прошлом. Если не вдаваться в более сложное положение всей страны, а ограничиваться делами КПрФ, то она встала перед необходимостью существенного обновления, как своего идейного багажа, так и своего руководства, политики и организационных форм дея-

тельности под углом зрения более широких связей с лицами наёмного труда. Если же ничего не предпринимать в этом направлении, и по-прежнему полагаться на одну лишь олигархическую Думу, то она будет терять влияние и откатываться на обочину политической жизни.

Тем более, что нынешняя реструктуризация политической жизни, открывающая двери на политическую сцену широкому спектру экзотических самообразований как раз рассчитана на раздробление политических партий, в то время как «Единая Россия», благодаря административному ресурсу сохранит своё монопольное положение в качестве партии власти. Между тем исчезновение КПрФ из политической жизни России, вопреки её близоруким недоброжелателям, было бы новой тяжёлой потерей для страны, ибо означало бы утрату её связи с прошлым.

В то время как другие партии, подвигающие сегодня на российской политической сцене являются партиями-однодневками, и не имеют ни прошлого, ни будущего, поскольку созданы для достижения узкокорыстных целей того или иного лица, КПрФ имеет за своей спиной бесценный идейный и экспериментальный опыт. Как бы кто по каким соображениям не поносил предшественницу КПрФ, каковы бы ни были ошибки и преступления ВКП(б) – КПСС, главный итог её правления невозможно отрицать. Под её руководством страна вышла на такую орбиту развития, по которой она поднялась на высоты величия, небывалого в её тысячелетней истории, и на котором она теперь, как видно, больше не будет никогда. Ни у кого из ныне выступающих на российской сцене политических партий нет и тысячной доли этого наследия.

Разумеется, идеализировать наше наследие никак не следует. В нём было много негативного, которое должно быть отброшено навсегда. Едва кто сейчас станет оправдывать массовые насилия над крестьянами во время коллективизации сельского хозяйства или столь же массовые репрессии над невинными людьми страны, включая безвредных представителей духовенства. Но глубоко порочно и злонамеренно к этому сводить всё советское прошлое, также как нельзя сводить христианство к инквизиции или религиозным войнам с их жертвами. Зёрна надо отделять от плевел. Никакая другая историческая сила кроме русской революции и её делателей, не смог предложить то, за что боролось многомиллионное освободительное движение во всех частях мира в течение XIX и XX веков – *реальную*

альтернативу капитализму. Поглощённые одной лишь жадой собственной наживы приверженцы капиталистического образа жизни считают это злом. Но многие миллионы людей в разных частях мира, переносящие тяготы капиталистической эксплуатации, всегда считали, – и сейчас считают, – добром. И хотя сегодня советский опыт никто не копирует в его первозданном виде, – тем более, что этого мы не хотим и сами, – но поданный нами пример приоритетности решения социальных проблем и планового ведения экономики в той или степени принят и практикуется повсюду. Нам есть от чего отказываться, но и есть, чем гордиться, а потому нет никаких оснований отрекаться от своего прошлого, а КППФ, так или иначе, символизирует связь не только с нашим горьким, но и славным прошлым.

Однако для успешной деятельности политической партии социалистической направленности требуется быть не только символом того, что было, но, превыше всего, альтернативой тому, что есть в капиталистическом обществе, каким мы являемся теперь. Такой КППФ не стала. Более того, она от этого очень далека. Легализовав себя в этом обществе, она приняла правила его игры. Я имею в виду то, что она сделала парламентскую деятельность главной, отказавшись от непарламентской деятельности вообще. Тем самым она порвала с социалистической традицией, по которой основным для рабочих партий всегда были непарламентские формы деятельности, прежде всего, работа в профсоюзах, в то время как парламентские считались подчинёнными.

Тем временем, ни в государственных профсоюзах, которые именуются федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), ни в альтернативных профсоюзах нет участия и влияния ни КППФ, ни Справедливой России, называющей себя партией социал-демократического типа, будучи в действительности пока ещё далёкой от неё. Состоятельные представители от этих партий удобно устроились на депутатских креслах Думы и неплохо живут на государственных харчах, а некоторые из них попали туда за миллионные взносы в партийные кассы в обмен на парламентскую неприкосновенность при осуществлении своих сомнительных дел. Тем временем миллионы людей наёмного труда остаются беззащитными во власти полного произвола своих работодателей с мизерной зарплатой и еле сводят концы с концами. Что общего между этими двумя категориями? Ничего. Тогда на каком основании одна называет себя коммунистической, а другая справедливой? Ни для того, ни для другого не стало

никаких оснований. Ни коммунистичностью, ни социалистичностью здесь не пахнет.

В свете этой реальности довольно странно бывает видеть, как КПРФ выходит на демонстрации с портретами Ленина, который третирует осуществляемую ею практику «парламентским кретинизмом». Вместо экстравагантной практики хождения с портретами, КПРФ лучше было бы следовать примеру ленинской верности трудовому народу и его серьёзного отношения ошибкам своей партии, что та показывала в ленинский период своей истории. Наиболее известным из таких примеров был переход от политики военного коммунизма к нэпу. «Отношение политической партии к её ошибкам, – писал Ленин в этой связи, – есть один из важнейших и вернейших критериев серьёзности партии и исполнения ею *на деле* её обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть её причины, проанализировать обстановку, её породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку – вот это признак серьёзности партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это – воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*. (Ленин, ППС, т. 41, с. 41). У КПРФ есть все основания в свете этого положения рассмотреть свою прошлую деятельность, в особенности причины отсутствия должных связей с профсоюзами как к своей социально-классовой базе.

Надо бы также по ленинским критериям извлечь уроки из противоречащего идеалу социализма барско-вельможного образа жизни функционеров КПСС, который привел их к отрыву от трудового народа. Тот факт, что её роспуск прошел тихо, при молчаливом согласии того народа, интересам которого она клялась служить, говорит о её глубоком перерождении в нечто противоположное первоначальному призванию. Об этом здесь ведется речь не столько для критики прошлого, сколько для выводов на будущее. Малый процент голосов за две левые партии, на мой взгляд, говорит о том, что обе страдают той же болезнью отрыва от тех, интересы которых им следует выражать и защищать.

В своем нынешнем виде, ни КПРФ, ни СП не может этого делать при причине барско-буржуазного стиля жизни и поведения своей депутатской верхушки и их отдалённости от образа жизни людей, составляющих их социально классовую базу. На старой идейной основе и ценностным багажом эту отчуждённость преодолеть невозможно. Устаревшие и нереалистичные символы, вроде требования

коммунизма или справедливости без установления определённости того, что она означает, левые партии не могут завоевать тех, без поддержки которых они не могут найти себе должного места на российской политической сцене. Но чтобы найти путь к умам и сердцам этого электората, необходим существенный пересмотр старого идейно-ценностного багажа этих партий в соответствии с требованиями нового времени, что даётся труднее всего. Нужен не общий декларативный, а идейно обоснованный и чётко сформулированный ответ на вопрос, чего предлагает левая партия в нашей ситуации. Например, требование справедливости ничего не стоит без определения того, что это значит в нашей конкретной ситуации. Так, разбогатевшие считают всё происходящее вполне справедливым, а потерявшие работу и заработок наоборот. Так что подход к этой проблеме в социально-классовом контексте не пустая выдумка, а диктуется насущной необходимостью в каждой реальной ситуации.

7. Идейно-организационное обновление левых сил

Практическую деятельность по обновлению левых сил следовало бы начать с разграничения того, от чего из прежнего идейно-организационного арсенала сохранить и развить, а от чего отказаться как устаревшего и не соответствующего требованиям времени. К первым мы относим понятие «социалистическое», и сегодня сохраняющую в мире свою практическую значимость в смысле приоритета социального над материальным, при том, чтобы не смешивать «социалистическое» с советским тоталитаризмом, к чему либерализм имеет особую склонность.

Ко второму, на мой взгляд, следует отнести необходимость отказа от названия партии «коммунистическая» как не отражающую реальность её сегодняшней практической задачи. Следовало бы в должной мере учесть исторические обстоятельства, при которых возникло это название. Большевики переименовали свою партию таким образом в противовес социалистическому названию партий II интернационала, которых они обвиняли в социал-шовинизме и измене конечной цели пролетариата – социалистической революции. Потому-то они инициировали создание Коммунистического интернационала, который мыслился ими как штаб ожидавшейся вскоре мировой революции.

На самом деле этого не произошло. Мировой революционный процесс оказался более разнообразным и растянутым во времени,

чем они предполагали. Одни приняли советскую модель и вместе с СССР составили лагерь мирового социализма. Другие пошли по пути модернизации капитализма, и борьба трудящихся за свои права увенчалась в них успехом через профсоюзы и партии социалистического (социал-демократического) типа без революционного переворота. В колониальном мире революционный процесс принял форму национально-освободительного движения, с участием и даже во главе буржуазных партий. Такому разнообразию никак не соответствовали примитивные директивы Коминтерна, разработанные на основе ограниченного опыта русской революции. Поэтому Коминтерн мог просуществовать немногим более двух десятилетий, после чего его пришлось распустить. В то же время более умеренный в целях и не сковывающий свободу своих членов и демократично функционировавший Социнтерн существует и поныне.

Однако ещё более важной причиной нашего отказа от термина «коммунистическое» должно быть то, что он до неузнаваемости испачкан сталинскими преступлениями против лучших людей в СССР и мировом коммунистическом движении. По этой причине приходящие в левый лагерь поколения воспринимают коммунизм как нечто неприемлемое для них. Теперь чёрного кобеля не отмоешь до бела. Нелепо также сохранять в названии политической партии то, что к тому же утратило практическую значимость. Что это действительно, можно было видеть во время событий в Европе в 1968 г., когда революционная молодежь отказалась встать под коммунистическое знамя и в то же время искала альтернативный капитализму путь социальных преобразований. Так будет и у нас и к этому надо быть готовыми не только по тактическим, но и принципиальным соображениям.

Ведь нынешнее обливание грязью советского периода российской истории делается методом его отождествления со сталинизмом, что на руку врагам социализма. Поскольку в течение всего бурного тридцатилетия (1923–1953) Сталин единолично стоял во главе советского государства, то под его руководством были совершены кровавые преступления, включая злополучный ГУЛАГ, и это не могло не испачкать коммунистическое знамя, оказавшееся в его руках. Несомненно, ГУЛАГ был трагической страницей нашей истории, которая грозным предупреждением навечно останется в памяти народа. В этой связи было бы неплохо вместо безмолвного камня на Лубянской площади в подходящем месте создать полномасштабный музей, язы-

ком экспонатов говорящий нынешнему и будущим поколениям о преступлениях прошлого.

Тем не менее, надо видеть и другое. Не греша против истины сущность революции и социализма нельзя сводить к репрессиям, которые были обусловлены конкретной ситуацией в России того времени, и отнюдь не обязательны в другое время и в другом месте. Более того, они могут и должны быть исключены борьбой людей наёмного труда за свои права неразрывно связанной за демократизацию общественно-экономического строя, в то время как сталинизм был подменой этой борьбы бюрократизацией общества. В виду этого отождествление революции и социализма со сталинизмом представляет собой скорее сознательное искажение исторической картины, нежели научное заблуждение. Как уже отмечалось, не отождествляют же христианство с инквизицией и жестокостями религиозных войн. Никто не сводит также прогресс английского общества к жестокостям эпохи «огораживания земель» и казням вызванных теми же мерами бродяг и других неугодных тогдашнему строю людей, хотя дело так и начиналось. То же самое можно сказать в отношении США. Никто не отрицает прогресс американского общества на том основании, что он происходил на фоне изгнания индейцев с их насиженных мест, их физического уничтожения, обращения в рабство привозного африканского населения и широкой практики работорговли. Мы уже не говорим о послевоенном периоде маккартизма, который был американским вариантом сталинизма по фальсификации обвинений против невинных людей, вплоть до создателя атомной бомбы Роберта Оппенгеймера.

Достойным осуждения страницам истории разных народов нет числа. Так что у каждого из них было своё подобие Гулага. Разница в том, что в отличие от нас другие народы не страдают комплексом базаровского нигилизма поносить своё прошлое, в то время как его российские потомки садистски наслаждаются именно этим. Они воссоздают извращенную картину российской истории во имя осквернения её советского периода. В тех же целях ничем не оправданные сталинские репрессии мирного времени, отождествляются с жестокостями гражданской войны, которые применялись как одной, так и другой воюющей стороной.

Левым силам следует решительно отвергнуть такую искажающую картину борьбы нашего народа за лучшее будущее во время революции, гражданской войны и после в советский период. Им следу-

ет создавать свой авторитет не отрицанием смысла собственной истории, а признанием себя наследниками лучших, в том числе революционно-освободительных традиций своего народа, что вовсе не предполагает предвзятой идеализации прошлого. Наоборот, надо признать, что у нас было порочного не только в прошлом, но осталось и сейчас такого, от чего следовало бы отказаться и принять позитивное из опыта других народов. Прежде всего, мы имеем в виду практику *политического компромисса*, чего не было у нас в нашем прошлом и всё ещё отсутствует сегодня.

Жестокости времён революции и гражданской войны во многом были обусловлены тем, что ни одна сторона, ни на иоту, ничего не хотела уступать другой. Не входя в рассмотрение того, как безжалостны были господствующие классы дореволюционной России к своему народу, сеяли ветер и пожали бурю, приведём пример негативных последствий бескомпромиссности сторон в революции 1917 года. После разгрома корниловского мятежа, когда Временное правительство косвенным участием в нём окончательно было дискредитировано и потеряло доверие, Ленин от имени большевиков предложил эсерам и меньшевикам выйти из правительства, объявить её распущенным и взять власть в Советах, где они составляли большинство. В ответ на это большевики были готовы снять вопрос о власти, пойти в оппозицию с правом агитации в пользу своей программы, очевидно, в расчёте на победу в следующих выборах. Эсеры и меньшевики даже не ответили на это предложение.

Когда же после Октябрьской революции, в начале 1918 года было созвано Учредительное собрание, то эсеры и меньшевики стали требовать немало немного как отмены всех принятых вторым съездом Советов решений, т.е. отказа большевиков от завоёванной власти. И тут коса пошла на камень. Всё ещё оставаясь во власти прежних представлений, эсеры и меньшевики не учитывали, что поезд уже ушёл и теперь надо требовать не отказа большевиков от власти, на что они согласиться не могли, а установить демократическую процедуру перехода власти от одних к другим. В этом состоял бы компромисс. Но линия компромисса не была найдена. Каждая сторона упрямо стояла на своём: «если не по мне, то никак». Большевики тоже уже не предлагали другим партиям пойти в оппозицию, как требовали себе четырьмя месяцами раньше. Вместо этого разогнали Учредительное собрание и положили ему конец. Мы не знаем, что было бы, если бы наряду с требованием признания законности своих

декретов, большевики предложили демократическую процедуру перехода власти от одних к другим, и как бы на это реагировали другие. Но теперь представляется несомненным, что именно такой напрашивался компромисс. В таком случае другие партии не были бы отторгнуты от политической жизни страны, и, надо думать, развитие пошло бы по другому сценарию и не было бы многих потрясений, да и сами большевики не стали бы жертвами последующего сталинского террора.

К сожалению, компромисс между разными политическими силами нам и сегодня по-прежнему чужд. Послевыборное правительство Д.А. Медведева сформировано из прежней колоды карт лживых дауменов псевдо либеральной ориентации, не имеющих собственных суждений и не способных сказать начальству «нет», как бы того не требовали обстоятельства. Механизм российской государственной власти таков, что в нём нет противовеса произволу верховного правителя. Все видят, что ключевые посты в правительстве и хлебных структурах власти принадлежат одной и той же питерской группе и их приближённым, деловые качества и деятельность которых особого доверия не вызывает. Но никакого способа противодействия этому нет. Отсутствие действенных механизмов демократии компенсируется мифом о всеилии правителя, на что и возлагаются все надежды. Но как уже отмечалось выше, каков ни был президент, анатомия и физиономия общества определяется интересами правящего класса, а ему никакая демократия, кроме показной, не нужна.

Выдвигавшееся в своё время из лучших побуждений требование демократии в ходе приватизации тут же было подменено мотивом захвата собственности любыми средствами вплоть до самых криминальных. Бесспорным проявлением отказа от демократии во имя захвата народной собственности явился расстрел среди белого дня танками и орудиями всенародно избранного Верховного Совета в октябре 1993 года. С тех пор зачатки демократии только свёртывались, пока методом наследственной передачи власти от одного верховного лица другому на всё обозримое время не утвердилась власть «Единой России». От мирного конституционного перехода власти от одних политических сил к другим, о котором ведётся речь как основном показателе демократии, мы опять – уже который раз, – оказались также далеко, как в прошлом. При этом ныне стоящая у власти «Единая Россия» заинтересована в том, чтобы демократическим был только фасад общества и эту видимость люди воспринимали за ре-

альность. Между тем, реальная демократия состоит в возможности перехода власти к альтернативной политической силе. Если этого нет, то нет и демократии.

В целях недопущения прихода к власти таких сил правящая партия, как отмечалось выше, выдвинула меру раздробления всего оппозиционного спектра путём предоставления права регистрации всем политическим течениям, насчитывающим в своём составе 500 членов. Поскольку мелкие образования не будут иметь право создавать свои блоки, – что всё равно принесло бы мало успеха, – то гарантирующая успех машина голосования будет обеспечивать победу партии власти на любых выборах. В такой ситуации любая критика в адрес правящей партии будет отводиться на том основании, что «народ ни за какую другую партию не хочет голосовать». Точно таким же образом защищался однопартийный характер советского режима: народ не хочет иметь никакой другой партии, кроме коммунистической.

Учитывая сказанное выше относительно устарелости фасона и влияния КПРФ и слабости СР, а теперь ещё нависшую над ними угрозу раздробления, самым разумным представляется путь *переформирования этих партий и объединения их в единую социалистическую партию на обновленной идейной и организационной основе*. Подобный проект не обрадует власть имущих, но необходимость его осуществления громко стучит в двери левого движения. На принятую властями политику раздробления оппозиции по принципу «разделяй и властвуй», следует ответить объединением всего левого спектра, включая независимые профсоюзы в единый фронт трудящихся против давления власти и капитала. Нельзя не видеть, что альтернативой такому объединению сил является уход с политической арены. Но чтобы не только закрепить на своих позициях, но и расширить своё влияние напрашивается необходимость, во-первых, пересмотра своего идейного арсенала под углом зрения требований нынешнего времени; во-вторых, перенесения центра тяжести своей работы на профсоюзное движение.

Если говорить о первой стороне дела, то от КПРФ требуется отказ от коммунистического ярлыка как устаревшего и практически теперь бессмысленного, в осуждении сталинизма как его крайне извращённой формы, несовместимой с марксизмом и подлинно социалистическим идеалом. Только после этого на огульные обвинения правого лагеря КПСС во всех смертных грехах убедительной станет

позиция обновлённой социалистической партии по осуждению ошибок и преступлений прошлого, за которые она не может нести ответственность больше других. В сохранении и продолжении же всего лучшего, что было достигнуто в советский период по защите прав и гарантий трудового народа ничего другого кроме чести быть не может.

По такой же логике вещей СР встала перед необходимостью уяснения своей идейной позиции и ответить на вопрос: как достижима справедливость в наших условиях? Если она считает её достижимой в рамках буржуазно-капиталистического идеала, то её место в либеральном лагере на левом фланге ей делать нечего. Если она считает социальную справедливость несовместимой с углубляющейся с каждым годом социальной дифференциацией, ростом миллиардеров и роскоши на одном полюсе и дороговизны, безработицы и необеспеченности на другом, то ей следует, открыто воспринять социалистический идеал и занять место на левом фланге. Если так, то она должна признать очищенные от ошибок и заблуждений плоды социалистического движения, а, отсюда и закономерный характер Октябрьской революции 1917 года как единственного способа восстановления развалившей после февраля России, её превращения в великую державу и завоевания трудящимися в советский период невиданных до того социальных прав и гарантий.

Подобное взаимопризнание идейных позиций двух крыльев левого движения создает основу для выдвижения их общего, альтернативного либерализму идеала **демократического социализма** типа австрийского или скандинавского, который предполагает сочетание различных форм собственности и модель экономики с приоритетом решения социальных проблем. Там, где социальное является основным, а экономическое подчинённым можно говорить о социализме нового типа, альтернативном как советскому тоталитаризму, так и бесчеловечному капитализму. Принятие формулы демократического социализма в качестве идейной основы деятельности обеих партий открывает путь к их объединению и привлечению в их ряды нового поколения людей, жаждущих социальной справедливости, но самостоятельно, без знания и учета опыта прошлого не способного найти дорогу к ней.

При всей заманчивости указанной перспективы, нетрудно предвидеть, что на пути возможного движения к ней, высока вероятность возникновения двух трудно преодолимых преград, способных не

только сорвать дело, но даже подвести партии к самоубийству. Первой является, отсутствие в нашей традиции сознания необходимости компромисса для объединения сил и достижения успеха. Поэтому неизвестно, окажутся эти партии способными к *идейному и организационному компромиссу*, т.е. к обновлению своего идейного багажа и организационных форм, в частности переключиться к работе в профсоюзах. Другой преградой будет привязанность верхушки партии к благам, которыми правящий класс щедро одаривает депутатов этих партий за декорирование многопартийностью демократического фасада буржуазно-капиталистического государства. Новая же, объединённая социалистическая партия может иметь успех при условии принятия как первого (компромисс) так и второго (отказ от поправок) и принятия морали, свойственной людям наёмного труда – *жить на зарплату* и добиваться того, чтобы она соответствовала достигнутому уровню производительности труда. Смогут ли депутаты от КПРФ и СР пересечь со своего барского стола за наш пролетарский стол, остаётся открытым. На это способно ответить время.

8. Профсоюзы – школа демократии

Уровень развития профсоюзов, их положение в общества и способность стоять на страже интересов людей труда является основным показателем здоровья общества и его демократичности. Многие достижения западной демократии, которые сегодня либерализм приписывает себе, будто дарованные правящими классами в соответствии с её идеологией прав и свободы человека, на самом деле получены более сложным путём. Они не дарованы либеральной буржуазией по собственной воле, а, можно сказать вырваны у неё в суровой борьбе людей труда, организованных в профсоюзы и выражавших их интересы демократических, социалистических и коммунистических партий.

Конечно, не приходится отрицать, что либеральные идеи были вдохновляющей силой английской, французской и американской революций XVII и XVIII веков, положивших начало современной эпохе свободы и прав человека. Но от идеи до её реального осуществления такая дистанция, которую без этой борьбы пройти было невозможно. Господствующие классы по собственной инициативе вовсе не спешили воплотить эти идеи в жизнь. Почему мы ежегодно отмечаем день 1 мая, который теперь фальсифицирующими историю властями объявлен «днём весны»? На самом деле весна отношения к делу не

имеет и притащена за волосы, чтобы извратить политический смысл даты. Правда же, в другом. В этот воскресный день в 1886 году американские рабочие в городе Чикаго устроили мирную демонстрацию с требованием восьми часового рабочего дня, но американские либеральные власти обрушили на её участников град полицейских пуль. Демонстранты были разогнаны, унося с собой убитых и раненых, а «зачинщики» впоследствии арестованы и казнены.

Происшедшее шокировало американскую общественность, в особенности рабочее движение, которое не только не отказалось, а, наоборот, удвоило свои усилия в борьбе за свои права. В конце того же 1886 года разрозненные профсоюзы объединились в Американскую федерацию труда (АФТ), которая стала важным фактором либерализации и демократизации американского общества. В конце концов, рабочие добились своего, и 8-часовой рабочий день был установлен. АФТ провозгласил и твёрдо придерживался независимости от властей и работодателей, но верности судебным решением с правом на проведение пикетов, бойкотов и забастовок, к которым она часто прибегала для достижения своих целей.

Тем не менее, АФТ не была достаточно демократичной, поскольку в основном защищала интересы верхнего слоя рабочих – людей с наиболее высокой квалификации и заработной платы и пренебрегала интересами менее квалифицированных рабочих. Кроме того, она отказывалась принимать свои ряды цветных и иммигрантов. Такая дискриминационная политика вызвала недовольство ущемлённой части профсоюзов, которое закончилось расколом. В 1935 году недовольные вышли из АФТ и основали альтернативное профсоюзное объединение – Конгресс производственных профсоюзов (КПП), провозгласивший равенство своих членов и широко открывший двери для всех без всякой дискриминации. Впоследствии эти правила были признаны всеми и в 1955 обе организации объединились в одну АФТ–КПП.

Подобные же процессы происходили и в Европе, которая также была шокирована бесчеловечной расправой над американскими демонстрантами. И тогда, в знак солидарности с американскими рабочими, Парижский конгресс социалистических партий II Интернационала в июле 1889 года объявил 1 мая днём Международной солидарности трудящихся всего мира. Так что это не праздник весны, а праздник единства интересов трудящихся и напоминания необходимости солидарности в борьбе за свои права на труд и достойный за-

работок. Позже он стал отмечаться и в России, но только нелегально, так как имущие классы не допускали создания, каких бы то ни было легальных профсоюзов, а тем более солидарности рабочих разных отраслей и стран.

Сегодня каждый желающий может посетить на Красной Пресне в Москве музей Трёх революций и увидеть захватывающую панораму жестоких боёв защищавших интересы работодателей казаков с рабочими, требовавшими 8-часового рабочего дня и улучшения условий труда. Так было везде. Никаких прав и социальных гарантий либеральная буржуазия добровольно работникам не предоставляла, пока не видела над своей головой грозно занесённую мускулистую руку многомиллионного рабочего люда в виде организованного профсоюзного движения и солидарно поддерживаемого другими отрядами рабочих. Причём, чем более развита страна, тем выше классовое сознание людей труда и соответственно более развитым является и профсоюзное движение в защиту их интересов. Поэтому сегодня мы стали свидетелями миграции капиталов из страны с более высокой заработной платой туда, где она ниже. Не способные защищать интересы своих рабочих профсоюзы отстающих стран мирятся с низким уровнем заработной платы, что и привлекает иностранный капитал.

Что касается России, то коренный поворот в положении рабочих наступил после Октябрьской революции 1917 года. Профсоюзы не только были легализованы, но первоначально им были предоставлены необъятно широкие права по контролю над деятельностью предприятий, где были заняты их члены вплоть до смещения глав администраций. Использование этого права не всегда шло на пользу дела, тем не менее, широко практиковалось. Наиболее горячие сторонники рабочего правления, названные «рабочей оппозицией» предлагали передать всю полноту власти в стране профсоюзам на том основании, что единственным правителем в государстве, строящем социализм, могут быть только рабочие. Но эта идея натолкнулась на противодействие находившейся у власти коммунистической партии. Требование рабочей оппозиции было оценено как «анархо-синдикалистское», способное дезорганизовать экономику страны, растащить её по составным частям и лишить единства, необходимого для её эффективного функционирования.

В развернувшейся в начале 1920-х годов в правящей партии дискуссии о профсоюзах речь шла о соотношении партии и рабочих

масс, кому должна принадлежать решающая роль в управлении страной, профсоюзам или партии. В ходе дискуссии было признано, что управление государством охватывает такой широкий круг проблем, с которыми профсоюзы справиться не могут, а потому им было предложено сосредоточиться на более узких вопросах защиты профессиональных интересов своих членов, а общее руководство страной было закреплено за коммунистической партией. В той же дискуссии, исходя из неподготовленности малограмотных российских рабочих к управлению государством, Ленин выдвинул формулу о профсоюзах как «школе управления», которую они должны пройти с тем, чтобы со временем стать способными «управлять».

Однако выдвинутая Лениным формула на проверку оказалась противоречивой. Она не проясняла вопрос о соотношении между руководящей партией и профсоюзами, должны ли последние сменить первых, когда приобретут достаточные знания и опыт, а если нет, то каков смысл того, что они «школа управления»? Более того, сложившаяся в стране диктатура пролетариата оказалась несовместимой с той широкой демократией, на которую претендовала советская власть. Имевшие за спиной героическое прошлое в революционной борьбе, но не имевшие опыта и знаний о механике управления государством, большевики совершенно не учли развращающего влияния власти на человека. Потому игнорировали необходимость смены власти, её обновления, привлечения новых людей, свободных от груза прежних ошибок, не оправданных стереотипов и связей. В итоге лучшие надежды большевиков после смерти Ленин пошли кувырком. В ходе развернувшейся борьбы за власть победило сталинское крыло, подмявшее под себя все прежние самостоятельные структуры, в том числе профсоюзы. Ленинская формула профсоюзов была заменена другой, по которой им отводилась роль «приводного ремня», связывающего стоявшую у власти коммунистическую партию с широкой массой, объединённых в профсоюзы.

Формула «приводного ремня» стала основой по существу огосударствления профсоюзов, их подчинения власти, директивам руководящей партии. Время от времени возникали забастовки, чаще всего с требованиями повышения заработной платы, предпринимались и другие спонтанные действия, но всегда в обход профсоюзов, которые в таких случаях обычно держались линии государственного руководства. Прав на такие инициативы они были лишены, так как основной круг проблем, связанный с заработной платой и условиями

труда разрабатывался в централизованном порядке соответствующими научными подразделениями. Зато социальным и трудовым законодательством им были предоставлены широкие права. Какие-либо задержки с выплатой заработной платой, которые в наше время стали обычными, в то время были исключены. Без согласия профсоюзного комитета предприятия нельзя было уволить работника. Козырной картой советских профсоюзов было обязательство государства обеспечить исключаящую безработицу полную занятость трудоспособного населения. Немалое значение для них имело обладание ими широкой сетью лечебно-профилактических учреждений (санаториев), домов отдыха, оздоровительно-спортивными и пионерскими лагерями для молодёжи и детей и правом предоставлять туда путёвки бесплатно или оплатой 30% стоимости. От этого сейчас мало, что осталось.

К сожалению, в постсоветское время права российских профсоюзов не расширились, а, наоборот, ещё больше сузились. По существу произошло дальнейшее огосударствление, если не сказать теперь закрепощение их основной части, объединённых в Федерацию независимых профсоюз России (ФНПР), которую точнее было бы именовать Федерацией зависимых (задавленных) профсоюзов (ФЗП). Поскольку теперь наше государство является капиталистическим, то подчинённым ему профсоюзам (ФНПР) отведена, пользуясь выражением одного деятеля американского рабочего движения, роль «рабочих приказчиков класса капиталистов». Они мирятся с массовой безработицей и низкой заработной платой, никаких общественно-значимых действий в защиту рабочих не проводят, а когда возникают забастовки, как это было два года назад в Пикалёво, то остаются в стороне. Неизвестно также, какие счета как пополнились в результате приватизации громадной профсоюзной собственности советского времени. Похоже на правду предположение, что боссы ФНПР сами заняли своё место в структуре обогащающегося частного капитала, а автоматические выделяемые из зарплаты профсоюзные взносы исправно служат этой цели.

О прислужнической роли ФНПР по отношению к власти и капитала говорит и резкая антисоветская риторика её лидеров, свойственная тем, кто хорошо разбогател на приватизации и пользовании открывшимися сейчас методами частной наживы. В среде людей наёмного труда, живущих на заработную плату в условиях постоянного роста цен и тарифов на ставшие платными социальные услуги, такая

риторика обычно не наблюдается. Наоборот, чаще всего слышатся жалобы на то, как много потеряно в результате сокращения рабочих мест, монетизации льгот, полного бесправия рабочего человека перед самодурством новых хозяев. Но руководителям ФНПР чужды эти стоны рабочего люда, поскольку живут вдали от них в собственном мире полного достатка и озабочены лишь получением милостей от властей и капитала.

Сейчас мало кто обращает внимание на то, какую опасность для общества представляет подобная уния профсоюзов с властью. Как было отмечено выше, одержимый собственной наживой капитал даже на более умеренном и цивилизованном Западе был безразличен и слеп к нуждам рядовых людей пока массовое рабочее движение, ведомое социал-демократическими и коммунистическими партиями, не стукнуло его по голове так, чтобы образумить, и только после этого стал считаться с его нуждами. Что касается российской люмпен-буржуазии, ослеплённой одной лишь жаждой своего обогащения и презирающей народные низы с их интересами и заботами, рассматривающей свою страну как «поле для охоты», живущей на Западе, ничего подобного западному капиталу, ожидать не приходится. Она будет безжалостно выжимать из рабочего человека всё, что возможно, а выжатое переводить на свои зарубежные счета. И это он будет делать до тех пор, пока организованные в профсоюзы люди труда, по примеру профсоюзов западных стран, не принудят к другому образу действий. Но действующие по указке государства профсоюзы сделать этого не могут.

Освобождение профсоюзов от власти государства, приобретение ими самостоятельности и признание их равной стороной в отношениях с предпринимателями и государством необходимо не только ради удовлетворения их нужд, но не меньшей степени для оздоровления социально-политического климата в стране, развития и укрепления в ней демократических порядков и традиций. Нельзя думать, что всё нужное в этом направлении может быть достигнуто по воле и велению властей. Надо учитывать, что власть подвергается сильнейшему прессингу со стороны капитала, если не сказать, что она (власть) является его (капитала) пленником. Если бы даже власть пожелала противостоять капиталу, что мало вероятно в виду их связанности между собой тысячами видимых и невидимых нитей, не факт, что она достойно защитит интересы людей наёмного труда без них самих. Только при независимости профсоюзов, их равном с ка-

питалом и властью положении в переговорном процессе может быть достигнут баланс интересов трех основных сил (капитала, труда и власти), а, следовательно, и нужный в обществе консенсус.

При нынешней необузданности капитала, когда его ничего другого кроме частной наживы не интересует, а интересы основной массы населения остаются за пределами его внимания, демократия не может быть подлинной. Сводить смысл демократии к многопартийности и даже к честным выборам это значит, причину и следствие менять местами, ставить телегу впереди лошади. Основной смысл демократии и её механизма состоит в нахождении баланса интересов различных социальных сил. Ради этого существует многопартийность и выборы, без которых консенсус между разными социальными силами не может быть найден.

Только свободные и независимые профсоюзы, сознающие свои интересы и способные их отстаивать, могут быть надёжным противоядием существующему сейчас у нас тоталитарному господству капитала. Главная опасность для будущего страны исходит не от так называемых «оранжевых», которые представляют правое крыло капитала и в этом смысле ничего отличного от медведевско-путинской модели не предлагают, кроме личных претензий на власть. Главное зло, вставшее на нашем пути **в сомкнутости власти с капиталом** и игнорировании интересов изнемогающей от тяжкого труда и его низкой оплаты массы населения. «Оранжевые» как показывают результаты их деятельности в Украине, Грузии и Киргизии не могут от этого избавить людей. Для этого необходимо, чтобы люди сами стали значить больше, не полагаться на «того дядю», а на собственную самодетельность и способность сделать нужное им.

Каким бы просвещённым и осведомленным не был авторитарный правитель, он не может охватить сложно переплетённый клубок интересов, а потому не может быть заменой демократии. Поэтому, перефразируя слова известной песни, профсоюзы могут сказать: никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и не герой, добьёмся свободы и демократии своей собственной рукой.

Раздел 4

Размышляя над книгами

«...революции подготавливаются не столько пропагандой и деятельностью народных вожakov, сколько политикой господствующих социальных и политических сил. Наиболее дальновидные мыслители, которых принято называть «революционными идеологами», к примеру - Радищев, Герцен, Чернышевский (в «Письмах без адреса»), стремились предупреждать правящие круги о том, что их классово-эгоистическая политика может привести к революционному взрыву (который может обернуться большой бедой не только для правящего сословия, но и для неподготовленных к собственному правлению масс народных) и давали рецепты глубоких реформ, способных удержать общество от революционных катастроф».

Григорий Водолазов

«Человеческая личность для Маркса также никогда не была только пассивным результатом действия анонимных экономических сил или обстоятельств. При определенных условиях, человек, по его мнению, в состоянии сам изменять и творить эти обстоятельства. Не случайно он говорил в «Тезисах о Фейербахе» о том, что «воспитатель должен быть сам воспитан». Социальная борьба и революции являются тому характерным подтверждением. Задача социалистической теории и пропаганды и состоит в том, чтобы готовить массы к этой борьбе».

Борис Славин

«Ответ на этот вопрос лежит, на мой взгляд, во втором известном марксистском положении: о генезисе коммунизма как переходе не просто к новому способу производства, и даже вообще не к способу производству, а к новому типу общественного бытия – «царству свободы», «истории», снимающей все «царство [экономической] необходимости», всю предысторию, а не только капитализм. Иными словами, генезис нового общества должен решить проблему снятия всех форм [социального] от-

чуждения, а не только капиталистической эксплуатации. Нерешенность этой грандиозной задачи и стала причиной самосохранения капитализма – таков ответ автора этих строк, но не Жижека».

Александр Бузгалин

Г.Г. Водозазов

Социализм 21: новое прочтение

На первый, поверхностный, взгляд, может показаться, что книга эта («Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М. Культурная революция, 2009») посвящена истории теории и практики социализма, описанию особенностей социалистического строя, его возможных перспектив в 21 веке, выяснению исторической значимости марксистской теории, что это – книга для довольно узкого и специфического круга читателей: например, для «научных работников», занимающихся проблематикой социализма, для «преподавателей», читающих курсы по истории политических учений, для «студентов», сдающих экзамены по этим курсам. И поэтому не исключено, что широкий, массовый читатель, скользнув взглядом по заголовку и оглавлению книги, по аннотации к ней, *отложит* ее в сторону – пусть специалисты читают, пусть ученые рассматривают ее идеи на своих симпозиумах и круглых столах, пусть зубрят ее студенты, разнося наиболее важные ее мысли по своим экзаменационным шпаргалкам. Отложит – и очень ошибется. Ибо она – не для «специалистов» (или, вернее, не только и не столько «для специалистов») и не для абстрактно-теоретических разговоров за «круглыми столами». Вообще она не о том, она – существенно о другом. О том, что не может не волновать современного человека, современного россиянина. Это вообще не «профессорская» книга (хотя

все авторы – профессора, и достаточно известные в научном мире). Это книга – граждан, озабоченных изломами современного российского бытия, граждан, дающих оценку этому бытию, старающихся понять его глубинную суть, его противоречия и возможные перспективы. Авторы изначально исходят из вопросов: где, на каком историческом рубеже, в какой ситуации, в каких социально–политических условиях находится наша страна. И, дав этой ситуации (немного забежим вперед!) сугубо негативную оценку, они предлагают пути ее преодоления, пути избежания надвигающейся (по их убеждению) социальной катастрофы.

Если вас, уважаемый читатель, тоже волнуют эти проблемы, если вы, что называется, на своей шкуре чувствуете давящее вас несовершенство российского бытия, – откройте эту книгу, вчитайтесь в нее. Это – книга ваших друзей, или, как бы, не без пафоса, сказали бы в 19 веке – «друзей народа».

Точка обзора

Да, это принципиально разные вещи: «профессорский» (абстрактно–теоретический) анализ социального бытия и взгляд на ситуацию глазами активного, не равнодушного к судьбе своего общества гражданина. Для авторов книги близка позиция их, не так давно ушедшего, единомышленника – блистательного мыслителя, публициста, просветителя Игоря Дедкова:

«Беремся рассуждать об исторических событиях, великих, величественных, говорим уверенно, громко, прямо грохочем, – пишет он о широко распространенном в современных интеллигентских кругах способах социального анализа, – и вдруг представится, как внутри события сидят свежившиеся от нашего грохота люди и пытаются что–то сказать... А их для нас как бы нет – нам достаточно абстракций, с абстракциями много проще» (Дедков И. Обновленное зрение. М, 1988, с.294). «Пусть историки, – продолжает он, имея в виду «официальных», «державных», прикармливаемых властями историков, – взвешивают и перевешивают на своих весах факты, деяния и репутации значительных лиц». Человек же, стоящий на «точке обзора», предлагаемой Дедковым, «упрямо начинает с другого конца: с судьбы безвестного человека» (там же, с. 303). Да, это – принципиально иной взгляд на Историю: смотреть на события глазами не «элиты» (чиновно–державной или салонно–морализаторской), не глазами высоколобного, пробавляющегося

утрачивающими всякое жизненное содержание абстракциями, «интеллектуала», не глазами «известного», прыгающего с одного телеканала на другой, балабола, а глазами человека безвестного, рядового гражданина. Если «нарушив привычку (пафосного «громыхания» по поводу исторических событий – Рец.), пойти по другой стороне улицы», – и «мир будто дрогнет: что-то неизвестное, пропущенное приоткроется в его примелькавшемся облике» («Обновленное зрение», с.294). Вот это и есть желанная для проникновения в действительную суть истории точка обзора – «другая», «неофициальная» «сторона улицы», к которой ходят безвестные (составляющие абсолютное большинство населения России) люди.

Только оттуда, только с этой точки обзора и возможно осуществить то, что Дедков называет «Человеческий суд эпохе». И он очень надеется, что литература (в том числе – социально-философская) смирит свою гордыню и придет на эту «точку обзора», к этим «безвестным» людям и «взглянет на мир их глазами, пере-скажет их речи». И пути к этой точке обзора никому не заказаны: ««В старом провинциальном городе забрести во дворик, где тропинки, трава-мурава, сараи, поленницы, присесть на скамейку, услышать запах подгнивающего, ветхого, деревянного жилья и взглянуть оттуда...». А то можно пойти на городскую окраину – ту, например, что описал Виталий Семин в «Семеро в одном доме», – там трудно живущее «пестрое окраинное население» знает и «теплоту человечности» и ту «ясную меру, которая строже родства и выше дружбы» (Дедков И. «Во все концы дорога далека», 1981, с.75). Или – в научные лаборатории (что в дудинцевских «Белых одеждах»), где можно познакомиться с теми «безвестными» «героями противостояния», что как упрямая трава «поднимают бугром» давящий все живое бюрократический асфальт и пробиваются к свету.

О, оттуда мир и события в нем выглядят существенно иначе, чем из окон кремлевских спичрайтеров или салонов «рафинированных интеллектуалов». «Вот с чем я столкнулся, что почувствовал, когда И.Т. (Иван Тимофеевич Фролов, академик, помощник Горбачева – Рец.) вспоминал 60-е годы, – запишет Игорь в «дневнике» 28 января 1988 года. – Ясное-ясное представление: он где-то поверху я где-то внизу, он – о «Вопросах философии», о Капице, Лысенко, Кедрове; я – о чем? – о «Северной правде», о каком-нибудь Грише Илюшко, пьянице Комракове, о Ленке Воробьеве и так далее» – жизни «разных сортов». Или

(25 марта 1988 года): «Разговаривали за завтраком обо всем на свете: от СПИДа до национальных отношений. Н.Б. вспомнил, как Федоров (хирург, глазник – а мы еще добавим: лидер партии то ли народно-капиталистической, то ли народно-социалистической, в общем – крупный политик – Рец.), выступая на «круглом столе» сказал о 50 тыс. долларов, на которые он производит закупки оборудования. А присутствующий врач из райбольницы сказал: а у нас и 50 рублей нет, чтобы купить необходимое!.. И тут меня как кольнуло: и представлялась та далекая конкретная жизнь в каком-то селе, городке, снег, крыльцо, люди, сбивающие снег с валенок... То – жизнь». А через несколько дней (27 марта) опять возвращается к этому, с добавлением трогательных деталей, – видно, что-то очень существенное произошло ему в том разговоре: «Тот о тысячах долларов (не дают), а она – о пятидесяти рублях (не дают), и посреди разговора... меня вдруг кольнуло, и здесь в роскошной этой столовой, среди сытых и чинных людей, я с горьким сожалением почувствовал правоту и недоступность, и упущенность конкретной жизни. В какую-то долю мгновения я увидел крыльцо темного от времени деревянного больничного строения, женщину, наскоро сметающую веником снег с валенок, услышал ее бодрый голос: «Ну, как тут мои больные?». Никогда я так не ощущал многоэтажности, многослойности жизни, как в эти дни. Отвлеченность живет за счет конкретности. Плавание в разных водах».

Да, «элита» и подвластный ей «народ» плавают в разных водах, ходят по разным сторонам улицы и видят по-разному Мир и События, в нем происходящие. Игорь, разумеется, мыслью и чувством с Гришей Илюшко, Ленькой Воробьевым, с врачами из райбольницы. В Москву он вернулся после почти 30 лет жизни в Костроме. «Я произвожу здесь (в кругах московской «элиты» – Рец.), должно быть, мрачное впечатление. За обеденным столом – разговоры, когда прогуливаемся – тоже, я все молчу. Редко-редко что-то скажешь, и то неохотно. И люди вроде бы располагающие, но все-таки чужие, другой клан, другие воспоминания у них. С другого этажа. И я – с другого, не с их.» («Дневник», 25.03.88). Он с того этажа, из тех коммуналок, из тех столичных и провинциальных двориков, где «Гриша», «Ленька», сельский фельдшер... Он смотрит на мир их глазами. Одно только добавление: их глазами, но опираясь при этом не на узкий и частный опыт отдельных лиц, а на широкий фундамент философской, эстетической и этической мысли. Можно сказать, он вводит идущий

«снизу» народный взгляд в контекст мировой культуры. И вот только тогда – в пространстве такой позиции – начинается сближение и взаимопроникновение всеобщего («общественного») и частного («личностного») начала, иначе говоря – политики и нравственности. В итоге формируется новая единая, «конвергентная» (т.е. – объединительная) мировоззренческая парадигма – нравственно-политическая.

На такой примерно исходной позиции стоят и авторы разбираемой нами книги. Не всегда они прямо пишут об этом, но всё содержание их размышлений, вся направленность их интеллектуальных поисков детерминирована, определяется именно этой исходной «точкой обзора» исторических событий.

Особенно часто и особенно настойчиво на это обращает внимание на семинарских дискуссиях Виктор Арсланов (вызывая этим иногда раздражение чересчур рафинированных, чересчур академичных гостей семинара, но встречая общее одобрение его основных участников). «Я хочу представить, – частенько говорит он, – как бы отнеслись к нашим выступлениям, как бы реагировали на них, к примеру, солженицынские Иван Денисович и Матрена. Услышали бы они – хоть в малой, хоть в малейшей степени – отзвуки своих болей и своих надежд?». Не будем, впрочем, упрощать и вульгаризировать мысль Виктора. Ну, конечно же, ни Матрена, ни Иван Денисович не смогли бы поддержать на должном уровне разговор, ведущийся, скажем, Межуевым и Науменко. И всё же сама, высказываемая Арслановым (и поддерживаемая остальными участниками семинара), мысль о том, что, так или иначе, в большей или меньшей степени, но обязательно в размышлениях и статьях должен ясно просматриваться народный взгляд на рассматриваемые проблемы (как то было свойственно, например, Чернышевскому, Добролюбову, Ленину, Плеханову, Энгельсу – людям высокой теоретической культуры, не избегавшим тончайших теоретических абстракций, но умевшим увязывать их с насущными интересами социальных низов – в доступной этим социальным низам форме; вспомним Энгельса: «Я хочу, чтобы нас читали рабочие») – эта мысль пронизывает абсолютное большинство выступлений и статей участников семинара.

Да, точка обзора, с которой авторы сборника смотрят на социальный мир, это – «другая», «неофициальная», «народная» «сторона улицы». Но при этом они отдают себе ясный отчет в том, что сегодняшний «народ», обитающий на «другой стороне улицы», – это не

только Матрены и Иваны Денисовичи. Это – и миллионы людей интеллектуального труда – учителя, врачи, инженеры, ученые... «На наших глазах, – отмечает Вадим Межуев, – рождается новый тип производительного работника, оперирующего не механическими орудиями труда, а сложной вычислительной техникой», работника, «профессиональной характеристикой которого является его способность генерировать новое знание, внедрять в производство новые образцы, поставлять информацию. И для Межуева важно определить, «каким же должен этот мир, если смотреть на него с позиций этого класса», с позиций «работника», решительно противостоящего миру наживы и бюрократического регламентирования, работника, которому «принадлежит ведущая роль в обновлении мира», работника, который «не отвергая либеральных прав и свобод, дополняет их правом на культуру, без которого все остальные права повисают в воздухе, оборачиваясь фактическим неравенством» (с. 159–161).

Примерно о том же, опираясь на ряд идей основоположников марксизма, пишет Г.А. Багатурия, подчеркивающий, что сегодняшний «трудящийся» – это так называемый «совокупный работник», частью которого является и «пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями-рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль» во всех надвигающихся исторических процессах (с.196).

И постоянно напоминающий о солженицынских героях Арсланов не сводит представление о современном «народе», об угнетенном сословии к совокупности лиц физического труда и низкого образования: «Повсюду во всём мире, пишет он, – росла и увеличивалась армия наемного труда, ибо современный профессор и высококвалифицированный компьютерщик живут только продажей своей рабочей силы, а не доходами с принадлежащего им капитала» (с. 232).

И Андрей Колганов, рассматривая эволюцию бюрократической системы СССР, замечает: «Наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали всё большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса, начиная приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого слоя» (с. 373).

Точка зрения «эксплуатируемого социального слоя» – вот на выражение чего претендуют авторы сборника. С двумя, впрочем, важными добавлениями. Первое: авторы относят к этому слою, как мы уже отмечали, работников не только физического, но и умственного

труда (тех, кого принято было называть «интеллигенцией»). И второе, более существенное: авторы подчеркивают (и это особенно подробно выясняет Вадим Межуев), что в современных условиях всё более возрастает та часть работников умственного труда, которая страдает не только (и не столько) от «эксплуатации» (под которой принято понимать присвоение одними людьми труда других), но от зауженного пространства свободы (без которой невозможна составляющая суть интеллигенции творческая, духовная деятельность), от искривления, разрушения пространства культуры под давлением мотивов наживы, от господства финансового капитала над капиталом человеческим, от игнорирования в реальной политике императивов нравственности.

Важно отметить, что и себя авторы рассматривают в качестве органической части этого социального слоя, а отнюдь не в качестве стоящих рядом с ним или над ним «учителей жизни». В отличие от народнической интеллигенции 19 века, которая «шла в народ», чтобы «вносить в него сознание», чтобы его «учить», «просвещать», «вести за собой», авторы сборника никуда не «идут». Им незачем «идти» в народ, ибо они сами – органическая и полноправная часть этого нынешнего «народа». В «народе» они не в гостях. Тут они у себя дома. Это – естественная среда их обитания. И видят они своё скромное назначение в том, чтобы в качестве профессионалов в сферах философии, истории, политологии, экономики, литературоведения осмысливать интересы и цели деятельности не «других», а наряду с «другими» и вместе с «другими» народные интересы как свои собственные.

Стратегию и общее направление деятельности этой широкой социальной общности можно обозначить как «социализм гражданского общества» (А. Бузгалин, А. Колганов, с. 74).

Гражданское общество – вот, по сути, другое, современное, название «совокупного работника», противостоящего сегодня и бюрократически–авторитарной политической системе, и криминально–монополистическому капиталу.

И еще об одной особенности этой, «классовой», точки обзора, занимаемой авторами сборника.

«Опять этот набивший оскомину и принесший многочисленные беды в прошлом «классовый подход», – говорят подчас авторам нынешние «либеральные» и «широко мыслящие» интеллигенты. – Опять начинаете натравливать одну часть общества на другую, опять

противопоставляете одни социальные силы другим. Вы же тем самым вносите раскол в общество, ослабляете его единство и тем снижаете возможность его стабильного и успешного развития, вы препятствуете его объединению вокруг способной сплотить всех Национальной Идеи».

Реакция авторов сборника на подобные тирады простая и четкая. «Во-первых, не мы «противопоставляем» интересы большинства гражданского общества, современного «совокупного работника» «другим социальным слоям» (бюрократии и представителям криминально-монополистического капитала, в первую голову). Мы всего лишь фиксируем это противопоставление, сложившееся в жизни объективно – помимо нас и независимо от нас. Мы поэтому высмеиваем тех, кто говорит (по корысти или наивности): «все мы – одна семья, и потому – во имя светлого будущего страны – должны сплотиться вокруг единой, объединяющей всех нас Национальной Идеи». Ну, что же, кому не лень, пусть поищет «национальную идею», которая «объединила» бы олигарха (строящего для собственного развлечения двухсотметровую яхту с площадками для вертолетов и ангарами для личных подводных лодок, покупающего за сотни миллионов долларов зарубежные футбольные и баскетбольные клубы) и едва сводящих концы с концами, едва дотягивающих от получки до получки школьного учителя из Костромы, инженера из Челябинска, врача из Моршанска, пенсионера из... любой точки России. У них, у олигарха и у несчастных «бюджетников», – разные «национальные идеи». И не надо людям «вешать лапшу на уши»! Довольно! Это всё мы прошли еще в славные времена «реального социализма». Именно тогда (впрочем, всё же с несколько большим основанием, чем сегодня) начались разговоры о «единой семье» «братских наций». В те годы, пишет один из авторов сборника, «общественная мысль всерьёз принимала басню о том, что наше общество – однородное, что у нас нет принципиально разнящихся слоев и классов, и потому *все* живут одной мыслью – как сделать жизнь *всех* лучше и краше. Просто некоторые руководители не знают, что нам всем для этого делать. И вот для них-то обществовед и поясняет: а делать надо нам всем, в том числе и вам, госчиновники, вот что. В общем, все мы – одна семья. Но реальное общество (и во времена «реального социализма», и нынешнего «реального капитализма») – это никакое не «однородное» общество, это никакая не «одна семья». Это общество,

разделенное на группы, слои и классы с разными (а то и противоположными) интересами. И потому интерес одних (подобных, скажем, руководству РАО ЕЭС или членам других олигархических и бюрократических структур) призывает «делать» одно, а интерес других (скажем, врачей, учителей, рабочих, инженеров) – другое, во многом – прямо противоположное. Поэтому сегодня и необходимо вопрос «Что делать?» обязательно дополнять вопросами: кто заинтересован в том, чтобы это делать («кому делать?») и – как именно это делать («как делать?»). Кому и как?». (Г. Водолазов, с. 598–599).

И не такая уж безобидная для судеб страны эта сочиненная Суловыми и Ильичевыми басня об «однородности»: «Не бюрократическая ли новация брежневской эпохи о растущей якобы однородности советского общества, об образовании нового социального единства, «советского народа», – пишет В.Арсланов, – способствовала распаду СССР и историческому поражению социализма? Ибо эта новация мешала видеть, как в недрах якобы однородного советского «множества» созревает «новый русский, будущий олигарх» (с.234). Эта–то убаюкивающая сознание людей идея «однородности», в частности, и помешала тогда увидеть надвигающуюся на российское общество Беду – вызревание хищной, жестокой, лишенной всяких нравственных тормозов Олигархии. Такой же печальный финал готовит стране и идеология современной «однородности», предлагающая современному классово расколотому российскому обществу «объединяющую всех национальную идею».

Только честная, только открытая констатация разрастающегося в России социально–классового противостояния людей труда, социальных низов и коррумпированного чиновничества, сращенного с криминальным капиталом, – только такая констатация способна открыть людям глаза на действительную социально–политическую ситуацию в стране, предупредить о разрастающихся социальных метастазах и, приступив к лечению, – избежать возвращения тех бед, которые обрушивались на страну в последние десятилетия.

Таким образом, в статьях рецензируемого сборника речь идет не просто о защите *частных, локальных* интересов «людей труда». Но – о защите интересов общественного развития в целом. Ибо, как подробно показывают авторы, интересы этих «низовых» социальных слоев в своих главных аспектах совпадают с интересами социального развития страны в целом. «Нам следует исходить, – подчеркивает С.

Дзарасов, – из коренных и перспективных интересов страны и народа» (с. 490).

Еще раз: в нынешней ситуации так называемый «классовый» интерес вышеупомянутого социального слоя, интерес, скажем шире – гражданского общества совпадает с магистральными интересами развития всего общества.

И в завершении этого разговора о «точке обзора», о субъекте возможной в недалеком будущем преобразования России – несколько длинноватая (и, может быть излишне эмоциональная), но ставящая все точки над *i* цитата из статьи одного из авторов:

«Мне и моим единомышленникам со всех сторон, из недр разных политологических фондов (тех, что прямо или косвенно подкармливаются государственной бюрократией или олигархической братвой) несутся возражения: нет–де у нас никакого гражданского общества, вообще «граждан» нет, а есть (с претензией на остроумие и глубокомыслие!) лишь «население», то есть неорганизованная, непросвещенная и потому бессильная «масса». И вы–де, «новые народники», вы, неисправимые утописты–фантазёры, предлагающие вместо реальных, выполнимых программ прекраснодушные, но бессильные утопии, только запутываете общественное сознание. Сегодня–де реальным субъектом общественных преобразований может быть только «политическая элита», и потому надо озаботиться лишь тем, чтобы более эффективно организовать её. Дать ей научно выверенные рекомендации по реформированию общества. При этом наши оппоненты любят не без претензии на тонкую иронию добавить, слегка перефразировав известный сталинский афоризм: другого гражданского общества у нас для вас нет. Помните у Сталина: «других писателей у меня для вас нет»? А, между прочим, можно было бы сказать в ответ товарищу Сталину: «У вас других писателей нет, потому что всех «других» вы перебили». И гражданского общества, отвечу я моим оппонентам, у вас для «нас» не будет, если вы будете продолжать всё делать для его удушения.

Я же думаю, что несмотря ни на что, основа гражданского общества в России, и достаточно широкая и крепкая, существует. И никакое это не «население», будто бы разрозненное и безгласное, а высокоразвитый (интеллектуально и морально) народ, стремящийся к организации и исторической самодеятельности...

Я бы обратил внимание не только на тип и уровень (высокий) политического сознания гражданского общества, но и на тот вдохновляющий всякого действительного демократа факт, что гражданское общество, брошенное на произвол судьбы, презрительно третируемое интеллектуальной «элитой», зомбируемое «элитой» политической, эксплуатируемое «элитой» финансово-олигархической, тем не менее с энтузиазмом ведет процесс своего структурирования и самоорганизации. То там, то здесь, по городам и весям России возникают всевозможные объединения, союзы, комитеты, движения, самоуправленческие структуры. Иные, не выдержав трудностей условий существования, распадаются, но через некоторое время на их месте появляются новые.

Над нами посмеиваются, называя «новыми народниками». Пусть так. Но мне думается, «новые народники» – это лучше, чем «новые русские» и обслуживающая их «элитная» тусовка.

Мы обязательно проведём инвентаризацию всех инициатив гражданского общества, мы составим и представим на всеобщее обозрение карту подобных инициатив по всем регионам России, и вы увидите: не спит и не бездействует гражданское общество. Собрать крупницы этого опыта самоорганизации и самоуправления, извлечь из него уроки, дать его анализ и на его основе выдвинуть развернутую стратегию развития гражданского общества, «стратегию горизонтали» – это и есть одна из важнейших задач современной российской научной интеллигенции.

Союз гражданского общества, науки, народных, демократических организаций и всерьёз пекущихся о народном благе политических партий и деятелей – только это даст России шанс на преодоление её бед» (Г. Водолазов, с. 602–603).

Оценить. Понять. Преодолеть.

Это – ступени, по которым движется анализ авторов. Исходным пунктом их размышлений, их теоретических поисков, их наблюдений с той «точки обзора», которую мы охарактеризовали выше, – является ОЦЕНКА современной социальной, политической и культурной ситуации в России.

Оценка

Общее авторское восприятие, общая оценка авторами этой ситуации – по Высоцкому: «Всё не так, ребята!». Причем настолько «не так», что надо, не теряя времени, – по-герценовски бить в «Колокол»: «Тревога! Граждане, тревога!!». (Помню, как в 41-м: темное ночное небо, потушившая огни Москва, оранжевые стрелы прожекторов, мечущиеся по небу в поисках приближающихся вражеских самолетов, разрастающийся тревожный гул заводских сирен и голос Левитана из черных радиотарелок: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!». Большая Беда накатывалась на Москву, на страну).

Вот и сегодня: мы – на пороге Большой Беды. И авторы книги ясно, громко, во весь, что называется, голос возвещают об этом своим согражданам, стремясь перекричать заунывно-успокоительные голоса официальных (подкармливаемых властью) политологов, без конца повторяющих сентенцию ночных сторожей предреволюционной (18 века) Франции: «Всё спокойно! Спите, парижане!».

Нет, граждане России, не спите! Просыпайтесь! Тревога!!

Ощущение приближающейся Большой Беды авторы отнюдь не связывают только с современным кризисом (хотя молнии кризиса и высветили всю шаткость возведенного в последние десятилетия социального здания). Сигналы «тревоги» они подавали задолго до кризиса – и когда только-только начиналась разрекламированная кремлевской политологией «эпоха реформ 90-х», и в начале 21 столетия, в годы «стабилизирующей» (будто бы) общественную жизнь «стратегии вертикали», и в последующие затем относительно благополучное время (когда – по причинам необычайно высоких цен на экспортируемые газ и нефть – начало многим казаться, что всё идет неплохо и по нарастающей: к 2010 году удвоиться ВВП, а к 2020 – вообще будет нечто невообразимое, похожее, впрочем, на известное обещание коммунизма к 1980 году) и когда особенно заволаживающе, по нарастающей, звучали бодрые голоса кремлевских политологов: «Спите, парижане!».

Во все означенные периоды авторы книги неизменно давали сугубо негативные оценки возникающей в стране на рубеже веков социально-политической конструкции. Вот, например (для наглядности) пассажи из статьи «Свободная Россия – пока только

площадь» в «Независимой газете» (за 1992 г. !) одного из авторов сборника.

«Свободной Россией» назвали площадь перед Белым Домом его защитники в августе 1991 года. Отсюда, по их замыслу, должна распространиться свобода по всей республике... Прошел год. Замысел, увы, далек от воплощения. И не в правительстве, не в его лидерах (которых сегодня не ругает только ленивый) тут, в первую очередь, дело. Все гораздо серьезнее.

Знаки беды

Предчувствие Беды буквально разлито в воздухе. Ее предрекают не просто те или другие газетные публицисты (чего иной раз не напишешь, чтобы привлечь подписчика!), но политические деятели первого ряда – Шахрай, Козырев, Попов, и вот теперь – Горбачев (обычно сдержанный в эмоциях и прогнозах)...

По-моему, не все – и политики, и публицисты, и, в особенности, читатели – отдают себе отчет, какая именно беда подходит к нашим дверям. Как во сне – наплывает какая-то не очень ясная, но страшная угроза; словно перед тобой какая-то гигантская историческая воронка, где бешено кружится вода, утягивая туда, в смертельную глубину, людей, общество – и непонятно: откуда это так тянет, и нет уже сил сопротивляться. Так бывало не раз в истории: в смертельную воронку попали когда-то все политические лидеры Великой Французской революции – Бриссо и Верньо, Дантон и Камилл Демуллен, Робеспьер и Сен-Жюст и тысячи, тысячи их друзей и единомышленников; затянуло в смертельную глубину всю «ленинскую гвардию» во главе с растерявшимися и не успевшими ничего понять Бухариным и Рыковым, Зиновьевым и Каменевым; затянуло хрущевскую команду, и вот сегодня на ее бешено крутящиеся края наплывают и Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев, а чуть поодаль уже и Ельцин с Гайдаром и Бурбулисом, тысячи и тысячи политических активистов, да и все наше общество – в гигантской воронке всем места достанет...

Чаще всего беда рисуется в виде экономического краха, голода, развала СССР, СНГ, России, в виде какой-то «диктатуры». Э, да разве все это Беда? Ну, плохо, конечно, с экономикой, и с продуктами туго; но все же худо-бедно, быстро-медленно, но в конце-то XX столетия уж как-нибудь сможем прокормить себя – не война же, не ленинградская же блокада. У кого-то подзаимем, где-то что-то за рубежом подкупим и внутри страны договоримся, в конце концов, и о ценах

на зерно и о госпоставках, и найдем способы прикрыть наших малообеспеченных – стариков, пенсионеров, инвалидов. Нет, нет, все это не беда – выкрутимся. И с «развалом», и с «диктатурой» – тоже, конечно, плохо, но и тоже – не пропадем. «Пока живы, все поправимо» – утешает народная мудрость.

«Пока живы...» Вот-вот! Вот здесь-то мы и выходим на понимание накатывающейся действительной беды: мы на пороге не просто голода, холода, диктатуры, но – взаимоистребления. Перед нами угрозы не уровню жизни, но самой жизни. Мы на пороге гигантской человеческой мясорубки.

Да, даже и не на «пороге», она, собственно, уже начала свою ритмичную и все убыстряющуюся работу.

Вот она настоящая Беда: Карабах, это взаимоистребление армян и азербайджанцев, Приднестровье – взаимоистребление молдаван и русских, Северная Осетия – взаимоистребление осетин и грузин... Здесь уже нет этого «пока живы»; многие уже не живы, и для них, и для всех нас это уже непоправимо. Но и все это – лишь начало Беды. Она подбирается, чтобы заполнить всю нашу страну – бывший СССР, нынешнюю Россию. (Примерно так, как заполонила она всю несчастную Югославию). А подбирается она распространением и культивированием всеобщей озлобленности, повсеместного поиска, «врагов», пренебрежительного отношения к чести, достоинству, да и к самой жизни человека.

И озлобленность эта все шире заполняет все существующие политические движения – «патриотов», «коммунистов», «демократов».

Вот, к примеру, лексика «патриотического» прохановского «Дня»: «Правительство измены», «оккупационный режим Ельцина-Гайдара» и т.п. Ну, и скажите мне, пожалуйста, что делают с «изменниками» и «оккупантами»? Верно, как правило, их уничтожают. Речь идет, таким образом, не просто о газетных «шапках» и публицистических заголовках, речь идет об открытых призывах к расстрелу, уничтожению. И, разумеется, в число «изменников» попадут все, кто «не с ними» не с прохановцами-стерлиговцами, кто так или иначе поддерживает «правительство измены» (или не слишком активно борется с ним). И вот уже у «патриотов» и мундирчики полувоенных покровов появились – черненькие, коричневенькие, темно-зелененькие, и портупеи на них уже заскрипели и фирменные фуражки-пилоточки на головах; и желваками уже поигрывают и кулачки сжимают, – в общем готовятся ребята.

А вот они, «коммунисты» из анпиловской «Трудовой Москвы» и родственных ей организаций. Для них все, что ни делается коммунистами-реформаторами и «демократами» после 1985 года, – все это не что иное, как выполнение планов и заданий ЦРУ. В общем, правители, «реформаторские» и «демократические» организации это все заурядные «агенты» иностранных разведок – от Америки и Германии до Израиля и Японии. Да, это уже готовая канва для речей будущих Вышинских и Ульрихов. А с «агентами» и «шпионами» – тоже известно как поступают. Просто пока кандидаты в новые Вышинские не верховодят ни в Кремле, ни на Лубянке, просто пока их любимые вожди на Матросской тишине выжидают. Но не просто выжидают. Готовятся и кличут Беду на головы россиян. То Крючков из «застенка» с открытым (наглым, полным угроз) письмом через «Правду»(!) к президенту обратится, то Янаев по телевизору(!), вскарабкавшись на спину пухленького, светлоглазенького и самодовольненького «демократического» интервьюера, – как с пьедестала – будет часами (!), с повторами, вещать недоумевающей публике о возвышенном гуманизме и высокой нравственности тех, кто 19 августа наводнил Москву танками. «Мы же обещали Ельцину не штурмовать Белый дом!» Они «обещали» – подняв в ружье войска МВД, КГБ, террористические группы, танковые части... Но, между прочим, вы заметили, как постепенно перестают бегать глаза и дрожать руки у господина Янаева? Чует человек – что приближается его время – время Беды для россиян и время счастливого реванша для него и его друзей.

И среди «демократов» все слышнее суровые голоса угроз и озлобления. Вот, например, один известный «демократ» – режиссер льет телевизионные (и впрочем, вполне понятные) слезы по поводу расстрела царского семейства. И вдруг обильные слезы мгновенно высыхают, лицо зеленеет, кулаки сжимаются и стискиваются зубы: «Я бы этого Юровского вот собственными руками задушил». Не правда ли, какой славный гуманист, этот «демократ»? Это о таких гуманистах-страдальцах сказал как-то Ежи Лец: «Снимите его только с креста, так он тут же других крестов понаставит и костры под ними разложит», Или другой «демократ» (беру все эти названия каждый раз в кавычки отнюдь не с тем, чтобы продемонстрировать свое ироническое отношение к ним – хотя вообще-то доля иронии здесь не была бы лишней, и всё же в данной статье кавычки – обозначение того, что речь идет о самоназвании, а не о моей характеристике данного течения), итак, другой «демократ», известный поэт-пародист,

ставший неременным участником «демократических» шоу-митингов, о своих исторических оппонентах, победивших в Октябре 17 года, отзывается не иначе, как о «большевистском отребье», «красных подонках», «нелюдях», «шариковых».

Очень принято также среди влиятельных «демороссовцев» вызывать к разгону тех или иных представительных органов, к тому, чтобы некую организацию объявить «преступной», а ее членам перекрыть доступ к государственным должностям. Такие вот «демократические» маккартисты... Это и есть первый этап Большой Беды: идет в нашей России не диалог и не борьба политических сил, а настоящая полномасштабная холодная гражданская война, и стимулируют ее силы тоталитарного способа мышления и действия, к сожалению, по обе стороны сегодняшних политических баррикад. Люди, группы, течения этого сорта могут сходиться, расходиться, сталкиваться, что называется лбами, хвалить друг друга и хулить. Они одеваются в разные одежды – «коммунистические», «патриотические», «демократические». Но в основе их действий и размышлений лежит одна и та же методология – методология тоталитаризма. Им всем присущ непримиримо-конфронтационный тип мышления, в оппонентах они видят врагов, подлежащих идейному и политическому (про физическое я пока молчу) уничтожению. Одни хотят разогнать «реакционный парламент», другие – низвергнуть «правительство измены», и все требуют судов конституционных, политических, уголовных – друг над другом, Так что все они (а не кто-то один из них) активно готовят ту политическую среду, создают ту политическую атмосферу, в которой все реальнее просматривается аналогия с ситуацией 30-х годов...

Второй знак Беды – в сфере экономики. Некоторые проклинают «рынок». Но дело не в нем. Курс на расширение рыночных отношений – это верный курс. На нормальном рынке продукты обмениваются «по труду», и это гораздо справедливее, нежели централизованное, волевое распределение производственного национального продукта властвующей бюрократической элитой (думающей, в первую очередь, о себе, любимой). Рынок – это и экономический прогресс, он дает сильные стимулы к производительному труду, и – предпосылки политической свободы (формирует самостоятельных, независимых людей!). Беда возникает при переходе к рынку в условиях недемократического государства, в условиях всесилия чиновничества и отчужденности от реальной власти народа. Переход к рынку пред-

полагает приватизацию, а приватизация, в условиях господства государственной бюрократии, означает «перемещение» (употребим такое деликатное выражение) общенациональных богатств в руки узкого элитарно-бюрократического слоя. Или, выражаясь проще и прямолинейнее, – означает разграбление народного достояния кучкой новых хозяев жизни. Чиновники начали реформы с того, что в первую очередь приватизировали в свою пользу государство, сам механизм приватизации, и, неподконтрольные общественности, вместе со своими друзьями-теневиками прибирают наработанное всеми за 74 года к своим рукам. О невиданных масштабах коррупции, взяточничества сегодня пишут открыто и много в журналах и газетах, об этом подробно и часто рассказывает российское телевидение. Вот одну шикарную гостиницу чиновники разрешают почему-то приватизировать за 17 миллионов рублей при ее действительной стоимости – 17 миллиардов. Разрешают – ну, разумеется, без всякой корысти для себя. А раздача земли – тут, как вы понимаете, способов обогащения не счесть. И основная часть ваучеров, в условиях обесценения всего и вся, в условиях искусственно создаваемого хозяйственного хаоса, быстренько соберется в нахрапистых руках новых господ нашей жизни. Но имейте в виду: народное сознание никогда не признает «справедливой» такую приватизацию – этот захват горсткой ловкачей всего, что мы все создавали в течение десятилетий. Я предсказываю: этот номер не пройдет. Будет передел – всеобщий, и, увы, скорее всего, кровавый. Народ не примет этого наглого захвата его собственности. Он не смирится с переводом миллиардов долларов на частные счета в зарубежные банки, с обесценением его личных трудовых накоплений, он не примет новых господ и их сообщников из чиновных кабинетов. Своей сегодняшней экономической деятельностью вы, уважаемые дамы и господа, чиновники и теневики, готовите новую общероссийскую резню, в которой и вам всем очень не сладко придется. И ваши лицемерные заклинания не считайте, дескать, деньги в чужом кармане, – не сработают. Будут считать, обязательно будут, ибо речь ведь пойдет о деньгах, перекочевавших в «чужой» карман из их кармана. А такие деньги – почему же не считать? Еще раз: своей деятельностью, уважаемые, вы провоцируете новую пугачевщину, а там и сталинщину – в ответ на ваш экономический нахрап придет нахрап возмездия со стороны вконец изданных, раздраженных, униженных, обворованных и обделенных людей. Им трудно будет рассчитать меру самообороны.

И третий знак Беды – в сфере политики. Ругают «партию–государство» – КПСС, этот стержень тоталитаризма. И КПСС, конечно же, заслуживает самой суровой и самой беспощадной исторической критики – немало позорных (а то и прямо преступных) действий числится за ее руководящими структурами (при унижительном и трусливом молчании партийных масс). Но что сегодня? Разве сплоченное госаппаратом послеавгустовское чиновничество не является новой партией–государством со своими наместниками, главами администраций, этими новыми всеильными «секретарями обкомов и райкомов» и разве нет тут, в центре, на той же приснопамятной Старой площади хорошо укрытых от народных глаз всеильных руководящих механизмов, где властвуют и вырабатывают решения люди, имена которых редко появляются на страницах печати. Они там по своему усмотрению и кадры по всей России расставляют и «судьбоносные решения» потихоньку заготовливают.

Пугают «переворотом». Да какой там «переворот»? Что переворачивать–то? Нет ведь пока ни рынка (о каком рынке может быть речь в условиях сохраняющейся государственно–монополистической собственности!), ни демократии (разве есть у нас парламент, избранный на многопартийной основе? Разве существует разделение властей, то, что есть – это схватка властей, пытающихся удавить друг друга; разве есть у нас действительная свобода слова и реальная гласность для большинства народа, а не для элиты – журнальной, мафиозно–финансовой, номенклатурной?).

Итак, вот они знаки Беды: в идеологии – остроконфронтационное мышление, идеология взаимоистребления; в экономике – спекулятивно–рэкетирный рынок и бюрократическая приватизация, обеспечивающая захват созданного народом богатства новой господствующей элитой; в политике – формирование новототалитарной системы.

Пока это только тенденции, пока это еще не сама Беда, только знаки ее приближения. Возможности демократической альтернативы пока еще не перекрыты. Еще ни одна из тоталитарных сил не овладела властью безраздельно... Но вообще–то – не позиция той или иной группы руководителей определит маршрут движения России. Его способно определить только мощное общественное демократическое движение, ясно определившее причины приближающейся Беды, выяснившее способы ее приостановки и сплотившее основную массу россиян на ее преодолении. (Г. Водолазов. Свободная Россия –

пока только площадь («Независимая газета», 1992 г.)

Примерно в том же ключе писали в те и последующие годы и другие авторы сборника.

«Мы еще накануне этих (ельцинско–гайдаровско–чубайсовских – Рец.) «реформ», – свидетельствует, например, Александр Бугалин, – показали, как и почему «шоковая терапия» будет откатом назад, вызовет к жизни «негативную конвергенцию»: соединение худших черт старой (сталинско–брежневской – Рец.) системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социальное неравенство, криминализация общественной жизни, деградация «человеческих качеств» и т.п.), что будет сопряжено с социально–экономическим спадом, институциональным хаосом и нарастанием теневой экономики, возрождением добуржуазных форм личной зависимости и насилия при феодально–монополистической концентрации капитала и, как закономерное следствие, угроза восстановления авторитаризма... Критическое отношение к сложившемуся на постсоветском пространстве типу «реформ» как исторически регрессивному, ведущему к снижению экономической и социальной эффективности по сравнению с и без того кризисной и малоэффективной советской системой, – это еще один важный пункт, характеризующий позицию авторов...» (с. 404).. Перечитайте еще раз выделенные фразы, сопоставьте их с тем реальным социальным, культурным и политическим маршрутом, который прошла Россия с начала 90–х годов по настоящее время – и, надеюсь, вы убедитесь, что не «задним умом» были сильны люди, подготовившие рецензируемый сборник.

Но, увы, в те годы это были очень немногочисленные голоса, тонувшие в шумном и нахраписто–оптимистическом хоре политических и идеологических нуворишей. И этих голосов не хватало, чтобы всерьез обеспокоить сограждан, чтобы остановить нахрап криминально–монополистической и коррупционно–бюрократической стихии. Массовое сознание, по–видимому, не готово было поверить, что дело обстоит так драматически, столь тревожно и столь опасно для страны.

Отметим, что, ударяя в «герценовские Колокола», авторы никогда не сводили свою критику к критике персоналий. Это только поверхностно–либеральному крестину свойственно истерично кричать (принимая свою истерику за немислимую смелость): «Смените немедленно этого! И поставьте того (желательно – нашего). И всё будет

окей!». Авторы сборника далеки от подобной персонификации Беды. Они знают, что смена лиц на высших ступенях власти ничего не даст. Беда не в лицах, беда – в самой системе политических, культурных и экономических отношений. «Я не буду всерьез рассматривать ответы политиков, – пишет, например, Андрей Колганов, – вроде утверждений: «СССР развалил Горбачев», или «иностранные спецслужбы и агенты влияния», или «Борис Ельцин», или «демократическая оппозиция». Конечно, все перечисленные выше внесли тот или иной вклад в свершившееся. Но чтобы они уничтожили Советский Союз и советскую систему в целом? Историческое деяние такого масштаба не по силам одному человеку, или даже мощной организации... СССР был не просто страной. Это было историческое явление, возникновение и гибель которого определили лицо XX века. И уничтожить его могли лишь исторические процессы такого же масштаба» (с. 333).

Этот общий мотив – с большей или меньшей степенью тревожности – звучит практически во всех статьях сборника. Солтан Дзарасов видит главное, кричащее противоречие сложившейся в стране системы в том, что на одном полюсе здесь – *«господство криминально-коррупционного капитала, ориентированного не на рост экономики и народного благосостояния, а на паразитическое потребление и получение краткосрочной выгоды теми, у кого оказались власть и богатства страны»*, а на другом – *«низкая зарплата работников и растущее недовольство широких масс народа, чреватое опасностями конфликтов и обострения внутривнутриполитической ситуации в стране»* (с. 490–491). Возникла «ситуация, – с тревогой пишет далее Солтан Сафарбиевич, – полного пренебрежения российским имущим классом интересами и нуждами своего народа», что *«чревато серьезной опасностью»* (имеется в виду возникновение «источников насилия, жестокости и террора», и «их жертвами будут то одни, то другие» (с. 502).

Борис Славин: В России *«реставрированный в 90-е годы капитализм приобрел наиболее варварские и разрушительные формы. Вместе с тем, чем глубже в плоть российской действительности входят буржуазные отношения с их атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше людей ищут им действительную альтернативу»* (с.83).

О.Н. Смолин (на с. 710–714) приводит ошеломляюще печальные

цифры международных исследований, отражающие место России в современном мире. Так, к примеру, по «уровню жизни» наша страна – в конце первой сотни, по продолжительности жизни наши мужчины – на 136-м, а женщины – на 91-м месте в мире, по «качеству жизни» – во второй сотне, по «экономической свободе» – 120-е место, по т.н. «индексу счастья» (т.е. по удовлетворенности человека жизнью) – 167-е, по свободе информации – 147-е и т.д., и т.д.

Как начали, так и закончим этот раздел – Высоцким: «Всё не так, ребята!!»

Понять! И преодолеть!

Итак, ситуация крайней и грозной опасности, которая сложилась в России, зафиксирована авторами с предельной жесткой определенностью: идет Большая Беда. Как отвести ее? Что для этого надо делать? И – кому это предстоит сделать? Это – главные вопросы книги, и поиск ответов на них – сверхзадача ее авторов. Недостаточно *просто зафиксировать* наличие серьезной общественной болезни. Желательно с наибольшей точностью и полнотой поставить правильный диагноз заболевания, выяснить его причины. Только тогда можно намечать путь лечения, путь преодоления болезни. «Неправильно поставленный диагноз влечет за собой не вылеченную болезнь, которая (в результате) может стать неизлечимой» (В. Межуев, с. 164).

Выполнить указанную сверхзадачу означает:

1. Понять сущность сложившейся социально-политической системы, механизмы ее функционирования, внутреннюю логику ее движения, содержание противоречий, неразрешение которых и грозит Бедами.

2. Наметить стратегию реформирования (революционизирования) этой системы, ее, иначе говоря, преодоления.

«Понимание» и «преодоление» мы назвали *ступенями* анализа, который ведут авторы. Но это такие ступени, на которые нужно вставать только одновременно, иначе к намеченным целям не продвигаться.

Об этом лучше всего – в статье Г.А. Багатурии. В ней оригинально и тонко комментируется знаменитый, 11-й, тезис Маркса о Фейербахе – «Философы лишь различным способом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его». Багатурия переосмысливает «широко распространенное» в официальной советской фило-

софии «упрощенное понимание смысла» этого «важнейшего тезиса» (с. 171). Он отмечает, что, если понять его буквально, то можно совершить громадную ошибку. Которую и делали всякого рода ультра-революционеры прошлого (сталинской эпохи, в особенности). Они просто обеими руками хватались за этот тезис, выгораживая себе право «изменять мир», не утруждая себя его «пониманием», его «объяснением». А уж когда они прочитали у Ленина благосклонно цитируемый им императив Наполеона: «Ввяжемся, а потом разберемся!» и соединили 11-й тезис Маркса с этим, одобренным Лениным, императивом, – то у них получилась уже просто гремучая смесь волюнтаризма и вседозволенности. Поворачивать вспять реки, срезать горы, переселять народы, крушить национальные традиции – т.е. идти поперек всех законов, игнорируя факты, логику бытия, ломая, что называется через колено – и в этом своеволии, постоянно подкрепляемом ссылками на «великие заветы» Маркса и Ленина («не объяснять, а изменять мир»), усматривалось величие и могущество человека. Багатурия, опираясь на проделанный им всесторонний анализ текстов Маркса, дает иную интерпретацию, целиком разделяемую всеми участниками сборника. «Дело заключается в том, – интерпретирует он 11-й тезис, – чтобы *понять* мир – и на этой основе, опираясь на действительное познание и понимание существующего, – *изменить* его» (с. 171).

Именно так! С одной только дополнительной нюансировкой: я бы жестче подчеркнул *одновременность* познания и изменения. Я бы попытался пояснить (дабы избежать возможного «упрощения» другого сорта): «Не застывайте на фазе «понимания» и «объяснения», не откладывайте действие до греческих календ – под тем предлогом, что вы еще не до конца всё поняли и всё объяснили; «пониманию», ведь, и не будет конца. Этак-то вы от ваших кабинетных размышлений никогда не перейдете к деятельности».

Да, «действовать» следует не абы как, не на «авось», а на основе «понимания» – пусть еще не абсолютного, пусть относительного (но максимально возможного для вас в данных условиях). Пусть еще остаются неясности, недовыясненность – начинайте *действовать*! Соприкасаясь в действии с реальностью, начиная ее преобразовывать, что называется, «внедряться» в нее, – вы будете открывать неведомые и невидимые прежде ее новые особенности, новые стороны и качества, которые и станут объектом вашего дальнейшего анализа. В *действии* вы откроете такие стороны бытия, которые совершенно не

видны из окон вашего теоретического кабинета. Вы действием обеспечиваете возможность вашего дальнейшего, более глубокого познания реальности. Иначе говоря, действие, деятельность есть необходимое условие и продолжение познания окружающего вас мира. Деятельность – есть сторона познавательного процесса. Деятельность – это и есть познание. И наоборот: теоретическое осмысление бытия есть неотъемлемая и атрибутивная сторона деятельности. Можно сказать: познание – это и есть деятельность. Или еще точнее: Познание и Деятельность – есть две, хотя и самостоятельные, но, неразрывные, взаимопроникающие стороны единого процесса «познание–деятельность», «объяснение–изменение».

Это что касается 11-го тезиса.

И – ленинско–наполеоновская формула. Ни Наполеон, ни Ленин не предлагают «ввязываться» в какое-либо серьезное мероприятие наобум и на авось: «Ура! Вперед! А там посмотрим...». Нет, «ввязываться» – только на основе максимально возможного предварительного просчета вариантов, понимая вместе с тем, что всю комбинацию (шахматисты это хорошо знают!) просчитать до конца невозможно (невозможно заранее знать, как поведет себя противоборствующая сторона, невозможно заранее учесть влияние всех социальных, культурных, политических факторов). Вообще, не может быть действия под стопроцентную гарантию успеха.

Короче говоря: «ввязываться» – на основе первичного просчета вариантов, а дальше постоянно «разбираться»: внимательно следить, как «ведут» себя стороны изменяемого вами бытия, чутко и быстро реагировать на изменение ситуаций. В общем – действовать и продолжать «разбираться» (об этом, между прочим, у Ленина: ввязались в борьбу с царизмом и с капиталом, а потом уж увидели такие «детали», такие стороны социального процесса, как реакция на проводимую большевиками политику крестьянства, как НЭП – когда нужно было уточнять свои исходные теоретические позиции, от чего-то отказываться – например, от немедленного введения «принципов парижской коммуны», от политики «военного коммунизма», и, не меняя основного направления маршрута, находить новые (подчас – «обходные») пути движения).

И со всем этим связан еще один аспект рассматриваемого нами процесса «познание–действие», «объяснение–изменение». Речь пойдет о пределах воздействия политической воли на ход исторических событий.

В политической философии существуют три главные точки зрения на роль политической воли, политического лидера в историческом процессе.

Первая. Очень популярна и весьма распространена версия, согласно которой «великий политик» – тот, кто обладает некой могущественной силой «творить историю». Обладая разносторонними знаниями, исключительной волей, выдающимся организационным талантом и мощной энергией, он, увлекая и ведя за собой тысячи и миллионы своих сограждан, своей деятельностью изменяет лицо своей страны, а то и мира в целом. Этаким обладающие вождистской харизмой, всемогущие авторы исторической драмы. Примеры таких лидеров: Александр Македонский, Наполеон, Петр Первый...

Классическое философско–политическое обоснование такого понимания великого политического лидера, как суверенного и всемогущего Автора исторического процесса (его Творца, Демиурга) дано в работах Фихте и особенно – Прудона. В их описаниях социальный мир подобен гигантской мастерской, в которой много всевозможных «инструментов» и «строительных материалов». Эти «инструменты» и эти «материалы» не имеют никакой собственной логики. Приходит в эту гигантскую «мастерскую» политический лидер («мастер», творец») и начинает с помощью этих «инструментов» и «материалов», опираясь на свою волю, свои цели и желания, создавать некие «социальные шедевры». Подобно тому, как художник берет нейтральные сами по себе краски, кисти, холст и начинает творить картину. Не краски, не кисти, не холсты творят картину, а – Мастер, его воображение и талант.

Вот так, говорят нам, и в политике Лидер выступает всемогущим Творцом, Автором исторической драмы.

Вторая точка зрения – гегелевская.

Гегель едко (и весьма убедительно) высмеял эту примитивную и наивную концепцию и разработал другую концепцию «великого политика».

Нет, он вовсе не отрицал значения для выдающегося политика активности, энергии, воли, таланта вести за собой людей. Он только поиронизировал над тезисом о политике как всемогущем и суверенным Автором исторической драмы, творящим историю по своей воле (то бишь – по своему своеволию).

И прежде всего Гегель поставил под сомнение «всемогущество» Великих. Александр Македонский? Ну, что же, было бы нелепо отри-

цать его несомненный военный и политический талант. И всё же – так ли уж он «всемогущ»? И погиб – то он в 33 года, а завоеванный им мир, созданная им «империя» распались, разрушились сразу же после его смерти. Да и «величие» Наполеона какое-то относительное. Да, французский император сделал немало и существенно повлиял на политическое лицо и своей страны, и Европы. Всё это так. Но как-то тускнеет его «всемогущество» после Бородина, бегства из Москвы, жалкой переправы через Березину, после вступления русской армии в Париж, после решений Венского конгресса (1814–15 гг), на котором победители стерли с европейского лица едва ли не все следы наполеоновских творений, наконец его унижительное заточение и грустное угасание на святой Елене. О каком уж тут Творце, Демиурге, всемогущем Авторе может идти речь!

Да и Петр Алексеевич. Да, конечно, с неимоверной своей силой, с мощной волей неимоверным напором подвинул он Россию по дороге человеческой цивилизации. Но вот ушел из жизни – и российская социальная телега снова – на многие десятилетия забуксовала в расхлябанных колеях исторических дорог.

В общем, каких Политиков ни возьми – не вырисовывается какого-то их «всемогущества». Есть какие-то силы в истории посильнее их воли, их энергии и их таланта. И «силы» эти существенно деформируют их первоначальные задумки и замыслы. И в итоге часто получается, что планировали они идти в «одну комнату», а попадали, неожиданно для себя, – в другую, совсем не в ту, куда хотели прийти. Ситуацию эту Гегель называл «иронией истории», а то и «хитростью Разума». История как бы иронизировала, подсмеивалась над самодовольными представлениями политиков об их «всемогуществе».

И тогда у Гегеля рождается принципиально иная концепция «великого лидера». Его «величие» он видит в другом.

Прежде всего, он скажет, что общество, социальный мир – это отнюдь не набор нейтральных самих по себе «инструментов» и «материалов», из которых политик волен мастерить всё, что ему заблагорассудится. Социум, по Гегелю, – это органическая система, организм, у которого, говоря современным языком, есть свой «генетический код», своя логика, свой смысл, свои законы функционирования. И потому, если ты, Политик, хочешь добиться чего-то действительно существенного («великого»), если ты хочешь попасть в желанную тебе «комнату» и избежать «иронии истории», ты должен, прежде, чем действовать, понять объективную, независимую от те-

бя, от твоей «воли», твоей «энергии» внутреннюю Логiku развития этого Организма, его «инструментов» и «материалов». А поняв всё это (в меру, конечно, твоих возможностей и возможностей науки твоего времени), ты можешь действовать, стремясь следовать этим Законам и этой Логике (а не своим произвольным желаниям и хотениям). Разумеется, для того, чтобы успешно следовать всем этим императивам, этим объективным Законам социума, понадобится и твоя «воля», и твоя «энергия», и твой «талант». Но они должны быть лишь средствами наиболее полной реализации этой объективной Логики. И потому, по большому счету, Великий Политик – не «всемогущий Автор», как полагают Фихте, Прудон и их последователи, а всего лишь Актер, лишь «действующее лицо исторической драмы, сценарий которой пишется на небесах», то есть в лоне объективных законов истории.

И, наконец, третья позиция, третья точка зрения, наиболее полно представленная в работах Карла Маркса.

Прежде всего, он приветствует гегелевскую критику исторического субъективизма фихтеанского и прудонистского толка. Он разделяет гегелевское представление о социуме как «организме», как «органической системе», обладающей глубинным внутренним смыслом, развивающейся по объективным законам. Но, считают он, как-то уж слишком фаталистичным выглядит у Гегеля исторический процесс. Этот «написанный на небесах» сценарий как-то очень мало места оставляет человеческой инициативе, политической воле. Человек превращается в некое чрезвычайно пассивное существо, действующее исключительно под давлением «обстоятельств», каких-то «высших сил» – вроде куклы-марионетки в кукольном театре.

Да, в истории есть «высшие силы», есть, иначе говоря, Законы, которые не может отменить человек. Да, он должен действовать в соответствии с ними. Но...

Но законы истории – они отличаются от законов природы. Это знал уже Сократ. Законы природы, отмечал античный мудрец, – они «неодушевлены», они с абсолютной необходимостью «подчиняют» себе попадающие в сферу их действия вещи. Так, падающий с обрыва в пропасть камень – «хочет» он того или нет – обязательно будет лететь с ускорением близким к $9,8 \text{ м/сек. в кв.}$ и никак иначе. И закон Архимеда насчет того, что на погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила равная весу вытесненной им жидкости. И это «погруженное в жидкость тело» никак не сможет повлиять на

открытый Архимедом закон. Мир природы – это пространство необходимости, скажет Сократ (а вслед за ним и Маркс).

Иное дело – Социум, социальный мир. Тут «законы» имеют не однозначный, не однолинейный, а, можно сказать, многолинейный, альтернативный характер. Человек иначе, чем неодушевленные предметы, реагирует на воздействие «извне», на давление «обстоятельств». Он накапливает информацию, осмысливает ее – и затем решает, как ему действовать. Здесь – не непосредственная, а опосредованная (сознанием) реакция. Здесь возможны варианты действий, альтернативы. Человек (в отличие от падающего с обрыва камня) выбирает: он может поступить так, а может иначе. Возможность выбора означает, полагает Сократ (как и Маркс), что человек живет не только в пространстве необходимости, но и свободы. Социальные законы, таким образом, реализуются через деятельность обладающего сознанием и имеющего возможность принимать разные решения Человека.

И сторонники этой точки зрения ищут принцип, в котором органически сочетались бы следование объективным законам (= необходимости) и сознательная, избирательная деятельность людей (= свободе). И в результате этих поисков и родилась знаменитая формула, преодолевающая односторонности как прудонизма, так и гегельянства: «Человек есть одновременно и автор и актер («действующее лицо») разыгрываемой в истории драмы» (см. гл. «Метод» в «Ницше философии» Маркса).

А что это значит более конкретно: быть и «актером», и «автором»? Как вообще это возможно: быть определяемым (внешней силой) и одновременно (!) – определяющим (то есть выступать в роли этой «внешней силы»)?

Это значит вот что.

Человек не может быть абсолютно свободным (то есть быть всемогущим и суверенным автором) в историческом действии. Он должен, обязан, вынужден считаться с такими предпосылками своей деятельности, как уровень экономического развития данного социума, характер его производительных сил, тип политической и общей культуры его членов, особенности традиций, национального менталитета и т.п. Это – тот фундамент, те данности, на которых он должен строить свою деятельность. Это, если угодно, – исторический «коридор» его деятельности, рамки, из которых произвольно не выскочишь. Так, к примеру, невозможно, при всём желании, «скак-

нуть» из рабовладельческого общества сразу в индустриальное, а тем более – в постиндустриальное; объективные условия не дадут вам это сделать.

Итак, исторический коридор, исторические рамки – они-то и выступают в роли законов, детерминирующих человеческую деятельность; и в этом отношении человек – «исполнитель» их предписаний, «актер». Но...

Но в том-то и дело, что перед человеком, политическим деятелем, лидером стоит не жесткий, однозначный императив действий: «только так, и никак иначе!», а возможность, в рамках означенного «коридора», выбрать ту или иную альтернативу. Исторический коридор представляет собой определенный набор возможностей, веер альтернатив. Например, исторический «коридор» указывает, что, скажем, от феодализма вы можете идти дальше только по буржуазно-капиталистическому пути. Но ваш капитализм может иметь очень разные формы, и от этих форм будет зависеть, сколь быстро, сколь интенсивно будет прогрессировать ваше общество. Может быть «американский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве (с опорой на фермерское хозяйство и мелкое производство), а может – «прусский» (с сохранением крупного помещичьего землевладения), а может – и «русский» (с сохранением элементов феодализма и крепостничества) и т.п. И вот в выборе одной из этих альтернатив и может проявиться творческое, «авторское» начало человеческой деятельности. «Великая политика» тут и будет состоять в том, что Лидер сумеет возглавить борьбу за реализацию самой прогрессивной из этих альтернатив. Здесь он и выступает в качестве Автора исторического процесса.

Могут сказать, что это всё же какое-то «слабое», какое-то «условное» авторство. Всё-таки за «рамки», за пределы «исторического коридора» он выпрыгнуть не в состоянии, и потому ему нельзя приписывать «авторских» качеств. Всё-таки он здесь, в первую очередь, актер, «исполнитель» (и, следовательно, прав Гегель!).

Ничего подобного! Представим себе такую гипотетическую ситуацию: два общества находятся на одном уровне развития, перед каждым из них один и тот же набор альтернатив. Но в одном из них, благодаря энергии и таланту политических лидеров, побеждает крайне левая, наиболее радикальная альтернатива («американский путь»), а в другом крайне правая, наименее динамичная («прусский путь»). В итоге общества перестают быть одинаковыми, перед ка-

ждым из них возникают теперь разные «коридоры» возможностей. И если в первом обществе постоянно будут брать верх наиболее радикальные альтернативы, а в другом – наименее радикальные, то через 3–4 поколения эти общества будут кардинально отличаться друг от друга. И причиной того будет именно человеческая деятельность. И тогда становится ясно, что человеческое «авторство» есть не какая-то условность, а реальный феномен.

Вот почему итоговая формула этой точки зрения и гласит: «Человек есть одновременно и актер, и автор разыгрываемой в истории драмы». А Политик-творец – тот, кто чутко определяет меру «авторства» и «актерства», кто в полной мере считается с объективными условиями (намечаемыми ему «коридором» возможностей) и кто способен определить наиболее прогрессивную для данных условий, для данного общества возможность, кто способен убедить людей в ее прогрессивности и осуществимости, способен организовать и поднять их на ее реализацию.

Будем все эти методологические императивы иметь в виду, приступая к теме «понимание–преодоление» современного российского бытия.

Правда, прежде чем к этому непосредственно приступить, коснемся еще двух дополнительных, весьма важных для понимания методологической позиции авторов сборника, моментов.

Первое дополнение. Когда авторы говорят о процессе «познание–преодоление», то они имеют в виду действие не только в мире объективной социальной реальности, но и в мире теории, где предлагается немало способов объяснения этой реальности и планов по её изменению и преодолению. Задача изучения этих предлагаемых «способов» и «планов», их критика и их преодоление (путем выдвижения своих теоретических концепций) – еще один важный для авторов аспект процесса «познание–преодоление». «Преодолеть» реальность и «преодолеть» ложные теории ее объяснения и преодоления – такова двуединая задача, стоящая перед авторами.

И второе дополнение, касающееся того, с какого исторического момента, с какого исторического рубежа в истории нашего общества следует начинать анализ ныне существующей социальной системы. Где она начинается? Где ее начало?

И снова – к Гегелю: Начало – это такое состояние предмета, когда его еще нет (потому что если бы он уже был, то это значило бы, что мы пропустили его начало) и одновременно он уже есть (потому

что если его просто нет, то, естественно, нет и его начала). Это, стало быть, такое состояние предмета, когда он должен вот-вот начаться. Это состояние становления, момент перехода от небытия к бытию. Это ситуация, когда сложились все необходимые условия для его возникновения: еще «небольшое колебание эфира» – и предмет возникнет.

Так, начало, например, нового стола (попробуем мы «на пальцах» объяснить суть дела молодому, и не слишком искушенному в диалектических тонкостях, человеку) – это то состояние, когда этого стола еще нет, но одновременно он есть – в моих планах его создать, в тех материалах (досках, гвоздях, красках), которые я заготовил, в искусстве столяра, которого я пригласил для осуществления моего замысла. Еще небольшое волевое усилие с моей (и столяра) стороны – и стол ... начнется!

Вот авторы и ставят задачу – «поймать» изучаемую ими социальную систему в тот момент, когда ее еще нет и одновременно она уже есть, в момент, когда сложились все предпосылки для ее возникновения.

Вообще (снова – Гегель): знать предмет означает, прежде всего, – знать историю его происхождения (становления) – почему (по каким причинам), и для чего (для решения каких задач) он возник, когда возникла его исходная социально-генетическая «клеточка».

Вот и в нашем случае – необходимо современную социально-политическую систему России рассмотреть в контексте причинно-следственных связей ее возникновения.

И – снова тонкость, снова необходим еще один небольшой методологический комментарий. (Кажется, мы так и не доберемся до конкретного анализа конкретной ситуации, увязнув в этих методологических предисловиях; хочу успокоить вас: этот – последний).

Причины возникновения и развития социальных систем бывают (что известно со времен Аристотеля) двух основных видов: причины конкретно-исторические и причины «целевые». Причины конкретно-исторические – это воздействие экономических, политических, культурных факторов на возникновение, формирование и развитие данной системы. Причины целевые – они детерминируют (обуславливают) Логiku социального развития, как бы идущую «поверх конкретики»; они представляют собой императивы, порождаемые, образно говоря «геномом», «генетическим кодом» человеческого общества. Если первая линия причинности олицетворяет собой действие,

по большей части, внешних обстоятельств, то вторая («целевая») линия представляет собой систему импульсов, идущих от сущностного (внутреннего) начала данного общества, от его «генетического кода» и объясняет развитие социума через движение, через борьбу его сущностных противоречий. Вот такое взаимодействие внутренних («целевых») и внешних (конкретно-исторических) факторов и формирует конкретное лицо той или иной общественной системы.

В перекрестье этих двух типов причин и надо постараться «поймать» современное российское общество – если, действительно, имеется желание его понять и изменить.

О конкретно-исторической линии причинности

Когда же зарождается, с чего начинается возникновение и становление современной формы российского социального строя (и с чего поэтому следует начинать его исследование)?

С «реформ» 90-х? С ельцинского правления? С правительства Гайдара-Чубайса? С «ваучерного» и «приватизационного» жульничества начала 90-х?..

Да, конечно, без рассмотрения всех этих вопросов не обойтись. Но сами-то эти «реформы 90-х», они-то откуда? Не следствие ли процессов, происходивших в период «горбачевской перестройки»?

А «перестройка»? Разве поймешь его вне связи с эпохой застоя 1970-х?

А «застой»? Он-то откуда? Не был ли он одним из следствий сталинской системы, сложившейся в 30-е годы? И разве можно понять что-нибудь в последующем развитии страны, не поняв, не объяснив феномен сталинизма? Значит, придется выяснять его генезис – его связь с Октябрьской (и Февральской) революциями 17 года, со стратегией Ленина и учением Маркса (ведь их именами, их идеями Сталин обрамлял сложившуюся в его эпоху реальность).

А поймем ли мы что-либо в Октябрьской революции без того, чтобы оценить совокупность проблем и противоречий, порожденных эпохой царского самодержавия, которые-то породили и Февраль, и Октябрь.

И ... побежала цепочка причинно-следственных связей всё дальше и дальше вглубь истории – этак мы и до Петра, и до Ивана IV, а там и до князей киевско-русских доберемся.

Неужели, чтобы понять сегодняшнюю формацию, надо обязательно пробежаться по всей этой исторической цепочке?

Пока мы будем (сколько десятилетий?) разбираться с деяниями Ольги и Святослава, с древним Новгородом и московской Русью, с Никоном и Аввакумом, Грозным и Курбским ... – доберемся ли мы вообще когда-нибудь до «понимания» (и тем более до «изменения») современности? В общем, по Гамлету: «пока травка подрастет, кобылка с голоду помрет», так что ли?

Как же быть?

Ну, прежде всего. Да, придется. Придется пробегать (да не «пробегать», а основательно двигаться) по всей этой исторической цепочке. Скажу больше: и не только по дорогам и тропкам российской истории. Ведь Россия тысячами нитей, причин и следствий связана с историей европейских и азиатских стран, со всей мировой историей. Эти связи-взаимодействия – и экономические, и политические, и культурные, и интеллектуальные – вплетались в цепи причин, формировавших облик Российской истории, а через нее – и современной России.

Да, по-настоящему понять современную Россию (существующую, между прочим, в современном мировом контексте, в глобализирующемся мире) – значит пройти по всем этим «цепочкам» – от Афин и Спарты до ООН, НАТО, Евросоюза, СНГ, России..., от Сократа, Платона и Аристотеля до Гегеля, Маркса, Ленина, Ильенкова, Лифшица..., от Ольги и Святослава до нынешних правителей России. И со временем это авторами сборниками (и их единомышленниками) будет сделано.

Но именно – «со временем».

А пока избирается другой, несколько сокращенный путь. Сокращенный, но достаточный для того, чтобы компетентно и продуктивно «ввязаться» в мир современной социально-политической практики и социальной теории.

Авторы отдают себе отчет, что линия исторического развития страны это не «плавно» и «мерно» тянущаяся линия. Это (снова – Гегель!) – «узловая линия мер», то есть – линия с «узлами», обозначающими скачки, появление новых качественных образований (со своими специфическими закономерностями функционирования и развития, которых не было на предыдущих этапах). Поэтому человеку, желающему понимать современность и осознанно действовать внутри современного социального пространства, прежде всего надо определить тот узел, с которого начинается зарождение, становление и раз-

витие нового социального качества (в нашем случае – современной российской социальной системы).

Таким узлом, обозначившим переход к новому качеству социальной истории России, был 1917 год, Февральско–Октябрьский революционный процесс, в результате чего и появилось новое социальное качество, которое и существовало в России в XX столетии и продолжает (в несколько модифицированном виде) существовать и поныне. Вот этот узел и исходящие из него исторические нити и находятся в центре внимания авторов. Что не исключает, и даже – предполагает, в необходимых случаях осуществлять экскурсии в далекое и близкое прошлое России и всего мира. Но, повторяю, НАЧАЛОМ качественно новой российской социальности выступает для Авторы Февральско–Октябрьский процесс 1917 года. С него начинается их анализ конкретно–исторических причин, породивших современный общественно–политический строй России.

Одна из особенностей этого анализа состоит в том, что Авторы рассматривают логику общественно–исторического процесса в контексте идеологических концепций, которые сопровождали эту логику, влияли на нее и пытались ее объяснить. И прежде всего Авторам нужно было посчитаться и «рассчитаться» с широко распространенной (и активно распространяемой ныне) схемой описания событий XX столетия в нашей стране.

Вот суть этой схемы.

Октябрьская революция была социалистической революцией, осуществленной по планам, программам, по начертаниям марксистской теории (слегка откорректированными, применительно к России, Лениным и возглавляемой им большевистской партией). Социализм в России прошел несколько этапов: начальный (ленинский), «классический» (сталинский), хрущевскую «оттепель», брежневский «застой», горбачевскую «перестройку» (попытавшуюся выправить сталинско–брежневские деформации социализма). Но всё закончилось КРАХОМ социализма как общественно–политической системы, КРАХОМ социалистической идеологии, и спасение страны – в проверенном временем в развитых западных странах капитализме (начало которому положили «реформы 1990–х» и строительство которого продолжается и в настоящее время).

Авторы сборника предполагают рассмотреть, действительно ли капитализм может оказаться спасителем России (и какого сорта этот нынешний российский «капитализм»). И, во–вторых, правомерно ли

утверждение о крахе социализма. Был ли вообще «социализм» в России, и чем на самом деле был строй, именовавшийся в свое время «реальным социализмом»? И в свете этого – кто именно и почему «потерпел крах»?

Наиболее основательно эти вопросы разобраны в статье Андрея Колганова, к изложению основных идей которой (с добавлением корректирующей нюансировки других авторов) мы и приступим ... через некоторое время.

«Через некоторое время» – потому, что этому должен предшествовать (о, боже, еще одно «предварение»!) другой сюжет, касающийся другой (не конкретно-исторической) линии причинно-следственной связи. Той самой, которую в традициях Аристотеля, мы именуем «целевой причинностью». Сюжет этот основательнейшим образом проработан в статье В.М. Межуева «Социализм – пространство культуры». Вадим Межуев дает все отправные точки для выстраивания этой линии «целевой» социально-исторической причинности. Он показывает, как постепенно раскрывается, становится всё более видимым и понятным «генетический код» человечества, как всё более проясняется логика, направленность его исторического развития.

Попробуем, отталкиваясь от идей Межуева, пунктирно прочесть эту всемирно-историческую логику (оговоримся только: за наше «вычерчивание» Межуев ответственности не несет; он может принять наш «чертеж», может отвергнуть; это – всего лишь наша интерпретация).

Вот как, по нашему мнению, с высоты современности выглядит эта логика.

1. Исходное, «доцивилизационное» состояние человечества. Субъект деятельности здесь – «целостный» человек, т.е. он сам определяет и контролирует все моменты своей деятельности: выбор цели, подыскание средств для ее достижения, применение этих средств для достижения результата, используемого им в дальнейшем по своему усмотрению. Правда, поскольку деятельность эта еще весьма примитивна, бедна, мало содержательна и малопродуктивна, то и о совершающем ее субъекте можно сказать, что это хотя и «целостный», но – «примитивно», «не богато» целостный человек.

2. Начало развития человеческой сущности (становление и развитие человека эпохи «цивилизации»). Разделение труда – «социальное» (отличать от «профессионального» – по предмету деятельно-

сти; об этом различии – лучше всего у Генриха Батищева): разделение на труд умственный и физический – когда начинают по отдельности развиваться «руки» и «голова» общественного человека. И это, повторяю, не просто (и не только) профессиональное разделение труда, и не просто «социальное», но, с течением времени, оно становится классовым разделением: «голова» начинает управлять «руками». И это было бы еще ничего, но она начинает всецело господствовать над ними, ставя их на службу себе. Труд интеллектуальный, управленческий всё больше начинает считаться «более престижным» (вспомним Афины времен Платона–Аристотеля с их превознесением интеллектуального труда и презирианием труда физического). «Интеллектуалы», «управленцы» античного времени («свободные» – от тяжелого, «грязного» физического труда) начинают всецело «дирижировать» социальным оркестром, а главным «дирижером» становится политическая власть («государство»).

Вообще исходное назначение «государства»: гармонизировать отношения в социуме, умело (в интересах данного социума) разрешать возникающие в нем конфликты, состыковывать претензии отдельных групп, сословий, индивидуальностей. Особо значима его роль в разрешении (смягчении, «умерении» – Ф. Энгельс) наиболее опасных для общества конфликтов – классовых. Конфликтов, возникающих между формирующимися привилегированными классами «управленцев», «руководителей» и «классом», занятым физическим трудом, материальным производством.

Задача «управленческого», «дирижерского» органа, т.е. государства, постепенно раздваивается. С одной стороны, оно должно было удерживать общество, общественные отношения в рамках данного социального разделения труда (в принципе более исторически прогрессивного – по сравнению с доцивилизационным (первобытным) обществом («без периода рабства не было бы современного социализма» – Ф.Энгельс). И решая эту задачу, государство выражало общий интерес всех составляющих общество слоев и классов.

Общества, опоздавшие с социальным разделением труда, общества, сохранившие примитивную «целостность» индивида, социальную неразделенность и первобытное равенство, погружались в ситуацию застоя, всё больше отставая от социально-разделенных обществ и неизбежно терпя фиаско в столкновении с ними – пополняя, между прочим, своими «целостными» индивидуумами армию рабов более развитых, социально-разделенных государств.

Рабовладение, таким образом, было не просто господством привилегированного класса, «свободных», «рабовладельцев». И рабовладельческое государство было не просто институтом, «выгодным» сильному классу. Оно было прогрессивной ступенью в историческом развитии социума.

Конечно, основную выгоду от этого процесса имели господствующие, привилегированные социальные слои, которые, обладая интеллектуальной и политической силой, стремились к максимальному расширению своих привилегий, нередко переходя допустимую для данного социума грань, вследствие чего дело нередко шло к его распаду и гибели. Они переходили допустимые для данных условий меру своего господства, степень эксплуатации низших классов.

Еще раз, кратко – для полной ясности. Одна из объективных (и важнейших) задач государства было: удерживать социально-классовое противостояние в рамках формации, единственно возможной в данный период («умерять столкновение классов – Энгельс»). Это общая, надклассовая задача государства. Там, где она умело решалась, там общество развивалось, прогрессировало. Там, где государству не удавалось найти меру социально-классовых противостояний, там общество впадало в застой и загнивание.

И другая функция государства – односторонне классовая, что было с особой силой зафиксировано марксизмом: выступая защитником данной формы общественных («производственных») отношений, государство тем самым – объективно – защищало господство привилегированных слоев, классов. Оно защищало историческую ситуацию, в которой основные плоды прогресса доставались господствующему сословию.

И таким образом, государство является одновременно и органом классового господства одного из классов и органом всего общества (в защите исторически необходимой формы отношений людей).

Социально-классовое разделение труда – оно длительное время лежало в основе развития, прогресса человеческого общества. Тип социального разделения труда проходил в истории различные фазы (содержание которых во многом зависело от уровня и характера развития производительных сил общества). Марксизм выделяет несколько такого рода фаз – таких формационных «идеальных типов»: рабовладение, феодализм, капитализм. Это всё формации социально-разделенного труда (то есть – классовые формации), где каждый индивид представляет собою частность, «расщепленную» человеческую

сущность (где «руки» и «голова», хотя и развивают свои возможности, хотя и делают шаги навстречу друг другу, но продолжают существовать и действовать порознь).

Но, и это очень важно зафиксировать, в этом разорванном, в этом «отчужденном» виде развиваются предпосылки будущей целостности, будущего целостного человека – когда «голова» и «руки» будут, наконец, органически соединены в каждом индивиде, в каждой личности.

В общем, история показала, что «смысл», «сверхзадача» прошедшей и текущей на наших глазах истории человечества состоит в неуклонном движении к этой «целостности», к этой «целостной» (но уже не примитивно-, а всесторонне-целостной), универсально развитой личности.

Такова общая линия человеческой истории, открывающаяся нам сегодня: примитивно-целостный, бедно-целостный Человек – социально-разделенный, отчужденный от своей (целостной) сущности, частный, «частичный» человек – и универсально, всесторонне развитый, богато-целостный Человек (возвращающийся к своей изначальной – целостной – сущности, – через ее развитие в социально-разделенных, социально-отчужденных формах).

«Частичный» человек – есть лишь некая «частная» деталь общей социальной картины. Он может «господствовать» в своей частной (профессиональной) сфере, но он не в состоянии «господствовать» над общественным развитием в целом. В таком обществе над частным человеком господствует некое, не познанное им общее, в виде внешней необходимости, складывающейся где-то за его спиной, за пределами его видимости и его частной деятельности. И потому он относительно свободен (управляет процессами) в своей частной сфере (как специалист, профессионал), но не свободен как социально существо (он не управляет общественным развитием, не господствует над ним).

Превращаясь же в целостного Человека, он получает возможность господствовать над общественным развитием в целом, управляя социальными процессами, то есть – принимая прямое и активное участие в определении целей общественного развития, отыскании средств для их достижения, использование этих средств для получения намеченного им результата. Так человек совершает переход («скачок») из мира Необходимости в мир Свободы.

Это – самая общая канва исторического развития. Ее надо обязательно иметь в виду, намереваясь приступать к конкретно-историческому анализу развития того или иного общества.

Но. Между этой крайне общей и крайне абстрактной «канвой» и конкретно-историческим анализом лежит огромный пласт теоретически-переходных звеньев, ступенек, по которым мы должны спускаться с горних вершин абстракции ко всё более и более земным сюжетам.

Первая ступень такой конкретизации (сохраняющая, впрочем, еще достаточный уровень абстрактности) – размышления, касающиеся перехода от «общества отчуждения», общества эксплуатации (т.е. – капиталистического общества; о его своеобразном двойнике – обществе государственно-бюрократического, «реального» социализма будет впоследствии разговор особый), так вот – вначале разговор о переходе, повторяю, от капиталистического к идущему ему на смену Новому обществу (назовем его пока так, не прибегая к тем или другим традиционным терминам, которые на данном этапе разговора могут лишь запутать, а не прояснить дело).

В основе Нового общества, идущего на смену капитализму (и бюрократическому псевдосоциализму), лежат два базисных принципа: общественная собственность и свободное время.

Не следует, однако, думать, что речь здесь идет о той «общественной собственности», что была осуществлена в Советском Союзе и с которой связывалось представление о построении «социализма» («реального социализма») в СССР. Форма собственности, осуществленная в Советском Союзе, с настоящей, с подлинно «общественной» собственностью не имела ничего общего. И дело не только в том, что право на распоряжение ею было узурпировано бюрократическим сословием (это – дело десятое), но что она и *по сути* своей, в принципе, не могла быть подлинно *общественной*. Почему?

Да, было провозглашено: частная собственность *упраздняется*, и отныне вся собственность становится *общей*, принадлежит *всем* гражданам. («Фабрики – рабочим, земля – крестьянам»!).

Но давайте представим себе это конкретно. Фабрика, например, «Большевичка» принадлежит работающим на ней ста, скажем, рабочим. Вы – один из этих рабочих. Вам, что, принадлежит *вся* фабрика? Вы, что, вправе ею самостоятельно и полноправно распоряжаться?

Нет, у Вас всего лишь одна сотая часть прав на эту фабрику. Да и ей, этой одной сотой, Вы распоряжаться по своему усмотрению не вправе, ибо эта *Ваша* часть никакой самостоятельностью не обладает, она не изымаема из всего фабричного комплекса. Она – лишь часть общего дела, общего процесса. Ну, в лучшем случае, Вы можете претендовать на получение дивидендов с этой своей «акции» в одну сотую «общей» собственности. Ну, скажите, разве в таком случае можно всерьез говорить, что фабрика принадлежит *Вам*? Это только в пафосной поэтической лирике можно провозглашать: «Фабрика – моя, дома – мои...».

А если к тому же получится так (как в реальной жизни советского общества и получилось), что фабрикой (формально – «Вашей») на деле распоряжается некая группа чиновников-управленцев, деятельность которых Вы со своей односотовой «акцией» (и своим четырех- или семиклассным образованием рабочего 1930–1940-х годов) просто не в состоянии контролировать, то «формально-общественная» собственность и вовсе превращается в «реально-бюрократическую».

Короче говоря, пока объекты собственности будут представлять собой материальные предметы – материальные средства производства, материальные продукты труда – никакая подлинно общественная собственность попросту невозможна.

Это утверждение непросто принять. Оно явно противоречит тому, что вошло в массовое сознание советских людей со страниц бывших учебников по социализму («научному социализму»). Оно кажется каким-то парадоксом. Между тем, это – стопроцентная истина. Подлинно общественной можно считать только такую собственность, когда **КАЖДЫЙ** (а не «группа товарищей») владеет, распоряжается и управляет **ВСЕМ**. И только в этом случае можно говорить, что **ВСЕ** владеют **ВСЕМ**. Владеют реально, а не на бумаге – то есть когда **ВСЕМ** владеет **КАЖДЫЙ** из этих «всех».

Каждый – всем! Вот, повторим, формула общественной собственности. Но что это реально означает? Как это можно представить и понять? Как это *каждый* (из ста рабочих) может владеть *всей* фабрикой? Каждый будет управлять ею, исходя из своих интересов? Будет сто разных программ? Сотня владельцев, «целиком» владеющих одним и тем же объектом? Да они так передерутся между собой, что гоббсовская «война всех против всех» покажется детской забавой. Ну, просто чепуха какая-то!

Да, чепуха получится, если речь пойдет о собственности на материальные средства труда, материальные продукты и предметы – здесь общественная собственность просто невозможна.

Она становится возможной (а приведенный выше тезис перестает быть чепухой), если экономика и производство достигнут того уровня, когда главной и всеобщей производительной силой станет НАУКА. Когда производство станет НАУЧНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ.

Общественная собственность и есть, прежде всего, собственность на эту, ставшую главной, производительную силу – НАУКУ. Науку (в отличие от материальных средств производства) нельзя приватизировать. По этой причине Наука, по сути своей, и является «всеобщим достоянием», она «по природе своей принадлежит каждому». Каждый может брать из нее «по потребности». И взятое им нисколько не уменьшает общую сумму научного знания (то есть массу главной производительной силы). И все другие могут черпать из этой всеобщей кладовой «по потребности» – сколько их душе угодно. Это такая собственность, которая может принадлежать каждому без ущерба для других. Иначе говоря, только достигнув высочайшей экономической зрелости, высочайшего развития производства (которое, как мы отметили, становится научным производством) – только тогда возможно становление общественной собственности, только тогда можно всерьез говорить о становлении Нового общества.

Но еще дело не просто – в гигантском росте производительности труда (что, конечно, в Новом обществе произойдет, благодаря огромным возможностям научной производительной силы и энтузиазму людей, каждый из которых будет иметь возможность соединить работу «на себя» с работой «на других», на всё общество). Но, благодаря этому росту производительности, будет до минимума сокращаться «рабочее время», необходимое для производства продуктов жизнеобеспечения людей, и стремительно расширяться пространство СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ. Свободного – от давления экономической необходимости. Времени, позволяющего каждому свободно, по своему усмотрению, развивать свои способности, свободно «посещать» кладовые научного знания, закроа культуры и брать оттуда – «по потребности».

Свободное время – это, наряду с общественной собственностью, базовая ценность Нового общества. В условиях подлинно обществен-

ной собственности свободное время становится пространством формирования Нового Человека.

Таковы основные черты Нового общества, идущего на смену Современности (т.е. – капитализму и государственно-бюрократической формации). Таковы главные характеристики Нового Человека, строящегося свою деятельность на основе всеобщего труда, общественной собственности и свободного времени».

Важно отметить, что эти черты, эти характеристики Общества Будущего не «придумываются» теоретиками, не берутся «из головы». Они *открываются*, как любил говорить Фридрих Энгельс, «при помощи головы» в реальной действительности – как существующие в ней объективные *тенденции*. Образ Нового общества и рождается из этих реально существующих тенденций. Их надо только увидеть, зафиксировать, оценить и экстраполировать в будущее.

Не в фантазиях ученого, а в развитии реально существующего старого строя – капитализма – начинается процесс постепенного внедрения науки («всеобщего труда») в производство. Вот так в старом социальном бытии начинает формироваться каркас нового социального здания: капиталистическое фабрично-заводское производство постепенно превращается в «научное производство», которое станет фундаментом Общества Будущего.

А затем? Что же случилось затем с «номенклатурной диктатурой», с авторитарно-бюрократическим режимом?

А затем, в ходе «перестройки» 80-х годов, реформ 90-х и «стратегии вертикали» первого десятилетия XXI века, она никуда не исчезла, она просто перевернулась на другой бок, сохранив свое господство под вывеской «демократии» («номенклатурной», по моей характеристике). И так же, как «номенклатурный социализм» не был социализмом, так и «номенклатурная демократия» с действительной демократией не имеет ничего общего, она сохраняет суть прежнего режима: господство бюрократии (номенклатуры) в несколько измененной форме – некоторое подобие «демократии» (да и то – постоянно сужаемой) для различных фракций номенклатуры и «диктатура номенклатуры» для гражданского общества. Это – в политической сфере. А в социальной – соединение бюрократической власти и крупной частной собственности обусловило формирование олигархического капитализма, тупиковой ветви общественного развития.

О двух вариантах выхода из олигархического тупика

Распространены два варианта. И оба – неверные.

Один – назовем его *ортодоксально-коммунистический* (правильнее было бы назвать его псевдокоммунистическим, ибо он исходит из идей и практики так называемого «реального социализма», который, как мы уже отмечали, на деле «социализмом» никогда не был и имел мало общего с идеалами социалистов-классиков). И другой – *буржуазно-демократический* (так его называют сами авторы), или – *либеральный*. Буржуазно-либеральный – вариант всего лишь косметического (мало что дающего) ремонта олигархического режима. И здесь мы его разбирать не будем. Остановимся на первом, «реально-социалистическом» варианте. Он наиболее значим для того анализа, который мы здесь ведем

Сторонники «реально-социалистического» видят причину скатывания страны к криминально-олигархическому строю – в «предательстве» лидеров КПСС. Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин – вот, по их утверждению, люди, разрушившие «социализм» и создавшие все условия для движения страны в сторону олигархического капитализма. Что же делать? Да очень просто: надо вернуться к той исторической точке, откуда и началось то «предательское движение» – т.е. к ситуации до 85 года. И, поприветовав частную собственность, проведя широкую национализацию, восстановив колхозы, госпланы и госнабы, начать с той точки новое движение, попутно исправляя некоторые недостатки прежней системы, оплодотворяя ее сталинско-андроповской государственной дисциплиной. Они всё время смотрят назад. Там, позади, ищут спасение страны. И многие, зажатые в поразительной современности, люди из сословия трудящихся готовы пойти за ними, поддержать их. Я хочу предостеречь этих людей. Я хочу им поведать одну, далеко не очевидную, но очень важную историческую истину.

Дело в том, что современный олигархический капитализм (как это ни покажется кому-то парадоксальным) – есть *прямое, непосредственное следствие логики развития «реального социализма»*. Вы вернетесь туда, откуда, по совершенно железной логике истории, началось движение к нынешней олигархии. Современный олигархический строй – есть следствие «реального социализма», есть следующий этап его развития.

Поясню эту необычную, не часто встречающуюся в философско-политической литературе, идею.

Прежде всего, отдадим себе ясный отчет, что «реальный социализм» не был формацией, основанной на общественной собственности, социальном равенстве и народоправстве (черты, при наличии которых только и можно говорить о подлинном социализме). Он был формацией, где собственностью реально владело и распоряжалось бюрократическое сословие. То была не общественная, а корпоративно-бюрократическая собственность. Там не было «свободного труда» (там был труд рабов в Гулаге, полуфеодалного, бесправного, беспаспортного крестьянства в колхозах и наемных рабочих в промышленности). Там не было народоправства, вся власть – и экономическая, и политическая – сосредотачивалась в руках бюрократического сословия; это была политическая диктатура бюрократии.

Как же обозначить эту общественную формацию, появление которой в истории не было предсказано ни одной из существовавших тогда социальных теорий (включая марксистскую)? Это не был «государственный капитализм» (как пытаются назвать его некоторые теоретики), ибо мотив деятельности правящего сословия не был ориентирован на «прибыль». Это была не «экономическая», а скорее «политическая» формация. И это не был «социализм» – по приведенным выше соображениям.

Это, повторяю, было особое, невиданное еще в истории, непредвиденное в теории, социальное образование, которое можно было бы назвать государственно-бюрократической формацией.

Полностью оформившаяся к середине 30-х годов (что официальной пропагандой той поры было представлено как завершенное «социалистическое» строительство), она прошла несколько этапов – от ранних стадий сталинского и хрущевского окраса (в которых, при всей антинародности и реакционности политической формы, присутствовали элементы исторически прогрессивного содержания – модернизация, например, хотя и очень деформированная реакционной политической формой) до поздней стадии – «брежневизма», когда под реакционной формой не осталось уже и следа исторически прогрессивного содержания.

Вообще формация эта была сложным образованием, со сложнейшим переплетением мотивов деятельности различных социальных сил, с многовекторным историческим движением. Были там – особенно в сфере культуры и в сфере массового, «низового» политического сознания – и черты подлинно социалистической деятельности, питавшиеся импульсами, порожденными стихией массового ос-

вободительного движения в Октябре 1917 года. Но дирижерская палочка, направлявшая и определявшая всю деятельность социального «оркестра» была в руках класса бюрократии. Она, эта бюрократия (по-другому – «номенклатура»), определяла общее лицо системы и логику ее движения.

И вот что, уже на ранних стадиях ее функционирования, было подмечено наиболее пронизательными теоретиками, хорошо знакомыми изнутри с этой логикой. Я обратил бы внимание на любопытнейший и поучительнейший анализ процессов присвоения общественного богатства, происходивших в годы нэпа – анализ, осуществленный одним из талантливейших экономистов той эпохи – Юрием Лариным. Так, перечисляя способы «деятельности частных капиталистов», он указывает на наличие их «соучастников» и «агентов» в государственном аппарате. «В составе государственного аппарата, – фиксировал Ю.Ларин, – был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые... служа в хозорганах... в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли во все госорганы и «становились на собственные ноги». «Под лжегосударственной формой существования частного капитала, – пишет он далее, – я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным изготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, изготовитель и т.д., считаясь государственным служащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному» (см. Ларин Ю. Частный капитал в СССР// Антология экономической классики. Т 2. М., 1993. С. 446). Кажется, Юрий Ларин описывает нашу ситуацию – 80-х – 90-х годов XX века! Такой повтор ситуаций лишний раз указывает: совпадение не случайно. Это, повторяем, по-видимому, Закон перехода, скажем так, от государственно-бюрократической общественной формации к государственно-капиталистической. Или

так: *Закон превращения корпоративно-бюрократической (государственно-бюрократической) собственности в государственно-капиталистическую.*

Юрий Ларин, поведал нам, как начало (уже с конца 20-х годов) тянуться к богатству, к обогащению бюрократическое сословие, как постепенно, потихоньку-полегоньку нацеливалось оно на то, чтобы превратить корпоративно-бюрократическую собственность в частно-бюрократическую, на то, чтобы приватизировать блага и привилегии, привязанные к бюрократическим креслам. *Отвязать бы их от этих кресел и привязать к себе, лично!*

А к середине 1930-х годов эта тенденция уже становилась преобладающим мотивом деятельности значительной части правящей бюрократии. И это блистательно (хотя и с вполне понятной горечью) зафиксировал один из главных творцов Октября, а к тому времени вышвырнутой этой самой бюрократией из страны, Лев Давидович Троцкий. Вот эти его, глубоко пророческие, характеристики: «Когда же напряжение отошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни . . . в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Шло освобождение мещанина в большевике (выделение мое Г.В.)».

Эти слова Троцкого хорошо комментирует Егор Гайдар (он вообще умеет сказать много дельного относительно событий, *предшествующих* его реформам; вот о том, что произошло после них, у него получается много хуже). «Такие «психологические метаморфозы», — пишет Егор Тимурович, — назывались, естественно, перерождением большевиков, хотя на самом деле они доказывали как раз, что перерождения не произошло, что они остались обычными людьми, которым не чуждо ничто человеческое. Их мысли ничуть не противоречили принципам, программным документам партии. Но они хотели — как любой правящий слой после любых переворотов и революций — собственности... Конечно, первоначально речь шла не о «первоначальном накоплении», а о «первичном наедании». Они стремились вначале решить вопрос о собственности на чисто потребительском уровне, на уровне своего потребления, быта. Это еще совсем не противоречило политическим принципам партии. В конце 20-х годов был отменен пресловутый «партмаксимум», уже к середине 30-х го-

дов разрыв в уровне жизни (жилье, продукты, вещи) между номенклатурой и «простыми советскими людьми» достиг такой же величины, как разрыв между сановниками того же ранга и беднейшей частью обывателей до революции. После войны в особо привилегированное положение наряду с традиционными отрядами номенклатуры (партэлита, госбезопасность, армия, дипломаты) попала верхушка ВПК. Всегда была богатой группа руководителей торговли. Однако постоянно растущие привилегии не могли до конца разрешить «социальный вопрос» «голодающей» номенклатуры. Аппетит приходит не просто во время еды, особенно важно, что он всегда опережает количество еды, отпускаемой во всех лучших распределителях. Потребность в «настоящей» собственности, не только на предметы потребления, но и на землю, финансовые компании, промышленные предприятия, торговые фирмы и т. д. — вот что составляло часто неосознаваемый, но все равно мучительный «социальный комплекс». Вот тут уже потребности номенклатуры вступали в противоречие с официальными принципами партии» (см. Егор Гайдар. Власть и собственность. С. 262–263).

И снова – пророческие слова Троцкого: «Если сейчас (в 1930-е годы – Г.В.)... она (номенклатура – Г.В.) сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс». (Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 210).

А уж 1970-е годы, годы «брежневизма, были годами полного разложения государственно-бюрократической формации, годами истощения ею всякого исторически прогрессивного содержания, и одновременно – «золотым веком» для номенклатуры, приступившей (пока под покровом партийных лозунгов и идеологического трепача о том, что у нас «всё – для человека») к скрытому массовому «первоначальному накоплению» богатств в своих руках (в прочном, доба-

вим, союзе с теневой, околопартийной экономикой, опорными точками которой были «Управления делами» различных партийных и государственных органов).

При Горбачеве, как мы уже отмечали, эта «номенклатурная приватизация», уже, не слишком таясь, шла бешено нарастающими темпами. Ну, а в 1990–е годы она уже была совершенно легализована. И превратилась в олигархический шабаш.

Поэтому: вернуться к брежневско–черненко-вскому времени означает вернуться не к социальному равенству и общественной собственности, а – к началу массовой номенклатурной приватизации. Вернуться к той исторической точке и вновь начать с нее – означает снова пройти тот путь движения к олигархическому капитализму, начало которому положено брежневско–горбачевской эпохой.

В общем, решение надо искать не позади, а впереди.

Что – «впереди»?

А что же «впереди»? Как обозначить тот новый общественный строй, который придет (обязательно придет!) на смену и «реальному (номенклатурно–бюрократическому) социализму» и современному «олигархическому капитализму»?

Тут авторы рассматриваемой книги дают несколько вариантов именований, идущих в русле ее названия – «Социализм 21 века». Но при этом отдают себе отчет в возникающих в связи с этим понятийно–терминологических трудностях.

Дело в том, «социализмом» в истории политической мысли и социальной практики назывались очень разные социальные и идейные феномены: «социализм» утопистов (Мор, Кампанелла, Фурье), русский народнический, крестьянско–общинный «социализм», «реальный социализм» сталинско–брежневского окраса, «социализм» Мао и Полпота, Фиделя Кастро и Уго Чавеса, «социализм» как «первая фаза коммунизма», «демократический социализм» («с человеческим лицом»), «социализм» современных социал–демократов, именуемая иногда «социализмом» современная «шведская модель» и т.п.

Так вот. Ни о каком из этих «социализмов» не идет речь в книге.

Терминологические и смысловые сложности возникают у сторонников новой социалистической парадигмы потому, во–первых, что у них велико (и вполне, впрочем, справедливо) стремление отличить свое понимание «социализма» (в основе которого новое понимание сути «общественной собственности» и значения «свободного

времени»), понимание Нового общества не как экономической, а как культурной формации, стремление отличить свою концепцию от прежних концепций социализма (рассматривавших социализм как экономическую формацию, превосходящую прежние, в первую очередь, в сфере производительности труда, как общество, базирующееся на прежнем понимании «общественной собственности» – как собственности «всех – на всё», но не «каждого – на всё»). И во-вторых, сложности возникают вследствие стремления, следуя принципам теоретической преемственности, соединить во многом новое содержание с классической, традиционной терминологией, к которой авторы относятся с уважением.

И всё же видно, что новому содержанию тесновато в традиционной терминологии. Поэтому авторы книги ищут термины, которые были бы более адекватны новым теоретическим построениям, которые совмещали бы в себе и новизну сути, и продолжение прежних терминологических форм.

Так, проф. Межуев постоянно чередует наименование Нового общества, называя его то «социализмом» («коммунизмом»), то *Пространством Культуры*. Он так прямо и формулирует: *Социализм – это Пространство Культуры*. То же – проф. Бузгалин. Он предпочитает говорить о социализме (коммунизме) как о *Царстве свободы*.

Близка к ним (с рядом дополнительных нюансов) и позиция проф. Водолазова. «В порядке размышления» он пишет:

«А может быть сегодня есть смысл нам отказаться от именованя нашей стратегии деятельности термином «социализм»?

Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX – начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы – противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же сегодня вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, кто вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала, то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной социал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы – страстный поклонник идей «великого кормче-

го» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и – лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления капитализма. В XX – начале XXI века появилась принципиально новая задача – преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном капиталистическом мире. Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие формально общественную собственность сделать реально общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» – они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы.

Вот по всем этим причинам термин «социализм» сегодня час-тенько не проясняет, а затемняет дело. Он уже не ориентирует (как прежде), а дезориентирует. Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: «РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ».

В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества – ЧЕЛОВЕК. Этот термин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об

ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека – от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении каждого человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего субъекта истории, о превращении «хомо экономикус» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом – со времен Маркса – «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении каждого индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в универсально и всесторонне развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, – а именно, что все формы человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь моральным требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении экономическо-капиталистического и административно-бюрократического обществ в подлинно ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм – вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроениях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполненном и абсолютно реалистическом. То есть о реальном гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовской плавильной теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придавал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

А заимствование марковского термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз продемонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий» (с. 614).

«Пространство культуры», «Царство свободы», «Реальный гуманизм» – это поиск наименований, которые могли бы дать более богатое и более адекватное представление о Новом обществе, идущему на смену капитализму и государственно-бюрократической формации. Поиск, в котором сохранялась и прежняя терминологическая традиция и обреталась бы новизна современного понимания социализма.

Описанная выше конструкция Нового общества («реального гуманизма», «царства свободы», «пространства культуры») – не слишком ли далекая это цель, не слишком ли эта конструкция оторвана от нынешней реальности, от насущных задач сегодняшнего дня? – спросит читатель.

Да, отвечу я, это – образ довольно далекого будущего. И можно со всей определенностью сказать некрасовскими словами – что, увы, «в это время прекрасное жить не придется ни мне, ни тебе». Думаю даже – ни нашим внукам и ни нашим правнукам. Всё так. И всё же не пустое это дело иметь общее представление о «лучшем» (пусть и очень далеко) будущем. Не пустое – ибо оно дает людям некий всеобщий ориентир движения в это будущее, проясняя общее направление исторического «ветра», фиксирует общую логику, общую направленность исторического процесса.

Это – как стрелка компаса, ориентирующая по странам света. Так, если хотите двигаться, например, в южном направлении, то и ориентируйтесь по направлению стрелки, указывающей на «Юг». Компас и указующая общее направление стрелка, конечно, не расскажут вам, какие препятствия, какие преграды встретятся на пути вашего движения на «Юг», какие горы, реки, долины, овраги и обрывы встретите вы на своем пути и которые вынуждены будете обходить слева, справа, поворачивая временно «на Восток», «на Запад», а то и отступая назад, «на Север». Но двигаясь – под давлением внешних условий – такого рода зигзагами, вы должны будете, дабы не сбиться с пути, постоянно сверяться с показаниями вашего компаса, дабы снова и снова выходить на вашу генеральную дорогу, ведущую «на Юг».

Иначе говоря, при движении по неизбежно сложным, кривым, переплетающимся дорогам истории, вы обязательно должны иметь представление о вашем генеральном маршруте, об общих целях вашего движения, постоянно сверяя с ними свои сегодняшние шаги.

Ясно очерченные дальние цели (описываемые в вышеупомянутой «социалистической» парадигме) крайне необходимы для более эффективных ваших действий сегодня, здесь и сейчас.

Вместе с тем, совершенно ясно, что представление об общем маршруте движения, о его сверхдальних целях, хотя и необходимо, но оно явно недостаточно для эффективного *сегодняшнего* конкретно-исторического действия. Для успешности такого действия надо ясно представлять себе не только сверхдальние цели, но и то, на каком рубеже этого исторического движения мы в данный момент находимся, каково содержание нашей *сегодняшней*, исходной позиции, какие препятствия встретим мы на пути нашего движения и как можно эти препятствия преодолеть. Мы будем двигаться вперед, если возможно, – прямо, если будет нужно – зигзагами (вправо–влево), но не теряя при этом общее направление нашего маршрута, общую цель нашего движения. И постоянно, в каждом своем *сегодняшнем* шаге сверяясь с ней.

С каких социально-экономических и политических рубежей началось движение к современному состоянию нашего общества?

Какой общественный строй сложился в России в сталинско-брежневские времена?

Его называли «реальным социализмом».

И аргументировалось это тогда вот каким образом: это – социализм, ибо здесь (в полном соответствии с классическими социальными теориями) упразднена частная собственность и утверждена собственность *общественная* (в двух ее главных формах: государственная и колхозно-кооперативная); на этой экономической основе возникла социальная однородность общества (исключающая образование антагонистических классов и эксплуатации, т.е. присвоения одними труда других); здесь социальные слои – рабочие, крестьяне, интеллигенция – находятся в гармоническом, дружеском единении; и самое главное: политическая власть принадлежит трудящимся.

В общем – социализм.

Впрочем, иногда (идеологи, считавшие себя особо реалистичными и теоретически продвинутыми) добавляли: да, это, конечно, это несомненно социализм, но пока – несколько не дотягивающий до

идеала, ибо в нем существуют бюрократические изъяны и некоторые социально–политические деформации, которые, впрочем, при наличии политической воли у политического руководства, поддаются лечению и исправлению.

Позиция же авторов рецензируемой книги – иная. Существенно иная.

«Можем ли мы с полным правом называть советское общество «социалистическим»? Было ли реальностью провозглашенное Сталиным в 1936 году «построение социализма в основном»? – так начинает свой анализ Андрей Колганов (с. 334).

Я не буду в подробностях пересказывать всё содержание размышлений автора (не буду лишать читателя удовольствия самому следить за тонкой вязью его аргументов). Скажу о *главных*, об *узловых* моментах и *основных* результатах его путешествия в «неведомое».

Вначале – его главный теоретический вывод: «Категорически я отвергаю позицию тех, кто считает возможным употреблять слово «социализм» для характеристики советского общества». И далее: «Я не признаю это общество социалистическим!» (с. 347).

А теперь – несколько важных штрихов, объясняющих, почему автор не признает советское общество «социалистическим».

Во–первых потому, что здесь «на первый план исторической сцены выдвинулась *бюрократия*» (а вовсе не «пролетарские и постпролетарские слои» – как то предполагалось классической социалистической идеологией) (с. 351). «*Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений*» (с. 357). То есть: не социалистический (не народный, не демократический) строй установлен в стране, а система бюрократического правления. Господство бюрократии, диктатура бюрократии – вот стержень, вот основа и суть сталинско–брежневского общественного устройства: вместо плановой системы хозяйства, которая исходила бы из интересов и потребностей народных масс, – «бюрократические программы» (в основе которых, главным образом, – забота об интересах политически господствующего сословия – бюрократии) вместо роста народного благосостояния – «экономика дефицита», вместо социального равенства – раскол на привилегированное, всевластное бюрократическое меньшинство и бесправное большинство, вместо «самостоятельности», социальной

активности трудящихся – «административный патернализм». Вот чем был на деле «реальный социализм», заключает автор (с. 346).

И завершающий этот сюжет вывод: «Таким образом, советская бюрократия сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства. Политическим лидером, наиболее последовательно выразившим эти стремления новой советской бюрократии, и оказался И.В. Сталин» (с. 358).

Примерно о том же – Вадим Межуев. «Общество «реального социализма», – пишет он, – далеко разошлось с идеалами и целями социализма» (с. 115), а то, что именовалось «социализмом» было на деле «системой полуфеодалного принуждения к труду и государственного насилия над личностью» (с. 116); короче говоря, *«на практике социализма никогда не было»* (с. 128). Близка к этому и позиция Бориса Славина: «Социалистическая революция с приходом к власти Сталина во многом захлебнулась. Ее идеалы со временем были девальвированы и извращены... На мой взгляд, *марксистское понимание социализма никакого отношения к сталинскому пониманию не имеет*» (с. 94). В этом же ключе – и Александр Бузгалин (с некоторой, впрочем, спецификой в позиции): Сформировавшемуся в СССР строю, пишет он, «были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – собственно социалистические элементы... Но постепенно последние оказались *задавлены раком бюрократии*»; этот строй – «*тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы*», «это общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не образующий систему, служащую основанием для последующего движения к коммунизму» (с. 400–401). В целом, в этих идейных рамках – разворачивается и концепция Владимира Миронова: «Оседлав пролетарский протест против капитализма, Сталин и его группы развязали вторую гражданскую войну, важнейшим шагом которой стало *установление специфической антагонистической формации*»... Вместо социализма в странах «реального социализма» неотразимо складывался ... *азиатский способ производства*» (с. 439). Тезис о «несоциализме» СССР подробно развивается и в статье Григория Водолазова.

В общем, практически все авторы сборника отказываются считать строй, сложившийся при Сталине, социализмом. Но, спрашивается далее, если это – не социализм, то тогда что это? В чем суть, социально–политическое содержание этого строя, каково его место в историческом развитии страны? Тут полного единства у авторов нет, это тот сюжет, который требует дальнейшей проработки, дальнейших дискуссий (хотя, забегаая вперед, отметим, что речь тут пойдет, пожалуй, не о какой–то *принципиальной* разности подходов и оценок, а, скорее, о различиях в деталях, в нюансах, иногда, впрочем, достаточно важных).

Наиболее подробно вопрос о природе сталинско–брежневского общественного строя рассматривается в статьях А. Колганова и Г. Водолазова. Причем в главном их позиции близки друг другу.

«Советская бюрократия, пишет Колганов, сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства» (с. 358). Иначе говоря, это была диктатура «своеобразного господствующего класса» – диктатура бюрократии. Диктатура эта обеспечивала бюрократии «золотой дождичек ... привилегий» (с. 364) – путем «эксплуатации» трудящихся. Да, это не был социализм, но это не был и капитализм. Своеобразие этого строя состояло в том, что «свою эксплуататорскую функцию бюрократия осуществляла преимущественно некапиталистическими методами» (с. 364). И дальше важнейшее разъяснение относительно необычной специфики этого строя: «Этот тезис (относительно эксплуататорского ядра советского общества – рец.), – замечает Андрей Колганов, – оспаривается со ссылками на форму найма, на товарно–денежные отношения, якобы свидетельствующие о *капиталистической* природе эксплуатации в СССР. Хочу оставить этот спор за скобками данной статьи и замечу лишь, что никому еще не удалось доказать, что бюрократия эксплуатировала трудящихся СССР *ради извлечения прибавочной стоимости*» (с. 364). Здесь, по сути, формулируется идея о возникновении особого типа эксплуататорского, классово–антагонистического общества, не только отличающегося от капитализма, но в чем–то и противоположного ему. Автору осталось сделать только маленький теоретический шаг, чтобы зафиксировать возникновение в истории новой социально–политической формации.

Этот «шажок» делает в своей статье Григорий Водолазов, по сути, продолжая разговор, начатый Андреем Колгановым.

Если обозначить центральную идею Г.Водолазова, к которой он, по его собственному свидетельству, постепенно шел с середины 1950-х годов по середину 1970-х (и не отказался от нее впоследствии), то это будут тезисы:

о «несоциализме» СССР;

о том, что в Советском Союзе сформировалась новая общественная формация – несоциалистического (и некапиталистического) типа; формация социально-антагонистическая (но со специфическим типом антагонизмов, отличных от тех, что знала мировая история); формация, появление которой не удалось предвидеть ни классикам научного социализма, ни представителям каких-либо других научных школ; формация, которая решала (а отчасти решила) ряд важных, стоявших перед обществом социально-экономических задач, но в рамках развивавшихся, расширявшихся и углублявшихся внутренних социальных антагонизмов, порождая тем самым острейшие социальные противоречия, снятие, разрешение которых оказывалось возможным только в лоне коренных общественно-экономических преобразований, совокупность которых можно обозначить как «народная, демократическая революция».

Сформулировав эти тезисы, автор встал перед необходимостью развернуто (ибо речь шла о принципиально новом социально-политическом феномене) ответить на вопрос: каковы главные, специфические механизмы функционирования этой необычной формации.

Как вы помните, анализируя сталинский «социализм», мы подчеркивали, что он был «социализмом» лишь на словах: работник не стал «хозяином» и собственность там не стала «общественной», а стала корпоративной собственностью бюрократии, бюрократического сословия, ибо оно, это сословие, определяло цели экономической деятельности, подыскивало средства их достижения и заставляло полностью подвластных им работников трудиться для достижения этих, поставленных бюрократией, целей. Работник по-прежнему был отчужден от средств производства и результатов своего труда. В общем, это НЕ социализм.

Есть, правда, искушение (и ему поддаются некоторые вполне приличные оппозиционные сталинизму теоретики) – представить советско-сталинский строй некой разновидностью «государственно-

го капитализма». Вообще-то сходство с капитализмом тут немалое: и собственность частная (корпоративно-бюрократическая), и рабочий остается наемным работником («наемным рабом» государства). И отчуждение сохраняется, и эксплуатация. Всё так. И всё же это – особая система, особая формация, хотя и родственная капитализму, но далеко с ним не совпадающая; и по-настоящему она может быть понята не через призму капитализма (тогда мы упустим многие важные ее особенности), а без всяких призм – через неё саму.

Так вот, как известно, мотивы деятельности капиталистов определяются производством прибыли, прибавочной стоимости. Капитализм, стало быть, в первую очередь – экономическая формация. Между прочим, этот мотив получения прибыли обуславливает существование черт прогресса в буржуазном обществе: развитие экономики, производительных сил общества – через экономическую конкуренцию, рынок, открытие новых технических возможностей, развитие научного знания (хотя, конечно, и в очень противоречивой форме, которая служит источником всевозможных катаклизмов и кризисов – вплоть до кризисов всеобщих, всемирных, катастрофических).

Бюрократ же (госчиновник «советского» государства) – не экономический субъект, не субъект экономики; его не волнует экономическая прибыль, «прибавочная стоимость», ибо это не *его* прибыль, не *его* прибавочная стоимость, он не может ее непосредственно себе присвоить. Там, на Западе, всё ясно, просто и прозрачно: разделение произведенного общественного продукта – по капиталу. Здесь же у чиновника никакого «капитала» нет; у него мотивы и стимулы деятельности иные и система распределения иная, и взаимоотношения с работником другие. *(Мы обратили бы здесь внимание читателя на то, как напоминают эти идеи то, о чем писал Андрей Колганов, – Г.В.)*

Здесь всем распоряжается, можно сказать, «акционерное общество» бюрократии. Что здесь является «акцией», в соответствии с которой чиновник получает свои дивиденды? Не частный капитал, а занимаемое им КРЕСЛО в чиновной иерархии. Движение по чиновничьей лестнице, из одного кресла в другое – вот стимул деятельности бюрократа. И тут – целая, тщательно отлаженная, система: к каждому «креслу» привязаны определенные жизненные блага и жизненные возможности. И определенные механизмы и средства движения по этой лестнице – то, что потом сложится в систему номенклатуры. Тут свои – специфические – правила, законы, моральные импе-

ративы, объективные и субъективные возможности.

Ты движешься по этой лестнице, только если свято блюдешь все эти законы и правила.

Вот некоторые из них. Ты должен иметь несколько властных мандатов на занимаемое тобой кресло: ты должен быть членом партии; она может называться «коммунистической», «социалистической», «народной» и т.п., но на деле это партия бюрократии (это её «орден»), причем ты должен быть не просто «членом партии» (таких, внизу, бесправных и безгласных «членов» может быть много, они служат фоном, пьедесталом для таких, как ты), но – членом «партийной номенклатуры», этого сравнительно немногочисленного (по сравнению со всем населением и даже по сравнению с количеством всех членов партии) сословия. Внутри номенклатуры – свои этажи, свои ступени: номенклатура районного масштаба, областного, республиканского, всесоюзного. Ты должен быть абсолютно лояльным этой своей организации, предан ей душой и телом. Решения этой твоей организации, твоего «акционерно-бюрократического» сообщества, идущие, конечно же, только сверху вниз, должны быть тобой безусловно и беспрекословно исполняемы. Ты не сопоставляешь эти решения с потребностями жизни страны, с интересами людей твоего общества, ты – всего лишь исполнитель начальственной воли. Правда, ты можешь быть виртуозом исполнения – всё предписанное исполнять четко, быстро и даже с энтузиазмом, не подвергая ни малейшему сомнению содержание спускаемых тебе предписаний. Тебе сказали: есть «враги народа», их много, их надо «разоблачать», кое-кого расстреливать, а большую часть отправлять за колючую проволоку – в каменоломни Воркуты или на сибирский лесоповал. Вот и виртуозничай: находи «врагов», не найдешь – создавай их сам, выколачивай из них «признания», но не примитивно, не дубово, проявляй при этом особого типа «мастерство», дабы вышестоящие не натыкались на создаваемые твоей деятельностью проблемы. Для начальства ты должен быть беспроблемным – тогда и пойдешь в гору, тогда и будешь получать свой «законный» пай от общего бюрократического пирога размером в соответствии с высотой занимаемого тобой КРЕСЛА.

Имей также в виду, что твое движение по карьерной лестнице зависит не только от твоей преданности генеральной линии «акционерно-бюрократического сословия», но, главным образом, – от благорасположения твоего ближайшего и непосредственного начальни-

ка. То, что «внизу», все эти «люди», «народ», «гражданское общество», для тебя ничто, «фу-фу», как любил выражаться один из гоголевских героев. Их мнения, их к тебе и твоим соратникам отношение – это ерунда, пустяки, не стоящие внимания. От них твое положение совершенно не зависит. Главное, повторим, – расположение начальства.

В этой связи можно вспомнить народнического публициста XIX века Н.К. Михайловского: «Русская бюрократия, если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница бар, если сверху вниз – нисходящая лестница лакеев».

Автор (Г.Водозазов) без колебаний и сомнений оценивает эту систему и ее политический режим («диктатуру номенклатуры») абсолютно негативно – как *реакционное явление, со всех сторон и во всех отношениях*. И полагает, что режим этот, его создатели и наиболее ярые активисты заслуживают масштабного исторического СУДА, по типу Нюрнбергского, с основным мотивом обвинения, который можно было бы сформулировать как «преступление против человечности».

Автор считает важным также ответить на один часто, в этом контексте, задаваемый – вполне порядочными людьми – вопрос: как совместить эту вашу абсолютно негативную оценку сталинского режима с тем, что при этом режиме страна решала и, в общем-то, решила масштабную историческую задачу – задачу модернизации и индустриализации России (в соответствии с известным афоризмом Черчилля, насчет того, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с ракетами).

Автор здесь совершенно не приемлет весьма распространенный ответ такого типа – что-де сталинский режим не был какой-то абсолютно черной «дырой»; он был, с одной стороны, конечно злодейским, но, с другой – не лишенным и позитивных, прогрессивных черт; не надо-де всё мазать одной черной краской. И сегодня в соответствии с этой точкой зрения эти «светлые» краски сталинизма все шире, все капитальнее заполняют полки книжных магазинов, все полноводнее разливаются по пространству телевизионных экранов.

Автора, повторим, не устраивает такое «совмещение», его не устраивает формула: «с одной стороны», «с другой стороны». Ему представляется очень удачной, очень эвристичной другая формула – предложенная при характеристике сути бонапартистских режимов Энгельсом. По свидетельству автора, Энгельс, анализируя деятель-

ность бонапартистских режимов (режимов отвратительных, но при которых, тем не менее, решались крупные общенациональные задачи), писал: это – «реакционная форма выполнения исторически прогрессивной работы». Замечательное и глубокое, по мнению Автора, определение. Здесь отнюдь не отрицается, не перечеркивается тот факт, что определенная исторически-прогрессивная работа была страной и обществом выполнена. Но вместе с тем подчеркивается, что порождена, что инициирована эта работа не усилиями бонапартистских режимов, а глубинными потребностями общества (в сфере развития культуры, техники, образования и т.п.), необходимостью реализовать эти потребности – во избежание катастрофических для социума данной страны последствий. Потребность в модернизации порождалась глубинными интересами общественного бытия, и задачи модернизации так или иначе решались – независимо от того, какой режим утвердился в той или другой стране.

Так, процесс модернизации шел в России при разных режимах – со второй половины XIX века (отмена крепостного права, промышленная революция, первоначальное накопление, далее – реформы Витте, Столыпина, экономический бум, породивший концерны, синдикаты, крупные монополии, накануне Первой мировой войны...). Более того, сами революции 1905–1907 годов, Февральская и Октябрьская (1917 года) были порождены, во многом, потребностями медленно и «криво» шедшей при царизме модернизации. И, естественно, процесс этот не мог – так или иначе – не продолжаться в Советской России – при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев...

Между прочим, в разном политическом оформлении шел процесс модернизации и в странах Запада – и в рамках капитализма (с разной степенью демократичности), и в рамках авторитарно-диктаторских режимов (салазаровско-франкистского типа), и в рамках итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Всё человечество – раньше или позже, с большей или меньшей скоростью – обречено было шествовать через это историческое поле модерна. А политические формы в разных странах были лишь более или менее адекватны этому неизбежному и неостановимому процессу.

Политическая форма сталинизма – террористическая диктатура номенклатуры – была одной из форм, при которой осуществлялся этот процесс, но которая – и это главное для понимания сути дела! – его сужала, деформировала и калечила. И деформировала его так и настолько, что, в конечном счете, результаты этой (сталинистской)

формы модернизации оказались РАЗРУШИТЕЛЬНЫМИ для страны. Ситуация глубокой стагнации 1970–х годов, экономический обвал 80–90–х годов, наконец, сам распад страны и были неизбежным следствием этой – сталинско–номенклатурной – формы модернизации. Вот почему Автор и оценивает сталинский (и его чуть более смягченный вариант – брежневский) режим не как «негативный, с одной стороны, и позитивный – с другой», а как РЕАКЦИОННУЮ форму выполняемой страной и ее народом исторически–прогрессивной работы, форму – негативную и реакционную СО ВСЕХ СТОРОН И ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ.

Со всем этим связана и «патриотическая» составляющая социалистической концепции Автора – немаловажная деталь всей системы его мышления. Сталинисты, брежневцы, андроповцы и их современные полные или частичные единомышленники из партий нынешней номенклатуры, когда встречаются с безусловным и абсолютным критическим отношением к бюрократическому правлению эпохи «реального социализма», с пафосом и агрессией в голосе восклицают, что нельзя–де историю *своей* страны красить черной краской, что это–де чуть ли не глумление над «подвигом» – хозяйственным и военным – советского народа, что это–де в высшей степени «непатриотично»: какова бы она ни была – это *наша* история. Так вот, Автор далек от следования «патриотизму» на известный манер: «он, конечно, мерзавец, но это – *наш* мерзавец (и поскольку он – «наш», «мы» не позволим его чересчур хулить)». Автор же к «мерзавцам» относится иначе. Для него «наших» мерзавцев не существует. Для него все мерзавцы – какой бы они ни были национальной или страновой принадлежности – НЕ НАШИ. А все не–мерзавцы – НАШИ! Для него все те его соотечественники, кто послал в августе 68–го года танки в Прагу громить режим чехословацкого «демократического социализма», – полные и законченные мерзавцы, и все они – «не наши». А деятели Пражской весны (Дубчек, Смирковский, Шилган...), лидер «бархатной революции» Вацлав Гавел – все они (чехи, словаки, евреи...) – все они «наши»!

Автор понимает «национальную гордость» – примерно так, как понимал её Владимир Ульянов в статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь, 1914 г.): «Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве!.. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный

мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год... Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.е. 9/10 *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом... Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим *свое* рабское прошлое...»¹

Такова данная Г.Водолазовым характеристика «новой формации», сложившейся в России к 30-м годам XX века и просуществовавшей до середины 1980-х. Не все авторы книги разделяют эту идею «новой формации», у каждого из них, при базовой общности взглядов, есть свои нюансы в оценке и характеристике той системы. Читатель будет иметь возможность ознакомиться с этими оценками, вникнуть в их суть, в аргументацию авторов – и на основе этого выработать свою собственную позицию. Книга дает богатый материал для этого.

А если теперь перепрыгнуть от этих базовых, изложенных в книге, идей к оценкам современной ситуации и высветить различие демократически-либеральной позиции и той, которая названа мной «реально-гуманистической» (или, что тоже самое – демократически-социалистической), то есть смысл привести здесь текст одного моего «открытого письма».

---

¹ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. / Ленин В.И. Собр. Соч, 5-е изд. Т. 26.– С. 106, 107–108.

В «Новой газете» от 11 января 2012 г. была опубликована статья И. Клямкина, М. Краснова и Л. Шевцовой «В Конституции не должно быть места для вождя». И подзаголовок: «От лозунга «Даешь честные выборы!» к лозунгу «Долой самодержавие!» (имеется в виду «президентское самодержавие»). Игорь Клямкин и Лилия Шевцова – мои давние (с советских времен) личные друзья. И – идейно близкие люди. Когда-то, в советские времена, – очень близкие. Потом наши дорожки немного разошлись. Но и сегодня я продолжаю питать к ним большую личную симпатию (и, надеюсь, она – взаимна). Но это не мешает нам вступать иногда в полемику по некоторым (подчас – довольно существенным) вопросам. Мне показалось, что полемика с идеями их, в целом интересной, статьи будет способствовать более основательному анализу ситуации в современной России.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ...

(открытое письмо Игорю Клямкину и Лилии Шевцовой)

Дорогие Игорь и Лилия!

Будь ситуация наша не столь предкатастрофичной, не писал бы вам это письмо, тем более «открытое». И не особенно касался бы пунктов моего несогласия с Вами. Ограничился бы, наверное, телефонным звонком. Сказал бы вам – как славно вы поиронизировали над теми, кто полагает, что сегодня нет более важной задачи, чем требовать «отмены выборов» или «честного пересчета голосов». Добавил бы к этой вашей критике еще пару аргументов. В самом деле, сказал бы я, из-за чего тут стараться? Ну, предположим, добились мы, отодвинув в сторону Чурова, «честного пересчета». И, положим, подозрения наши подтвердились: да, избиркомом украдены в пользу единорогов 30–40 депутатских мандатов. Ну, и передали мы эти мандаты трем другим парламентским партиям. Ну, потяжелели бы на десяток дополнительных мандатов Зюганов, Жириновский, Миرون. И всё? И из-за этого весь сыр-бор?..

И, наверное, вместе с вами попечалился и поудивлялся бы по поводу состава «народных трибунов» на площади Сахарова. Странная это была компания: премьер ельцинско-путинского призыва, бывший вице-премьер и экс-кандидат в ельцинские наследники (особенно запомнившийся в те времена богатой идеей – пересадить чиновников с иностранных машин на отечественные «Волги», да недавней виртуозной матерщиной по адресу своих ближайших соратников), путинский министр финансов, светская, как ее называют,

«тусовщица» (автор приписываемого ей СМИ афоризма: если человек имеет доход меньше 20 тыс. долларов в неделю, он для меня не существует)... Ну, правда, были там и другого типа ораторы – Владимир Рыжков, Алексей Навальный. Но всё же общий состав толпившихся на трибуне весьма экзотический – этакая смесь «гремучая».

И поддержал бы ваш ироничный скепсис – по поводу необыкновенно (будто бы) «смелых» выкриков: убрать с высоких постов того, этого (как будто бы от избавления от «Того», а тем более от «Этого» что-либо кардинально изменится)...

В ходе такого нашего телефонного разговора я поддержал бы вашу идею и насчет того, что корни наших бед не в «нечестных выборах» (хотя их «нечестность», конечно, очевидна) и не в деятелях того или другого высокого ранга (хотя их несостоятельность также трудно, да и не нужно оспаривать), а в самом типе сложившейся государственной системы, в самом типе существующего политического режима – то, что вы назвали «монополией власти», системой «президентского самодержавия» (основы которого заложены в самой Конституции). И поприветствовал бы предлагаемые вами меры: поправить статьи Конституции, отдалив страну нашу от «президентского самодержавия» и приблизив ее к парламентско-республиканскому типу правления.

Так вот. Если бы не ситуация «края», «кануна», а всего лишь вялотекущего социально-политического процесса, то ваши предложения можно было бы поддержать и поприветствовать: всё-таки как-никак, а в них намечены реальные шаги к улучшению – пусть не самые существенные, пусть небольшие, но всё же способствующие некоторому проветриванию политической атмосферы и созданию предпосылок для дальнейшего движения.

Ну, еще, может быть, без особых эмоций (куда особенно-то спешить, чего дергаться, если до горизонта и за горизонтом сплошная болотная жижа, по которой мы вяло и не спеша хлюпаем!), слегка, без напористости, покритиковал бы вас за явную недостаточность предлагаемых вами мер, за поверхностность, «косметичность» предлагаемых вами реформ.

Но, дорогие друзья, ситуация-то ныне не «вялотекущая», отличается она от «застоя» брежневских семидесятых. Она – предгрозовая. Тут, думаю, нужен другой тип мышления, другой тип рассуждений, существенно отличающийся от того, которому следовали вы. Боюсь, что ваши предложения (в нынешних условиях) не только не

способствуют действительному решению современных кричащих проблем, но даже уводят общественное сознание в сторону от их решения (в меньшей, конечно, степени, чем нервные требования «пересчета голосов», но тоже – в сторону и далеко в сторону).

У кого на самом деле власть?

Вы полагаете: главная наша беда – «президентское самодержавие». Вы, на мой взгляд, слишком большое, непомерно большое значение придаете президентской фигуре. Вы ищете способы противостояния этому «самодержавию», видя их в расширении прав парламента и т.п.

Да, конечно, у нас, действительно, можно сказать, «самодержавие». Но...

Но «самодержавие» высших ли должностных лиц?

Вот, для ясности, начну с исторического примера. В России, как известно, много веков было «самодержавие» царей – ни тебе Конституций, ни парламентов... Но вот одна показательная фраза. Заговорщики, придушившие Павла Первого, пришли с этим сообщением к его сыну Александру. И когда тот, услышав сие извещение, разрыдался (и от страшной вести, и от угрызений совести, и от ужаса прослыть в веках отцеубийцей), то главарь заговорщиков, граф Пален, как гласит предание, и произнес ту самую историческую фразу: «Ваше Величество, бросьте ребячиться! Утрите сопли и идите правьте Россией!».

И это – «самодержавцу»?!

Самое интересное, Александр, действительно, быстренько «утер сопли» и пошел «править» Россией, отдавая, впрочем, себе ясный отчет, что если он будет «править» иначе, чем желали бы участники заговора и стоящие за ними социальные силы, то его ждет судьба Павла.

В чем же смысл этого краткого исторического экскурса? Да в том, что обычно «самодержавно» правят не лица, которые на самом верху политической лестницы, а определенные, сплоченные общим интересом социальные силы, и «самодержец» для них – не более, чем одно из средств (и, может быть, даже не самых главных средств) их властвования.

Так было и в далекой истории. Так было и на нашем с вами веку, дорогие Игорь и Лиля. Вы припомнили КПСС и статью 6-ю той, брежневской, Конституции – о монопольном правлении партии.

Очень хорошее напоминание. Только о чем оно говорит? Да, о «монопольном (самодержавном) правлении»! Но не генсека, не Председателя Президиума, а – «партии». Точнее – высшей партийной номенклатуры, высшей государственно-партийной бюрократии (властвовавшей и над народом и над рядовой партийной массой).

Ведь это только казалось (со времен Сталина), что главный «самодержец» – генсек. И, кстати, Горбачев тоже поддерживал эту иллюзию, неоднократно замечая, что генсек в СССР обладал властью, какой не имел ни один деспот, ни один диктатор в мировой истории. Но эта самая история неотразимо продемонстрировала наивность этих представлений.

Так, всемогущего (как могло казаться) «самодержца» Хрущева в 1964 году в одночасье погрузили в болото политического небытия. (Хорошо еще, что не придушили его, как Павла; хотя, говорят, всерьез рассматривался предложенный Брежневым вариант: устроить Никите Сергеевичу авиакатастрофу...). И лидер этих, сваливших Хрущева, номенклатурных заговорщиков, «дорогой Леонид Ильич», последние 6–7 лет своего «самодержавия», почти выживший из ума, продолжал председательствовать на политбюро, читал, толком сам не понимая, какие-то речи с трибун... «Самодержавие» – то сохранялось, цвело пышным цветом, но не его, генсековское, а опять-таки – номенклатурного сословия. Да и Михаил Сергеевич полетел кувырком со всех своих «диктаторских» постов, как только разошелся с одним социально-политическим слоем (поднявшим его в свое время к власти) и не нашел других социальных сил, опираясь на которые он мог бы продолжать свою лидерскую политическую деятельность. Да и Сталин – то, этот, как мнилось, «всемогущейший властитель», держался на вершине политической пирамиды так долго только потому, что в каждую эпоху умел наиболее точно выражать и защищать интересы главного на тот момент ядра номенклатурного сословия. И как только, по причине преклонных лет и нарастающего зазнайства, перестал адекватно отражать интересы этих сил, то они немедленно поспособствовали его уходу из жизни (то ли, как утверждает одна из версий, прямым убийством, то ли, что более вероятно, – своим бездействием во время приступа его болезни).

Значит? Значит, «самодержавная власть» – не столько у того, кто стоит наверху пирамиды, сколько у тех социальных сил, которые составляют ее базис, ее тело. И потому не об «ограничении власти» стоящего наверху пирамиды следует заботиться, в первую очередь

(об этом «ограничении», кстати, позаботятся – когда этого потребуют их интересы – и само ближайшее окружение «лидера», и социальные силы, командующие социальной жизнью страны; и сделают они это лучше, чем все наши поправки к Конституции). Вы, мои друзья, ищите решение наших проблем в сфере политического – политических форм и политических институтов. Думаю, бесперспективное это дело! Разве сталинская Конституция, в которой столько прав и свобод было прописано, разве она смогла воспрепятствовать валу политических злодейств, подобных которым не знала история?

Наша забота и наша задача – в другом: определить состав, сущность господствующих сил, понять, каков их совокупный, общий интерес и что сулит стране их «самодержавное» властвование. Наша задача – в ограничении, а – в перспективе – устранении их господства.

Разговор обо всём этом я начал бы не с рассмотрения статей Конституции. Я бы начал его с ... «децильного коэффициента» – так, несколько вычурно, обозначает современная политическая наука соотношение богатств 10% самых богатых и 10% самых бедных людей: во сколько раз совокупный доход первых превышает совокупный доход вторых. Это очень важный показатель: он указывает степень разрыва между социальными слоями, масштаб противостояния общественных сил, уровень его напряженности. Считается: когда этот «децильный коэффициент» не превышает 3–7, то общество находится в нормальном, достаточно стабильном состоянии. Ибо в этом случае отсутствует жесткая поляризация социальных сил, нет оснований для возникновения раздирающих общество социально-политических антагонизмов.

У нас, в России, по общепринятым данным, коэффициент этого разрыва доходов равен 14, а в Москве (этом главном ядре, в этом всеопределяющем пункте общероссийской социальной системы) – 41 (!). И это – по официально признанным данным, в действительности он значительно выше и продолжает нарастать просто чудовищными темпами (например, по данным ученых из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, коэффициент составляет 50–55). Достаточно сказать, что при нижайшем уровне жизни, гнетущей бедности основной массы населения мы на 2–3 местах по числу долларовых миллиардеров. И число их, несмотря на все кризисы, продолжает расти гигантскими темпами: в 2010 – 62 и в 2011 – 101.

Вот эти 10% «богатых», эти сто семейств миллиардеров и являются действительными хозяевами нашей жизни (разумеется, в тесном союзе с основной массой высшего чиновничества).

Знаки бедствия

Почему это знак бедствия? Почему это означает канун социальной катастрофы?

Потому, во-первых, что эта «монополия олигархической сотни» напрочь разваливает национальную экономику. Это, ведь, – конец нормальной экономической конкуренции и свободного, демократического, цивилизованного рынка. Эти сто семейств властно диктуют правила поведения, жестко определяют характер деятельности всех экономических субъектов, подавляя самостоятельность среднего и малого бизнеса, подчиняя своему диктату деятельность государственных предприятий.

Печальным по своим результатам было планирование советских времен: административно-чиновничий раж, жесткая мелочная опека всего и вся душили инициативу производителей, лишали их стимулов успешной, активной деятельности. И всё-таки тогда – пусть в уродливых формах – но чувствовалось стремление учитывать общественные интересы и потребности. Экономическое же самодержавие «ста семейств» совершенно исключает всякий разговор об общественных потребностях и национальных интересах. Тут доминирующий мотив деятельности: максимальная прибыль в возможно более короткие сроки и любыми способами. А кратчайший путь к этому – захват, эксплуатация и распродажа (в первую очередь, – за рубеж, где более надежный и развитый рынок) природных ресурсов страны. И – превращение национального «рынка» в некую систему бесконтрольной деятельности монополистического, олигархического, криминально-рекиртинного капитала. С использованием в этих целях не только экономической миллиардно-долларовой мощи, но и средств прямого насилия – осуществляемые через создаваемые олигархами отряды частной вооруженной охраны, через оплачиваемые ими коррупционированные круги чиновничества политических и силовых ведомств.

Потому, во-вторых, что самодержавно господствующий криминально-олигархический капитал губителен не только для национальной экономики, но и, что не менее важно, – для всей культуры общества. Многие века мудрые гуманисты в истории человечества

мечтали о создании общества, где стало бы возможным всесторонне и универсальное развитие каждого человека. Для криминально-олигархического капитала всё в этом мире (и человек, в первую очередь) – это средство для приумножения его барышей. Люди для него – это приставленный к нефтяной вышке или газовой трубе рабочий скот (желательно – чтобы бесправный, работающий без ограничения времени и за нищенскую зарплату). Криминально-олигархическому капиталу не нужны социальные программы (вычет из прибылей!). Он будет делать всё, чтобы уйти от налогов или сократить их до минимума (тема национального бюджета его не волнует).

Ему не нужна система образования, которая способствовала становлению самостоятельно мыслящих, всесторонне (технически и гуманитарно) образованных людей. Его идеал – безропотные исполнители, гнувшие спины за кусок хлеба; ему нужно бессловесное, обслуживающее его быдло. Через угодливых и хорошо оплачиваемых чиновников он вторгается в систему образования, коммерциализируя, корежа ее.

Он уничтожает систему государственно-медицинского обслуживания граждан. Создавая для своего круга «элитные» поликлиники и больницы с суперсовременным оборудованием и повышенной оплатой медперсонала, он доводит до нищенского уровня государственные медицинские учреждения («здоровье нации» – это не из его лексикона)

Он уничтожает художественную культуру нации, оплачивая, продвигая, навязывая для «быдла» те предельно пошлые, «блевотные» телесериалы и шоу-действия.

И, наконец, «жилищный вопрос. Для нации он сегодня становится вопросом номер один. Ибо это самое первое условие выживания – крыша над головой. Вон они стоят по всей Москве выстроенные лужковской командой полузаселенные небоскребы – с квартирами по совершенно недоступным, просто по заоблачным для нормальных людей ценам. Недавно увидел, как олигархическое телевидение честит Никиту Хрущева – и такой-то он, и сякой. И я понимаю, почему он так ненавистен олигархам: он всерьез пытался сделать хоть что-то полезное для граждан. И в экономической, и в политической сферах. И среди прочего – его «хрущобы». Ах, как потешается над ними в своих многосотметровых апартаментах современная криминально-олигархическая братия – над их низкими потолками, совмещенными санузлами, малюсенькими кухнями и жалкими, недолговечными

панельными стенами... Но мы-то, современники тех лет, знаем, что это была настоящая народная жилищная революция – великая, по масштабам и возможностям того времени. Сколько сотен тысяч семей переехало тогда из подвалов, бараков, коммуналок в новое (и заметим: практически бесплатное) жилье. Разве сегодня можно ожидать такого?

И тут, мои дорогие друзья, для яркости картины и прояснения моих мыслей, я сделаю одно небольшое лирическое экономическо-политическое отступление. Ситуация нынешнего социального противостояния лучше просматривается через призму конкретных бытовых картин. К тому же описываемая мной ситуация относится к подмосковной местности под символическим и точно характеризующим суть описываемого противостояния – «Раздоры».

Раздоры

(лирико-экономическо-политическое отступление)

Вы были когда-нибудь в Раздорах? Если бы лет 20, или даже 10, тому назад вы (воскресным утром, зимним, летним ли – это всё равно) вышли на платформу этой, тогда милой, тихой, окруженной со всех сторон густым лесом, подмосковной станции, вы увидели бы, как из вагонов электрички вытекают ручейки людей – в выдавших виды спортивных одежках и с волейбольными мячами в рюкзаках. Симпатичная, «рядовая» московская интеллигенция – инженеры, учителя, врачи, рабочие – лесное волейбольное братство. Вы увидели бы, как потекут эти «ручейки» – по лесным тропкам, пересекая васильковые поляны и заливные «тургеневские» луга, – к волейбольным площадкам, обустроенным среди сосен и дубов этим славным людом. Десятки, да, наверное, сотни самодельных «спортивных арен»! Вы услышали бы вскоре то там, то здесь раздающийся звон мячей, веселый гомон «ушедшей в леса» (так там шутят!) интеллигенции. А если бы вы имели возможность подольше побродить в этом лесном царстве, вы, спустя некоторое время, увидели бы, как снимаются волейбольные сетки со вкопанных в землю столбов, как скручиваются разноцветные ленты контуров, обозначающих квадраты игровых площадок, и как на самодельных бревенчатых столах расставляются миски с нехитрой снедью (а иногда – и бутылочкой, если праздник или чей-то день рождения). И, конечно, – песни, как же русскому человеку без застольного пения!

А когда солнце будет уплывать за макушки деревьев, всё это лесное братство аккуратно сложит в мусорные мешочки отходы своего «пиришества» (ни единой бумажки, ни единой косточки или бутылочки не оставит – такой это народ!) – и потекут обратно человеческие ручейки в двери вечерней электрички – в Москву; в понедельник, чуть свет – на работу, по больницам, школам, цехам, конструкторским бюро.

Это – если бы вы приехали туда 20–10 лет тому назад.

А сегодня? Попробуйте приехать туда сегодня. Где эти заливные «тургеневские» луга, где пришвинские лесные тропы, где «мелькающие в поле» апухтинские «васильки»? Всюду – трех-, четырехметровые глухие заборы с колючей, пущенной поверху, проволокой (не с пропущенной ли по ней током?), у ворот – баскервильские собаки, с теленка ростом. А вон вдоль той опушки леса, где так славно было пробежаться к ручейку – охладить родниковой водицей разгоряченное волейбольными сражениями лицо, – о, сегодня здесь – высоченный каменный забор, а на месте лесной тропки – асфальтовая гладь, но на которую не ступи: видите шлагбаум с нарисованным на нем и перечеркнутым красным крестом человечком: проход запрещен! Асфальт – только для мерседесов заборных обитателей. Я, для интереса, в порядке эксперимента, поднырнул под шлагбаум и двинулся по асфальтовой (некогда – лесной, в васильках) дороге к тому бегущему по дну овражка родниковому ручейку. Неужто пальнут из чего-нибудь или волкодава какого направят? Обошлось, ни выстрелов, слава богу, ни злобных собак. Чувствовал только, как пристально смотрят мне в лицо и спину расставленные поверх забора телевизионные «глазки». И все же не довелось мне до ручья того добраться: все подходы к нему перекрыты такими же могучим заборами, за которыми, сверкая евроокнами и хрусталем угадываемых за ними люстр, высились – почти средневековые – замки, а в редких заборных просветах промелькивали оранжевые, хорошо ухоженные теннисные корты...

А по телевизору один напористый журналист изо дня в день третирует одного, не удобного власти, политика – что у того-де что-то там не так с покупкой дачи. А как же десятки раздорских дворцов? Или там – все, удобные власти? И не за одним ли из тех заборов поигрывает в теннис тот шустрый журналист?

Посудите сами: как без «вмешательства», без «усиления роли» государства (разумеется, не чиновно-бюрократического, а – представляющего интересы граждан) – как без этого обойтись? Хотелось

бы, конечно, чтобы это «вмешательство», это «усиление» были минимизированы, даже рискнем сказать так: максимально минимизированы. Но как снести тот шлагбаум с перечеркнутым красным крестом фигуркой идущего человека? Как развалить те «средневековые стены», чтобы нормальный (не зазаборный!) человек смог беспрепятственно пройти к ручью в овражке или выйти на лесную тропинку, не оккупированную хищным собственником? Как уговорить и усмирить эту армию «личной охраны» тех дворцов, вооруженную самым современным огнестрельным оружием? Вот и приходится мечтать о силе, которая была бы способна сломить вашу силу, думать о – ну, куда уж тут денешься? – о революционной диктатуре народа. А вся сложность ситуации состоит в том, что никто не сможет дать гарантии, что спровоцированная вами, господа «сильнейшие», «народно-революционная диктатура» не превратится со временем – как это уже бывало не раз в истории – в диктатуру контрреволюционную и антинародную. Ответственность за такой ход и исход событий несете, в первую очередь, вы, творцы и прославатели неравенства, идеологи невмешательства организованных общественных сил в вашу, «свободную», деятельность по «приватизации» принадлежащих всем или созданных всеми предшествующими поколениями национальных богатств – вынуждая униженный и придавленный народ к радикально-революционным действиям.

Но, конечно, и революционеры с реформаторами тут не без греха. Ими, как правило, не осознавалась (а потому и не решалась) задача исключительной важности, тонкости и трудности: найти МЕРУ такого «вмешательства», такого «усиления» государства – которые были бы достаточны для того, чтобы сломить вашу бесчинствующую, господа «сильнейшие», силу, и которые, с другой стороны, содержали бы в себе иммунитет против превращения революционной (реформаторской) власти в новую тиранию. (И главное здесь: отдавать себе ясный отчет, что этатизм такого рода должен быть «демократическим этатизмом», то есть «вмешивающееся» государство должно быть не органом бюрократического сословия, а институтом инициативы и деятельности самых широких слоев граждан).

Что делать и кому делать?

Но довольно лирики. Вернемся на дорогу сухого социально-политического анализа. Я просто обязан ответить на вопрос, к

которому подводило всё мое предшествующее изложение: «Если внутри самой олигархической системы нет рычагов сдерживания, ограничения этого самодержавия союза олигархического капитала и современного чиновничества, если конституционные поправки, к которым призывают Игорь Клямкин и Лилия Шевцова, не в состоянии, по моему убеждению, радикально повлиять на ситуацию, то что же делать, чтобы предотвратить надвигающуюся национальную беду? И к кому обращаться со своими сентенциями?».

Я думаю, в свете всего вышеизложенного, ясно, что не может быть ничего глупее и бессмысленнее, как обращение к высшему чиновничеству, депутатам, лидерам парламентских партий (представляющих просто разные группы, разные фракции современного номенклатурного сословия).

Значит?

Значит, у нас остается единственный адрес обращения: гражданское общество, те интеллектуальные, культурные, политические силы, которые способны взять на себя функцию выражения его, гражданского общества, интересов.

Ну, и с чем же обратиться? К чему звать?

Начну с довольно скромного призыва: всерьез изучать логику современного социального процесса. Постараться ответить на вопрос – не «куда вести Россию?», а – «куда идет Россия?». И только поняв эту логику объективного направления движения, имеет смысл ставить вопрос: а как можно встроиться в эту логику, как изнутри повлиять на нее, как повлиять на маршрут движения, как изменить его?

И тут, прежде всего, неплохо бы избавиться от некоторых ходовых и бессмысленных постулатов, претендующих на то, чтобы выразить эту логику.

Вот сегодня многие (от Зюганова до самых радикальных либералов) с претензией на глубокомудрие заявляют: «Лимит на революции для России исчерпан. Только эволюция!»

Откуда вы это взяли, господа? Какие у вас есть основания для подобных утверждений? То, что вы не хотите, не желаете социальных изменений через революции, то, что вы хотели бы предупредить их и подтолкнуть российское общество на реформистский, эволюционный путь – это одно дело. Другое – куда, независимо от ваших волей и желаний, катится колесо российской истории?

Я бы, господа, не зарекался ни от чего. Какие формы могут принять те или другие социально–политические изменения – зависит не столько от желаний тех или других политиков или публицистов, сколько от воли народной, и еще во многом от того, насколько эта воля будет детерминирована деятельностью господствующих социальных и политических сил. Скажу вещь, может быть, парадоксальную, но подтверждаемую всем историческим опытом: революции подготавливаются не столько пропагандой и деятельностью народных вожakov, сколько политикой господствующих социальных и политических сил. Наиболее дальновидные мыслители, которых принято называть «революционными идеологами», к примеру – Радищев, Герцен, Чернышевский (в «Письмах без адреса»), стремились предупреждать правящие круги о том, что их классово–эгоистическая политика может привести к революционному взрыву (который может обернуться большой бедой не только для правящего сословия, но и для неподготовленных к собственному правлению масс народных) и давали рецепты глубоких реформ, способных удержать общество от революционных катастроф. И только тогда, когда правящие силы, по причине своего экономического эгоизма и политической недальновидности, доводили общества до социального кипения и когда, доведенные до отчаяния правящим беспределом, массы выходили на улицы – тогда многие из этих «революционеров–реформаторов» вынужденно вставали во главе бушующих народных сил, дабы смягчить их чересчур разрушительные («бессмысленно–разрушительные») устремления, снизить уровень «беспощадности» бунта и направить его в созидательное, максимально цивилизованное русло.

Повторяю: революции «готовят», в первую очередь, корыстолюбие, эгоизм и бездарность правящих. Революция готовится теми, кто монопольно, самодержавно и самодурно правит обществом, кто не умеет отступать, идти на компромиссы, самореформироваться. Не можешь самореформироваться? – Тебя реформируют другие. Будешь долго и злобно упираться, стремясь всеми способами удержаться у власти – готовься к взрыву народной стихии, в том числе, к бунтам беспощадным и нередко, увы, бессмысленно–беспощадным.

В общем, каких–то абсолютных гарантий против революций никто дать не может. «Лимит на революции» будет «исчерпан» только тогда, когда будет «исчерпан» лимит на наглое политическое насилие, на криминально–олигархическую деятельность. Не желаете тя-

желех последствий для себя (и для страны) – приступайте, в союзе с гражданским обществом, к глубоким, масштабным социально-экономическим и политическим реформам. Не откладывая ни на один день. Сегодня, сейчас.

Ну, а что же самому гражданскому обществу делать? Пассивно ждать, пока «элита» прочухается и начнет самореформироваться? Но надежды на это мало, уж больно вольготно обустроилось «высшее» наше общество.

Наверное, главное сегодня для небезразличных к судьбе отечества граждан – понять, что корни наших бед и главные причины грядущих опасностей не в сфере политики и права, не в несовершенстве «выборов» или тех или других «статей Конституции». Это всё следствия, второстепенные вещи. Главное – в нашем социально-экономическом устройстве, главное – в самодержавии олигархического сословия и его союзников в политической системе. Сосредоточиться на понимании этого, на разъяснении этого другим, на коллективном поиске ответов и решений на этом, а не каком-то другом направлении. По-видимому, мы должны пройти полосу просветительской деятельности – так, как это было накануне великих событий в Европе (Нидерландах и Англии 17 века, Франции – 18-го, и России – 19-го). Герцен как-то сказал: «Нельзя освободить человека вовне больше, чем он свободен внутри». Задача Нового Просвещения и состоит, в частности, в том, чтобы основная масса граждан овладела новым типом политической культуры – гуманистическим и подлинно демократическим. И постепенно, в процессе такого рода просветительской деятельности, и будет вырабатываться план дальнейших действий гражданского общества.

Б.Ф. Славин

**«Либеральный социализм»
Карло Россели и марксизм**

Почему сегодня в России возникла необходимость говорить о «Либеральном социализме» – книге, которую Карло Россели написал в конце 1920–х годов прошлого века? Казалось бы, какую актуальность она может иметь в наши дни?!

Я думаю, что ответ на этот вопрос коренится в новейшей истории России, которая, с одной стороны, показала неэффективность бюрократического социализма, приказавшего «долго жить» на рубеже 1990–х годов, а с другой стороны, полную неэффективность либеральной политики, которая привела в нашей стране к «потерянному десятилетию» 1990–х годов. Таким образом, в России мы получили крушение двух исторических моделей: – тоталитарного социализма и связанного с ним догматического марксизма, и банкротство радикального либерализма, который пытался с помощью «невидимой руки» рынка построить в конце XX-го – начале XXI века «капиталистический рай», на практике оказавшимся для миллионов людей сплошным адом.

Крушение этих двух исторических моделей заставляют нас обратить внимание на тех, кто еще в первой трети XX века пытался теоретически преодолеть негативные стороны как догматического марксизма, так и радикального либерализма. Именно таким теоретиком был Карло Россели с его идеей либерального социализма.

В 1920–е и 1930–е гг. прошлого столетия Карло Россели был известен как антифашист – практик, а между тем, он претендовал на значительную теоретическую нишу в истории социалистической мысли. Он сравнивал себя с Бернштейном, который написал в конце XIX века работу по критике марксистской теории социализма. В тоже время, по мнению Россели, критика Бернштейна не носила принципиального характера: она затрагивала лишь некоторые частные вопросы этой теории. В свою очередь, Россели считал, что он дал переосмысление самих основ марксистской доктрины. Говоря о кризисе марксизма в XX веке, он писал: «Этот кризис – все тот же кризис марксизма, но на стадии бесконечно более острый, чем

тридцать лет назад, когда появилась знаменитая книга Бернштейна. Ныне идет переосмысление не практических выводов, но самых первооснов доктрины»¹.

Марксизм или его догматический антипод?

Следует сразу отметить, что Россели во многом заблуждался, считая, что дал принципиальную критику «первооснов марксизма». На самом деле, внимательный анализ содержания его книги свидетельствует не о критике таких основ, а о критике вульгаризированного, догматического марксизма, появившегося в начале XX века и ставшего позднее ведущей идеологией сталинского тоталитаризма.

Анализ книги Россели показывает, что он связывал с марксизмом сугубо экономическую и фаталистическую трактовку истории, к которой основоположники марксизма не имеют никакого отношения. Зародыши подобной трактовки в свое время зафиксировал сам Маркс, сказав о ее авторах, что если они считают себя марксистами, то в этом случае «ясно одно, что сам я не марксист»².

Критикуя марксизм, Россели постоянно отождествляет исторический материализм с механистическим детерминизмом, по которому люди не играют ведущую роль в истории, выступают в ней в качестве своеобразных марионеток, подчиненных таким, по его мнению, внеличностным и абстрактным категориям как «производительные силы» и «производственные отношения». Он пишет: Маркс «не требовал от социализма подвигов веры и романтических умозаключений; более того, рыцарям идеала он не доверял. Он требовал от социалиста трезвого применения холодного безрассудства, мужественного признания исторической действительности. Социализм вызревает в действительности, во внутренних механизмах капиталистического общества, а не в сердцах людей. Он должен наступить, и не наступить не может; но не в результате действия воображаемой человеческой свободной воли, но сил намного более могущественных, чем люди и их взаимоотношения — производительных сил в их непрекращающемся росте и развитии»³.

¹ Россели К. Либеральный социализм. М., 1989. С. 17. (Далее ссылки даются по этому изданию).

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч.Т. 35. С. 234.

³ Россели К. Указ соч. с. 19.

По мнению Россели «в марксистской системе мы имеем дело с человечеством *«sui generis»*, состоящим из людей, несвободных по определению, действующих по принуждению необходимости... С точки зрения психологии, человек у Маркса – это *«L'homme éconômicus»* Бентама; это его психологическая константа, наряду с национальностью, климатом и др... Маркс посвятил всю жизнь изучению одной стороны вопроса — затрагивающей внешний мир — и совершенно не интересовался другой стороной, относящейся к миру сознания»¹.

Я так много цитирую Россели, чтобы подчеркнуть его во многом субъективистское восприятие классического марксизма. На самом деле, марксизм отводит большое место взаимодействию материальных условий и сознательной деятельности человека, общественных отношений и свободной воли людей, обеспечивающей, в конечном счете, их социально-политический выбор. Об этом же говорят и факты объединений трудящихся в профсоюзы, политические организации, их сознательное участие в забастовках, митингах, демонстрациях, которым Маркс придавал большое значение. Для него без деятельности людей нет и не может быть никаких законов истории, никакой «железной необходимости» наступления социализма и коммунизма. «Коммунизм, – писали Маркс и Энгельс, – отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»².

Россели часто приписывает Марксу теоретические позиции, о которых он ничего не говорил и не писал. Так, в подлинном или аутентичном марксизме производительные силы и производственные отношения являются не анонимными экономическими силами, а силами и отношениями самого человека. Что касается живой человеческой личности, то она, по Марксу, конечно, не тождественна *«homo éconômicus»*. Напротив, последний есть проявление социального отчуждения человека в буржуазном обществе, которое Бентам и другие представители буржуазной философской и экономической мысли принимали за истинное понимание человека. Не случайно

¹ Россели К. Указ соч. С. 24.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3, с. 70–71.

Маркс их резко критиковал в своих работах, начиная с «Немецкой идеологии» и кончая «Капиталом». Главный вывод его работ можно свести к одному тезису: исторический прогресс общества со временем перестанет быть регрессом в развитии личности. Человеческое общество в этом случае станет условием не порабощения, а «свободного развития индивида» – марксистского идеала, под которым подпишется каждый социалист и последовательный либерал.

Что касается истории, то Маркс не видел в ней некое анонимное лицо или сверхчеловеческое начало, которому люди вынуждены подчиняться как марионетки. Наоборот, по его мнению: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека».¹ Маркс был уверен, что человечество рано или поздно осуществит свой исторический переход от сугубо стихийной стадии развития к сознательной стадии, от господства вещей над человеком к господству человека над вещами, от власти прошлого над настоящим – к власти настоящего над прошлым, от «царства необходимости» – к «царству свободы».

Как понимать свободу

Россели утверждает, что основоположники марксизма в своем детерминистском понимании истории и необходимости наступления социализма полностью игнорировали роль человеческой нравственности, сознания и свободы. Он писал: «Если не признавать сферы свободы, то есть утверждать, что человеческая воля при заданных обстоятельствах должна двигаться в определенном направлении, тогда проявление человеческой воли низводится до уровня следствия, а не равноценной причины. В обоих случаях попытка примирить марксизм с недетерминистской его интерпретацией обречена на провал» (Карло Россели. Указ соч., с. 25)

Как мы видим, здесь Россели под детерминизмом понимает сугубо механистическую причинность (движение воли «в определенном направлении»). Однако Маркс никогда не сводил законы исто-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 2, с. 102.

рии к механистическому или «фаталистическому детерминизму» (термин Россели). Уже со времен своей докторской диссертации он считал свободу важным моментом развития природы и общества. Для него законы истории всегда выступали как тенденции, которые пробивают себе дорогу через множество случайностей в жизни и поведении людей. Достаточно прочесть известные исторические работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др., чтобы понять всю абсурдность его обвинений в механицизме и схематизме его исторического мышления и диалектико-материалистического метода.

Человеческая личность для Маркса также никогда не была только пассивным результатом действия анонимных экономических сил или обстоятельств. При определенных условиях, человек, по его мнению, в состоянии сам изменять и творить эти обстоятельства. Не случайно он говорил в «Тезисах о Фейербахе» о том, что «воспитатель должен быть сам воспитан». Социальная борьба и революции являются тому характерным подтверждением. Задача социалистической теории и пропаганды и состоит в том, чтобы готовить массы к этой борьбе. К сожалению, в фактах сознательной подготовки масс к революционной деятельности, о которых прямо говорит научный социализм, Россели видел только «противоречивость» марксистской «доктрины социалистического движения»¹.

Следует отметить, что понятие свободы у основоположников марксизма, как и у Гегеля является ключевым понятием. Но в отличие от Гегеля, они дали ему сугубо материалистическое обоснование. В отличие от идеалистической трактовки свободы, как только «осознанной необходимости», они показали ее материалистические корни, лежащие в трудовой деятельности людей, в их общественно-исторической практике. Свобода, с точки зрения аутентичного марксизма, нарастает по мере развития труда, материального производства и научных знаний. Она есть не только «осознание необходимости», но основанная на этом осознании «могущество», «власть», «господство» человека, класса, общества «над обстоятельствами и отношениями»². В отличие от либеральных теоретиков и экономистов, они связали понимание и осуществление свободы не только с от-

¹ Россели К. Указ соч., с. 28–31, 40 и др.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 143. Т. 3, С. 292, 298. Т. 20. С. 116 и др.

дельным индивидом, как правило, частным собственником, а со всем обществом, и, прежде всего, с трудящимися.

По Марксу, свобода не только факт нашего сознания, но, прежде всего, результат практического действия. Она, говоря словами Маркса, есть «преодоление препятствий»¹. Раб, осознавший невыносимость рабства, еще не свободен: лишь встав на путь борьбы с ним, он обретает свободу. Пролетариат также лишь тогда добивается свободы, когда овладевает политической властью, становится господствующим классом в обществе. Вот почему классики научного социализма считали основным вопросом революции вопрос о власти. Собственно социализм начинается там и тогда, где и когда рабочий класс, трудящиеся приходят к политической власти, где власть используется в интересах трудящихся, для их полного освобождения от всех форм рабства и угнетения. Там же, где государственная власть отчуждена от трудящихся и заменена, например, властью бюрократов, мы имеем дело либо с деформацией социализма, либо с отступлением от него. Тогда, говоря словами Маркса, возникает «фальшивый социализм». Вот почему бюрократизм – враг социализма. Он прекращает живое творчество масс, ликвидирует их свободу, подменяя ее директивами и указаниями сверху.

Классики марксизма использовали категорию «свобода» не только для обозначения конечной цели революционной борьбы, как полагал Россели, отождествляя эту цель только с «коммунизмом»². Она наиболее полно выражает сознательное отношение людей к условиям их текущей жизни. Без нее невозможно управление общественными отношениями и ходом истории. В таком понимании свободы человек рассматривается не как пассивный объект управления, а как творческий и активный субъект деятельности или самостоятельности. В этом смысле стремление Россели соединить либеральную идею свободы, означающую активность и самостоятельность человеческой личности с идеей социализма, ни только не является чуждой аутентичному марксизму, но во многом с ним совпадает.

По моему мнению, у Россели и его концепции либерального социализма есть свои исторические предшественники, в частности, такой известный французский мыслитель и последователь Сен-Симона, как Пьер Леру. Дело в том, что Пьер Леру являлся не только

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 2. С. 109–110.

² Россели К. Указ соч. С. 24.

автором слова «социализм», который он изобрел в начале XIX века: он впервые показал, как его следует понимать. В частности, он считал социализм, нивелирующей личность, «абсолютным социализмом», или настоящим «папством». В тоже время он дал принципиальную критику индивидуализму, или эгоизму, который порождает произвол личности и полностью игнорирует интересы общества. По мнению Леру свобода индивида не должна противоречить свободе всех остальных людей. Я думаю, что Маркс и Россели, живя долгое время во Франции, были знакомы с этими мыслями Леру, что проливает свет как на известную формулу социального идеала Маркса: «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», так и на понятие «либеральный социализм» Россели.

В поисках новой теории социализма

Что же заставило Россели провозгласить концепцию либерального социализма? Как он сам говорил, осознание «кризиса марксизма», возникшего в первой трети XX века. Что он понимал под этим кризисом? Прежде всего, неспособность теории научного социализма дать ответ на новые общественные условия, возникшие в XX веке под влиянием развития капитализма и политической борьбы рабочего класса. В этой связи, Россели писал, что с ростом рабочего движения и усилением его борьбы с капиталом появились политические свободы, общественные законы, правовое государство, профсоюзы и массовые рабочие партии. Последние были вынуждены «примирить непримиримое: теорию и практику, миссионерскую упрощенность их конечной программы с конкретными требованиями профсоюзов, революционную тактику и жесткую линию классовой борьбы с повседневной практикой совместных действий и сотрудничества с профсоюзами. Во имя конечной цели социалистические партии обнаружили себя вынужденными заняться малыми делами в пользу скромных рабочих организаций или требовать удовлетворения их частных требований, компрометируя свою революционную чистоту ради бесконечной вереницы мисок с чечевичной похлебкой. Но выбора не было. Нарастающая волна пролетарского движения с падением плотин реакции неудержимо разлилась, затопляя прежде неизвестные территории, опрокидывая теоретические стены, преодолевая все логические преграды, все анафемы и заповеди «Манифеста».¹

¹ Россели К. Указ соч. С.36.

К сожалению, Россели не конкретизирует, какие «анафемы и заповеди «Манифеста» «преодолела» нарастающая волна пролетарского движения. Он лишь заявляет, что профсоюзное движение в основе своей. «отвергало марксистские тезисы, утверждая возможность и желательность постепенного преобразования буржуазного общества, движения по пути голосования, переговоров, агитации, т.е. демократических методов... Пролетариат после подъема профсоюзного и кооперативного движения и завоевания политических свобод, все отчетливее осознает ложность утверждения, будто бы ему ничего терять и все возможно приобрести в социальной катастрофе.

Пролетариат, особенно в наиболее развитых странах, осознает, что обеспечил себе достаточно высокий уровень жизни и целый комплекс прав и общественных институтов, прав, которые возможно сохранить, лишь оберегая социальную структуру от сильных потрясений, и прежде всего поддерживая неизменным производительный уровень и темп развития»¹.

Читая эти откровения Россели, трудно освободиться от ощущения, что его взгляды в данном случае является проявлением сугубо реформистской линии в рабочем движении. Да, он и сам это признает, считая, что «реформистское вырождение» рабочего класса «длится уже более полувека, с каждым годом усиливаясь, и с ним теперь вынуждены считаться и наиболее ортодоксальные марксисты»².

Следует отметить, что марксисты, конечно, не проходили мимо позитивных изменений капитализма и рабочего движения на рубеже XIX-го и XX-го веков. Они также считали большим достижением рабочего класса и его партий, например, отмену реакционного «Закона о социалистах» в Германии, создание массовых политических партий рабочего класса, первых побед социалистов на парламентских выборах и т.д. Вместе с тем, они полагали, что эти завоевания демократии являются лишь необходимым условием дальнейшей борьбы за социализм, в отличие от реформистов, видящих в них полное осуществление своих конечных целей и идеалов.

«Ортодоксы» и «ревизионисты»

По мнению Россели реформистская практика рабочего движения породила существенные изменения в социалистической

¹ Россели К. Указ соч. С. 36–37.

² Там же.

идеологии, связанные с распространением правого и левого ревизионизма, который стал одним из идейных источников теории либерального социализма. «В настоящее время, – писал Россели, – нет необходимости прикладывать большие умственные усилия для изобретения более свежей, плодотворной и насущной позиции. Она уже потенциально живет в ревизионистской критике и прогрессивно осуществляется в рабочем движении. Проблема скорее заключается в том, чтобы скрытое сделать явным, освободиться от большого количества шлаков, засоряющих до сих пор идеологию, назвать вещи своими именами. Ревизионистский неомарксизм и рабочая практика представляют собой соответственно теоретическое и практическое лицо новой концепции либерального социализма, в котором проблемы социальной справедливости и общественной жизни могут и должны рассматриваться на том же уровне, что и проблемы свободы и индивидуальной жизни»¹.

В этой связи, Россели значительное место в своей книге отводит анализу ревизионизма в европейском рабочем движении и, прежде всего, в Италии. Он считает, что «ревизионизм следует воспринимать скорее не как систематическое усилие критики и интеграции марксизма, производимое группой солидарных с ним авторов, а как протест, разнообразно выраженный и мотивированный, молодого поколения социалистов против плоского конформизма чистых марксистов, неспособных приложить теорию к новой практике рабочего движения и воспринять идею социализма, которая не была бы тесно связана с материалистической позицией в философии»². С его точки зрения. «весь ревизионизм, и правый, и левый можно свести к умению ввести в систему марксизма понятие воли и оптимизма в рабочем движении». Тот же ленинизм, по его мнению «при всем уважении к букве марксизма, всего лишь развил самостоятельным и оригинальным образом все волюнтаристские аспекты системы, т. е. учение о переходных периодах истории, роли диктатуры и террора»³.

Оставим на совести Россели трактовку ленинского вклада в развитие марксизма, отождествленного «с диктатурой и террором»: критика Лениным «политики военного коммунизма» и его идея нэпа полностью ей противоречит. Тем не менее, попытаемся понять,

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 116.

² Там же. С. 39.

³ Там же.

что имел ввиду Россели, когда связывал возникновение ревизионизма со стремлением молодого поколения социалистов заявить протест, «против плоского конформизма чистых марксистов»? Был ли подобный конформизм в левом движении в первой трети XX века?

Надо отметить, что болезнь подобного конформизма была и в это время и позднее: она проявилась почти во всех коммунистических, социалистических и социал-демократических партиях Европы и России. Идеологи этих партий, к сожалению, догматизировали многие положения марксизма, превратив его тем самым в некую неизменную схему исторического процесса, которая подменяла собой живую историю людей с ее борьбой классов, интересов и идей. Этот схематизм можно обнаружить во многих политэкономических работах К. Каутского, историко-философских и эстетических произведениях Г. Плеханова, учебниках по истмату Н. Бухарина и других «ортодоксов» марксизма. Благодаря им под марксизмом стали понимать не живое революционное учение об освобождении рабочего класса и конкретности истины, а голые схемы о существовании и строгой последовательности смены пяти исторических формаций, не допускавшей никаких исключений, о полностью зависящей от базиса надстройки, о «железных» законах истории и т.д. Именно эти и другие догмы экономического марксизма и воспринимал Россели за подлинный, или аутентичный марксизм, против них он и восстал в своей книге «Либеральный социализм». В этом смысле его книга представляет непреходящий интерес, но ее следует рассматривать не как опровержение классического марксизма, а как критику его догматических извращений и псевдонаучной популяризации.

Разрабатывая теорию либерального социализма, Россели во многом использовал наработки европейского ревизионизма. Он полностью воспринял его идеи о важной роли духовных факторов (право, мораль, религия, исторические традиции и т.п.) в реальной жизни наряду с техническими и экономическими факторами. Он отказался от идеи исторической и экономической необходимости социализма, концепции «революционных катастроф», «теории трудовой стоимости» и т.д. «Ревизионизм, — писал Россели, — отбросил детерминизм и поставил человека, во всей целости его бытия, — а не как элемент производства — в центр истории...; отрицал неизбежность и насилия, и диктатуры, и их роль в рождении нового общества, с цифрами в руках доказывал ошибочность знаменитых законов концентрации капиталов, обнищания масс и пролетариатизации, отри-

цал обострение отношений между классами, и, более того, отмечал во всех странах начало демократических преобразований, в которые включалась и буржуазия, все более поворачиваясь лицом к новым общественным потребностям». (Там же, с. 46). Для Россели, как и для Бернштейна социал-демократия «должна больше интересоваться ближайшими задачами, нежели конечными целями борьбы».¹

Солидаризируясь с ревизионистами в критике марксизма, Россели в тоже время обвинял их в малодушии и слабости, которые они проявили в борьбе против «ортодоксальных марксистов», уступив последним политическое поле в XX веке. В итоге последствия были таковы, что большая часть завоеваний ревизионизма была утрачена. Догматический марксизм и конформисты праздновали свою победу, но эта победа не могла быть окончательной, ибо причины идейного кризиса оставались нетронутыми.

Причисляя себя к новому поколению социалистов, которое было свободно от духовных оков догматического марксизма и «малодушия» ревизионистов, Россели приходит к мысли продолжить критику ортодоксального марксизма, сделав ее более радикальной и последовательной. Эта мысль и была реализована в концепции либерального социализма. Созданию этой концепции способствовал, как это не парадоксально, приход к власти фашистов в Италии, наглядно проявивший политический и духовный кризис левых партий

О фашизме

По мнению Россели, пассивная и выжидательная позиция левых сил в Италии перед лицом фашизма была во многом обусловлена догматизацией и схематизацией их социалистической идеологии. Вот как он рисует эту идеологию, утвердившуюся в начале XX века в Италии: «...Потрясающие откровения Маркса свелись к монотонному хору повторений. Слова произносились прежние, но дела были скудны; дух мельчал и заражался утилитаризмом. Никто почти в душе не верил апокалиптическим пророчествам. Самое Слово превратилось в букву, вера в ритуал, мятежник в начетчика.... Молодежь — я имею в виду интеллигенцию — шла за кем угодно, но не за идеями социализма»². Не правда ли, похожая ситуация была в советском обществе, особенно, в брежневское время?

¹ Россели К. Указ соч. С. 39.

² Там же. С. 67.

С приходом Муссолини к власти в Италии левые партии (социалисты и коммунисты) во многом оказались не готовы к новой политической и идеологической обстановке в стране. Их социалистическая идеология (в реформистской и революционной форме), с точки зрения Россели, не могла убедительно раскрыть причины появления и утверждения фашизма в стране, а устаревшие пропагандистские клише противоречили задачам дня. То, что случилось, говорили социалисты, «должно было случиться. Социалистическое движение стало таким, каким оно стало, не по воле людей, но в силу порядка вещей и непостижимости событий. «Вещи» неподсудны. Если на своем долгом славном пути социализм испытал этот внезапный толчок от резкого торможения, это не означает, что его можно было избежать или что в этом виноваты социалисты. Это естественное чередование в борьбе между пролетариатом и буржуазией»¹.

Россели считал, что такие объективистские и во многом фаталистические объяснения прихода к власти фашизма с привлечением задним числом «детерминизма апостериори» не могли удовлетворить молодое поколение. Им нужен был «смелый анализ причин поражения, серьезный пересмотр и самокритика»². В итоге, всегда стремящаяся к активной деятельности, радикализму и новизне молодые люди в массовом порядке стали переходить на сторону Муссолини, который умел их заражать своим деятельным характером, новыми идеями, и радикальными планами переустройства общества.

Как известно, Россели не дождался времени падения фашизма (его убили французские фашисты в 1936 году), но он сумел осмыслить и показать значение этого опыта для социалистов. Он писал, анализируя его: «Фашизм почти совсем лишен конструктивных методов, но обладает ценностью опыта открытия итальянцев итальянцами, чем нельзя пренебрегать. Фашизм поднял проблемы, которые, если даже он и не решил их или решил плохо, нельзя не замечать. Проблема отношений между социализмом и нацией, проблема правительства при демократическом строе, проблема политической самостоятельности — все эти проблемы встанут, после падения фашизма, совершенно новым образом и с насущной необходимостью»³. Следует заметить, что сегодня, с оживлением фашистских организаций в России, левые партии сталкиваются с похожими явлениями и проблемами.

¹ Россели К. Указ соч. С. 160.

² Там же.

³ Там же. С. 159–160.

Россели – итальянец, тем не менее, его идеи очень близки русским людям. Это объясняется тем, что, на мой взгляд, исторически Россия и Италия во многом являются схожими странами. В первую очередь, это относится к психологии рядовых итальянцев и русских. Россели считал, что «века рабства привели к тому, что средний итальянец колеблется сегодня между рабской привычкой и анархическим бунтом»¹. Похожие мысли о русских высказывали В. Ленин и Н. Бердяев. «Католическое образование — языческое как культ и догматическое по существу — и целая серия правительственной опеки на многие века отучили итальянцев думать от первого лица», — пишет в своей книге Россели². То же самое, можно сказать о Православной церкви, правительстве и гражданах прошлой и настоящей России. Наконец, итальянцы, по мнению Россели, «привыкли рассуждать о важных проблемах совести через посредников — настоящий духовный подряд — и потому, естественно, смирились с подрядом в отношении важных проблем политической жизни. Вмешательство Deus ex machina, дуче, укротителя — зовись он папой, королем, Муссолини — часто отвечает их психологической необходимости»³. Похожие процессы и явления мы можем наблюдать и в истории России, где до сих пор в народе сохраняются царистские предрассудки, где короткие периоды демократии и свободы сменяются длительными периодами самовласти.

Следует отметить, что социалистическое движение в Италии и России также имеет много схожих проблем. И там, и там многие социалисты переболели «экономизмом», и там, и там были типичные проявления «детской болезни «левизны» в коммунизме», наконец, и для Италии, и для России до сих пор является актуальной проблема активного сопротивления тоталитарным и фашистским тенденциям в общественной жизни.

Надо признать, что Россели был во многом прав, когда говорил о том, что поведение многих итальянских социалистов перед лицом становления фашизма в 20-е годы «было достойно скорее буддистов или стоиков. Они обреченно разводили руками и шли на муки, будучи убеждены, что не смогут ничего противопоставить наступлению фатума, который уже успели исследовать во всех

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 143.

² Там же.

³ Там же. С. 144.

составных частях, логически оправдав свое поражение, между тем как их противники еще и не помышляли о победе. Очень легко смириться с поражением, если оно вызвано действием «обстоятельств сильнее нас», «незрелостью развития капитализма», «неизбежным периодом роста буржуазии» и т.д., и т.п.».¹ По мнению Россели, марксистски ориентированные социалисты показали свою неспособность глубоко осознать явление фашизма, так как видели в фашизме только «жестокое проявление» классовой реакции буржуазии, стремящейся с помощью насилия «не допустить подъема пролетариата». Россели считал такое понимание ошибочным упрощенчеством, ибо «фашизм нельзя объяснить только классовым интересом. Отряды штурмовиков возникли не только по причине слепой ярости оплачивающих их ретроградных кругов. Сектанство, дух приключений, романтические вкусы, мелкобуржуазный идеализм, националистическая риторика, сентиментальная реакция, вызванная войной, беспокойное желание нового, каким бы оно ни было — безо всех этих причин фашизма бы не было».²

Россели справедливо считал, что сторонники марксизма в левом движении не умеют правильно оценивать действие и роль «пресловутых «иррациональных факторов» и массовых страстей в обществе. Например, они явно недооценили силу национализма, который часто сопротивляется экономической необходимости или, добавим от себя, интернациональной солидарности трудящихся. «В спокойные времена,— пишет он,— ущерб от этой недооценки относительно мал, но в бурные времена кризисов или революций последствия могут быть серьезны. Политическая жизнь раскалена и подвижна, ей можно придавать самые разные формы, именно в силу огромной роли иррациональных элементов. От исторического материалиста это, естественно, ускользает, и он, таким образом, приходит к совершенно неверной оценке действующих сил».³ В итоге Россели делает следующий вывод — обращение к «компасу исторического материализма» в лучшем случае дает возможность определить общее направление общественного развития, но оно не может служить «ориентиром в конкретной деятельности».⁴

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 86.

² Там же. С. 148–149.

³ Там же.

⁴ Там же.

Исходя из этого, он констатирует необходимость мощного интеллектуального толчка, который вывел бы итальянских социалистов из состояния идеологической пассивности. Он пишет: «Время пришло. Даже социалистическая Церковь требует нового свободного анализа и отказа от всяческих догм».¹ Роль такого толчка и должна была выполнить его концепция «либерального социализма», с помощью которой Россели пытался анализировать и прогнозировать движение современного ему буржуазного общества в Италии.

О сути концепции либерального социализма

Говоря о том, как зарождалась эта концепция, Россели замечает: «Я решился предложить, хотя бы и в виде набросков, картину обновленной социалистической позиции, которую предпочитаю называть либерально-социалистической. Исторически эта формулировка, возможно, снимает давнее противоречие: социализм возник именно как реакция на либерализм, прежде всего, экономический, — бывший отличительной чертой буржуазной общественной мысли начала XIX века. Но с той поры пройден немалый путь, накоплен немалый опыт. И позиции первоначально антагонистические постепенно сближаются. Либерализм все больше включается в общественные проблемы и не предстает более неотделимым от классической манчестерской экономики. Социализм, хоть и с трудом, избавляется от утопизма и становится восприимчив к проблемам свободы и самостоятельности.

Что происходит? Либерализм становится социалистическим или социализм приобретает черты либерализма?

Верно и то, и другое. Эти два возвышенных, но односторонних видения мира движутся по пути взаимопроникновения и взаимодополнения».²

В чем же состоит ценность концепции либерального социализма Россели для современного левого движения? Прежде всего, в его попытке показать устаревшие и жизнеспособные стороны как социализма, так и либерализма, в желании дать им новое прочтение. При этом он показывает существенную эволюцию этих понятий, их наполнение новым содержанием по ходу истории.

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 87.

² Там же. С. 17–18.

По мнению Россели для многих людей, привыкших к традиционной политической терминологии, выражение «либеральный социализм» звучит «диссонансом», ибо слово «либерализм» было всегда своеобразной «буржуазной вотчиной». Это имеет свое историческое оправдание, связанное с тем, что буржуазия длительное время отстаивала принципы свободы, равенства и братства. На протяжении веков она была «хранительницей либеральной функции». Борясь против «догматизма церкви и абсолютизма королей, против привилегий дворян и церковников, против мертвого мира замкнутого на самом себе и принудительного производства, буржуазия в течение многих веков воплощала прогрессивные требования всего общества. Сегодня уже нет. Буржуазия одержала верх, завоевала все ведущие позиции, но за этой самой победой ее революционная функция, эта повивальная бабка прогресса, пришла в упадок. Ее уже не подстегивает постоянное стремление к свободе, прогрессу, пересмотру завоеванных позиций; и она уже не поддерживает, как это было в 1989-ом году, универсальный идеал, стоящий выше классовых интересов».¹

В этих словах Россели просвечивает определенное марксистское образование, позволяющее ему диалектически осмысливать сложнейшие исторические явления общественной жизни. Реализуя его, Россели пишет о том, что со временем «буржуазный либерализм создал жесткую, замкнутую систему, поддерживаемую всей совокупностью экономических, юридических, социальных принципов, которые можно выразить в одной формуле: капиталистическое буржуазное государство. Оно еще взывает к старым принципам французской революции, но эти принципы выглядят «застывшими, мумифицированными, лишенными своего внутреннего значения». В итоге к XX веку буржуазия перестает быть по настоящему либеральной. Такая ситуация дает основания для того, чтобы рабочий класс и социалисты перехватили у буржуазии идею свободы, наполнив ее новым содержанием. Тем самым произойдет органическое соединение либерального идеала с социализмом. Сущность либерального идеала Россели формулирует следующим образом. «В самом упрощенном смысле либерализм можно определить как политическую теорию, которая, исходя из предлагаемой свободы человеческого духа, объявляет свободу высшей целью, высшим средством, высшим правилом человеческого общества. Целью, поскольку

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 118.

ку он намеревается добиться такого режима жизни общества, который обеспечивал бы всем людям полное развитие их личности. Средством, поскольку он полагает, что эта свобода не может быть завоевана тяжелым личным трудом в бесконечной смене поколений. Либерализм рассматривает свободу не как естественную данность, но как становление, развитие. Свободными не рождаются, а становятся». (Там же). Вся европейская социал-демократия, и не только европейская, движется к обновленному либерализму, который впитывает в себя мотивы внешне противоположных движений (буржуазное просветительство и пролетарский социализм). «Нельзя быть либералом, не принимая непосредственного участия в деле трудящихся», — заключает Россели¹.

Но если либерализм должен стать «воплощением борьбы пролетариата», то социализм, по мнению Россели «должен стремиться стать либеральным». (Там же). Социализм, как и либерализм, со временем также наполняется новым содержанием. Для Россели «социализм — это ни что иное, как логическое развитие, до самых его крайних последствий, принципа свободы. Социализм, взятый в самом существенном его значении, определяемый в соответствие с результатами — имеется в виду движение за конкретное раскрепощение пролетариата — это либерализм в действии, это свобода, устанавливаемая для бедных людей»².

Россели не ограничивается идеей соединения либерализма и социализма, он показывает социальные причины возникновения нового учения. «Новая вера, — пишет он, — питается происходящей борьбой и подъемом пролетариата на более высокую ступень, усилием всего общества преодолеть узкие и несправедливые границы буржуазного общества, постоянной жаждой справедливости и стремлением к свободе... Нам бы хотелось показать, что социализм, в конечном счете, это философия свободы»³.

Против этих слов невозможно спорить. На самом деле, социализм есть философия свободы. Но об этом впервые сказал не Россели, а все тот же Маркс, предложивший еще в середине XIX века возродить и пробудить в сердцах людей «чувство человеческого достоинства, свободу, которое вместе с греками покинуло этот мир, а при

---

¹ Россели К. Указ соч. С. 116.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 117.

христианстве растворилось в обманчивом мареве царства небесного¹. Ему же принадлежит и мысль о воплощении в действительность идеи свободы путем ее соединения с делом пролетариата².

Обосновывая в своей книге концепцию либерального социализма, Россели считает, что если в прошлом деятельность социалистов носила преимущественно экономический характер, связанный с нищенским положением рабочего класса, изнуряющим и отупляющим характером его труда, то с экономическим улучшением его положения на первый план выходят проблемы культуры, морали, политики, способные качественно улучшить жизнь рабочего, освободив его не только от нищеты и забитости, но и от духовного и нравственного рабства, сделав его свободным в полном смысле этого слова. Он уверен: «Раскрепощение должно быть или полным — телом и духом — или его не будет вовсе»³.

Первые свидетельства такого раскрепощения Россели видел в требованиях рабочего контроля, совместного руководства производством, конституционализации заводского режима, участия в парламентских выборах и т.д. По его мнению, задача нового поколения социалистов состоит в развитии этих первых шагов. Нужно, чтобы «социалистическое движение все больше руководствовалось идеалом самостоятельности и свободы. Объяснять, что для того, чтобы революция была плодотворной, недостаточно завоевания командных центров. Действовать не сверху вниз, а наоборот»⁴. Важны не уставшие программы, а сам «процесс подъема масс и реформа социальных отношений на основе принципа справедливости»⁵. По его мнению, либеральный социалист не должен тешать себя «иллюзией, что владеет секретом будущего», он не должен считать себя «хранителем последней, окончательной истины в социальной области: Социалистический строй будет, но может также и не быть. Он будет, если мы того захотим, если того захотят массы, благодаря сознательному творческому усилию»⁶. Либеральный социалист — это деятель, который в свете нового опыта постоянно пересматривает свою собственную позицию, это человек, который руководствуется не созер-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 1. С. 373.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 1. С. 429.

³ Россели К. Указ. соч. С. 140.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 142.

цанием прошлого или будущего, а руководствуется своей свободной волей. «Действие — вот его настоящий девиз. Он социалист по всей совокупности принципов и опыта; по убеждению, вынесенному из учения социальных явлений; но, прежде всего, по вере, по чувству, по активному участию — вот в чем очищенная суть — в деле бедных и угнетенных¹.

Практические ориентиры

Исходя из теоретической концепции либерального социализма, Россели выдвигает перед социалистическим движением конкретные практические ориентиры «завтрашнего дня». Исходя из уверенности скорого крушения фашизма в Италии и прихода к власти социалистов, он спрашивает: «Какой характер будет носить это возвращение к социалистической жизни. Простое только восстановление в традиционном русле или же свежее и оригинальное возрождение?». Отвечая на этот вопрос в своей книге, он доказывает необходимость именно «оригинального» характера такого возрождения и понимания социализма. В этом смысле, по его мнению, социалисты должны:

– Прежде всего, уметь познавать, понимать и преодолевать причины, способные когда либо вновь породить фашизм. По Россели, «понять – значит преодолеть»².

– Необходимо полное обновление социалистической идеологии в духе лейбористско-либерального мировоззрения и практики. Развитие свободы внутри движения, удаление «догматического нароста и нелепых монополий в области идей и идеологии»,... «дать возможность более свободного выражения всех существующих течений, которыми питалось в прошлом великое движение социального раскрепощения»³.

– Надо полностью преодолеть отставание пролетариата и социалистов в сфере культуры. Для этого надо отказаться от переноса в нее «политической терминологии» и идеи «разделения на классы»⁴. «Культура явление ни буржуазное, ни пролетарское... Можно иметь классовое влияние на искусство, но не классовое искусство. Культура определенной эпохи, определенной нации — это ценное достояние,

---

¹ Россели К. Указ. соч. С. 142.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 166.

которое превосходит экономическое выражение класса и утверждается как универсальное»¹.

– Нужны интеллектуальная терпимость и отказ от господства какой либо одной философской школы, включая «официальную» философию социализма. «Настоящая философия, именно в силу того, что она философия, всегда найдет, в зависимости от конкретного случая, оправдание и своей неизменности, и революции, и реставрации. Гегель подходит ко всем»².

– Необходим, как это сделала лейбористская партия Великобритании, «гениальный федеративный синтез всех сил, борющихся за справедливость и работу», «осуществление постепенной и медленной реформы всего государства»³.

– «Больше заниматься специфическими национальными проблемами, разрушив абсурдную лжепатриотическую монополию так называемых национальных партий». Преодолеть абсолютизацию понятия «интернационализм» и пренебрежение к «самым высоким ценностям национальной жизни». «Сообщество народов определяет народ как самостоятельное целое, со своими собственными путями развития; только органический синтез различных национальных сообществ приведет однажды к федерации наций. Все остальное утопия»⁴.

– Учитывать, что в будущем обществе «будут сосуществовать, наряду с экономиками капиталистического типа, экономики кооперативные, коллективные, индивидуальные, ремесленнические и типа мелкой сельской собственности»⁵.

– Необходим «хороший душ реализма», более тесный контакт со страной и собственным народом, знание его конкретных проблем. Не подменять весь народ только одной его частью: например, рабочим классом или его партией.

– Социалистическое движение «должно по своей природе заниматься интересами и проблемами *всего* рабочего класса, а не какой-нибудь отдельной группы, будь она большой или маленькой»⁶. Оно должно преодолеть возникший «дуализм» между партией и рабочим движением.

¹ Россели К. Указ. соч. С. 166.

² Там же.

³ Там же. С. 169.

⁴ Там же. С. 169–170.

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Там же. С. 177.

– Социалисты, которые «неизбежно составят центр правительства завтрашнего дня, должны быть в состоянии разработать реалистическую программу и гибкую организацию, позволяющие идти на неизбежные уступки в разных слоях населения»¹. Они должны будут «смягчить слишком строгое определение классов, несовместимое с нормальным функционированием демократических институтов. Партия, придя к власти, не должна править для себя, но для всех..... Она должна быть готовой «распространить свои влияния на весь класс трудящихся»². Для либерализма, а следовательно для социализма существенное значение имеет защита демократических институтов и самоуправления. «Необходимо, чтобы народы и классы, вместе с отдельными индивидуумами, управляли бы сами, собственными силами, без принуждения или авторитарного вмешательства»³.

Все эти характерные черты обновленного социализма, считал Россели, должны были лечь в основу будущей программы социалистической партии Италии. В них можно увидеть много общего с тем, что реализовывали в своей политике английские лейбористы, чей опыт высоко ценил автор «Либерального социализма». Это, прежде всего, пристальное вниманием к конкретным экономическим проблемам рабочего класса, тесная связь с профсоюзами, стремлением к постепенным реформам социальной жизни, терпимость к политическому инакомыслию и т.д. Очевидно, что многие из этих черт сегодня являются повседневной практикой современной европейской социал-демократии.

В чем оказался прав Россели?

Особенно актуальны такие требования либерального социализма, как стремление учитывать в экономической политике реальное многообразие форм собственности, включая частную, коллективную и государственную, способность отражать в социалистической политике интересы не только рабочего класса, но всех основных групп трудящихся, полное неприятие «дуализма» интересов партии и рабочего класса, внимательное отношение к национальным проблемам страны, своеобразию ее духовной культуры и т.д.

Следует отметить, что аналогичные требования всегда выдвигались и творческими марксистами. Достаточно вспомнить в этой свя-

---

¹ Россели К. Указ. соч. С. 178.

² Там же.

³ Там же. С. 130, 137.

зи известные мысли Маркса о недопустимости преждевременного отказа от частной собственности и ее исторической необходимости «на известной ступени развития производительных сил»¹. О многом говорит, в этой связи, и письмо Энгельса, в котором он предупреждал социалистов о необходимости реализма и трезвости в политике правящей рабочей партии, взявшей власть в неординарных условиях страны: «В одно прекрасное утро, – писал он, – наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы, в конце концов, проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным»². В том же русле велись и рассуждения Ленина, когда он предостерегал большевиков от увлечения в политике «левой фразой». В частности, осуществляя нэп, он считал преступной поспешностью обобществление мелких хозяйств в Грузии, других регионах страны с преобладающим мелкобуржуазным населением. Эти же вопросы Ленин подымал, размышляя о возможном при нэпе введении многопартийности в стране³.

Как мы уже отмечали, книга «Либеральный социализм» Россели писалась в годы господства итальянского фашизма. Понятно, что в этих условиях она была нацелена на развитие активности и ликвидацию различных проявлений теоретического догматизма и конформизма в левом социалистическом движении. Отсюда же его постоянные призывы открыто дискутировать по важнейшим идеологическим вопросам, решительно отказываясь от того, что мешает вести активную борьбу с фашистской диктатурой. Особенно справедливы его упреки в адрес старших поколений итальянских социалистов, которые, по его мнению, превратили марксистскую теорию в догматическую систему, позволяющую в решающие периоды борьбы с диктатурой, выжидать и бездействовать, прикрываясь ссылками на «объективный ход истории».

Надо согласиться с Россели, когда он, отстаивая свою концепцию либерального социализма, делает существенные критические замечания не только в адрес догматического марксизма, но и в адрес зарождающегося тоталитарного режима в СССР. Так, анализируя

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 3. С. 351.

² Там же. Т. 28. С. 490.

³ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т. 44. С. 502–505.

советскую действительность конца 20-х годов он иронически замечает: «Не является ли Троцкий, проклиная в своей насильственной турецкой ссылке сталинскую тиранию и диктатуру горстки бюрократов, после стольких лет высмеивания «буржуазных» свобод и демократических методов, самым утешительным доказательством насущной необходимости либерализма?».¹ Более объемно эту же мысль Россели выразил в предисловии к его книге Бетино Кракси: «Шестьдесят лет, прошедшие с момента написания «Либерального социализма», с большой точностью и драматизмом подтвердили жизненность политической философии Россели, его критики марксистско-ленинского мессианства, а также его важных выводов о способах соединения принципа свободы с принципом справедливости. Там, где левые силы отказались от либерализма во имя перманентной революции, они встали на путь тоталитаризма, надругавшись над самыми элементарными правами человека. Напротив, там, где была сохранена верность либеральным методам, левые силы с помощью социал-демократического компромисса между государством и рынком смогли распространить гражданские права на все категории трудящихся и создать такой тип демократии, который, несмотря на все свои ограничения и недостатки, остается и по сей день наиболее близкой к великим социалистическим идеалам формой социальной организации».²

Нельзя возражать Россели, когда он говорит о необходимости творческого развития и тесной связи социалистической идеологии с массовым рабочим движением, о необходимости знания реальных проблем текущей жизни, о развитии демократии и самокритики в социалистической партии. Все эти требования либерального социализма бесспорны. Вообще, следует отметить, что позитивная сторона концепции либерального социализма во многом может быть принята современным левым движением в качестве его актуальных задач. В этом смысле она совпадает с творческими идеями марксизма, которые наиболее полно в первой четверти прошлого столетия выражал Ленин, а сегодня ставят сторонники критического марксизма в России. Что же касается критической стороны книги Россели «Либеральный социализм», то она не может ни вызывать принципиальных возражений.

---

¹ Россели К. Указ.соч. С. 138.

² Там же. С. 17.

Еще раз об искажениях марксизма

Так, в своем постоянном стремлении развенчать марксизм в его последних основаниях Россели фактически попадает в известную интеллектуальную ловушку, принимая, как мы уже говорили, вульгарную и догматизированную партийную версию марксизма за аутентичный его подлинник. На этой версии не в последнюю очередь сказывается влияние сталинской школы фальсификации истории и теории социализма в СССР. Тем не менее, ни одностороннее прочтение марксизма его ортодоксальными и неортодоксальными последователями, ни извращенная практика его реализации в советской стране, не могут ликвидировать аутентичный или творческий марксизм и связанную с ним социалистическую идею. Истина не исчезает от ее неверного прочтения или невежественного применения на практике. Инквизиция не уничтожила христианства, сталинизм не ликвидирует марксизм.

К сожалению, марксизм для Россели не был учением, в котором органически взаимосвязаны объективные и субъективные условия человеческой деятельности, бытие и сознание людей, революционная теория и практическая борьба трудящихся за свои права и свободу, материалистическое понимание истории и социализм. Он предпочитал видеть в нем не революционное учение об освобождении и раскрепощении трудящихся (таковым он считал свое учение о либеральном социализме), а нечто прямо противоположное, а именно — сугобо финалистское учение, связанное с обнищанием пролетариата и всеобщей социальной катастрофой, с восхвалением «будущего царства Божия уже на этой земле».¹ По мнению Россели, в марксистской теории социализма «основной стимул революционного процесса в том числе и в его последней драматической фазе, кроется на самом деле не в пропаганде и растущем прояснении сознания пролетариата, но в драматическом столкновении взаимно противоречивых элементов, содержащихся в капитализме. Это катастрофизм, т.е. явление всеобъемлющей пролетаризации, нарастающего обнищания и концентрации богатства в руках немногих, все более ненасытные кризисы, — которое вызывает, усиливает, ожесточает возмущение пролетариата и придает его пророку мессианскую убежденность».²

Как мы видим, антимарксистский пафос Россели, состоит в по-

¹ Россели К. Указ.соч. С. 126.

² Там же. С. 29.

стоянном противопоставлении человеческой свободы и исторической необходимости, сознательной борьбы рабочих и объективных законов капитализма, даже в какой-то степени «Манифеста» и «Капитала». Он не устает повторять, что для Маркса нет реальной свободы, а есть только необходимость, нет нравственности, воли и страстей человека, а есть только бездушный механизм и материализм капиталистического способа производства. По его мнению, социализм, вообще, не может быть результатом каких-то объективных материальных причин, напротив, он стихийно рождается в головах людей в ходе их борьбы за социальную справедливость.

Выше мы уже говорили о тесной связи и взаимодействии в марксизме свободы и необходимости, сознательной деятельности людей и объективных законов истории. То же самое можно сказать и о связи в марксизме капитализма и социализма. Социализм рождается из капитализма, и уже в силу этого с ним теснейшим образом связан. Научный социализм Маркса в отличие от социализма утопического есть обобщение и выражение характерных тенденции развития буржуазного общества, и, прежде всего, такой тенденции, как зарождение, становление и развитие рабочего класса. Именно этот класс в силу своего объективного положения становится той социальной силой, которая призвана ликвидировать не только капитализм, но и сами основы классового деления общества. Когда марксизм говорит об «объективном положении» рабочего класса, то это вовсе не означает какого либо «автоматизма», «предопределенности» или «финализма» в наступлении социализма в истории. Напротив, Маркс и Ленин всегда доказывали, что стихийно, т.е. без соответствующего научного знания и собственной политической организации, рабочий класс никогда не придет к социализму. Что касается марксистского видения социализма, то оно предполагает, как умение видеть его материальные предпосылки в недрах капиталистического общества, так и непременную оценку уровня сознания рабочего класса и его авангарда. Без теории социализма, без революционного сознания не может быть и революционной практики. При всем качественном различии капитализма и социализма, никакой китайской стены между ними нет. Особенно, это обнаруживается в переходную эпоху, когда трудящиеся берут политическую власть в свои руки и начинают создавать новую экономику и новые социальные отношения на базе созданных капитализмом производительных сил.

Маркс, с точки зрения Россели, ошибался, деля историю человечества на предысторию и подлинную историю, на «царство необходимости» и «царство свободы», на преходящий капитализм и грядущий социализм. Следуя своему, на мой взгляд, во многом идеалистическому мировоззрению, он доказывал, что социализм рождается задолго до марксизма и, по сути своей, с ним не должен быть связан. В итоге, Россели требует окончательно разрыва социализма с марксизмом, что, по его мнению, отделит социалистов от погрязших в догматизме коммунистов и, тем самым, поможет поднять освободительную борьбу рабочего класса, всех трудящихся на новый уровень. Вот типичный пример его подобных рассуждений. «Внутренним пламенем марксизма является его философия исторической необходимости прихода социалистического общества в силу объективного и неизбежного процесса изменения состояния вещей. Человеческая воля становится чем-то второстепенным, чтобы не сказать ограниченной. Для Маркса не существует проблем совести, самостоятельности, воспитания свободной личности. Они перенесены на завтрашний день социальных перемен. Ничто не может быть более утопичным и антилиберальным, чем этот резкий и мессианский поворот от царства, где преобладает неотвратимая необходимость к царству, где торжествует суверенная свобода».¹ Явно противоречая некоторым собственным высказываниям о социализме, как «земном рае», он заключает: «Марксистский социализм преодолел утопический взгляд на конечную цель, отказавшись от планов создания совершенного общества, но перенес этот утопизм на развитие... Он не предусматривает в своей программе возможных существенных вариантов, но если таковые выявляются, он прикладывает все усилия снизить их значение, сводя их до ранга исключений. История представляется гигантской пьесой, составленной по...обязательным правилам».²

Эти слова и мысли Россели, конечно, противоречат подлинным взглядам Маркса и Ленина, которые не считали возможным построение «царства свободы» без предшествующего исторического базиса заложенного в «царстве необходимости». Они, повторюсь, считали невозможным и приход социализма без революционной борьбы пролетариата и крестьянства за свои социальные права, без рабочей

---

¹ Россели К. Указ.соч. С. 148.

² Там же. С. 172.

партии, у которой не может быть иных интересов, чем интересы трудящихся.

Маркс уже в первых своих работах противопоставлял филистерам, готовым смириться перед любой властью тех, кто «мыслит и страдает»¹, то есть тех, кого позднее Ленин назовет профессиональными революционерами, сознательно жертвующими своей жизнью ради блага и свободы «униженных и оскорбленных». Настоящие марксисты никогда не были формалистами, считавшими, что история делается по каким-то заранее расписанным «тезисам и правилам», напротив, они всегда предполагали, что нет, и не может быть правил без исключения. Достаточно в этой связи сослаться на известное письмо Маркса к Вере Засулич, в котором обсуждалась реальная возможность превращения русской общины в социалистическое хозяйство, минуя капиталистическую стадию общественного развития.

Все эти азбучные истины марксизма, к сожалению, Россели не знал, заново открывая их в своей теории либерального социализма. Что касается картины марксистского социализма, нарисованного им, то она у него носит сугубо противоречивый характер: с одной стороны, марксов социализм «финалистский», «утопический», «мессианский», с другой, – «экономический», «объективистский», «позитивистский». Это противоречие его взглядов обусловлено тем, что он опирался в своем изучении и трактовке марксизма, по моему мнению, не на его первоисточники, а на труды его позднейших популяризаторов, так и не понявших всей глубины классического учения.

Надо прямо сказать, Россели в упор не видит марксова гуманизма. Видимо, здесь сказалось его незнание с его ранними работами, в частности, с их теорией отчуждения, являющейся своеобразной философской почвой «Капитала». По всей вероятности, не знал Россели и более поздних «Подготовительных рукописей» к «Капиталу», где дается развернутое научное обоснование процесса превращения капитализма в социализм.

Следует подчеркнуть, что до сих пор непрекращающиеся атаки на марксизм, как правило, игнорируют мощный гуманистический заряд этих работ. Те же противники марксизма, которые знают о них, пытаются доказывать отсутствие прямой связи данных работ со зрелыми произведениями Маркса. Вместе тем, достаточно сравнить, например, анализ денег в «Философско-экономических рукописях

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 1. С. 375.

1844 г.» и «Капитале», чтобы понять органическую интеллектуальную связь молодого и зрелого Маркса. Однако такое сравнение пока остается за рамками антимарксистской критики. И ее можно понять: на самом деле, если марксизм является «источником тоталитаризма», как утверждают нынешние либералы, то причем тут гуманизм Маркса?

Тем не менее, Маркс не только провозглашал гуманизм своей основной точкой зрения, не только считал человека «солнцем», вокруг которого вращается мир: он видел в нем альфу и омегу всей человеческой истории. Как никто из великих мыслителей, он своими трудами сумел раскрыть и показать скрытую от многих глаз, глубинную логику движения истории от несвободы человека в прошлом к его полной свободе в будущем. Вот один из характерных примеров таких о многом говорящих слов из его «Подготовительных рукописей» к «Капиталу»: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей».¹ Такова фактически историческая логика осуществления социального идеала Маркса, которую никак не хотел замечать Россели, отказывая марксизму в свободе и человечности.

Некоторые позитивные выводы

Однако вернемся к позитивной стороне книги Россели. Особенно хороша у него идея человеческой активности, которая вошла в концепцию либерального социализма под влиянием борьбы с фашизмом. Как известно, она была положена в основу идеологии и практики созданного им антифашистского демократического движения «Справедливость и свобода». Россели был убежден, что мысль и действие – главное, все остальное второстепенное. Не нужно отры-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр.соч. Т. 46. Ч. 1. С. 101–101.

вать мысль от действия, а действие от мысли. В этом он видел важную сторону либерального социализма, которая давала ему право энергично выступать как против фашизма, так и против сталинского тоталитаризма. Следует признать полную справедливость критики этих явлений в книге Рассели. Развивая идею духовной и практической активности социалистов, Россели, мне кажется, нащупал истину, которой левые должны всегда следовать в ходе борьбы за права и свободы трудящихся.

Критикую буржуазный либерализм, Россели постоянно обращался к идее справедливости. Однако, не следует забывать, что эта идея в обществе социальных антагонизмов всегда имеет двойственное значение. Ее можно трактовать с консервативных и революционных позиций, справа и слева. Критика буржуазного либерализма у Россели была критикой слева. Что же касается критики марксизма со стороны Россели, то при всей ее односторонности, следует признать, что она все же диктовалась желанием углубить и актуализировать социалистическое учение. И здесь опять можно согласиться с Бетино Кракси, который сказал по поводу его книги следующие слова: «...Значительная часть «Либерального социализма» посвящена критике марксизма. Эта критика велась во имя освобождения трудящихся масс, а не сохранения буржуазно-капиталистического строя. Ее главная идея заключается в том, что социализм должен мыслиться как «постепенное претворение в жизнь идеи человеческой свободы и справедливости». Этот нравственный идеал должен быть воплощен в экономических и политических институтах, способных сделать универсальными те ценности, которые в буржуазно-капиталистическом обществе были классовой привилегией».¹

Когда мы смотрим сегодня на политическую палитру нашего российского общества, в котором фундаменталистские теории «державного социализма» КПРФ соединяются с не менее фундаменталистскими теориями неолиберализма СПС, мы вынуждены признать историческую и политическую актуальность идей Россели. Его понятие «либеральный социализм», проинтегрировав в себе идею либерализма и социализма, на мой взгляд, может стать, существенной идеологической опорой российских социал-демократов, пытающихся нащупать свой «третий путь» при переходе России к демократии.

---

¹ Карло Россели. Указ. соч. С. 12.

И в заключение, несколько слов о различиях «либерального» и «либертарного» социализма. Недавно на одной левой международной конференции подробно обсуждалась проблема «либертарного», или самоуправленческого социализма, от имени которого выступали коммунистические анархисты. В этом плане либеральный социализм Россели гораздо ближе к государственному социализму, чем социализму либертарному. В тоже время либеральный социализм, как и либертарный придает большое значение нравственности и личному началу в человеке, что очень важно для понимания сущности современного социализма, идеологию которого сегодня трудно представить без книги Россели «Либеральный социализм».

А.В. Бузгалин

**Коммунизм как практический вызов:
к критике Славоя Жижека**

Поводом для написания этого теста стала книга С. Жижека «размышления в красном цвете» (М.: Европа, 2011). Поводом не случайным: о коммунизме как практической повестке дня [для] левых я пишу уже более 20 лет, а Жижек мне интересен как один из очень немногих левых интеллектуалов Запада (он из Словении, но культурно *почти* западноевропейец), кто всерьез способен ставить проблемы коммунизма, кто может в чем-то позитивно использовать наследие Ленина, кто, наконец, всего лишь на 90% поглощен постмодернистским интеллектуальным «дискурсом» большинства левых Западной Европы и США. От последних Жижека отличает едва ли 10%, но именно их и не прощают Жижеку его коллеги по цеху и именно этим он интересен мне. Отсюда тема: Жижек в его «бытии-для-иного» – для постсоветского критического марксиста – или почему и как надо исследовать проблему коммунизма.

1. Жижек в его «бытии-для-иного»:

коммунизм как актуальная проблема (вместо введения)

Стилистически и структурно новая книга Жижека похожа на предыдущие работы этого автора, сохраняя всю столь характерную для него атрибутику. Он пишет так и о том, как и что он хочет даже не сказать, а говорить, размышляя вслух, вспоминая, находя любопытные ассоциации, примеры, обращаясь к предшественникам и коллегам, вставляя длиннющие и общеизвестные – но при этом уместные – цитаты из Маркса...

(Длинные фразы в скобках посреди моего текста – это тоже от Жижека...)

Такой текст по форме вполне адекватен названию («Размышления...»; в буквальном переводе с английского – «рефлексии...») и явно предназначен для массового потребителя левой интеллектуальной литературы: это чтение неустойчивое (книга написана в легком, «играющем» ключе), занимательное (пересказы кинофильмов, стихи, поучительные примеры из современной политической жизни и малоизвестные исторические феномены, смешные анекдоты), позна-

вательное (много интересных цитат из современных авторов и «ученых» слов, обращения то к Канту, то к Гегелю, то к Библии...). При этом все эти вставки не смотрятся украшениями: они «работают» на основную идею книги, но работают не-прямо и занимательно. В общем, можно с пользой провести время, сидя после лекций у себя в кабинете и потешить свое неудовлетворенное политическое либидо левака не вставая с мягкого дивана. В конце концов можно даже рассердиться, когда Жижек неопределенно, но р-р-радикально призывает интеллектуала к (о ужас!) дисциплине и действию.

При этом в книге нет ни серьезного анализа практики социальной борьбы последних десятилетий, ни сколько-нибудь вразумительных программно-политических выводов (они были бы не к месту в абстрактно-философском тексте, но ведь автор специально весь свой пафос критики направляет именно на политическую беззубость типичного западного левого интеллектуала). Зато много игры в определенную позицию. Впрочем, с точки зрения постмодерниста и того, что все же довольно определенно сказал Жижек, более чем достаточно, чтобы изгнать его из сонма «своих». А сказал Жижек немало такого, что заслуживает пристального внимания и уважения.

В своем тексте я поступаю с этой книгой как типичный постсоветский ретроград: я (1) превращу этот *текст* в концепцию; (2) вопреки всем амбициям постмодернизма структурирую ее, и (3) постараюсь выделить в ней четкую логику решения интереснейшей проблемы, то и дела обнаруживающей себя в потоке жижековского текста – проблемы (4) коммунизма. Это будет некоторое насилие над автором «Размышлений...». Насилие хотя бы потому, что эту логику я позаимствую из классического марксизма (у Жижека в книге встречается немало разных «марксов» и «марксизмов») советского образца. Не сталинского, критического, но советского и классического. При этом данное насилие над текстом Жижека будет обратное тому, что столь прельщало Ж. Делеза, желавшего сзади и в извращенной форме вывернуть автора на изнанку. Не верите? Прочитайте внимательно широко цитируемый отрывок Делеза (его не случайно воспроизводит В. Кутырев, но последний не делает столь жестких выводов, сколь мы): «В то время меня не покидало ощущение, – признается Делез в своем отношении к предшественникам, – что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия и тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно

его ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»¹.

Я предлагаю нечто абсолютно иное: *прямой диалог двух субъектов*. И в этом диалоге я хочу показать, что Жижек как мыслитель это *еще и* интересное дополнение классической марксистской теории коммунизма как она складывается в рамках школы критического постсоветского марксизма.

Я в полной мере понимаю, что западного читателя и самого Славоя Жижека – если до них когда-либо случайно дойдет этот текст – этакое прочтение данной книги покоробит. И правильно покоробит: диалог, как его точно раскрыл Михаил Бахтин, предполагает распредмечивание работы автора в ее (его) специфике, а не выуживание из него удобных для подгонки под твои идеи цитат. Но в то же время и не правильно: я не собираюсь ни по до что подгонять Жижека. Я хочу воспользоваться его интеллектуальными достижениями для развития нашего интеллектуального пространства, показав, *что можно увидеть в этом авторе с позиций современного постсоветского критического марксизма*. Разбором же Славоя Жижека как феномена «в себе и для себя» пусть занимаются другие. Тем более, что этот словенский автор на меня не обидится, ибо об этом просто не узнает: левая интеллектуальная Россия сейчас слишком глубокая периферия, чтобы обращать внимание на одного из ее представителей...

* * *

Я уже заметил, что само по себе внесение коммунизма в поле актуальных интеллектуальных проблем есть с точки зрения едва ли не большинства западных левых преступление. Или – если посмотреть с другой точки зрения – подвиг. И в этом смысле Славои Жижек – интеллектуальный герой. Без каких-либо шуток или постмодернистского ерничания.

Герой, ибо на Западе, несмотря на активно там пропагандируем академизм и беспристрастность даже в среде интеллектуалов понятие коммунизм большинством воспринимается как синоним... сталинской диктатуры и ГУЛАГов. Не то, чтобы они не знали, что теоре-

---

¹ Кутырев В.А. Философия постмодернизма, Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии госслужбы, 2006, с. 22.

тическое понятие коммунизма так же далеко от практики репрессий в СССР как идеи христианства от практики инквизиции. Нет, теоретически они это знают. Но практически отождествляют эту великую теоретическую парадигму с практикой партий, называвших себя коммунистическими в странах Мировой социалистической системы (в их терминологии – «коммунистическим блоком»).

Но для большинства, не значит – для всех. Есть небольшая, но устойчивая и сильная интеллектуальная традиция в рамках троцкизма (среди его разных течений мне наиболее знакома и близка школа, идущая от Эрнеста Мандела и Даниэля Бенсаида), есть время от времени возникающие коммунистические интенции в рамках одной из сильнейших левых партий современной Европы – Левой партии ФРГ¹, есть коммунистические интенции (иногда без этого самоназвания) в новых социальных движениях в Латинской Америке и Азии, много чего есть.

Жижек не случайно всего этого «не замечает», а если и замечает, то походя. Не случайно, ибо во всех этих случаях разговор о коммунизме ведется спокойно, всерьез, без анекдотов, экзальтаций и [псевдо?] философской игры в «контексты». Так Жижек говорить не хочет (не умеет?), и отчасти он прав: серьезный разговор о коммунизме на не-постмодернистском языке большинство левых интеллектуалов просто не услышит. Они эти «частоты» не воспринимают, ибо услышь они их, и им придется размышлять прежде всего о не Боге, Сексе, Самоубийстве, Деконструкции и Детерриториализации, а о том, как помочь рабочим наладить производство на оккупированной фабрике, студентам и профессорам отбить очередную попытку приватизировать университет... О том, почему, в какой мере, как [не?] поддерживать Чавеса в его практических международных проектах... Этого им лучше не слышать. Это слышат «другие» левые и Запада, и Востока: те, кто каждый день ведут черновую коммунистическую работу, те, кто живут как коммунисты, даже если этим словом себя не называют. Но этих чернорабочих (а они не менее интеллектуальны, чем высоколобые профессора, и книги пишут не менее серьезные, только вы их не найдете в библиографии постмодернист-

---

¹ Симптоматична в этом отношении статья со-председателя Левой партии Гезине Летцш «Путь к коммунизму», опубликованная в 3 января 2011 года в газете «Junge Welt» и наделавшая много шума в ФРГ.

ких гуру...) наиболее известные левые интеллектуалы просто не замечают.

Жижек в этом не-явном противостоянии оказывается где-то в промежутке. В чем-то даже как бы посредником, «переводчиком» с языка практики (стратегии и тактики все время идущей борьбы) на язык постмодернистских «дискурсов» и обратно. И этим он интересен. Но не только. Он интересен еще и тем, что вносит нечто новое в проблему коммунизма.

И именно об этом пойдет ниже речь. Но с точки зрения не «в-себе-бытия» Жижека, а его диалога с критической советской и постсоветской марксистской традицией, для которой коммунизм всегда представлял как актуально-практическая, а не только абстрактно-философская тема.

Посему ключом к структуре наших «размышлений в коммунистическом дискурсе» станет идущее от самого Маркса (и Энгельса) понимание коммунизма как «царства свободы», покоящегося как на своем фундаменте на «снятом» «царстве необходимости», причем снятом в точном гегелевском смысле – диалектического отрицания-наследования¹.

Как таковой *коммунизм есть (1) пространство-время (1.1.) свободной (1.2) творческой деятельности, «всеобщего» (К. Маркс) труда и (2) ассоциированного социального творчества, соединяющего индивидов в (3) работающие добровольные ассоциации и тем самым (4) снимающего отношения социального отчуждения во всем их многообразии*. Снимаются отношения отчуждения Человека (как родового существа – Маркс–Лукач) от (4.1.) природы, (4.2) общества, (4.3) другого человека (обеспечивая свободное гармоничное развитие личности) и (4.4.) мира культуры. И это снятие, как заметил еще Маркс, есть (5) не некий заданный идеал, а «бесконечный процесс становления».

Это понимание коммунизма, повторю, было очевидно для критического советского марксизма, равно как и для многих ученых на Западе (от Д. Лукача и А. Грамши до Б. Олмана и И. Мессароша²). Но

¹ Мне показалась весьма странной проводимая Жижекком параллель между гегелевским понятием «снятие» (Aufhebung) и «вычитанием» Бадью (Жижек, с. 372). Снятие у Гегеля – это в первую очередь критическое наследование, развитие через отрицание, т.е. нечто принципиально отличное от «вычитания» в любой его трактовке.

² Эти авторы почти одновременно, в конце 1960-х – начале 1970-х годов

оно довольно быстро перестало быть очевидным, чему немало способствовали крах «Мировой социалистической системы» и переход большинства левых теоретиков на позиции постмодернизма. Между тем в предложенной системе параметров коммунизма есть своя, достаточно прозрачная классическая логика: изменение содержания человеческой деятельности – изменение общественных отношений по всему их спектру (социальное освобождение, снятие отчуждения) – изменение Человека как *summa summaum* этого процесса. Эта логика и станет для нас «путеводной нитью», указывающий дорогу к решению проблемы практической актуализации темы «коммунизм».

2. Коммунизм как практика

2.1. Снятие интеллектуальной частной собственности и эксплуатации творческой деятельности как практическая стратегия

Следствием–предпосылкой тезиса (1) был очевидный для нас с университетской скамьи феномен противоположности всеобщего (творческого) труда и рынка, частной собственности, эксплуатации. Творчество как труд изначально–всеобщий и потому «по генезису» не частный не может с этой точки зрения быть базисом товарного производства (рынка); как труд, в котором результат и целеполагание (опять же «по генезису») не отделимы от субъекта, не может быть отчужден и потому не может быть объектом эксплуатации; как индивидуализированная деятельность всего человечества, впитывающая весь (в потенции) мир культуры не может быть создателем частной собственности...

Все это было раскрыто в работах советских (и западных) марксистов–шестидесятников¹ и мы широко использовали и развивали эти положения в своих работах на протяжении последних 20–30–ти лет², выводя из этого ряд практически актуальных следствий, кото-

---

опубликовали содержательные марксистские работы по проблемам отчуждения (См.: Meszaros I. *Marx's Theory of Alienation*. L., 1970; Ollman B. *Alienation*. N.Y., 1971).

¹ См. коллективную работу «Проблема человека в марксистской философии» (М., 1969), а так же работы Вазюлин В.А. *Логика истории*. М., 1974; Межуев В.М. *Культура и история*. М., 1976; Злобин Н.С. *Культура и общественный прогресс*. М., 1979 и др.

² См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990; Бузгалин А.В. По ту сторону

рые касались прежде всего тех иррациональных, неадекватных новому содержанию деятельности форм социальной организации, которые порождает поздний капитализм, пытающийся подчинить себе эти новые, собственно коммунистические феномены. Так в повестку дня наших работ вошли проблемы снятия эксплуатации творческого труда и частной интеллектуальной собственности.

Сразу замечу, что эти проблемы очевидны и для современных западных исследователей. Так, Жижек со ссылкой на Маркса (слава богу...) и Негри (естественно, нельзя же открывая новое видение коммунизма ссылаться на работы своих учителей полувековой давности...) довольно подробно (и явно радуясь этому новому взгляду) рассматривает несовместимость интеллектуальной деятельности с эксплуатацией и частной собственностью, связывая это (правда не слишком жестко и определенно) с проблематикой коммунизма. Более того, в отличие от Бадью, автор «Размышлений...» видит и то, что коммунизм есть прежде всего вне-экономический (политически-эгалитарный), я бы сказал постэкономический проект – проект, снимающий «падший мир» экономики¹.

Между тем, на наш взгляд, именно здесь тема коммунизма звучит на удивление ясно и четко: мир культуры – это мир собственно-

---

царства необходимости. М., 1998; Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998;

¹ «Отрицание Бадью экономики как просто части «ситуации» (данного «мира» или положение вещей) опирается на его руссоистско-якобинскую ориентацию, в силу чего он остается верным дуализму противостояния гражданина и буржуа; буржуа, преследующего свои интересы, то есть «человеческого животного», вынужденного «обслуживать товары», против гражданина, преданного универсальности политической Истины. Этот дуализм приобретает у Бадью почти гностические черты – как противоположность между коррумпированным «падшим миром» экономики и духовной Истиной. Чего здесь не хватает, так это чисто марксистской идее Коммунизма, чья суть как раз состоит в том, чтобы подобный статус экономики – это не вечное, универсальное онтологическое условие существования человека, что можно радикально изменить функционирование экономики, так что она более не будет сводиться к взаимодействию частных интересов – раз Бадью игнорирует это измерение, он должен свести Идею Коммунизма к политически эгалитарному проекту». / Сл. Жижек. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 219-220.

сти каждого на все (этот тезис является едва ли не очевидным для критического постсоветского марксизма вот уже более 20 лет; в настоящее время активно развивает в нашей стране В.М. Межуев¹). Каждый может (в меру своих способностей к распредмечиванию) быть собственником *всего* в мире культуры: романов Толстого и пьес Шекспира, теоремы Пифагора и рычага... «Технических» ограничений здесь нет, культурные ценности – это неограниченные «ресурсы». Соответственно «собственность» на них может и должна быть непосредственно–всеобщей, т.е. собственно коммунистической. Вот почему *борьба против частной собственности* (вообще собственности) *на информацию* (интеллектуальной частной собственности) в этом смысле есть *собственно коммунистическая повестка дня*. И это для левых должно быть самоочевидно. Самоочевидно настолько, чтобы стать одним из программных требований не только некоторых социальных движений и НПО, но и левых партий (что, к сожалению, есть правило далеко не для всех из них).

Конечно же, Жижек, Негри и подавляющее большинство других левых интеллектуалов эту повестку дня прекрасно знают. Но! Далеко не все (1) понимают, что это коммунистическая повестка дня (и Жижек здесь приятное исключение) и (2) связывают это с *практикой борьбы очень разных общественных движений* (вплоть до латиноамериканских безземельных крестьян). Иными словами далеко не все их них показывают, что борьба за коммунизм (отмену интеллектуальной частной собственности как один из его аспектов) есть *сегодняшняя социальная практика* (а здесь Жижек, к сожалению, не исключение).

Продолжим: тезис о коммунизме как обществе, основанном на творческой деятельности, ставит нас перед проблемой, которую не впервые, но точно формулирует Жижек: *если интеллектуальный* (я бы сказал – творческий²) *труд не может быть объектом эксплуатации и есть база для нового мира* (здесь Жижек почему–то ссылается на авторитет Негри, хотя он далеко не первый увидел эти связи), *то почему же тогда «постмодернистский капитализм»* (Жижек исполь-

¹ См., например, текст этого автора в коллективной монографии «Социализм–21» (М., 2009).

² Западный интеллектуал не случайно боится понятия «творческий»: творчество и постмодернистское безразличие к Истине, Красоте и Добру плохо совместимы...

зует так же термин Рыфкина «культурный капитализм» и Гейтса «капитализм без трений») *столь успешно акцептирует эти переросшие его материальные предпосылки?*

Вопрос поставлен точно, а вот вразумительного ответа у Жижека не видно. Он в очередной раз убегает в «размышления»... Между тем, по меньшей мере гипотеза ответа на этот вопрос есть, и она прямо опирается на два классических положения марксизма: о *диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений* – первое, и о *диалектике скачка из «царства необходимости» в «царство свободы»* – второе. В первом случае требуется развитие традиционных представлений об этой диалектике до понимания того, что *стадия «заката» способа производства, его самоотрицания внутри прежней системы может быть весьма продолжительна и нелинейна в своей динамике.*

Это уже не столько классический, сколько относительно (двадцатилетней и более давности) новый советский и постсоветский марксизм, имеющий (я уверен) свои параллели и в других странах. Именно закат старой системы и порождает феномены развития иррациональных старых форм (в частности, производственных отношений, институтов) нового содержания (технологического базиса новой системы). Примеры этого в истории достаточно известны (крепостные фабрики в России, рабство в капиталистической Америке и т.п.) и здесь нет непреодолимых препятствий для марксистской теории. Есть исследовательская задача: показать, как и почему произошел переход к иррациональным формам старой системы, а не к новым отношениям новой. Применительно к современной эпохе это вопрос о том, *почему капитализм смог ответить на вызовы революционных подвижек в технологиях XX–XXI веков, а революционные силы – нет.*

(Другое вопрос – сколь успешен этот ответ «позднего» капитализма; по мнению автора этих строк, Жижека и многих наших товарищей не успешно: «постмодернистский капитализм» – это путь в тупик.)

Ответ на этот вопрос лежит, на мой взгляд, во втором известном марксистском положении: о *генезисе коммунизма как переходе не просто к новому способу производства, и даже вообще не к способу производству, а к новому типу общественного бытия – «царству свободы», «истории», снимающей все «царство [экономической] необходимости», всю предысторию, а не только капитализм. Иными сло-*

вами, генезис нового общества должен решить проблему снятия всех форм [социального] отчуждения, а не только капиталистической эксплуатации. Не-решенность *этой* грандиозной задачи и стала причиной самосохранения капитализма – таков ответ автора этих строк, но не Жижека.

(Замечу: Жижек видит эту проблему; правда, в частном ее измерении: как проблему решения капитализмом задач, поставленных парижским взрывом 1968 года, причем задач все же частных – альтернатив старой фабричной дисциплине, старой семье и т.п.¹).

Тем самым мы не решили, но переформатировали вопрос: *коммунизм определяется как проблема снятия социального отчуждения, а не просто как пост-, или даже анти-капитализм.*

2.2. Ассоциированное социальное творчество:

коммунизм как практика сознательного изменения мира

Эта постановка не нова – как я уже отметил, ей более 50 лет. Однако ее настойчиво «забывают» левые постмодернистского толка и лишь походя иногда упоминает Жижек, хотя пишет – много и хорошо, но уходя в частности, примеры, иллюстрации, «рассказывание историй» – по сути дела именно об этом. Любопытно при этом, что, в отличие от самого Жижека, те авторитеты, на кого он ссылается, почти не видят едва ли не *самого главного в коммунизме: процесса непосредственного творения истории ассоциированными индивидами*. Причем не видят они его там, где оно наиболее ярко себя проявило в прошлом – в Парижской коммуне, в Октябрьской революции и энтузиазме социалистического созидания в СССР, в мировом коммунистическом движении. И это не случайно: *там европейскому*

---

¹ «Протесты 1968 года были сконцентрированы на борьбе против того, что считалось тремя столпами капитализм: фабрики, школы, семья. В результате каждый из этих институтов оказался подвержен постиндустриальным преобразованиям: фабричный труд отошел на второй план, в развитом мире он претерпел реорганизацию по модели постфордистской, неиерархической командной работы; публичное университетское образование все больше вытесняется постоянным и гибким приватизированным образованием; традиционная семья уступает место многообразным формам сексуальных отношений, строящихся на гибкой основе. Левые упустили победу: непосредственный противник был разгромлен, но его сменила новая форма более прямого капиталистического господства». / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 387–388.

интеллектуалу его видеть нельзя – это mauvais ton. Всем известно, что СССР и компартии – это сталинизм и ГУЛАГ (а про Парижскую коммуну лучше просто забыть; на всякий случай).

Надо отдать должное Славою Жижеку: он не совсем такой. Он прямо пишет о революционном освобождении, он вспоминает аж пару раз Парижскую коммуну, он ранее написал книгу «13 опытов о Ленине» (М., 2003), в которой, едва ли не 10% текста посвятил действительно Ленину, причем в основном в позитивном смысле. Но и его гораздо больше интересует буржуазная революция на Гаити двухсотлетней давности. Спору нет, это очень интересный, важный и малоизвестный исторический феномен прямого социального творчества, но это все же не главное революционное событие последних столетий. Так почему же Гаити? Я, к сожалению, подозреваю, что главная причина этого – экзотичность данного примера, а не то, что эта революция (по мнению Жижека) была более французской и более революцией, чем взрыв 1797 года в самой Франции. А уж 1968 год (причем только парижский – весь остальной мир, даже «Праздничная весна», где-то потерялись) для Жижека – априори главная и вечная тема. Почему? Потому, что это едва ли не последнее революционное выступление в Европе? Или потому, что это «тема тем» для его читателей?...

Вернемся к *социальному творчеству*.

Этот феномен для меня принципиально важен, ибо он указывает на *вырастание коммунизма из всей социально-освободительной борьбы человечества*. И здесь я готов искренне пожать руку автору «Размышлений в красном цвете» за то, что он (пусть в странно-кокетничающей постмодернистскими словечками форме – Жижек иначе говорить почти не умеет) подчеркивает преемственность социально-освободительной борьбы всех революционеров и социальных творцов прошлого, их внутреннюю связь с «бесконечным процессом становления» коммунизма¹. Другое дело, что «предыстория» коммунизма, долгий путь совместного творения истории силами социального освобождения и его «история» – коммунизм как новый мир, основанный на непосредственном ассоциированном социаль-

---

¹ Лишь в этом контексте мне кажутся важными размышления Жижека о революции рабов 200-летней давности на Гаити, о «коммунистических» восстаниях в исламском мире 1000-летней давности, о кантовском и гегелевском восхищении энтузиазмов в связи с Французской революцией... (Жижек, с. 354–362).

ном творчестве – это не одно и то же. И о втором говорить одновременно и сложнее и важнее, ибо это и есть главный предмет наших «размышлений».

Однако сначала о важной проблеме, вне которой понятие социального творчества оказывается не более чем красивым термином – о проблеме т.н. «экономического детерминизма» и *свободы*. На Западе принято много писать о «разных Марксах», о различии Маркса и марксизма (в России сейчас эта мода то же дает себя знать – не случайно в этом смысле вышедшая в 2008 году книга Вадима Межуева «Маркс против марксизма») и т.п. Жижек в этом смысле не оригинален: взяв несколько различных цитат Маркса, он нашел у него и «историко-эволюционистский детерминизм», и творение истории Человеком. Сие и позволило ему сделать очередной вывод о различии Маркса и марксизма. Не уходя в вопросы эволюции взглядов Маркса (а они, конечно же, изменялись), я хотел бы подчеркнуть тот инвариант, который сложился в критическом марксизме моей Родины и который отчетливо виден в работах и самого Маркса, и многих его последователей – от Владимира Ульянова и Розы Люксембург до Дьердя Лукача и Эвальда Ильенкова. Этот инвариант – *диалектика противоречивой связи двух сторон «предыстории», мира отчуждения. С одной стороны, человек в этом мире есть продукт и функция объективных исторических законов. С другой – творец истории. Оба этих утверждения истинны одновременно и в одном и том же отношении. Объективные законы определяют «красную нить» истории; но в той мере, в какой мы, познавая эти объективные и господствующие над нами законы способны «спрямлять» своим сознательным воздействием «зигзаги истории» – в этой мере мы позитивно свободны. И не от истории, а для истории.*

(Я понимаю, что высоколобый интеллектual, прочтя эти строки, должен прийти в ужас: этот пост-советский монстр Бузгалин, живя до сих пор в мире азов истмата, не знает, что всем уже давно известно: нет не только прогресса, но Истины; большие нарративы в прошлом; задача интеллектuala – деконструкция и детерриториализация всего и вся; все что сверх этого – пережиток сталинизма...).

Хочу подчеркнуть: Жижек отражает эту проблему – проблему «логики» истории и ее зигзагов (Жижек, с. 210–218). Более того, он признает возможность сознательного воздействия на исторические процессы. Но, в конечном итоге, он оказывается перед проблемой: история идет в направлении упрочения «культурного» капитализма,

а не его смены новым миром. Столкнувшись же с этой проблемой, он говорит: тем хуже для истории! Да здравствует свобода от Истории – таков вывод Жижека.

Я предлагаю иной вывод: да здравствует познание законов истории (а не позитивистское отображение текущего тренда как «истины» исторического процесса в последней инстанции) и свобода для Истории. Такой взгляд, не игнорирующий силу теории и ее способность находить [относительную] истину, а использующий их, позволяет показать, что современные формы адаптации капитализма к информационной революции есть (1) все еще исключение¹ и (2) «зигзаг» истории, уводящий человечество с ее «красной линии» в сторону.

Возьму на себя смелость утверждать², что «красная линия» истории – это (даже если пока оставаться на только уровне «производительных сил») движение к миру **креатосферы**, где не интеллектуалы, но занятые творческой деятельностью работники составляют большинство и где заняты они преимущественно в таких сферах как:

- обучение и воспитание для всех и через всю жизнь (от детского сада и до пенсионеров, бесплатные университеты для которых уже сегодня открыты в Белоруссии);
- обеспечение здорового образа жизни для всех и через всю жизнь, включая здравоохранение, массовый спорт и т.п.;
- искусство во всем его многообразии и во всех сферах жизни человека, открытое для каждого;

---

¹ В сноске: они еще только возникают. Приводимые Жижеком примеры «культурных» корпораций, тратящих аж миллионы долларов на решение экологических и гуманитарных проблем – это капля в море современного капитализма, это всего лишь тысячные доли того, что продается и инвестируется в мире. Да и Майкрософт со товарищи, при всей их значимости для интеллектуального труда – это всего лишь несколько процентов мирового валового продукта и менее процента занятых. Большая часть мирового капитализма – это все еще индустриальный труд и море фиктивных посредников, прежде всего – финансовых, а не «культурные» продавцы «смыслов». Хотя я согласен с многочисленными предшественниками Жижека в том, что это растущий и наиболее важный для анализа сегмент глобального капитала

² Обоснование этих положений автора содержится в работах А.И. Колганова и автора этих строк «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) и «Пределы капитала» (М., 2009).

- рекреация природы;
- социальная [само] рекреация (прежде всего – «отверженных»);
- инженерное, техническое и научное творчество (новаторство и рабочих, и высокообразованных ученых, занятых фундаментальной наукой),
- хранение, обработка и обеспечение общедоступности информации (от библиотек и музеев до новых форм Интернета...);
- участие в управлении обществом на всех уровнях; созидание, развитие и укрепление институтов «демократии корней травы»...

И это далеко не полный перечень тех сфер деятельности, где без ограничений могут быть заняты те самые 80% населения, для которых якобы нет сферы приложения в современном мире постиндустриальных технологий. Это совершенно иное решение проблемы 20–80, о которой не может не упомянуть ни один уважающий себя интеллект последних десятилетий и которую, естественно, упоминает и Жижек (Жижек, с. 346). На место поставленного постмодернистским капитализмом вопроса, как занять 80% якобы излишнего в условиях бурного развития постиндустриальных технологий населения, генезис коммунизма ставит другой: как насытить творчески-активными и профессионально-грамотными работниками вечно нуждающиеся в дополнительной занятости перечисленные выше «отрасли» креатосферы. Переформулируем этот вопрос: как обеспечить такую систему общественных отношений, когда приоритетным станет развитие общедоступной творческой деятельности в таких сферах как образование, здравоохранение и т.д. В потенции мир [коммунизма] может иметь структуру экономики, в которой 20% будет занято в материальном производстве (сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, утилитарных услугах и т.п.), а 80% – в креатосфере...

Движение к такому обществу – это не утопия. Это логика истории. А вот общество, в котором большая часть работников (как сегодня в развитых странах) занята в сфере транзакций (я ее назвал «превратным сектором»¹) – посредничества, создающего в лучшем случае безобидные симулякры, в худшем – военно-промышленные и финансовые пузыри, поглощающие и уничтожающие огромные тру-

---

¹ Понятие введено в названной выше работе автора этого текста и А.И. Колганова «Глобальный капитал».

довые и материальные ресурсы (об этом Жижек пишет страстно и убедительно) – это зигзаг исторического процесса, уход в сторону с магистрального пути развития, заданного логикой прогресса творческого содержания человеческой деятельности, логикой разрешения противоречия между Человеком и Природой, логикой социального освобождения. Вот почему содействие сворачиванию превратного сектора и развитию креатосферы есть (даже с чисто «технологической» точки зрения) содействие прогрессу, социальное творчество для, не против Истории. Соответственно, обеспечение приоритетного развития креатосферы, общедоступной творческой деятельности, социальное творчество, этому содействующее и капиталу противодействующее и есть важнейший компонент практики генезиса коммунизма.

Прежде чем отвечать на вопросы, кто и как может осуществлять и осуществляет эту деятельность сегодня, обращусь к опыту моей Родины – СССР. В работе Жижека есть интересный и справедливый пассаж, повторяющий разработки многих моих коллег по постсоветскому пространству, западных, китайских и т.д. ученых: Советский Союз погубили новые производительные силы, информационная революция. Этот тезис верен, но односторонен. Моей стране (и стране, в которой родился Жижек) был присущ удивительный парадокс. Если на время абстрагироваться от социально-политической стороны вопроса, то окажется, что мир «реального социализма» успешно создавал (хотя до конца и не создал) многие элементы креатосферы, т.е. материальных основ коммунизма, будучи не в состоянии создать материальные основы развитого капитализма. Если посмотреть на период послесталинской «оттепели» (период «строительства материально-технической базы коммунизма»), то окажется, что у нас опережающими темпами развивались:

- одно из лучших в мире общедоступное бесплатное образование всех уровней;
- здравоохранение, обеспечивавшее при всех его проблемах продолжительность жизни на уровне наиболее развитых стран (хотя наш ВВП на душу населения был в несколько раз меньше, чем в этих странах);
- массовую тягу к настоящему искусству (миллионные тиражи классики и современных изданий: Хемингуэй, известный в СССР больше, чем в США; Шекспир, которого ставили лучше, чем в Англии, десятки тысяч людей на поэтических вечерах во дворцах спорта

– все это результаты до сих пор не доступные ни одной развитой стране);

- прорывы в области фундаментальной науки, космоса...

Все это и есть СССР–будущее, СССР как страна, сумевшая показать (пусть в превратной форме «мутантного социализма»¹), что *приоритетное развитие креатосферы* возможно и дает замечательные результаты (одно из первых мест в мире по Индексу человеческого развития) даже в относительно бедной стране.

Другое дело, что был и СССР–прошлое: страна с дефицитом модных джинсов и всего тремя сортами колбасы, с сотнями диссидентов в психушках и идеологической цензурой. И про это нельзя забывать. Но если 50 лет назад именно об этом надо было говорить в первую очередь, то сегодня видеть в СССР *только это* уже банально и не талантливо.

*2.3. По ту сторону государства:
свободная добровольная работающая ассоциация
как абстракция практически–актуальных форм
снятия государства.*

Проблемой проблем во всех размышлениях о коммунизме остается вопрос о *субъекте* – о том, кто способен осуществлять движение к «царству свободы». На абстрактном уровне марксистский ответ есть (был?) известен: свободная добровольная работающая ассоциация. В условиях борьбы за коммунизм – класс наемных рабочих, организованный как политический субъект и представленный левой партией.

Надо отдать должное Славою Жижек: он не воспроизводит «мантру» постмодернистских левых интеллектуалов последних десятилетий о необходимости отказа от «якобински–ленинской» парадигмы централизованной диктаторской власти (отождествление ленинизма с якобинством, централизмом и диктатурой – типичный миф *этих* левых, но не Жижека), от представлений об освободительной миссии рабочего класса и партии авангардного типа. Более того, он предлагает эту мантру перевернуть, утверждает, что сегодня

---

¹ Это понятие раскрыто автором в книгах «Будущее коммунизма» (М., 1995) и «10 мифов о СССР» (М., 2010, совместно с А.И. Колгановым).

левые нуждаются в некоторой дозе «якобинско-ленинской» парадигмы¹.

Так же и в вопросе о государстве, организации и дисциплине: во всех этих случаях Жижек весьма оригинально и со специфическими оговорками предлагает «перевернуть» казалось бы уже принятые положения и в позитивном смысле говорит о необходимости противопоставить ставшему *не-миром* глобальному капитализму структурированность и дисциплину левых, у которых «нет права отделяться, отходить от государства»². Подчеркну: это скандальное (с точки зре-

---

¹ «И тут мы подходим к самой сути вопроса. Одна из мантр постмодернистского левого движения гласит, что человеку необходимо отказаться от «якобинско-ленинской» парадигмы централизованной диктаторской власти. Возможно, сейчас настало время перевернуть эту мантру и признать, что сегодня левые нуждаются именно в некоторой дозе «якобинско-ленинской» парадигмы: сегодня, как никогда, мы должны настаивать на «вечной» Идее коммунизма (если использовать термин Бадью) или на коммунистических «инвариантах», «четырех фунда-ментальных концептах», которые действовали со времен Платона и средневековых бунтов и дожили до эпохи якобинства, ленинизма и маосизма: строгая эгалитарная справедливость, дисциплинарный террор, политический волюнтаризм и вера в народ. И эту матрицу не вытеснила новейшая динамика – постмодернистская, постиндустриальная, пост-какая-угодн. Вплоть до нынешнего времени, вплоть до текущего исторического момента эта вечная Идея действовала, как платоновская Идея, которая упорно возвращается вновь и вновь после всех неудач». / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 366.

² «Моя догадка состоит в следующем: если сегодняшний динамичный капитализм, в особенности поскольку он “безмирный”, представляет собой постоянное разрушение установившегося порядка, то тогда он открывает путь для революции, которая разорвет порочный круг переворотов и восстановления порядка; иными словами, революция более не будет принимать обычную форму событийного взрыва, после которого ситуация возвращается к нормальному положению. Отныне перед ней будет стоять задача установления нового “порядка” в противоположность глобальному капиталистическому порядку. От восстания мы должны без всякого стыда переходить к установлению нового порядка. (Разве это не один из уроков, которые нам нужно извлечь из происходящей ныне финансовой переплавки?)

Поэтому, если мы хотим сделать коммунистическую Идею вновь актуальной, для важнее всего будет сосредоточиться на капитализме: нынешний «внемировой» динамичный капитализм радикально меняет самое направление борьбы коммунистов. Враг уже не государство, основы которого нужно расшатывать с позиций существующей в нем

ния типичного левого профессора Запада) заявление, лежащее, пожалуй что, уже за рамками приличий «цивилизованного» интеллектуального сообщества, мне в принципе кажется верным, хотя и до крайности неопределенным, ориентированным скорее на эпатаж, нежели на конструктивное решение проблемы.

А проблема есть, причем и теоретическая, и практическая: *авангардные левые партии в конце XX века себя дискредитировали. Парламентские левые партии* (я говорю о европейских коммунистах и их аналогах в других странах; социал-демократы для меня и Жижека – не левые) *находятся в состоянии полураспада*, хотя некоторые исключения есть в Германии, Португалии и др. Новые социальные движения, ярко заявив себя в 2000–е, сейчас ослабевают...

Не менее сложна и проблема отношения левых к государству: старые идеи диктатуры пролетариата и отмирания государства никого не устраивают. Новые постмодернистские интеллектуальные концепты бытия–вне–государства на практике оборачиваются строгим подчинением всем нравственно–правовым установлениям буржуазного сообщества...

Рефлектируя по этому поводу Жижек справедливо подчеркивает: левый интеллектуал вот уже не одно десятилетие *ждет*, когда же появится реальный субъект борьбы, возлагая надежды кто (по-прежнему) на пролетариат, кто на студенчество, кто на интеллектуалов, кто на крестьянство третьего мира или «отверженных»¹. В пику

напряженности, а непрерывный поток его самореволюционизации.

Отсюда я хотел бы вывести две аксиомы, касающиеся отношений государства и политики:

1) Провал коммунистической государственно–партийной политики – это прежде всего провал антигосударственной политики, попыток разорвать налагаемые государством ограничения, заменить государственные формы организации «прямыми» непредставительскими формами самоорганизации (Советами).

2) Если мы не представляем себе чем заменить государство, у нас нет права отделяться, отходить от государства». / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 374–375.

¹ «Разве не лежит подобный нарциссизм в основе подходов, разрабатываемых левыми академическими кругами, где считается, что теоретик подскажет, что именно следует предпринять; ведь когда они отчаянно ждут действий, а как действовать эффективно не знают, они ожидают Ответа Теоретика... Конечно, такой подход ложен сам по себе; он подразумевает, что Теоретики знает магическое заклинание, которое выведет ученых из практического тупика. Здесь возможен только один

этому ожиданию Жижек предлагает левым интеллектуалам парадоксально-правильное решение: Мы – это те, кого мы ждали. Ожидать, что кто-то выполнит работу за нас, – это способ оправдать собственное бездействие. При всей своей правильности это решение, однако, остается у автора «Размышлений...» довольно невнятным: ну и что мы можем/должны делать? Жижек в конечном итоге приходит к тому, что в условиях «постмодернистского» капитализма история идет против нас, а мы (левые) должны идти против истории и стать... волюнтаристами¹.

правильный ответ: если вы сами не знаете, что делать, никто вам не даст совета, и Дело погребено безвозвратно.

Тупик этот не нов: крупнейшая, определяющая проблема западного марксизма – это отсутствие революционного субъекта. Почему рабочий класс не завершил переход от своих внутренних проблем к защите своих интересов и не утвердил в себя в качестве революционного агента? Это проблема нам представляется основной причиной обращения марксизма к психоанализу именно в поисках объяснений бессознательных механизмов действия либидо, которые препятствуют росту классового сознания, внутренне присущего самому существованию (социальному положению) рабочего класса. Таким образом утверждается истинность марксистского социально-экономического анализа, и «ревизионистские» теории подъема средних классов и так далее лишаются почвы. По этой же причине западный марксизм пребывает в непрерывном поиске других социальных субъектов, которые смогли бы сыграть роль революционных агентов и послужить заменой бессильному рабочему классу: это крестьянство «третьего мира», студенты, интеллектуалы, деклассированные элементы... / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 332.

¹ «Левым интеллектуалам, которые с нетерпением ждут появления новой революционной силы, которая смогла бы осуществить давно чаемые радикальные социальные преобразования, можно дать лишь один ответ – вспомнить пророчество старика-хопи, совершившего в стиле Гегеля изумительный диалектический прыжок от субстанции к субъекту: “Мы – те, кого мы ждали”. (Это высказывание напоминает афоризм Ганди: “Будьте сами переменами, которые вы хотели бы увидеть в мире”).

Ожидать, что кто-то выполнит работу за нас, – это способ оправдать свое бездействие. Но здесь нужно не попасть в ловушку извращенного самооправдания: “Мы – те, кого мы ждали” не означает, что мы должны понять, насколько мы те, кому предназначено судьбой (исторической необходимостью) выполнить эту задачу. Напротив, это означает, что нет Другого, на кого можно было бы положиться. Вопреки классическому марксизму, где “история на нашей стороне” (пролетариат исполняет

На самом деле ответ на этот вопрос – вопрос о субъекте социального творчества – есть. И лежит он в русле «красной линии» истории – русле движения к «царству свободы». И потому это ответ сугубо коммунистический по своей сути: *субъект созидания коммунизма – добровольная работающая свободная ассоциация социальных творцов, познающих законы общественного развития*. И если для кого-то понятие такой ассоциации остается теоретическим иероглифом, то для сотен тысяч и миллионов людей, участвующих в деятельности новых социальных движений и прогрессивных НПО, реально работающих профсоюзов, АТТАК и местного самоуправления, левых партий, – для всех них это давно и хорошо известная повседневность. Что такое движение безземельных крестьян (МСТ) или работников оккупируемых фабрик в Латинской Америке, выдвинувших и реализующих лозунги «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!»? Это (1) добровольное, (2) самодеятельное (возникшее снизу и поддержанное левой интеллигенцией) объединение людей, осуществляющих прямое действие, направленное (3) против базовой моральной и правовой нормы капитализма (неприкосновенность частной собственности) и состоящее в (4) совместном созидании новых социально-экономических форм (5) производства. Все ключевые признаки теоретической модели коммунистической ассоциации здесь налицо. И таких примеров в «сети сетей» новых социальных движений сотни и тысячи¹.

Конечно же, во всех этих случаях мы видим лишь *противоречивые зародыши* коммунистических ассоциаций, но для нас сейчас важно не столько дать критику их несовершенства (что очень важно для практической – словом и делом – помощи этим структурам), сколько увидеть в них зародыш будущего.

В этом плане показателен и пример Советов, возникших в России еще в период Первой русской революции 1905–1907 годов. Жижек в целом негативно воспринимает этот опыт, аргументируя свою позицию скорее методологически: Советы были частью авторитар-

---

предписанную ему судьбой задачу всеобщего освобождения), в сегодняшних обстоятельствах большой Другой против нас: наша внутренняя настроенность, будучи предоставленной самой себе, приводит к катастрофе, к апокалипсису, и предотвратить катастрофу может только чистый волюнтаризм, то есть наше свободное решение противостоять исторической необходимости». / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 396.

¹ Подробнее об этом в статье Е. Боуман и Р. Стоуна «Сопrotивляйся! Оккупируй! Производи!» в журнале «Альтернативы» (2011, № 1).

ной системы СССР, и они погибли вместе с ней, следовательно, они сами по себе не жизнеспособны¹.

Логика у него в данном случае та же, что и в случае с взаимодействием производительных сил и производственных отношений капитализма, пролетариата и буржуазии как двух классов этого способа производства. И логика эта такова: нет «дурных» и «хороших» сторон противоречия, нельзя сохранить капиталистические производительные силы, просто устранив капиталистические производственные отношения. Нельзя построить власть пролетариата, всего лишь уничтожив буржуазию как класс. Нельзя сохранить Советы, уничтожив «реальный социализм». В некотором смысле, Жижек прав в этих своих утверждениях: в диалектических противоречиях нет «хороших» и «плохих» сторон. Но этим правильным утверждением отнюдь не исчерпывается диалектика сложных социальных систем.

Производительные силы, развитые капиталом, конечно же, не просто «высвобождаются» из оков капитала. Снятие капитала есть снятие и капиталистических производственных отношений, и капиталистических производительных сил – этому меня учили в МГУ на первом курсе еще в 1972 году. Для советского студента (тем более профессионала-марксиста) было очевидно, что по мере генезиса новой общественной системы и производительные силы должны кардинально изменяться (не только прогрессируя иначе, но и изменяя свою структуру, определенность, «конфигурацию»: капиталистическая индустрия и индустрия, служащая одним из первоначальных элементов базиса возникающего «царства свободы» – это две разных индустрии; кстати, во многом повторяющая капиталистическую конфигурация производительных сил СССР эпохи сталинизма стала одной из причин воспроизводства отчуждения работника от общества в условиях «реального социализма»). Такое кардинальное изменение при переходе к коммунизму должны претерпеть и производительные силы возникающего постиндустриального капитализма (технологические основы последнего, структура его экономики, типы организации труда и управления).

Точно так же и с пролетариатом: Маркс 150 лет назад обосновал вывод о том, что первый же шаг к освобождению труда станет первым шагом снятия пролетариата как класса; то, что класс наемных рабочих – это класс, который ставит своей задачей свое уничтожение

---

¹ Сл. Жижек. Указ. соч. С. 376.

как класса и что в этом смысле это универсальный класс (все это я то же сдавал еще на первом курсе и все это прямо написано у Маркса; надо быть Жижекком, чтобы в подтверждение этой азбуки марксизма сослаться на... личное письмо, полученное им от турецкого литературоведа¹).

Ситуация с Советами сложнее. Диалектику их рождения и мутации в условиях «реального социализма» Жижек наверняка знает, но почему-то игнорирует. Возможно, ради афористичной красоты своих умозаключений о том, что Советам как части тупикового сталинского проекта нет места в процессе рождения коммунизма. Но Советы не были частью «сталинского проекта». Более того, сталинщина привела к их мутации и вырождению в авторитарный государственный механизм особого типа. Советы же возникали как система базисной демократии, рожденной энергией низового социального творчества.

Так же рождалось и отмирающее государство Парижской коммуны, так же рождались и рождаются по всему миру десятки других образований, которые могут служить практическим опытом генезиса отмирающего государства и рождающейся низовой демократии. Но если признать правомерность этого опыта (равно как и интереснейшего опыта рождения «демократии корней травы» в странах Латинской Америки, вплоть до опытов последнего десятилетия в Венесуэле, Боливии и т.д.), то рухнет вся дальнейшая постмодернистская риторика о новой необходимости государства как «мира», противостоящего «детерриториализации» в условиях постмодернистского капитализма, ибо последняя делает врагом не государство, а постоянные самоизменения капитала, который ныне «внемирен» и внеструктурен. Добавив к этому утверждение о том, что провал коммунистической государственно-партийной политики (почему Жижек вслед за всеми неумными антиксоветчиками сталинской поры называет сталинскую модель «коммунизмом» я, честно говоря, просто не понимаю...) – это провал Советов как попыток разорвать налагаемые государством ограничения (это Сталин их что ли разрывал? А если не Сталин, то причем здесь модель Советов?), сложив все это Жижек делает важный в для его «размышлений» вывод: у нас нет права «отходить от государства»². Правда чуть ниже он дает другую формулировку: надо не дистанцироваться от государства, а «заставить само

¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375–376.

² Там же. С. 375.

государство функционировать в негосударственном ключе»¹.

Между этими двумя формулировками Жижекa есть, однако, глубокое противоречие. Первая – попытка вновь апеллировать к государству (Жижек дополняет ее апелляциями к дисциплине и организованности). Вторая – почти буквальное и абсолютно не новое утверждение, повторяющее почти дословно выводы Маркса и Ленина о том, что рождение коммунизма делает государство отмирающим, «не государством в полном смысле слова», изменяет природу и функции государства. Как именно? – это то же известно. Опыт – весьма противоречивый, но реальный – есть. Так к чему было весь огород городить?

А я скажу к чему: признать правоту классического марксистского подхода к проблеме государства после полувекowych попыток найти альтернативу этому подходу, предпринимавшихся среди давно уже ставших старыми «новых левых», маоистов, а так же постструктуралистских, постмодернистских и иных пост-... левых интеллектуалов – нельзя. Ибо это означает расписаться в бессилии не только собственном, но и всех нынешних «гуру» левых запада. Продолжать же постмодернистские игры в «детерриториализацию» Жижеку не позволяет его действительно коммунистическая научная позиция. И Жижек дает вызывающе-провокативный (для его среды) ответ: государство левым нужно. Особенно как альтернатива глобальному постмодернистскому капитализму с его действительно нарастающей дезорганизованностью.

Собственно такой ответ не нов. Более того, он стар и идет от консервативного крыла социалистов. И он совершенно никак не сходится с выдвигаемой самим же Жижекoм альтернативой: коммунизм или [государственный] социализм.

Но если у Жижекa решения проблемы, чем заменить государство, нет и он считает, что его ни у кого нет², то он не прав: у практики левого движения и осмысливающих ее левых теоретиков он есть (сошлюсь хотя бы на конструктивный анализ опыта самоорганизации новых социальных движений Кристофа Агитона и нашу книгу «Кто творит историю» (М., 2010) а так же многочисленные разработки в среде западных и немногочисленные в среде пост-советских марксистов по проблемам базисной демократии). И это ответ, адек-

¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч.

² Там же. С. 375.

ватный вызовом сетевой динамичной модели глобального мира. И это коммунистический по своей сути ответ: альтернативой государству и надгосударственным институтам глобального капитала становятся работающие добровольные свободные ассоциации, связанные в альтерглобалистские сети.

Подчеркну: только становятся, только возникают, причем возникают (как и все новое) в *переходных* формах, несущих на себя значительную печать старого (бюрократизма, «государственности»); возникают в недрах старой системы (государств и других институтов власти капитала) и одновременно в борьбе с ней; возникают, неизбежно мутируя под воздействием этого окружения и этой борьбы. Впрочем, иногда они возникают и при помощи относительно прогрессивных государств (например, в Латинской Америке), хотя эта помощь старого то же деформирует новое. Да, это только тенденция. Да, это только первый фрагментарный опыт. Да, он, как правило, деформирован от рождения, мутантен.

Да, это все так. Но для того и даны настоящему ученому сила теоретической абстракции и диалектический метод, чтобы суметь увидеть в этом «гадком утенке», придавленном и запачканном курами и индюками птичьего двора современного капитализма, будущего прекрасного лебедя коммунизма. Зачем же спешить объявлять теоретическую капитуляцию?

2.4. Снятие социального отчуждения:

*борьба за природу, общество, человека и культуру
как коммунизм*

У Дьердя Лукача, в его «К онтологии общественного бытия» (М., 1991) активно обсуждается тема Человека как родового существа и отчуждения его родовой сущности – деятельности, ее предмета, результата, субъектности. В принципе это постановка проблемы даже не Лукача, а Маркса, правда преимущественного молодого Маркса, Маркса, писавшего о Человеке, натурализации человека и гуманизации природы и тому подобных материях в «Экономико-философских рукописях 1844 года» и других работах того времени. Идея коммунизма как снятия этого отчуждения – это тоже Маркс, хотя и не только Маркс.

Но вот Жижек бы, наверное, отнесся к идее такого снятия скептически, возразив: опять вы хотите «высвободить» некую «сущность» из плена капитализма! Это не диалектика. И формально он был бы

прав в своем возражении. Формально. Ибо по существу и у Маркса, и у Лукача, и у автора этих строк речь идет не об эмансипации некоего «естественного» начала человека, а о том, что генетически–всеобщая определенность Человека как особой системы, снимающей предшествующее развитие природы, есть его *деятельностно–общественная сущность* (тезис подробно развитый в работах Леонтьева, Ильенкова¹ и их последователей). И деятельность эта генетически определяется как творчески–преобразующая и общественная. Рождается она в отчужденных формах, характерных для эпохи, названной Марксом и Энгельсом «царством необходимости», предысторией Человека, и иначе рождаться не может. Системным качеством этого «царства» и является отчуждение от Человека его деятельности, его общественных связей, природы, другого человека, его самого (*самоотчуждение*) и культуры.

Соответственно, коммунизм в этом контексте определяется не как «высвобождение» некой родовой сущности, а как переход Человека в новое качество его общественного бытия – в мир, лежащий «по ту сторону царства необходимости» (Маркс), как процесс *разотчуждения*². Логика этого снятия достаточно прозрачна: отношения отчуждения (насилие и рынок, рабство и капитал, войны и государство), бывшие до сей поры системой противоречий, двигавших вперед деятельность Человека (рост производительности труда) и его самого (рост населения и продолжительности жизни), культуру Человека и меру его независимости от природы, – эти противоречия становятся тормозом дальнейшего развития всех этих параметров. «Человек отчужденный» упирается в тупик:

- рост производительность труда оборачивается прогрессом симулякров;
- Человек как биологический вид переходит к грани генетического и/или атомного и т.п. самоуничтожения;
- независимость от природы оборачивается разрушением биогеоценозов;
- культура деградирует в масс–культурное ничто...

¹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.

² Понятие введено в научный оборот Л.А. Булавка ее работе «Социалистический реализм. Превратности метода» (М., 2007).

Эти процессы давно известны. Их подробно расписывает и Жижек. Но для нас они важны как эмпирические свидетельства истинности *выведения*, а не просто постулирования необходимости разотчуждения, т.е. коммунизма (в данном случае я не разотчуждение определяю как коммунизм, а коммунизм как разотчуждение; я вслед за десятками крупнейших мыслителей вывожу необходимость снятия социального отчуждения и этот процесс определяю как коммунизм, ничего предварительно не постулируя).

Что здесь важно?

Что коммунизм выводится из пределов не только капитализма (как это делало и делает большинство левых интеллектуалов), но и всей предыстории Человека (как это делали Маркс, Энгельс и десятки моих советских и зарубежных учителей).

(Кстати, именно этот взгляд на процесс современных трансформаций – а именно, их определение как нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», а не просто от капитализма к социализму – и есть главная *differentia specifica советской и постсоветской школы критического марксизма*).

Здесь требуется оговорка: Славой Жижек видит эту грандиозно-масштабность проблемы коммунизма и его не-тождественность снятию капитализма. Видит, но развивает в традиционном для западных левых эко-антропо-апокалиптическом ключе¹.

---

¹ Вот как С. Жижек (со сноской на Негри) характеризует четыре ключевых антагонизма глобального капитализма: «Сегодня единственный настоящий вопрос нужно сформулировать следующим образом: приветствуем ли мы наступившее доминирование капитализма, или же сегодняшний глобальный капитализм содержит в себе достаточно антагонизмов, что его неограниченное воспроизводство оказалось невозможным? Имеются в виду антагонизмы четырех типов: нависшая над горизонтом угроза экологической катастрофы, неуместность распространения понятия частной собственности на так называемую интеллектуальную собственность, социально-этические приложения новых научно-технологических достижений (в особенности в области биоэнергетики) и – не в последнюю очередь – новые формы апартеида, новые Стены и трущобы. Что касается последнего обстоятельства, существует качественная разница – пропасть, отделяющая изгоев от членов общества. Внутри трех других оппозиций находятся области, которые Хардт и Негри определили как “общины” – общую субстанцию нашего общественного бытия, присвоение которого является актом насилия, требующим сопротивления, при необходимости силового:

Нельзя сказать, что он в этом не прав. В выборе предмета он скорее прав. Гораздо более сомнительны его весьма неопределенные представления о путях решения коммунизмом этих глобальных проблем. Между тем, *логика разрешения (снятия) глобальных противоречий (противоречий «царства необходимости» как целого) и есть генезиса «царства свободы».* И это ключ к пониманию природы и путей решения т.н. «глобальных проблем» современности. Причем не только теоретически, но и практически.

Поиск путей решения проблем экологии (их Жижек описывает подробно и не скупясь на апокалиптические акценты) в этом контексте оказывается проблемой нахождения путей генезиса коммунизма, ибо решение экологических проблем предполагает ни что иное, как снятие отчуждения Человека от Природы. Эти проблемы могут решаться более или менее реформистскими/радикальными методами: от минималистских шагов типа предельных уровней загрязнения и других [меж]государственных экологических норм до «эко-ориентированных» форм организации производства, образа жизни и этики или даже методов «прямого действия». Они могут вызывать дебаты о [не]возможности последовательного решения проблем диалога человека и природы в условиях, когда социальная система продолжает покоиться на таких столпах отчуждения как насилие, рынок и капитал. Они могут иметь (и имеют) разную содержатель-

---

- культурные общины, непосредственно социализируемые формы «когнитивного» капитала, в первую очередь – язык, средства коммуникации и образования, а также такие коллективные инфраструктуры, как общественный транспорт, энергосистемы, почта и т. п. (Если бы Биллу Гейтсу было предоставлено право на монополию, мы бы попали в абсурдную ситуацию, когда программная ткань нашей базовой коммуникационной сети в буквальном смысле оказалась бы в руках частного лица);

- общины внешней природы, находящиеся под угрозой вследствие загрязнения и эксплуатации (от нефти до лесов и природной среды обитания вообще);

- общины внутренней природы (биогенетическое наследие человечества) – вследствие возникновения новых биогенетических технологий реальной перспективой стало в буквальном смысле создание Нового Человека путем изменения человеческой природы.

Общая черта всех этих конфликтов – осознание деструктивных тенденций, вплоть до полного самоуничтожения человечества в том случае, если капиталистическая логика названных общин получит свободу развития. / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 335–336.

ную интерпретацию... Однако во всех своих проявлениях они есть генезис иных, ориентированных на снятие отчуждения процессов и в этом (но и только в этом!) смысле есть генезис коммунизма, как минимум – его зародыши в недрах старой системы.

(Любопытно в этой связи используемое Жижекком выражение Дипешу Чакрабартти о том, что ныне люди – это «сила природы в геологическом смысле»¹. Этот тезис, – тезис о превращении Человечества в мощнейшую геологическую силу – был не просто выдвинут, но развит и доказан более 70-ти лет назад в работах выдающегося советского биогеохимика и философа Владимира Вернадского. Замечу: он тогда же сделал вывод о том, что логика развития взаимодействия Человека и Природы и логика коммунизма в главном едины². Этот вывод был хорошо знаком советским ученым, в том числе, социальным философам и политэкономам, уже с 60-х годов прошлого века. Я думаю, он тогда был знаком и западным марксистам, во всяком случае, той их части, кто работал в диалоге с учеными СССР. К сожалению, иные на Западе «открывают» это положение вновь только полвека спустя и без ссылок на родоначальников...).

Возвращаясь к проблемам экологии я могу предложить некоторую гипотезу: *чем более решительные и фундаментальные меры по решению экологических проблем (т.е. проблем снятия отчуждения человека от природы) нам требуются, тем дальше мы должны идти по пути социального разотчуждения: снятия рыночной конкуренции сознательным регулированием и солидарностью; погони за прибылью любой ценой – экологической ответственностью; геополитического соперничества государств – солидарностью международного гражданского общества...*

Я отнюдь не хочу создать у читателя впечатление, что «постепенные реформы и добрая воля экологически-ответственных акторов» решат эту фундаментальную проблему. Отнюдь. К вопросу о коммунистической революции я еще вернусь. Но даже оставаясь в рамках эволюционистски-реформистского «дискурса», нельзя не заметить, что в современном мире экологическая проблема упирается в проблему снятия социального отчуждения.

И вот здесь мы переходим к ключевому вопросу: достаточно поставить проблему так, как она была сформулирована выше, чтобы

¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 295.

² См. В.И. Вернадский о ноосфере. М., 1989. С. 42–43.

тезис о борьбе за коммунизм приобрел вполне осязаемые и практически-актуальные черты. И не потому, что мы «переименовали» проблему. А потому, что мы ее «реформатировали»: *все частные вопросы сегодняшней социальной деятельности, направленной на снятие отчуждения, мы поставили в контекст проблемы «коммунизм», т.е. в контекст (1) единой (2) стратегии (3) снятия всех форм социального отчуждения как целого.*

Что следует из этих трех пунктов?

Многое. Причем хорошо известное, но большинством левых интеллектуалов «не замечаемое».

Во-первых, необходимость и актуальность *взаимоувязки всех форм социального противодействия всем формам социального отчуждения*. В той мере, в какой мы соединяем в единую сеть борьбу за сохранение природы и занятость; за социальные и гражданские права; за права мигрантов, молодежи и женщин (в той мере, иначе говоря, в какой феминисты и экологи выступают в поддержку требований студентов и профсоюзов, профсоюзы и студенты – пацифистов и мигрантов, пацифисты и мигранты – экологов и феминистов), – в этой мере *мы действуем по коммунистически*. И такое действие уже давно и во многих случаях (хотя далеко не везде и не всегда) стало практикой.

Но это еще далеко не коммунизм даже в его самом исходном смысле. Это лишь одно из *слагаемых коммунистически-ориентированной деятельности*. Эта ориентация, во-вторых, связана с тем, что мы *все локальные и реформистские по своим масштабам шаги увязываем со стратегией разотчуждения, социального освобождения*. А это значит, измеряем (от слова мера – в единстве качественных и количественных параметров) наши шаги реальным продвижением к коммунизму (например, шаги по сокращению, рабочего времени соизмеряем не просто с текущими проблемами условий продажи рабочей силы, а со стратегической задачей роста свободного времени как части проблемы освобождения труда).

В-третьих, стратегическая задача разотчуждения ставит все наши шаги по борьбе за социальное освобождение в контекст решения главной (и революционной по своей сути) задачи – *снятия отношений рынка, капитала, власти государства и других отчужденных политических сил, идеологии и других отчужденных форм духовного производства*.

Из этого не следует, что мы должны немедленно требовать уничтожить рынок или государство. Процесс их снятия революционен по сути, но может занять и займет длительный отрезок социального времени. Более того, он, очевидно, будет *не линейен*, включая период реформ и контр-реформ, революций и контр-революций, решительных социальных атак и отступлений¹. Но он будет процессом генезиса «царства свободы» и с этой стратегической целью мы будем соизмерять конкретные шаги – реформы, революции, отступления и продвижения вперед. И эта мера (всякий раз конкретно-историческая) станет важнейшим стратегическим критерием для принятия конкретных тактических решений в самых разных ситуациях в самых разных странах для самых разных проблем (от поддержки тех или иных форм экологических ограничений до курса на вооруженное восстание против фашистской диктатуры...).

Результирующим моментом этой борьбы становится *содействие гармоничному и свободному развитию личности в мире культуры*, понимаемой в этом случае не как «отрасль общественного производства», а как идеализация опредмеченного богатства коллективного человечества во всем его социопространственном и социовременном (историческом) измерении. При таком подходе станок как опредмеченная технология, а не как средство производства есть культура; природа как самоценность, как красота есть культура; художник как субъектное бытие творчества есть культура...).

Свободное всестороннее развитие человека как критерий прогресса (сугубо марксистский, я бы даже сказал – маркситско-ленинский, ибо он настойчиво подчеркивался Ульяновым во всех его

---

¹ О последних с вполне уместной ссылкой на Ленина хорошо пишет Жижек, правда, делая из этого неожиданный вывод о необходимости возврата к неким истокам коммунизма, а не к опыту 1917–1989-го // См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 330. Спору нет, опыт СССР требует своего критического анализа, но отступать (даже теоретически) далее к истокам бессмысленно и вредно: мы потеряем многое из того, что обрели. Простая аналогия с восхождением на гору и поиском обходных путей работает далеко не везде и не всегда. Да и ленинское «отступление» к нэпу было на самом деле продолжением логики выращивания социализма, намеченной еще до Гражданской войны и «военного коммунизма» в «Очередных задачах Советской власти» (о чем прямо писал сам Ленин), причем отступлением, критически учитывавшим, а не отбрасывавшем опыт «Военного коммунизма». Та же логика уместно, на мой взгляд, и по отношению к опыту «мутантного социализма».

работах и даже партийных документах как высшая цель коммунистического движения¹) ныне не принято даже упоминать. То ли потому, что, как известно (любому первокурснику–постмодернисту), прогресса нет и потому у него нет критерия. То ли потому, что нынешний то ли мультикультурно–, то ли фундаменталистски–ориентированный обыватель страшно далек от этого идеала. То ли потому, что этот идеал слишком жестко задает критерии для решения кажущихся чрезвычайно сложными и неопределенными проблем человеческого бытия.

(В свете этого критерия просто не значимы такие «величайшие» проблемы как «тяга к смерти», или «одиночество», или еще какой–нибудь психопатологический выверт в лучшем случае в стиле Фрейда, в худшем – превратившегося в реальность голливудского ужасика...).

Марксистская теория личности (а я вырос на серии очень сильных работ по проблеме человека в теории Маркса²) для меня всегда была не сумой рефлексий мучительно копающегося в своей [шизофренической?] психике и *принципиально–не–совершающего–социально–ответственных–поступков* интеллектуала, а проблемой мышления и действия, ответственности и выбора активного субъекта общественной деятельности. Проблемой, в какой мере и почему Ты [не]можешь брать на себя ответственность за организацию забастовки, которая с большой вероятностью потерпит поражение. Проблемой остаться на смерть в заслоне, прикрывая отход товарищей от фашистской атаки, или идти во главе отступающей группы (потому что Ты лучше других знаешь, как спасти отряд), оставив прикрывать ваш отход (оставив на верную смерть!) своего товарища...

---

¹ Характерно в этом плане известное критическое замечание В.И. Ленина на Второй проект программы РСДРП Плеханова. Ульянов указывает, что будущее общество предполагает не просто планомерную организацию общественного производительного процесса для нужд как всего общества, так и отдельных его членов (вариант Плеханова), но организацию за счет всего общества и «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития в с е х его членов» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 6, с. 232).

² Кроме уже упомянутых работ А. Леонтьева и Э. Ильенкова, а так же коллективной книги «Проблема человека...», назову очень интересную коллективную работу «С чего начинается личность» (М., 1979).

Но не проблемой тяги к самоубийству после несколько большей, чем обычно, дозы «травки», не говоря уже о великой(!) проблеме гонора или выбора одной из тысяч моделей нового автомобиля...

Я понимаю, что для большинства интеллектуалов Запада поставленные мной вопросы (в отличие от проблем гонораров или передозировки травки) не существуют. И обращаясь к западному интеллектуалу надо обсуждать волнующие его проблемы. Но это не проблемы генезиса коммунистической личности. Это проблемы деградации постмодернистского индивидуума. Конечно же, мы должны думать, как изменить внутреннюю жизнь такого индивидуума, но, повторю, это другая проблема

И потому мне лично было скучно читать «рефлексии» Жижекa на фрейдистско-кафкианские темы, даже не смотря на то, что они выдержаны «в красном цвете». Скучно, ибо ни в России, ни в Западной Европе, ни в США, ни в Латинской Америке среди тысяч моих товарищей по социальному творчеству я не встречал никого, кто сколько-нибудь серьезно заморачивался проблемами самоубийства или реализации неудовлетворенной сексуальности: им некогда на эту ерунду тратить время (хотя они знают не понаслышке что такое реальная угроза смерти и цена настоящей любви!). Перед ними стоит столько серьезнейших, мучительных стратегических проблем социального освобождения и столько очевидно требующих твоего немедленного личного вмешательства тактически-неотложных социальных практик...

Действительная проблема проблем Личности в коммунистическом контексте – это не проблема декадентствующего интеллигента. Это гораздо более сложная проблема *превращения обывателя в социального творца*. Обывателя в разных его ипостасях: Хама и Интеллектуала, Раба и Господина, Капиталиста и Пролетария (да-да и пролетария тоже: в той мере, в какой наемный работник живет и действует как всего лишь частный собственник своей рабочей силы и потребитель-покупатель, в этой мере он обыватель).

Обыватель теоретически может быть определен как человек-марионетка, раб стоящих над ним сил отчуждения и созданных ими правил, действующий в строгом соответствии с этими правилами. И если ты клерк, то ты должен каждую субботу заниматься шопингом, растить двух детей, заниматься любовью в соответствии с почерпнутыми из сериала рекомендациями, мечтать о выплате ипотеки за дом, двух (новых!) машинах и отдыхе на Гавайях. Если ты Левый Ин-

теллектуал, то ты не должен стремиться к двум машинам и отдыху на Гавайях (а если все же стремиться, то в секрете от своих коллег), но должен любить Кафку и Достоевского, не любить Маяковского и Ленина (а лучше даже не знать вообще; как в СССР: я Пастернака не читал, но осуждаю...), покуривать (изредка) травку и размышлять о самоубийстве, но при этом не забывать жестко торговаться с издателем по поводу гонорара за новый текст.

В этой связи я с удивлением и радостью обнаружил у Жижек некоторые «рефлексии» в связи с проблемой выхода за рамки нравственно-правовых ограничений мира отчуждения¹. Жижек совершенно недвусмысленно и правомерно фиксирует жесткое и, я бы сказал, «дурное» противоречие, свойственное типичному западному обывателю. С одной стороны, терпимость к узаконенным и принятым моделям жизни и поведения меньшинств. С другой – абсолютная нетерпимость к нарушителям общепринятых правил: пользоваться легким наркотиком можно, но курить в общественных местах запрещено; ходить голым по пляжу пожилому жирному мужику можно (и едва ли не обязательно; на человека в купальном костюме смотрят с подозрением), а одеть в университет платье с декольте и туфли на каблуках красивой девушке категорически нельзя. Зато ходить на занятия в шлепанцах на босу ногу и меховой шапке можно.

И это не странности и глупости. Это характерный для «культурного капитализма» *тоталитаризм правил*, тоталитаризм институтов, жесткое подчинение жизни внешне заданным этико-правовым нормам (среди которых обязательная толерантность к меньшинствам и мультикультурность). Альтернативой этим псевдосвободам выступает другой вид институционального террора – фундаментализм. Противоречие этих двух сторон одной медали Жижек фиксирует достаточно четко. Но вот что дальше? Где решение парадоксов «мультикультурности» и однозначностей фундаментализма?

Решение подсказывает логика предыдущих рассуждений: гармоничное развитие человека в диалоге с другим человеком и культурой становится критерием для решения этико-правовых проблем. Это критерий для того, чтобы решать, закрывать или не закрывать лицо исламским женщинам, развивать или не развивать многоженство исламских мужчин, пропагандировать или нет европейскую

---

¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 399.

«мультикультурность» сексуальность предпочтений и гомосексуализм. Критерий в этом случае задает не католическая, протестантская, православная, исламская, иудейская, буддистская или иная религия (т.е. отчужденная форма общественного бытия). Критерий задает мировая культура Человека, в которой любовь Лейли и Мейджунун так же не совместима с внешними ограничениями мира человека, как и любовь Ромео и Джульетты или чувства ухививших летом 1941-го добровольцами на фронт советских десятиклассников и десятиклассниц...

Этот критерий выступит против постмодернистского тоталитаризма безразличия-ограничения (дома – колись, в кафе не кури) и фундаменталистского диктата, задавая общественный идеал Красоты, Истины и Добра и он будет динамично, открыто жестким. Общество через открытый диалог, спор, полемику, но с последовательно проводимой стратегией будет активно (но не принудительно) содействовать движению к своему идеалу – к коммунизму. Востребованной обществом все больше может и должна становиться та культура, та этика, которые непосредственно включают Человека в процесс социального творчества, в процесс разотчуждения. И в этом процессе критерии этики и эстетики в главном будут совпадать: неслучайно же В.И. Ленин прямо сказал, что этика будущего – это эстетика.

При такой – коммунистической – постановке проблемы эстетика безобразия и деконструкции окажется врагом социального созидания. Она не поможет даже социальной критике, ибо сама несет (эстетическое) отчуждение. И этика абсолютного соблюдения внешних жестких правил окажется врагом разотчуждения, ибо любое правило должно восприниматься критически и соблюдаться только в той мере, в какой оно не противостоит делу социального освобождения. И в этом случае «этические» нормы, превращающие женщину в рабу семьи (паранджа или хиджаб лишь внешнее проявление этого положения), равно как и «европейские» нормы сексуальной «раскрепощенности» окажутся *этически* неприемлемы с точки зрения... стратегии социального освобождения.

Я прекрасно понимаю, что эти строки вызовут у просвещенного западного интеллигента и их постсоветского адепта однозначную реакцию: вы предлагаете нового «старшего брата», который будет нас «учить жить», ограничивая свободу личности и творчества. Лишь две коротких реплики в этой связи:

Первая. Сегодняшний «культурный» капитализм и ставший тоталитарно–господствующим рынок¹ предельно жестко навязывает человеку набор ограничений и правил. Они формально объявляют отказ от каких–либо критериев «истины», «добра» и «красоты», но реально диктуют очень жесткий критерий: художественно, нравственно и научно все то, что содействует росту продаж и прибылей. И этот диктат подчиняет себе и «рядового» человека, и его творческого собрата жестче, чем любая сталинская цензура.

Вторая. Недвусмысленное выдвижение критериев прогресса (в том числе – эстетических и этических), в их связи с развитием человека и культуры предполагает не внешнее – партийно–государственное или тоталитарно–рыночное – их навязывание, а формирование социально–творческих, самими людьми (в том числе, самими художниками, учителями, учеными...) формируемых свободных, но деятельностно–активных форм воздействия на общественное этико–эстетическое развитие. А что до практических форм такого воздействия – поинтересуйтесь хотя бы опытом организации художественной жизни Парижской коммуны...

Вот почему в завершение этого пассажа о коммунизме как практике я бы сформулировал довольно жесткий императив: *грядущая коммунистическая революция будет непосредственно не столько революцией против структур, сколько революцией против [тоталитаризма] правил – против правил, обеспечивающих власть социального отчуждения и, прежде всего, гегемонию глобального капитала как высшую форму этой власти. Это будет революция, создающая возможность самим людям творить свою общественную организацию, «выращивать» коммунизм.*

3. Коммунизм как теория (вместо заключения)

Так что же такое коммунизм?

Вернемся к Жижеку. Сама постановка этой проблемы, повторю, делает честь этому ученому. Но если же смотреть на проблему содержательно, то все становится гораздо сложнее. Для Жижека (и Бадью, на которого он прямо ссылается²) – коммунизм – это Идея (именно так, с большой буквы, как и Бог и многое другое неопреде-

¹ Обоснование этого вывода содержится в нашей работе «Глобальный капитал».

² См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 330.

ленно-многозначное и обязательно с большой буквы; я и то, как заметил читатель, заразился у автора «Размышлений в красном цвете» этим пристрастием к заглавным буквам). Идея, обращенная к «сингулярной универсальности» (на удивление четкое и, главное, любому понятное определение коммунизма¹). Эта Идея, однако, не есть нечто исключительно благопожелательно-идеальное в духе «этического социализма». Это, скорее, Идея как то, что реально существует в постоянно продолжающейся борьбе, где (если я сколько-нибудь адекватно распредметил жижекские рефлексии по поводу Канта и Рорти, используемые им для прояснения понятия... коммунизм) индивидуальное становится универсальным а человек обретает свободу: *«в мгновения энтузиазма каждый из нас свободен и принадлежит царству универсальной свободы человечества»*² (курсив мой – А.В.).

Последняя фраза, на мой взгляд, наиболее важна, тем более, что она служит своего рода крещендо в диалогах Жижека с Кантом и Гегелем по поводу Великой французской революции (исходный импульс трактовки энтузиазма как главного в освобождении, даруемом революцией, принадлежит именно этим двум великанам немецкой классической философии). Здесь Жижек почти догадывается о ключевой связке *революционной энергии масс, «энтузиазма» (социально-го творчества, непосредственно проявляющегося ярче всего именно в энтузиазме), социального освобождения и коммунизма как единых (хотя и разноакцентированных) феноменов*. Собственно говоря, я даже уверен, что Жижек прекрасно знает эту (ленинскую по своей основе) связку, но просто не хочет ее сколько-нибудь четко выразить.

Для этого не-выражения опять же есть основания: такая трактовка коммунизма была бы «старомодна». А Жижек и так чересчур (с точки зрения постмодернистских левых) «старомоден», поэтому (? – во всяком случае, мне так кажется) он и играет в коммунизм на чужом поле и при помощи чужого языка.

Но это как минимум ошибка: эта «игра» и этот язык оказываются небезобидны. Они подвигают автора «Размышлений...» к явному упрощению, когда он предлагает (опять же с косвенной ссылкой на Бадью) *четыре «инварианта» («концепта») коммунизма:*

- эгалитарная справедливость;

¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 347.

² Там же. С. 350.

- дисциплинарный террор;
- политический волюнтаризм;
- вера в народ.

И все это инварианты, которые действовали со времен Платона, средневековых бунтов и дожили до якобинства ленинизма и маоизма...

Конечно же с точки зрения классического марксизма это утверждение *кажется* просто безграмотным неразличением очевидно различных идейно- и социально-революционных феноменов. Но я бы не спешил выносить приговор. Я бы здесь прочел иное.

Во-первых, выраженный в нарочито эпатажной форме (Жижеку вообще присуще стремление к эпатажу, причем часто никому не нужному) но принципиальный для автора «Размышлений...» акцент на дисциплине, действии, готовности к насилию, народности. Последнее, скорее, стремление противопоставить себя безвольно-конформистским (по отношению к «правилам цивилизованного общества» где разговоры о приоритете свободы индивида и демократии давно уже стали индульгенцией на социальную импотенцию) левым интеллектуалам, чем действительный призыв к организованному и дисциплинированному массовому субъекту будущей борьбы. В пользу *такого* понимания Жижека говорит абстрактность этих «инвариантов», нарочито не разделяющих политически и теоретически абсолютно разных Ленина и Мао (не говоря уже о Платоне), формы организации средневековых бунтов и «партию нового типа»... Но сама по себе постановка такой проблемы – уже большой плюс для «бытийствующего» в постмодернистской среде интеллектуала.

Во-вторых, за этими постулируемыми Жижеком «инвариантами» для меня скрыто опять же эпатажное, но очень важное выражение старой доброй марксистско-ленинской идеи о *коммунистичности любой революции* как процесса социального освобождения и непосредственного творения истории массами. Именно это делает революции «праздником угнетенных» и «локомотивом истории». Упомянутый выше пассаж Жижека об энтузиазме, говорит о том, что я здесь скорее прав, чем не прав.

И еще один аспект, навязчиво проводимый Жижеком через всю книгу: *противопоставление коммунизма и социализма*. Противопоставление, доведенное до вывода о том, что сегодняшняя и завтрашняя борьба – это борьба коммунизма не с капитализмом, а с социализмом.

Здесь опять же много от игры в парадоксы и афоризмы, но за ней скрыта принципиальная позиция: *реформистский взгляд на альтернативы глобальному капитализму устарел*. Называя «социализмом» опыты XX века (в том числе и советский опыт, который он, правда, в других местах обозначает как коммунизм), Жижек подразумевает под «социализмом» прежде всего частичное реформирование глобальной гегемонии капитала, причем реформирование в ряде случаев идущее на пользу самому капиталу (например «финансовый социализм» как поддержка обанкротившихся спекулянтов за счет налогоплательщиков) или лишь камуфлирующее его господство (в формах «культурного», «бесконфликтного» капитализма).

В этом смысле Жижек прав, когда говорит о недостаточности социализма в первом смысле (социализма как практики СССР и других «социализмов»), образно указывая на то, что альтернативой миру отчуждения может быть лишь принципиально более масштабный сдвиг к «солидарному органическому сообществу», а не «эгалитарному коллективизму», что национал-социализм возможен, а национал-коммунизм – нет¹.

(Я бы здесь вспомнил о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только от капитализма к «социализму» как действительном масштабе перехода).

---

¹«Именно в этом смысле Негри был прав, когда дал своему труду антисоциалистическое название “Прощайте, господин Социализм”: коммунизм должен противостоять социализму, поскольку последний вместо эгалитарного коллектива делает ставку на солидарное органическое сообщество; нацизм – это национал-социализм, а не национал-коммунизм. Социалистический антисемитизм возможен, коммунистический нет. (Если возникает видимость существования такового, как это было в последние годы правления Сталина, это лишь признак отхода от революционных принципов.)

Недавно Эрик Хобсбаум выступил со статьей, озаглавленной «Социализм провалился, социализм обанкротился. Что дальше?». / Сл. Жижек. Указ. соч. С. 338–339; «Как говорил Майкл Харт, если капитализм отстаивает частную собственность, а социализм – собственность государственную, то коммунизм выступает за преодоление в коммунах собственности как таковой. Социализм есть, согласно определению Маркса, «начальная стадия коммунизма», на которой мы обречем лишь то, что Гегель назвал бы абстрактным отрицанием собственности, то есть отрицанием собственности в области, имея в виду «универсализированную частную собственность». / Сл. Жижек. Там же. С. 339.

Социализм во втором смысле – это реформы внутри капитализма, оттягивающие закат последнего¹. И критика этого реформизма Жижекком вполне уместна. Но опять же есть «нюанс»: есть реформы и реформы. Есть «финансовый социализм», отнимающий деньги у рядовых граждан и передающий их олигархам, проигравшимся в «казино-капитализме». Но есть и реформы, сокращающие рабочий день, развивающие общедоступное образование, содействующие снятию интеллектуальной собственности и т.п. Наконец, есть реформы, помогающие выращивать свободные добровольные работающие ассоциации и создавать предпосылки коммунистической революции...

Так чем же в результате оказывается коммунизм?

Для Жижека – «красноцветным взглядом» на проблемы современности (на английском книга называется «Reflection in a Red Eye»), эпатажным «концептом», акцентом на революционном, организованном и дисциплинированном, опирающемся на доверие к народу пути освобождения...

Для автора этих строк – скорее снятием классических марксистских положений о коммунизме в их развитии и критическом приложении к реалиям социально-политической борьбы XXI века. Именно последнее показывает практическую актуальность постановки коммунизма в повестку дня для решения всех ключевых вопросов современной борьбы за «другой мир». Вопросы экологии и интеллектуальной собственности, «мультикультурности» и эксплуатации, субъекта социального творчества (движения или партии?) и стратегии борьбы – все они требуют рассмотрения сквозь призму «коммунистичности». И за постановку этой задачи и провокацию на дискуссию по этому вопросу я искренне благодарен Славою Жижеку.

---

¹ Жижек в этой связи замечает: «Таким образом, название статьи, появившейся в номере Newsweek от 16 февраля 2009 года, «Ныне мы все социалисты» и ее подзаголовок «Во многих отношениях наша экономика уже походит на европейскую» в полной мере правомерны, если понимать их правильно: даже США, которые являются бастионом экономического либерализма, капитализм ради спасения себя вновь порождает социализм» Сл. Жижек. Указ. соч. С. 339.

* * *

PS. И еще одна благодарность словенскому ученому: этот текст я писал в бывшем советском санатории. В пространстве со старыми стенами, старым советским меню (на завтрак котлеты, макароны, вареные яйца, каша, много хлеба и скверный кофе...), старыми советскими (строго-ворчливо-заботливыми) сотрудниками... Писал в собственное удовольствие, на целых пять дней выключившись из балаганного фарса российского капитализма и драмы социальной борьбы российских левых. Писал, посвятив эти часы и дни чтению интересной книги и работе над важной проблемой, работе как отдыху и отдыху как работе...

В общем, спасибо товарищу Жижеку за 5 дней коммунизма!

29 января – 2 февраля 2011 г.

Библиография

1. Абовин–Егидес П.М. Наш звездный час. М., 2000.
2. Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2005.
3. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / Под ред. Степашина С. – М.: Издательство «Олита», 2004.
4. Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. М., 1997.
5. Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. С. 375–465).
6. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005.
7. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. (Серия "Философы России XX века"). СПб., 1997.
8. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., «Наука», 1990.
9. Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М., 2003, 2007.
10. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология.
11. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мы пойдем другим путем. М., 2009.
12. Бузгалин А.В. Шансы России в глобальной неэкономике. М., 2003.
13. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. М., 2005.
14. Бузгалин А. Противоречия самоуправления, централизма, самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988;
15. Бузгалин А. Анти–Поппер. М., 2003.
16. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004, 2007;
17. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Анатомия бюрократизма. М.: Знание, 1988.
18. Боффа Дж., История Советского Союза. Т. 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. – М.: Междунар. отношения, 1994, с. 17.

19. Бунин. И. Миссия русской эмиграции // Великий дурман. М., 1997. С. 132.
20. Булавка Л.А. Коммунизм возвращается. Маяковский. // Альтернативы. №2. 2006.
21. Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М., 2008.
22. Булавка Л.А. Социалистический реализм. Превратности метода. М., 2007.
23. Бутенко А.П. Наука, политика, власть. Воспоминания и раздумья. М., 2000.
24. Вазюлин В.А. Логика истории. М., 1974,
25. Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С. 82.
26. Водолазов Г.Г. Диалектика и революция. М., 1978.
27. Воейков М.И. Политико-экономическая интерпретация русской революции. – “Экономико-философские тетради”. Вып. 1. М.: URSS, 2003.
28. Волконский В. Институциональные проблемы российских реформ. – М.: Диалог–МГУ, 1998.
29. Воейков М.И. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. М., 2003.
30. Всемирная история. Парижская коммуна. Т. 7. М.
31. Всемирный доклад ЮНЕСКО. К обществам знаний. Париж: Юнеско, 2005. 240 с.
32. Выгодский Д. Пролетарское искусство // Жизнь – творчество. 1919. № 3.
33. Гегель Г. Наука Логики. Т. 2, М., Мысль, 1971.
34. Гинзбург Л. Человек за письменным столом // Новый мир. 1982. № 6.
35. Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004.
36. Горький М. Наброски к портретам // Архив Горького Т. XII. М., 1969.
37. Грабарь И. О древнем русском искусстве. М., 1966.
38. Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х частях. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.
39. Горяинов С. Деньги террора. Кто оплатил Беслан? М.: Издательство «Европа», 2005.
40. Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922.
41. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. /Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.

42. Демократия и рынок: противоречия и альтернативы. Под ред. М.И. Воейкова. М., 2009.
43. Дзарасов Р. Пятидневная война на Кавказе: события и размышления. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
44. Дзарасов Р., Новоженев Д. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. – М.: URSS, 2009.
45. Дзарасов Р. Дилемма Ленина. Свобода и необходимость в судьбе русской революции. – Альтернативы. – 2010, № 2.
46. Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики. М., 2005.
47. Дзержинский Ф.Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977.
48. Дорофеев Е. Модели ценообразования на российском фондовом рынке: Дис. ... канд. экон. наук. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.
49. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
50. Застой. Дисконтенты СССР / Под ред. Л. Булавки, Р. Крумма. М., 2010.
51. Зигмунт Бауман. Свобода. М. 2006.
52. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000.
53. Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1979.
54. Зотов А. Декоммунизация, а не десталинизация. // Русский журнал. Май–Июнь. 2011.
55. Ильин И.А. О частной собственности. «Русский мир». №1. 2000.
56. Из культурной жизни в СССР. 1917–1927. Хроники. М., 1975.
57. Индикаторы инновационной деятельности: 2009 / Стат. сб. – М.: Росстат РФ, Минобрнауки РФ, ГУ–ВШЭ, 2009.
58. Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988.
59. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. – М.: Ультра. Культура, 2004.
60. Кант И. Сочинения в 6-и т. М. 1966.
61. Капелюшников Р. Крупнейшие и доминирующие собственники в российской промышленности: свидетельства мониторинга РЭБ // Вопросы экономики. – 1999. – №10.
62. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.
63. Кастельс М. Галактика Интернет. У–Фактория, 2004.
64. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005.
65. Каутский К. Эрфуртская программа. М.: Госполитиздат, 1959.

66. Карр Э. История советской России. Кн. 1. Большеви́стская революция 1917–1923. Том 1 и 2. М., 1990.
67. Кеменов В. Историческая живопись Сурикова. – М.: Искусство, 1963.
68. Клейнборт Л.М. Рабочий класс и культура. М., 1925. Т.2.
69. Киреев А. Звонкий голос. // Литературная Россия. 1976, № 21.
70. Керженцев В. Культура и советская власть. М. 1919.
71. Коротков А. Послесловие к матрице. М.: МГИМО–Университет, 2009.
72. Кутырев В.А. Философия постмодернизма, Нижний Новгород: Издательство Волго–Вятской академии госслужбы, 2006.
73. Кто творит историю: альтерглобализм и Россия / Под ред. Бузгалина А., Ожогойной Л., М., 2011.
74. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М., Институт социологии РАН, 2009,. Раздел 3.
75. Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924). Сб. документов. Т.1. Ташкент, 1973. С. 144.
76. Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1994;
77. Колганов А.И. Собственность на знания как тормоз развития креатосферы //Альтернативы. 2002, №1.
78. Колганов А.И. Что такое социализм. М., 2011.
79. Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chaldize publications. 1986.
80. Коэн С. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв. М.: АИРО–XXI, 2011.
81. Коэн С. Почему распался Советский Союз? // Свободная мысль, № 3, 2008.
82. Корнев А. Возможности ускоренного обновления активной части основного капитала отраслей промышленности // Проблемы прогнозирования. – 2009. – № 5.
83. Котельников М.Е. Диалектика науки и идеологии в историческом развитии марксизма. Докторская диссертация. М. 2009.
84. Красильщиков В.А. Человеческое развитие и изменения в мировой системе. Опыт количественного анализа. – М.: Институт Латинской Америки РАН.
85. Кризис: альтернативы будущего (под ред. А. Бузгалина, П. Линке). М., 2010.

-
86. Кузнецов П. По ту сторону отчуждения. М., 1990.
  87. Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975.
  88. Ларин Ю. Производственная пропаганда и советское хозяйство на рубеже 4-го года. М., 1920.
  89. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55 томах. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
  90. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
  91. Либерализм, социал-демократия, коммунизм: академическая дискуссия. М., 2005.
  92. Лифшиц Мих.. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция. 2003.
  93. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991.
  94. Луначарский А.В. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. Эстетика. Литературная критика. Статьи. Доклады. Речи. (1903–1928). М., 1967.
  95. Люсьен С. Марксизм и теория личности. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1972.
  96. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1955.
  97. Межуев В.М. Культура и история. М., 1976.
  98. Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. – М.: Международные отношения, 2004.
  99. Мировые кризисы XXI века: принципы, природа, альтернативы, преодоление М., 2009. Могильницкий. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к её осмыслению / Октябрь 1917. Вызовы для XXI века / Под общ. Ред. А. Сорокина. – М.: Ленанд/URSS, 2009.
  100. Науменко Л.К., Монизм как принцип диалектической логики, Алма-Ата, «Наука», 1968.
  101. Науменко Л.К., «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., URSS, 2012.
  102. На пути к экономической демократии (в 2-х томах) М., 1994.
  103. Некоторые вопросы исследования советской культуры. М., 1987.
  104. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 2-х томах. М., 1954.
  105. Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М. 2009. С. 23
  106. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989 № 3.
  107. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Вопросы философии. 1989 № 4.

-
108. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного развития // Проблемы прогнозирования. – 2002. – № 1.
  109. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: специфические черты, модели его организации // Проблемы прогнозирования. – 2002. – №2.
  110. Пастернак Б. Люди и положения // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991.
  111. Платонов А. Усомнившийся Макар// Платонов А. Впрок. Проза. М., 1990.
  112. Плеханов Г.В. Год на родине. В сб.: От первого лица. М., 1992.
  113. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. I. – М.: Госполитиздат, 1956.
  114. Радыгин А. Собственность и интеграционные процессы в корпоративном секторе (некоторые новые тенденции) // Вопросы экономики. – 2001. – №5.
  115. Реактуализация классической философии и политической экономики. М., 2009.
  116. Россели К. Либеральный социализм. М., 1989. С. 17. (Далее ссылки даются по этому изданию).
  117. Розанов В. Как начала гноиться наша революция // Розанов Вас. Уединенное. М., 2006.
  118. Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990.
  119. Рубби А. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России, М.: «Международные отношения», 2004.
  120. Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
  121. Славин Б.Ф. Ленин против Сталина. Последний бой революционера. М., 2010.
  122. Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Т. 1. М., 2006.
  123. Сорокин П. Предисловие. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
  124. Социализм–21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М. Культурная революция. 2009.
  125. Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин (под ред. И.Г. Абрамсона, П. Линке, В.А. Офicerова). М. 2011.

-
126. Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория / Под ред. М.И. Воейкова. М., 2007.
  127. Социальная экономика: теория и практика. М., 2009.
  128. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008 / Стат. сб. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2008.
  129. СССР: незавершенный проект истории. М.: Ленанд/URSS. 2012.
  130. Старцев В.И. Л.Д. Троцкий (страницы политической биографии). М., 1989.
  131. Степун Ф.А. Мысли о России //Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
  132. Стратегия России: общество знаний или средневековье? / Под ред. А.И. Колганова. М., 2008.
  133. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма / Собрание сочинений, Т. V. – М.: Издательство академии наук СССР, 1958.
  134. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008.
  135. «Третий путь» Дмитрия Медведева. Россия в глобальной политике. 2010. №5.
  136. Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт. – М.: Московский рабочий, 1991.
  137. Троцкий Л. История русской революции. Т.2, ч. 2. М., 1997.
  138. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.
  139. Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. // Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. № 36–37.
  140. Тютюкин С.В. Меншеизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002.
  141. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Под ред. Вартановой Е.Л. / перев. М.В. Арапов Н.В. Малыхина. М.: Аспект Пресс, 2004.
  142. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970.
  143. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.2. ПБ. 1992.
  144. Фридман Милтон. Капитализм и свобода. М.2006.
  145. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.
  146. Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.
  147. Человеческий потенциал модернизации России (стратегия опережающего развития 2006) .М., 2006.

148. Человек. Земля. Космос (под ред. А.Бузгалина, П.Линке). М., 2011.
149. Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 – 1917–1922 годы / Пер. с англ. Е.М. Ковалева. – М.: Весь мир, 1997.
150. Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство. М., 1987.
151. Шуровьески Д. Мудрость толпы. М.: ИД Вильямс, 2007.
152. Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. 1. М., 1964.
153. Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // О поэзии. Л., 1969.
154. Эренбург И. Дай оглянуться. Письма. 1908–1930. М., 2004.
155. Экономическая демократия. М., 1992.
156. Ярошевский Т. Личность и общество. М., Прогресс, 1973.
157. 1917–2007: Уроки СССР и будущее России. М., 2007.
158. Amin S. 2011: An Arab Springtime? // Monthly Review. – 2011. – Vol. 63. – No. 05 (October).
159. Bell D. A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore. – Political Theory, 1997, vol. 25, № 1.
160. Blair M. (ed.), The Deal Decade. What Takeovers and Leveraged Buyouts Mean for the Corporate Governance. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1993.
161. Bair J. (ed.). Frontiers of Commodity Chain Research. – Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.
162. Blumler J., Coleman S. Realising Democracy Online: A Civic Commons in Cyberspace // IPPR / Citizens Online Research Publications, No 2. March 2001.
163. Brenner R. The Boom and the Bubble. The US in the World Economy. – London, New York: Verso, 2003.
164. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age, Cambridge, California: Polity Press, 2012.
165. Chossudovsky M. The globalisation of poverty. Impact of IMF and World Bank reforms. – London etc.: Zed Books Ltd., TWN Third World Network, 1997.
166. Crouch C. Post-Democracy, Cambridge/UK, Polity Press, 2004
167. Darendorf R. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? – The Responsive Community, 1995, vol. 5, № 3.
168. Dewey J. The Public and its Problems. Athens, 1991(reprint).
169. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.Y., 1966.

170. Dolgopyatova T. Evolution of the Corporate Control Models in the Russian Companies: New Trends and Factors. SUHSE Working Paper WP1/2005/04. – Moscow: State University – Higher School of Economics, 2005.
171. Dzarasov R. Eichnerian megacorp and investment behaviour of Russian corporations // Cambridge Journal of Economics. – 2011. – Vol. 35. – No. 1. – January.
172. Dzarasov R. Insider Control and Investment Behaviour of Russian Corporations. PhD. Thesis. Stoke-on-Trent, UK, 2007, Ch. 6.
173. Frank A.G. Lumpen-bourgeoisie: Lumpen-development. New York – London: Monthly Review Press.
174. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – London: Penguin Books Ltd., 1992.
175. Goldman M. Petrostate. Putin, power and the new Russia. – New York: Oxford University Press, Inc., 2008.
176. Greider W. One world, ready or not: the manic logic of global capitalism. – N.Y.: Simon & Schuster, 1998.
177. Guscina A. Effects of Globalization on Labor's Share in National Income. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, WP 06/294, 2006.
178. Hindman M. The Myth of Digital Democracy. Princeton University Press, 2009.
179. Hocking J., Lewis C., Counter-Terrorism and the Post-Democratic State, London, Edward Elgar, 2008.
180. Hopkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – London: John Murray (Publishers) Ltd., 1990.
181. Ivanova M. Money, housing and world market : the dialectic of globalised production // Cambridge journal of economics. – 2011. – Vol. 35. – No. 5.
182. Jones V. Rebuild the Dream. – New York: Nation Books, 2012.
183. Karl E. Meyer & Shareen B. Brysac. Tournament of shadows. The Great Game and the race for empire in Central Asia. – New York: Basic Books. A member of the Perseus Book group, 1999.
184. Keane J. The Life and Death of Democracy, W.W.Norton and Company, N.Y., London, 2009.
185. Kleveman L. The New Great Game. Blood and Oil in Central Asia. – London: Atlantic Books, 2003.
186. Late Marx and the Russian road: Marx and 'peripheries of capitalism' / a case presented by Teodor Shanin. – London: Routledge & Kegan Paul, 1984.

187. Lane D. Elites and classes in the transformation of state socialism. – New Branswick (USA), London (UK): Transaction publishers, 2011.
188. Lucas E. The new Cold War. How the Kremlin menaces both Russia and the West. – New York: Palgrave MacMillan, 2008
189. Mason P. Why It's Kicking off Everywhere? The New Global Revolutions. – London: Verso, 2012.
190. Miliband R. Marxism and Politics. (Marxist Introductions). – Oxford: Oxford University Press, 1977.
191. Menshikov S. The anatomy of Russian capitalism. – Washington: Executive intelligence review news service, 2007.
192. Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. L., 1970.
193. Morlino L. Changes for Democracy: Actors, Structures, Processes, Oxford University Press, 2012.
194. Morse E., James R. The battle for energy dominance // Foreign Affairs. – 2002. – March/April.
195. Ollman B. Alienation. N.Y., 1971.
196. Orhangazi O. Financialisation and capital accumulation in the non-financial corporate sector: A theoretical and empirical investigation on the US economy: 1973–2003 // Cambridge journal of economics. – 2008. – No. 32. Pollin R. Global Outsourcing and the US Working Class // New Labor Forum. – 2007. – Vol. 16, No. 1.
197. Rashid A. Taliban. Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. – London: I.B. Tauris & Co Ltd., 2002.
198. Recommendation of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy). Council of Europe, 2009. 19 c.
199. Serra, N., Spiegel, S., and Stiglitz, J. "Introduction: from the Washington Consensus towards a new global governance" / Serra, N., and Stiglitz, J. (ed). The Washington Consensus reconsidered: towards a Global Governance. – Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 6.
200. Serra, N., and Stiglitz, J. (ed). The Washington Consensus reconsidered: towards a global governance. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
201. Talbott S. The Russia hand: A memoir of presidential diplomacy. – New York: Random House, 2002.
202. Tolios Y. Economic crisis, financial markets and Economic & Monetary Union in the EU. The Greek experience from its participation in the "euro-zone" and the question of an alternative economic policy. – Moscow: Political economy: reactualization. International theoretical conference, 2009, April 19–20th.

- 203. The Trotsky papers. 1917–1922. Vol. I. The Hague, 1964.
- 204. Volkov V. Violent Entrepreneurs: the Use of Force in the Making of Russian Capitalism. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.
- 205. Wallerstein I. World–System analysis. An introduction. Durham, NC, USA: Duke University Press, 2004.
- 206. Wedel, J. Collision and collusion. The strange case of western aid to Eastern Europe. – New York: PALGRAVE, 2001, ch. IV “A few good reformers: the Chubais clan, Harvard, and ‘economic aid’”.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Мировая политика

- ✓ *Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР.
- ✓ *Буяров Д. В.* (ред.) Современный Китай в системе международных отношений.
- ✓ *Буяров Д. В.* (ред.) Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология.
- ✓ *Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов.*
- ✓ *Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи.
- ✓ *Следзевский И. В., Саватеев А. Д.* (ред.) Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы.
- ✓ *Абашии С. Н. и др.* Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XX вв.
- ✓ *Абашии С. Н. и др.* Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в начале XX — начале XXI вв.
- ✓ *Бектимирова Н. Н.* (ред.) Политические системы стран Юго-Восточной Азии.
- ✓ *Бектимирова Н. Н., Дольникова В. А.* Альтернативные пути демократизации.
- ✓ *Бартенев В. И.* «Ливийская проблема» в международных отношениях.
- ✓ *Карпачева О. В.* История исламской оппозиции в Египте.
- ✓ *Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* Египетская смута XXI века.
- ✓ *Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* Сирия и Йемен: Неоконченные революции.
- ✓ *Бабынина Л. О.* Гибкая интеграция в Европейском союзе: Теория и практика применения.

Серия «Из наследия мировой политологии»

- ✓ *Гобсон Дж.* Империализм.
- ✓ *Гобсон Дж.* Эволюция современного капитализма: С рецензией В. И. Ленина.
- ✓ *Гобсон Дж.* Проблемы бедности.
- ✓ *Гобсон Дж.* Проблемы безработицы.
- ✓ *Яценко А. С.* Теория федерализма: Опыт синтетической теории права и государства. В 2 т.
- ✓ *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда.
- ✓ *Шмоллер Г.* Народное хозяйство: Наука о народном хозяйстве и ее методы.
- ✓ *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма.
- ✓ *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего.
- ✓ *Мануилов А. А.* Понятие ценности по учению экономистов классической школы.
- ✓ *Бланки Ж. А.* История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени. В 2 т.
- ✓ *Бейджхот У.* Естествознание и политика.
- ✓ *Галиани Ф.* Беседы о торговле зерном.
- ✓ *Джонс Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов.
- ✓ *Джонс Р.* Политическая экономия народов.
- ✓ *Росси П.* О распределении богатства в народе.
- ✓ *Молинари Г. де.* Производство и распределение богатств: Курс политической экономии.
- ✓ *Лафарг П.* Право на лень. Религия капитала.

Представляем Вам следующие книги:

URSS

Политические течения

- ✓ **Калганов А. И.** Что такое социализм? Марксистская версия.
- ✓ **Славин Б. Ф.** Социализм и Россия.
- ✓ **Славин Б. Ф.** Ленин против Сталина: Последний бой революционера.
- ✓ **Абрамсон И. Г., Славин Б. Ф. и др.** (ред.) Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин.
- ✓ **Семенов В. С.** Социализм и революции XXI века: Россия и мир.
- ✓ **Семенов В. С.** Судьбы философии в современной России.
- ✓ **Белик Ю. А.** Десять причин краха СССР.
- ✓ **Джохадзе Д. В., Косолапов Р. И.** (ред.) Сталин и современность: Великой Победе Советского народа — великое продолжение.
- ✓ **Калинин Л. А.** Интервью со Сталиным.
- ✓ **Барский Л. А.** Сталин: Портрет без ретуши.

- ✓ **Кокошин А. А.** Россия и международная безопасность в космосе.
- ✓ **Иванов С. Б.** Обеспечение национальной безопасности как необходимое условие развития России.
- ✓ **Гобозов И. А.** Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация?
- ✓ **Малинецкий Г. Г.** (ред.) Синергетика: Будущее мира и России.
- ✓ **Малинецкий Г. Г.** Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее.
- ✓ **Малинецкий Г. Г.** Будущее России. Вызовы и проекты: История. Демография. Наука. Оборона.
- ✓ **Малинецкий Г. Г.** (ред.) Будущее и настоящее России в зеркале синергетики.
- ✓ **Богатуров А. Д.** (ред.) Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения.
- ✓ **Дзарасов Р. С.** Пятидневная война на Кавказе: События и размышления.
- ✓ **Дынкин А. А., Иванов И. С.** Евроатлантическое пространство безопасности.
- ✓ **Кислицын С. А.** Контроллиты, оппозиции и фронды в политической истории России.
- ✓ **Капто А. С.** Пакт Молотова—Риббентропа: мистификации или реальность?

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«НАУКУ — ВСЕМ!» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
 «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, (495) 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладоской» (м. Бауманская, ул. Ладоская, 8, стр. 1. Тел. (495) 267-0302)
 «Санкт-Петербургский Дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
 «Нижний бум» (г. Киев, книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8 (павильон «АкадемКнига»). Тел. +38 (067) 273-5010)
 Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валена, 12. Тел. (343) 253-5010)

Тел./факс:

+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:

URSS@URSS.ru
http://URSS.ru

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- ✓ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал.
  - ✓ Бузгалин А. В. Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья.
  - ✓ Бузгалин А. В. (ред.) Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма).
  - ✓ Бузгалин А. В. (ред.) Ленин online: 13 профессоров о В. И. Ульянове-Ленине.
  - ✓ Бузгалин А. В. Ренессанс социализма.
  - ✓ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
  - ✓ Бузгалин А. В. (гл. ред.) Альтернативы: Теоретический и общественно-политический журнал.
  - ✓ Бузгалин А. В. (гл. ред.) Экономико-философские тетради. Вып. 1, 2.
  - ✓ Бузгалин А. В. (ред.) Глобализация сопротивления: борьба в мире.
  - ✓ Бузгалин А. В. (ред.) СССР. Незавершенный проект.
-
- ✓ Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года.
  - ✓ Аллисон Г. Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа.
  - ✓ Солано В. Против Франко, против Сталина: Рабочая партия марксистского единства (ПОУМ) в испанской революции и гражданской войне (1936–1939).
  - ✓ Нил Дж. Глобальное потепление: Как остановить катастрофу?
  - ✓ Раквиашвили А. А. Человек, государство и демократия.
  - ✓ Акаев А. А., Кортаев А. В., Малинецкий Г. Г. (ред.) Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики.
  - ✓ Осипов Г. В. (ред.) Глобальный кризис западной цивилизации и Россия.
  - ✓ Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: История модернизации на Западе и в СССР.
  - ✓ Осипов Г. В., Кара-Мурза С. Г. Общество знания: Переход к инновационному развитию России.
  - ✓ Валлерстайн И. После либерализма.
  - ✓ Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел. +7 (499) 724–25–45 (многоканальный)
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература